Достоевский

И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

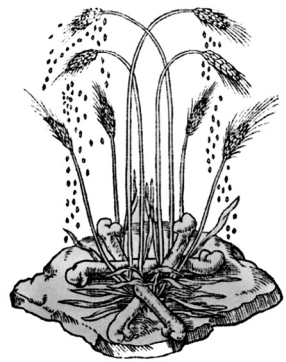
филологический журнал

Жаль еще тоже, что детям теперь так все облегчают – не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни се, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное.

Что устрицы, пришли? О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать...

Вот эта-то “обжорливая младость” (единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой) – вот эта-то обжорливая младость из чего-нибудь да делается же? Скверная младость и нежелательная, и я уверен, что слишком облегченное воспитание чрезвычайно способствует ее выделке; а у нас уж как этого добра мно

#4/2025



ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА. Филологический журнал. — 2025. № 4 (32)
М.: ИМЛИ РАН, 2025. —484 с.

Основан в 2018 г. Выходит 4 раза в год

Редакция: 121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел.: +7 495 690-50-30
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Фотография: Ф.М. Достоевский. Фото К. Шапиро. Петербург, 1879 г.

Обложка: Композиция Дарьи Тихомоловой на тему рекламных листков "желтой этикетки" "Вдовы Клико"

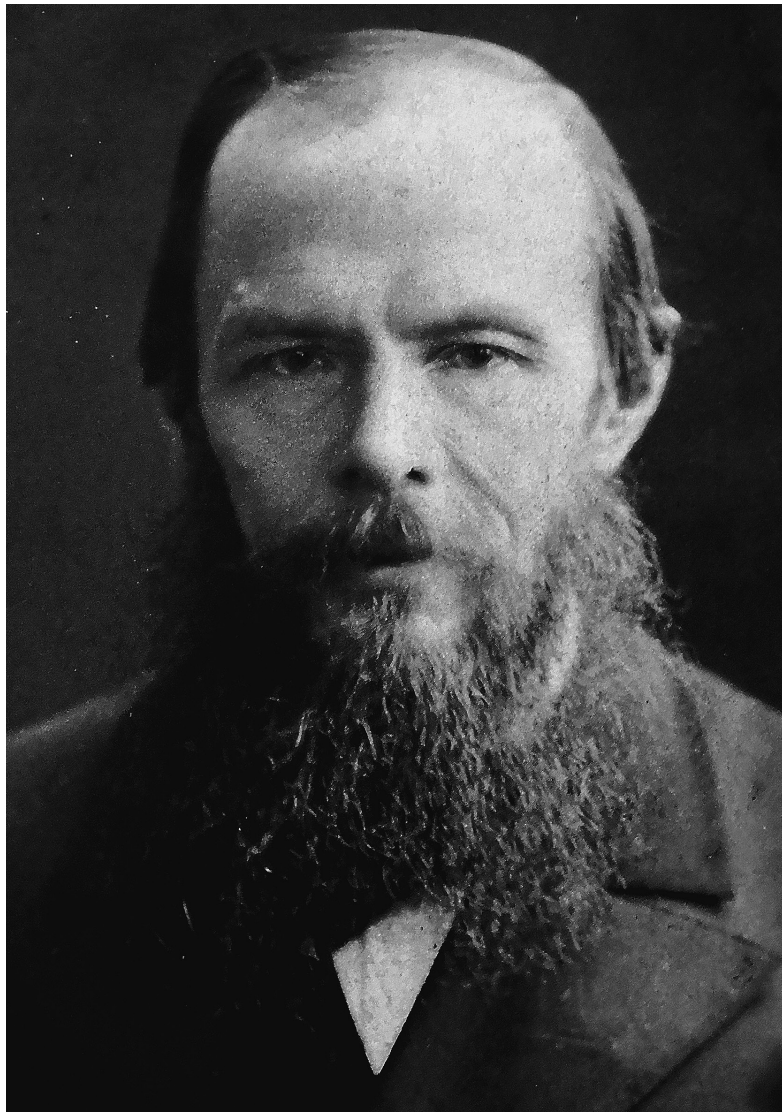
DOSTOEVSKY AND WORLD CULTURE. Philological journal. — 2025. No. 4 (32)
Moscow, IWL RAS, 2025. — 484 p.

Founded in 2018. Quarterly edition

Editorial office: Povarskaya 25A, bld 1, 121069 Moscow
Tel.: +7 495 690-50-30
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Picture, right: F.M. Dostoevsky. Photo by K. Shapiro. Petersburg, 1879

Front cover: A composition by Daria Tikhomolova on the theme of the advertising for the Veuve Clicquot Yellow Label



Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

DOSTOEVSKY and WORLD CULTURE

Philological journal

No. 4/2025

Moscow

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДОСТОЕВСКИЙ
и
МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Филологический журнал

№ 4/2025

Москва

Dostoevsky and World Culture. Philological journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, 2025. – No. 4. – 484 p.
ISSN 2619-0311 (Print)
ISSN 2712-8512 (Online)

Founded in 2018. Quarterly edition

Editors

Tatiana Kasatkina (Editor-in-Chief)
Nikolay Podosokorsky (First Deputy Editor-in-Chief)
Tatiana Magaril-Il'iaeva (Deputy Editor-in-Chief)
Caterina Corbella (Executive Secretary)

Editorial Board

Valentina Borisova, Fyodor Dostoevsky's Memorial Apartment, Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Moscow)
Olga Bogdanova, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Pavel Fokin, Fyodor Dostoevsky's Memorial Apartment, Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Moscow)
Anastasia Gacheva, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Maria Candida Ghidini, University of Parma (Italy)
Tatyana Kovalevskaya, Russian State University for the Humanties (Moscow)
Alexander Krinitsyn, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Olga Meerson, Georgetown University (USA)
Natalia Tarasova, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS (St. Petersburg)
Vadim Polonsky, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Liudmila Saraskina, State Institute of Art Studies (Moscow)
Olga Sedelnikova, Tomsk National Research State University (Tomsk)
Vladimir Viktorovich, State Social and Humanitarian University (Kolomna)
Olga Yuryeva, Irkutsk State University (Irkutsk)
Zhang Biange, Beijing International Studies University (Beijing, China)

International Editorial Council

Carol Apollonio, Duke University (Durham, USA)
Vsevolod Bagno, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS (St. Petersburg)
Dmitry Bak, Director of the State Literature Museum (St. Petersburg)
Giuseppe Ghini, University of Urbino (Urbino, Italy)
Aleksey Dostoevsky, Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg)
Caryl Emerson, Princeton University (New Jersey, USA)
Natalya Kornienko, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Katalin Kroo, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)
Alexander Kudelin, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Rizuko Kidera, Kyoto Sangyo University (Kyoto, Japan)
Marina Shcherbakova, A.M. Gorky Institute of World Literature RAS (Moscow)
Enisa Uspenskaya, University of Arts (Belgrade, Serbia)
Valentina Vetlovskaya, Institute of Russian Literature RAS (Moscow)
Igor Volgin, Dostoyevsky Fund (Moscow)

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2025. – № 4. – 484 с.
ISSN 2619-0311 (Print)
ISSN 2712-8512 (Online)

Основан в 2018 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Татьяна Александровна Касаткина (главный редактор)
Николай Николаевич Подосокорский (первый заместитель главного редактора)
Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева (заместитель главного редактора)
Катерина Корбелла (ответственный секретарь)

Редколлегия

Ольга Богданова, ИМЛИ РАН (Москва)
Валентина Борисова, Музей-квартира Ф.М. Достоевского, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва)
Владимир Викторович, Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)
Анастасия Гачева, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)
Мария Кандида Гидини, Пармский университет (Италия)
Татьяна Ковалевская, Российский государственный гуманитарный унивеситет (Москва)
Александр Криницын, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
Ольга Меерсон, Джорджтаунский университет (США)
Вадим Полонский, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)
Людмила Сараскина, Государственный Институт искусствознания (Москва)
Ольга Седельникова, Институт социально-гуманитарных технологий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (Томск)
Наталья Тарасова, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Павел Фокин, Музей-квартира Достоевского, Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва)
Ольга Юрьева, Иркутский государственный университет (Иркутск)
Чжан Бяньгэ, Второй Пекинский университет иностранных языков (Пекин, КНР)

Международный редакционный совет

Кэрол Аполлонио, Дьюкский унивеситет (Дарем, США)
Всеволод Багно, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Дмитрий Бак, Государственный литературный музей (Москва)
Валентина Ветловская, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Игорь Волгин, Фонд Достоевского (Москва)
Джузеппе Гини, Университет Урбино (Урбино, Италия)
Алексей Достоевский, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Наталья Корниенко, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)
Каталин Кроо, Университет имени Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)
Александр Куделин, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)
Кидэра Рицуко, Университет Киото сангё (Киото, Япония)
Эниса Успенская, Университет художеств (Белград, Сербия)
Марина Щербакова, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)
Кэрил Эмерсон, Принстонский университет (Нью-Джерси, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Касаткина (Москва)
Достоевский: история и аналитика. *От редактора* 12

ГЕРМЕНЕВТИКА. МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна Магарил-Ильяева (Москва)
Путь к обновлению: мотив выхода из города
(«Петербургская летопись» и «Белые ночи» Ф.М. Достоевского) 35

Катерина Корбелла (Москва)
«С чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику»:
Шекспир в «Бесах» Ф.М. Достоевского 58

ПОЭТИКА. КОНТЕКСТ

Николай Подосокорский (Великий Новгород)
«Славное, сударь, времечко было!» Наполеоновские войны
и образ партизана Фигнера
в рассказе Ф.М. Достоевского «Отставной» 79

Ольга Деханова, Михаил Деханов (Москва)
Скверный анекдот с шампанским 144

ЯЗЫК ДОСТОЕВСКОГО

Яков Тестелец (Москва)
Языковые эксперименты в «Бесах» 167

ДОСТОЕВСКИЙ В XX-XXI ВЕКЕ

Эниса Успенская (Белград, Сербия)
«Кроткая» Ф.М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича..... 205

АРХИВ

Петр Дружинин (Москва)
Из истории изучения Ф.М. Достоевского в 1920-е годы:
К столетию организации Группы по изучению творчества
Достоевского в ИЛЯЗВ 232

Мадина Каюмова, Татьяна Панюкова (Петрозаводск)
Хранитель семейного архива
(А.А. Достоевский по архивным документам) 277

БИОГРАФИЯ. КОММЕНТАРИЙ

Валентина Борисова (Москва)
Какие издания Нового Завета читал и цитировал Достоевский?
Эдиционный и текстологический аспекты изучения
присутствия Нового Завета в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского..... 350

Алексей Козлов, Валерия Кириченко (Новосибирск)
«Заря» В.В. Кашпирева (1869–1872):
история журнала и роспись содержания 375

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Татьяна Касаткина (Москва)
Обзор VI Международной научной онлайн-конференции
из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»:
Достоевский: малые формы, 3–5 марта 2025 года..... 418

IN MEMORIAM

Николай Подосокорский (Великий Новгород)
Памяти Татьяны Михайловны Горичевой (1947–2025) 468

CONTENTS

Tatiana Kasatkina (Moscow)
Dostoevsky: History and Analytics. *From the Editor* 12

HERMENEUTICS. SLOW READING

Tatiana Magaril-Il'iaeva (Moscow)
Path to Renewal: The Motif of Leaving the City
("Petersburg Chronicle" and *White Nights* by Fyodor Dostoevsky) 35

Caterina Corbella (Moscow)
"She Read the Immortal Chronicle with Extreme Attention":
Shakespeare in Dostoevsky's Novel *Demons* 58

POETICS. CONTEXT

Nikolay Podosokorsky (Veliky Novgorod)
"Those Were Glorious Times, Sir!" The Napoleonic Wars
and the Image of the Partisan Figner in Dostoevsky's
Short Story "The Demobbed" 79

Olga Dekhanova, Mikhail Dekhanov (Moscow)
A Nasty Story with Champagne 144

DOSTOEVSKY'S LANGUAGE

Yakov Testelets (Moscow)
Language Experiments in the Novel *Demons* 167

DOSTOEVSKY IN THE 20TH–21ST CENTURY

Enisa Uspenski (Belgrade)
"The Meek One" by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić 205

ARCHIVE

Petr Druzhinin (Moscow)
From the History of Dostoevsky Studies in the 1920s:
On the Centenary of the Founding
of the Dostoevsky Research Group at ILYAZV 232

Madina Kayumova, Tatiana Panyukova (Petrozavodsk)
Keeper of the Family Archive
(Andrei A. Dostoevsky According to Archival Documents) 277

BIOGRAPHY. COMMENTARY

Valentina Borisova (Moscow)
Which Editions of the New Testament Did Dostoevsky Read
and Quote? Editorial and Textual Issues in Research
on the Presence of the New Testament in Dostoevsky's Life and Work 350

Alexey Kozlov, Valeriia Kirichenko (Novosibirsk)
Zarya (1869–1872): History of the Magazine
and an Index of Its Contents 375

REVIEWS. SUMMARIES

Tatiana Kasatkina (Moscow)
Summary of the 6th International Online Conference in the Series:
Dostoevsky: Current State of Research: Dostoevsky: Short Forms,
March, 3rd–5th 2025 418

IN MEMORIAM

Nikolay Podosokorsky (Veliky Novgorod)
In Memory of Tatiana Mikhailovna Goricheva (1947–2025) 468

https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34
https://elibrary.ru/UGQONR

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Достоевский: история и аналитика. От редактора // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 12–34.
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34

Достоевский: история и аналитика. *От редактора*

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, 23 сентября 2025 года перешла предел этой жизни Татьяна Михайловна Горичева, философ, писатель, социальный преобразователь, человек, любивший Достоевского, показывавший его таким, каким он был в глубине, но главное — живший по нему. Она зарабатывала годами огромные деньги — и ничего не скопила, все отдавая людям, начинающим и развивающим социальные проекты, восстанавливающим храмы, нуждающимся — или даже просто желавшим поживиться на ее счет[1]. Приглашала на свои (в какой-то момент — уже скудные) средства в Париж нищую тогда интеллектуальную элиту России, потому что «русские интеллектуалы должны видеть Париж». Спасала попавших в беду животных, потому что любила — и потому, что они наши безгрешные братья и «с ними Христос еще раньше нашего» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 268]. Иногда выглядела надменной — когда говорила те слова, коих считала себя не властелином, но слугой, рупором, герольдом, и как герольд обеспечивала им торжественное звучание. Часто выглядела открытой и смущенной — когда говорила как бы от себя. Почему-то про нее не выговаривается «умерла». Она —

[1] Напомню, как Достоевский описывал отношение к деньгам главного героя своего итогового романа: «Алексей непременно из таких юношей вроде как бы юродивых, которому попади вдруг хотя бы даже целый капитал, то он не затруднится отдать его, по первому даже спросу, или на доброе дело, или, может быть, даже просто ловкому пройдохе, если бы тот у него попросил» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 20]. Такое отсутствие подозрительности к свидетельству человека о своей нужде наглядно демонстрирует высоту точки обзора благодетеля: просящий и вымогающий, даже если у него всего очень много, потому и вымогает, что не может заполнить огромную дыру в своей душе теми благами, которыми он пытается ее завалить. По-человечески — его алчность нужно ограничить. Но душа божественная сострадает, видя такой ненасытимый голод — и отдает не потому, что обманута, но потому что слишком остро ощущает невнятную другим неизбывную нужду того, у кого как бы «все есть».

ожила, я думаю. И смотрит сейчас вокруг с прежней — и большей — приветственной радостью и неуемным интересом, с которыми прожила всю здешнюю жизнь. Добрый путь тебе, дорогая! Тебе и там, за порогом, будет много дела.

Посвященный ей некролог, написанный Николаем Подосокорским, мы публикуем в **рубрике «In memoriam»**.

1–3 октября прошла последняя в этом году конференция нашего Центра — III международная онлайн-конференция «Книга в книге», посвященная памяти великого русского филолога Александра Викторовича Михайлова. На ней были сделаны 59 докладов участниками из 5-ти стран (России, Германии, Нидерландов, Сербии и Хорватии) и 19-ти российских регионов (Алтайского края, Владимирской области, Волгоградской области, Дагестана, Краснодарского края, Крыма, Москвы, Нижегородской области, Новгородской области, Новосибирской области, Пермского края, Псковской области, Санкт-Петербурга, Самарской области, Саратовской области, Свердловской области, Томской области, Хакасии, Ярославской области). Это ежегодная конференция, всегда проходящая в этих числах, так что желающим принять в ней участие можно уже начинать готовиться к следующему году. Конференция собирается вокруг теоретической проблемы присутствия книг ***как прямо упомянутых автором или героями, а также созданных героями*** текстов — и как ***материальных предметов, участвующих в сюжете,*** в произведениях мировой литературы и культуры[2]. Тех, кто будет присылать заявки на участие в конференции, мы очень просим обратить внимание на выделенные формулировки, потому что несоответствие им предлагаемой темы с немалой вероятностью послужит причиной для отказа в участии.

VII международная онлайн-конференция нашего Центра, посвященная **современному состоянию изучения творческого наследия Достоевского**, вторая конференция, посвященная исследованию малых форм: **«Достоевский: малые формы II»**, запланирована на 28 февраля–2 марта 2026 года. Первая (VI международная) конференция по малым формам собрала ученых из разных регионов

[2] Обзор предыдущей конференции «Книга в книге» см.: [Подосокорский, 2024]. Краткий отчет и полные видеозаписи конференции 2025 года можно посмотреть здесь: https://dostmirkult.ru/ru/konferentsii/1306-otchet-o-iii-mezhdunarodnoj-nauchnoj-onlajn-konferentsii-kniga-v-knige-posvyashchennoj-pamyati-aleksandra-viktorovicha-mikhajlova-1938-1995-1-3-oktyabrya-2025

России, а также из США, Японии, Греции, Сербии, Азербайджана. На ней были сделаны 40 докладов, посвященных как теории малых форм, так и конкретному анализу произведений малой формы в творчестве Достоевского, проведен заключительный круглый стол «Что мы можем сказать о теории и классификации малых форм по результатам конференции». Подробный аналитический обзор конференции (как докладов, так и идей, высказанных в обсуждении), сделанный мной, с полным теоретическим установочным докладом и ссылками на видеозаписи конференции и круглого стола мы публикуем в **рубрике «Рецензии, обзоры»**. Желающим принять участие в конференции по малым формам 2026 года будет полезно с ним ознакомиться.

На апрель 2026 года (точные числа будут известны позже) запланированы XXVIII Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» — наша обучающая конференция для исследователей всех возрастов и всех уровней квалификации, проводимая очно в Старой Руссе в сотрудничестве со старорусскими музеями Достоевского (филиалами Новгородского музея-заповедника). Заочное участие предусмотрено только для иностранных исследователей, не имеющих возможности приехать по объективным причинам. На эту конференцию можно также присылать заявку на участие без доклада, в качестве слушателя и участника обсуждения и круглых столов (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их вклад в общую научную и учебную работу на конференции. В 2026 году чтения состоятся вокруг повести «Хозяйка» — это произведение обязательно к прочтению всеми участниками конференции для обеспечения возможности участия в обсуждениях и круглых столах. Однако свои доклады участники могут подготовить также и по другим произведениям Ф.М. Достоевского.

В 2021–2025 годах вышло большое число изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству, его времени, его кругу общения. Они пока далеко не полностью освоены научным сообществом, недостаточно включены в научный контекст. Мы готовы предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий (в том числе — критических и полемических) на вышедшие в 2021–2025 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

Мы с большой радостью поздравляем нашего постоянного автора Петра Александровича Дружинина, ставшего лауреатом одной из главных книжных премий года — профессиональной гуманитарной и книгоиздательской премии «Книжный червь» — в номинации «Якоря памяти». Церемония вручения состоялась 26 ноября 2025 года.

В этом номере в **рубрике «Герменевтика. Медленное чтение»** публикуется статья Татьяны Магарил-Ильяевой, посвященная трансформирующей функции мотива «выход из города» в ранних произведениях Достоевского. Анализируя этот повторяющийся мотив на фоне определения того, что такое «новое» и «новость» в фельетонах писателя, исследовательница показывает, что новое для Достоевского — это способность увидеть то, что видят все, так, как этого никто кроме тебя не видит; сказать о том, на что смотрят все, своими словами: то есть новизна заключается не в предмете, а во взгляде. И вот выход героя из города перестраивает его зрение, дарует ему способность видеть истинно новое (даже если герой не может удержаться в этом видении): мир, не ограниченный «насущным видимо-текущим», не скованный и не разделенный границами индивидуумов, открытый братскому общению; мир, распахнутый за свои трехмерные пределы, в которых создается и в которых только и может существовать непроницаемая, ограничивающая дух материальность.

Попутно она, на мой взгляд — предельно внятно, показывает, почему спорный фельетон от 13 апреля 1847 года не имеет своим автором Достоевского.

Вторая статья рубрики, пера Катерины Корбеллы, описывает шекспировский подтекст «Бесов», за счет ряда прямых, внезапных для читателя и, на первый взгляд, малообоснованных (и потому поражающих и удерживающих внимание) отсылок становящийся почти сплошным. Раскрывается его функциональность как движителя сюжета и комментария к глубинным смыслам действий и состояний персонажей (особенно к теме самозванства), как проявителя нюансов авторской мысли; его аксиологическая роль в романе. Нужно отметить удивительно точное (и в этом качестве не единственное), порождающее многие следствия (касающиеся характера выстраивания Достоевским супратекстовых структур своих романов посредством выбора «опорных» книг) — и неожиданное (хотя после указания на него ощущающееся как очевидное) — высказывание исследовательницы о том, что самым шекспировским текстом До-

стоевского оказывается именно тот, что наиболее явно укоренен в историко-политическом процессе — в силу того, очевидно, что, по словам исследовательницы, Шекспир показывает, как процесс ***личного преображения*** влияет на исторический и политический процесс в стране.

Публикуемая в **рубрике «Поэтика. Контекст»** статья Николая Подосокорского посвящена рассказу «Отставной» — и это первое в истории достоевистики специальное большое исследование произведения, входившего в диптих «Рассказы бывалого человека», а затем, при переработке ранних рассказов для собрания сочинений 1860 года, как бы *растворившегося* в «Честном воре». *Остаток*, в «Честного вора» не вошедший, печатается в академических собраниях сочинений в «Вариантах прижизненных изданий» к «Честному вору». Автор рассматривает «Отставного» в его первоначальном виде, как цельное, самостоятельное и *оригинальное* произведение, в аспекте отображения Наполеоновских войн в творчестве Достоевского, в современном первоначальному рассказу (а не его позднейшей переработке) литературном, культурном и жизненном контексте.

Вторая статья рубрики — пера Ольги и Михаила Дехановых — представляет собой увлекательнейшее погружение в историю шипучих вин, и прежде всего — шампанского; погружение, удивительно много открывающее в произведениях Достоевского, главным образом — в «Скверном анекдоте», но далеко не только в нем.

Так, описанное в статье «правило трех бокалов» позволяет и через эту деталь увидеть, что в ходе своего дня рождения обычно не пьющая вина Настасья Филипповна обдуманно и намеренно ставит себя на грань — или, вернее, выводит себя за грань измененного состояния сознания[3], чтобы смочь вступить на путь радикального

[3] «— Господа, не хотите ли пить шампанское, — пригласила вдруг Настасья Филипповна. — У меня приготовлено. Может быть, вам станет веселее. Пожалуйста, без церемонии. Предложение пить, и особенно в таких наивных выражениях, показалось очень странным от Настасьи Филипповны. Все знали необыкновенную чинность на ее прежних вечерах. Вообще вечер становился веселее, но не по-обычному. <…> В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечером выпьет три бокала, в ее истерическом и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь. Одни подозревали в ней лихорадку; стали наконец замечать, что и она как бы ждет чего-то сама, часто посматривает на часы <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 119].

выхода за пределы, на одном уровне прочтения, той социальной страты, к которой она приговорена пожизненно чужим грехом, над ней совершенным, а на другом уровне прочтения — той клетки мира, за пределы которой дано выходить князю Мышкину в минуту перед припадком. Она простоит на этой страшной грани весь роман — и именно поэтому предстанет сходящему в долину горизонтальной жизни и оглядывающемуся назад Мышкину в его видении «на цепи, за железною решеткой, под палкой смотрителя» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 289]. Те, для кого мир *естественное* место обитания, устраиваются в нем уютно, клеткой и цепью он становится только для тех, кто решился на выход.

Таким образом, «правило трех бокалов» становится в этом (и не только в этом) случае в позднем творчестве Достоевского неким аналогом-антонимом[4] «выхода из города» в ранних текстах.

В **новой рубрике журнала «Язык Достоевского»** публикуется в высшей степени эвристичная для литературоведов, содержащая интереснейшие наблюдения статья лингвиста Якова Тестельца, посвященная своеобразию языка двух персонажей романа «Бесы»: неграмматической речи Кириллова и капитана Лебядкина.

Надо заметить, что неграмматичность речи в «Бесах» свойственна далеко не только означенным персонажам (и далеко не только русской речи). Так фон Лембке «свой собственный племенной язык знал <...> весьма неграмматически» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 242], в четырех строчках записки молоденького самоубийцы «нашлось три грамматических ошибки» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 255], Marie бросит Шатову: «Грамматики не знаете» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 441]. На первый взгляд, можно констатировать, что непорядок, шатание, разруха в мире сопровождается разрухой и в языке. Интересно, однако, что Шатов возразит Марье: «Это в духе языка, Marie». Я думаю, это возражение годится не только для оправдания одного конкретного высказывания. Неграмматичность, как ни странно, в иных случаях способна резко повышать суггестивность, сгущенность, смысловую и/или эмоциональную насыщенность речи: корявые стянутые фразы Кириллова стоят философских

[4] Хотя, впрочем, мотив выхода за город антиномичен и сам в себе. Выход за город дарует новый взгляд — а что удастся с его помощью увидеть — зависит от сущности того, кому этот взгляд дарован, и — более очевидно — от точки на круге времени: так весна в «Белых ночах» и осень в «Хозяйке» производят очень разное действие на отверзающую внутренние очи душу героя.

трактатов[5], мелкие стишки Лебядкина разверзают эмоциональные бездны. А вот стертая *избыточная* речь Петруши Верховенского, как и плоская, прямолинейная, однoплановая, проговаривающая все до буквы «Светлая личность» (полагаю, все же его, а не Лебядкина, как предполагает Тестелец, авторства, на что почти прямо указано в романе) — это совсем другая история.

Приведу один пример, в котором очевидно, как грамматическая неправильность дает смысловую насыщенность — и как этого не видно из лингвистической парадигмы, но при этом именно благодаря ей становится видно из парадигмы иной. Автор пишет: «Однако большинство случаев спонтанного эллипсиса у Кириллова не только противоречат нормам литературного языка, но и вряд ли возможны в разговорной речи, где ограничения слабее. Например, Кириллов сокращает глагол-связку (43) или совпадающий с ним бытийный глагол (44) в контекстах, где такое сокращение недопустимо:

(43) *Тут всё пустяки, потому что Лебядкин ~~был~~ пьян* [92].

(44) *Я открывал глаза и не верил, потому что ~~было~~ очень хорошо* [188].

Отсутствие выраженного глагола воспринимается как форма настоящего времени, то есть Лебядкин пьян и переживание, описанное в (44), происходит в момент речи Кириллова, — чего он не имеет в виду» [Тестелец, 2025, с. 175].

Однако оба предложения в отсутствие глагола не начинают восприниматься как форма *настоящего* времени — они начинают восприниматься как выход за пределы времени, как форма *всегда*. В первом предложении это очевиднее, поскольку его можно понять как просто констатацию длительности и стабильности во времени. Нужное слово здесь легко подставить: «Тут все пустяки, потому что Лебядкин *всегда* пьян». Во втором предложении это менее очевидно, поскольку и по смыслу оно означает то «всегда», которое ***неизменно за пределами времени***, а вот выходить в эту неизменность из течения времени герою удается только *моментами*, один из которых здесь и описывается — и он логично маркирован прошедшим временем. Это вечно и неизменно существующее, но не всегда доступное

[5] Автор, однако, утверждает: «Меньше всего нарушений наблюдается в трех отрывках в заключительных сценах (10–11), где Кириллов говорит с воодушевлением и дает себе труд договаривать предложения до конца» [Тестелец, 2025, с. 171]. Так что, думаю, здесь открывается простор для исследования и проверки разных гипотез о функциях неграмматической речи у Достоевского.

«всегда» — и, пожалуй, выразить это состояние *временного* выхода в ту область, где время не течет, можно только неграмматически. Вообще, из сопоставления восстанавливаемых автором грамматически приемлемых предложений и эллипсисов Кириллова изумительно видно, насколько Кириллов *не то* говорит, что *в принципе может быть* таким образом восстановлено.

В **рубрике «Достоевский в XX–XXI веке»** представлена статья Энисы Успенской, построенная на сопоставлении рассказа «Злоупотребление» Иво Андрича с «Кроткой» Достоевского. Сопоставление проведено в духе рассмотрения обоих произведений как социальных драм, в феминистской перспективе, через призму «женского вопроса», что, возможно, вполне справедливо для Андрича, но раскрывает лишь один уровень текста Достоевского, не случайно же назвавшего «Кроткую» фантастическим рассказом[6]. Однако этот уровень раскрыт в работе скрупулезно, и — отчасти благодаря именно сопоставлению — в «Кроткой» замечено нечто не очевидное при рассмотрении иными способами и в других ракурсах.

Первый материал **рубрики «Архив»** — работа Петра Дружинина, посвященная публикации неизвестных материалов об изучении творчества Ф.М. Достоевского в Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) в 1920-е годы. Автор обращает внимание на то, что изучение Достоевского в ИЛЯЗВ не было лишь частной деятельностью отдельных его сотрудников — оно было институциализировано, хотя особая группа по изучению творчества Ф.М. Достоевского, возглавляемая В.Л. Комаровичем, просуществовала недолго. Из разрозненных упоминаний в разных документах автор сформировал список подготовленных и/или сделанных докладов о Достоевском в ИЛЯЗВ из 24 позиций. Как всегда в подаче Дружинина, интересен и трогает человеческий уровень открывающихся новых документов: сведений о достоевистах, участвовавших в работе ИЛЯЗВ, и особенно — об аспирантах, уровень подготовки которых и серьезность выполняемых ими работ впечатляют, тем более — на фоне переживаемых бытовых сложностей.

Язык служебных документов иногда оказывается чрезвычайно разоблачителен по отношению к научным установкам и методикам, которые в публичном поле описываются гораздо более учтивым по

[6] Автор в конце статьи и сама говорит о выходе рассказа Достоевского на онтологический уровень.

отношению к исследуемому материалу языком. Вот пример из отзыва профессора Е.А. Боброва о работе Б.Г. Реизова: «Общею задачею книги является желание пересмотреть всю литературную деятельность Достоевского с точки зрения влияний на него Запада — задача, которой доныне почти не занимались. Кое-какие результаты уже получились. Большую часть романа “Униженные и Оскорбленные” ***удалось свести на контаминацию*** двух романов Жорж Санд» [Дружинин, 2025, с. 262]. К сожалению, в области исследования «влияний» до сих пор задача не только решается — но зачастую и ставится именно таким образом: показать, что данное произведение представляет собой не более чем контаминацию нескольких других. Между тем, произведением, которое ***действительно*** поддавалось бы подобной операции, незачем заниматься и его ни к чему читать. Кроме того, нужно учесть, что для Достоевского в максимальном числе случаев срабатывает принцип «похоже — значит не *то же*, но *иное* или *противоположное*» (подробнее см.: [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024, с. 18–19]). Достоевский чаще всего обозначает сходство для того, чтобы от него оттолкнуться, а не чтобы его воспроизвести. И если мы обнаруживаем в его текстах действительное сходство структурных элементов с каким-либо произведением, то дальше необходимо поставить вопрос ***о значении этих элементов в составе целого.*** То есть обнаружение очевидного сходства — это ***начало***, а не конец исследования, в то время, как во множестве исследований оно слишком часто становится именно концом.

Второй материал рубрики — написанная с привлечением архивных материалов статья Татьяны Панюковой и Мадины Каюмовой о жизни и неустанной службе родной стране и прославленному роду племянника Достоевского, Андрея Андреевича Достоевского (1863–1933), и составленная ими роспись его архива.

В объединенной **рубрике «Биография. Комментарий»** печатается статья Валентины Борисовой, посвященная евангельскому тексту в произведениях Достоевского: автор сосредоточивает внимание на том, на каких языках Достоевский читал Библию и какие именно переводы на русский язык Нового Завета использовал при цитировании, а также на эпизодах явления в произведениях Достоевского Нового Завета как книги, то есть — материального предмета. Из соположения автором некоторых фактов становится видно неожиданное: например, то, что Достоевский почти не имел

шансов встретиться с русским Евангелием вплоть до 1860-х годов, не попади он на каторгу, поскольку изъятый из продажи Новый Завет 1823 года продолжал распространяться (и даже специально для этого допечатывался) только в тюремной системе. Автор, справедливо возражая давней статье о. Николая Балашова[7] и поправляя комментарий ПСС в 30 т. делает иногда, в свою очередь, некоторые поспешные и не вполне точные заявления, которые, тем не менее, могут навести нас на важные выводы. Например, утверждая, что Мармеладов в своей фразе: «Прощаются же и теперь грехи твои мнози» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 21], — цитирует именно церковнославянский текст, автор упускает из виду, что здесь перед нами ***контаминация*** церковнославянского текста и текста Евангелия 1823 года: «***прощаются*** грехи ея многие» (Евангелие 1823 года) и «отпущаются греси ея ***мнози***» (церковнославянский). Из чего можно заключить, что Достоевский, обращаясь к евангельскому тексту, не ***цитирует*** каждую фразу по конкретному изданию (как он делает, если речь идет о цитатах большого объема, и тогда в некоторых случаях поправляя не слишком удачный перевод), а записывает ее ***по памяти***, в которой наиболее точным по смыслу, нужному ему в конкретном тексте, образом соединяются варианты разных переводов. Это, впрочем, согласуется и с конечным выводом автора статьи.

Валентина Борисова полагает, что замена в эпилоге «Бесов» цитирования Апокалипсиса в журнальном варианте по изданию 1823 года на цитирование в отдельном издании синодального перевода (1863) не является технической подробностью, объясняемой условиями корректуры, как считает ряд авторов, но осуществляется Достоевским целенаправленно как исправление неточности журнального варианта, поскольку книгоноши распространяли именно синодальное издание, — и, думаю, здесь с автором нельзя не согласиться.

[7] Которой, на мой взгляд, не стоило бы придавать такого значения — это статья молодого и неопытного тогда автора, склонного к слишком поспешным обобщениям и малоосновательным, но зато глобальным выводам. Но, с другой стороны, без должного обсуждения она остается в научном обиходе в качестве предлагающей ряд неоспориваемых общих положений, на которые поэтому могут без сомнений опираться неспециалисты, так что, привлекая к этим положениям внимание и показывая их неточность, Валентина Борисова делает нужное дело.

Авторы второй статьи рубрики, Алексей Козлов и Валерия Кириченко, рассматривают обстоятельства, приведшие к снижению подписки и быстрому прекращению издания журнала «Заря», мозговым центром и определителем политики которого был Н.Н. Страхов. К статье прилагается роспись всех номеров журнала.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 12 400 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным или полужирным курсивом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение трех месяцев.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Из истории изучения Ф.М. Достоевского

в 1920-е годы: К столетию организации Группы по изучению творчества Достоевского в ИЛЯЗВ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 232–276. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

3. Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024 — *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7

4. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Обзор II международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), 1–3 октября 2024 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 254–266. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266

5. Тестелец, 2025 — *Тестелец Я.Г.* Языковые эксперименты в «Бесах» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 167–204. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

Dostoevsky: History and Analytics
From the Editor

Esteemed Colleagues, Dear Readers,

on September 23, 2025, Tatyana Mikhailovna Goricheva crossed the limit of this life. She was a philosopher, writer, social reformer, a woman who loved Dostoevsky and understood him deeply, and most importantly, lived by his teaching. She had been earning a lot of money for years and saved nothing, giving everything to people who were starting and developing social projects, restoring churches, those in need, or even just those who wanted to profit from her generosity[1]. She invited the then impoverished intellectual elite of Russia to Paris with her (at some point, already meagre) funds, because "Russian intellectuals should see Paris." She saved animals in distress because she loved them and because they are our sinless brothers and "Christ has been with them before us" [Dostoevsky, 2009]. Sometimes, she seemed arrogant when she spoke, because she considered herself not a ruler, but a servant, a mouthpiece, a herald, and as a herald provided a solemn tone to her words. Yet, when she spoke from her own thoughts, she often looked open and vulnerable. For some reason, I cannot say "dead," thinking of her. She's alive, I think. And now she looks around with the same—and greater—welcoming joy and irrepressible interest with which she lived her entire life here. Good way to you, dear! You'll have a lot to do there, too.

We publish an obituary dedicated to her, written by Nikolai Podosokorsky, under the heading "**In memoriam**."

[1] I remind how Dostoevsky described the attitude towards money of the main protagonist of his last novel: "Alyosha was one of those youths, almost of the type of religious enthusiast, who, if they were suddenly to come into possession of a large fortune, would not hesitate to give it away for the asking, either for good works or perhaps to a clever rogue." [Dostoevsky, 2009]. The absence of doubts before a person's words about their need clearly demonstrates the high stand of the donor: the asking and extorting, even when they have everything, asks and extorts because they cannot close the enormous hole in their souls with the goods they have. From the human point of view, their greediness should be limited. However, the divine soul suffers, looking at this insatiable hunger, and gives not because mistaken, but because he is too acutely aware of the inescapable need of someone who, as it were, "has everything."

On October 1–3, the last conference of this year organized by our Centre took place: the 3rd International online Conference "The Book in the Book," in memory of Russian philologist Alexander V. Mikhailov (1938–1995). 59 scholars from five countries (Russia, Germany, Netherlands, Serbia, and Croatia) and 19 Russian regions (Altai Territory, Vladimir Region, Volgograd Region, Dagestan, Krasnodar Territory, Crimea, Moscow, Nizhny Novgorod Region, Novgorod Region, Novosibirsk Region, Perm Region, Pskov Region, Saint Petersburg, Samara Region, Saratov Region, Sverdlovsk Region, Tomsk Region, Khakassia, Yaroslavl Region) participated in it. We remind you that this annual conference always takes place on these dates, so those who want to participate can already start preparing for next year. The conference focuses on the theoretical problem of the presence of books, as ***explicitly mentioned texts and material objects involved in the narrative*** in works of world literature and culture[2]. We kindly ask those who will answer to the call for papers to pay attention to the highlighted wording, because the inconsistency of the proposed topic with them is likely to be the reason for refusal to participate.

The 7th International Online Conference of our Centre, dedicated to **the current state of research on Dostoevsky's creative legacy**: "Dostoevsky: Short Forms —2," is scheduled for February 28–March 2, 2026. The first (6th International) conference on short forms brought together researchers from various regions of Russia, as well as from the USA, Japan, Greece, Serbia, and Azerbaijan. 40 papers were delivered on both the theory of short forms and specific analysis of short works in Dostoevsky's *oeuvre*. The concluding part of the conference was dedicated to a round table titled "What can we say about the theory and classification of short forms based on the results of the conference?". In the section "**Summaries. Reviews**" we publish my detailed analytical review of the conference (focusing on both presentations and discussions), along with my full theoretical introductory paper and links to the video recordings of the conference and the round table discussion. It will be useful for those wishing to participate in the conference on short forms in 2026 to get acquainted with it.

[2] For a summary of the previous conference see: [Podosokorsky, 2024]. A brief summary and the full videorecording of this year's conference can be found here: https://dostmirkult.ru/ru/konferentsii/1306-otchet-o-iii-mezhdunarodnoj-nauchnoj-onlajn-konferentsii-kniga-v-knige-posvyashchennoj-pamyati-aleksandra-viktorovicha-mikhajlova-1938-1995-1-3-oktyabrya-2025.

The 28th International Readings "Dostoevsky's Works in the Perception of 21st-Century Readers" will take place on April 2026 (the exact dates will be communicated later). The Readings are an educational conference for researchers of all ages and qualification levels, held in Staraya Russa in cooperation with the Dostoevsky Museums (branches of the Novgorod Museum-Reserve). Online participation is provided only for foreign researchers who are unable to come for objective reasons. We offer the possibility to apply to participate as a listener and join the discussion. We include such participants in the program and greatly appreciate their contribution to the research work during the conference. The 2026 Readings will be dedicated to the story *The Landlady*: this text is required reading for all participants, as this will ensure the possibility to participate in discussions and round tables. Reports on other works by Fyodor Dostoevsky are accepted as well.

The years 2021–2025 have witnessed the release of a significant number of publications dedicated to Dostoevsky and his works. However, they are still far from being fully assimilated by the academic community and are relatively underrepresented in academic contexts. We would be delighted to offer our pages for the publication of comprehensive and substantive reviews, including critical and polemical ones, of books and miscellanies released during this period. Furthermore, we are always open to publishing in-depth overviews of past conferences.

We are delighted to congratulate our regular author Petr A. Druzhinin on his recent success. He has been awarded one of the most prestigious book prizes of the year, the professional humanitarian and book publishing award "Bookworm", in the category "Anchors of Memory." The award ceremony took place on 26th November 2025.

In this issue, under the heading "**Hermeneutics. Slow Reading**" we publish an article by Tatiana Magaril-Il'iaeva devoted to the transformative function of the motif of "leaving the city" in Dostoevsky's early works. Analysing this recurring motif and taking into account the author's definitions of what is "new" and what are "news" in his feuilletons, the researcher shows that what is "new" for Dostoevsky is the ability to see what everyone sees in a way that no one else sees; to express what everyone is looking at in their own words: namely, the novelty lies not in the object, but in the one who looks at it. Leaving the city, the hero rebuilds his eyesight and this movement grants him the ability to see truly new things (even if he cannot hold on to this vision): he is granted to see a world that is not limited by the "immediate, visible, current," not

closed or confined in the boundaries of individuals, but open to fraternal communication; a world that is open beyond its three-dimensional limits inside which the impenetrable, spirit-limiting materiality is created and in which only an impenetrable, spirit-limiting materiality can exist.

Moreover, in my opinion, the article shows very clearly why the controversial feuilleton of 13th April 1847 was not authored by Dostoevsky.

The second article of the section, written by Caterina Corbella, describes the Shakespearean subtext of the novel *Demons*, which is built as almost continuous through several direct, sudden for the reader and, at first glance, poorly founded (and therefore striking and holding attention) references. Its functionality is revealed as a mover of the plot, a commentary on the deeper meanings of the actions and states of the characters (especially concerning the theme of the "impostor"), and a manifestation of some nuances of the author's thought; its axiological role in the novel is also revealed. It should be noted an unexpected, though surprisingly accurate statement of the researcher (which is not the only one of this sort), generating many consequences concerning the nature of Dostoevsky's supratext structures in his novels, built through the choice of "reference" books: Dostoevsky's most Shakespearean text is precisely the one that is most clearly rooted in the historical and political process, and according to the researcher this is due to the fact that Shakespeare shows how the process of ***personal transformation*** affects the historical and political process of a country.

Published under the heading "**Poetics. Context**," Nikolay Podosokorsky's article is devoted to the story "The Demobbed" and it is the first wide-reaching piece of research in the history of Dostoevsky studies on this text, which was firstly included in the diptych *Stories of an Experienced Man*, and then, when the writer processed his early stories for the collected works of 1860, seemed to dissolve into "The Honest Thief." *The remaining text*, which was not included in "The Honest Thief," is published in the academic *Complete Works* under the heading "Variants of lifetime editions" to "The Honest Thief." The author considers "The Demobbed" in its original form, as an integral, independent and *original* piece of work, in terms of the representation of the Napoleonic Wars in Dostoevsky's writings and considering the literary, cultural, and biographical context contemporary to the original story (and not to its later processing).

The second article of the section, written by Olga and Mikhail Dekhanov, is a fascinating dive into the history of sparkling wines, and above all champagne; an immersion that reveals surprisingly much in Dostoevsky's works, mainly in the "A Nasty Story" but not only in it.

The "rule of three glasses" described in the article, for example, allows us to see that during her birthday Nastasya Filippovna, who usually does not drink wine, deliberately and deliberately puts herself on the edge—or rather, puts herself beyond the edge of an altered state of consciousness[3] in order to be able to embark on the radical path of going beyond (on one level of reading) the social stratum to which she is sentenced for life by someone else's sin committed against her, while (on another level) overstep the cage of the world beyond whose boundaries Prince Myshkin is allowed to go at the moment before a seizure. She will stand on this terrible edge for the entire novel, and that is why she will appear to Myshkin, who descends into the valley of horizontal life and looks back in his vision, "on a chain, behind bars and under the lash of a keeper" [Dostoevsky, 2001]. Those for whom the world is a natural habitat, get comfortable in it: it becomes a cage and a chain only for those who decide to get out.

Thus, in this (and not only in this) case, the "rule of three glasses" in Dostoevsky's late work becomes a kind of analogous antonym for "leaving the city" in early texts[4].

In the new section of the journal "**Dostoevsky's Language**," we publish an article by linguist Yakov Testelets, highly heuristic for literary critics and containing the most interesting observations on the uniqueness

[3] "'Gentlemen, wouldn't you like a little champagne now?' she asked. 'I have it all ready; it will cheer us up—do now—no ceremony!' This invitation to drink, couched, as it was, in such informal terms, came very strangely from Nastasia Philipovna. Her usual entertainments were not quite like this; there was more style about them. <…> It was extremely difficult to account for Nastasia's strange condition of mind, which became more evident each moment, and which none could avoid noticing. She took her ass, and vowed she would empty it three times that evening. She was hysterical, and laughed aloud every other minute with no apparent reason—the next moment relapsing into gloom and thoughtfulness. Some of her guests suspected that she must be ill; but concluded at last that she was expecting something, for she continued to look at her watch impatiently and unceasingly" [Dostoevsky, 2001].

[4] Although, however, the motive for leaving the city is antinomic in itself. Going outside the city gives you a new look, and what you can see with it depends on the essence of the person to whom this look is given, and—more obviously—on the point on the circle of time: thus, spring in *White Nights* and autumn in *The Landlady* have very different effects on the hero's soul, while opening his inner eyes.

of the language of two characters in the novel *Demons*: the ungrammatical speech of Kirillov and Captain Lebyadkin.

It should be noted that ungrammaticity of speech in *Demons* is not unique to the mentioned characters (and is not limited to Russian). Thus, "of his native language" von Lembke "had only an ungrammatical knowledge" [Dostoevsky, 1916], in four lines of the young suicide's note "there were three mistakes in spelling" [Dostoevsky, 1916], Marie throws Shatov: "You don't know grammar" [Dostoevsky, 1916]. At first glance, it can be stated that disorder, vacillation, and ruin in the world are accompanied by disorder and ruin in language. It is interesting, however, that Shatov will object to Marya: "It's in the spirit of the language" [Dostoevsky, 1916]. I think this objection is suitable not only to justify one particular statement. Ungrammaticity, oddly enough, in other cases can dramatically increase the suggestiveness, thickening, semantic, and/or emotional saturation of speech: Kirillov's clumsy, constricted phrases are worth philosophical treatises[5], Lebyadkin's short poems open emotional abysses. However, the erased and excessive speech of Petrusha Verkhovensky, as well as the flat, straightforward, one-dimensional, explicit letter "A Noble Personality" (I believe, nevertheless, his, and not Lebyadkin's—as suggested by Testelets—authorship, as it is almost explicitly indicated in the novel) is a completely different story.

I will give one example in which it is obvious how grammatical irregularity gives semantic saturation—and how this fact is invisible when looked from a linguistic paradigm, which, surprisingly, makes it visible from a different paradigm. The author writes: "However, most of Kirillov's cases of spontaneous ellipsis not only contradict the norms of literary language but are also unlikely in colloquial speech, where the restrictions are weaker. For example, Kirillov abbreviates the copula verb (43) or the corresponding noun verb (44) in contexts where such an abbreviation is unacceptable:

(43) *Tut vse pustiaki, potomu chto Lebiadkin ~~byl~~ p'ian* ("It's all nonsense, because Lebyadkin ~~was~~ drunk" [Dostoevskii, 1972–1990, vol. 10, p. 92]).

[5] The author, however, notes: "The fewest violations are observed in the three passages in the final scenes (10–11), where Kirillov speaks enthusiastically and takes the time to finish his sentences." [Testelets, 2025, p. 262] Therefore, I believe there is room for research and testing of various theories about the purposes of Dostoevsky's ungrammatical speech.

(44) *Ia otrkyval glaza i ne veril, potomu cho ~~bylo~~ ochen' khorosho* ("I opened my eyes and could not believe it, because it ~~was~~ very good" [Dostoevskii, 1972–1990, vol. 10, p. 188]).

The absence of an explicit verb is perceived as a form of the present tense. That is, Lebyadkin is drunk and the experience described in (44) occurs at the moment of Kirillov's speech, which he does not intend." [Testelets, 2025, p. 175].

However, both sentences without a verb do not begin to be perceived as the *present* tense form: they begin to be perceived as going beyond the limits of time, as the form *always*. This is more obvious in the first sentence, since it can be understood as simply stating duration and stability in time. It's easy to substitute the right word here: "It's nothing, because Lebyadkin is always drunk." In the second sentence, this is less obvious, however, it also means "always": ***something unchangeable beyond time***. The hero manages to escape into this immutability from the flow of time only in *moments*, one of which is described here—and it is logically marked with the past tense. It is an eternally and invariably existence, but not always accessible. Perhaps, this state of *temporary* exit to a space where time does not flow can only be expressed ungrammatically. In general, it is surprising to see how, from the comparison of the grammatically acceptable sentences restored by the author and Kirillov's ellipses, Kirillov does not say what, in principle, could be restored *in this way*.

The section "**Dostoevsky in the 20th–21st Century**" presents an article by Enisa Uspenski, which compares the story *Abuse* by Ivo Andrić with Dostoevsky's "The Meek One." The comparison is carried out in the spirit of considering both works as social dramas, from a feminist perspective, through the prism of the "women's issue," which is perhaps quite true for Andrić, but reveals only one level of Dostoevsky's text. It is not a coincidence that he called "The Meek One" "a fantastic story"[6]. However, this level is revealed in the work scrupulously, and (partly due to the very comparison) something is noticed in "The Meek One" that is not obvious when viewed in other ways and from other perspectives.

The first material of the section "**Archive**" is a work by Petr Druzhinin, dedicated to the publication of unknown materials on the study of Dostoevsky's work at the Institute for the Comparative Study of the Literatures and Languages of the West and East (ILYAZV) in the 1920s.

[6] At the end of the article, the author herself writes about the ontological level of Dostoevsky's story.

The author draws attention to the fact that the study of Dostoevsky in the USSR was not only a private activity of individual employees, but it was institutionalized, although the special group for the study of Dostoevsky's work, headed by V.L. Komarovich, did not last long. From the scattered mentions in various documents, the author has compiled a list of prepared and/or made reports on Dostoevsky at ILYAZV, listing around 24 positions. As always in Druzhinin's presentation, the human aspect of the new documents is interesting and touching, especially the information about Dostoevsky scholars who participated in the work of ILAZV, and about graduate students, whose level of training and the seriousness of their work are impressive, especially against the background of the everyday difficulties they were experiencing.

The language of official documents can sometimes reveal a lot about research attitudes and methods. In the public sphere, these are often described in a more polite language. For example, Professor E.A. Bobrov's review of B.G. Reizov's work says: "The overall goal of the book is to examine all of Dostoevsky's literary works from the perspective of Western influences—a task that has not been fully addressed before. Some results have been achieved, and most of the novel *The Humiliated and Insulted* is reduced to a combination of two novels by George Sand" [Druzhinin, 2025, p.]. Unfortunately, in research on "influence," the task is often not only unsolved, but also set in a way that implies that the work is nothing but a copy of others. It is not necessary to engage with or read a work that could actually benefit from such an analysis. In addition, it should be noted that Dostoevsky often works according to the principle that "similarity does not mean *sameness*, but rather *something different or opposite*" (see: [Kasatkina, Corbella, Magaril-Il'aeva, Podosokorsky, 2024, pp. 18–19] for more information). Dostoevsky often uses similarity in order to build upon it, rather than simply replicate it. If we find a real similarity between structural elements in his works, it is important to consider ***the significance of these elements within the overall composition***. Finding obvious similarities is just ***the beginning*** of a study, not the end. In many cases, this is where the study ends.

The second material of the section, by Tatiana Panyukova and Madina Kayumova, written with the help of archival materials, is dedicated to the life and tireless service to his native country and the illustrious family of Dostoevsky's nephew, Andrei Andreevich Dostoevsky (1863–1933), and contains a description of his archive compiled by them.

In the combined section "**Biography. Commentary**" an article by Valentina Borisova is published about the text of the Gospel in Dostoevsky's works. The author focuses on the languages in which Dostoevsky read the Bible in and which translations of the New Testament into Russian he used when quoting. She also discusses the appearance of the New Testament in Dostoevsky's works as a book, that is, a material object. The author's comparison of some facts reveals unexpected information. For example, the fact that Dostoevsky had almost no chance of encountering the Russian Gospel until the 1860s, had he not been sent to penal servitude, since the 1823 New Testament, which was withdrawn from sale, continued to be distributed only in the prison system (and even reprinted specifically for this purpose). Valentina Borisovna rightly objects to a long-standing article by fr. Nikolay Balashov[7] and corrects the commentary of the *Complete Works* in 30 volumes, however, occasionally makes some hasty and inaccurate statements, which nevertheless can lead us to significant conclusions. For instance, when claiming that Marmeladov's statement "Proshchaiutsia zhe i teper' grekhi tvoi mnozi" ("Many of your sins are forgiven now" [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 6, p. 21]) quotes the Church Slavonic text precisely, the author misses the fact that here we have a ***contamination*** of the Church Slavonic version and the Gospel of 1823: "***proshchaiutsia*** grekhi eia mnogie" (1823 Gospel) and "otpushchaiutsia gresi eia ***mnozi***" (Church Slavonic). From this example, it can be inferred that Dostoevsky, referring to the Gospel, does not ***quote*** each phrase from a specific edition (as he does with larger quotations, in some cases correcting not very successful translations), but rather writes it down ***from memory***, in which the variants of different translations are combined in the most accurate way in order to convey the meaning he needs in a particular text. However, this is consistent with the conclusion of the author of the article.

Valentina Borisova argues that the replacement of the quote from the Apocalypse in the epilogue of the novel *Demons* in the journal edition of 1823 with a quote from a separate edition of the Synodal translation

[7] Which, in my opinion, should not have been given so much importance. When it was written, the article was by a young and inexperienced author who was prone to making too hasty generalizations and making baseless but global conclusions. On the other hand, without proper discussion, it remained in research usage, offering a number of undeniable general propositions that non-specialists could therefore rely on without question. So, by drawing attention to these propositions and showing their inaccuracies, Valentina Borisova is doing the right thing.

(1863), is not a mere technical detail explained by proofreading conditions, as some authors suggest, but was done purposefully by Dostoevsky as a correction to the inaccuracy of the journal edition, as the booksellers were distributing the Synodal edition. I think, it is impossible to disagree with the author here.

The authors of the second article, Alexey Kozlov and Valeria Kirichenko, discuss the circumstances that led to the decrease in subscriptions and the abrupt termination of the publication of the journal *Zarya*, which was led by Nikolay Strakhov and acted as a think tank and policy determinant. The article includes an index of the contents of all issues of the journal.

The journal is on *Vkontakte* and *Telegram* (with already 12 400 followers). You can subscribe to our pages to follow news from both the Journal and Research Centre "Dostoevsky and World Culture." Among other things, all the recordings from seminars and conferences organized by the Centre are published here. Books and articles dedicated to Dostoevsky are also available for download.

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

The journal is published in cooperation with the Commission for the Study of Fyodor Dostoevsky's Artistic Legacy at the Academic Council "History of World Culture" RAS. Our work is carried out in contact with the Russian and International Dostoevsky Society.

As before, all quotations from Fyodor Dostoevsky's works, if not specified otherwise, are cited according to the *Complete Works* in 30 vols. (Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990), with the references formatted according to the rules of the Russian Science Citation Index. Capital letters in the names of God, the Virgin, as in other holy names and concepts, that were lowered in this edition because of Soviet censorship are here restored in accordance with the editions published during Dostoevsky's life. The author's original emphasis in quotations (where not specified otherwise) is indicated by italics; the emphasis of the author of the article is indicated by bold font (or bold+italics).

Our email address is fedor@dostmirkult.ru. The journal accepts articles in Russian and English. We accept submissions related to the subject of the journal from Russia and abroad. The authors will be notified about acceptance or refusal within three months.

Tatiana Kasatkina

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990 (In Russ.)

2. Druzhinin, P.A. "Iz istorii izucheniia F.M. Dostoevskogo v 1920-e gody: K stoletiiu organizatsii Gruppy po izucheniiu tvorchestva Dostoevskogo v ILIaZV" ["From the History of Dostoevsky Studies in the 1920s: On the Centenary of the Founding of the Dostoevsky Research Group at ILYAZV"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 232–276. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

3. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* [*Books in the Book: The Role and Image of the Book in Dostoevsky's Novel* The Idiot]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. (In Russ.)

4. Podosokorskii, N.N. "Obzor II mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii 'Kniga v knige', posviashchennoi pamiati Aleksandra Viktorovicha Mikhailova (1938–1995), 1–3 oktiabria 2024 goda" ["Review of the II International Scientific Online Conference 'The Book in the Book,' Dedicated to the Memory of Alexander Viktorovich Mikhailov (1938–1995), October 1–3, 2024"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (28), 2024, pp. 254–266. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266

5. Testelets, Ia.G. "Iazykovye eksperimenty v 'Besakh'" ["Language Experiments in the Novel *Demons*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 167–204. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

6. Dostoevsky, F.M. *The Possessed or, The Devils*. Trans. by C. Garnett. 1916. Available at: https://www.gutenberg.org/files/8117/8117-h/8117-h.htm (Accessed 12 Dec. 2025). (In English)

7. Dostoevsky, F.M. *The Idiot*. Trans. by E. Martin. Project Gutenberg, 2001. eBook. (In English)

8. Dostoevsky, F.M. *The Brothers Karamazov*. Trans. by C. Garnett. Project Gutenberg, 2009. eBook. (In English).

For citation: Kasatkina, T.A. Dostoevsky: History and Analytics. *From the Editor. Dostoevsky and World Culture. Philological journal,* no. 4 (32), 2025, pp. 12-34. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-35-57
https://elibrary.ru/TYSNNK

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Татьяна Магарил-Ильяева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Путь к обновлению: мотив выхода из города («Петербургская летопись» и «Белые ночи» Ф.М. Достоевского)

© 2025. Tatiana G. Magaril-Il'iaeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Path to Renewal: The Motif of Leaving the City ("Petersburg Chronicle" and *White Nights* by Fyodor Dostoevsky)

Информация об авторе: Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-7521-1898

E-mail: T.G.Magaril-Ilyaeva@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется эпизод, когда Мечтатель, герой романа Ф.М. Достоевского «Белые ночи», выходит ненадолго за пределы города, а по возвращении встречает Настеньку. Из последующего диалога героев складывается впечатление, что их встреча оказывается прямым следствием того, что Мечтатель выходил за заставу, где «был счастлив; <...> шел, пел; <...> был за городом». Удивительно схожим образом выстроена композиция встре-

чи Ордынова с Катериной: герой решает пройтись, бессознательно заходит в «глушь, где уже не было города». Вернувшись, он встречает в церкви молящуюся героиню. Мотив выхода из города также является сквозной темой цикла фельетонов, написанных Достоевским для рубрики «Петербургская летопись». В работе показывается, что выход из города является не проходным сюжетом, а отражает важнейшую для раннего творчества Достоевского идею. Через обращение к «Петербургской летописи», в которой этот сюжет представлен в гораздо большем объеме, демонстрируется, что выход из города представляет собой символическую перемену всего бытия человека — выход из замкнутого, болезненного для души, отъеденного от людей состояния, отказ от хождения по проторенным колеям и переход к «непосредственной» жизни. Такая перемена человека позволяет ему соединиться с другим, заметить другого — именно поэтому Мечтатель, как и Ордынов встречают героинь после выхода на природу. Встретившись в «преображенном» состоянии, они видят в друг друге тех, кого давно знали и ждали, находят друг в друге изобильные источники жизни.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Белые ночи», «Хозяйка», «Петербургская летопись», фельетоны, образ солнца, город.

Для цитирования: *Магарил-Ильяева Т.Г.* Путь к обновлению: мотив выхода из города («Петербургская летопись» и «Белые ночи» Ф.М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 35–57. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-35-57

Information about the author: Tatiana G. Magaril-Il'iaeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-7521-1898

E-mail: T.G.Magaril-Ilyaeva@yandex.ru

Abstract: The article examines the episode in which the Dreamer, the protagonist of Dostoevsky's *White Nights*, briefly leaves the city and, upon returning, meets Nastenka. From the ensuing dialogue between the characters, it appears that their encounter is a direct consequence of the Dreamer having gone beyond the city gate, where he "was happy; ... walked, sang; ... had been outside the city." A strikingly similar composition shapes the scene in which Ordynov meets Katerina: the hero decides to take a walk and unconsciously wanders into "a wilderness where the city no longer existed." When he returns, he encounters the heroine praying inside a church. The motif of leaving the city also appears as a recurring theme in the series of feuilletons Dostoevsky wrote for the "Petersburg Chronicle" column. This study shows that the act of stepping outside the city is not a minor plotline but reflects one of the central ideas of Dostoevsky's early work. By turning to the "Petersburg Chronicle," where this plotline is developed at much greater length, the article demonstrates that leaving the city represents a symbolic transformation of a person's entire mode of being—a departure from a closed-off, soul-stifling, estranged state, a rejection of well-worn paths, and a transition to "immediate" life. Such a transformation enables a person to connect with another, to notice the other; this is precisely why both the Dreamer and Ordynov encounter their heroines only after venturing into nature. Meeting in this

"transfigured" state, they recognize in one another someone they have long known and awaited, finding in each other abundant sources of life.

Keywords: Dostoevsky, *White Nights*, *The Landlady*, "Petersburg Chronicle," feuilletons, image of the sun, city.

For citation: Magaril-Il'iaeva, T.G. "Path to Renewal: The Motif of Leaving the City ('Petersburg Chronicle' and *White Nights* by Fyodor Dostoevsky)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 35–57. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-35-57

В начале сентиментального романа Ф.М. Достоевского «Белые ночи» (1848) есть эпизод, когда Мечтатель во время прогулки незаметно для самого себя оказывается у заставы, там что-то толкает его выйти за пределы города (по возвращении он сразу встречает Настеньку). Этот эпизод нельзя назвать сюжетообразующим — на нем не завязаны никакие дальнейшие события, в нем не сообщаются и важные сведения о герое. Однако автор посчитал необходимым включить его в пространство своего небольшого произведения. Более того, оказывается, что именно эта сцена отчасти уже была описана Достоевским ранее, в «Петербургской летописи»[1] (1847), также герой «Хозяйки» (1847) зачем-то ненадолго выходит из города перед встречей с Катериной. Несмотря на кажущуюся незначительность мотива выхода из города, писатель регулярно включал его в тексты 1847–1848 годов.

Обратимся к «Петербургской летописи», где этот мотив присутствует в гораздо большем объеме, нежели в художественных произведениях. В ряде своих работ я уже обращалась к фельетонам именно как источникам, дающим возможность с особой отчетливостью выявить и описать важные для всего раннего творчества писателя образы и темы, которые в художественных текстах не были им раскрыты с такой прямотой и ясностью (см.: [Магарил-Ильяева, 2021]).

Из дальнейших рассуждений может показаться, что я ухожу в сторону от темы статьи, однако они имеют к ней самое непосредственное отношение. Так, стоит оговорить, почему в работе анализируются только четыре фельетона (от 27 апреля, 11 мая, 1 и 15 июня),

[1] На наличие многочисленных связей между фельетонами и художественными произведениями 1840-х годов указали уже самые первые исследователи «Петербургской летописи» Достоевского, см.: [Нечаева, 1979], [Комарович, 1930] и др. Также см. комментарий к «Белым ночам» в ПСС: [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 485–491], [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 669–683].

подписанные Ф.Д. Необходимость этой оговорки возникает в связи с тем, что одна из проблем, связанных с изучением «Петербургской летописи», заключается в неоднозначной атрибуции фельетона от 13 апреля. Проблема атрибуции текста в свою очередь связана с вопросом, как мы понимаем и, следовательно, опознаем художественный метод автора (то есть те цели и задачи, которые ставил перед собой писатель, и выбор средств для их воплощения и решения). В.С. Нечаева, обнаружившая три фельетона (27 апреля, 11 мая, 1 июня), полагала, что текст от 13 апреля также принадлежит перу Достоевского, а иная подпись (Н.Н. — вместо Ф.Д.) объясняется тем, что этот текст был пробным для начинающего журналиста, и автор не хотел сразу указывать свое имя. В.Л. Комарович считал, что автор первого фельетона — А.Н. Плещеев, под чьим именем он и был опубликован в сборнике «Фельетоны сороковых годов» [Комарович, 1930]. В последующих публикациях фельетон от 13 апреля помещался в разделе «Коллективное». Вопрос о степени участия Достоевского в создании этого текста остается открытым. В.Н. Захаров рассматривает этот фельетон как полноценную часть образовавшегося цикла: «Доводы, которые приводили В.Л. Комарович и Б.В. Томашевский (Комарович 1930, 89–126; Д13, 13; 608–660), сами нуждаются в обосновании. Как бы там ни было, участие Достоевского в первом фельетоне очевидно, как и то, что этот фельетон задает своими темами начало цикла» [Захаров, 2013, с. 138]. Возможно, Достоевский действительно участвовал в создании данного текста, но учитывать его как полноценное авторское высказывание наравне с другими четырьмя фельетонами, на мой взгляд, не стоит, так как это может сильно исказить в нашем восприятии идеи, проводимые писателем в этой рубрике. Те задачи, которые ставил перед собой Достоевский, берясь за перо, судя по всему, сильно отличались от тех, которые ставили перед собой большинство фельетонистов, в том числе автор текста от 13 апреля. Эта разница задач отражается и на том, как писатель строит текст, какие проблемы ставит и какими средствами их решает. Собственно, интересующий нас мотив тесно связан именно с этой задачей, можно сказать, что он является одним из средств ее художественного воплощения.

Наиболее прямо вопрос о задачах фельетониста поставлен в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» (1861). Конечно, этот текст относится к послекаторжному творчеству, но то, как в нем Достоевский проблематизирует свою задачу как фельетониста,

открывает нам доступ к пониманию проблемы, которая решалась им в «Петербургской летописи», пусть и несколько иными путями.

Итак, базовая задача, которую ставит перед собой писатель, создавая фельетоны — понять, что такое настоящая новость, и именно ее предложить читателю[2]. Достоевский, берясь за работу, не просто с полной серьезностью определяет цели и задачи своей деятельности (хотя только этот шаг уже отличает его от большинства работников в любых сферах), но показывает, что на самом деле цели и задачи даже обычного фельетониста лежат далеко за пределами повседневности, стремления удовлетворить сиюминутные потребности, свои и публики. Собственно, предполагаемые им цели и достигаются только благодаря умению взглянуть за пределы «насущного видимого-текущего».

> Приехала, напр<имер>, Ристори, и вот — всё что ни есть фельетонистов тотчас же строчит во всех фельетонах, во всех газетах и журналах, с направлением и без направления, одно и то же: Ристори, Ристори, — Ристори приехала, Ристори играет; она в «Камме», — тотчас же «Камма», «Камма», что ни развернете, везде «Камма»; в «Марии Стуарт», — тотчас же «Стуарт», «Стуарт» и т. д. Так и рвут друг у друга новости! **А всего досаднее то, что они действительно воображают, что это новости.** Возьмешь газету, читать не хочется: везде одно и то же, уныние нападает на вас, и только согласишься, что много надо иметь хитрости, пронырливости, рутинной набивки руки и мысли, чтоб об одном и том же сказать хоть и одно и то же, но как-нибудь не в тех же словах. <...> **Кажется бы, на всё можно взглянуть своим собственным взглядом, скрепить своею собственною мыслию, сказать <u>свое</u> слово, *<u>новое</u> слово***. Но Боже

[2] В.Г. Белинский в статье 1847 года «Современные заметки (Достоевский, Языков)» писал: «Что такое фельетон? Это — болтун, по-видимому добродушный и искренний, но в самом деле часто злой и злоречивый, который все знает, все видит, обо многом не говорит, но высказывает решительно все, колет эпиграммою и намеком, увлекает и живым словом ума и погремушкою шутки <…> наш русский фельетон <…> так скучен и вял в своем остроумии, а главное — **так мало изобретателен на предметы разговора!** Бедняжка вечно начинает или с того, что в Петербурге всегда дурная погода, или с того, как трудно ему, фельетонисту, писать по заказу, когда не о чем писать, а в голове пусто» (цит. по: [Нечаева, 1979, с. 195] (Современник, 1847, т. I-й 2, отд. IV «Смесь», с. 179–192.)). Проблема, поставленная Достоевским, по своей серьезности и фундаментальности не имеет отношения к тому, о чем пишет Белинский, хотя он точно описал зачин абсолютного большинства фельетонов, но жалоба на отсутствие новостей еще не постановка проблемы о том, что такое новость.

мой! что вы говорите! Новое слово. Да разве каждый день можно говорить по новому слову, когда во всю жизнь, пожалуй, его не добьешься, а и услышишь, так еще и не узнаешь. Скрепить своею мыслию, говорите вы. Но какою же своею мыслью, где взять свою мысль? Отступите хоть на йоту от мыслей антрепренера, он тотчас же откажет вам и вышлет из журнала. Ну да положим, мысль и будет, но оригинальность, но оригинальность, — где ее-то взять? Мысль ведь это все-таки не ваша. **На это надо... да, на это надо ума, прозорливости, таланта!** Слишком много вы хотите уж требовать от нашего фельетониста! А знаете ли, что такое иногда фельетонист (разумеется, иногда, а не всегда)? Мальчик, едва оперившийся, едва доучившийся, а часто и не учившийся, которому кажется, что так легко писать фельетон: «Он без плана, думает он, это не повесть, пиши о чем хочешь, тут посмейся, там отзовись с известного рода уважением, тут про Ристори, там про добродетель и нравственность, а там про безнравственность, про взятки например, уж непременно про взятки, и готов фельетон. Ведь мысли теперь продаются совершенно готовые, на лотках, как калачи. Составился бы только печатный лист, да и дело с концом!» **Иному современному строчиле (вольный перевод слова «фельетонист») и в голову не приходит, что без жара, без смысла, без идеи, без охоты — всё будет рутиной и повторением, повторением и рутиной.** Ему и в голову не приходит, что фельетон в наш век — это... это почти главное дело. Вольтер всю жизнь писал только одни фельетоны... Но Боже мой! что я! ведь я сам пишу фельетон. Куда я заехал? Новостей! новостей! [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 67–68].

Достоевский настаивает, что предложить настоящие новости читателю — не равно перечислить последние события — это умение взглянуть на мир своим собственным взглядом (то есть новым, так как взгляд каждого уникален) и предъявить увиденное, скрепленное идеей, собственной мыслию. Сразу после размышлений о природе новостей фельетонист описывает случившееся с ним в юности «видение на Неве» — тот момент, когда он собственным взглядом «будто прозрел во что-то **новое,** совершенно **в новый мир,** <...> незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 69]. Можно сказать, что это видение есть наглядная иллюстрация «работы» писателя, в том числе и фельетониста, предлагающего но-

вости. За текстами Достоевского, как за петербургскими зданиями, увиденными взглядом художника, встают «**новые** здания», «**новый** город складывался в воздухе», которые читатель вслед за автором должен прозреть[3].

Сравним с некоторыми фрагментами фельетонов 1847 года: «Но я фельетонист, господа, я должен вам говорить об новостях самых свежих, самых *животрепещущих* — пришлось употребить этот старинный, почтенный эпитет, вероятно созданный в той надежде, что петербургский читатель так и затрепещет радостью от какой-нибудь животрепещущей новости, например, что *Женни Линд* едет в Лондон. Да что *Женни Линд* петербургскому читателю! У него своего много такого... Но своего нет, господа, решительно нет. Я вот шел по Сенной да обдумывал, что бы такое написать. Тоска грызла меня. Было сырое туманное утро. Петербург встал злой и сердитый <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 15]

Или: «Что же в самом деле, что же такого сказать вам нового, лучшего? Что на Невском проспекте процветают новые омнибусы, что Нева занимала всех всю неделю, что в салонах еще продолжают зевать, в положенные дни, с нетерпением ожидая лета. Это, что ли? Но вам это уже давно наскучило самим, господа. Вы вот прочли описание одного северного утра. Не правда ли; ведь довольно тоски? Так прочтите в ненастный час, в такое же ненастное утро, эту повесть об

---

[3] Это описание вовсе не является метафорой. В статье «Особенности структуры ранних “гностических” текстов Достоевского: Анагогическая история» Т.А. Касаткина описывает различие структур текстов раннего и позднего творчества писателя. По мнению исследовательницы, «неясность» докаторжных произведений объясняется тем, что история, которую на самом деле хочет в них рассказать автор, находится не во внешнем сюжете, а как бы в подкладке текста. Повествуется в ней о запредельном: об онтологических структурах мироздания и о духовном пути человека: «В ранних текстах у Достоевского в подкладке сюжета присутствует история, обладающая свойствами анагогического уровня (речь идет об уровнях толкования текстов Священного писания — *Т.Г.)*. Или, вернее, в ранних текстах Достоевский создает (и ставит себе задачей создавать) историю именно на этом уровне. Именно поэтому его ранние тексты в большинстве своем оказываются совсем непонятны для читателя на уровне внешнего сюжета. События, показанные на внешнем уровне, связаны внятным и логичным образом лишь на том уровне текста, где раскрывается анагогическая история: на внешнем уровне они довольно бессвязны — или бессмысленны в наблюдаемой читателем последовательности» [Касаткина, 2020, с. 100]. («Анагогический уровень — это самый глубокий и устойчивый (и потому наиболее близко подходящий к запредельному, или, буквально — крайнему (эсхатологическому)) духовный уровень прочтения текста» [Касаткина, 2020, с. 99]).

маленьком московском семействе и об разбитом фамильном зеркале» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 17].

Молодой фельетонист отметает обыденный поверхностный сор, который принято считать новостями, и предлагает читателю то свое уникальное *видение* ожившего Петербурга, то прочитанную повесть, герои которой отозвались ему как настоящие знакомцы, которым сопереживаешь всей душой, и проч. Заметим, что в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» также вместо «обычных» новостей читателю предлагаются мистическое описание города и множество историй людей реальных и не очень, но всегда касающихся самых глубин души. Достоевский остается верен своему утверждению, что перечисление последних городских событий не может считаться новостями, в его текстах нельзя найти подобных перечней. В фельетоне от 27 апреля 1847 писатель буквально издевается над «традиционной» идеей новостей — в последних четырех строках после объемного описания обиженного Петербурга и проникновенной повести он бросает: «Виноват, забыл главное. Всё время, как рассказывал, помнил, да вышло из памяти. Эрнст дает еще концерт; сбор будет в пользу Общества посещения бедных и Германского благотворительного общества. Мы и не говорим, что театр будет полон, мы в этом уверены» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 18].

Трудно не заметить, что такой подбор новостей принципиально отличает Достоевского от его коллег, которые, пожаловавшись в начале своих статей на отсутствие интересных новостей, всегда тем не менее переходят именно к описанию актуальных городских событий. Так, в «спорном» фельетоне от 13 апреля речь идет о событиях уходящей зимы (Итальянской опере, балах, маскарадах), также предлагается обзор новых романов, которые можно взять с собой на летний отдых. Анализ новых произведений осуществляется автором как внешним оценщиком, а не художником, как это делает Достоевский в *своих* фельетонах.

Сравним: «Ежели вам захочется читать, возьмите два тома “Современника” за март и апрель; там есть, как вам известно, роман “Обыкновенная история”, прочтите, если вы не успели прочитать его в городе. Роман хорош. В молодом авторе есть наблюдательность, много ума; идея кажется нам немного запоздалою, книжною; но проведена ловко. Впрочем, особенное желание автора сохранить свою идею и растолковать ее как можно подробнее придало роману какой-то особенный догматизм и сухость, даже растянуло его. Этого

недостатка не выкупает и легкий, почти летучий слог г-на Гончарова» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 113–114].

«В этой повести описывалось одно московское семейство среднего, темного круга. Там толковалось тоже и про любовь, но про любовь я не люблю читать, господа, не знаю как вы. И я как будто перенесся в Москву, в далекую родину. Если вы не читали этой повести, господа, то прочтите ее. <...> прочтите в ненастный час, в такое же ненастное утро, эту повесть об маленьком московском семействе и об разбитом фамильном зеркале. Я как будто видел еще в моем детстве эту бедную Анну Ивановну, мать семейства, да и Ивана Кирилыча знаю» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 11].

Обратившись к проблеме атрибуции фельетона от 13 апреля, мы выявили, что для Достоевского, в отличие от большинства его коллег, крайне важно было поставить вопрос о том, что представляет собой настоящая новость и каким образом она может быть предложена читателю.

Вернемся к заявленной в статье теме и постараемся разобраться, каким образом вопрос «что есть настоящая новость» связан с мотивом выхода из города?

В первых строках первого фельетона «Петербургской летописи» читателю сообщается, что *появление солнца — это новость*, которая «бесспорно стоит всякой другой». Превосходство этой новости заключается в открывшейся возможности для горожанина *выйти из закупоренных комнат на улицу*: «еще недавно я никак не мог себе представить петербургского жителя иначе как в халате, в колпаке, в плотно закупоренной комнате», «но вот наконец сияет солнце <...> выздоравливающий колеблется; нерешительно снимает колпак, в раздумьи приводит в порядок наружность и наконец соглашается пойти походить»[4] [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 11].

[4] Обращение к теме погоды, как и сопоставление ее с новостью, можно принять за распространенный прием фельетонистов, на который жаловался Белинский в приведенной выше цитате. Сравним, например, с «Петербургской летописью» от 1 января 1847 года, подписанной С. (В.А. Соллогуб): «И так вы (читатели) сидите себе, не заботясь о том что делается во дворе, а мы бегая в погоне за новостями, напали с первого шага на новость вовсе не новую, и именно на дурную погоду» (Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1847. №1. 1 января). Действительно, почти каждый фельетон начинался с едкого или нравоучительного описания петербургской погоды. Приведем, однако, несколько примеров, на которых замечательно видно, насколько текст Достоевского сложнее, художественнее и глубже, что его обращение

к погоде преследует совершенно иные цели, нежели необходимость прикрыть отсутствие оригинальности.

Последний фельетон Э.И. Губера, после смерти которого место фельетониста «Петербургской летописи» оказалось вакантным: «В городе грипп; весь Петербург чихает, сморкается и кашляет: по улицам грязь и длинные простуженные лица. Все больны, даже лошади у Лежара начинают чувствовать влияние нашего климата и собираются уехать вместе с весной; весна к нам — они от нас, неблагодарные. Мы ли их не любили?» (Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1847. №75. 6 апреля).

«Спорный» фельетон от 13 апреля, подписанный Н.Н. (А.Н. Плещеев?): «Говорят, что в Петербурге весна. Полно, правда ли? Впрочем, оно, может быть, и так. Действительно, все признаки весны. Полгорода больна гриппом, у другой — по крайней мере насморк. Такие дары природы вполне убеждают нас в ее возрождении. Итак, весна! Классическая пора любви! Но пора любви и пора стихов приходят не одновременно, говорит поэт, то и слава Богу. Прощайте, стихи; прощай, проза; прощайте, толстые журналы, с направлением и без направления; прощайте, газеты, *взгляды, нечто,* прощай и прости нас, литература! Прости нас, в чем мы пред тобой согрешили, как мы прощаем твои согрешения!

Но каким образом заговорили мы о литературе прежде другого чего! Я не отвечаю вам, господа. Тяжелое прежде всего; самое тяжелое с плеч. Кое-как дотащили книжный сезон — и правы! Хотя и говорят, что это очень натуральная ноша. Мы скоро, может быть, через месяц, свяжем наши журналы и книги в одну кипу и развернем ее не прежде, как в сентябре» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 111].

Фельетон, подписанный К.П. (Ксенофонт Полевой), был напечатан вместе с первым с текстом Достоевского 27 апреля в той же рубрике: «в воздухе начинает распространяться теплота, и соединенные силы природы разломали наконец лед на Неве <…> жизнь является там, где несколько месяцев видели вы только мертвую неподвижность! Каждый год возобновляется это зрелище, и каждый год жители севера с любопытством глядят на вскрытие рек, самый верный признак воскресения природы. Оно любопытно, одушевительно и в физическом и даже в нравственном отношении. Льдины разных форм и величин плывут, сталкиваются, спираются, дробятся, спорят и шипят, точно как люди на других волнах, больше разнообразных и непостижимых, все это стремится куда-то, спешит, уплывает безвозвратно, волны в свои заливы, моря, океаны; люди…» (Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1847. № 93. 27 апреля).

А вот начало текста Достоевского: «Еще недавно я никак не мог себе представить петербургского жителя иначе как в халате, в колпаке, в плотно закупоренной комнате и с непременною обязанностию принимать что-нибудь через два часа по столовой ложке. Конечно, не всё же были больные. Иным болеть запрещали обязанности. Других отстаивала богатырская их натура. Но вот наконец сияет солнце, и эта новость бесспорно стоит всякой другой. Выздоравливающий колеблется; нерешительно снимает колпак, в раздумьи приводит в порядок наружность и наконец соглашается пойти походить, разумеется во всем вооружении, в фуфайке, в шубе, в галошах. Приятным изумлением поражает его теплота воздуха, какая-то праздничность уличной толпы, оглушающий шум экипажей по обнаженной мостовой. Наконец на Невском проспекте выздоравливающий глотает новую пыль! Сердце его начинает биться, и что-то вроде улыбки кривит его губы, доселе вопросительно и недоверчиво сжатые. Первая петербургская пыль после потопа грязи и чего-то очень мокрого в

Достоевский сразу же устанавливает связь между новостью и появлением возможности выйти из замкнутого пространства. Причем эта возможность ознаменована явлением солнца, одним из важнейших всечеловеческих символов Бога, проявления высшей природы[5]. Писатель и далее насыщает концепт новости многими как бы неочевидными значениями, связывая его с образами, отсылающими к духовной сфере. Так, оказывается, что вопрос *что нового?* который жители с тоской задают друг другу в ожидании солнца и весны, связан с необходимостью участвовать в *общественной жизни,* стремление к которой является неотъемлемым свойством каждого человека, однако часто не согласно с его собственным сиюминутным желанием.

> Я часто замечал, что, когда два петербургских приятеля сойдутся где-нибудь между собою и, поприветствовав обоюдно друг друга, спросят в один голос — *что нового?* — то какое-то пронзающее уныние слышится в их голосах, какой бы интонацией голоса ни начался разговор. Действительно, полная безнадежность налегла на

воздухе, конечно, не уступает в сладости древнему дыму отечественных очагов, и гуляющий, с лица которого спадает недоверчивость, решается наконец насладиться весною» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 11].

[5] Образ солнца как символ явления иного плана бытия был знаком и понятен современникам Достоевского в гораздо большей степени, чем современному читателю. Вопрос лишь в глубине и серьезности осмысления этого образа. См., например, саркастическое описание В.Г. Белинского, призванное показать несоответствие подобных символов «реальной действительности», как ее понимал критик: «Как приятно, после зимнего холода, появление весеннего солнца, роскошно изливающего свою плодородную и зиждительную силу, животворящего огнем своих лучей все прекрасное Божие создание! Не есть ли оно символ вечнотворящей любви Предвечного! Какая кипучая жизнь заступает место всеобщей смерти, когда целое творение проникается пламенем любви и мириады новых существ вызываются из праха ничтожества!.. Не сходен ли с этим солнцем и гений? Не есть ли и он символ творящей силы Всемогущего? Не производит ли и он также сонмы новых созданий, сонмы новых творителей?.. Но увы! Как солнце, вместе с муравой и цветами полей, вместе с златовидными мотыльками, вызывает и тмы эфемеров, тмы насекомых и червей гадких и отвратительных, так и гений, виновник созданий красоты и разума, бывает вместе неумышленным виновником чад безобразия и нелепости» [Белинский, 1976, с. 347–348].

Вот как о солнце пишет Гюго, осознававший и признававший все его величие: «Восходящее солнце говорит нам каждое утро: я — символ; я — прообраз другого солнца, которое осветит ваши души точно так же, как освещаю я теперь ваши лица» [Гюго, 1902, с. 62].

> этот петербургский вопрос. Но всего оскорбительнее то, что часто спрашивает человек совсем равнодушный, коренной петербуржец, знающий совершенно обычаи, знающий заранее, что ему ничего не ответят, что **нет нового**, что он уже, без малого или с небольшим, тысячу раз предлагал этот вопрос, совершенно безуспешно и потому давно успокоился — но все-таки спрашивает, и как будто интересуется, **как будто какое-то приличие заставляет его тоже участвовать в чем-то общественном и иметь публичные интересы** [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 11–12].

В качестве близкого по смыслу понятию «общественного» Достоевский будет говорить об «общежитии» как о важнейшем и необходимом явлении в жизни человека: «Я часто думал: что, если б явился у нас в Петербурге такой талант, который бы открыл что-нибудь такое **новое** для приятности ***общежития***, чего не бывало еще ни в каком государстве, — то, право не знаю, до каких бы денег дошел такой человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 19]. Чтобы понять, чем же так важно общежитие и что оно собой представляет, обратимся к разъяснениям, которые предлагает Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского»: «***Общежитие***, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединённых, ***рождает*** не только законы и правление, но и самую ***Веру***, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в Истории не находим народа совершенно лишённого понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслью о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою, — хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит ещё теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства» [Карамзин, 1993, с. 48].

Во втором фельетоне предлагается такое описание человека, обладающего новостью: он «разом освобождается от всех своих неприятностей; даже (по наблюдениям) излечивается от самых закоренелых болезней, даже с удовольствием прощает врагам своим. Он пресмирен и велик. А отчего? Оттого, что петербургский

человек в такую торжественную минуту познает всё достоинство, всю важность свою и воздает себе справедливость» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 19].

Новостью оказывается известие о возможности сменить замкнутый разъединенный с людьми и Богом образ жизни на принципиально иное бытие, которое меняет и все существо человека. Солнце, позволяющее наконец выйти из зимних квартир, — это символ возможности для человека излечиться, преодолеть униженное и болезненное состояние, в котором он оказывается, отрешаясь от мира[6]. Дело в том, что в этот период жизни писатель остро ощущал страшное воздействие на человека уединения, когда «можно самым безмятежным и сладостным образом дотянуть свою полезную жизнь, между зевком и сплетнею, до той самой эпохи, когда грипп или гнилая горячка посетит ваш домашний очаг и вы проститесь с ним стоически, равнодушно и в счастливом неведении того, как это всё было с вами доселе и для чего так всё было?» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 12]. Он писал об этом брату Михаилу, даже в объяснительной при аресте не обошел этой темы, об этом и все его ранние произведения, именно этой новостью, что жизнь может быть устроена на иных основаниях, а не в привычном уединении, делится он в фельетонах.

Через все четыре фельетона горожанин проходит путь от тоски по солнцу и его первого появления к выходу из города на природу, где наконец можно насладиться непосредственной, действительной жизнью. В первом фельетоне описывается угрюмый Петербург, от которого даже любящее солнце прячется за тучи (заметим, что в самом начале город сравнивается с «раздраженной **светской девой**, пожелтевшей со злости на вчерашний бал» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 15]). Последний фельетон начинается с описания петербургской летней природы, напоминающей на мгновение похорошевшую чахоточную девушку, а весь текст посвящен описанию необходимости и полезности выезда за город.

Именно это описание природы помещается Достоевским в роман «Белые ночи», причем в эпизод выхода Мечтателя из города. Из этого же фельетона в роман перешло и описание типа мечтателя. В последнем фельетоне тема выхода из города и замкнутого, неестественного образа жизни человека, в частности состояния

[6] Подробнее об этом см. мою статью: [Магарил-Ильяева, 2021].

мечтательства, тесно сплетены. Рассмотрим, каким образом они взаимообусловлены. Суть «взаимоотношений» двух тем можно описать так: с одной стороны, «мы переехали на дачи, чтоб пожить непосредственно, созерцательно, без сравнений и взглядов, насладиться природой, отдохнуть, полениться вдоволь и оставить кой-какой ненужный и хлопотливый[7] житейский вздор и хлам на зимних квартирах, до более удобного времени» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 29]. Но с другой — оказывается, что человеку каждый раз что-то мешает по-настоящему оставить все хлопоты на зимней квартире. Рассказчик показывает, что привычное поведение горожан похоже на хождение по кругу, недаром первый фельетон начинается с описания кружков, которые могут казаться очень разнообразными по содержанию, однако у пребывающих в них в итоге остается единственное желание — «стихнуть и умириться в теплом гнезде». Выход за город предстает как средство размыкания такого круга. Только радикальная перемена места способна перенастроить сознание человека, вывести из дремоты кружка, мечтательства, разбудить душу.

Фельетонист последовательно описывает ряд национальных особенностей русского человека, которые уводят его от непосредственной, действительной жизни. Например, в русских, несмотря на неспособность к строгой схематизации деятельности, в отличие от немцев, есть нечто, что «точно по какому-то предопределению восточному» втягивает их в якобы обязательный «хлопотливый» труд: «мы как будто тянем наш жизненный гуж через силу, с хлопотливым трудом, по обязанности, и стыдимся только сознаться, что не в мочь и устали». Выйти за город, на природу в этом контексте значит прервать это монотонное бессмысленное хлопотание и прожить некоторые события «под открытым небом»: «Будто и вправду переехали мы на дачи, чтоб отдыхать и наслаждаться природою? Посмотрите-ка прежде, чего-чего не вывезли мы с собой за заставу. Мало того, что не отставили, хоть за выслугу лет, ничего зимнего,

[7] В ранних текстах Достоевский регулярно использует слово «хлопотливый» для описания бесплодной, ведущей к загниванию жизни. Например, в «Хозяйке» рассказчик так описывает типичного горожанина, противопоставляя его вышедшему из добровольного заточения Ордынову: «занятый петербургский человек, бесплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивает средств умириться, стихнуть и успокоиться где-нибудь в теплом гнезде, добытом трудом, потом и разными другими средствами» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 264] (заметим как это описание созвучно описанию горожанина, страдающего от вопроса *что нового?*).

старенького — напротив, пополнили новым, живем воспоминаньями, и старая сплетня, старое житейское дельцо идет за новое. Иначе скучно, иначе придется испытать, каков преферанс при пенье соловья и под открытым небом, что, впрочем, и делается» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 30].

Фельетонист отмечает и другие особенности нашего национального характера: «в нас так сильно развит один пренеприятный обычай (не спорим, он, может быть, там как-нибудь и полезен в нашем общем хозяйстве) — всегда, часто без нужды, так, по привычке поверять и уже слишком точно взвешивать свои впечатления, взвешивать иногда только предстоящее, грядущее наслаждение, еще не осуществившееся, оценять его и удовлетворяться им заранее, в мечтах, удовлетворяться фантазией и, естественно, быть потом негодным в настоящее дело?... И как не устать наконец, как не упасть в бессилии, вечно гоняясь за впечатлениями, словно за рифмой к плохому стиху, мучась жаждою внешней, непосредственной деятельности и пугаясь, наконец, до болезни своих же иллюзий, своих же химер головных, своей же мечтательности и всех тех вспомогательных средств, которыми в наше время стараются кое-как пополнить всю вялую пустоту обыденной бесцветной жизни»[8]. И в этом же абзаце опять отмечает: «А между тем трудно сказать, что бы сталось с нами, если б не выдавались нам хоть эти несколько дней в целый год и не утоляли разнообразием явлений природы нашу вечную ненасытимую жажду непосредственной, естественной жизни» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 30].

При этом фельетонист отмечает, что все же уже многие сограждане жаждут настоящей деятельности, однако, в отличие от тех же немцев, русский не может хорошо делать дело, если оно не

[8] Примечательно, что эту погоню за впечатлениями фельетонист сравнивает с обрыванием цветка: «Мы всегда разомнем, истерзаем цветок, чтоб сильнее почувствовать его запах, и ропщем потом, когда вместо аромата достается нам один чад» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 30]. Переделанный отрывок из стихотворения Тургенева «Цветок» был взят Достоевским в качестве эпиграфа к роману «Белые ночи». Внося, казалось бы, незначительные поправки, писатель полностью поменял смысл отрывка — с идеи хищнической страстной любви, использующей другого для минутной забавы, на образ того, кто создан для сердца другого (подробно эта тема анализируется Т.А. Касаткиной в ряде лекций, прочитанных на летней школе в Италии). Заметим, что именно «как в чаду» ходили Мечтатель и Настенька, когда решили отказаться от своей братской любви и стать обычной парой, мечтающей о прелестях совместной жизни.

выбрано им самостоятельно по большой любви, а дело по любви найти оказывается крайне трудно. Именно поэтому «в характерах, жадных деятельности, жадных непосредственной жизни, жадных действительности, но слабых, женственных, нежных, мало-помалу зарождается то, что называют мечтательностию, и человек делается наконец не человеком, а каким-то странным существом среднего рода — мечтателем» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 32]. Далее идет отчасти знакомое нам по роману описание героя и его жизни. Завершается же этот пассаж в фельетоне так: «Наконец <...> он сбивается, теряется, упускает моменты действительного счастья и, в апатии, лениво складывает руки и не хочет знать, что жизнь человеческая есть беспрерывное самосозерцание в природе и в насущной действительности. <...> Дачная жизнь, полная внешних впечатлений, природа, движение, солнце, зелень и женщины, которые летом так хороши и добры, — всё это чрезвычайно полезно для больного, странного и угрюмого Петербурга, в котором так скоро гибнет молодость, так скоро вянут надежды, так скоро портится здоровье и так скоро переработывается весь человек. Солнце у нас такой редкий гость, зелень такая драгоценность, ***и так усидчиво привыкли мы к нашим зимним углам, что новость обычаев, перемена места и жизни не могут не действовать на нас самым благодетельным образом***» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 34].

Посмотрим теперь, как представлен и какую роль играет мотив выхода за город в художественных текстах. Напомним, что в начале повествования герой описывает, навалившееся на него беспокойство, причины которого он не сразу мог угадать, чувствовал, что что-то изменилось, но не мог понять что, а для Мечтателя, как он сам подчеркнул, крайне важно сохранение неизменности внешнего мира. Наконец герой догадывается, что все от него «удирают на дачу», отчего ему «стало стыдно, обидно и грустно, ему решительно некуда и незачем было ехать на дачу». Однако, гуляя в забытье, он все же очутился у заставы — «вмиг ему стало весело, и он шагнул за шлагбаум». «Какое-то бремя спадает с души его», он буквально оказывается в другом мире, в Италии, где все приветливы, добры и рады друг другу: «я шагнул за шлагбаум, пошел между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей. Все проезжие смотрели на меня так приветливо, что решительно чуть не кланялись;

все были так рады чему-то, все до одного курили сигары. И я был рад, как еще никогда со мной не случалось. Точно я вдруг очутился в Италии, — так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 104–105].

Испытанное таким образом внезапное счастье, переменило что-то в самом Мечтателе и в окружающей его действительности. Важно учесть, что первые строки романа описывают его состояние уже *после* выхода за город, свою прогулку он вспоминает, а не проходит «в реальном времени». Поэтому в этих строках герой-рассказчик описывает ночное светлое небо (под которым и предлагал пожить фельетонист), которое вдруг распахивается перед ним. В то время как еще недавно он созерцал вечернюю зарю «разве только мельком, почти невольно» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 114]: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что взглянув на него, невольно нужно было спросить себя неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 102]. Этот молодой вопрос оказывается прямым следствием того, что за городом Мечтатель обнаружил мир, в котором «проезжие смотрели <...> так приветливо, что решительно чуть не кланялись; все были так рады чему-то» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 105].

Примечательна и другая перемена, произошедшая с Мечтателем. Из пассивного созерцателя он превращается в того, кто действует, и сама судьба посредством счастливого случая помогает ему. Именно так описывается то, почему, казалось бы, незадавшееся знакомство с Настенькой все-таки увенчивается успехом: «Но покамест я приискивал слово, девушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчас же пошел вслед за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла через улицу и пошла по тротуару. Я не посмел перейти через улицу. Сердце мое трепетало, как у пойманной птички. Вдруг один случай пришел ко мне на помощь» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 106].

В начале мы сказали, что никакой последующий сюжет не завязан на этом эпизоде, однако это не совсем верно. Автор выстраивает разговор Мечтателя и Настеньки так, что именно выход за пределы города оказывается причиной их встречи. На вопрос, как он узнал, что Настенька достойная внимания и дружбы женщина, то есть

не хозяйка, а та, к которой стоило подойти за братскими словами, Мечтатель отвечает, что стремился защитить ее, но героиня корректирует вопрос и говорит: «нет, там, на той стороне». Тогда мечтатель отвечает: «Но я, право, не знаю, как отвечать; я боюсь... Знаете ли, я сегодня был счастлив; я шел, пел; я был за городом; со мной еще никогда не бывало таких счастливых минут» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 108]. В связи с установленной таким образом причинно-следственной связью, кажется, возможным поставить вопрос: если бы Мечтатель не вышел из города, если бы ему не стало весело и он не был счастлив, увидел ли бы он Настеньку, явилась ли бы она ему, как та, с кем возможно сказать два братских слова, или он прошел бы мимо, не заметив ее, или вплел бы в свою фантазию, сочинив за нее ее историю, или ее вообще бы не было на том мосту.

Удивительно схожим образом выстроена композиция встречи Ордынова с Катериной: герой заходит в церковь в поисках загадочной пары, которую видел там накануне, но не обнаружив ее, решает поесть и пройтись, бессознательно он заходит в «глушь, где уже не было города». Там мертвая тишина «поражает его новым, давно неведомым ему впечатлением». Вернувшись, он встречает в церкви молящуюся Катерину: «Долго и бессознательно бродил он по улицам, по людным и безлюдным переулкам и наконец зашел в глушь, где уже не было города и где расстилалось пожелтевшее поле; он очнулся, когда мертвая тишина поразила его новым, давно неведомым ему впечатлением. День был сухой и морозный, какой нередко бывает в петербургском октябре. Неподалеку была изба; возле нее два стога сена; маленькая круторебрая лошаденка, понуря голову, с отвислой губой, стояла без упряжи подле двуколесной таратайки, казалось, об чем-то раздумывая. Дворная собака ворча грызла кость вблизи разбитого колеса, и трехлетний ребенок в одной рубашонке, почесывая свою белую мохнатую голову, с удивлением глядел на зашедшего одинокого горожанина. За избой тянулись поля и огороды. На краю синих небес чернелись леса, а с противоположной стороны находили мутные снежные облака, как будто гоня перед собою стаю перелетных птиц, без крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Всё было тихо и как-то торжественно-грустно, полно какого-то замиравшего, притаившегося ожидания... Ордынов пошел было дальше и дальше; но пустыня только тяготила его. Он повернул назад, в город, из которого вдруг понесся густой гул колоколов, сзывавших к вечернему богослужению, удвоил шаги и через несколько времени опять вошел

в храм, так знакомый ему со вчерашнего дня. Незнакомка его была уже там» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 270]. Возникают те же вопросы — зачем нужна была эта прогулка? почему только будучи за пределами города, герой слышит колокольный звон, призывающий его в церковь, где уже явилась Катерина?

Заметим, что Ордынов, выйдя из города, попадает совсем в иное пространство, нежели Мечтатель. В этом различии открывается и принципиальная разница героев, каждый идет за черту и находит именно то, что нужно ему. В «Петербургской летописи» выход за город предлагается автором как средство радикального преодоления состояния человека, закуклившегося в своих хлопотах или мечтах, причем радикальное настолько, что меняется само существо человека, он «излечивается от самых закоренелых болезней» души: вдруг видит людей открытыми для общения, как Мечтатель, или, как Ордынов, наконец обнаруживает простор и тишину реального мира, в которой слышен призыв церкви (напомним, что работа Ордынова, которая отравляла его медленным ядом, заключалась в написании истории древней Церкви). Если же мы принимаем, что встреча с героинями происходит не после, а вследствие выхода из города, то становится понятно, что такая встреча возможна только после кардинальной внутренней перестройки человека. Город становится символом жизни, где каждый отделен от другого, но все вместе идут по установленным колеям. Случившаяся же с героями перемена дает возможность выстроить связь с другим человеком на принципах братской «невозбранной» любви, открывающей в человеке бесконечный источник вдохновения и жизни, то есть — Бога. Другой перестает быть посторонним, но оказывается давно знакомым и желанным[9]. Однако героям все же не удается удержать эту

[9] Настенька: «Я вас так знаю, как будто уже мы двадцать лет были друзьями...». Мечтатель: «Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять после такой долгой разлуки, — потому что я вас давно уже знал, Настенька, потому что я уже давно кого-то искал, а это знак, что я искал именно вас и что нам было суждено теперь свидеться, — теперь в моей голове открылись тысячи клапанов, и я должен пролиться рекою слов, не то я задохнусь» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 114]. Катерина: «Ты укроти свое сердце и не люби меня так, как теперь полюбил. Тебе легче будет, сердцу станет легче и радостнее, и от лютого врага себя сбережешь, и любу-сестрицу себе наживешь. Буду к тебе приходить, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возьму, что спозналась с тобой. Была же с тобою два дня, как лежал ты в злом недуге! Спознай сестрицу! Недаром же мы братались с тобой, недаром же я за тебя Богородицу слезно молила! другой такой не нажить тебе! Мир изойдешь кругом, поднебесную узнаешь — не найти тебе другой такой любы, коли любы твое

связь, они оба в какой-то момент соблазняются любовью страстной и желанием единовластного обладания, что не совместимо с идеей бесконечного изобилия[10].

Исследователи «Белых ночей» нередко обнаруживают в образах романа отсылки к стихам А.С. Пушкина: «Осень»[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 489], «Я вас любил» [Захаров, 2013, с. 147] и др. Мне же кажется, что может быть не бессмысленным обратиться к стихотворению «Я помню чудное мгновенье», прочитанном так, как это настойчиво предлагает делать Т.А. Касаткина. По ее мнению, речь в этом тексте идет не о женщине, но музе, которая является как давний знакомец поэту, чтобы соединить его с божеством и жизнью, но является только тогда, когда душа поэта **пробуждена**.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои

сердце просит. Горячо тебя полюблю, всё, как теперь, любить буду, и за то полюблю, что душа твоя чистая, светлая, насквозь видна; за то, что как я взглянула впервой на тебя, так тотчас опознала, что ты моего дома гость, желанный гость и недаром к нам напросился; за то полюблю, что, когда глядишь, твои глаза любят и про сердце твое говорят, и когда скажут что, так я тотчас же обо всем, что ни есть в тебе, знаю» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 291].

[10] См. работы о «другой» любви в раннем творчестве Достоевского: [Гачева, 2004], [Касаткина, 2004], [Магарил-Ильяева, 2019].

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Выход из города символизирует пробуждение души или сердца человека, чтобы оно смогло по-настоящему «побыть хотя мгновенье в соседстве» другого сердца, то есть не посягая на него, но обратившись к нему как к источнику жизни. Настоящее *общежитие* возможно лишь при таком типе соединения людей. Человеку нужно пройти долгий путь, излечиться, увидев солнце, найти в себе силы выйти за пределы привычного, чтобы получить шанс устроить жизнь на *новых* основаниях.

Список литературы

1. Гачева, 2004 — *Гачева А.Г.* «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.

2. Гюго, 1902 — *Гюго В.* Post-Scriptum моей жизни. Посмертное произведение. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902. 92 с.

3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

5. Захаров, 2013 — *Захаров В.Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.

6. Карамзин, 1993 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. I–IV. 560 с.

7. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* «Другая» любовь в ранних произведениях Достоевского // *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 141–151.

8. Касаткина, 2020 — *Касаткина Т.А.* Особенности структуры ранних «гностических» текстов Достоевского: Анагогическая история // Достоевский и мировая культура. Фило-

логический журнал. 2020. № 2(10). С. 95–115. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-2-95-115

9. Комарович, 1930 — *Комарович В.Л.* Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.; Л.: ACADEMIA, 1930. С. 89–124.

10. Нечаева, 1979 — *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

11. Магарил-Ильяева, 2019 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Мотив смены квартиры в произведениях Ф.М. Достоевского: от раннего творчества к роману «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 112–132. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-112-132

12. Магарил-Ильяева, 2021 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Фельетоны 1847 года как «толковый словарь» философии раннего творчества Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16). С. 24–39. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-24-41

References

1. Gacheva, A.G. *"Nam ne dano predugadat', kak slovo nashe otzovetsia..."* [*"We Cannot Imagine, How Our Word Will Resound..."*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 604 p. (In Russ.)

2. Hugo, Victor. *Post-Scriptum moei zhizni. Posmertnoe proizvedeniie* [*Post-Scriptum to My Life. A Posthumous Work*]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1902. 92 p. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*]. 2013–continuing publication. (In Russ.)

5. Zakharov, V.N. *Imia avtora — Dostoevskii. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on His Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)

6. Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [*History of the Russian State*], vols. 1–6. Kaluga, Zolotaia alleia Publ., 1993. 560 p. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. "'Drugaia' liubov' v rannikh proizvedeniiakh Dostoevskogo" ["'Another' Love in Dostoevsky's Early Works"]. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyshem smysle"* [*On the Creative Nature of the Word. The Ontological Nature of the Word in Dostoevsky's Works as the Basis of "Realism in the Highest Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004, pp. 141–151. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. "Osobennosti struktury rannikh 'gnosticheskikh' tekstov Dostoevskogo: Anagogicheskaia istoriia" ["Structural Peculiarities of Dostoevsky's Early 'Gnostic' Texts: Anagogic History"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (10), 2020, pp. 95–115. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-2-95-115

9. Komarovich, V.L. "Peterburgskie fel'etony Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Petersburg Feuilletons"]. *Fel'etony sorokovykh godov* [*Feuilletons of the Forties*]. Moscow; Leningrad, ACADEMIA Publ., 1930, pp. 89–124. (In Russ.)

10. Nechaeva, V.S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [*Early Dostoevsky. 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

11. Magaril-Il'iaeva, T.G. "Motiv smeny kvartiry v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo:

ot rannego tvorchestva k romanu ‘Unizhennye i oskorblennye’” [“The Motif of Moving Flats in F.M. Dostoevsky’s Texts: From Early Works to the Novel *The Insulted and the Injured*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (8), 2019, pp. 112–132. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-112-132

12. Magaril-Il’iaeva, T.G. “Fel’etony 1847 goda kak ‘tolkovyi slovar’’ filosofii rannego tvorchestva F.M. Dostoevskogo” [“1847 Feuilletons as an ‘Explanatory Dictionary’ of the Philosophy of Dostoevsky’s Early Works ”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (16), 2021, pp. 24–39. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-24-41

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025
Одобрена после рецензирования: 25.11.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 20 Aug. 2025
Approved after reviewing: 22 Nov. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.16.1.0+821.111.0+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+ 83.3(4Вел)+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-58-78
https://elibrary.ru/TGZAOB

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Катерина Корбелла
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«С чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику»: Шекспир в «Бесах» Ф.М. Достоевского

© 2025. Caterina Corbella
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"She Read the Immortal Chronicle with Extreme Attention": Shakespeare in Dostoevsky's Novel *Demons*

Информация об авторе: Катерина Корбелла, кандидат филологических наук, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5996-0127
E-mail: cate.corbella@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта №25-1800009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов».

Аннотация: Статья посвящена шекспировскому подтексту в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Исходя из прямых упоминаний пьес Шекспира в книге, уточняется и углубляется понимание значения этих аллюзий для замысла романа. Исследование сосредоточено на пьесах «Генрих IV» (первая и вторая части), и кратко останавливается на «Гамлете», оставляя для будущего исследования разговор об «Отелло». Показано, как сравнение с героями Шекспира вносит вклад в формирование ауры «княжеских» ожиданий вокруг личности Ставрогина, и, следовательно, как это сравнение играет важную роль в ключе-

вом мотиве «самозванца» в романе. За его счет создается связь между диалогом Николая Всеволодовича с Марьей Лебядкиной и словами Дроздовой о том, что «англичанина не было». Предложена параллель между смертью Короля во второй части «Генриха IV» и смертью Степана Трофимовича в «Бесах»: эти смерти рассматриваются как момент восстановления порядка, и для создания такого ощущения авторы используют сходный прием: незначительное место, где умирают герои, становится прообразом Небесного Иерусалима благодаря своему имени. Степан Трофимович и Лиза Тушина выделяются как главные читатели Шекспира в романе. Кратко рассматриваются возможные пути исследования связей с «Гамлетом»: Гамлет, как и Гарри, представляет собой образ принца, который должен явиться в этом качестве в смутное время. Как рабочая гипотеза для дальнейшей работы фиксируется наблюдение, что связь между Гамлетом и Ставрогиным в романе всегда разыгрывается «наизнанку», парадоксально искривляя образ первого в лице второго.

Ключевые слова: «Бесы», «Генрих IV», хроника о первых Ланкастерах, «Гамлет», Шекспир и Достоевский, принц Гарри, Ставрогин.

Для цитирования: *Корбелла К.* «С чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику»: Шекспир в «Бесах» Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 58–78. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-58-78

Information about the author: Caterina Corbella, PhD in Philolgy, Associate Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-5996-0127

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009: "Characters' Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky's Mature Works (1859–1881)."

Abstract: The article is devoted to the Shakespearean subtext in Fyodor Dostoevsky's novel *Demons*. Based on the direct references to Shakespeare's plays in the book, the study clarifies and deepens the understanding of the significance of these allusions for the novel's design. The research focuses on the plays *Henry IV* (Parts One and Two) and briefly touches on *Hamlet*, leaving discussion of *Othello* for future study. It is shown how comparison with Shakespeare's characters contributes to the creation of an aura of "princely" expectations surrounding the figure of Stavrogin and, consequently, how this comparison plays an important role in the novel's key motif of the "impostor." The dialogue between Nikolay Stavrogin and Maria Lebiadkina is connected to Drosdova's words, "there was no Englishman," on the basis of this common motif. A parallel is proposed between the death of the King in Part Two of *Henry IV* and that of Stepan Trofimovich in *Demons*: these deaths are viewed as moments of the restoration of order, and to achieve this effect the authors use a similar technique—the insignificant place where the characters die becomes a prototype of the Heavenly Jerusalem thanks to its name. Stepan Trofimovich and Liza Tushina are singled out as the main readers of Shakespeare in the novel. Possible paths for

exploring connections with *Hamlet* are briefly considered: like Harry, he represents an image of "the prince who is to come" in dark times. The hypothesis is put forward that the relation between Hamlet and Stavrogin in the text should be read "upside down," the image of the former reduced and distorted in the one of the latter.

Keywords: *Demons*, *Henry IV*, Henriad, *Hamlet*, Shakespeare and Dostoevsky, Prince Hal, Stavrogin.

For citation: Corbella, Caterina. "'She Read the Immortal Chronicle with Extreme Attention': Shakespeare in Dostoevsky's Novel *Demons*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 58–78. (In Russ.)

https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-58-78

Немало исследователей до меня обращали внимание на насыщенное присутствие шекспировских мотивов и аллюзий в «Бесах» (см.: [Надь, 2022]; [Ковалевская, 2021]; [Степанян, 2016]; [Kovalevskaya, 2014]; [Криницын, 1999]; [Leer, 1962]). Это неудивительно, ведь в «Бесах» Шекспира много: как пишет Т.В. Ковалевская, это «самый открыто ориентированный на Шекспира роман Достоевского» [Kovalevskaya, 2014, p. 74][1]. В данной работе исследование шекспировского подтекста в романе проводится согласно подходу, который мы с коллегами начали разрабатывать в прошлые годы при подготовке монографии «Книги в книге: роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского "Идиот"» [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024]. Его главная предпосылка состоит в том, что «упоминание любой книги в текстах Достоевского никогда не является случайным и проходным, но придает дополнительный объем его основным историям, которые таким образом могут необыкновенно расширяться и углубляться, вбирая в себя сложно интерпретированные смыслы включенных книг, а также их жанровые формы» [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024, с. 13]. Отсюда вытекает необходимость внимательно прослеживать то, как именно тексты появляются в произведении — в какой момент, в какой форме, кем они прочитываются или пересказываются. Именно в использовании таких деталей как *единственной* отправной точки для анализа проявляется основное отличие данной работы от других исследований. Самое очевидное следствие такого выбора состоит в том, что здесь не будут привлекаться произведения Шекспира, не упомянутые в тексте — даже такие, которые, как мы

[1] Перевод мой.

знаем, Достоевский высоко ценил («Король Лир», «Макбет», и др.)[2]. Кроме того, исследовательская задача состоит не в поиске сходств и отличий философских и антропологических взглядов двух авторов[3], а в попытке выявить дополнительные уровни и смыслы, которые появляются в романе через включение в него того или иного произведения. Таким образом, проведенный анализ, результаты которого могут иногда совпадать с замечаниями коллег, окажется способным внести новый вклад в понимание как романа «Бесы», так и отношения Достоевского к Шекспиру.

Пьес, к которым Достоевский открыто отсылает в романе, четыре: две части «Генриха IV»[4], «Гамлет» и «Отелло». Во всех случаях упор делается на содержание этих произведений — в частности, на характеристику их действующих лиц — как разделенного знания некоторых героев. Вокруг имени Шекспира строится речь Степана Трофимовича, спрашивающего себя и своих слушателей: «Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 372][5] и объявляющего, что «Шекспир и Рафаэль — выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 372–373] — тем самым отвечая на слова собственного сына, призвавшего «побивать камнями» Барда во имя всеобщего равенства (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 322]). В статье внимание сосредоточивается на «Генрихе IV» и «Гамлете», на будущее

[2] Ср.: [Криницын, 1999]; [Kovalevskaya, 2014].

[3] Такова цель, например, Т.В. Ковалевской, анализ по другим параметрам близок моей работе. См.: [Kovalevskaya, 2014].

[4] В тексте Достоевский ссылается на «Генриха IV», не уточняя, о какой именно части идет речь (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 102]) и не упоминает прямо остальные части хроники о первых Ланкастерах («Ричард II» и «Генрих V»). Как заметила Т.А. Ковалевская, Достоевскому достаточно было знания исключительно этих двух пьес для своей первой, самой очевидной цели: сближения Ставрогина и принца Гарри (см.: [Kovalevskaya, 2014, с. 75]), чьи бурная молодость и неожиданное изменение нрава находятся в центре данных произведений. Однако же стоит зафиксировать, что Достоевский с самого начала пишет о сюжете, связанном с принцем Гарри, именно как о «хронике» — и оставить открытым вопрос о том, какие еще произведения этой хроники необходимо учитывать при чтении «Бесов».

[5] Комментарий к этой сцене и анализ важного изменения в постановке вопроса при переходе от подготовительных материалов к окончательному тексту см.: [Kovalevskaya, 2014, pp. 79–80].

откладывается рассмотрение роли «Отелло», других частей хроники о первых Ланкастерах (если такой анализ окажется необходим), а также вопрос о значении имени Шекспира в романе.

«Генрих IV», произведение в двух частях, занимает первое место среди шекспировских пьес в «Бесах» — по порядку появления и по количеству упоминаний его героев (принца Гарри и Фальстафа). Сюжет впервые встречается в главе, именуемой как раз «Принц Гарри. Сватовство»:

«Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степан Трофимович уверял ее, что это только первые, буйные порывы слишком богатой организации, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившего с Фальстафом, Пойнсом и мистрис Квикли, описанную у Шекспира. Варвара Петровна <...> очень прислушалась, велела растолковать себе подробнее, сама взяла Шекспира и с чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 36].

Мы видим, как Степан Трофимович первым указывает на сходство Николая Всеволодовича и принца Гарри, чтобы успокоить Варвару Петровну. Сравнение будет пользоваться чрезвычайным успехом в течение романа: разные герои будут прибегать к нему, и — что характерно — им будут прикрываться все странные и позорные поступки, совершенные Ставрогиным до начала действия романа, в частности, во время его пребывания в Петербурге, когда завязались отношения с Лебядкиными, братом и сестрой. Среди лиц, обратившихся к этому сравнению, есть и сам Николай Всеволодович, однако он это делает под другим углом: мы не знаем, называл ли он себя «принцем Гарри», но дважды сказано, что в Петербурге он говорил о Лебядкине как о «своем Фальстафе» [Достоевский, 1972–1990, с. 148][6]. То есть, мы не знаем, смотрел ли он на себя как на принца Гарри — но уверенно можно сказать, что он смотрел на компанию, вокруг него собиравшуюся как на «Фальстафа, Пойнса и мистрис Квикли».

[6] Об этом нам говорят Петр Степанович и сам Лебядкин. Оставляю для другой статьи разговор о Лебядкине-Фальстафе, поскольку он требует дальнейшего изучения. Добавлю, что было бы интересно более пристально изучить частый (по моему ощущению) прием Достоевского, когда один персонаж приводит слова другого героя в разговоре с ним. Самое известное — случай в «Идиоте» («Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет “красота”?» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 317]), но и в «Бесах» можно найти такие примеры.

Стоит отметить, что в пьесе, когда речь идет о времени, которое принц Гарри провел в разгуле, часто встречаются слова «night» («ночь») и «devil/devils» («диавол/бесы»). Слово «devil», неоднократно повторяющееся у Шекспира, появляется почти сразу: «What a devil hast thou to do with the time of the day?»[7], спрашивает Гарри у Фальстафа во второй сцене первого акта. Там же, Фальстаф объявляет, что время его и его компании — «ночь»:

> Indeed, you come near me now, Hal, for we
> that take purses go by the moon and the seven
> stars, and not by Phoebus, he, that wand'ring
> knight so fair.
> <...>
> Marry then, sweet wag, when thou art king,
> let not us that are squires of the night's body be
> called thieves of the day's beauty. Let us be Diana's
> forestese, gentlemen of the shade, Minions of the
> moon, and let men say we be men of good government,
> being governed, as the sea is, by our noble
> and chaste mistress the moon, under whose countenance
> we steal [1 Henry IV, Act 1, Scene 2].
>
> («А ведь, в самом деле, Галь! Мы, мошенники, считаем только ночные часы, по луне и звездам, а не по солнцу, этому "блуждающему рыцарю тверди" <...> Когда ты будешь королем, не вели, пожалуйста, называть нас, ночных воров, мошенниками. Пусть нас зовут стражами Дианы, рыцарями мрака, любимцами луны, чтобы в народ шла о нас порядочная молва, что мы управляемся, как море, целомудренной луной, под покровительством которой воруем» [Шекспир, 1865–1868, т. 2, с. 359].)

Именно эти слова в своем романе Достоевский, несомненно, использует как концепты[8]. Однако в обоих пьесах Шекспир неодно-

[7] «На кой чорт тебе, в самом деле, спрашивать, который час?» [Шекспир, 1865–1868, т. 2, с. 358]. Все переводы приводится согласно изданию [Шекспир, 1865–1868], поскольку несомненно Достоевский имел доступ к нему (см.: [Библиотека, 2005, с. 100]). Важно при этом помнить, что Достоевский мог иметь больше одного издания всех драм, и ему был доступен перевод на другие европейские языки — прежде всего, на французский.

[8] Термин «концепт» я использую в соответствии с терминологией субъект-субъектного метода, разрабатывающегося Т.А. Касаткиной. См.: [Касаткина, 2022].

кратно подчеркивает, что разгульная жизнь принца, время «ночи» и «бесов» в итоге и будет способствовать лишь более яркому его явлению как настоящего короля. В той же второй сцене первого действия «Генриха IV» зритель\читатель узнает, что подобный поворот — почти что «стратегия» принца:

> So when this loose behavior I throw off
> And pay the debt I never promisèd,
> By how much better than my word I am,
> By so much shall I falsify men's hopes;
> And, like bright metal on a sullen ground,
> My reformation, glitt'ring o'er my fault,
> Shall show more goodly and attract more eyes
> Than that which hath no foil to set it off.
> I'll so offend to make offense a skill,
> Redeeming time when men think least I will
> [1 Henry IV, Act 1, Scene 2].
>
> («Так я, отрекшись буйной, прежней жизни / и выплатя сполна старинный долг, / на столько ж превзойду надежды мира, / на сколько я на самом деле лучше / того, чем им кажуся. Как металл / горит светлей на потускневшем грунте, / так юность обновленная моя, / над старыми ошибками сверкая, / покажется тем лучше и светлей. / Я самые пороки обращу / себе на пользу, бросив их в то время / когда того никто не ожидает» [Шекспир, 1865–1868, т. 2, с. 361].)

Здесь скрывается важное, роковое отличие. Ведь у Шекспира все действующие лица ужасно переживают, что Гарри не станет тем, кем он призван быть. Король жалуется на него, желая, чтобы его сыном был другой Гарри — Генри Хотспур. Интересно, что в его словах появляется и тема «самозванца», которая станет ключевой для «Бесов». Король желает, чтобы его Гарри был «не тем»[9]:

> Yea, there thou mak'st me sad, and mak'st me sin
> In envy that my Lord Northumberland
> Should be the father to so blest a son,
> <...>

[9] Отмечу, что Шекспир изменил историческую реальность, чтобы включить сравнение двух Гарри в пьесу, ведь по хроникам Перси был старше принца Гарри, а в пьесе они одного возраста. См.: [The Norton Anthology, 1986, p. 888].

Whilst I, by looking on the praise of him
See riot and dishonor stain the brow
Of my young Harry. O, that it could be proved
That some night-tripping fairy had exchanged
In cradle-clothes our children where they lay,
And called mine "Percy," his "Plantagenet"!
[1 Henry IV, Act 1, Scene 1].

(«Не растравляй моей сердечной раны, / о сыне вспоминая; ты наводишь / меня на грех невольно, побуждая / завидовать в душе Нортумберланду / счастливому отцу такого сына <...> меж-тем как я краснею по неволе / с ним сравнивая Гарри моего. / О если бы кто-нибудь меня уверил, / что наших сыновей, еще младенцев, / проворный дух внезапно обменил / и сына моего назвал Готспором, / его — Плантагенетом!» [Шекспир, 1865–1868, т. 2, с. 358].)

Только *впоследствии*, когда свершится судьба Гарри, все признают, что действительно буйная жизнь его молодости была лишь прикрытием, скрывающим лицо настоящего принца[10]. У Достоевского же настойчивое сравнение Ставрогина и принца Гарри в большинстве случаев приводится из уверенности, что судьба его совершится к благу — точнее, уже свершилась. Т.А. Касаткина прокомментировала такую ошибку героев (без указания на шекспировский контекст) в связи с Марией Тимофеевной: «она путает задание с данностью; задание, исполняя которое надо пройти долгий путь (путь, от которого идущий может отказаться — и тогда провал будет так же глубок, как вершина, на которую надо было взойти), — с наличным состоянием вещей» [Касаткина, 2006]. Здесь кроется главное различие между Гарри и Ставрогиным: благородство последнего пока не явилось, и не факт, что появится.

Из-за этого различия хроника Варвару Петровну «не успокоила, да и сходства она не так много нашла» [Достоевский, 1972–1990,

[10] Один из множества примеров, из «Генриха V»: «Он обещал не то, пока был молод; \ но кажется и смерть не так проворно \ постигнула его отца, как быстро \ он вместе с ним убил свои пороки.\ Обдуманность, явясь как светлый ангел, \ изгнала в нем греховного Адама, \ оставя плоть отверстую, как рай, \ к приему добрых качеств. Никогда \ себя не исправлял так быстро школьник; \ ни разу улучшение не вливалось \ в кого-нибудь, смывая так безследно \ прошедшие пороки. Нет примера, чтобы гидра своеволия теряла \ так быстро власть, как это увидали \ мы первый раз на нем» [Шекспир, 1865–1868, т. 3, с. 6].

т. 10, с. 36]. Именно такое заключение — результат ее полного и внимательного чтения текстов. Однако спустя некоторое время, когда Петр Степанович, солгавший о случившемся в Петербурге между Ставрогиным и Марией Тимофеевной, убеждает Варвару Петровну в возвышенных и благородных чувствах сына, она восклицает:

«Человек гордый и рано оскорбленный, дошедший до той “насмешливости”, о которой вы так метко упомянули, — **одним словом, принц Гарри**, как великолепно сравнил тогда Степан Трофимович и что было бы совершенно верно, **если бы он не походил еще более на Гамлета**, по крайней мере по моему взгляду» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 151].

Следует отметить, что принцу Гарри не подходит определение «человек <...> рано оскорбленный», которое действительно может отсылать к Гамлету. Однако грубое сопоставление этих трех личностей Варварой Петровной должно остерегать читателя и подталкивать его рассматривать скорее различия, чем сходства между персонажами: схожий прием Достоевский использовал в «Идиоте»[11]. Тем не менее, полагаю, что в этом романе Достоевскому было важно, чтобы читатель вместе с героями хорошо прочувствовал сопоставление Ставрогина с принцем Гарри. Не только целая глава называется «Принц Гарри»; хроникер также настойчиво повторяет: «наш принц», «принц Гарри»[12]. Тем самым голос хроникера создает «ауру» ожиданий вокруг личности Ставрогина, влияние которой испытывают как персонажи, так и читатели. Все — хроникер, действующие лица, читатели — видят в нем обещание благородства: как принц Гарри и как Гамлет, Ставрогин — принц, призванный явить свое подлинное, «королевское» лицо в смутное время. Проблема в том, что хотя все уверены в предстоящем явлении, его так и не происходит.

Внушенное сходство Ставрогина и принца Гарри, рассматриваемое через призму их различий, становится первым сигналом мотива «самозванца», который далее в романе явно обозначится в словах Марии Тимофеевны и Петра Степановича. Повторяющееся обращение «князь», то есть «принц», прозвучавшее из уст Марии Тимофеевны в третьей части второй главы, обогащается новыми

[11] Аглая приводит такое же поспешное сравнение трех героев (Мышкина, дон Кихота и рыцаря бедного). См.: [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024, с. 190–192].

[12] См.: [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 38–45].

смыслами, если учитывать вышесказанное. Ведь когда мы читаем эти страницы, Ставрогина уже неоднократно в течение рассказа назвали «принцем»: как мы видели, хроникер это делает буквально. Нас это не смущало, как не смущало и Ставрогина — самого прибегавшего когда-то к данному сравнению. Однако Мария Тимофеевна в своей простоте доведет дело до конца. Если Ставрогин действительно «принц», то в России он «князь». Она говорит всерьёз то, что другими используется как фигура речи, и сказав это, она с одной стороны, возмущает Ставрогина, с другой, она сама понимает, что он не тот, кем она его себе представляет: «того» нет. Ее прямолинейное высказывание обличает его как самозванца:

«— С чего вы меня князем зовете и... за кого принимаете? — быстро спросил он.

— Как? разве вы не князь?

— Никогда им и не был.

— Так вы сами, сами, так-таки прямо в лицо, признаётесь, что вы не князь!

— Говорю, никогда не был.

— Господи! — всплеснула она руками, — всего от врагов его ожидала, но такой дерзости — никогда! Жив ли он? — вскричала она в исступлении, надвигаясь на Николая Всеволодовича. — Убил ты его пли нет, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? — вскочил он с места с исказившимся лицом; но ее уже было трудно испугать, она торжествовала:

— А кто тебя знает, кто ты таков и откуда ты выскочил! Только сердце мое, сердце чуяло, все пять лет, всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъехала? Нет, голубчик, плохой ты актер[13], хуже даже Лебядкина. Поклонись от меня графине пониже да скажи, чтобы присылала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухне состоишь? Весь ваш обман насквозь вижу, всех вас, до одного, понимаю!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 218–219].

Полагаю, что Достоевский заранее готовил читателя к этой сцене в четвертой главе первой части. Хроникер вместе с Шатовым пришли с визитом в дом Лизы и познакомились с ее матерью,

[13] Примечательно, что именно в данном контесте появляется слово «актер». При анализе шекспировской проблематики в «Бесах» следует отметить, что лексика, относящаяся к театральному семантическому полю (маска, актер, спектакль и прочие) в этом романе изобильно присутствует.

Прасковьей Ивановной Дроздовой. В сбивчивых репликах старухи, так же, как и в словах Марии Лебядкиной, за Николаем Всеволодовичем якобы стоит «другой», которого, в итоге, нет:

«Вы здесь, когда Николай Всеволодович приезжал, были, четыре года назад?

Я отвечал, что был.

— А англичанин тут был какой-нибудь вместе с вами?

— Нет, не был.

Лиза засмеялась.

— А, видишь, что и не было совсем англичанина, стало быть, враки. И Варвара Петровна и Степан Трофимович оба врут. Да и все врут.

— Это тетя и вчера Степан Трофимович нашли будто бы сходство у Николая Всеволодовича с принцем Гарри, у Шекспира в “Генрихе IV”, и мама́ на это говорит, что не было англичанина, — объяснила нам Лиза.

— Коли Гарри не было, так и англичанина не было. **Один Николай Всеволодович куролесил**» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 102].

Этот диалог интересен не только тем, что подтверждает важность необходимости не поддаваться поспешному сопоставлению Гарри и Ставрогина — что уже было подсказано фразой о том, что Варвара Петровна «сходства <...> не так много нашла», — но также тем, что здесь, как и в других частях романа, личность Ставрогина представляется как будто скрывающей внутри себя другое лицо: лицо принца, «князя», который должен явиться, но не явится. Другого лица нет: есть только «один» Николай Всеволодович, что заметили и Дроздова, и Мария Тимофеевна. На этот механизм «обманутого ожидания», характеризующий не только Ставрогина, но весь мир «Бесов», обращает внимание Степан Трофимович, когда говорит о прокламациях: «Будь это хоть каплю умнее высказано, и всяк увидал бы тотчас всю нищету этой коротенькой глупости. Но теперь все останавливаются в недоумении: никто не верит, чтобы это так первоначально глупо. “**Не может быть, чтоб тут ничего больше не было**”, — говорит себе каждый и ищет секрета, видит тайну, хочет прочесть между строками» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 372]. Из-за этой внутренней пустоты, отсутствия подлинного лица за маской, в романе умножается хаос, который в «Бесах» ощущается в разы сильнее, чем у Шекспира.

Достоевский в своем романе показывает общество, которое полностью растерялось, как сказано в эпиграфе от Пушкина: «Хоть убей, следа не видно, / Сбились мы, что делать нам? / В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 5]. Т.А. Касаткина убедительно показала ключевую для романа мысль о том, что человек, потеряв Бога, вслед за бесами, сразу же теряет и свое лицо[14]. У Шекспира же, хотя бесы все же действуют в ночи английской истории, принц, как выясняется, не теряет окончательно осознания своего призвания и не поддается диаволу до потери своего подлинного лица. Заметим, что процесс личного преображения влияет на исторический и политический процесс в стране[15]: порядок и смысл побеждают хаос гражданской войны после того, как принц Гарри признает их и дает им восторжествовать прежде всего в самом себе. Однако, даже в «Бесах», несмотря на более страшное положение вещей, смысл и порядок вновь входят в мир через действие одного героя, который восстанавливает их прежде всего в себе: это Степан Трофимович, принявший решение выйти «на большую дорогу» (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 480–481]).

Т.А. Касаткина показала значимость цели его пути, Спасов: благодаря своему имени маленькое село становится образом Небесного Иерусалима, к которому идет «весь мир» (см.: [Касаткина, 2004, с. 241]). Удивительно было обнаружить, что Шекспир использовал схожий прием во второй части «Генриха IV», при описании смерти

---

[14] См.: [Касаткина, 2006].

[15] Эта характеристика текстов Достоевского и Шекспира хорошо описана Ковалевской: «It is worth noting at this point that both Shakespeare and Dostoevsky create works that are deeply rooted in a specific time and place. Their characters' attitudes, behavior, mindsets, and decisions depend heavily on specific political situations, on particular customs and traditions, yet at the same time, both writers' works are ultimately timeless. For both Shakespeare and Dostoevsky, human actions and historical events transpiring in our physical world are motivated and propelled forward by the metaphysical engines determining people's actions» [Kovalevskaya, 2014, p. 73–74]. Неслучайно самый шекспировский текст Достоевского — это тот, который наиболее явно укоренен в историко-политическом процессе. На этом пересечении необходимо искать причину, по которой Достоевский решил назвать свой роман «хроникой» (решение, которое кратко комментирует [Надь, 2022], однако не раскрывая этот момент). Отмечу здесь, что в своей работе Т.А. Ковалевская упоминает и другие возможные прочтения политического уровня пьесы с другой, негативной оценкой действий принца, см.: [Kovalevskaya, 2014, p. 77–78] — однако я *пока* не вижу, как такие интерпретации могли были заинтересовать Достоевского при написании «Бесов».

Короля. Именно эта смерть служит последним толчком к изменению Гарри, который становится тем, кем он призван стать — а также законно наследует корону, которую его отец получил незаконно[16]. В четвертом акте, на смертном одре Король говорит о своем неосуществившемся путешествии в Святую Землю. Оно должно было стать знамением нового времени в обществе, времени внутреннего мира и тем самым — возможности для народа вновь соединиться в общей вере во Христе. Однако, неожиданно для Короля, ситуация решается по-другому, и он умирает не в Иерусалиме, а в Иерусалимской палате. Вот как эта сцена описывается у Шекспира:

KING
Doth any name particular belong
Unto the lodging where I first did swoon?
WARWICK
'Tis called Jerusalem, my noble lord.
KING
Laud be to God! Even there my life must end.
It hath been prophesied to me many years,
I should not die but in Jerusalem,
Which vainly I supposed the Holy Land.
But bear me to that chamber; there I'll lie.
In that Jerusalem shall Harry die
[2 Henry IV, Act 4, Scene 3].

(«*Король Генрих*: Как называют комнату, в которой \ я в первый раз лишился чувств? \ *Варвик*: Ее \ Зовут Иерусалимом, государь. \ *Король Генрих*: Хвала Творцу! Там встречу я кончину! \ Мне предсказали, помнится, давно, \ что будто я умру в Иерусалиме. Я думал все, что это в Палестине, \ но вышло иначе. Перенесите \ меня туда и положите там, \ чтобы Генрих встретил смерть в Иерусалиме» [Шекспир, 1865–1868, т. 2, с. 432].)

О планах Короля отправиться в крестовый поход в Святую Землю читатель узнал в первой сцене первого действия первой части, как и о том, что единственное препятствие к исполнению их — нес-

[16] См.: «To thee it shall descend with better quiet, \ Better opinion, better confirmation, \ For all the soil of the achievement goes \ With me into the earth» [2 Henry IV, Act 4, Scene 1]. Хотелось бы в будущем углубить этот аспект, который связан со сменой поколений и с *ошибками* старшего поколения. Ковалевская тут видит параллель со словами Верховенского младшего о Иване-Царевиче [Kovalevskaya, 2014, p. 76–78].

покойная ситуация в стране. Затем Король выражает свое желание такого паломничества постоянно в течение двух пьес. Такая настойчивость, очевидно смыслообразующая в тексте Шекспира, вряд ли могла ускользнуть от такого вдумчивого читателя, как Достоевский, тем более что он неоднократно размышлял о связи между верой и обществом, в том числе (в художественной форме) — в «Бесах». Если к этому еще добавить, что в обоих случаях речь идет о смерти представителей «старшего поколения» и что в обоих произведениях преемственность между поколениями — ключевой мотив, то эти сходства перестанут казаться простым совпадением.

Внутренние отсылки к Шекспиру не ограничиваются сюжетом и героями из двух частей «Генриха IV». Рядом с ними стоит кратко рассмотреть и отсылки к «Гамлету». Варвара Петровна уподобляет сына датскому принцу, как мы уже видели. Далее, она же сетует:

«И если бы всегда подле Nicolas (отчасти пела уже Варвара Петровна) находился тихий, великий в смирении своем Горацио, — другое прекрасное выражение ваше, Степан Трофимович, — то, может быть, он давно уже был бы спасен от грустного и “внезапного демона иронии”, который всю жизнь терзал его. (О демоне иронии опять удивительное выражение ваше, Степан Трофимович.) Но у Nicolas никогда не было ни Горацио, ни Офелии. У него была лишь одна его мать, но что же может сделать мать одна и в таких обстоятельствах?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 151].

К этой цитате обращаются А.Б. Криницын [Криницын, 1999] и Т.В. Ковалевская [Kovalevskaya, 2014]. Первый рассматривает прежде всего сходство Гамлета и Ставрогина, а также мотив самоубийства, через который вовлекает в шекспировский контекст еще одного героя «Бесов» — Кириллова. Т.В. Ковалевская совсем кратко обозначает возможные пути развития замечания Варвары Петровны о Горацио и об Офелии, в частности, отмечая парадоксальность ситуации: «Если отсутствие Горацио означает отсутствие надежного друга, то отсутствие Офелии означает, что Ставрогин еще не довел никого до самоубийства — преднамеренно или нет. Ирония в том, что у Ставрогина есть и то и другое, и в избытке. Многие персонажи претендуют на роль Горацио в романе, а Матреша, о чем Варвара Петровна и не подозревает, — это Офелия Ставрогина, чья смерть, вероятно столь же непреднамеренная, как смерть Офелии в “Гамлете”, становится его окончательной гибелью. Затем есть Лиза Тушина — еще одна претендентка на роль Офелии, поскольку ее

связь со Ставрогиным также заканчивается трагедией и смертью» [Kovalevskaya, 2014, p. 75][17].

Действительно, эта цитата демонстрирует поверхностное знание пьесы со стороны Варвары Петровны — и не только из-за странного стремления отыскать «Офелию» для своего сына. Мы уже обратили внимание на выражение «человек <...> рано оскорбленный» и заметили, что оно вряд ли подходит для описания принца Гарри; скорее всего его следует читать как указание на связь между Гамлетом и Ставрогиным. В таком случае эти слова можно понимать как отсылку к ранней утрате отца. Однако подобное сближение невыгодно для самой Варвары Петровны, которой в таком сопоставлении соответствовала бы роль королевы-матери, причастной к смерти мужа и поспешно сошедшейся с его убийцей (роль, на которую в этом гротескном сценарии мог бы претендовать разве что бедный Степан Трофимович). Слова о том, что «у него была лишь одна его мать, но что же может сделать мать одна и в таких обстоятельствах?» для знатока Шекспира звучат крайне иронично.

Однако история Гамлета появилась в романе раньше, при неожиданной встрече Лизы со Степаном Трофимовичем:

«А помните ваши рассказы о том, как Колумб открывал Америку и как все закричали: “Земля, земля!” Няня Алена Фроловна говорит, что я после того ночью бредила и во сне кричала: “Земля, земля!” ***А помните, как вы мне историю принца Гамлета рассказали?*** А помните, как вы мне описывали, как из Европы в Америку бедных эмигрантов перевозят? И все-то неправда, я потом все узнала, как перевозят, но как он мне хорошо лгал тогда, Маврикий Николаевич, почти лучше правды!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 87].

Цитата крайне интересна тем, что упоминание Гамлета здесь связано с верой в Бога (при встрече Степан Трофимович восклицает: «Я считаю это чудом et je commence à croire»; на что Лиза отвечает: «En Dieu? En Dieu, qui est là-haut et qui est si grand et si bon?» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 87]) и в идола («Без вас я муха, идея

[17] «If the absence of a Horatio means the absence of a trustworthy friend, the absence of an Ophelia means Stavrogin has not yet driven anyone to suicide, be it deliberate or not. Ironically, Stavrogin has both, and in abundance, too. Many characters vie for the role of Horatio in the novel, and Matryosha, unbeknownst to Varvara Petrovna, is Stavrogin’s Ophelia whose death, probably caused as unintentionally as Ophelia’s death in *Hamlet*, is his final undoing. Then there is Liza Tushina, another candidate for the role of Ophelia, as her involvement with Stavrogin also ends in tragedy and death».

в стклянке, **Колумб без Америки**» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 324], — говорит Петр Степанович Ставрогину). Здесь я ограничусь лишь обозначением этой темы, а также связанных с ней концептов правды и лжи, которые являются ключевыми для романа.

В этом отрывке более эксплицитно указано, что центр шекспировского влияния в романе — это всегда Степан Трофимович: получается, все, кто тем или иным образом обратился к произведениям Барда, получали их из его рук[18]. Также здесь впервые автор намекает на «шекспировский контекст», окружающий Лизу: дальше именно она объяснит хроникеру слова мамы об «англичане» и в том же диалоге упомянет «Отелло». Гамлет, как и Гарри, подходит как образ принца, который должен явиться в этом качестве в смутное время: Варвара Петровна очевидно рассчитывает на подобное явление скрытого благородства, когда упоминает их имена рядом с сыном. Однако постоянные отсылки к Шекспиру в устах Лизы заставляют думать, что она также живет в подобной парадигме ожиданий. Шекспировские герои для Лизы это — примеры, позволяющие ей надеяться на Ставрогина. Однако именно сюжет «Гамлета» — больше, чем сюжеты всех остальных пьес — должен был бы остерегать ее от любовного романа с ним[19].

Что еще можно извлечь из сопоставления Ставрогина и Гамлета? Ограничимся здесь сходствами и отличиями, следуя принципу, что Достоевскому важна точка расхождения между текстом исходного автора и его текстом (см.: [Касаткина, 2024, с. 14–15]). Гамлет, безусловно, характер послабее Гарри — и тем самым он ближе к Ставрогину[20]. О том, что Достоевский создал своего героя с оглядкой на него, мы знаем из подготовительных материалов: «*Князь* — мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо

[18] Есть основания полагать, что и Ставрогин познакомился с этими пьесами через своего первого наставника. Петр Степанович, воспитание которого не входило в сферу интересов отца, упоминает Фальстафа, однако оказывается не знаком с сюжетом пьес, ср.: [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 148–149].

[19] Судьба бедной Дездемоны все же представляется более утешительной, чем кончина обезумевшей Офелии. Кроме того, первое действие «Гамлета» содержит длинный разговор Офелии с братом, в котором он предостерегает ее от Гамлета.

[20] О слабости Ставрогина метко говорится в его диалоге с Кирилловым, что интересно, именно как о «характере»:

« — Я знаю, что я ничтожный характер, но я не лезу и в сильные.

— И не лезьте; вы не сильный человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 148–149].

всякой меры, с высшим вопросом, дошедший до “быть или не быть?” Продолжить или истребить себя? Остаться на прежнем по совести и суду его невозможно, но он делает все прежнее и насильничает» [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 204]. Вопрос «быть или не быть» это — вопрос возможного самоубийцы. А.Б. Криницын обратил внимание на эту тему, общую в произведениях, однако же упустил разницу: при всех своих колебаниях Гамлет в итоге не совершает самоубийства и действует как принц и сын короля, умирая в попытке восстановить порядок в стране. Такое невозможно сказать про Ставрогина, который доходит до столь глубокой точки беспорядка, что восстановление представляется ему возможным лишь через монструозное действие, которое Гамлет отверг — самоубийство.

Второй момент одновременно сходства и отличия между героями в том, что Гамлета, как и Ставрогина, считают за сумасшедшего. Кажущееся сумасшествие Гамлета фальшиво и имеет цель: обличить Клавдия. Сумасшествие Ставрогина же — спорное дело. С самого начала непонятно — сумасшедший он или нет? Если нет, то какова цель его кажущегося сумасшествия? Когда он поддерживает ложные сведения Петра Степановича о своей не-женитьбе на Лебядкиной, он будто примеряет на себя образ Гамлета, используя помешательство как шит, заслоняющий от матери его облик:

«Таким образом, вы видите ясно, maman, что не вам у меня прощения просить и что если есть тут где-нибудь сумасшествие, то, конечно, прежде всего с моей стороны, и, значит, в конце концов я все-таки помешанный, — надо же поддержать свою здешнюю репутацию...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 156].

Однако образ Гамлета никак не сочетается со Ставрогиным. Замечательный в этом смысле разговор с Дашей:

«— Вы не погубите другую... безумную?

— Безумных не погублю, ни той, ни другой, но разумную, кажется, погублю» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 229].

И дальше:

«— Слушайте, Даша, я теперь все вижу привидения. Один бесенок предлагал мне вчера на мосту зарезать Лебядкина и Марью Тимофеевну, чтобы порешить с моим законным браком, и концы чтобы в воду. <...>

— Но вы твердо уверены, что это было привидение?

— О нет, совсем уж не привидение!»

[Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 230]

Тут многие детали — и приведение, и гибель разумной/безумной, и концы в воду — откликаются сюжету «Гамлета». Однако бросается в глазах прежде всего различие: Ставрогин — не принц Гамлет, которого приведение отца призвало отомстить за убийство и незаконную женитьбу, а простой человек, которому вполне реальный Федька Каторжник предложил убить законную жену за деньги.

Подтверждением того, что связь между Гамлетом и Ставрогиным в романе всегда разыгрывается «наизнанку», парадоксально искривляя образ первого в лице второго, может служить тот факт, что единственная отсылка к Гамлету, которая в романе прочитывается почти что прямолинейно, принадлежит не Ставрогину, а Марии Тимофеевне, говорящей:

«<...> теперь хуже гораздо; теперь сны нехороши, а сны нехороши стали потому, что вы приехали» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 217].

Сложно при чтении этих слов не помнить известное:

«O God, I could be bounded in a nutshell, and count myself a king of infinite space, were it not that I have bad dreams» [Hamlet, Act 2, Scene 2].

(«О Боже! Я бы мог заключиться в ореховую скорлупу и считать себя королем необъятнаго пространства, если бы не злые сны мои» [Шекспир, 1865–1868, т. 3, с. 29])

Плохие сны Гамлета — напоминание о совершенном в стране преступлении, о том, что нельзя спать спокойно, когда «прогнило что-то в Датском королевстве». Схожее неспокойствие испытывает Мария Тимофеевна, чувствующая разрушительную силу Ставрогина. Однако на этом завершается данная статья, оставляя автора в намерении продолжить исследование гамлетовского следа в романе в следующей работе.

Список литературы

1. Библиотека, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб: Наука, 2005. 338 с.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

4. Касаткина, 2006 — *Касаткина Т.А.* Без Бога... Роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья 1 // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск,

2006. Вып. 13. С. 13–33. URL: https://www.academia.edu/6568395/Без_Бога_Роман_Ф_М_Достоевского_Бесы_ (дата обращения 15.11.2025).

5. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

6. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 334 с.

7. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Как и для чего формируется в произведениях Достоевского «указующий перст» автора: Радикальное богословие Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 27–51. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-27-51

8. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А.* От редактора. «Преступление и наказание» и «Идиот»: изучение, восприятие, трансформации в XX и XXI веке // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 10–19. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-10-19

9. Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024 — *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с.

10. Ковалевская, 2021 — *Ковалевская Т.В.* «Если бы математически доказали вам, что истина вне Христа...»: проблема истины и зла у Достоевского и Шекспира // Филологические вопросы. Теория и практика. 2021. Т. 14. № 12. С. 3639–3643.

11. Криницын, 1999 — *Криницын А.Б.* Шекспировские мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. Сб. ст. М: Диалог-МГУ, 1999. С. 161–173. URL: https://portal-slovo.ru/philology/41104.php (дата обращения 15.11.2025).

12. Надь, 2022 — *Надь Е.* Шекспировский контекст в «Бесах» Ф.М. Достоевского // Достоевский в современном мире. Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Чебоксары, 2022. С. 111–115.

13. Степанян, 2016 — *Степанян К.А.* Шекспир, Бахтин и Достоевский: Герои и авторы в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2016. 292 с.

14. Шекспир, 1865–1868 — *Шекспир У.* Полн. собр. драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей / изд. Н.В. Гербеля: в 4 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865–1868.

15. 1 Henry IV — *Shakespeare W.* Henry IV. Part 1. URL: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/henry-iv-part-1/read/ (дата обращения 15.11.2025).

16. 2 Henry IV — *Shakespeare W.* Henry IV. Part 2. URL: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/henry-iv-part-2/read/ (дата обращения 15.11.2025).

17. Hamlet — *Shakespeare W.* Hamlet. URL: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/hamlet/read/ (дата обращения 15.11.2025).

18. Kovalevskaya, 2014 — *Kovalevskaya T.* Shakespeare and Dostoevsky: The Human Condition and The Human Ambition // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. Т. 1. № 5. С. 72–88.

19. Leer, 1962 — *Leer N.* Stavrogin and Prince Hal // Slavic and East European Journal. 1962. Т. VI. № 2. С. 99–116.

References

1. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt at Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyschem smysle"* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

4. Kasatkina, T.A. "Bez Boga... Roman F.M. Dostoevskogo 'Besy'. Stat'ia 1" ["Without God... Dostoevsky's Novel *Demons*. Article 1"]. *Tri veka russkoi literatury. Aktual'nye aspekty izucheniia* [*Three Centuries of Russian Literature. Actual Aspects of Study*], issue 13. Moscow-Irkutsk, 2006, pp. 13–33. Available at: https://www.academia.edu/6568395/Без_Бога_Роман_Ф_М_Достоевского_Бесы_ (Accessed 15 Nov. 2025). (In Russ.)

5. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. "Kak i dlia chego formiruiuetsia v proizvedeniiakh Dostoevskogo 'ukazuiushchii perst' avtora: Radikal'noe bogoslovie Dostoevskogo v romane 'Prestuplenie i nakazanie'" ["How and Why the Author's 'Pointing Finger' Is Formed in Dostoevsky's Works: Dostoevsky's Radical Theology in the Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 27–51. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-27-51

8. Kasatkina, T.A. "Ot redaktora. 'Prestuplenie i nakazanie' i 'Idiot': izuchenie, vospriiatie, transformatsii v XX i v XXI veke" ["From the Editor. *Crime and Punishment* and *The Idiot*: Research, Perception, and Transformations in the 20th and 21st Centuries"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (26), 2024, pp. 10–19. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-10-19

9. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [*Books in the Book. The Role and Image of Books in Fyodor Dostoevsky's Novel* The Idiot]. Ex ed. T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7

10. Kovalevskaia, T.V. "'Esli by matematicheski dokazali vam, chto istina vne Khrista...': problema istiny i zla u Dostoevskogo i Shekspira" ["'If It Were Mathematically Proved to You That Truth Is Outside Christ...': Problem of Truth and Evil in the Works of Fyodor Dostoevsky and William Shakespeare"]. *Filologicheskie voprosy. Teoriia i praktika*, vol. 14, no. 12, 2021, pp. 3639–3643. (In Russ.)

11. Krinitsyn, A.B. "Shekspirovskie motivy v romane F.M. Dostoevskogo 'Besy'" ["Shakespearean Motifs in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Devils*"]. *K 60-letiiu professora Anny Ivanovny Zhuravlevoi. Sbornik statei* [*For the 60-th Anniversary of Professor Anna I. Zhuravleva.*

Collected Articles]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999, pp. 161–173. Available at: https://portal-slovo.ru/philology/41104.php (Accessed 20 Nov. 2025). (In Russ.)

12. Nad', E. "Shekspirovskii kontekst v 'Besakh' F.M. Dostoevskogo" ["The Shakespearean Context in Fyodor Dostoevsky's *The Devils*"]. *Dostoevskii v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia F.M. Dostoevskogo* [*Dostoevsky in the Contemporary World. Collection of Scholarly Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Fyodor Dostoevsky*]. Cheboksary, 2022, pp. 111–115. (In Russ.)

13. Stepanian, K.A. *Shekspir, Bakhtin i Dostoevskii: Geroi i avtory v bol'shom vremeni* [*Shakespeare, Bakhtin, and Dostoevsky: Characters and Authors in Great Time*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2016. 292 p. (In Russ.)

14. Shakespeare, William. *Polnoe sobranie dramaticheskikh proizvedenii Shekspira v perevode russkikh pisatelei: v 4 tomakh* [*Complete Collection of Shakespeare's Dramatic Works in Russian Translation: in 4 vols*]. Publ. by N.V. Gerbel'. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press Publ., 1865–1868. (In Russ.)

15. Shakespeare, William. *Henry IV. Part 1*. Available at: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/henry-iv-part-1/read/ (Accessed 20 Nov. 2025) (In English)

16. Shakespeare, William. Henry IV. Part 2. Available at: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/henry-iv-part-2/read/ (Accessed 20 Nov. 2025) (In English)

17. Shakespeare, William. *Hamlet*. Available at: https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/hamlet/read/ (Accessed 20 Nov. 2025) (In English)

18. Kovalevskaya, Tatyana. "Shakespeare and Dostoevsky: The Human Condition and The Human Ambition." *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, vol. 1, no. 5, 2014, pp. 72–88. (In English)

19. Leer, Norman. "Stavrogin and Prince Hal." *Slavic and East European Journal*, vol. 6, no. 2, 1962, pp. 99–116. (In English)

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025
Одобрена после рецензирования: 28.11.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 30 Oct. 2025
Approved after reviewing: 28 Nov. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-79-143
https://elibrary.ru/TMCWLF

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Славное, сударь, времечко было!» Наполеоновские войны и образ партизана Фигнера в рассказе Ф.М. Достоевского «Отставной»

© 2025. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"Those Were Glorious Times, Sir!" The Napoleonic Wars and the Image of the Partisan Figner in Dostoevsky's Short Story "The Demobbed"

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Благодарности: Выражаю благодарность Ольге Игоревне Дерновой-Пигаревой, главному библиографу справочно-библиографического отдела Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) — за любезную помощь в поиске необходимой литературы для этой статьи.

Аннотация: Данная работа представляет собой первое в истории достоевистики специальное научное исследование раннего рассказа Ф.М. Достоевского «Отставной», входящего в цикл «Рассказы бывалого человека (Из

записок неизвестного)» (1848). Ранее это произведение писателя рассматривалось исключительно в составе обзорных или кратких словарных статей, в книгах широкой тематики или в комментариях и сопроводительных заметках к собраниям сочинений классика. Общим местом в науке был тезис о том, что «Отставной» — всего-навсего набросок, очерк, строительный материал для более позднего рассказа писателя «Честный вор» (1860), куда не вошел значительный фрагмент из «Отставного», посвященный Наполеоновским войнам и харизматичному, суровому русскому командиру интернационального партизанского отряда, человеку-загадке Александру Самойловичу Фигнеру (1787–1813), который люто ненавидел всех французов, обладал выдающимися способностями разведчика и даже пытался лично убить Наполеона. В статье обосновывается историко-литературная ценность рассказа «Отставной», и автор статьи исходит из его художественной целостности. На многочисленных примерах раскрывается оригинальность этого рассказа, опирающегося на множество как устных, так и письменных источников. Высказывается гипотеза о влиянии «Отставного» Достоевского на повесть «Отставной» В.И. Даля, вышедшую в 1857 году. В работе представлен критический обзор существующих высказываний и наблюдений исследователей о рассказе «Отставной» Достоевского, начиная с первых журнальных отзывов и заканчивая новейшими академическими комментариями. Особое внимание уделено рассмотрению в произведении типа русского отставного солдата (бывалого человека) как участника Наполеоновских войн, самих этих войн и легенд о Фигнере и Наполеоне. В ряде случаев в статье исправляется и существенно дополняется комментарий к «Отставному», представленный в существующих академических Полных собраниях сочинений Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Отставной», «Честный вор», «Рассказы бывалого человека», Александр Фигнер, партизанское движение, Наполеон, наполеоновский миф, Наполеоновские войны, наполеонизм, ветераны войны 1812 года, отставные солдаты, народные легенды, исторические предания, Я.П. Бутков, М.П. Загоскин, И.Н. Скобелев, А.В. Дружинин, «Легион мести».

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* «Славное, сударь, времечко было!» Наполеоновские войны и образ партизана Фигнера в рассказе Ф.М. Достоевского «Отставной» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 79–143. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-79-143

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Acknowledgments: I express my gratitude to Olga I. Dernova-Pigareva, chief bibliographer of the Reference and Bibliographic department of the State Public Historical Library (GPIB), for her kind assistance in searching for literature for this article.

Abstract: This work is the first piece of research in the history of Dostoevsky studies dedicated to the early short story "The Demobbed," which is part of the cycle *Stories of an Experienced Man (From the Notes of an Unknown)* (1848). Previously, this work was considered exclusively in review articles, books dedicated to a wide range of topics, or in the comments and notes to Dostoevsky's Collected Works. A common place among researchers was the thesis that "The Demobbed" was just a sketch, building material for the writer's later short story "An Honest Thief" (1860), however, the latter did not include a significant fragment from "The Demobbed" dedicated to the Napoleonic Wars and the charismatic, stern Russian commander of the international partisan detachment, the mysterious man Alexander Samoilovich Figner (1787–1813), who fiercely hated all the French, possessed outstanding intelligence abilities and even tried to kill Napoleon personally. The article substantiates the historical and literary value of the story "The Demobbed," and its author proceeds from the artistic integrity of the work. Numerous examples reveal the originality of this story, which is based on many oral and written sources. A hypothesis is made about the influence of Dostoevsky's "The Demobbed" on the story of the same name by Vladimir I. Dahl, published in 1857. The paper presents a critical review of the researchers' statements and observations about Dostoevsky's story "The Demobbed," starting with the first critical reviews and ending with the latest comments. Special attention is paid to the type of Russian demobbed soldier (seasoned man) in the work as a participant in the Napoleonic Wars, those wars themselves, and the legends regarding Figner and Napoleon. In several cases, the article corrects and significantly supplements the commentary to "The Demobbed" of the existing academic edition of Dostoevsky's Complete Works.

Keywords: Dostoevsky, "The Demobbed," "An Honest Thief," *Stories of an Experienced Man*, Alexander Figner, the partisan movement, Napoleon, the Napoleonic myth, the Napoleonic wars, napoleonism, veterans of the war of 1812, demobbed soldiers, folk legends, historical legends, J.P. Butkov, M.P. Zagoskin, I.N. Skobelev, A.V. Druzhinin, "Legion of Revenge."

For citation: Podosokorsky, N.N. "'Those Were Glorious Times, Sir!' The Napoleonic Wars and the Image of the Partisan Figner in Dostoevsky's Short Story 'The Demobbed'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 79–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-79-143

Введение

В этом исследовании мы впервые в истории достоевистики попытались в специальной научной работе подробно и на широком литературно-историческом материале изучить проблему отображения Наполеоновских войн в полузабытом раннем рассказе Ф.М. Достоевского «Отставной», входящем в качестве первой части (второй частью является первоначальный рассказ «Честный вор») в авторский цикл писателя «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)» (1848). Тема Наполеоновских войн и наполеоновского

мифа проходит почти через все творчество Достоевского[1], а потому одно из первых ее изображений в его произведениях заслуживает самого тщательного разбора.

Для удобства восприятия наша статья разделена на четыре части. В первой части кратко рассказывается о первой публикации произведения в журнале «Отечественные записки», ее негативном восприятии первыми критиками (П.В. Анненковым) и возможном влиянии ее на первых читателей (А.А. Краевского, В.И. Даля).

Вторая часть статьи посвящена критическому разбору всей предыдущей научной литературы XX–XXI веков, затрагивающей тему изображения Наполеоновских войн в рассказе «Отставной». Основным здесь для нас был метод верификации суждений наших предшественников, в подавляющем большинстве случаев, не удостоивших этот рассказ сколь-либо подробного и вдумчивого анализа, и, как правило, лишь декларирующих его «похожесть» на те или иные произведения других авторов. В своем анализе «Отставного» мы исходили из его художественной целостности и самостоятельности, последовательно опровергая тезисы о том, что герой этого рассказа всего-навсего бездумно транслирует *типичный* фольклор о войнах России с Наполеоном, а сам Достоевский *заимствует* готовые формулировки и сюжеты из сочинений других литераторов. На многочисленных примерах мы раскрываем оригинальность художественного замысла Достоевского и существенные отличия рассказа его героя от других произведений.

Третья часть посвящена изучению типа отставного солдата (бывалого человека), ветерана войн России с Наполеоном, разработанного Достоевским с опорой на множество письменных и устных источников. Герой «Отставного», Астафий Иванович, как будет показано, является ветераном совершенно особого рода и не сводится к персонажам популярного в 1840-е годы жанра «физиология», в котором работали многие представители т.н. «натуральной школы».

[1] О Наполеоновских войнах и наполеоновском мифе в творчестве Достоевского см.: [Назиров, 1982], [Мельник, 1985], [Альми, 1992], [Храмова, Михнюкевич, 1997], [Волгин, 2003], [Коган, 2003], [Подосокорский, 2007], [Жукова, 2007], [Подосокорский, 2011], [Жилякова, 2012], [Подосокорский, 2013], [Rosenshield, 2020], [Подосокорский, 2022], [Подосокорский, 2023а], [Подосокорский, 2023б], [Подосокорский, 2025а], [Подосокорский, 2025б], [Подосокорский, 2025в], [Подосокорский, 2025г], [Подосокорский, 2025д] и др.

Наконец, в четвертой части представлено исследование присутствия в рассказе «Отставной» взаимосвязанных легенд о полковнике Фигнере[2] и императоре Наполеоне. Александр Самойлович Фигнер (1787–1813) — харизматичный, отважный, решительный русский командир интернационального партизанского (диверсионного) отряда, действовавшего в России и Европе в период 1812–1813 годов, полковник (1813), георгиевский кавалер. Он имел у современников репутацию человека-загадки, «колдуна», который обладает выдающимися способностями к перевоплощению и установлению доверительных отношений с незнакомыми людьми; при этом он люто ненавидел всех французов, жестоко расправлялся с пленными и даже пытался лично убить Наполеона. В последний год жизни русского героя «французы почитали Фигнера ужасным разбойником, который их истребляет и морочит, как дьявол» [Бочаров, 1846, с. 141]. К 1840-м годам, когда был написан «Отставной», Фигнер уже стал персонажем исторических анекдотов, и упоминался в соответствующих сборниках наряду с Петром I, Екатериной II, Суворовым, Наполеоном и др. [Приятный собеседник, 1846, ч. 2, с. 24–26], хотя его слава как партизана в то время, безусловно, уступала известности другого выдающегося русского героя войн с Наполеоном, гусарского поэта, генерал-лейтенанта Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839) (считается, что последний весьма ревностно относился к Фигнеру, видя в нем своего конкурента). Отметим, что Достоевский обратился к фигуре Фигнера в возрасте двадцати шести лет, к которому бесстрашный партизанский командир уже успел войти в историю и погибнуть.

I. О первой публикации рассказа Ф.М. Достоевского «Отставной»

Об истории создания и публикации рассказа Ф.М. Достоевского «Отставной» мы знаем ничтожно мало. Автограф его неизвестен. Письма писателя за период, когда цикл «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)» был подготовлен к печати и опубликован[3], потенциально способные приоткрыть какие-то связанные с

[2] Историографический обзор литературы о Фигнере см.: [Тотфалушин, Филиппова, 2019].

[3] За время с 10 сентября 1847 года по 13 мая 1848 года не сохранилось ни одного письма Достоевского.

этим произведением творческие или технические нюансы, также до нас не дошли. Как установил В.Э. Боград, четвертый номер журнала А.А. Краевского «Отечественные записки», в котором впервые были напечатаны «Рассказы бывалого человека» Достоевского, вышел в свет 3 апреля[4] 1848 года [Боград, 1985, с. 364]. Совсем недавно П.А. Дружинин открыл и имя цензора этого сочинения — им являлся Алексей Лукич Крылов (1798–1853), который также цензурировал полностью или частично ряд других произведений писателя второй половины 1840-х годов: «Двойник. Приключения господина Голядкина», рассказ «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (написан совместно с Д.В. Григоровичем и Н.А. Некрасовым), вторую часть повести «Хозяйка», рассказ «Чужая жена. (Уличная сцена)», повесть «Слабое сердце», первую часть романа «Неточка Незванова» [Дружинин, 2025, с. 49, 51, 54, 55]. Но о каких-либо замечаниях цензора Крылова или издателя Краевского к тексту «Рассказов бывалого человека» ничего неизвестно. Впрочем, судя по всему, А.А. Краевский после выхода рассказа Достоевского и сам живо заинтересовался личностью Фигнера: в 1849 году он попросил подполковника К.А. Бискупского подготовить для журнала мемуары о партизанской деятельности А.С. Фигнера и А.Н. Сеславина[5].

В апрельском же выпуске «Отечественных записок» за 1848 год «Рассказы бывалого человека» помещены в первом отделе «Словесность» сразу после повести «Темный человек» Я.П. Буткова. Собственно, два этих сочинения и составляют весь соответствующий отдел номера, и их соседство под одной обложкой вряд ли можно считать случайным, ибо в них изображены диаметрально противоположные типы бедных жителей петербургских углов того

[4] Все даты в статье даются по старому стилю.

[5] В письме к Краевскому от 30 марта 1849 года Бискупский, в частности, сообщает о «люциферских мечтах» Фигнера убить Наполеона, «чтобы разделить его славу в истории» [Копии с писем подполковника К.А. Бискупского 1849 года, 1903, с. 294]. Кроме того, в его письме говорится об одном из членов отряда Фигнера в 1812 году, подпоручике Колычеве, который, возможно, еще жив и пребывает в Петербурге или Москве — тот, по словам адресанта, мог бы так же сообщить редакции «Отечественных записок» все, «что делал Фигнер на его глазах» [Копии с писем подполковника К.А. Бискупского 1849 года, 1903, с. 295]. В другом письме от 5 мая 1849 года Бискупский пишет Краевскому следующее: «Французы уверились, что такое Фигнер уже в 13 году, и более ни одного имени не знали из партизанов, как и о всех воюющих лицах, кроме главных начальников» [Копии с писем подполковника К.А. Бискупского 1849 года, 1903, с. 313].

времени. *Темные люди* и *горюны* Буткова — бедняки, «большею частию совершенно кончившие, иногда и начинающие только трудный курс практической жизни» [Бутков, 1848, с. 230], они отличаются робостью, безделием, кичливостью, при серьезной неудаче легко сбиваются и впадают в бред, а их самоуничижение обусловлено неудовлетворенной амбицией *маленького человека*. Достоевский же в своем цикле показывает совсем иной социальный тип петербургских *бедных людей*, и его *отставные* и *бывалые люди* наделены поразительной работоспособностью, жизненной опытностью, смекалкой, душевной стойкостью, здравомыслием, оптимизмом, набожностью, добронравием и цельностью натуры. Один из героев бутковской повести, «отставной человек» Ананий Демьянович — полная противоположность *отставного* Астафия Ивановича из «Рассказов бывалого человека» Достоевского. «Темный человек» Ананий (весьма похожий в ряде черт на героя-скопидома Семена Ивановича из раннего рассказа Достоевского «Господин Прохарчин» (1846)) столкнувшись с воровством у себя денег, которые он долгие годы копил, быстро впадает в сумасшествие и умирает. И хотя ему вскоре после инцидента сообщают о готовности полностью возместить его денежную утрату, он оказывается не способен принять реальную помощь, всецело доверяясь «приговору» самовара, «поющего» ему, находящемуся в горячке, песню-проклятье со ссылкой на падение Бонапарта, по сравнению с которым сам он — лишь жалкий «нуль»:

> Поверь, волокита, что были на свете особы умнее
> Тебя, например, Бонапарт и какой-то еще... бес его знает,
> Тоже разумный был человек — и все же они не ушли
> От черного дня своего, а мы-то с тобою — нули... <...>
>
> А мы-то с тобою — нули, горюны и темные люди!
> Нам-то с тобой на роду уж написано всякия
> Напасти терпеть, жить по углам на квартирах
> Пока не найдем дарового угла на Смоленском.
> Так знай же, безумец...
> [Бутков, 1848, с. 278]

Бывалый же человек Астафий, рассказывающий предание о том, как храбрый русский офицер Фигнер обманул Наполеона, способен не только без впадения в уныние и длительное озлобление

пережить воровство у себя «ценной вещи», но даже простить вора и разглядеть при этом в его характере некоторую *честность*. Если про «отставного человека» Анания в повести Буткова говорится, что «двадцать пять лет был он машиною для некоторой работы, с тою против нее невыгодою, что обыкновенную машину, когда она испортится, восстановляют починкою, а его нельзя было исправить починкою» [Бутков, 1848, с. 271], то про отставного Астафия в рассказах Достоевского сообщается, что «служба только заправила его на жизнь» [Достоевский, 1848, с. 288]. На этом примере хорошо видно, что герой Достоевского почти никогда не является безвольной жертвой обстоятельств, но полностью свободен в своей реакции на то, что с ним происходит.

Так получилось, что рассказу Достоевского «Отставной» особенно не повезло с вниманием к нему исследователей. Уже первый критик «Рассказов бывалого человека» П.В. Анненков (комментаторы ПСС отмечают, что ему вообще принадлежит единственный отзыв современной писателю критики на «Рассказы бывалого человека» [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 663]) пишет в статье «Заметки о русской литературе прошлого года» (1849): «Из рассказов г. Достоевского **пропускаем *Отставной*, как совершенно незначащий**[6], и остановимся на втором: *Честный вор*» [Анненков, 1849, с. 4]. Отмечая «простоту содержания, взятого из народного быта» и «мысль заставить говорить человека недальнего, но которому превосходное сердце заменяет ум и образование» [Анненков, 1849, с. 5], во второй части цикла (рассказе «Честный вор»[7] 1848 года), Анненков почему-то не находит этих же черт в «Отставном», хотя именно в первом рассказе автором дан подробнейший портрет отставного солдата Астафия Ивановича, являющего собой превосходный тип

[6] В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

[7] Комментаторы академического ПСС в 30 томах полагают, что само «название рассказа “Честный вор” восходит к популярной одноименной комедии-водевилю Д.Т. Ленского (1829), никак не связанной с рассказом по содержанию» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 482]. Заметим, что выражение «честный вор», скорее всего, было более-менее устойчивым к 1830-м годам. Во всяком случае, оно, к примеру, упоминается в русском переводе мемуаров бывшего секретаря Наполеона Л.А.Ф. де Бурьенна — так он называет одного немецкого офицера, обманувшего французского вице-консула и его поверенного в делах [Бурьенн, 1834–1836, ч. 8, с. 173]. В оригинале (первое издание этого труда Бурьенна вышло в 1829 году, как и комедия Ленского) читаем то же самое выражение: «l’honnête voleur» [Bourrienne, 1830, vol. 8, p. 186].

«бывалого человека»: «Человек он бывалый, “видал много видов” и сам знает свое превосходство над всей той средой, в которую входит после долголетней прогулки с ружьем на плече. Он вообще набожен, всегда имеет у себя образ, часто в богатой оправе, и лучше не съест, а купит масла в лампадку накануне всякого праздника» [Достоевский, 1848, с. 288].

Пренебрежение к «Отставному» современной Достоевскому критики, однако, не оставило равнодушными к нему доброжелательных читателей. Так, можно предположить, что повесть В.И. Даля «Отставной» (1857) об умелом и совестливом солдате, прослужившем четверть века денщиком у штаб-лекаря Подалякринского, создана отчасти под впечатлением от этого рассказа[8]. Герой Даля носит фамилию, являющуюся производной от имени героя Достоевского, — Астафьев. Оба отставных солдата описаны как опытнейшие в быту, бывалые люди, освоившие множество специальностей и умений. В «Отставном» Достоевского говорится об Астафии: «Был он и дворником, и дворецким, и камердинером, и кучером, даже жил два года в деревне прикащиком. Во всех этих званиях оказывался чрезвычайно способным. Сверх того, был довольно хороший портной» [Достоевский, 1848, с. 288]. В «Отставном» Даля читаем об Астафьеве: «<...> прослужив несколько лет солдатом, нельзя было ему не сделаться и швеей, и портным, и сапожником, и поваром, и прачкой» [Даль, 1897–1898, т. 1, с. 295–296]. Со временем Астафьев стал в семействе Подалякринского также казначеем, воспитателем детей и управляющим всем хозяйством. Человек честнейший, смирный и набожный Астафьев давал своим воспитанникам различные наставления, нередко облекая их в форму рассказов: «Наставления эти он приправлял примерами и наглядными доводами из житейского быта всех сословий, и рассказы его слушались охотно» [Даль, 1897–1898, т. 1, с. 296]. Заметим также, что, создавая свою повесть «Отставной», Даль никак не мог не знать об «Отставном» Достоевского, поскольку и сам активно публиковался в ряде номеров «Отечественных записок» в течение 1848 года.

[8] В.И. Кулешов размышляет о том, восходит ли «Отставной» Достоевского к одноименной повести Даля [Кулешов, 1982, с. 130], не учитывая, что произведение последнего опубликовано гораздо позднее, так что влияние здесь, скорее, ровно обратное.

II. «Отставной» как забытый рассказ Достоевского: история изучения

Вернувшийся в 1859 году из ссылки в европейскую часть России Достоевский переписал ряд своих ранних произведений 1840-х годов для их новой публикации в составе двухтомного собрания сочинений, которое было издано в 1860 году Н.А. Основским. В числе прочего, существенной авторской переделке подверглись и «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)», текст которых был преобразован в новый рассказ «Честный вор» [Достоевский, 1860, т. 1, с. 415–435], получивший название по заглавию второй части цикла и объявленный литературоведами XX века «каноническим». В этот новый рассказ не попала значительная часть рассказа «Отставной» (история Астафия Ивановича о его участии в войнах России с Наполеоном) и нравоучительная концовка «Честного вора» 1848 года. О том, какие причины привели писателя к такому решению, можно только гадать, но важно учитывать, что в тот период Достоевский был стеснен во многих отношениях, к тому же слишком многое изменилось и в российском обществе в целом и в мироощущении самого писателя в частности за более чем десять лет, прошедших с момента его ареста в 1849 году.

Тем не менее, в изданиях второй редакции «Честного вора» в составе собраний сочинений Достоевского 1860 и 1865 годов ([Достоевский, 1860, т. 1, с. 415–435], [Достоевский, 1865–1870, т. 1, с. 268–274]) не содержится никаких упоминаний о раннем цикле «Рассказы бывалого человека» и о рассказе «Отставной» (нет их и в отдельном книжном издании «Честного вора» 1865 года [Достоевский, 1865]), и постепенно «Отставной» как оригинальное произведение раннего периода творчества писателя стал всеми забываться. Уже Л.П. Гроссман в дополнительном 22-м томе Полного собрания сочинений Достоевского в 23 т. (1911–1918) называет рассказ «Отставной» «забытым», хотя, вместе с тем, заключает, что он «интересен как единственная батальная сцена во всем творчестве Достоевского»[9] [Гроссман, 1918б, с. IX] и как «единственная

[9] Это суждение нуждается в некоторой оговорке, поскольку в последующих произведениях Достоевского «батальные сцены» не исчезают совсем, но изображаются принципиально иначе — через пародию (как, например, «настоящие бои», которые дает в «Дядюшкином сне» Марья Москалева, сравниваемая мордасовским летописцем с Наполеоном [Подосокорский, 2011]), или метафору

попытка дать обстоятельную характеристику симпатичного ему [писателю] народного типа — ветерана николаевской эпохи» [Гроссман, 1918а, с. 40]. Коренное изменение Достоевским ряда его ранних сочинений при их переиздании в 1860-х годах исследователь объясняет «чрезмерной строгостью или повышенной впечатлительностью самолюбивого автора, слишком нервно реагирующего на замечания критики» [Гроссман, 1918б, с. VIII]. И если в отношении других текстов (прежде всего, «Двойника») это соображение еще может иметь под собой некоторые основания, то применительно к «Отставному» трудно предположить, что полное равнодушие Анненкова, опубликовавшего свою статью в журнале «Современник» (т. е. издании-конкуренте и сопернике «Отечественных записок», где на тот момент главным образом печатался Достоевский) и не удостоившего этот рассказ даже малейшего разбора, послужило сколь-либо основательной причиной для писателя напрочь «забыть» об одном из своих ранних литературных опытов.

Рассказ «Отставной» кратко упомянут (ему посвящено всего одно предложение) в небольшом газетном очерке В.Б. Шкловского «Двенадцатый год в русской литературе (до “Войны и мира”)» (1937). Исследователь пишет, что Достоевский попытался в этом произведении «показать эпоху 1812 года», сосредоточив «все свое внимание на характере Фигнера» [Шкловский, 1937, с. 3], однако исторический фон рассказа Астафия Ивановича гораздо шире, и охватывает также заграничные походы русской армии 1813–1814 годов, ведь про героя говорится, что «он был почти во всех сражениях незабвенной эпохи тринадцатого и четырнадцатого годов» [Достоевский, 1848, с. 289] и даже вступал в Париж в марте 1814 года. Вместе с тем, Шкловский абсолютно прав в том, что «Фигнер в описании людей его времени вырастает в демоническую фигуру <...>» [Шкловский, 1937, с. 3], на чем мы подробнее остановимся позднее.

(герой «Записок из подполья» в своем воображении «разбивает ретроградов под Аустерлицем» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 133]) и т. п. Убийство старухи-процентщицы героем «Преступления и наказания» также сравнивается в тексте со взятием Тулона генералом Бонапартом [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319]. Иначе говоря, в художественных произведениях зрелого периода творчества Достоевского герои больше сосредоточены на том, как история (о которой они знают исключительно из книг и чужих рассказов) формирует главным образом их внутренний мир, а уже через него влияет и на их внешнюю биографию (об этом свойстве поэтики Достоевского см.: [Подосокорский, 2024], [Подосокорский, 2025а]).

В примечании к своей заметке Шкловский сообщает, что рассказ «Отставной» переиздан в первом томе последнего Полного собрания сочинений Достоевского (ГИЗ, 1926), хотя это не совсем верно — как и в предшествующем ПСС 1911–1918 годов, текст «Отставного» здесь напечатан отнюдь не полностью, но лишь фрагментарно, в разделе «Примечания». Авторы примечаний так поясняют свое решение: «В первом издании рассказ состоял из двух очерков, из них первый начинался так же, как и в последней редакции, но после слов: “между своими” (стр. 448) следовало отброшенное в позднейших изданиях <...>» [Достоевский, 1926–1930, т. 1, с. 542]. Тут, на наш взгляд, произведена некоторая подмена авторского жанра: ранние «рассказы» 1848 года (а это жанровое определение вынесено в само название цикла «Рассказы бывалого человека») поименованы «очерками»[10] (это, впрочем, может объясняться акцентом на подзаголовке цикла «Из записок неизвестного»), причем утверждается, что они заведомо составляли единый рассказ, хотя их трансформация в единый *рассказ* с уничтожением изначальной *двухчастной*[11] структуры была произведена Достоевским лишь спустя десятилетие, причем с заметной редукцией изначального текста.

Несмотря на честную попытку Гроссмана реабилитировать художественную и историческую ценность «Отставного» как оригинального и самостоятельного произведения писателя, в последующей науке закрепилось представление об этом сочинении, как о незначительном «очерке» писателя, представляющем собой своего рода пробу пера, «набросок», «строительный материал» к более позднему рассказу «Честный вор» (1860), которому, в свою очередь, посвящено уже на порядок больше исследований и суждений достоевистов, чем первой публикации «Рассказов бывалого человека» (см.: [Гришин, 1977, с. 196–198], [Мочульский, 1980, с. 75–76], [Аврамец, 1995], [Загидуллина, 2008в], [Магарил-Ильяева, 2016], [Магарил-Ильяева, 2019, с. 122–127], [Максимов, 2024][12]). В ряде

[10] «Очерками» рассказы Достоевского «Отставной» и «Честный вор» 1848 года называют и позднейшие комментаторы: [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 482], [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 659].

[11] Двухчастной, если говорить именно о первой *публикации* цикла, а не о *замыслах* Достоевского его расширить. Заметим, что в тексте первой публикации «Рассказов бывалого человека» нигде не указано, что это произведение является неоконченным и что его продолжение будет опубликовано позднее.

[12] См. также видеозапись доклада Ольги Меерсон «Рамочный рассказ

Полных собраний сочинений писателя, включая упомянутые выше, а также академические 30-ти и 35-томники, текст «Отставного» опубликован в дополнительных томах или в разделах «Варианты»/«Примечания», но опять же не целиком, а лишь в том объеме, который не вошел в переделанный рассказ «Честный вор» 1860 года. Во втором томе (1988) малого академического Собрания сочинений Достоевского в 15 т., в разделе «Примечания» составителями-комментаторами заявлено, что ими приводится «текст “Отставного” в журнальной редакции» [Достоевский, 1988–1996, т. 2, с. 552], однако и здесь они лишь воспроизвели неполный вариант рассказа (без первых почти двух страниц, начиная с фразы: «Отставной гораздо цивилизованнее крестьянина и во сто крат нравственно выше дворового человека» [Достоевский, 1988–1996, т. 2, с. 552–556]), который в таком же усеченном виде ранее был опубликован в первом издании академического ПСС Достоевского в 30 т. [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 422–426] и позднее — во втором академическом ПСС Достоевского в 35 т. [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 544–549].

Публикаторы академических ПСС объясняют это якобы волей самого писателя, поскольку цикл «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)», куда предположительно должен был войти и незавершенный рассказ «Домовой»[13], Достоевский так и не успел

в “Честном воре” как ключ к аксиологии совести у Достоевского», сделанного 3 марта 2025 года на VI Международной научной онлайн-конференция из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: «Достоевский: малые формы» ИМЛИ РАН. URL: https://vkvideo.ru/video-18077050_456240653 (дата обращения: 02.11.2025). Тезисы этого доклада изложены в обзоре упомянутой конференции, написанном Т.А. Касаткиной [Касаткина, 2025б, с. 444–445].

[13] В первой строке сохранившегося наброска рассказа «Домовой» (1847–1848) Астафий Иванович назван «храбрым человеком» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 399]. В дальнейшем тексте рассказывается, как герой снимает себе угол в одной из «квартиренок» в петербургском районе Коломна, где, как известно, живет и ряд других героев ранних произведений Достоевского. В.П. Владимирцеву герой этого рассказа видится как «типичное лицо из петербургской народной экс-военной среды (Астафий — обрусевшее просторечное имя от календарного Евстафий, что по-гречески означает “устойчивый”), отменный рассказчик былей, “историй”, предвосхищающий рассказчиков-солдат “Записок из Мертвого дома”» [Владимирцев, 2008]. Исследователь также акцентирует внимание на «функциональном сходстве между “домовым” Астафия Ивановича и “двойником” Голядкина» [Владимирцев, 1989, с. 102], хотя первый, по всей видимости, если и являлся двойником, то вовсе не отставного солдата, а хозяина дома, в котором на время поселился новый жилец. Попытка реконструкции незавершенного рассказа «Домовой» предпринята в статье А.В. Трофимовой [Трофимова, 2013].

доделать перед своим арестом, а после возвращения из ссылки уже навсегда отказался от переиздания «Отставного», сосредоточившись на расширении второго рассказа цикла «Честный вор» за счет включения в него части первого рассказа. **Однако если мы ставим целью специально изучить именно ранние произведения писателя, то их и нужно изучать по первым журнальным публикациям, а не по позднейшим переделкам** (в этом смысле точнее называть не «Рассказы бывалого человека» *вариантом* «Честного вора» 1860 года, как это сделано в академическом ПСС [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 422], но «Честный вор» 1860 года — *второй редакцией* «Рассказов бывалого человека» или «Честного вора» 1848 года).

В.И. Кулешов в учебном пособии «Натуральная школа в русской литературе XIX века» (2-е изд., 1982) сопоставил «Рассказы бывалого человека» с повестью А.В. Дружинина «Рассказ Алексея Дмитрича» (1848) с точки зрения их жанра, замечая при этом, что «сказовая система» у Достоевского «неизмеримо сложнее», чем у Дружинина [Кулешов, 1982, с. 96–97]. «Рассказ Алексея Дмитрича» был опубликован во втором номере журнала «Современник» в 1848 году (как указывает В.Э. Боград, цензурное разрешение для него было выдано 31 января [Боград, 1959, с. 84]), и, скорее всего, Достоевский успел его прочесть перед отправкой своих «Рассказов бывалого человека» в апрельский номер «Отечественных записок». Хотя произведения Достоевского и Дружинина совершенно различны и по художественным особенностям, и по объему, и по структуре, их все же объединяет обращение рассказчиков к памяти о Наполеоновских войнах. Главный рассказчик в повести Дружинина, «человек военный» Алексей Дмитрич (в конце своего рассказа он сообщает, что подал в отставку, то есть вскоре перейдет в разряд *отставных*), в числе прочего, вспоминает о своих беседах с одряхлевшим генералом (отцом его друга Кости), который, если верить его откровениям, уже «в тринадцать лет ходил на галерах под шведа» [Дружинин, 1848, с. 264]. Особенно колоритен его мемуар об участии в сражении при Дрездене 26–27 августа 1813 года, в котором войска Наполеона победили союзную русско-прусско-австрийскую армию:

> Так вот эти дураки австрийцы и ждали кирасир, а ров у них был под боком. Такой туман уж на них нашел, и забыли, что весь порох дождем смочило. Я с батареей стоял у края оврага, вижу, наскочила

> конница, австрийцы чик, чик, да и только... хоть бы одно ружье выстрелило... Страшно было посмотреть, как начали топтать их французы. Все шестнадцать батальонов перепутались, натыкались один на другой, бросали ружья, падали в ров, а помощи нельзя было подать: обходить надо было версты три... [Дружинин, 1848, с. 251].

Сам Алексей Дмитрич, судя по всему, вырос и сформировался на такого рода описаниях, ибо признается в собственных характерных познаниях: «<...> я знал все походы Наполеона как свои пять пальцев, мог отлично рассказать все моменты Лейпцигского сражения <...>» [Дружинин, 1848, с. 267]. По его наблюдению, «отличительной чертой русского солдата» является «много преданности, много какого-то странного, беззаботного, насмешливого добродушия» [Дружинин, 1848, с. 280]. Это не в точности коррелирует с типом русского отставного солдата, описанным Достоевским в «Рассказах бывалого человека», но важно заметить, что сама эта ветеранская проблематика почти одновременно освещалась в первой половине 1848 года в двух ведущих петербургских литературных журналах.

Кулешов также провел параллель между «Отставным» Достоевского и стихотворением «Бородино» (1837) М.В. Лермонтова. По его мнению, «в очерке много подробностей, которых не могло быть у Лермонтова: характеристика храброго Фигнера, комический пересказ простецки понятого и переданного в духе солдатского фольклора разговора Александра I с Наполеоном. Но вся система понятий, лексических рядов дана в нормах лермонтовского героя, словно это он сам продолжил свой рассказ о том, что было после Бородинского сражения» [Кулешов, 1982, с. 130]. Хотя общее между рассказами о войне в «Бородине» и «Отставном», несомненно, есть, но также есть между ними и радикальные отличия: лермонтовское стихотворение, созданное на 25-ю годовщину Бородинской битвы, все проникнуто патриотическим пафосом, в котором нет места для описания собственной нерешительности или неправоты (в этом отношении оно читается как подлинный гимн русской храбрости и самопожертвованию в борьбе с агрессором), тогда как Астафий Иванович обращает внимание и на многие неприглядные стороны войны: на трусость еще необстрелянных солдат и их готовность сбежать с поля боя [Достоевский, 1848, с. 289–290], на убийство безоружных пленных французов [Достоевский, 1848, с. 290], на солдатскую глупость (он, к примеру, упоминает одного «глуповатенького солдатика»,

купившего у цыганки заговоренный оберег от смерти за целковый, и обещавшего ее изрубить, если оберег не сработает [Достоевский, 1848, с. 291]). «Дядя» у Лермонтова называет солдат Великой армии исключительно «французами» [Лермонтов, 2014, т. 1, с. 281, 282, 283], обозначая их также как «басурман» [Лермонтов, 2014, т. 1, с. 283], то есть считает их нехристианами. Астафий Иванович в своей истории гораздо более осведомлен и конкретен — он уточняет, что «всякая нация под Бонапартом ходила» [Достоевский, 1848, с. 289–290], и что у Наполеона вера, которой он не пожертвовал, была «католическая» [Достоевский, 1848, с. 291], то есть христианская, хотя и инославная. Не кажется нам «простецки понятным» и описание разговора Александра I с Наполеоном, содержащего предложение о переходе императора французов в православие[14]. Кулешов же никак не поясняет, откуда вообще произрастает такая отнюдь не тривиальная мысль, и не приводит никаких примеров из более раннего «солдатского фольклора» на сей счет.

В.Н. Бочков в главе, посвященной Фигнеру, в книге «“Скажи: которая Татьяна?”: Образы и прототипы в русской литературе» (1990) пишет о «Рассказах бывалого человека» Достоевского, что «первоначальный вариант произведения был значительно обширнее напечатанного в “Отечественных записках”» [Бочков, 1990, с. 116], однако никакой более ранний вариант этого произведения, чем тот, что был в 1848 году опубликован в журнале Краевского, неизвестен. Вместе с тем, исследователь убедительно отмечает, что Астафий Иванович в 1813 году состоял в т.н. «Легионе мести» (или «Мстительном легионе»), сформированном Фигнером из пленных и дезертиров Великой армии (преимущественно, испанцев и итальянцев) и русских солдат [Бочков, 1990, с. 116] (об этом «легионе» мы подробнее расскажем в четвертой части статьи).

Наиболее же критически-снисходительный взгляд на воспоминания Астафия Ивановича о Фигнере в «Отставном», не вошедшие в «Честный вор» 1860 года, принадлежит В.А. Михнюкевичу, который в монографии «Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского» (1994) воспринимает их как «вставные эпизоды, выполняющие чисто орнаментальную роль и органически

[14] В романе «Идиот» генерал Иволгин приписывает маршалу Даву «проект» о принятии Наполеоном в 1812 году православия для того, чтобы приобрести легитимность у русского народа [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415]. Об этом см.: [Подосокорский, 2025в, с. 94].

не вписывающиеся в сюжет», а потому производящие «впечатление необязательности» [Михнюкевич, 1994, с. 87]. Такое сомнительное утверждение противоречит всему, что мы знаем о поэтике произведений Достоевского и вообще любого крупного художника, никогда не «вставляющего» в свои произведения «необязательные» истории на несколько страниц (а к моменту написания «Отставного» Достоевский был известным, состоявшимся писателем, успевшим опубликовать несколько несомненных шедевров вроде «Бедных людей» или «Двойника»). Т.А. Касаткина приводит в своей книге «О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа “реализма в высшем смысле”» (2004) очень верную в этом отношении цитату из работы В.Ф. Эрна о Платоне, которую, по ее мнению, можно экстраполировать и на все творчество Достоевского: «Говорить о случайности — значит говорить о своем непонимании. Ничего случайного в законченных творениях такого художника, как Платон, быть не может» [Касаткина, 2004, с. 312]. Мы также исходим из этого последнего постулата при анализе любых законченных произведений Достоевского, а рассказ «Отставной», по нашему убеждению, относится именно к таковым.

Кроме того, Михнюкевич сравнил историческое предание о Фигнере в «Отставном» с преданиями и историческими песнями о другом герое войны 1812 года, атамане Донского казачьего войска, генерале от кавалерии, графе Матвее Ивановиче Платове (1751–1818) [Михнюкевич, 1994, с. 86]. В цикле исторических песен о Платове, условно названном исследователями «Платов в гостях у француза», с разными подробностями передан сюжет о том, как в период войны России с наполеоновской империей Платов-казак обрил свою бороду, остриг волосы и, назвавшись купцом, «заездял» в гости к «френцюзу», где его угостили водкой, а он, разузнав то, что ему было нужно, скрылся, похвалившись тем, как ловко смог одурачить «френцюзскую ворону» [Исторические песни XIX века, 1973, с. 89]. У какого именно «френцюза» был в гостях Платов не вполне ясно, ибо в разных вариантах текста он назван по-разному: просто «френцюзом» («французом»), «френцюзским королем» («хранцузским корольком», «хранцюзской короной»), «французом-управителем» и т. п. [Исторические песни XIX века, 1973, с. 89–91, 103, 108, 111]. Личные черты этого обманутого высокопоставленного «френцюза» во всех песнях предельно стерты, но подозревать Платова, как правило, начинает «дочь-злодейка» хозяина, которую зовут Арина

(Алина, Ирина, Орина, Марина, Парижа и др.). И хотя в некоторых песнях поспешно уезжающий от «френцюза» Платов-казак называет его «французом Наполионом» и «французским Бонапартом» [Исторические песни XIX века, 1973, с. 94, 104], в них нет всех тех подробностей (кроме угощения Платова водкой или вином), которые передает о Фигнере Астафий Иванович (о поступлении его на шпионскую службу к Бонапарту, игре в карты с императором французов, о перемене веры Фигнером и взятии им за это денег, способности его проникать в сны Наполеона).

А.П. Власкин в статье «Народная религиозная культура в творчестве Ф.М. Достоевского» (1994) пишет, что Астафий Иванович в рассказе «Отставной» «отчасти предвосхищает» образ слуги Григория Кутузова в романе «Братья Карамазовы» [Власкин, 1994, с. 248]. Действительно, оба героя связаны с темой войны 1812 года и наполеоновским мифом (о слуге Кутузове, фамилия которого напоминает о главнокомандующем российской армии в войну 1812 года М.И. Кутузове см.: [Подосокорский, 2025а, с. 350–352]), однако Астафий за свою жизнь сменил множество господ, будучи вольнонаемным работником, тогда как старик Григорий, большую часть жизни проживший как крепостной, всегда служил одному только Федору Павловичу Карамазову; да и характеры их различны: герой «Отставного» гораздо мягче и гибче в своих суждениях о жизни, чем Кутузов, описываемый как «мрачный, глупый и упрямый резонер» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 13].

Итак, после первой журнальной публикации 1848 года «Отставной» в течение почти 150 лет ни разу не переиздавался полностью как цельный текст вплоть до 1996 года[15], когда во втором томе Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского (канонические тексты) под редакцией профессора В.Н. Захарова была полностью воспроизведена журнальная редакция «Рассказов бывалого человека» в старой орфографии и пунктуации. Однако и в этом издании научный комментарий к «Рассказам бывалого человека» предельно минимален (он составляет всего треть страницы), а в обобщающей теоретической статье тома «Петербургский летописец», написанной В.Н. Захаровым, рассказ «Отставной» не упоминается вовсе, тогда

[15] Как отдельное же, самостоятельное произведение «Отставной» не публиковался вообще никогда — случай едва ли не беспрецедентный для творчества Достоевского.

как «Честному вору» все же посвящено одно предложение [Захаров, 1996, с. 692].

Статья М.В. Загидуллиной «Отставной», написанная для словаря-справочника «Достоевский: Сочинения, письма, документы» (2008), состоит из всего одного абзаца (шести предложений) и в целом носит обзорный характер — в ней некритически перечисляются немногочисленные существующие комментарии (Л.П. Гроссмана, В.Б. Шкловского, редакторов первого академического ПСС, В.А. Михнюкевича) к этому произведению. Примечательно, что и здесь оптика автора в силу укоренившейся к тому времени в достоевистике традиции резко смещена в сторону как бы «канонического» текста «Честного вора» 1860 года. И хотя данная статья Загидуллиной, казалось бы, посвящена именно рассказу «Отставной» 1848 года, в ней, тем не менее, сообщается следующее: «**Первоначально** в рассказ “отставного” входили несколько легенд (исторических преданий): об А.С. Фигнере, безжалостно расправлявшемся с пленными французами, разведчике “нового времени”, говорившем “на всех языках человеческих”, знавшем даже сны Наполеона и игравшем с ним в карты; о коне — предсказателе солдатской судьбы; о Бонапарте, не согласившемся перейти в русскую веру» [Загидуллина, 2008а, с. 132]. Это «первоначально» как будто подразумевает, что финальный текст «Отставного» — не публикация в «Отечественных записках», а фрагменты из нее, растворенные в «Честном воре» 1860 года, куда как раз и не попали перечисленные исследовательницей исторические предания о Наполеоновских войнах.

В словарной статье «Рассказы бывалого человека» (2008), так же написанной Загидуллиной для того же справочника, отмечается, что «Отставной» «наиболее точно» отвечает «эстетике “натуральной школы”», и что рассказ вообще написан «по всем правилам» «физиологии» [Загидуллина, 2008б, с. 161–162]. Однако если и говорить о единстве «натуральной школы» 1840-х годов, то, как мы показали ранее, на примере сравнения «Темного человека» Буткова и «Рассказов бывалого человека» Достоевского, включаемые в это направление произведения разительно отличаются по взгляду их авторов на своих героев. Персонажи Достоевского, в отличие от персонажей А.В. Дружинина, И.И. Панаева, Д.В. Григоровича и др., почти всегда выходят за рамки обыденного, социального, физического, «натурального», подспудно тяготея к метафизике и сверхъестественному (последнее обнаруживается не только в «Двойнике» или «Хозяйке»,

но и в «Отставном»). На материале произведений зрелого периода творчества Достоевского Т.А. Касаткиной была разработана теория «двусоставного образа», причем исследовательница полагает, что этот «основной творческий принцип» писателя прослеживается в его текстах лишь с «Преступления и наказания» [Касаткина, 2025а, с. 249]. На наш взгляд, очевидно, что ранние тексты Достоевского до сих пор изучены крайне недостаточно, чтобы однозначно определить используемый в них творческий принцип автора, но он совершенно точно разительно не совпадает с принципами большинства иных литераторов, традиционно относимых к «натуральной школе».

В своей словарной статье о «Рассказах бывалого человека» Загидуллина также называет историю Астафия Ивановича о Фигнере «небывальщиной», сравнивая ее с «“текстами Мюнхгаузена” — с обязательной установкой на абсолютную достоверность повествования» [Загидуллина, 2008б, с. 162]. Необходимо заметить, что рассказы о Мюнхгаузене гораздо более фантастичны и неправдоподобны, чем «Рассказы бывалого человека». Например, герой первых, неоднократно застревая в болоте под Нарвой, спасается, сперва ухватившись за хвост своей собаки, а затем — за хвост пробегающей мимо лисы [Шнорр, 1985, с. 222–223][16], тогда как Астафий Иванович, спасаясь от неприятеля, переплывает реку (имеется в виду река Эльба, в которой погиб его командир Фигнер), ухватившись за хвост своей лошади [Достоевский, 1848, с. 292]. В многочисленных рассказах о похождениях Мюнхгаузена в центре внимания, как правило, находится сам находчивый барон, тогда как Астафий Иванович отнюдь не оценивает именно свое личное участие в войнах с Наполеоном как выдающиеся героические приключения, отдавая безусловное первенство Фигнеру, в подразделении которого он служил: «За то все одним Фигнером и дышали; через него и животы свои вынесли; всех своим умом выручал; в нем одном и спасение все было. Не было б его, все бы мы погибли» [Достоевский, 1848, с. 290]. Кроме того, барон фон Мюнхгаузен принадлежит к титулованному дворянству

[16] Сборники переводных рассказов Г.А. Бюргера и Р.Э. Распэ о приключениях барона Мюнхгаузена с упомянутыми нами дополнениями Г.Т.Л. Шнорра много раз издавались в России, начиная с конца XVIII века, и обычно имели заголовок «Не любо не слушай, лгать не мешай». За несколько лет до написания рассказа «Отставной» в России также вышло несколько такого рода изданий (например, в 1844 и 1845 годах в московской типографии Н. Степанова). Библиографию соответствующих изданий на русском языке см.: [Бюргер, Распэ, 1985, с. 357–358].

и своими рассказами главным образом стремится позабавить и развлечь собеседников, а Астафий Иванович является выходцем из низших сословий и его восприятие бедствий войны, через которую ему пришлось пройти, гораздо более трагичное.

В статье «Отставной» в авторской энциклопедии С.В. Белова «Ф.М. Достоевский» (2010) сообщается лишь то, что это «неосуществленный замысел» писателя [Белов, 2010, с. 436], несмотря на то, что рассказ был не только завершен, но и целиком опубликован при жизни автора!

В комментариях ко второму тому (2014) второго издания академического Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. «Рассказы бывалого человека» соотнесены с «Повестями Белкина» А.С. Пушкина. По мнению комментаторов: «Как и в “Повестях Белкина”, маска “неизвестного” помогает подлинному автору скрыть его ироническое отношение к достоверности историй, принадлежащих герою-рассказчику, и делает пародирование модных и авторитетных в то время литературных жанров едва заметным, но эстетически значимым» [Достоевский, 2013–, т. 2, с. 660].

А.Г. Готовцева в работе «Встреча с Наполеоном как биографический конструкт в русской культуре» (2014) упоминает один из самых фантастических эпизодов из рассказа Астафия Ивановича в «Отставном» (о том, как Наполеон в Париже кричал «ура белому царю!» при торжественном вступлении в столицу Франции русских войск [Достоевский, 1848, с. 293]) в контексте описаний других встреч с Наполеоном в русской мемуарной и художественной литературе XIX века. По мнению исследовательницы, эта «фольклоризированная встреча с Наполеоном» выдумана героем Достоевского «для конструирования биографии», в которой особенно значимым является «элемент покаяния Наполеона» [Готовцева, 2014, с. 208]. Готовцева рассматривает этот элемент как сквозной во всех произведениях Достоевского («Отставной», «Дядюшкин сон», «Идиот»[17]), где герои рассказывают о своих вымышленных встречах с Наполеоном. Несомненно, сам по себе мотив покаяния исключительно важен для характеристики образа набожного Астафия Ивановича (погубившего, по его признанию, тридцать безоружных пленных во время войны

[17] О том, как в романе «Идиот» генерал Иволгин завуалированно связывает собственное прощение с прощением обожаемого им Наполеона см.: [Подосокорский, 2025д, с. 195].

[Достоевский, 1848, с. 290]) и содержания его рассказов, но заметим, что описываемое героем «покаяние» Наполеона в «Отставном» (в отличие, скажем, от покаяния умирающего Емели в «Честном воре») не вполне безусловное и искреннее, и имеет характер, скорее, расчетливой политической сделки, чем чисто христианского раскаяния исключительно для облегчения души, без всяких условий. «А потом, как пришли во дворец, рапорт государю подал, в котором слезно ему представлял, что во всех прегрешениях раскаивается, и вперед больше не будет русский народ обижать, **только б за сыном его престол французский оставили**. Да государь не согласился; сказал, что рад бы душою (добрый был царь, врага миловал!), да веры больше иметь нельзя — обману было много» [Достоевский, 1848, с. 293]. В корне неверным нам представляется и основный вывод Готовцевой о том, что «в художественном мире Достоевского образ Наполеона снижен не восприятием возвышенного героя [как, в ее понимании, это происходит в творчестве Л.Н. Толстого — *Н.П.*], а наоборот, ничтожность героя переносится на образ Наполеона, написанный почти по романтическим канонам» [Готовцева, 2014, с. 215][18]. Неверен этот взгляд именно как сугубо внешний и ложно иерархический, противопоставляющий как бы «возвышенных героев» Толстого (вроде Андрея Болконского или Пьера Безухова) якобы «ничтожным героям» Достоевского (вроде Астафия Ивановича или генерала Иволгина). Наоборот, у Достоевского подлинно ничтожным герой становится именно тогда, когда его сердце наглухо закрывается для реальных страданий других, в каком бы материальном, социальном и мечтательном состоянии он сам при этом ни находился. Одной из особенностей поэтики Достоевского, поясняет Т.А. Касаткина, как раз и является то, что «автор готов видеть в герое не просто человека — Бога, как бы низко тот с общепринятой точки зрения ни пал. Единственное препятствие для такого видения — это отказ героя видеть других людей субъектами» [Касаткина, 2019, с. 190]. Но последнее к полунищему Астафию Ивановичу, видящему субъекта даже в пьянице Емеле, совершенно точно не относится.

В трехтомнике ранней и малой прозы Достоевского, выпущенном издательством «Вита Нова» под редакцией и с комментариями

[18] Более точен И.Л. Волгин, отмечающий, что «Наполеон Толстого — человек самоупоенный. Наполеон Достоевского — человек страдающий» [Волгин, 2003, с. 296].

Б.Н. Тихомирова в 2018–2022 годах, нашлось место «Слабому сердцу», «Сну смешного человека» и даже «Тритону», но не «Отставному» или «Рассказам бывалого человека».

А.П. Власкин и С.В. Рудакова в статье «Сквозной мотив “офицерства” в творчестве Ф.М. Достоевского» (2022) пишут, что рассказ Астафия Ивановича о наполеоновских войнах «предвещает подобные “воспоминания” отставного генерала Иволгина в романе “Идиот”» [Власкин, Рудакова, 2022, с. 17–18]. Между тем герой «Отставного», несмотря на всю «фольклоризированность» его рассказа, все же реально участвовал в войне 1812 года, тогда как Ардалион Иволгин, по всей видимости, в этом году лишь родился [Подосокорский, 2009, с. 148], то есть «воспоминания» этих героев имеют принципиально различную основу.

Подытоживая предварительный библиографический обзор, можно сказать, что современные исследователи в основном вслед за Анненковым продолжают игнорировать как рассказ «Отставной» в частности, так и цикл «Рассказы бывалого человека» в целом, поскольку с момента выхода в 2008 году чисто справочных словарных статей М.В. Загидуллиной об этих произведениях, им не было посвящено ни одной специальной научной работы (или же нам таковые просто неизвестны).

III. Тип русского отставного солдата, ветерана Наполеоновских войн в рассказе Достоевского «Отставной»

Теперь перейдем к непосредственному анализу образа ветерана военных кампаний 1812–1814 годов, показанного в «Отставном». Что касается «всех правил физиологии», по которым якобы написан рассказ «Отставной» (М.В. Загидуллина), то здесь, на наш взгляд, Достоевский как раз далеко выходит за рамки очерка о повседневном быте представителя определенного социального типа. Более того, он, сперва описав тип русского отставного солдата, тут же предупреждает читателя, что его герой сильно выбивается из предложенного описания, потому что является «отставным особого рода» [Достоевский, 1848, с. 288], да и большая часть рассказа посвящена вовсе не современному быту Астафия Ивановича, но его военному прошлому, которое также было связано с таким абсолютно нетипичным участником войн с Наполеоном, как командир партизанского

отряда Александр Самойлович Фигнер, вокруг которого еще при жизни сложилось множество легенд.

Нельзя не указать и на то, что, к примеру, в сборнике-манифесте натуральной школы «Физиология Петербурга», вышедшем в 1845 году под редакцией Н.А. Некрасова, к типу отставного солдата было проявлено самое минимальное внимание: в нем лишь декларировалось, что «едва ли не целая треть его [Петербурга] народонаселения состоит из военных» [Белинский, 1991, с. 32], и упоминались специальные «домы отставных канцеляристов, унтер-офицеров, отставных камер-музыкантов, истопников, придворных лакеев, даже придворных арапов» [Гребенка, 1991, с. 73], но не было дано системного описания типа отставного русского солдата, в отличие от тщательной разработки типов шарманщика, дворника, чиновника и проч.

Если говорить о произведениях раннего периода творчества Достоевского как о *едином тексте*[19] [Магарил-Ильяева, 2023], напоминающем по связности «Человеческую комедию» О. де Бальзака с ее перекрестными персонажами, аллюзиями и относительно единым пространством, то образ живущего в Петербурге *отставного солдата* первоначально упоминается в творчестве Достоевского уже в романе «Бедные люди» (1846), но лишь мимоходом. Так, Макар Девушкин пишет Вареньке о тех лицах, которые он встретил наряду с «нашим братом», прогуливаясь вечером по набережной Фонтанки:

> Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченом масле, с замком в руке; **солдат отставной, в сажень ростом**, — вот какова была публика [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 85].

[19] Относительно рассказа «Отставной», таким образом, можно говорить о его последовательной включенности в три авторских цикла наподобие китайской шкатулки: первичным циклом являются собственно «Рассказы бывалого человека» (и потенциально незавершенный рассказ «Домовой»), вторым — группа текстов, объединенная жанровым обозначением «Из записок неизвестного» («Рассказы бывалого человека», «Елка и свадьба»), третьим — весь корпус художественных произведений писателя раннего периода (т.е. написанных и изданных до 1849 года).

Возникает вопрос: как Девушкин вообще мог сходу определить незнакомого ему встречного в толпе как *отставного солдата*, если тот — *отставной*, то есть наверняка был одет в гражданское платье? Судя по всему, тем же методом интуиции, каким и рассказчик первого уровня в «Отставном» мгновенно разглядел нутро своего нового жильца: «По паспорту оказалось, что он из отставных солдат, **о чем я узнал, и не глядя на паспорт, с первого взгляда, по лицу. Это легко узнать**» [Достоевский, 1848, с. 287]. Очевидно, что Макар Иванович, являющийся и сам сочинителем, выделяет характерные для николаевского Петербурга 1840-х годов уличные типы горожан, и некоторые из них проходят через разные сочинения Достоевского тех лет. Увиденный Девушкиным рослый (сажень составляет 2,13 метра) безымянный отставной солдат мог вполне оказаться если не самим Астафием Ивановичем, о росте которого в «Рассказах бывалого человека» ничего не сообщается, то представителем той же категории «отставных», который «гораздо цивилизованнее крестьянина и во сто крат нравственно выше дворового человека» [Достоевский, 1848, с. 287].

Герой рассказа «Отставной» Астафий Иванович, в отличие от большинства военных мемуаристов того времени, принадлежащих к офицерству и дворянскому сословию, является выразителем простонародного (но отнюдь не примитивного) взгляда на Наполеона, войну и историю в целом, что при этом никак не лишает его рассказ оптики личного восприятия произошедшего. С точки зрения Л.П. Гроссмана, особенно замечательно то, что в «Отставном» Достоевский привел «показание» действительного «очевидца и участника Отечественной войны», каковым был его тогдашний слуга Евстафий [Гроссман, 1918а, с. 40]. О существовании последнего мы знаем из воспоминаний врача С.Д. Яновского, общавшегося с Достоевским с 1846 по 1849 год и лечившего писателя в этот период. Доктор Яновский, в частности, сообщает: «У Достоевских в это время[20] проживал уже в качестве слуги известный всем нам и нами очень любимый отставной унтер-офицер Евстафий, имя которого Федор Михайлович отметил теплым словом в одной из своих повестей» [Яновский, 1990, с. 244]. В.Н. Топоров объясняет этот факт творческой био-

[20] В конце сентября или в октябре 1847 года вернувшийся в Петербург М.М. Достоевский на некоторое время поселился у брата Федора [Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1999, т. 1, с. 137].

графии Достоевского распространенной в 1840-е годы «практикой введения в художественные произведения имен прислуги», так или иначе связанной с автором в реальной жизни, и приводит многочисленные примеры на сей счет [Топоров, 1995, с. 190]. М.С. Альтман, в свою очередь, обратил внимание на то, что и слуга немки Каролины Ивановны в «Двойнике» также наделен именем Евстафия, причем исследователь видит в этом внесценическом персонаже первое появление в произведениях Достоевского образа отставного Астафия Ивановича [Альтман, 1975, с. 169].

Не исключено, что в «Отставном» были использованы рассказы не одного только Евстафия, но и других ветеранов и свидетелей Наполеоновских войн, с которыми писатель тесно соприкасался с раннего детства, еще живя в служебной квартире отца при Мариинской больнице для бедных на Божедомке в Москве. Как уточняет Г.В. Коган, с инвалидами войны 1812 года и солдатскими вдовами, приходившими в больницу, маленький Федор общался в больничном саду [Коган, 2003, с. 304]. Что-то узнал он и непосредственно от отца, который и сам был участником трагических событий 1812–1813 годов [Карташов, 2007], или от знакомых семьи. В.С. Нечаева, например, полагает, что прототипом Астафия Ивановича мог быть Гавриил Захарович Прыжов (отец историка И.Г. Прыжова), «поступивший в [московскую Мариинскую] больницу швейцаром в 1815 г., перемещенный в 1817 г. на вакансию писаря, которым и оставался до конца 50-х годов» [Нечаева, 1979, с. 21–22]. По ее предположению, Г.З. Прыжова с отцом Достоевского «сблизило военное прошлое: Прыжов (из вольноотпущенных) вступил в Московское ополчение 5 августа 1812 г., “был в сражении под Бородином”, преследовал неприятеля за границей и был уволен в отставку 15 октября 1814 г.» [Нечаева, 1979, с. 22]. В любом случае, с рядом легенд и устных преданий об эпохе противоборства России с Наполеоном писатель был знаком и независимо от рассказов слуги Евстафия.

К моменту создания «Рассказов бывалого человека» в России было издано немало сочинений, всецело или частично посвященных русским отставным солдатам и передающих особенности их мировоззрения, повседневного быта, восприятия ими славного исторического прошлого. Как мы покажем далее, Достоевский опирался на богатую литературную традицию (условно ее можно назвать «национально-патриотической»), которая никак не сводится к «натуральной школе» 1840-х годов даже по хронологии, внеся свой значимый

вклад в ее дальнейшее развитие. Например, один из героев повести Ф.В. Булгарина «Бедный Макар, или Кто за правду горой, тот истый ирой» (1825), отставной солдат Филипов, описан как представитель того же типа бывалого человека, что и Астафий Иванович: «Отставной солдат Филипов отправлял в доме все должности и ремесла. Он чистил и чинил платье и сапоги, стряпал кушанье, ходил на рынок, убирал комнаты, рубил дрова, носил воду, а иногда даже стирал белье и починивал ветхую крышку дома» [Булгарин, 1839–1844, т. 6, с. 34]. Иначе говоря, он «ладил со всякою работой, отправлял ее с удивительною ловкостью <...>» [Булгарин, 1839–1844, т. 6, с. 34]. Отставной солдат в рассказе Достоевского, про которого сообщается, что «работать ему, что жить» [Достоевский, 1848, с. 288], заселяется в каморку «подле кухни» [Достоевский, 1848, с. 286], и его отличительной чертой обозначена привязанность к собаке: «Если он переселится на постоянное житье, то непременно заласкает к себе собаку или начнет прикармливать голубей...» [Достоевский, 1848, с. 288]. «Главная квартира» отставного солдата в повести Булгарина «была за русскою печью, в передней, где также покоилась жучка, собака, принадлежавшая некогда целому полку, и бывшая с ним во всех походах и даже в сражениях» [Булгарин, 1839–1844, т. 6, с. 34]. И Филипов, и Астафий Иванович отличаются добрым нравом и умением утешать в печалях ближнего.

В стихотворении А.А. Дельвига «Отставной солдат (Русская идиллия)» (1829) русский солдат-инвалид, лишившийся в войне 1812 года ноги, рассказывает встречным пастухам о том, как было изгнано из России наполеоновское воинство, и как он сам побывал в «царствах многих» [Дельвиг, 1829, с. 27]. Слушатели же просят его, как *бывалого человека*, рассказать им подробнее о его жизненном опыте, который, по их мнению, охватывает не только участие в боях с французами, посещение разных стран, но и знакомство с «домовыми»:

> То расскажи нам (говоришь ты складно)
> Про старое свое житье-бытье!
> Я чай, **везде бывал ты**, все видал!
> **И домовых**, и водяных, и леших <...>
> [Дельвиг, 1829, с. 28].

И хотя содержание рассказа отставного солдата Дельвига о его участии в войне с Наполеоном не совпадает ни в малейших деталях с историей военной службы Астафия Ивановича, а сам инвалид отрицает свою связь с потусторонним («Да ныне ж человек лукавей беса!» [Дельвиг, 1829, с. 28–29]), обращенная к нему просьба весьма показательна, ибо она задает диапазон ожиданий того, что вообще может *видеть* или *слышать* (как в случае Астафия Ивановича, рассказывающего о том, как он «слышал» домового, который «проказил» над ним [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 399]) *бывалый человек*.

В книге Н.А. Полевого «Рассказы русского солдата» (1833–1834)[21] описан «бывалый человек» — ямщик «лет 50-ти» [Полевой, 1852, с. 15] (столько же лет и герою «Отставного»: «Теперь ему было лет пятьдесят <...>» [Достоевский, 1848, с. 288–289]), который в ходе войн с Наполеоном побывал, как и Астафий Иванович, и в Лейпциге, и в Париже: «Василий был удивительно *бывалый человек*; вообразите, что он побывал даже в Париже, подрядившись из Лейпцига, в 1814 году, везти какие-то казенные снаряды» [Полевой, 1852, с. 16]. Сближает Василия, который «не знал устали в работе» [Полевой, 1852, с. 15] с Астафием и необычайное трудолюбие.

Много перекличек обнаруживается между рассказом «Отставной» и «Перепиской русских солдат в 1812 году» И.Н. Скобелева, участвовавшего в войнах с Наполеоном и публиковавшего свои сочинения о русском отставном солдате (унтер-офицере) Иване Кремневе и его сослуживцах под псевдонимом «Русский инвалид», начиная с 1833 года. В.Г. Белинский в рецензии на издание «Переписки и рассказов Русского инвалида» 1838 года отмечает, что она «знакомит и сближает своих читателей с добрым, умным и могучим народом русским, показывая им такие его стороны, которые вполне доступны только тому, кто делится с ним последним сухарем и последнею каплею крови» [Белинский, 1953–1959, т. 3, с. 196]. Солдаты в сочинении Скобелева, как и Астафий Иванович [Достоевский, 1848, с. 293], именуют победителя Наполеона, императора

[21] Д.В. Гришин отметивший, что Достоевский изобразил бывалого солдата «с большим сочувствием», первым указал на «Рассказы русского солдата» Полевого как на один из возможных источников разработки писателем типа отставного, но без каких-либо подробностей и пояснений [Гришин, 1977, с. 198].

Александра I, «белым царем»[22] [Скобелев, 1844, ч. 1, с. XII, 81 и др.]. Очень близка Достоевскому в целом мысль Скобелева, что «человек в несчастье только и велик» [Скобелев, 1844, ч. 1, с. 27–28]. А следующее напутствие *Русского инвалида* почти буквально воплощает в жизнь Астафий, взявший на себя обязанности благодетеля нищего пьяницы и «честного вора» Емели:

> Солдату, в общей с товарищами жизни, надлежит обходиться с честными людьми дружелюбно, чистосердечно; с сомнительными осторожно; к дурным же, напротив того (пока не потеряна еще надежда к исправлению), быть внимательну, попечительну, ласкову, и употреблять все средства чтоб получить доверенность заблудшего, силою коей, советами и примерами, успевать спасти его от гибели. Для хорошего солдата довольно, если и одного несчастного, погибающего негодяя удастся ему возвратить к Богу и к обязанностям службы, и сим немногим он положит к подножию Престола такую жертву, какой позавидует и самый добродетельнейший из священнослужителей! [Скобелев, 1844, ч. 1, с. 56–57].

В обоих произведениях затронута и тема *карточной игры* Наполеона. У Скобелева она является эвфемизмом всей кадровой политики «чернокнижника» и «колдуна» Бонапарта:

> К вечеру, с передового сторожевого пикета, Милорадович приехал домой, повидавшись там с каким-то королем, который при Бонапарте служит, знать, для посылок. Тебе, небось, смешно, а сердечным королям, чай, вовсе не до шуток! Да что делать? Вишь, колдуну все можно; лишь молвить: «по щучьему веленью, по моему прошенью, будь валет — королем, а король — двойкой!» — так они и запляшут в три ноги; многие притоманно (sic!) знают, что с ним лучше-де и не схватывайся, ни в три листика, ни по носкам; ты еще тасуешь, а у него уж хлюст. Вот он-те ноздри-то и вздует, да как? что и Божьего света не взвидишь! [Скобелев, 1844, ч. 1, с. 67].

В «Отставном» Достоевского командир партизанского отряда Фигнер, который имел у современников славу «колдуна» (так его

[22] О специфическом восприятии образа российского православного монарха как «белого царя» см.: [Трепавлов, 2007].

назвал Ф.Н. Глинка) и первого среди всех русских партизан [Лажечников, 2013, с. 119], изображен как тот, кто способен играть с Наполеоном в карты[23] и при этом обманывать доверие императора французов:

> А он что сделает? Жидом, шпионом аль немцем оденется, да и пойдет прямо к врагу; на всех языках говорил человеческих. Выспросит всё, узнает с толком, в службу шпионскую к Бонапарту поступит, ест, пьет с ним, в карты играет, на верность ему присягнет по вере тамошней, католической, деньги за то возьмет, обманет, отведет неприятеля в сторонку, а мы и выйдем благополучно, а Фигнер-то всё главнокомандующему опишет, обо всем его предуведомит, и хоть Наполеону во сне что приснись, так главнокомандующий всё через Фигнера знает, обо всем мигом известен [Достоевский, 1848, с. 291].

В книге Скобелева так же рассказывается о внедрении опытнейших русских шпионов, говорящих «на всех языках», в самое сердце Великой армии: «У нас, правду сказать, и у самих есть такие же разудалые: один — то и дело, что из Москвы да в Москву, а другой — у Бонапарта на приспешной рубит дрова с самого вступления; а как тот и другой говорят на всех бусурманских (sic!) языках, так немного проходит мимо ушей их, чего б они не знали и чего б, следовательно, не ведали наши начальники» [Скобелев, 1844, ч. 1, с. 79]. Вполне вероятно, что *Русский инвалид* здесь имеет в виду все того же Фигнера, но в целом, оба рассказчика передают расхожие среди солдатской массы толки. По свидетельству И.Т. Радожицкого, Фигнер, действительно, был полиглотом и знал французский, немецкий, польский,

[23] Настоящий Наполеон, действительно, время от времени играл в карты со своим окружением, и, как пишут, историки, порой при этом «жульничал», поскольку «ненавидел проигрывать» [Робертс, 2023, с. 492]. Игра в карты при дворе императора французов выполняла и значимую церемониальную роль. Например, в письме к своей жене, императрице Жозефине от 21 декабря 1808 года Наполеон просил ее принять российского посла, князя А.Б. Куракина и пригласить его играть с собою в карты [Письма Наполеона к Жозефине, 1833–1834, т. 2, с. 26]. В русской патриотической поэзии периода войн с Наполеоном встречается сниженный образ императора французов, который использует карты не только для игры, но и для гадания о своей судьбе: «По картам, запершись, ворожит, / Гадать колдовок часто просит <...>» [Глинка, 2015, с. 159]. Фигнер же, по свидетельству И.Т. Радожицкого, «любил играть в бостон» [Радожицкий, 2018, с. 69], то есть в карточную игру, рассчитанную на четырех человек.

итальянский языки «так же хорошо, как русский» [Радожицкий, 2018, с. 119].

Своеобразный солдатский взгляд на исторические события и необычайный солдатский кругозор были вообще интересны Достоевскому. Во введении к циклу «Ряд статей о русской литературе» (1861) писатель констатировал, что очень многие в современной Европе не понимают России и, в числе своих многочисленных заблуждений, «полагают, что русский солдат — совершенная механика, сделан из дерева, ходит на пружинах, не мыслит и не чувствует и потому довольно стоек в сражениях, но не имеет никакой самостоятельности и во всех отношениях уступает французу» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 42]. При этом еще на памяти родителей Достоевского русский солдат продемонстрировал всему миру свое превосходство над французским солдатом, привыкшим пренебрежительно относиться к русским как к *северным варварам*.

В романе «Идиот» (1868–1869) генерал Иволгин и князь Мышкин также обсуждают один из записанных и опубликованных в журнале «Русский архив» солдатских рассказов о войне 1812 года, причем Иволгин относится к нему максимально критически: «Любопытно, пожалуй, но грубо и, конечно, вздорно. Может, и ложь на каждом шагу. <...> На месте редактора я бы не напечатал <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 410]. Мышкин же, напротив, видит в нем одни достоинства: «Ах, это такой простодушный рассказ; рассказ старого солдата-очевидца о пребывании французов в Москве; некоторые вещи прелесть» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 410][24].

IV. Легенды о партизане Фигнере и императоре Наполеоне в рассказе «Отставной»

В «Отставном» особого внимания заслуживает изображение самих Наполеоновских войн (а точнее, Отечественной войны 1812 года и Войны шестой коалиции 1813–1814 годов), а также взаимосвязанных легенд о партизане Фигнере и императоре Наполеоне — все эти темы (за исключением образа Фигнера, к которому впоследствии Достоевский больше никогда не обращался) исклю-

[24] О том, какой рассказ предположительно обсуждают в данном случае герои «Идиота», см.: [Подосокорский, 2010, с. 184–185].

чительно значимы и для последующего творчества Достоевского. Казалось бы, Наполеон в духе господствующей русской народной традиции должен изображаться бывалым человеком как безбожный, лукавый и жестокий агрессор, а Фигнер — как богобоязненный[25] и честный герой-патриот, но в рассказе Астафия Ивановича больше говорится о жестокости Фигнера, казнящего безоружных пленных [Достоевский, 1848, с. 290] и с ловкостью меняющего разные личины, способные обмануть даже Бонапарта. Более того, Наполеон, по словам бывалого человека, отказался от сделанного ему предложения обратиться «в русскую веру» и «верой своей не пожертвовал» [Достоевский, 1848, с. 293], тогда как Фигнер с легкостью присягает врагу на верность «по вере тамошней, католической», да еще и берет за это деньги [Достоевский, 1848, с. 291].

Что представлял собой отряд Фигнера, в котором служил герой «Отставного» Астафий Иванович? Как уточняет С.Ю. Костыгов, фигнеровский «Легион мести» был сформирован в июне 1813 года, хотя первый (оказавшийся неудачным) опыт создания подобного формирования был предпринят Фигнером еще в 1812 году в России [Костыгов, 2021, с. 60]. Летом-осенью 1813 года общая численность этого отряда составляла от 600 до примерно 1000 солдат и офицеров [Костыгов, 2021, с. 62, 63]. По сути, эта была личная армия полковника Фигнера, воины которой находились на особом положении и носили специальную форму — для них пошили «мундиры из зеленого сукна с черным воротником и обшлагами, шитыми серебром; на касках было написано крупными буквами: “Легион мести”» [Левенштерн, 2018, с. 414]. Летом-осенью 1813 года «Легион мести» совершил ряд рейдов по тылам противника. В целом симпатизировавший Фигнеру И.Т. Радожицкий, впрочем, отмечает, что Фигнер вместе со своим «Мстительным легионом» большею частью «разорял Саксонию и тем вооружил против себя начальство» [Радожицкий, 2018, с. 468].

Из рассказа Астафия Ивановича следует, что он примкнул к партизанскому отряду Фигнера «сущим мальчишкой, пятнадцати лет; еще в двенадцатом году поступил» [Достоевский, 1848, с. 289], то есть задолго до создания «Легиона мести». Такой юный возраст не был чем-то исключительным среди партизан: к примеру, младшему

[25] Именно так (как набожный христианин) Фигнер и изображается, к примеру, в анекдотах 1840-х годов [Приятный собеседник, 1846, ч. 2, с. 24–26]. О набожности Фигнера сообщает и Радожицкий [Радожицкий, 2018, с. 99].

брату Фигнера на момент его вступления в отряд было лишь немногим больше (шестнадцать лет) [Фигнер, 1884, с. 141]. В «Отставном» не приводится никаких подробностей о принятии Астафия в отряд Фигнера, но из воспоминаний участников войны 1812 года можно узнать, из какого контингента он главным образом формировался. Как пишет в мемуарах Радожицкий:

> Но ему [Фигнеру] скоро пришла счастливая мысль: для истребления мародеров неприятельских обратиться к своим. Известно, что по флангам и в тылу всякой армии бывает всегда под видом усталых и фуражиров немалое число рассыпающихся по селениям и дорогам праздношатающихся вооруженных людей всякого рода войск, называемых мародерами или бродягами. Фигнер нашел довольно таких из легкой кавалерии; пеших посадил на крестьянских лошадей; увлекательным красноречием умел соединить их к общему участию для приобретения добычи и с двумя сотнями разнокалиберных удальцов начал производить свои набеги [Радожицкий, 2018, с. 121].

И хотя вскоре главнокомандующий М.И. Кутузов усилил отряд Фигнера несколькими сотнями солдат легкой кавалерии (гусарами, уланами и казаками), поскольку набранные мародеры имели склонность к неповиновению и часто дезертировали [Радожицкий, 2018, с. 122], вряд ли Астафий Иванович изначально состоял среди воинов регулярной армии в силу своего пятнадцатилетнего возраста (случаи военной службы в регулярной армии того времени в возрасте 15 лет и более раннем были все же довольно редкими и фиксируются преимущественно среди дворян[26]). Сам герой «Отставного» говорит: «Ну, тогда разбирать было некогда да и нечего; все ополчались» [Достоевский, 1848, с. 289], что также побуждает предположить, будто он присоединился к Фигнеру в качестве ратника земского ополчения.

Единственным письменным источником изображения характера прославленного Фигнера, как и вообще единственным произведением, напрямую упомянутым[27] в «Отставном», является

[26] Можно, к примеру, вспомнить о военной службе юного Николая Николаевича Раевского (1801–1843), сына героя войны 1812 года, генерала Н.Н. Раевского (1771–1829). Он состоял при войсках своего отца во время нашествия Наполеона на Россию и отличился при взятии Парижа.

[27] Помимо прямого упоминания романа Загоскина, в рассказе Достоевского присутствует и отсылка к первому тому поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842),

исторический роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831)[28]. На этот роман указал в авторском примечании сам Достоевский: «Странный характер знаменитого Фигнера, вероятно, уже известен вполне каждому из читателей. Об нем встречается тоже много подробностей в известном романе г. Загоскина “Рославлев или Русские в 1812 году”» [Достоевский, 1848, с. 290]. Таким образом, здесь мы имеем дело с приемом «книга в книге», о котором Т.А. Касаткина пишет, что «для Достоевского присутствие чужого текста в его тексте — один из основных способов проявления авторской позиции в произведении, где она не может быть выражена прямым способом. Это способ подключения к рассказываемой истории иной истории, вносящей дополнительные измерения во вновь творимое произведение <...>» [Касаткина, 2024, с. 22].

Какие подробности относительно характера знаменитого Фигнера, содержащиеся в романе Загоскина, имел в виду Достоевский? Приведем для начала самые общие черты «молчаливого» русского офицера из «Рославлева...», прототипом которого является Фигнер (в тексте романа имя Фигнера ни разу не упоминается): «Этот молчаливый офицер был среднего роста, белокур, круглолиц и вообще приятной наружности; но что-то **дикое, бесчувственное и даже нечеловеческое** изображалось в серых глазах его. Казалось, ни радость, ни горе не могли одушевить этот неподвижный, равнодушный взор; и только изредка **улыбка, выражающая какое-то холодное презрение**, появлялась на устах его» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 295]. И если у Загоскина «молчаливый офицер» (Фигнер) все же участвует непосредственно в различных диалогах (например, он заявляет Владимиру Рославлеву о французах, что «их должно всех душить без пощады; переводить, как мух <...>» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 433]), то в рассказе Астафия Ивановича о Фигнере говорится исключительно

поскольку тип отставного описывается автором через отталкивание от гоголевских образов: «Он никогда не позовет на помощь ни дядю Митяя, ни дядю Миняя, и не любит кричать благим матом, как мужик в беде, а сделает, что нужно, сам, без крику и порядочно» [Достоевский, 1848, с. 288]. И Гоголь во вставной «Повести о капитане Копейкине», и Достоевский в «Отставном» затрагивают тему нелегкой жизни русских ветеранов после завершения войн с Наполеоном, однако их авторские задачи, а также судьбы их героев принципиально различны.

[28] О роли этого романа в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (повесть эта, опубликованная в 1859 году, имеет такое же точно жанровое обозначение, что и «Рассказы бывалого человека» — «Из записок неизвестного») см.: [Подосокорский, 2025е, с. 84, 91, 114].

в третьем лице, и его непосредственная речь ни разу не приводится и не цитируется.

В «Рославлеве...» так же, как и в «Отставном», сообщается о виртуозном умении Фигнера принимать чужой облик. В романе Загоскина «молчаливый офицер», притворившийся флорентийским купцом Дольчини, входит в доверие к генералу Дерикуру, и тот поручает ему «доставить Наполеону преважные депеши» [Загоскин, 1987, т. 1, с. 608][29], хотя вскоре лже-Дольчини сам раскрывает себя. В «Отставном» же рассказывается, как Фигнер действительно поступил в шпионских целях на службу к Наполеону[30], и так и не был разоблачен. И у Загоскина, и у Достоевского обращают на себя внимание некоторые черты наполеонизма в портрете Фигнера, выражающиеся в его презрении к людям, равнодушии к чужим страданиям, чувстве собственной исключительности, готовности пойти на любой обман и любые лишения, ради достижения поставленной цели. Люто ненавидящий всех французов «молчаливый артиллерийский офицер» у Загоскина в то же время не скрывает и некоторого своего восхищения Наполеоном:

> Признаюсь, — продолжал почти с восторгом артиллерийской офицер, — я не могу не удивляться этому человеку! **Какая непоколебимая твердость! Какое презрение ко всему роду человече-**

[29] В действительности, как вспоминает И.Т. Радожицкий, Фигнер, приняв вид итальянца, приверженного Наполеону, явился в Данциг и, войдя в расположение генерала Раппа, был отправлен с депешами к императору Наполеону, однако вместо Наполеона он передал документы главнокомандующему русскими войсками [Радожицкий, 2018, с. 220].

[30] Вероятно, что рассказ о непосредственном внедрении Фигнера в качестве шпиона в ближайшее окружение самого Наполеона и о его личном общении с императором французов — исключительно плод воображения Астафия Ивановича (или слуги Достоевского Евстафия?), основанный на потенциальном допущении подобного в романе Загоскина, хотя в последнем поездка Фигнера к Наполеону так и не состоялась. В предшествующей же литературе обычно описывается, как Фигнер незаметно пробирается «в стан врагов», которым командуют военачальники гораздо более низкого статуса. Например, В.А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов» (1812) пишет: «Наш Фигнер старцем в стан врагов / Идет во мраке ночи; / Как тень прокрался вкруг шатров, / Всё зрели быстры очи...» [Жуковский, 1999–, т. 1, с. 233]. Приведем также свидетельство Д.В. Давыдова: «При Тарутине Фигнер не раз показывал ту точку в средине неприятельского лагеря, где он намеревался находиться в следующий день. В самом деле, на другой день он, переодетый во французский мундир, находился в средине неприятельского лагеря и обозревал его расположение. Это повторялось не раз» [Давыдов, 1962, с. 541].

> **скому!** Как ничтожна в глазах его жизнь целых поколений! С каким равнодушием, как ничем не умолимая судьба, он выбирает свои жертвы и как смеется над бессильным ропотом народов, лежащих у ног его! О! надобно сказать правду, Наполеон великий человек! Да, да! — прибавил артиллерийской офицер, — говорите, что вам угодно; а по-моему, тот, кто сказал, что может *истрачивать* по нескольку тысяч человек в сутки, — рожден, чтоб повелевать миллионами [Загоскин, 1987, т. 1, с. 471–472].

В «Отставном» так же, как и в «Рославлеве...» описана поистине маниакальная ненависть Фигнера к французам:

> — Чтò, он не любил французов?
>
> — Французов? то есть, я думаю, ему и во сне только француз и снился. Вот как не любил! Бывало, пленных захватит; разношерстный народ; всякая нация под Бонапартом ходила, и немец ходил, и гишпанец ходил... Так немцев посадит Фигнер особо, гишпанца особо, тальянского человека особо, агличанин тоже особо сядет, как кто какую веру исповедует, и им прощение дарует, и потом где-нибудь по дороге бросит, а француза всего тут же в кучку наберет и тотчас же злой смерти предать велит. Я сам штук тридцать врагов погубил таким образом [Достоевский, 1848, с. 290].

Кажущийся выборочным подход к солдатам Великой армии и показное «прощение» Фигнера, дарованное всем нефранцузам, здесь не должны вводить в заблуждение, ибо бросить пленных без оружия, теплой одежды и запаса еды «где-нибудь по дороге» в условиях ожесточеннейшей войны (а Астафий Иванович в данном случае, по всей видимости, говорит о заключительном этапе войны 1812 года, когда главными врагами отступающего наполеоновского воинства были не только регулярная российская армия и партизаны, но также суровый холод и жестокий голод), в большинстве случаев, означало лишь обречь их на отсроченную и гораздо более мучительную гибель. Впрочем, Левенштерн пишет, что Фигнер, действительно, щадил пленных итальянцев и испанцев, которых мечтал обратить с оружием против Наполеона [Левенштерн, 2018, с. 404].

О чрезмерной, патологической жестокости Фигнера по отношению к военнопленным вспоминает в письме[31] от 6 марта 1830 года к литератору и участнику войны 1812 года М.Н. Загоскину другой прославленный командир партизанского отряда, поэт-гусар Денис Давыдов:

> Когда входил в чувства (а чувства его состояли единственно в честолюбии и самолюбии), тогда в нем открывалось что-то сатаническое[32], так как и в средствах, употребляемых им для достижения определенной им цели, ибо сие сатаническое столько же оказывалось в его подлой унизительности пред людьми ему нужными, сколько в надменности его против тех, от коих он ничего не ожидал и в варварстве его, когда ставя рядом до 100 человек пленных, он своей рукой убивал их из пистолета одного после другого. Сему я не был свидетелем, но знаю от людей ему доныне приверженных и рассказывающих о сем как о деле знаменитом, принадлежащем глубокой политике, потому что имело основанием желание привязать к себе чернь, всегда алчущую подобного рода зрелища.
>
> Они также рассказывали мне о неоднократном истреблении его партиею, вследствие повеления его, по 300 и по 400 человек пленных. Быв сам партизаном, я знаю что можно находиться в обстоятельствах не позволяющих забирать в плен, но тогда горестный сей подвиг совершается во время битвы, а не хладнокровно и после уже того опасного обстоятельства, которое миновалось — что делал Фигнер. Лицемерство его доходило до того, что, будучи безбожником во всем смысле слова, он по занятии Москвы другой книги не имел и не читал, кроме Библии.

---

[31] Историк Б.П. Миловидов называет это письмо «пристрастным», объясняя резкую критику Фигнера со стороны Давыдова стремлением последнего к «монополизации партизанской славы» [Миловидов, 2007, с. 157].

[32] О демонизме Фигнера писали и другие знавшие его русские офицеры. Например, П.Х. Граббе вспоминает: «Я не любил этого человека: в нем было что-то демонское. <…> Его лучшею и частою забавою было, внуша ласковым разговором с пленными офицерами веселость и доверие к себе, убивать их неожиданно из пистолета и смотреть на предсмертные их мучения. Это делалось вдали от армии, куда доходили о том только темные слухи, которым не верили или забывали в шуме военном. Это был, скорее, разбойничий атаман, чем партизан благоустроенной армии» [Граббе, 2021, с. 85–86]. В целом же за начальником «Легиона мести» закрепилась слава, что он любил «войну для войны», и «что ни один русский солдат не убил такого числа французов, какое легло от духового ружья Фигнерова» [Неведомский, 1838, с. 21, 22].

> Что же касается до коварства его, то вот два случая: был взят в плен один французский офицер; Фигнер с ним обошелся ласково, потом вошел с ним в дружескую связь и когда чрез несколько дней все из него выведал, тогда, подошед к нему сзади, когда сей несчастный обедал с офицерами отряда, и убил его своею рукою из духового ружья своего. С другим пленным офицером он также вошел в дружескую связь и выведав у него все, что нужно ему было, призвал, в отряде его находившегося Ахтыр. гусар. полка поручика Шувалова и спросил его: «знаете ли что ваша обязанность исполнять волю начальника?» — «Знаю», отвечал тот. — «Так подите сейчас и задавите веревкою сонного французского офицера или застрелите его». — Шувалов отвечал как благородный офицер и Фигнер нарядил на этот подвиг Ахтырского гусарского полка унтер-офицера Шианова известного храбреца, но человека тупого ума, не просвещенного и уверенного, что истребление французов каким бы то способом ни было, доставляет убийце царство небесное. Он исполнил приказание [Давыдов, 1861, стб. 552–554].

Рассказы Д.В. Давыдова о Фигнере, очевидно, были использованы Загоскиным при создании образа «молчаливого офицера» в романе о Рославлеве точно так же, как, в свою очередь, сам этот образ повлиял на изображение Фигнера в «Отставном». Однако процитированное письмо отнюдь не было случайным, эпизодическим высказыванием Давыдова, в его «Дневнике партизанских действий 1812 года» Фигнер описан схожим образом:

> Я уже давно слышал о варварстве сего последнего, но не мог верить, чтобы оно простиралось до убийства врагов обезоруженных, особенно в такое время, когда обстоятельства отечества стали исправляться и, казалось, никакое низкое чувство, еще менее мщение, не имело места в сердцах, исполненных сильнейшею и совершеннейшею радостью! Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил *растерзать* их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще *не натравлены*. Не могу выразить, что почувствовал я при противуположности слов сих с красивыми чертами лица Фигнера и взором его — добрым и приятным! Но когда вспомнил превосходные военные дарования его, отважность, предприимчивость, деятельность — все качества, составляющие необыкновенного воина, — я с сожалением сказал

ему: «Не лишай меня, Александр Самойлович, заблуждения. Оставь меня думать, что великодушие есть душа твоих дарований; без него они — вред, а не польза, а как русскому, мне бы хотелось, чтобы у нас полезных людей было побольше».

Он на это сказал мне: «Разве ты не расстреливаешь?» — «Да, — я говорил, — расстрелял двух изменников отечеству, из коих один был грабитель храма Божия». — «Ты, верно, расстреливал и пленных?» — «Боже меня сохрани! Хоть вели тайно разведать у казаков моих». — «Ну, так походим вместе, — он отвечал мне, — тогда ты покинешь все предрассудки». — «Если солдатская честь и сострадание к несчастию — предрассудки, то их предпочитаю твоему рассудку!» [Давыдов, 1962, с. 360].

Денис Давыдов был так поражен этим разговором, что, по его словам, опасаясь, чтобы Фигнер не велел ночью похитить (!) его пленных, он тайно удвоил их охрану и рано поутру сразу же отослал их в главную квартиру. По свидетельству Давыдова, лучшие офицеры под разными предлогами покидали Фигнера, страшась и стыдясь его неистовой тяги к убийству безоружных:

Мы часто говорим о Фигнере — сем странном человеке, проложившем кровавый путь среди людей, как метеор всеразрушающий. Я не могу постичь причину алчности его к смертоубийству! Еще если бы он обращался к оному в критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов, отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время опасности, а освободясь уже от оной; и потому бесчеловечие сие вредило ему даже и в макиавеллических расчетах его, истребляя *живые грамоты* его подвигов. Мы знали, что он истинно точен был в донесениях своих и, действительно, забирал и истреблял по триста и четыреста нижних и вышних чинов, но посторонние люди, линейные и главной квартиры чиновники, всегда сомневались в его успехах и полагали, что он только бьет на бумаге, а не на деле. Ко всему тому таковое поведение вскоре лишило его лучших офицеров, вначале к нему приверженных. Они содрогнулись быть не токмо помощниками, но даже свидетелями сих бесполезных, кровопролитий, и оставили его с одним его *сеидом* — Ахтырского гусарского полка унтер-офицером Шиановым <...> [Давыдов, 1962, с. 361].

Остается открытым вопрос, можно ли считать беспрекословно верного своему командиру унтер-офицера Шианова еще одним прототипом Астафия Ивановича (а герои Достоевского как раз отличаются тем, что способны в течение жизни на самые радикальные внутренние перемены), но последний, в отличие от Дениса Давыдова, действительно, рассказывает о Фигнере с большим восторгом и без всякого осуждения. Из рассказа бывалого человека выходит, что он (как и Шианов), оставался с суровым партизанским командиром до самой гибели последнего.

О крайней жестокости Фигнера в истреблении пленных французов пишет с душевным содроганием и неприятием и близко знавший его командир партизанского отряда В.И. Левенштерн (1776–1858). По его словам, сам Фигнер объяснял свою ненасытную кровожадность тем, что дал соответствующую клятву Богу — никогда не щадить жизни ни одного француза (хотя на практике он не только не щадил захваченных им французов, но всеми правдами и неправдами старался истребить и пленных, взятых другими подразделениями). В обоснование данной им клятвы Фигнер поведал своему конфиденту такую историю (степень ее достоверности неизвестна — она может быть как ужасной правдой, так и эффектной выдумкой, дающей индульгенцию на любые последующие зверства[33]):

> Действуя с партизанским отрядом в России в 1812 году, Фигнер увидел однажды, как французы и поляки, забравшись в сельскую церковь, изнасиловали там женщин и девушек, распяв предварительно некоторых из этих несчастных, чтобы лучше удовлетворить свою гнусную страсть. Фигнер проник в церковь, освободил женщин, которые были еще живы, и, пав ниц перед алтарем, поклялся не щадить более ни одного француза и поляка. Он приказал связать всех тех, кого он застиг в церкви на месте преступления, и так как здание было деревянное, то он велел поджечь его; виновные погибли ужасной, но вполне заслуженной ими смертью [Левенштерн, 2018, с. 403].

[33] О том, что командир «Мстительного легиона» был не чужд подобных выдумок для «пользы дела», к примеру, пишет Н.В. Неведомский в статье «Последнее сражение Фигнера» (1838): «Фигнер поддерживал молву, вероятно, им самим распущенную, что Наполеон оценил его голову и приказал его партизанов, попавшихся в плен, расстреливать как разбойников; некоторые офицеры и все рядовые верили этому и не отдавались в плен до последней крайности, и бились насмерть в неравном бою на берегу Эльбы» [Неведомский, 1838, с. 15].

В любом случае свидетельства современников о демонизме и патологической жестокости Фигнера позволяют сделать вывод о его специфическом восприятии религии.

Еще одним несомненным источником «Отставного» (наряду с романом Загоскина) является стихотворение Ф.Н. Глинки «Смерть Фигнера (Опыт народной поэзии)» (1825). Оно также оформлено в виде рассказа одного из воинов «Мстительного легиона» о его службе вместе с Фигнером. Возможно, именно из него Достоевским был взят сюжет о том, как переодетый Фигнер, пробравшийся в стан французов, играет с ними в карты:

О, Фигнер был великий воин,
И не простой... он был колдун!..
При нем француз был вечно беспокоен...
Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк;
Он едет вечером к французам на бивак
И карты козыряет с ними <...>
[Глинка, 1826, с. 16–17].

Однако Достоевский не заимствовал в точности ни готовых формулировок, ни всего сюжета у Глинки (как и у других литераторов), но творчески переосмыслял и трансформировал их детали в своих художественных целях: если в процитированном стихотворении Фигнер прикидывается немцем и поляком, а в романе Загоскина — итальянцем, то в «Отставном» про него говорится, что он одевается «жидом, шпионом, аль немцем» [Достоевский, 1848, с. 291]. Даже упомянутая у Глинки игра Фигнера в карты с французскими солдатами[34] на биваке в рассказе Астафия Ивановича превращается уже в игру Фигнера в карты с самим Наполеоном. Героическая гибель полковника Фигнера в бою[35] с войсками французского маршала Мишеля Нея близ города Дессау 1 октября 1813 года [Яновский,

[34] О том, как Фигнер, переодетый немцем, сошелся с французами, «пил за здоровье Наполеона» и «гнул карты напропалую» также пишет Н.В. Неведомский [Неведомский, 1838, с. 23]. Достоевский, несомненно, читал его статью в «Современнике».

[35] Разбор этого боя также см.: [Костыгов, 2023].

2004, с. 748–749] также изображается рассказчиками у Глинки и Достоевского совершенно по-разному. В стихотворении «Смерть Фигнера» командующий «Легионом мести» просто исчезает в ходе завязавшейся перестрелки, и его не находят ни между пленных, ни между погибших — «Где он, герой? Куда ж девался он? <...> Его безвестен жребий нам!..» [Глинка, 1826, с. 23][36]. В «Отставном» же Астафий Иванович, напротив, рассказывает о самых последних мгновениях жизни Фигнера и о том, как именно он погиб: «Много наших положили; горсточка от отряда осталась. И Фигнер тут смерть нашел. И кажись, только одного шагу до берега не доплыл, как пуля его хватила в затылок, и пошел ко дну... А решительный был человек! жаль, что до Парижа не дожил» [Достоевский, 1848, с. 292–293].

Последнее описание кончины предводителя «Легиона мести» согласуется с воспоминаниями П.Х. Граббе, согласно которым Фигнер «кончил свою страшную жизнь в волнах Эльбы от неприятельской пули» [Граббе, 2021, с. 86]. В.И. Левенштерн и Н.В. Неведомский также пишут, что Фигнер потонул в Эльбе [Левенштерн, 2018, с. 415], [Неведомский, 1838, с. 19]. В 13-м томе Военного энциклопедического лексикона (1849) эта же версия гибели строгого командира излагается со ссылкой на рассказ бывшего при Фигнере его шурина Бибикова: «Наконец объяснилось, что близ Дессау, будучи окружен Польскою кавалериею, он бросился с своим отрядом в Эльбу и, простреленный пулею, утонул; отряд его истреблен; **уцелевшие, все израненные, взяты были в плен**, и потому долго не могли никого известить. Этот печальный конец доблестного партизана после рассказал бывший при нем шурин его — Бибиков» [Военный энциклопедический лексикон, 1837–1851, ч. 13, с. 282].

Как видим, рассказ Астафия Ивановича и здесь отнюдь не повторяет в точности рассказ Бибикова: последний сообщает, что все выжившие участники «Мстительного легиона» были изранены и взяты в плен в ходе последнего сражения Фигнера; герой же «Отставного» рассказывает, что не был даже ранен и каким-то чудом смог спастись: «Да, сударь; много тогда нашей крови пролилось. **Меня самого уж не знаю как вынесло; даже не ранили.** Напали на нас врасплох, поднялась тревога, пробились мы до реки, да все,

[36] Ротмистр Н.И. Депрейс, очевидец того боя, тоже пишет об *исчезновении* Фигнера, замечая при этом: «Но наш любезный Фигнер если и в плену, то верно под чужим именем» [Депрейс, 1888, с. 613].

как были, бух в воду! Подо мной лошадь была молодая, горячая, крепкая. Я сполз с седла, схватился за хвост и поплыл. А пули так сыпались кругом, что я в полминуты счет потерял. Да вынесло» [Достоевский, 1848, с. 292]. Какой бы фантастической ни казалась эта история, подобный случай спасения (хотя и с пленением в финале), действительно, описан реальным участником упомянутого сражения при Дессау, ротмистром Н.И. Депрейсом, который так же пишет, что спасся тогда Божьим чудом, ухватившись в воде за хвост лошади, правда, не своей, а чужой:

> <...> но я не понимаю, как Бог меня спас! Я плавать не умею, и я уже был саженей восемь от берега, державшись за гриву лошади, но ветер сбил всех в одну кучу и все топили друг друга, наконец, меня отбили от моей лошади, я зачал тонуть, и уже выпил много воды, как вдруг, употребивши последние силы свои, попалась мне чья-то лошадь, я так крепко схватился за хвост, что она выплыла со мною почти на берег, но я потерявши силы упал на место, где уже не было глубоко <...> [Депрейс, 1888, с. 613].

Достоевский не мог читать эту конкретную публикацию письма Депрейса, но, очевидно, слышал или читал о подобных рассказах ветеранов.

Всего через несколько дней после гибели Фигнера и чудесного спасения его юного соратника произошла ключевая для кампании 1813 года битва под Лейпцигом, в ходе которой Астафий Иванович и был взят в плен, где чуть не умер от голода:

> <...> Через коня я и пропал было раз, когда подо мной его убили под Лейпцигом да в плен меня взяли.
>
> — А ты был в плену?
>
> — Как же! четыре месяца содержался. Мы ударили под Лейпцигом целым полком на орудия, которые француз вывозил из города. Два эскадрона занеслись. Одни погибли, других в полон взяли, и я тут же попал. Отвели нас, долго водили и потом посадили в сарай и караул приставили. Много нас сидело: со всех сторон нагнали и уже потом через четыре месяца назад сдали, когда об нас сам государь узнал и всех назад потребовал [Достоевский, 1848, с. 292].

Удивительно, что как бывший воин фигнеровского «Мстительного легиона», сформированного из людей, особенно ненавидящих всех французов, Астафий Иванович нигде в своем рассказе не выражает личной ненависти к неприятелю, не ругает Наполеона и не упоминает ни о каких зверствах и преступлениях со стороны его солдат (расстреле безоружных русских пленных, осквернении церквей, грабеже, поджоге деревень, всяческом насилии над гражданским населением и проч.), хотя такого рода истории были типичны и в целом для народного взгляда на поведение Великой армии в России в 1812 году. Как пишет историк А.В. Чудинов в статье «С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании» (2012), обычно по отношению к французам в фольклорных текстах, посвященных Отечественной войне с Наполеоном, «применяется дегуманизирующий дискурс», и «им приписывается столь избыточная жестокость, какая для манеры ведения войн в XIX в. была уже практически немыслима» (вроде сдирания кожи с живых пленных и т. п.) [Чудинов, 2012, с. 358]. Даже о своем тяжелейшем пребывании в плену у французов в октябре 1813 – январе 1814 года[37] Астафий Иванович рассказывает с большой кротостью, не проклиная и не обвиняя тех, кто его и многих его сослуживцев едва не уморил голодом:

[37] Участник последнего боя Фигнера Н.И. Депрейс сообщает, что из всего отряда спаслось лишь 120 человек, а многие утонули [Депрейс, 1888, с. 613]. Самому Депрейсу в плену повезло больше, чем Астафию Ивановичу. Вот что он рассказывает об этом периоде своей жизни: «<...> между тем, французы содержали нас довольно хорошо, как только можно содержать в блокированной крепости, кроме пищи, однако, мы столько же получали, сколько и французские офицеры, по три четверти довольно большого хлеба, но мяса по девяти золотников в сутки; комендант тихонько от губернатора и старший адъютант губернатора присылали нам всегда кофию и сахару и всего, чем они запаслись, даже когда свечей не стало, то они нам белых восковых для нашей комнаты присылали; жители виттенбергские давали нам взаймы денег, на которые мы у жителей покупали себе кушанье» [Депрейс, 1888, с. 614]. Впрочем, Депрейс попал в плен 1 октября 1813 года и пробыл в нем два с половиной месяца, а, поскольку он был офицером, то мог рассчитывать на более сносные бытовые условия. Астафий Иванович же был пленен уже под Лейпцигом и провел в заточении четыре месяца, а обращались с ним, по всей видимости, так же, как и с обычной солдатской массой пленных. Н.В. Неведомский, в свою очередь, называет пребывание воинов рассеянного отряда Фигнера в виттенбергском каземате «тяжелым» и «жестоким» [Неведомский, 1838, с. 8, 19].

— А что? хорошо содержали вас?

— Да сначала ничего, как и следовало; всего вдоволь, и винная порция шла; а потом совсем почти ничего не стали давать, чуть не заморили насмерть. Не разочлись они, что ль, с припасами, Господь ведает; рассчитать, что ли, нéкому было; может, и человека такого, чтоб рассчитать умел хорошо, меж их народом не нашлось... Чуть совсем не сгубили [Достоевский, 1848, с. 292].

Это в очередной раз указывает на то, что Астафий Иванович вовсе не является бездумным транслятором «типичного» фольклора о 1812 годе и свойственных ему клише (хотя сам автор в примечании и отмечает «наивность познаний его» [Достоевский, 1848, с. 290]), как считают некоторые исследователи (В.А. Михнюкевич и др.), но, напротив, передает глубоко личностный христианский взгляд на исторические события.

В рассказе «Отставной» также впервые в творчестве Достоевского появляется изображение не просто героя-наполеониста (как в «Господине Прохарчине» [Подосокорский, 2022]), но самого Наполеона. И хотя это свое произведение писатель создает в условиях заметного спада числа мемуарных публикаций о войне 1812 года и вообще общественного внимания к этой эпохе [Тартаковский, 1980, с. 227], тем не менее в 1840-е годы появляются оригинальные русские рассказы непосредственно о Наполеоне. Один из таких, «Наполеондер» (об отправке Наполеона на остров святой Елены), был придуман ведущим актером Малого театра Провом Михайловичем Садовским (1818–1872) и исполнялся им устно перед разными аудиториями. Также стилизованный под народное предание рассказ «Наполеондер» куда более соответствует традиции обличения Наполеона (император французов назван в нем «самым умнеющим человеком, злокачественным мошенником», от которого терпят «народы муки мученския» [Сариева, 2022, с. 274]), чем рассказ «Отставной», где Наполеон показан доверчивым (Фигнер легко его обманывает), приветствующим русского царя, вступающего в Париж, плачущим, «раскаивающимся» в собственных прегрешениях и при этом не жертвующим собственной верой ради свободы. Нельзя сказать, что Астафий Иванович идеализирует Наполеона (как позднее генерал Иволгин в «Идиоте»), поскольку про него же говорится (Алексан-

дром I): «да веры больше иметь нельзя — обману было много»[38] [Достоевский, 1848, с. 293], но герой «Отставного» совершенно точно не расчеловечивает и не обличает императора французов.

Один из любопытнейших моментов в рассказе Астафия Ивановича состоит в упоминании сверхъестественной способности Фигнера проникать в сны Наполеона: «<...> и хоть Наполеону во сне, что̀ приснись, так главнокомандующий все через Фигнера знает, обо всем мигом известен» [Достоевский, 1848, с. 291]. Здесь рассказчик, по всей видимости, отсылает к получившему распространение в период Наполеоновских войн своеобразному литературному жанру «сон Наполеона». Известно несколько брошюр со схожим названием, опубликованных в России в 1812–1814 годах в целях антибонапартистской пропаганды и содержащих якобы «предсказания» от различных духов о скором крушении Наполеона и созданной им империи (некоторые из этих «снов Наполеона» имеют весьма замысловатое и сложное символическое оформление, далеко выходящее за рамки узкоутилитарной цели пропаганды): [Борк, 1812], [Меморский, 1813], [Сталь, 1814] и др.

Служивший в самый разгар войны 1812 года в одной роте с Фигнером артиллерийский офицер И.Т. Радожицкий (1788–1861)[39] в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в Москве в 1835 году, рассказывает, как в ночь на 1 сентября 1812 года ему приснилось, что он каким-то случаем очутился в неприятельском лагере, переодетый в французскую форму и, увидев со спины важного военачальника, принятого им за Наполеона, попытался его убить, но выяснилось, что он стрелял в неаполитанского короля Иоахима Мюрата. Когда же он рассказал об этом своем сне Фигнеру, тот «усмехнулся и между прочим отвечал, что сам видел во сне точно подобное этому» [Радожицкий, 2018, с. 99]. По воспоминаниям Дениса Давыдова, Фигнер действительно вызывался самолично убить Наполеона, «если только представится к тому возможность» [Давыдов, 1962, с. 532]. Об этом же его намерении вспоминает и И.С. Жиркевич [Жиркевич, 1874, с. 656]. Свой замысел Фигнер без-

[38] Эта фраза перекликается с записью, которую оставляет Наполеон в альбоме трехлетней сестры генерала Иволгина в фантастическом рассказе последнего о 1812 годе в романе «Идиот»: «Ne mentez jamais!» («Никогда не лгите!») [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 417].

[39] Как и Астафий Иванович [Достоевский, 1848, с. 288], Радожицкий — уроженец Белоруссии.

успешно пытался осуществить в оккупированной Великой армией Москве осенью 1812 года: «Переодеваясь в разные костюмы, три раза успел он побывать в городе, но фантастического намерения своего не мог осуществить, а должен был удовлетвориться ночными нападениями на одиночных французов, которых он истреблял при помощи некоторых оставшихся в Москве обывателей» [С.Э., 2002, с. 48–49].

Заключение

Воспоминания Астафия Ивановича о его военном прошлом и рассказ «Отставной» в целом заканчиваются фразой: «Славное, сударь, времечко было!» [Достоевский, 1848, с. 293], что не должно вводить в заблуждение относительно ностальгии героя по тому времени, когда он много убивал и нередко голодал. Астафий Иванович восхищается славными подвигами Фигнера и других героев 1812–1814 годов, но отнюдь не закрывает глаза на ужасную и бесчеловечную изнанку войны и темную сторону своего бывшего строгого предводителя, которого, он, впрочем, не осуждает ни единым словом. Герой-рассказчик (убийца, как минимум, тридцати безоружных пленных французов!), спустя 35 лет, как будто выражает совершенную примиренность со всем, что он видел и в чем участвовал.

В заключение еще раз подчеркнем, что на самом деле у исследователей нет никаких серьезных оснований отказывать в художественной целостности и ценности как всему циклу «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)», так и конкретно первому рассказу этого цикла — «Отставной», который, по нашему предположению, повлиял на одноименную повесть Даля 1857 года и заметно обогатил русскую литературу разработкой образа не просто ветерана войн с Наполеоном, но воина-партизана весьма специфического «Легиона мести», а также значительным развитием легенд о полковнике Фигнере и императоре Наполеоне, которые, как мы показали, основаны у Достоевского на множестве различных источников (как устных, так и письменных), но почти никогда не повторяют в точности чужие формулировки, сцены и образы, а художественно трансформируют некоторые их детали. К числу совершенно оригинальных элементов сюжета рассказа Астафия Ивановича, судя по всему, относятся: игра Фигнера в карты с Наполеоном (ранее Фигнера изображали играющим в карты с французами вообще), личная

встреча Наполеона с Александром I в Париже весной 1814 года (в реальности такой встречи не было), предложение побежденному Наполеону перейти в «русскую веру» (более ранний источник этой парадоксальной мысли в профессиональной литературе и фольклоре пока что не обнаружен) и др.

Список литературы

1. Аврамец, 1995 — *Аврамец И.* Разрешение парадокса: новелла Достоевского «Честный вор» // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1995. С. 184–190.
2. Альми, 1992 — *Альми И.Л.* К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 163–172.
3. Альтман, 1975 — *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
4. Анненков, 1849 — *Анненков П.В.* Заметки о русской литературе прошлого года // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1849. Т. XIII, № 1. Отд. III. С. 1–23.
5. Белинский, 1953–1959 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
6. Белинский, 1991 — *Белинский В.Г.* Петербург и Москва // Физиология Петербурга / подгот. В.И. Кулешов. М.: Наука, 1991. С. 14–37.
7. Белов, 2010 — *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2010. 743 с.
8. Боград, 1959 — *Боград В.Э.* Журнал «Современник», 1847–1866. Указатель содержания. М.; Л.: Худож. лит., 1959. 826 с.
9. Боград, 1985 — *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки», 1839–1848. Указатель содержания. М.: Книга, 1985. 688 с.
10. Борк, 1812 — *Борк К.Ф.В.* Наполеонов первой сон в Москве. Сочинение придворнаго актера К.Ф.В. Борка. СПб.: Тип. г. военного губернатора, 1812. 34 с.
11. Бочаров, 1846 — *Бочаров И.П.* Сказание о том, как Россия сражалась за веру, царя и отечество в 1812 году. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1846. 185, VI с.
12. Бочков, 1990 — *Бочков В.Н.* «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. 318 с.
13. Булгарин, 1839–1844 — *Булгарин Ф.В.* Полн. собр. соч.: в 7 т. Новое, сжатое (компактное) издание, исправленное и умноженное / изд. М.Д. Ольхина. СПб.: Тип. Н. Греча; тип. К. Жернакова, 1839–1844.
14. Бурьенн, 1834–1836 — *Бурьенн Л.А.Ф. де.* Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов: в 10 ч. СПб.: Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1834–1836.
15. Бутков, 1848 — *Бутков Я.П.* Темный человек // Отечественные записки, учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. СПб.: Тип. И. Глазунова и комп., 1848. Т. LVII, № 4. Отд. I. С. 227–285.

16. Бюргер, Распэ, 1985 — *Бюргер Г.А., Распе Р.Э.* Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и весёлые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / изд. подг. А.Н. Макаров; отв. ред. Б.И. Пуришев. М.: Наука, 1985. 367 с.

17. Владимирцев, 1989 — *Владимирцев В.П.* Русские былички и поверья у Ф.М. Достоевского // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1989. С. 90–102.

18. Владимирцев, 2008 — *Владимирцев В.П.* Домовой // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 289–290.

19. Власкин, 1994 — *Власкин А.П.* Народная религиозная культура в творчестве Ф.М. Достоевского // Христианство и русская литература. Сборник второй / отв. ред. В.А. Котельников. СПб.: Наука, 1996. С. 220–289.

20. Власкин, Рудакова, 2022 — *Власкин А.П., Рудакова С.В.* Сквозной мотив «офицерства» в творчестве Ф.М. Достоевского // Libri Magistri. 2022. № 4 (22). С. 13–27.

21. Военный энциклопедический лексикон, 1837–1851 — Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов и посвящённый его императорскому высочеству наследнику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу: из 14 ч. и Прибавлений. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1837–1851.

22. Волгин, 2003 — *Волгин И.Л.* Наполеоновская тема в творчестве Достоевского // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М.: Минувшее, 2003. С. 284–302.

23. Глинка, 1826 — *Глинка Ф.Н.* Смерть Фигнера (Опыт народной поэзии) // Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом / изданы Иваном Слёниным. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. 2-я пагинация. С. 16–24.

24. Глинка, 2015 — *Глинка С.Н.* Побег Наполеона Карловича из земли русской. Шутливое стихотворение // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 155–162.

25. Готовцева, 2014 — *Готовцева А.Г.* Встреча с Наполеоном как биографический конструкт в русской культуре // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 200–216.

26. Граббе, 2021 — *Граббе П.Х.* Из памятных записок. 1812 год // Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах «Русского архива» / вступ. статья, коммент., ук. В.М. Безотосный. М.: Кучково поле: ИКС-ХИСТОРИ, 2021. С. 42–93.

27. Гребенка, 1991 — *Гребенка Е.П.* Петербургская сторона // Физиология Петербурга / подгот. В.И. Кулешов. М.: Наука, 1991. С. 71–92.

28. Гришин, 1977 — *Гришин Д.В.* Ранний Достоевский / предисл. Н. Кристесен. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1977. 230 с.

29. Гроссман, 1918а — *Гроссман Л.П.* Комментарии // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. С многочисленными приложениями: в 23 т. Петроград: Просвещение, 1918. Т. 22: Забытые и неизвестные страницы / собрал и комментировал Л.П. Гроссман. 279 с.

30. Гроссман, 1918б — *Гроссман Л.П.* Предисловие // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. С многочисленными приложениями: в 23 т. Петроград: Просвещение,

1918. Т. 22: Забытые и неизвестные страницы / собрал и комментировал Л.П. Гроссман. С. VII–XXX.

31. Давыдов, 1861 — *Давыдов Д.В.* Письмо Д.В. Давыдова к М.Н. Загоскину // Библиографические записки. 1861. № 18. Стб. 552–555.

32. Давыдов, 1962 — *Давыдов Д.* Сочинения / предисл., подгот. текста и примеч. В. Орлова. М.: ГИХЛ, 1962. 611 с.

33. Даль, 1897–1898 — *Даль В.И.* Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского): в 10 т. Первое посмертное полное издание, дополненное, сверенное и вновь просмотренное по рукописям. СПб.; М.: Изд. тов. М.О. Вольф, 1897–1898.

34. Дельвиг, 1829 — *Дельвиг А.А.* Отставной солдат (Русская идиллия) // Северные цветы на 1830 год. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1829. 2-я пагинация. С. 25–32.

35. Достоевский, 1848 — *Достоевский Ф.М.* Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного) // Отечественные записки, учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. СПб.: Тип. И. Глазунова и комп., 1848. Т. LVII, № 4. Отд. I. С. 286–306.

36. Достоевский, 1860 — *Достоевский Ф.М.* Сочинения: в 2 т. / изд. Н.А. Основского. СПб.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1860.

37. Достоевский, 1865 — *Достоевский Ф.М.* Честный вор (Из записок неизвестного). Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1865. 24 с.

38. Достоевский, 1865–1870 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 4 т. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1865–1870.

39. Достоевский, 1926–1930 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. худож. произв.: в 13 т. / под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.; Л.: ГИЗ, 1926–1930.

40. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

41. Достоевский, 1988–1996 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л. (СПб.): Наука, 1988–1996.

42. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

43. Дружинин, 1848 — *Дружинин А.В.* Рассказ Алексея Дмитрича // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым под редакциею А. Никитенко. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. VII, № 2. Отд. I. С. 209–304.

44. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Текст Достоевского: Историко-филологические разыскания. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 312 с.

45. Жилякова, 2012 — *Жилякова Э.М.* Ф.М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 44–56.

46. Жиркевич, 1874 — *Жиркевич И.С.* Записки, 1789–1848. Ч. III–IV // Русская старина. 1874. Т. X, № 8. С. 633–666.

47. Жукова, 2007 — *Жукова Ю.А.* Наполеоновская фабула в произведениях Ф.М. Достоевского (от «Двойника» до «Преступления и наказания»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007. 24 с.

48. Жуковский, 1999– — *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 1999– (издание продолжается).

49. Загидуллина, 2008а — *Загидуллина М.В.* Отставной // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 132.

50. Загидуллина, 2008б — *Загидуллина М.В.* Рассказы бывалого человека // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 161–162.

51. Загидуллина, 2008в — *Загидуллина М.В.* Честный вор // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 189.

52. Загоскин, 1987 — *Загоскин М.Н.* Сочинения: в 2 т. / сост., коммент. А. Пескова, С. Панова. М.: Худож. лит., 1987.

53. Захаров, 1996 — *Захаров В.Н.* Петербургский летописец // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. Т. 2. С. 683–698.

54. Исторические песни XIX века, 1973 — Исторические песни XIX века / подгот. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин; отв. ред. В.Г. Базанов. Л.: Наука. 1973. 284 с.

55. Карташов, 2007 — *Карташов В.С.* Студенческие годы М.А. Достоевского // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VI: Сборник материалов. К 200-детию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. 2007. Вып. 166. С. 200–203.

56. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

57. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.

58. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А.* Введение: Книга в книге и книга per se // *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 13–31.

59. Касаткина, 2025а — *Касаткина Т.А.* Достоевский: теория образа и теория восприятия искусства // Авторские теории творчества / под. ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 222–272.

60. Касаткина, 2025б — *Касаткина Т.А.* Обзор VI Международной научной онлайн-конференции из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: Достоевский: малые формы, 3–5 марта 2025 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 418–467. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467

61. Коган, 2003 — *Коган Г.В.* «Наполеон и великий и теперешний». Отзвуки газетной полемики 1860-х гг. вокруг имени Наполеона в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998. М.: Минувшее, 2003. С. 303–313.

62. Копии с писем подполковника К.А. Бискупского 1849 года, 1903 — Копии с писем

подполковника К.А. Бискупского 1849 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М.: Тов. Тип. А.И. Мамонтова, 1903. Ч. 7. С. 293–344.

63. Костыгов, 2021 — *Костыгов С.Ю.* «Мстительный легион» А.С. Фигнера летом–осенью 1813 года // Клио. 2021. № 10 (178). С. 59–69.

64. Костыгов, 2023 — *Костыгов С.Ю.* «Последнее сражение Фигнера» Н. Неведомского. Насколько можно доверять очевидцам // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXVI Международной научной конференции, Бородино, 05–07 сентября 2022 года. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2023. С. 236–246.

65. Кулешов, 1982 — *Кулешов В.И.* Натуральная школа в русской литературе XIX века: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. 239 с.

66. Лажечников, 2013 — *Лажечников И.И.* Походные записки русского офицера. М.: Кучково поле; Евробонд, 2013. 208 с.

67. Левенштерн, 2018 — *Левенштерн В.И.* Записки: 1790–1815 / вступ. статья и коммент. Г.Е. Бродского. М.: Кучково поле, Икс-Хистори, 2018. 768 с.

68. Лермонтов, 2014 — *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Пушкинский Дом, 2014.

69. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1999 — Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1999.

70. Магарил-Ильяева, 2016 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Честный вор: кто живет на окне? // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 70–76.

71. Магарил-Ильяева, 2019 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Мотив смены квартиры в произведениях Ф.М. Достоевского: от раннего творчества к роману «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 112–132. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-112-132

72. Магарил-Ильяева, 2023 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Произведения Ф.М. Достоевского 1840-х годов как единый текст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 254 с.

73. Максимов, 2024 — *Максимов П.М.* Ум и сердце героев в раннем рассказе Ф.М. Достоевского «Честный вор» в контексте святоотеческого учения о борьбе с помыслами // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 202–235.

74. Мельник, 1985 — *Мельник В.И.* К теме: Раскольников и Наполеон // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 6. С. 230–231.

75. Меморский, 1813 — *Меморский М.Ф.* Сон Бонапарта, виденный им в Париже в самую ту ночь, когда он расположен был отправиться в армию, для вступления с оною в российские пределы, взятый из достоверных сведений. Москва: В Губернской тип. у А. Решетникова, 1813. 23 с.

76. Миловидов, 2007 — *Миловидов Б.П.* Партизан А.С. Фигнер и военнопленные Великой армии в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2007. С. 157–176.

77. Михнюкевич, 1994 — *Михнюкевич В.А.* Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1994. 320 с.

78. Мочульский, 1980 — *Мочульский К.В.* Достоевский: Жизнь и творчество. Paris:

YMCA-press, 1980. 564 с.

79. Назиров, 1982 — *Назиров Р.Г.* Наполеон из подполья // *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. С. 52–69.

80. Неведомский, 1838 — *Неведомский Н.В.* Последнее сражение Фигнера. Отрывок из истории партизанов // Современник. СПб.: Тип. А. Воейкова и комп., 1838. Т. IX. Отд. V. С. 1–31.

81. Нечаева, 1979 — *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский, 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

82. Письма Наполеона к Жозефине, 1833–1834 — Письма Наполеона к Жозефине во время первой Италийской кампании, консульства и царствования. И письма Жозефины к Наполеону и к дочери: в 2 т. / пер. с фр. А.....ъ Т.....ъ. СПб.: Тип. Временного Департамента военных поселений, 1833–1834.

83. Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон Бонапарт и «Мертвый дом» // Достоевский и мировая культура. Альманах / отв. ред. К.А. Степанян. 2007. № 22. С. 245–255.

84. Подосокорский, 2009 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновский миф в романе «Идиот»: биография генерала Иволгина // Русская литература. 2009. № 1. С. 145–153.

85. Подосокорский, 2010 — *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19 / отв. ред. Н.Ф. Буданова. С. 182–191.

86. Подосокорский, 2011 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 350–362.

87. Подосокорский, 2013 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон и 1812 год в творчестве Ф.М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / отв. ред. В.И.Щербаков. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 319–364.

88. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеон вы, что ли, какой?»: «Наполеонова память» в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» // «Меры не знал я, смертных любя»: к 90-летию российского филолога Владимира Серафимовича Вахрушева (1932–2011) / ред.-сост. Л.В. Комуцци и П.С. Глушаков. СПб.: Росток, 2022. С. 329–341.

89. Подосокорский, 2023а — *Подосокорский Н.Н.* «История» Ф.К. Шлоссера в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 65–77. https://doi.org/10.17223/23062061/33/4

90. Подосокорский, 2023б — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

91. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* История в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125

92. Подосокорский, 2025а — *Подосокорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 273–391.

93. Подосокорский, 2025б — *Подосокорский Н.Н.* Мечта о сражении при Березине в

романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30). С. 157–192. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-157-192

94. Подосокорский, 2025в — *Подосокорский Н.Н.* Маршалы Наполеона в творчестве Ф.М. Достоевского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2025. № 2. С. 69–107.

95. Подосокорский, 2025г — *Подосокорский Н.Н.* Ньютон в свете наполеоновской идеи Раскольникова в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Новый мир. 2025. № 9 (1205). С. 191–199.

96. Подосокорский, 2025д — *Подосокорский Н.Н.* Произведения А.С. Пушкина как источник рассказа генерала Иволгина о Наполеоне в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Новый мир. 2025. № 7 (1203). С. 188–197.

97. Подосокорский, 2025е — *Подосокорский Н.Н.* Фома Опискин как исторический романист, и его исторический роман о Новгороде в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 76–129. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129

98. Полевой, 1852 — *Полевой Н.А.* Рассказы русского солдата: в 2 ч. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852. 125 с.

99. Приятный собеседник, 1846 — Приятный собеседник, или Собрание любопытных и забавных анекдотов, веселых рассказов, острых изречений, пословиц, поговорок, шуток, странностей, и проч.: в 3 ч. / собрал А. Иванов. М.: Тип. А. Евреинова, 1846.

100. Радожицкий, 2018 — *Радожицкий И.Т.* Походные записки артиллериста. 1812–1816 / предисл. и примеч. В.М. Безотосного. М.: Кучково поле, 2018. 800 с.

101. Робертс, 2023 — *Робертс Э.* Наполеон: биография / пер. с англ. М.: Альпина нонфикшн, 2023. 940 с.

102. Сариева, 2022 — *Сариева Е.А.* Художественное своеобразие рассказа П.М. Садовского «Наполеондер» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 270–278.

103. Сталь, 1814 — *Сталь А.Л.Ж.* Сон Наполеона или Тень Энгиена в Москве / пер. с швед. СПб.: А. Плюшар с товарищи, 1814. 14 с.

104. Скобелев, 1844 — *Скобелев И.Н.* Переписка и рассказы русского инвалида: в 2 ч. 4-е изд. испр. и доп. СПб.: А.Ф. Фариков, 1844.

105. С.Э., 2002 — *С.Э.* «Уверенность в звезде своего счастия». Александр Самойлович Фигнер, партизан Отечественной войны (1787–1813) // Родина. Российский иллюстрированный исторический журнал. 2002. № 8. Россия и Наполеон: специальный выпуск. С. 47–50.

106. Тартаковский, 1980 — *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.

107. Топоров, 1995 — *Топоров В.Н.* «Господин Прохарчин». К анализу петербургской повести Достоевского // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс — Культура, 1995. С. 112–192.

108. Тотфалушин, Филиппова, 2019 — *Тотфалушин В.П., Филиппова Е.А.* А.С. Фигнер глазами современников и потомков // Вестник военно-исторических исследований: сборник научных трудов. Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. Вып. 10. С. 97–107.

109. Трепавлов, 2007 — *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.

110. Трофимова, 2013 — *Трофимова А.В.* Опыт реконструкции незаконченного рассказа Ф.М. Достоевского «Домовой» // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 75–79.

111. Фигнер, 1884 — *Фигнер А.В.* Партизан Фигнер. (Из семейных воспоминаний) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. Т. XVIII, № 10. С. 139–143.

112. Храмова, Михнюкевич, 1997 — *Храмова Л.В., Михнюкевич В.А.* Наполеон // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. С. 100–102.

113. Чудинов, 2012 — *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник. 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / гл. ред. А.В. Чудинов. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 336–365.

114. Шкловский, 1937 — *Шкловский В.Б.* Двенадцатый год в русской литературе (до «Войны и мира») // Литературная газета. 1937. 10 сентября, № 49 (685). С. 3–4.

115. Шнорр, 1985 — *Шнорр Г.Т.Л.* Дополнение к удивительным путешествиям на суше и на море и веселым приключениям барона фон Мюнхгаузена, о которых он имеет обыкновение рассказывать за бутылкой вина в кругу своих друзей / пер. А.Н. Макарова // *Бюргер Г.А., Распе Р.Э.* Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и весёлые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / изд. подг. А.Н. Макаров; отв. ред. Б.И. Пуришев. М.: Наука, 1985. С. 158–232.

116. Яновский, 1990 — *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. / подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 230–251.

117. Яновский, 2004 — *Яновский А.Д.* Фигнер // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / руководитель авторского коллектива В.М. Безотосный. М.: РОССПЭН, 2004. С. 748–749.

118. Bourrienne, 1830 — *Bourrienne L.-A. F. de.* Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat, sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Troisième édition. Paris: Ladvocat, 1830. Vol. 1–10.

119. Rosenshield, 2020 — *Rosenshield G.* Crime and Punishment, Napoleon, and the Great Man Theory // Dostoevsky Studies. 2020. Vol. 23. P. 78–104.

References

1. Avramets, I. "Razreshenie paradoksa: novella Dostoevskogo 'Chestnyi vor" ["Resolving the Paradox: Dostoevsky's Novella 'The Honest Thief'"]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia IV: "Svoe" i "chuzhoe" v literature i culture* [*Studia Russica Elsengiensia et Tartunensia IV: "Yours" and "Someone Else's" in Literature and Culture*]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 1995, pp. 184–190. (In Russ.)

2. Almi, I.L. "K interpretatsii odnogo iz epizodov romana 'Idiot' (rasskaz generala Ivolgina o Napoleone)" ["On the Interpretation of One Episode of the Novel *The Idiot* (General Ivolgin's

Story about Napoleon)"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 163–172. (In Russ.)

3. Altman, M.S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [*Dostoevsky: Milestones of Names*]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)

4. Annenkov, P.V. "Zametki o russkoi literature proshlogo goda" ["Notes on Russian Literature of the Past Year"]. *Sovremennik*, vol. 13, no. 1, sec. 3, 1849, pp. 1–23. (In Russ.)

5. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: in 13 vols*]. Moscow, AS USSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

6. Belinskii, V.G. "Peterburg i Moskva" ["St. Petersburg and Moscow"]. Kuleshov, V.I., editor. *Fiziologiia Peterburga* [*Physiology of Petersburg*]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 14–37. (In Russ.)

7. Belov, S.V. *F.M. Dostoevskii. Entsiklopediia* [*Fyodor M. Dostoevsky: Encyclopedia*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2010. 743 p. (In Russ.)

8. Bograd, V.E. *Zhurnal "Sovremennik", 1847–1866. Ukazatel soderzhaniia* [*The Journal* Sovremennik*, 1847–1866: Index of Contents*]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959. 826 p. (In Russ.)

9. Bograd, V.E. 1985. *Zhurnal "Otechestvennye zapiski", 1839–1848. Ukazatel soderzhaniia* [*The Journal* Otechestvennye zapiski*, 1847–1866: Index of Contents*]. Moscow, Kniga Publ., 1985. 688 p. (In Russ.)

10. Bork, K.F.V. "Napoleonov pervoi son v Moskve" ["The Dream of Napoleon 1st in Moscow"]. *Sochinenie pridvornogo aktera K.F.V. Borka* [A Composition by the Court Actor K.F.V. Borka]. St. Petersburg, V tipografii g. voennogo gubernatora Publ., 1812. 34 p. (In Russ.)

11. Bocharov, I.P. *Skazanie o tom, kak Rossiia srazhalas za veru, tsaria i otechestvo v 1812 godu* [*Account of How Russia Fought for Faith, Tsar, and Fatherland in 1812*]. St. Petersburg, Tipografiia Voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1846. 185, VI p. (In Russ.)

12. Bochkov, V.N. *Skazhi: kotoraya Tatiana? Obrazy i prototipy v russkoi literature* [*Tell me: Which Tatiana? Images and Prototypes in Russian Literature*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 318 p. (In Russ.)

13. Bulgarin, F.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [*Complete Works: in 7 vols*]. New, condensed (compact) edition, corrected and expanded. Ed. by M.D. Ol'khin. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ.; Tip. K. Zhernakova Publ., 1839–1844. (In Russ.)

14. Bourrienne, Louis Antoine Fauvelet de. *Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra o Napoleone, Direktorii, Konsul'stve, Imperii i vosstanovlenii Burbonov: v 10 chastiakh* [*Memoirs of M. de Bourrienne, State Minister, on Napoleon, the Directory, the Consulate, the Empire, and the Restoration of the Bourbons: in 10 vols*]. St. Petersburg, Tip. Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrennei Strazhi Publ., 1834–1836. (In Russ.)

15. Butkov, Ia.P. "Temnyi chelovek" ["The Dark Man"]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 57, no. 4, sect. 1, 1848, pp. 227–285. (In Russ.)

16. Bürger, Gottfried August and Rudolph Erich Raspe. *Udivitel'nye puteshestviia na sushe i na more, voennye pokhody i vesiolye prikliucheniia Barona fon Munhgauzena, o kotorykh on obychno rasskazyvaet za butylkoi v krugu svoikh druzei* [*Amazing Journeys on Land and Sea, Military Campaigns and Merry Adventures of Baron von Munchausen, which He Usually Tells over a Bottle with Friends*]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 367 p. (In Russ.)

17. Vladimirtsev, V.P. "Russkie bylitchki i pover'ia u F.M. Dostoevskogo" ["Russian Folktales

and Beliefs in Fyodor Dostoevsky"]. *Zhanr i kompozitsiia literaturnogo proizvedeniia. Istoriko-literaturnye i teoreticheskie issledovaniia: Mezhvuzovskii sbornik* [*Genre and Composition of Literary Works. Research on History of Literature and Literary Theory: Collected Works from Different Universities*]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1989, pp. 90–102. (In Russ.)

18. Vladimirtsev, V.P. "Domovoi" ["The Domovoi"]. Shchennikov, G.K. and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. A Dictionary-Handbook*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 289–290. (In Russ.)

19. Vlaskin, A.P. "Narodnaia religioznaia kul'tura v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Popular Religious Culture in Dostoevsky's Works"]. Kotel'nikov, V.A., editor. *Khristianstvo i russkaia literatura. Sbornik vtoroi* [*Christianity and Russian Literature. Collection no. 2*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 220–289. (In Russ.)

20. Vlaskin, A.P., and S.V. Rudakova. "Skvoznoi motiv 'ofitserstva' v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["The Recurring Motif of 'Officership' in Dostoevsky's Works"]. *Libri Magistri*, no. 4 (22), 2022, pp. 13–27. (In Russ.)

21. *Voennyi entsiklopedicheskii leksikon* [*Military Encyclopedic Lexicon*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1837–1851. (In Russ.)

22. Volgin, I.L. "Napoleonovskaia tema v tvorchestve Dostoevskogo" ["The Napoleonic Theme in Dostoevsky's Works"]. *Napoleon. Legenda i real'nost': Materialy nauchnykh konferentsii i napoleonovskikh chtenii. 1996–1998* [*Napoleon. Legend and Reality: Materials from Conferences and Napoleon Readings. 1996–1998*]. Moscow, Minuvshee Publ, 2003, pp. 284–302. (In Russ.)

23. Glinka, F.N. "Smert' Fignera (Opyt narodnoi poezii)" ["The Death of Figner (An Experiment in Folk Poetry)"]. *Severnie tsvety na 1826 god, sobrannye baronom Del'vigom* [*Northern Flowers of 1826, Collected by the Baron Delvig*]. St. Petersburg, Tipografiia Departamenta narodnogo prosveshcheniia Publ., 1826, 2nd pagination, pp. 16–24. (In Russ.)

24. Glinka, S.N. "Pobeg Napoleona Karlovicha iz zemli russkoi. Shutlivoe stikhotvorenie" ["The Escape of Napoleon Karlovich from Russian Lands. A Humorous Poem"]. *Sobranie stikhotvorenii, otnosiashchikhsia k nezabvennomu 1812 godu. Iubileinoe izdanie* [*Collected Verses, Related to the Unforgettable Year 1812. Anniversary Edition*]. Prepared by I.A. Aizikova, V.S. Kiselev, N.E. Nikonova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015, pp. 155–162. (In Russ.)

25. Gotovtseva, A.G. "Vstrecha s Napoleonom kak biograficheskii konstrukt v russkoi kul'ture" ["The Encounter with Napoleon as a Biographical Construct in Russian Culture"]. *Otechestvennye zapiski*, no. 4 (61), 2014, pp. 200–216. (In Russ.)

26. Grabbe, P.Kh. "Iz pamiatnykh zapisok. 1812 god" ["From Memoirs: 1812"]. *Vospominaniia sovremennikov epokhi 1812 goda na stranitsakh "Russkogo arkhiva"* [*Memories of People from 1812 on the Pages of the* Russian Archive]. Introd. and comm. V.M. Bezotosnyi. Moscow, Kuchkovo pole: IKS-HISTORI Publ., 2021, pp. 42–93. (In Russ.)

27. Grebinka, E.P. "Peterburgskaia storona" ["The St. Petersburg Side"]. Kuleshov, V.I., editor. *Fiziologiia Peterburga* [*Physiology of St. Petersburg*]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 71–92. (In Russ.)

28. Grishin, D.V. *Rannii Dostoevskii* [*Early Dostoevsky*]. Preface by N. Kristesen. Melbourne, Melbourne University, 1977. 230 p. (In Russ.)

29. Grossman, L.P. "Kommentarii" ["Commentaries"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie*

sochinenii. S mnogochislennymi prilozheniiami: v 23 tomakh [*Complete Works. With Many Attachments: in 23 vols*], vol. 22: Zabytye i neizvestnye stranitsy [Forgotten and Unknown Pages]. Collected and commented by L.P. Grossman. Petrograd, Prosveshchenie Publ., 1918 .279 p. (In Russ.)

30. Grossman, L.P. "Predislovie" ["Preface"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii. S mnogochislennymi prilozheniiami: v 23 tomakh* [*Complete Works. With Many Attachments: in 23 vols*], vol. 22: Zabytye i neizvestnye stranitsy [Forgotten and Unknown Pages]. Collected and commented by L.P. Grossman. Petrograd, Prosveshchenie Publ., 1918, pp. VII–XXX. (In Russ.)

31. Davydov, D.V. "Pis'mo D.V. Davydova k M.N. Zagoskinu" ["A Letter from D.V. Davydov to M.N. Zagoskin"]. *Bibliograficheskie zapiski*, no. 18, 1861, cols. 552–555. (In Russ.)

32. Davydov, D. *Sochineniia* [*Works*]. Preface, text preparation, and notes by V. Orlov. Moscow, GIKhL Publ., 1962. 611 p. (In Russ.)

33. Dal', V.I. *Polnoe sobranie sochinenii Vladimira Dalia (Kazaka Luganskogo): v 10 tomakh* [*Complete Works of Vladimir Dal (Cossack of Lugansk): in 10 vols*]. First posthumous complete edition, supplemented, collated and rechecked according to manuscripts. St. Petersburg; Moscow, Izdanie tovarishchestva M.O. Volf Publ., 1897–1898. (In Russ.)

34. Del'vig, A.A. "Otstavnoi soldat (Russkaia idilliia)" ["The Demobbed Soldier (Russian Idyll)"]. *Severnie tsvety na 1830 god* [*Northern Flowers of 1830*]. St. Petersburg, Tipografiia Departamenta narodnogo prosveshcheniia Publ., 1829, 2nd pagination, pp. 25–32. (In Russ.)

35. Dostoevskii, F.M. "Rasskazy byvalogo cheloveka (Iz zapisok neizvestnogo)" ["Stories of an Experienced Man (From the Notes of an Unknown)"]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 57, no. 4, sect. 1, 1848, pp. 286–306. (In Russ.)

36. Dostoevskii, F.M. *Sochineniia: v 2 tomakh* [*Works: in 2 vols*]. Ed. N.A. Osnovskii. St. Petersburg, Tipografiia Lazarevskogo instituta vostochnykh iazykov Publ., 1860. (In Russ.)

37. Dostoevskii, F.M. *Chestnyi vor (Iz zapisok neizvestnogo)* [*The Honest Thief (From the Notes of an Unknown)*]. Revised and supplemented by the author. St. Petersburg, Tipografiia F. Stellovskogo Publ., 1865. 24 p. (In Russ.)

38. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Complete Works: in 4 vols*]. Revised and supplemented by the author. St. Petersburg, Tipografiia F. Stellovskogo Publ., 1865–1870. (In Russ.)

39. Dostoevskii, F.M. Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii: v 13 tomakh [*Complete Collection of Fictional Works: in 13 vols*]. Edited by B. Tomashevskii and K. Khalabaev. Moscow; Leningrad, GIZ Publ., 1926–1930. (In Russ.)

40. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

41. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols*]. Leningrad (Sankt-Peterburg), Nauka Publ., 1988–1996. (In Russ.)

42. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

43. Druzhinin, A.V. "Rasskaz Alekseia Dmitricha" ["The Story of Aleksei Dmitrich"]. *Sovremennik*, vol. 8, no. 2, sect. 1, pp. 209–304. (In Russ.)

44. Druzhinin, P.A. *Tekst Dostoevskogo: Istoriko-filologicheskie razyskaniia* [*Dostoevsky's Text: Historical and Philological Investigations*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 312 p. (In Russ.)

45. Zhiliakova, E.M. “F.M. Dostoevskii i Val’ter Skott (k voprosu o napoleonovskom mifie)” [“F.M. Dostoevsky and Walter Scott (on the Question of the Napoleonic Myth)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, no. 2 (18), 2012, pp. 44–56. (In Russ.)

46. Zhirkievich, I.S. “Zapiski, 1789–1848. Ch. III–IV” [“Notes, 1789–1848. Vols. III–IV”]. *Russkaia starina*, vol. 10, no. 8, 1874, pp. 633–666. (In Russ.)

47. Zhukova, Iu.A. *Napoleonovskaia fabula v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo (ot “Dvoinika” do “Prestupleniia i nakazaniia”)* [The Napoleonic Plot in Dostoevsky’s Works (from *The Double* to *Crime and Punishment*): PhD Thesis, Summary]. Magnitogorsk, 2007. 24 p. (In Russ.)

48. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 20 vols*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 1999–continuing publication. (In Russ.)

49. Zagidullina, M.V. “Otstavnoi” [“The Demobbed”]. Shchennikov, G.K. and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis’ma, dokumenty: Slovar-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. A Dictionary-Handbook*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, p. 132. (In Russ.)

50. Zagidullina, M.V. “Rasskazy byvalogo cheloveka” [“Stories of an Experienced Man”]. Shchennikov, G.K. and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis’ma, dokumenty: Slovar-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. A Dictionary-Handbook*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 161–162. (In Russ.)

51. Zagidullina, M.V. “Chestny vor” [“The Honest Thief”]. Shchennikov, G.K. and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis’ma, dokumenty: Slovar-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. A Dictionary-Handbook*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, p. 189. (In Russ.)

52. Zagoskin, M.N. *Sochineniia: v 2 tomakh* [*Works: in 2 vols*]. Comp., comm. A. Peskova, S. Panova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987. (In Russ.)

53. Zakharov, V.N. “Peterburgskii letopisets” [“The St. Petersburg Chronicler”]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: kanonicheskie teksty* [*Complete Works: Canonical Texts*], vol. 2. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1996, pp. 683–698. (In Russ.)

54. Bazanov, V.G., editor. *Istoricheskie pesni XIX veka. 1973* [*Historical Songs of the 19th Century*]. Prepared by L.V. Domanovskii, O.B. Alekseeva, E.S. Litvin. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 284 p. (In Russ.)

55. Kartashov, V.S. “Studencheskie gody M.A. Dostoevskogo” [“The Student Years of M.A. Dostoevsky”]. *Epokha 1812 goda. Issledovaniia. Istochniki. Istoriografiia* [*The Era of 1812. Research. Sources. Historiography*], issue 6: Sb. materialov. K 200-letiiu Otechestvennoi voiny 1812 g. [Collected Materials for the 200th Anniversary of the 1812 Patriotic War]. *Trudy MGI*, issue 166. Moscow, 2007, pp. 200–203. (In Russ.)

56. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyshem smysle”* [*On the Creative Nature of the Word. The Ontological Nature of the Word in Dostoevsky’s Works as the Basis of “Realism in the Highest Sense”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

57. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: the Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

58. Kasatkina, T.A. “Vvedenie: Kniga v knige i kniga per se” [“Introduction: The Book in

the Book and the Book *per se*"]. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [*Books in the Book. The Role and Image of the Book in Dostoevsky's Novel* The Idiot]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 13–31. (In Russ.)

59. Kasatkina, T.A. "Dostoevskii: teoriia obraza i teoriia vospriiatiia iskusstva" ["Dostoevsky: Theory of Image and Theory of Perception of Art"]. Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva* [*Authorial Theories of Art*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 222–272. (In Russ.)

60. Kasatkina, T.A. "Obzor VI Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii iz tsikla 'Dostoevskii: sovremennoe sostoianie izucheniia': Dostoevskii: malye formy 3–5 marta 2025 goda" ["Summary of the 6th International Online Conference in the Series: *Dostoevsky: Current State of Research*: Dostoevsky: Short Forms, March, 3rd–5th 2025]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. C. 418–467. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467

61. Kogan, G.V. "Napoleon i velikii i tepereshnii. Otzvuki gazetnoi polemiki 1860-kh gg. vokrug imeni Napoleona v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Napoleon, Great and Present: Echoes of the 1860s Newspaper Debate Around Napoleon's Name in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Napoleon. Legenda i real'nost': Materialy nauchnykh konferentsii i napoleonovskikh chtenii. 1996–1998* [*Napoleon. Legend and Reality: Materials from Conferences and Napoleon Readings. 1996–1998*]. Moscow, Minuvshee Publ, 2003, pp. 303–313. (In Russ.)

62. "Kopii s pisem podpolkovnika K.A. Biskupskogo 1849 goda" ["Copies of Letters of Lt. Col. K.A. Biskupskii, 1849"]. *Bumagi, otnosiashchiesia do Otechestvennoi voiny 1812 goda, sobrannye i izdannye P.I. Shchukinym* [*Documents Related to the 1812 Patriotic War, Collected and Published by P.I. Shchukin*], part 7. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1903, pp. 293–344. (In Russ.)

63. Kostygov, S.Iu. "'Mstitel'nyi legion' A.S. Fignera letom–osen'iu 1813 goda" ["'The Vengeful Legion' of A.S. Figner in Summer–Autumn 1813"]. *Klio*, no. 10 (178), 2021, pp. 59–69. (In Russ.)

64. Kostygov, S.Iu. "'Poslednee srazhenie Fignera' N. Nevedomskogo. Nasol'ko mozhno doveriat' ochevidtsam" ["'The Last Battle of Figner' by N. Nevedomsky: How Much can Eyewitnesses Be Trusted"]. *Otechestvennaia voina 1812 goda: Istochniki. Pamiatniki. Problemy: Materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Borodino, 05–07 sentiabria 2022 goda* [*1812 Patriotic War: Sources. Monuments. Problems: Proceedings from the 26th International Conference, Borodino, 05–07 Sept. 2022*]. Borodino, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik Publ., 2023, pp. 236–246. (In Russ.)

65. Kuleshov, V.I. *Natural'naia shkola v russkoi literature XIX veka: Ucheb. posobie dlia studentov ped. in-tov po spets. No. 2101 "Russ. iaz. i lit."* [The Natural School in 19th-Century Russian Literature: Textbook for Students of Pedagogical Institutes, Specialty No. 2101 "Russian Language and Literature"]. 2nd Edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 239 p. (In Russ.)

66. Lazhechnikov, I.I. *Pokhodnye zapiski russkogo ofitsera* [*Campaign Notes of a Russian Officer*]. Moscow, Kuchkovo pole Publ.; Evroband Publ., 2013. 208 p. (In Russ.)

67. Levenshtern, V.I. *Zapiski: 1790–1815* [*Notes: 1790–1815*]. Intro. and commentary by G.E. Brodsky. Moscow, Kuchkovo pole Publ., IKS-Khistori Publ., 2018. 768 p. (In Russ.)

68. Lermontov, M.Iu. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Collected Works: in 4 vols*]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., 2014. (In Russ.)

69. Budanova, N.F., and G.M. Fridlender, eds. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo, 1821–1881. 1999: v 3 tomakh* [*Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (In Russ.)

70. Magaril-Il'iaeva, T.G. "Chestnyi vor: kto zhivet na okne?" ["The Honest Thief: Who Lives on the Window?"]. *Kultura i tekst*, no. 3 (26), 2016, pp. 70–76. (In Russ.)

71. Magaril-Il'iaeva, T.G. "Motiv smeny kvartiry v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo: ot rannego tvorchestva k romanu 'Unizhennye i oskorblennye'" ["The Motif of Moving Flats in F.M. Dostoevsky's Texts: From Early Works to the Novel *The Insulted and the Injured*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (8), 2019, pp. 112–132. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-112-132

72. Magaril-Il'iaeva, T.G. *Proizvedeniia F.M. Dostoevskogo 1840-kh godov kak edinyi tekst* [Dostoevsky's Works of the 1840s as One Text: PhD Dissertation]. Moscow, 2023. 254 p. (In Russ.)

73. Maksimov, P.M. "Um i serdtse geroev v rannem rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Chestnyi vor' v kontekste sviato-otechestvennogo ucheniia o bor'be s pomyslami" ["Mind and Heart of the Heroes in Dostoevsky's Early Story 'The Honest Thief' in the Context of the Patristic Teaching on Combating Thoughts"]. *Bogoslovskii vestnik*, no. 2 (53), 2024, pp. 202–235. (In Russ.)

74. Mel'nik, V.I. "K teme: Raskol'nikov i Napoleon" ["On the Theme: Raskolnikov and Napoleon"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 6. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 230–231. (In Russ.)

75. Memorskii, M.F. *Son Bonaparta, vidennyi im v Parizhe v samuiu tu noch', kogda on raspolozhen byl otpravit'sia v armiiu, dlia vstupleniia s onoi v rossiiskie predely, vziatyi iz dostovernykh svedenii* [*Napoleon's Dream, Seen in Paris on the Very Night He Was to Enter the Army to March into the Russian Territories, Taken from Reliable Information*]. Moscow, V Gubernskoi tipografii u A. Reshetnikova Publ., 1813. 23 p. (In Russ.)

76. Milovidov, B.P. "Partizan A.S. Figner i voennoplennye Velikoi armii v 1812–1813 gg." ["Partisan A.S. Figner and the Prisoners of the Grand Army in 1812–1813"]. *Otechestvennaia voina 1812 g. i rossiiskaia provintsiia v sobytiiakh, chelovecheskikh sud'bakh i muzeinykh kollektsiiakh* [*1812 Patriotic War and the Russian Province in Facts, Destinies, and Museum Collections*]. Maloiaroslavets, 2007, pp. 157–176. (In Russ.)

77. Mikhnukevich, V.A. *Russkii folklor v khudozhestvennoi sisteme F.M. Dostoevskogo* [*Russian Folklore in Dostoevsky's Artistic System*]. Cheliabinsk, Cheliab. gos. un-t Publ., 1994. 320 p. (In Russ.)

78. Mochulskii, K.V. *Dostoevskii: Zhizn' i tvorchestvo* [*Dostoevsky: Life and Work*]. Paris, YMCA-press Publ., 1980. 564 p. (In Russ.)

79. Nazirov, R.G. "Napoleon iz podpol'ia" ["Napoleon from the Underground"]. Nazirov, R.G. *Tvorcheskie printsipy F.M. Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Creative Principles*]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta Publ., 1982, pp. 52–69. (In Russ.)

80. Nevedomskii, N.V. "Poslednee srazhenie Fignera. Otrivok iz istorii partizanov" ["The Last Battle of Figner. Excerpt from the History of Partisans"]. *Sovremennik*, vol. 9, part 5, 1838, pp. 1–31. (In Russ.)

81. Nechaeva, V.S. *Rannii Dostoevskii, 1821–1849* [*Early Dostoevsky, 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

82. *Pis'ma Napoleona k Zhozefine vo vremia pervoi Italiiskoi kampanii, konsul'stva i tsarstvovaniia. I pis'ma Zhozefiny k Napoleonu i k docheri: v 2 tomakh* [*Letters of Napoleon to Josephine during the first Italian Campaign, the Consulate, and His Reign. And Letters of Josephine to Napoleon and to Her daughter: in 2 vols*]. Trans. from French by A.T. St. Petersburg, Tipografiia Vremenogo Departamenta voennykh poselenii Publ., 1833–1834. (In Russ.)

83. Podosokorskii, N.N. "Napoleon Bonapart i 'Domovoi'" ["Napoleon Bonaparte and The 'Domovoi'"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Almanakh*, no. 22, 2007, pp. 245–255. (In Russ.)

84. Podosokorskii, N.N. "Napoleonovskii mif v romane 'Idiot': biografiia generala Ivolgina" ["The Napoleonic Myth in the Novel *The Idiot*: Biography of General Ivolgin"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2009,pp. 145–153. (In Russ.)

85. Podosokorskii, N.N. "Ob istochnikakh rasskaza generala Ivolgina o Napoleone" ["On the Sources of General Ivolgin's Story about Napoleon"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 182–191. (In Russ.)

86. Podosokorskii, N.N. "Napoleonovskie voiny v 'Diadushkinom sne' F.M. Dostoevskogo" ["The Napoleonic Wars in Dostoevsky's 'Uncle's Dream'"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 350–362. (In Russ.)

87. Podosokorskii, N.N. "Napoleon i 1812 god v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Napoleon and 1812 in Dostoevsky's Works"]. Shcherbakov, V.I., editor. *1812 god i mirovaia literatura* [*The Year 1812 and World Literature*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 319–364. (In Russ.)

88. Podosokorskii, N.N. "'Napoleon vy, chto li, kakoi?': 'Napoleonova pamiat'' v rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Gospodin Prokharchin'" ["'Are You Some Napoleon, or What?': 'The Memory of Napoleon' in Dostoevsky's Story 'Mr. Prokharchin'"]. Komutstsi, L.V., and P.S. Glushakov, eds. *"Mery ne znal ia, smertnykh liubia": k 90-letiiu rossiiskogo filologa Vladimira Serafimovicha Vakhrusheva (1932–2011)* [*"I Did Not Know Measure in Love for the Mortals": in occasion of the 90th Anniversary of the Russian Philologue Vladimir Serafimovich Vakhrushev (1932–2011)*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 329–341. (In Russ.)

89. Podosokorskii, N.N. "'Istoriia' F.K. Shlossera v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["F.C. Schlosser's *History* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, no. 33, 2023, pp. 65–77. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/23062061/33/4

90. Podosokorskii, N.N. "Napoleon-Solntse v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Napoleon-Sun in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

91. Podosokorskii, N.N. "Istoriia v zhizni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["History in Dostoevsky's Life and Works"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125

92. Podosokorskii, N.N. "Istoriia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kak istoricheskie realii sozdaiut v khudozhestvennykh proizvedeniiakh dopolnitel'nyi siuzhet" ["History in Dostoevsky's Works: How Historical Realities Create an Additional Plot in Literary Works"]. Kasatkina, T.A., editor. Avtorskie teorii tvorchestva [Authorial Theories of Art]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 273–391. (In Russ.)

93. Podosokorskii, N.N. "Mechta o srazhenii pri Berezine v romane 'Belye nochi' F.M. Dostoevskogo" ["The Dream of the Battle at the Berezina in Dostoevsky's Novel *White*

Nights"]. Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal, no. 2 (30), 2025, pp. 157–192. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-157-192

94. Podosokorskii, N.N. "Marshaly Napoleona v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Napoleon's Marshals in Dostoevsky's Works"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 2, 2025, pp. 69–107. (In Russ.)

95. Podosokorskii, N.N. "Niuton v svete napoleonovskoi idei Raskol'nikova v romane 'Prestuplenie i nakazanie' F.M. Dostoevskogo" ["Newton in the Light of Raskolnikov's Napoleonic Idea in Dostoevsky's *Crime and Punishment*"]. *Novyi mir*, no. 9 (1205), 2025, pp. 191–199. (In Russ.)

96. Podosokorskii, N.N. "Proizvedeniia A.S. Pushkina kak istochnik rasskaza generala Ivolgina o Napoleone v romane 'Idiot' F.M. Dostoevskogo" ["Works of A.S. Pushkin as a Source of General Ivolgin's Story about Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Novyi mir*, no. 7 (1203), 2025, pp. 188–197. (In Russ.)

97. Podosokorskii, N.N. "Foma Opiskin kak istoricheskii romanist, i ego istoricheskii roman o Novgorode v povesti 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli' F.M. Dostoevskogo" ["Foma Opiskin as a Historical Novelist, and His Historical Novel about Novgorod in Dostoevsky's Story *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 76–129. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129

98. Polevoi, N.A. *Rasskazy russkogo soldata* [*Stories of a Russian Soldier*]. St. Petersburg, Tip. E. Veimara Publ., 1852. 125 p. (In Russ.)

99. *Priiatnyi sobesednik, ili Sobranie liubopytnykh i zabavnykh anekdotov, veselikh rasskazov, ostrykh izrechenii, poslovits, pogovorok, shutok, strannostei, i proch.: v 3 chastiakh* [*A Pleasant Companion, or Collection of Curious and Amusing Anecdotes, Jokes, Proverbs, Sayings, and Oddities: in 3 vols*]. Coll. by A. Ivanov. Moscow, V tip. A. Evreinova Publ., 1846. (In Russ.)

100. Radozhitskii, I.T. *Pokhodnye zapiski artillerista. 1812–1816* [*Campaign Notes of an Artilleryman. 1812–1816*]. Introd. and comm. by V.M. Bezotosnyi. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018. 800 p. (In Russ.)

101. Roberts, Andrew. *Napoleon: biografiia* [*Napoleon: A Biography*]. Trans. from English. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2023. 940 p. (In Russ.)

102. Sarieva, E.A. "Khudozhestvennoe svoeobrazie rasskaza P.M. Sadovskogo 'Napoleonder'" ["The Artistic Particularity of P.M. Sadovsky's Story *Napoleonder*"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 64, 2022, pp. 270–278. (In Russ.)

103. Staël, Anne-Louise-Germaine de. *Son Napoleona ili Ten' Engiena v Moskve* [*Napoleon's Dream, or the Shadow of Enghien in Moscow*]. Trans. from Swedish. St. Petersburg, A. Plushar s tovarishchami Publ., 1814. 14 p. (In Russ.)

104. Skobeliev, I.N. *Perepiska i rasskazy russkogo invalida: v 2 chastiakh* [Correspondence and Stories of a Russian Invalid: in 2 parts]. 4th Ed., corrected and enlarged. St. Petersburg, A.F. Farikov Publ., 1844. (In Russ.)

105. S.E. "'Uverennost' v zvezde svoego schastiia'. Aleksandr Samoilovich Figner, partizan Otechestvennoi voiny (1787–1813)" ["'Confidence in the Star of One's Happiness': Alexander Samoilovich Figner, Partisan of the Patriotic War"]. *Rodina. Rossiiskii illiustrirovannyi istoricheskii zhurnal*, no. 8: Rossiia i Napoleon: spetsial'nyi vypusk [Russia and Napoleon. Special Issue], 2002, pp. 47–50. (In Russ.)

106. Tartakovskii, A.G. *1812 god i russkaia memuaristika: Opyt istochnikovedcheskogo izucheniia* [*The Year 1812 and Russian Memoir Writing: An Experience in Source Study*]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (In Russ.)

107. Toporov, V.N. "'Gospodin Prokharchin'. K analizu peterburgskoi povesti Dostoevskogo" ["'Mr. Prokharchin': On the Analysis of Dostoevsky's Petersburg Tale"]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [*Myth. Ritual. Symbol. Image: Research on the Themes of Mythopoetics. Selected Works*]. Moscow, Progress — Kultura Publ., 1995, pp. 112–192. (In Russ.)

108. Totfalushin, V.P., and E.A. Filippova. "A.S. Figner glazami sovremennikov i potomkov" ["A.S. Figner through the Eyes of Contemporaries and Descendants"]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovanii: Sbornik nauchnykh trudov*, no. 10, 2019, pp. 97–107. (In Russ.)

109. Trepavlov, V.V. *"Belyi tsar": Obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [*"White Tsar": The Image of the Monarch and Concepts of Allegiance among the Peoples of Russia, 15th–18th Centuries*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russ.)

110. Trofimova, A.V. "Opyt rekonstruktsii nezakonchennogo rasskaza F.M. Dostoevskogo 'Domovoi'" ["Experience in Reconstructing Fyodor Dostoevsky's Unfinished Story 'Domovoi'"]. *Cheliabinskii gumanitarii*, no. 3 (24), 2013, pp. 75–79. (In Russ.)

111. Figner, A.V. "Partizan Figner (Iz semeinykh vospominanii)" ["Partisan Figner (From Family Memories)"]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, vol. 18, no. 10, pp. 139–143. (In Russ.)

112. Khramova, L.V., and V.A. Mikhnukevich. "Napoleon" ["Napoleon"]. Shchennikov, G.K., and A.A. Alekseev, eds. *Dostoevskii: Estetika i poetika: Slovar-spravochnik* [*Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. A Dictionary-Handbook*]. Cheliabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 100–102. (In Russ.)

113. Chudinov, A.V. "S kem voeval russkii muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii" ["Who Did the Russian Peasant Fight Against in 1812? The Image of the Enemy in Popular Consciousness"]. Chudinov, A.V., editor. *Frantsuzskii ezhegodnik. 2012. 200-letnii iubilei Otechestvennoi voiny 1812 goda* [*French Yearbook. 2012. 200th Anniversary of 1812 Patriotic War*]. Moscow, IVI RAN Publ., 2012, pp. 336–365. (In Russ.)

114. Shklovskii, V.B. "Dvenadtsatyi god v russkoi literature (do 'Voiny i mira')" ["The Year 1812 in Russian Literature (Before *War and Peace*)"]. *Literaturnaia gazeta*, no. 49 (685), 1937, 10 September, pp. 3–4. (In Russ.)

115. Schnorr, Heinrich Theodor Ludwig "Dopolnenie k udivitel'nym puteshestviiam na sushe i na more i veselym prikliucheniiam barona fon Munhgauzena, o kotorykh on imeet obyknovenie rasskazyvat' za butylkoi vina v krugu svoikh druzei" ["Supplement to the Amazing Travels on Land and Sea and the Amusing Adventures of Baron von Munchausen, which He Usually Tells over a Bottle of Wine in the Company of His Friends"]. Trans. A.N. Makarov. Bürger, Gottfried August and Rudolph Erich. Raspe. *Udivitel'nye puteshestviia na sushe i na more, voennye pokhody i veselye prikliucheniia Barona fon Munhgauzena, o kotorykh on obychno rasskazyvaet za butylkoi v krugu svoikh druzei* [*Amazing Travels on Land and Sea and the Amusing Adventures of Baron von Munchausen, which He Usually Tells over a Bottle of Wine in the Company of His Friends*]. Ed. by A.N. Makarov; resp. ed. B.I. Purishev. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 158–232. (In Russ.)

116. Ianovskii, S.D. "Vospominaniia o Dostoevskom" ["Recollections of Dostoevsky"].

Dostoevskii F.M. v vospominaniiakh sovremennikov: v 2 tomakh [*Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries*], vol. 1. Text prepared by K. Tiun'nik and M. Tiun'kina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 230–251. (In Russ.)

117. Ianovskii, A.D. "Figner" ["Figner"]. Bezotosnyi, V.M., editor. *Otechestvennaia voina 1812 goda. Entsiklopediia* [*1812 Patriotic War. Encyclopaedia*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 748–749. (In Russ.)

118. Bourrienne, Louis Antoine Fauvelet de. *Memoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat, sur Napoleon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration*, vol. 1–10. Troisieme edition. Paris, Ladvocat, 1830. (In French.)

119. Rosenshield, Gary. "*Crime and Punishment*, Napoleon, and the Great Man Theory." *Dostoevsky Studies*, vol. 23, 2020, pp. 78–104. (In English)

Статья поступила в редакцию: 25.09.2025
Одобрена после рецензирования: 25.11.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 25 Sept. 2025
Approved after reviewing: 25 Nov. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.16.1.0
ББК 83+83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165
https://elibrary.ru/TWCMLL

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Ольга Деханова, Михаил Деханов
Москва, Россия

Скверный анекдот с шампанским

© 2025. Olga Dekhanova, Mikhail Dekhanov
Moscow, Russia

A Nasty Story with Champagne

Информация об авторах: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-2216-2548
E-mail: Dh369@yandex.ru
Михаил Евгеньевич Деханов, нутрициолог-фармацевт, г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6245-3783
E-mail: dekhanov@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья касается вопросов предметного комментария художественной прозы Ф.М. Достоевского. Особую область исследования представляет собой так называемый гастрономический язык. Любой гастрономический элемент — это культурный продукт. Он неизменно отражает и национальные, и религиозные, и социальные, и экономические, и прочие особенности общества конкретной исторической эпохи. Являясь результатом личного опыта, гастрономический элемент порождает определенный и общепонимаемый эмоционально-смысловой образ. Эта предметно-смысловая форма коммуникации используется в художественных произведениях для характеристики литературных персонажей или ситуации, в которой развивается действие. Она понимается и ощущается читателем ярче и глубже, чем это можно было бы сделать только словами. В настоящей статье разбирается роль шампанского в сатирическом рассказе Достоевского «Скверный анекдот». Для понимания скрытых от современного читателя смыслов в статье обсуждаются основные исторические этапы создания этого вина и его роль в культуре XIX века.

По частоте упоминаний в текстах Достоевского шампанское уступает только чаю. Рассказ Достоевского «Скверный анекдот» — в гастрономическом плане явление уникальное. Нигде более, ни в каком другом его произведении шампанское не становится настолько главным и значимым соучастником событий. Весь социальный и культурный диапазон этого вина, всё — от лучших образцов шампанских вин до дешевых суррогатов и все, связанные с ними смыслы и образы — всё сосредоточено в этом небольшом рассказе. Кроме того, анализ текста рассказа позволил выявить скрытое обращение Достоевского к образу Наполеона, дополняющее характеристику главного персонажа.

Ключевые слова: Достоевский, шампанское, история повседневности России.

Для цитирования: *Деханова О.А. Деханов М.Е.* Скверный анекдот с шампанским // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 144–165. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165

Information about the authors: Olga A. Dekhanova, PhD in Pharmaceutical Sciences, Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-2216-2548

E-mail: Dh369@yandex.ru

Mikhail E. Dekhanov, nutritionist-pharmacist, Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6245-3783

E-mail: dekhanov@yandex.ru

Abstract: The article concerns the commentary on objects in Dostoevsky's fiction. A special area of research is the so-called gastronomic language. Any gastronomic element is a cultural product. It invariably reflects national, religious, social, economic, and other features of the society of a specific historical period. Being essentially the result of personal experience, the gastronomic element generates a specific and generally understood emotional-semantic image. This object-semantic form of communication is used in works of art to characterize literary characters or the situations in which the action takes place. It is understood and felt by the reader more vividly and deeply than words alone. This article examines the role of champagne in Dostoevsky's satirical work "A Nasty Story." To help modern readers understand the meanings hidden in the text, the article discusses the main historical stages of the creation of champagne and its role in 19th-century culture.

In terms of frequency of mentions in Dostoevsky's texts, champagne is second only to tea. Dostoevsky's "A Nasty Story" is a unique phenomenon in gastronomic terms. Nowhere else, in any of his other works, does champagne become such a major and significant accomplice in events. The entire social and cultural range of this wine, from the finest examples of champagne to cheap surrogates and all the meanings and images associated with them—everything is concentrated in this short story. In addition, the analysis reveals Dostoevsky's hidden appeal to the image of Napoleon which complements the characteristics of the main character.

Keywords: Dostoevsky, champagne, history of everyday life in Russia.

For citation: Dekhanova, O.A., and Dekhanov, M.E. “A Nasty Story with Champagne.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 144–165. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165

Одна из особенностей художественного стиля Достоевского — создание лаконичных предметных композиций (и, прежде всего, гастрономических), зримый образ которых всегда несет в себе скрытый смысл. Любой гастрономический элемент — это культурный продукт, который отражает все особенности общества конкретной исторической эпохи и потому раскрывает читателю суть происходящего или личность человека ярче и глубже, чем это можно было бы сделать только словами. Об этом художественном приеме Достоевский писал в рассказе «Скверный анекдот»: «Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно, в виде каких-то ощущений, без перевода на человеческий язык, тем более на литературный» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 12].

Все вышесказанное тем более актуально для такого статусного, с четко обозначенными социальными свойствами вина, как шампанское. Если сравнивать частоту упоминания гастрономических реалий в текстах Достоевского, то первое место занимает чай, а за ним следует шампанское. Исключительно потому, что употребление шампанского и чаепитие — это действо, ритуал, привнесенный в русскую национальную культуру с уже заданными правилами, имеющий только один социальный вектор движения — сверху вниз. На этом пути и происходила его адаптация к социальным особенностям русской культуры и формирование того многообразия образов и смыслов, о значимости которых было сказано выше.

Сатирический рассказ Достоевского «Скверный анекдот» — в гастрономическом плане явление уникальное. Нигде более, ни в каком другом его произведении шампанское не становится настолько главным и значимым соучастником событий. Весь социальный и культурный диапазон этого вина, всё — от лучших образцов шампанских вин до дешевой шипучки и все, связанные с ними смыслы и образы — всё сосредоточено в этом небольшом рассказе.

Но для того, чтобы выявить особенности этой, гастрономической, формы коммуникации автора и читателя, необходимо хотя бы в общих чертах определить роль шампанского в русской культуре XIX века.

Тем более, что к настоящему времени в этом информационном поле накопилось значительное количество разного рода многократно тиражируемых мифов, которые можно встретить даже в серьезных исследовательских работах[1]. Так, например, существует укоренившееся мнение, что шампанское, в нашем современном понимании, создал некий монах Периньон. Это не совсем так.

Весь многолетний, кропотливый труд Пьера Периньона в аббатстве Овилле (Hautvillers), начиная с 1668 года, был направлен не на создание игристых вин, а, наоборот, на борьбу с пузырьками. Он заложил все основы современного виноделия от исследований особенностей сортового районирования до принципиально нового в то время технологического приема — купажирование вин. Получение игристых вин было, скорее, побочным продуктом его исследований, так как более чем за 100 лет до его первых опытов игристые вина уже производились в регионе Лангедок в окрестностях Лиму в монастыре Сент-Элер.

---

[1] Один из самых популярных мифов — это то, что Луи Редерер изготовил свое знаменитое шампанское Cristal в бутылке хрустального стекла по заказу императора Александра II.

Дело в том, что в XIX веке во Франции было два основных шампанских дома Редерер — Louis Roederer (1809–1870), существовавший под этим именем с 1833 года, и Théophile Roederer (1843–1888), основанный в 1864 году.

Два предприимчивых виноторговца Леон и Гюстав Бузиг (Bousigues) из Страсбурга, решили воспользоваться репутацией уже известного дома Шампани, для чего был найден некий господин Теофиль Редерер, однофамилец. Использование известного уже имени на этикетке практически сразу вызвало судебные разбирательства. Однако, пока тянулись многочисленные тяжбы, торговая фирма Théophile Roederer сделала замечательный маркетинговый ход — зарегистрировала в мае 1876 года название Cristal Champagne, дизайн этикетки, а в январе 1878 года — ту самую, знаменитую бутылку из прозрачного стекла с плоским дном — «bouteilles à verre blanc et à fond plat» [Annales, 1888, p. 355–356]. И ни император Александр II, ни Луи Редерер здесь были совершенно ни при чем. Судя по многочисленным отзывам в газетах, шампанское действительно было прекрасного качества и пользовалось заслуженной популярностью, особенно в богемной среде. Однако, изнурительные для фирмы Théophile Roederer судебные процессы завершились в 1906 году полным приобретением всех прав на этот бренд домом Louis Roederer и шампанское Cristal навсегда осталось связанным с его именем. Используемая информация взята из материалов, предоставленных торговым домом Луи Редерер (Великие вина Шампани. Луи Редерер. Выдержки из Императорского тома, подаренного Е.В. Александру III, императору России по случаю Французской выставки в Москве. Новый периодический обзор, Январь 1892 г.) и из личной переписки с Florence Laurent, помощником директора по маркетингу и коммуникациям.

Еще до того, как Дом Периньон начал бороться с игристостью вина, английские виноделы, наоборот, уже весьма интересовались этой особенностью белых вин — становиться шипучими и игристыми после добавления в них сахара или патоки.

Этот необычный изысканный напиток был востребован исключительно в аристократической и богемной среде.

Но если «перфекционизм Дома Периньона завоевал шампанскому уникальное место как вину владык и дворцов по всей Европе», то именно «Николь-Барб Клико-Понсарден <...> нашла способ сделать шампанское праздничным вином всего мира» [Джонсон, 2004, с. 333].

Оккупационный быт русской армии и целеустремленный талант знаменитой Вдовы положили начало истории шампанских вин в России. Именно благодаря ее предприимчивости и ее вину урожая 1811 года («вино кометы») она самым решительным образом покорила в 1814 году Россию, а ее имя стало частью национальной культуры[2]. О феноменальной популярности Клико во всех пределах Российской Империи писал В. Филимонов: даже там, где «Вот льдом окована Двина / Всё небо синее, луна / Взошла над чумом Самоедов <...> Вот эта жизнь в снегу людей, Между собак и медведей» неизменно присутствие «искры влаги ледяной / Вино кометное с звездой» [Филимонов, 1837, с. 92]

Начиная с первой партии вина изображение кометы на пробке и бутылке (сохранившиеся до наших дней) сразу стало узнаваемым логотипом ее торгового дома. Поэтому есть все основания полагать, что «вино кометы», упомянутое в романе «Евгений Онегин», не обязательно то самое, впервые ввезенное в Россию, урожая 1811 года, а может обозначать всего лишь марку шампанского.

После победы над Наполеоном шампанское было неизменным участником любой дружеской пирушки светской молодежи и военной аристократии, символом необузданной восторженной вольности.

---

[2] Знаменитый автор «Истории Шампани» (1882) Генри Вицетелли сделал едкое замечание о переходе русских на шампанское: «Можно сказать, что этим впрыскиванием игристого вина в замороженную империю царя датируется ее приобщение к цивилизации, вернее, самому верхнему ее слою. Если бы Петр Великий предпочел шампанское зерновому бренди, страна давно уже была бы европеизирована» [Джонсон, 2004, с. 334].

После событий на Сенатской площади и практически все время правления Николая I к шампанскому, как косвенному соучастнику памятных событий, долгое время относились сдержанно. Но сдерживать игристое вино, которое вырвалось из бутылки, невозможно. Оно, со всеми своими аристократическими манерами, уже прочно вошло в русскую национальную культуру. И, прежде всего, как эталон роскоши. Вот, например, описание обеда по случаю дня рождения Клары Олсуфьевны, который «отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-клико, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 128].

И тут же — панегирик «шампанскому-клико» — «Я изобразил бы вам старшего из гостей, <...> поднявшего над головою заздравный бокал с искрометным вином, — вином, нарочно привозимым из одного отдаленного королевства, чтоб запивать им подобные мгновения, — вином, более похожим на божественный нектар, чем на вино» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 128–129].

«Божественный нектар» в данном случае — это не метафора, а реальность.

В своих воспоминаниях «Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия» Н.В. Давыдов писал, что в то время «сухих сортов еще не водилось» [Давыдов, 1964, с. 37].

Автор монографии «История вина» Хью Джонсон полагает, что «Одной из причин, по которой русские так влюбились в “Кликовское”, как они его называли, было то, что вдова делала его чрезвычайно сладким» [Джонсон, 2004, с. 335].

Практически всю первую половину XIX века количество добавленного в вино сахара соответствовало национальным предпочтениям страны-импортера. «Если сравнивать количество сахара на литр, то во Франции это было 165 граммов, для Германии добавляли немного больше, <...> а русским подавай от 250 до 330 — какой же липкой была туфелька актрисы? <...> эксцентричная Англия требовала всего 22–66 <...> Для сравнения, эти цифры для сегодняшнего сладкого шампанского могут доходить до 50 граммов» [Джонсон, 2004, с. 339–340]. Именно в «эксцентричную» Англию, начиная с 1850-х годов многие дома Шампани стали поставлять более сухие вина. Но принципиальный перелом в создании несладких вин обязан урожаю 1865 года, совершенно исключительному по своим

климатическим условиям. Это было то самое жаркое лето, которое оставило свой след в романе «Преступление и наказание».

Однако всем социальным слоям общества свойственно желание почувствовать себя хоть немного аристократами. И уже к середине XIX века российские виноторговцы стали удовлетворять растущий спрос более дешевыми и доступными аналогами. От газированных вин Ланина[3] до продуктов отечественного виноделия. Самым знаменитым из российских игристых вин XIX века было сладкое, красное игристое казачье вино из донской станицы Цымлы. Цимлянское (Донское) оставило не менее яркий след в русской литературе, чем вина Клико.

Донским патриотично восторгается В. Филимонов в своей гениальной гастрономической поэме «Обед»: «И вот запенилось родное, / *вино под якорем* Донское» [Филимонов, 1837, с. 96].

Цимлянское подают в доме Лариных: «Да вот в бутылке засмоленной, / Между жарким и бланманже, / Цимлянское несут уже» [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 98]. Его с удовольствием употребляют в романе «Дубровский»: «Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее» [Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 179].

Его упоминали Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»), Тургенев («Несчастная»), Лермонтов («Тамбовская казначейша») и многие другие, в том числе и Достоевский в романе «Преступление

[3] Московский купец Николай Петрович Ланин был известным производителем газированных вод на основе натуральных фруктовых соков. Имя Ланина встречается в письме Достоевского к А.П. Милюкову в июле 1866 года: «Мой номер у Дюссо, хотя и был весьма недурной, походил на русскую печку, в то время как выметут *под* и начнут в нее сажать хлебы. Тут никакой квас и никакая вишневая и грушевая *вода* Ланина не могли помочь» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 165]. Со временем на заводе Ланина помимо воды и фруктовых соков начали газировать и вино. Так появилось известное на всю Россию Ланинское шампанское. Согласно «магазинному Прейс-куранту» 1863 года из фондов Красноярского краеведческого музея (учетный номер КККМ КПД 3514/2. Номер в Госкаталоге: 6439611) бутылка шампанского Клико или Редерер стоила 4 руб. 25 коп., а бутылка ланинского — около 2 рублей [Гиляровский, 1989, с. 331]. В рассказе «Вечный муж» со слов служанки Мавры мы узнаем, что Трусоцкий «за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 53]. «Синяя бумажка» — это пятирублевая ассигнация. И это значит, что Трусоцкий пытается сохранить хотя бы видимость былой жизни, напиваясь исключительно шампанским, так как «до водки еще черед не дошел-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 44].

и наказание»: Заметов, «соскандалит что-нибудь на французский манер в неприличном заведении, за стаканом шампанского или донского» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 408].

Однако помимо благородного Донского и незатейливого, но добротного Ланинского, в российском обиходе существовало и горское.

В рассказе «Скверный анекдот» как примета «совершенно разночинной компании», упоминается «горское»: «Для тостов же прочим гостям предназначалось горское или что попало» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 30].

«Горское», оно же чихирь, оно же кизлярское вино — это красное или белое вино, производимое в то время на Кавказе и в Астраханской губернии. Местное вино самого разного качества. Но особой популярностью у торговцев Макарьевской ярмарки пользовались дешевые, так называемые, «недоброды». Их укрепляли, подкрашивали, добавляли всякие приправы и делали всевозможные импортные «портвейны, мадеры и лиссабонские». А в газированном виде оно продавалось как дешевая шипучка, но с красивой этикеткой. Поэтому смысловое употребление в литературных текстах горского или чихиря весьма пластично.

В романе «Дубровский» Пушкин иронично-снисходительно ставит в один ряд качество горского и цымлянского, так как в его социальной среде понятие «шампанское» исключало какие-либо компромиссы.

Достоевский в своей личной жизни был не менее щепетилен в отношении качества шампанского[4], но вот для его литературных персонажей — всё, что не шампанское тоже имеет свою градацию и последнее место занимает «горское», равносильное «что попало».

Однако, незыблемо, вне зависимости от сословной принадлежности, из всех ритуалов и правил, связанных с употреблением шампанского или любого другого игристого вина, сохранилось главное — оно должно быть холодным.

[4] Достаточно обратиться к воспоминаниям С.Д. Яновского о дружеских застольях в Hôtel de France в 40-х годах. Меню всегда составлял сам Федор Михайлович. Каждому участнику, и исключительно для спичей, полагалось по два бокала шампанского. Федор Михайлович ужасно гордился, что хороший обед запивается «шипучкою, и притом настоящею» [Яновский, 1990, с. 236].

В речевой практике городского среднего класса середины XIX века (и особенно в купеческой среде) это условие приобрело уменьшительно-ласкательную форму — «холодненькое».

Во фразеологическом словаре Михельсона «холодненькое» — иносказательное название шампанского, «которое пьется более или менее замороженным» [Михельсон, 1912, с. 961].

Обед в захолустном Медвежьем углу для городского начальства: «давай холодненького. А “холодненькое” означает шампанское, подавай бутылочку в три целковых» [Мельников, 1963, т. 1, с. 154].

«Изредка раздается хлопанье пробки от холодненького — это значит сделку покончили» [Мельников, 1963, т. 4, с. 130].

«Холодненького бутылочку, — приказал Василий Петрович. — Заморозить хорошенько, — прибавил Никита Федорыч. — Редеру прикажете али клико? — Клику давай, <...> Оно, слышь, забористее» [Мельников, 1963, т. 4, с. 305].

В романе «Униженные и оскорбленные» Маслобоев обращается к мадам Бубновой: «Нет, вы нас принимайте получше. Мы у вас холодненького выпьем, да машерочек нет ли?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 274].

Достоевский достаточно часто использует указания на нарушение общепринятых правил как негативную характеристику персонажа или ситуации. Это может быть несвежая одежда, грязные руки, особенности костюма и прочее[5]. И теплое шампанское — это одно из них.

В романе «Братья Карамазовы»: «Шампанское принесли! — прокричал Ракитин, <...> Э-эх; и того не сумели сделать, — прибавил он, разглядывая шампанское. — В кухне старуха разлила, и бутылку без пробки принесли, и теплое. Ну давай хоть так. Он подошел к столу, взял бокал, выпил залпом и налил себе другой. — На шампанское-то не часто нарвешься, — проговорил он, облизываясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 317].

В рассказе «Вечный муж»: «Комната была в беспорядке, кровать не убрана, платье раскидано, на столе стаканы с выпитым кофеем, крошки хлеба и бутылка шампанского, до половины не допитая, без пробки и со стаканом подле. — Неужто вы пьете это теперь? — указал Вельчанинов на шампанское. — Остатки-с... — сконфузился Павел

[5] Подробнее об этом см.: [Деханова, 2024, с. 16–25].

Павлович. — Ну переменились же вы!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 31].

В романе «Униженные и оскорбленные» представлен самый отвратительный натюрморт с шампанским: не только теплое, но и весьма сомнительного качества вино, ром из того же «национального погребка» и отвратительного вида такая же «поддельная штабс-офицерка». Перед Сизобрюховым «на столе стояли две бутылки теплого шампанского, бутылка скверного рому», «напротив Сизобрюхова, сидело отвратительное существо лет сорока и рябое <...>. Это была штаб-офицерка, очевидно поддельная. Сизобрюхов был пьян и очень доволен», а реплика Маслобоева еще более сгущает негативное впечатление: «Ишь, шампанское называется! — На кислые щи похоже»[6] [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 275].

И, наконец, последнее. Одна из гастрономических особенностей художественных текстов Достоевского — это фиксировать внимание читателя на количестве выпитого. Прежде всего, это касается шампанского.

Еще Пушкин, восхищаясь красотой мельчайших пузырьков углекислого газа, тех самых, что в воздушном белом облаке взлетают в бокале, обещая вечный праздник, небезосновательно предполагал их коварство, называя эту пену «угарной»: «Кубок янтарный / Полон давно — / Пеной угарной / Блещет вино» [Пушкин, 1977–1979, т. 1, с. 197].

И действительно, никакое другое вино не вызывает так стремительно такое возбужденно-восторженное состояние и непреодолимое желание говорить, восклицать, двигаться, не порождает такие неожиданные ассоциации.

«Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее; на этом основаны фейерверки; но там огни располагаются по изящным, правильным очертаниям и, при полной своей безопасности, производят впечатление игривое и легкое, как после бокала шампанского» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 394].

---

[6] Кислые щи — это разновидность сильногазированного хлебного кваса. Сброженное сусло дображивает в запечатанных бутылках, а потом на три дня опускается в холодный погреб. С точки зрения технологии — можно сказать, что это национальная микроверсия метода шампанизации. Очень популярный в XIX веке напиток. Так, например, у Гоголя день Чичикова «был заключен порцией холодной телятины, бутылкой кислых щей и крепким сном во всю носовую завертку» [Гоголь, 1951, с. 12].

Или, например: «Водевиль — дитя французской жизни, французского юмора, французского остроумия, легкого, но грациозного, игривого так, как шипучая пена шампанского» [Белинский, 1991, с. 133].

Достоевский, еще в молодые годы, ощущая серьезность своей неврологической проблемы, был чрезвычайно мнительным в отношении здоровья, выпивал не более четверти бокала. Правоту его интуитивной осторожности подтвердили события, связанные с обычаем свадебных визитов к родственникам и непременным их участником — шампанским.

Анна Григорьевна вспоминает: «За всю остальную жизнь я не выпила столько бокалов шампанского, как в эти десять дней. Подобные поздравления имели печальное последствие <...> с Федором Михайловичем случились в один и тот же день два припадка эпилепсии». «Доктора объяснили <это> чрезмерным возбуждением, которое было вызвано шампанским» [Достоевская, 1981, с. 123–124].

Вероятно, именно это неоднократно пережитое состояние возбуждения, таящего в себе опасность и тьму, этот личный опыт и лег основу того необычного художественного приема Достоевского, о котором мы говорили выше. Количество выпитого как некая черта, за которую не следует переходить (а именно — 3 бокала), имеет непосредственное отношение к стихотворению Пушкина «Бог веселый винограда». Первые три чаши испиваются за любовь, за здоровье, за друзей, а «Мудрый после третьей чаши / Все венки с главы слагает / И творит уж возлиянья / Благодатному Морфею» [Пушкин, 1977–1979, т. 3, с. 233]. Стихотворение это по мнению исследователей написано по французскому переводу Ж.-Б. Лефевра сочинения древнегреческого поэта-философа Евбула из сборника «Пир мудрецов»: «Три чаши смешиваю я для умеренных, одну — за здоровье, которую опустошают первой; вторую — за любовь и наслаждения, третью — за сон. Когда сия чаша выпита, мудрые гости отправляются восвояси» [Джонсон, 2004, с. 46]. Далее следует перечисление всевозможных неприятностей и безобразий вплоть до десятой чаши.

Эта граница — три бокала шампанского, возникает в художественных повествованиях Достоевского как негативная характеристика персонажа и как предвестник некой драматической развязки событий, вызывая у читателя ощущение тревожного ожидания еще до того, как всё будет рассказано словами.

Повесть «Дядюшкин сон». Молодящийся князь у Натальи Дмитриевны «выпил три бокала шампанского. За обедом он выпил

еще и закружился окончательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 338], затем у Марьи Александровны «старичок с шести бокалов как-то весь раскис и некрепко держался на ногах. Зато болтал без умолку» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 341]. И главной темой этой болтовни стало плотоядное внимание князя к заманчивым формам молоденьких девочек: «такая ловкая, и у ней тоже... такие формы... формируются. Ми-лень-кая такая! и другая, что с ней танце-ва-ла, тоже... формируется... <...> Говоря это, князь с какою-то возрастающею жадностью рассматривал Зину в лорнет <...> тая от наслаждения» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 342].

Роман «Идиот». Настасья Филипповна, которую уже познабливает от тревожного ожидания Рогожина с деньгами: «В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечером выпьет три бокала, в ее истерическом и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 119].

Чахоточный юноша Ипполит в болезненно-лихорадочном состоянии выпивает три бокала, чтобы успеть до рассвета прочесть свою исповедь и покончить жизнь самоубийством.

Роман «Подросток». На обеде в компании с мошенниками Аркадия дружески предостерегают: «С вас довольно и трех бокалов» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 350]. Но три бокала были выпиты и у него «так звенело в голове от трех бокалов и двух рюмок хересу» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 355], что он как-то против воли оказывается за грязным столиком в лавке, за бокалом шампанского, в искусительном разговоре с Ламбертом, «дрожа от злости и машинально всё хлебая вино» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 357].

Но более всего бокалов шампанского выпивается в рассказе «Скверный анекдот».

Но прежде, чем мы перейдем к разбору гастрономического языка этого небольшого рассказа, подведем итог всему сказанному выше, имеющему к этому рассказу самое непосредственное отношение.

Употребление шампанского — это действо, один из элементов этикета, свода негласных правил, определяющих социальную принадлежность. Значение имеет здесь и качество шампанского (вспомним иронию Пушкина по поводу цимлянского и горского), и правила его подачи, главное из которых — оно должно быть холодным. Сюда непременно следует добавить и умеренность: «употребляйте

с осторожностью вина и спиртные напитки; умеренность сохраняет человеку здоровье, кроме того ее предписывает нам чувство собственного достоинства» — наставляли правила хорошего тона XIX века [Правила, 1889, с. 67].

Практически в самом начале рассказа «Скверный анекдот» Достоевский размещает самый бонтонный натюрморт с шампанским: «Три почтенных мужа» генеральских чинов «сидели <...> вокруг маленького столика, каждый в прекрасном, мягком кресле, и между разговором тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тут же на столике в серебряной вазе — со льдом» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 5]. В этой неспешной беседе и завязывается главная интрига рассказа — выдержат ли в реальной жизни «доблестные сыны отечества» возвышенный пафос своих либеральных идей или это всего лишь модное увлечение, за которым нет и не может быть никаких реальных действий. И определяется главный герой рассказа, должный ответить на этот вопрос.

Предощущение неизбежности его провала выстраивается для читателей тут же, возле бутылки шампанского «в серебряной вазе — со льдом». Так как именно с нее Достоевский начинает свой роковой отсчет бокалов выпитого вина.

Иван Ильич успел уже прослыть в своих кругах «отчаянным либералом, что очень ему льстило. В этот же вечер, выпив бокала четыре, он особенно разгулялся» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 8].

«Иван Ильич горячился и в жару воображаемого спора чаще, чем бы следовало, пробовал из своего бокала. Тогда Степан Никифорович брал бутылку и тотчас же добавлял его бокал» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 8]. Это незаметное «добавление бокала», исключающее возможность контролировать количество выпитого, будет и далее сопутствовать Ивану Ильичу.

Выйдя на улицу, Иван Ильич отдавал себе отчет, что «был пьян». Он «был человек непьющий, и потому какие-нибудь пять-шесть бокалов скоро подействовали» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 10].

Здесь следует заметить по поводу неопределенности «пять-шесть бокалов». Достоевский всегда точен в деталях, особенно в привычных узнаваемых деталях повседневности. В рассказе «Вечный муж» «Павел Павлович <...> налил себе четвертый, последний стакан из бутылки» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 53], что соответствует реальному объему бутылки шампанского и среднему объему стакана —

в пределах 200 мл. Средний объем шампанского в бокале 100–110 мл. Из этого следует, что «в жару воображаемого спора» Иван Ильич незаметно для себя выпил более половины бутылки, оставив своим почтенным сослуживцам разве что по бокалу. Оставим в стороне правила благопристойности, так как принцип «трех бокалов» уже начал действовать.

Пребывая в «несколько эксцентрическом» самолюбовании из-за возбуждающего действия шампанского, Иван Ильич решает совершить весьма амбициозный поступок —восторжествовать над своими недавними оппонентами, «ретроградами» и «старыми колпаками». Однако объекту его «нравственных объятий» отводится вполне ощутимая социальная дистанция: «но я только выпью бокал, поздравлю, а от ужина откажусь. Скажу: дела. <...> Этим я деликатно напомню, что они и я — это разница-с. Земля и небо» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 14].

И действительно — разница очевидна: «Бутылка шампанского стояла перед одним генералом <...>. Для тостов же прочим гостям предназначалось горское или что попало» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 30].

И даже то, что в этой непривычной для Ивана Ильича социальной среде шампанское «было теплое» и в его понимании «гадость естественнейшая» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25], не останавливает его возвышенных патетических стремлений: «Мы все кричим о гуманности, но героизма, подвига мы сделать не в состоянии» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 13]. В доказательство тому, что «выдержит», он «с чувством выпил бокал, счетом седьмой в этот вечер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 21] и «протянул Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. <...> Генерал торжествовал; всё было спасено» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 17].

Но задуманный Иваном Ильичом пафосный отеческий монолог о «нравственной цели» своего визита не клеился, и «шампанское послужило выходом <...> Он прихлебнул, и все-таки оно показалось лучше, чем так-то сидеть» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25]. Речь его приобретала всё более характерные особенности сильного опьянения — он говорил «с расстановками и ударениями <...> Генерал в некотором замешательстве поспешил еще раз отхлебнуть из бокала, а Аким Петрович, как будто всё спасение его было в этом, схватил бутылку и подлил снова» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25]. И это незаметное «добавление бокала» продолжается снова и

снова: «в рассеянности он неприметно, но поминутно прихлебывал из бокала. Аким Петрович тотчас же и усерднейше ему подливал» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 26].

Но главное испытание Ивана Ильича было впереди. Его посадили за стол «и опять непочатая бутылка шампанского очутилась перед его прибором. Стояла закуска: селедка и водка. Он протянул руку, сам налил огромную рюмку водки и выпил. Он никогда прежде не пил водки» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 28]. И «рюмка водки, выпитая вслед за шампанским» оказала «немедленно действие» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 29].

Здесь уместно вспомнить один замечательный гастрономический натюрморт Достоевского. Разумихин приглашает Раскольникова на новоселье. На вопрос Раскольникова «Что ты там устроил?» Разумихин отвечает: «Да ничего, чай, водка, селедка. Пирог подадут: свои соберутся» [Достоевский 1972–1990, т. 6, с. 103]. Короткая реплика, устанавливающая полное отсутствие каких-либо конфликтов, потому что «свои соберутся» подкреплено не менее «своей» традиционной мужской закуской самого разночинного общества — «водка-селедка».

В рассказе «Скверный анекдот» эта же гастрономическая пара вступает в яростный социальный конфликт с шампанским. «Человек-шампанское в серебряном ведерке со льдом» никогда не сможет найти общий язык с «обществом водка-селедка».

Иван Ильич «чувствовал, что как будто катится с горы, летит, летит, летит, что надо бы удержаться, уцепиться за что-нибудь, но нет к тому никакой возможности» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 28]. Не помогает даже стакан шампанского (как проскользнувшее воспоминание о том, «что они и я — это разница-с»), «который Иван Ильич хоть и налил было себе, но не хотел пить, и вдруг выпил как-то совершенно нечаянно» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 31].

Сбылось предсказание мудрого Степана Никифорыча — «Не выдержим».

Но вот в романе «Бесы» это «хождение в народ» Степана Трофимовича завершается бесконфликтно ко всеобщему удовольствию. В начале «странным и ужасно чем-то чуждым показался ему деревенский вид» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 484]. «“Да как же это возможно”, — прошептал он в глубоком и пугливом недоумении, однако вошел в избу» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 485]. Но вот он угощает бабенку-попутчицу рюмкой водки, и она «законфузилась и

стала было отнекиваться, но, высказав всё предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, <...> отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. <...> “Я в совершенстве, в совершенстве умею обращаться с народом, и я это им всегда говорил”, — самодовольно подумал он» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 486].

Однако функция шампанского в «Скверном анекдоте» не ограничивается только социальным конфликтом.

Размер более, чем скромного заработка «маленького чиновника рублях на десяти в месяц жалованья» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 12] звучит рефреном на протяжении всего рассказа.

Еще пока Иван Ильич топтался на улице, мечтая о подвигах, победах и гуманизме, он трижды упоминает скромный заработок своего подчиненного, «регистратора, на десяти рублях» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 13] «Ведь он десять рублей в месяц жалованья получает!» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 14]. «Когда, месяцев пять до женитьбы, Пселдонимов, целый уже год погибавший в Петербурге, получил свое десятирублевое место, он было воскрес и телом и духом, но вскоре опять принизился обстоятельствами» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 35].

И, наконец, пьяный сотрудник «Головешки» констатирует суть скверного происшествия: «Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 34].

И только после этого обличительного монолога Достоевский называет читателям марку шампанского. Следует отметить, что Достоевский в своих художественных произведениях, никогда не упоминает никаких марок шампанского. Кроме, пожалуй, шампанского Клико как символа роскоши в повести «Двойник». И вдруг именно в «Скверном анекдоте» — четкое указание — «джаксон». «Иван Ильич не знал, чего стоили две бутылки джаксона, выпитые им в этот вечер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 38].

Читатели-современники Достоевского это знали — две бутылки шампанского Джаксон (*Jacquesson*) стоили в то время около 9 рублей — и, вероятно, оценили наглядность сравнения[7].

[7] В Примечании 3 приведена стоимость шампанского Клико и Редерер на 1863 год. Она составляет 4 руб. 25 коп. за бутылку. Указание марки шампанского («джаксон») определяет для современников Достоевского его категорию (дорогое французское шампанское, такое же как Клико, Редерер или Моэт) и, соответственно,

Но «джаксон» — это не только наглядная социальная арифметика. Для этого не обязательно было называть его марку. Появление именно этого шампанского в рассказе не случайно. Его название связано с именем Наполеона.

Торговый дом *Jacquesson & Fils* был основан в 1798 году. При высокой конкуренции каждая винодельня пыталась найти возможность улучшить качество вина и сделать его узнаваемым. И такая хитрость была найдена. В 1809 году винодельню *Jacquesson* посетил Наполеон и вино ему настолько понравилось, что торговая марка *Jacquesson* была награждена золотой медалью за качество.

Не другу детства Жану-Реми Моэту, но именно торговому дому *Jacquesson & Fils* была заказана партия вина по случаю бракосочетания императора с Марией-Луизой Австрийской. А красочный рекламный плакат тех времен гласил, что «Великий император всегда спрашивал у своего верного мамелюка Рустана любимое шампанское Jacquesson & Fils».

Имя Рустана дважды повторяется в фантастическом рассказе генерала в романе «Идиот», в романе, который буквально перенасыщен обращением к имени Наполеона. Всё, от возвышенной драмы стихотворения Пушкина «Наполеон» до книги «Шарраса о Ватерлооской кампании», в которой «проглядывает на каждой странице радость в унижении Наполеона» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415], все диалоги персонажей, упоминающие какие-либо события его жизни, — всё говорит о пристальном внимании Достоевского к этой исторической личности[8]. «Потому что тогда все, несколько лет сряду, только и кричали о нем. Мир был наполнен этим именем» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 413][9].

его цену. Цена, естественно, могла колебаться в зависимости от места продажи. Мы указываем стоимость двух бутылок — «около 9 рублей», так как для текста рассказа важна не абсолютная, а относительная стоимость этих двух бутылок как сопоставление с «десятирублевым жалованьем».

[8] Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне комментировался самым широким кругом исследователей. Однако наиболее полная картина современного состояния изучения наполеоновского мифа в романе «Идиот» и в творчестве Достоевского в целом представлена в работах Н.Н. Подосокорского, таких, например, как: [Подосокорский, 2009], [Подосокорский, 2010], [Подосокорский, 2023], [Подосокорский, 2025].

[9] В романе «Идиот» есть один эпизод, имеющий самое непосредственное отношение к сочинениям Феофила Матвеевича Толстого. Помимо сохранившихся его писем к Достоевскому (1861) о возможности публикации во «Времени» его драмы «Пасынок», высказываются предположения о возможности их личных встреч. Но тема эта не затронута современными исследователями. Эпизод, о котором идет

«Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» замечает Порфирий Петрович Раскольникову [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 204]. (Замечательно, что точно так же — Порфирием Петровичем, зовут и Пселдонимова.)

Наполеоновским мечтаниям о собственном величии предавался и Иван Ильич: о том, что он «будет не только сановником, но даже

речь, касается разговора Ипполита и Бахмутова по поводу истории доктора и его несчастного семейства: «От вашего дяди тут так много зависит, и притом мы, Бахмутов, всегда были врагами, а так как вы человек благородный, то я подумал, что вы врагу не откажете, — прибавил я с иронией. — Как Наполеон обратился к Англии! — вскричал он захохотав» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 334]. В комментариях к роману поясняется: «После поражения при Ватерлоо и вторичного отречения от престола Наполеон в 1815 г. собирался бежать в Америку, но вследствие блокады английской эскадрой порта Рошфор был вынужден вступить в переговоры со своими врагами — англичанами — и был отправлен на остров св. Елены» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 450].

Однако, если мы обратимся к рассказу Ф.М. Толстого «Двукратное проклятие Наполеона Перваго» (Санктпетербургъ,1855), то обнаружим там более интересную и лаконичную версию. Понимая безвыходность своего положения, Наполеон пишет Принцу-Регенту Англии: «Подобно Фемистоклу, водворяюсь у очага британскаго народа, отдаю себя подъ покровительство его законовъ, котораго и прошу у Вашего Королевскаго Высочества, какъ у самаго могущественнаго, самаго *постояннаго*, самаго *великодушнаго* изъ моихъ враговъ» [Толстой, 1855]

Кроме того, обращает на себя внимание еще один эпизод из фантастического рассказа генерала Иволгина о записи, сделанной Наполеоном в альбом его трехлетней сестры «Ne mentez jamais! Napoleon, votre ami sincère». («Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 417]. Комментарии к этому эпизоду отсутствуют. Однако, если мы обратимся к роману Ф.М. Толстого «Болезни воли» (1859, Русский вестник), то сможем прояснить возможное происхождение этой фразы. Трагедия главного героя романа состоит в том, что еще в малолетстве он как-то особенно глубоко, искренне и болезненно усвоил «мысль о священной обязанности говорить всегда правду» и этому правилу следует всю жизнь. «Безуспешность борьбы довела пылкого и впечатлительного молодого человека сначала до отчаяния, а потом и до сумасшедшего дома» — отмечал Д.И. Писарев в своей статье «Образованная толпа» [Писарев, 2000–2013, т. 9, с. 40]. Статья, посвященная выходу двухтомного собрания сочинений Ф.М. Толстого (1866), была опубликована в журнале «Дело» (1867). Писарев высоко оценил этот роман, указывая на актуальность и своевременность поставленного автором вопроса: «Душевные болезни отличаются от многих других человеческих недугов тем, что в них есть одна сторона, интересная не только для медика-специалиста, но и для всякого образованного человека, способного задумываться над явлениями общественной жизни» [Писарев, 2000–2013, т. 9, с. 34]. В том числе и о роли личности преступника при вынесении ему юридического наказания. Всё то, что волновало и Достоевского. Рецензия Писарева настолько подробно разбирает и сюжет, и главную его идею, что даже без обращения к первоисточнику она могла бы дать импульс к созданию концепции характера главного героя романа «Идиот».

государственным мужем, которого долго будет помнить Россия. Даже мерещились ему подчас монументы» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 7], «и назавтра в канцелярии мой подвиг уже известен»; «повсеместную популярность приобрету... У всех в сердцах буду напечатлен» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 15]. «Он сошел с мостков и твердыми шагами прямо направился через улицу в дом своего подчиненного. Звезда увлекала его» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 15]. Это мистическое отношение Наполеона к звезде-комете, отметившей и его рождение и его смерть, было общеизвестно. Суеверность Наполеона упоминается и в рассказе генерала в романе «Идиот».

Аркадий в романе «Подросток» так же, как и Иван Ильич упоминает эту путеводную звезду своего «стыда и позора»: «“А что ж, падать так падать; не упаду же, выеду! У меня звезда!” Я шел по тоненькому мостику из щепок, без перил, над пропастью, и мне весело было что я так иду; даже заглядывал в пропасть. Был риск и было весело» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 163–164].

Эти же чувства испытывает и господин Голядкин, «двигаемый тою же самой пружиной, посредством которой вскочил на чужой бал непрошенный» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 133]. Как и Иван Ильич, он «ясно видел, что настало время удара смелого, время посрамления врагов его» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 136]. «Рок увлекал его. Господин Голядкин сам это чувствовал, что рок-то его увлекал» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 134].

Голядкин, так же как и Аркадий, и Иван Ильич видит перед собой некую бездну, пропасть, которая тянет вниз, туда, где «был — ужас господина Голядкина, был — стыд господина Голядкина, был — вчерашний кошмар господина Голядкина» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 146].

Но в отличие от господина Голядкина, двойник Ивана Ильича — это результат коварного действия шампанского. Вино ослабляет самоконтроль, показывает истинные свойства характера, которые обычно сдерживаются общепринятыми рамками благовоспитанности: «не обладая некоторой сдержанностью, человек в обществе может оказаться почти нестерпимым. Сношения с таким человеком никому не могут доставить удовольствия; он является источником постоянных неприятностей для тех, которые его окружают» [Правила, 1889, с. 7]. Шампанское, как «сыворотка правды» подтверждает древнюю мудрость — истина в вине.

И ведь мелькнула же в сознании Ивана Ильича, затуманенном еще только «пятью-шестью бокалами шампанского» мысль: «я был пьян». «Никогда не буду пить. С вечеру наболтаешь, а назавтра раскаиваешься» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 11].

Список литературы

1. Белинский, 1991 — *Белинский В.Г.* Александрынский театр // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 114–141.
2. Гиляровский, 1989 — *Гиляровский В.А.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 4. 448 с.
3. Гоголь, 1951 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 6. 1951. 921 с.
4. Давыдов, 1964 — *Давыдов Н.В.* Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века: сб. статей. М.: Московский рабочий, 1964. С. 6–67.
5. Деханова, 2024 — *Деханова О.А.* «От него пахнет; он неряха». Неопрятность как художественная деталь // Достоевский и современность. Материалы XXXVIII Международных Старорусских чтений 2023 года. Великий Новгород, 2024. С. 16–25.
6. Джонсон, 2004 — *Джонсон Х.* История вина. М.: BBPG, 2004. 480 с.
7. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Достоевская, 1981 — *Достоевская А.Г.* Воспомининия. М.: Худож. лит., 1981. 518 с.
9. Мельников, 1963 — *Мельников П.И.* (Андрей Печерский) Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1963.
10. Михельсон, 1912 — *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб.: Тип. Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1912. 1046 с.
11. Писарев, 2000–2013 — *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Наука, 2000–2013.
12. Подосокорский, 2009 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 177 с.
13. Подосокорский, 2010 — *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 182–191.
14. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Книга Ж.Б.А. Шарраса о Ватерлооской кампании в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 128–147.
15. Подосокорский, 2025 — *Подосокорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 273–391. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0779-3-273-391
16. Правила, 1889 — Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. СПб.: Тип. В.А. Тиханова, 1889. 413 с.
17. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
18. Толстой, 1855 — *Толстой Ф.М.* Двукратное проклятие Наполеона Первого. СПб.:

Изд., книгопродавецъ В. Исаковъ. 1855. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_f_m/text_1853_dvukratnoe_oldorfo.shtml (дата обращения: 7.06.2025).

19. Филимонов, 1837 — *Филимонов В.* Обед: Поэма. СПб.: Тип. Л. Снегирева. 1837. 145 с.

20. Яновский, 1990 — *Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: сб. статей. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 230–251.

21. Annales, 1888 — Annales de la propriété industrielle, artistique et litteraire. Paris, 1888. V. XXXIII, № 12.

References

1. Belinskii, V.G. “Aleksandrynskii teatr” [“Alexandrinsky Theatre”]. *Fiziologiia Peterburga* [*The Physiology of Petersburg*]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 114–141. (In Russ.)

2. Giliarovskii, V.A. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Collected Works: in 4 vols*], vol. 4. Moscow, Pravda Publ., 1989. 448 p. (In Russ.)

3. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [*Complete Works: in 14 vols*], vol. 6. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1951. 921 p. (In Russ.)

4. Davydov, N.V. “Moskva. Piatidesiatye i shestidesiatye gody XIX stoletiia” [“Moscow. Fifties and Sixties of the 19th Century”]. *Ushedshaia Moskva. Vospominaniia sovremennikov o Moskve vtoroi poloviny XIX veka* [*Gone Moscow. Memories of Contemporaries about Moscow in the Second Half of the 19th Century*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1964, pp. 6–67. (In Russ.)

5. Dekhanova, O.A. “‘Ot nego pakhnet; on neriakha’. Neopriatnost’ kak khudozhestvennaia detal’” [“‘He Smells; He’s a Slob.’ Sloppiness as an Artistic Detail”]. *Dostoevskii i sovremennost’. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2023 goda* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 38th International Readings in Staraya Russa 2023*]. Veliky Novgorod, 2024, pp. 16–25. (In Russ.)

6. Johnson, Hugh. *Istoriia vina* [*History of Wine*]. Moscow, BBPG Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

8. Dostoevskaia, A.G. *Vospomininiia* [*Memories*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 518 p. (In Russ.)

9. Mel’nikov, P.I. (Andrei Pecherskii). *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [*Collected Works: in 6 vols*]. Moscow, Pravda Publ., 1963. (In Russ.)

10. Mikhel’son, M.I. *Russkaia mysl’ i rech’. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii.* [*Russian Thought and Speech. One’s Own and Someone Else’s. Experience of Russian Phraseology*]. St. Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1912. 1046 p. (In Russ.)

11. Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 12 vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2000–2013. (In Russ.)

12. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [*Napoleonic Theme in Dostoevsky’s Novel The Idiot: PhD Dissertation*]. Veliky Novgorod, 2009. 177 p. (In Russ.)

13. Podosokorskii, N.N. “Ob istochnikakh rasskaza generala Ivolgina o Napoleone” [“On the Sources of General Ivolgin’s Story about Napoleon”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 182–191. (In Russ.)

14. Podosokorskii, N.N. “Kniga Zh.B.A. Sharrasa o Vaterlooskoi kampanii v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’” [“Jean-Baptiste-Adolphe Charras’s Book on the Waterloo Campaign in Dostoevsky’s Novel *The Idiot*”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 128–147. (In Russ.)

15. Podosokorskii, N.N. “Istoriia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kak istoricheskie reali sozdaiut v khudozhestvennykh proizvedeniiakh dopolnitel’nyi siuzhet” [“History in Fyodor Dostoevsky’s Works. How Historical Realia Create an Additional Plot in Works of Fiction”]. Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva* [*Authorial Theories of Art*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 273–391. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0779-3-273-391

16. *Pravila svetskoi zhizni i etiketa. Khoroshii ton* [*Rules of Social Life and Etiquette. Good Manners*]. St. Petersburg, Tip. V.A. Tikhanova Publ., 1889. 413 p. (In Russ.)

17. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

18. Tolstoi, F.M. *Dvukratnoe prokliatie Napoleona Pervogo* [*The Double Curse of Napoleon the First*]. St. Petersburg, Izd. Knigoprodavets V. Isakov, 1855. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_f_m/text_1853_dvukratnoe_oldorfo.shtml (Accessed 7 June 2025). (In Russ.)

19. Filimonov, V. *Obed: Poema* [*Dinner: A Poem*]. St. Petersburg, Tip. L. Snegireva Publ., 1837. 145 p. (In Russ.)

20. Ianovskii, S.D. “Vospominaniia o Dostoevskom” [“Memories of Dostoevsky”]. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov* [*Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries*], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 230–251. (In Russ.)

21. *Annales de la propriété industrielle, artistique et litteraire*, vol. 33, no. 12, Paris, 1888. (In French)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025
Одобрена после рецензирования: 12.05.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 08 Feb. 2025
Approved after reviewing: 12 May 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+811.161.1+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+81.411.2-2+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204
https://elibrary.ru/TWDUQH

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Яков Тестелец
Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Языковые эксперименты в «Бесах»

© 2025. Yakov G. Testelets
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Language Experiments in the Novel *Demons*

Информация об авторе: Яков Георгиевич Тестелец, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия; директор Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, корп. 3, 125047 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-1431-4727
E-mail: testelets@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено в Институте языкознания РАН без грантовой поддержки. Автор благодарит за ценные замечания к первому варианту статьи, которые он постарался учесть, и за подсказки путей решения ряда вопросов Д.О. Добровольского, И.Б. Иткина, Анну А. Зализняк, Т.В. Ковалевскую и В.М. Лурье, а также двух анонимных рецензентов журнала; все недостатки и ошибки в статье принадлежат автору.

Аннотация: В статье впервые предлагается развернутый грамматический анализ своеобразного языка двух персонажей «Бесов» Ф.М. Достоевского — Кириллова и капитана Лебядкина. Главная особенность языка Кириллова — ненормативный эллипсис, то есть сокращение тех элементов предложения, смысл которых может быть восстановлен по речевому и внеречевому контексту. Кириллов сокращает больше, чем разрешается правилами русской грамматики, причем особый интерес представляет нарушение условий употребления спонтанного эллипсиса с неоднозначным восстановлением типа *Татьяна в лес,*

медведь за нею (Пушкин; *бросилась? побежала? пустилась?..*). Кириллов также нарушает правила употребления подчинительных союзов, кванторных местоимений и некоторых других, в основном служебных слов. Языковой минимализм Кириллова отражает его равнодушие ко всему, кроме ожидаемого им радикального преображения мира и человечества, которое он желает вызвать своим самоубийством. В стихах и в прозаической речи Лебядкина наблюдается ненормативное словообразование, нарушения правил употребления предлогов, частиц и деепричастных оборотов. Нарушения в грамматике — только один из факторов, обеспечивающих комический и сатирический эффект. В нескольких случаях мы можем только предполагать, что те или иные морфологические или синтаксические конструкции могли восприниматься первыми читателями как комические. В некоторых случаях — например, при спонтанном эллипсисе или в семантике деепричастий — материал «Бесов» позволяет увидеть нерешенные проблемы в изучении русской грамматики. Грамматические нарушения в речи Кириллова и Лебядкина можно предположительно связать с разорванностью, хаотичностью и ожиданием скорых радикальных перемен, характерными для революционного сознания, как оно изображено в романе.

Ключевые слова: роман «Бесы» Ф.М. Достоевского, языковые эксперименты, эллипсис в русском языке, подчинительные союзы в русском языке, предлоги в русском языке, деепричастия в русском языке, служебные слова в русском языке.

Для цитирования: *Тестелец Я.Г.* Языковые эксперименты в «Бесах» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 166–204. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

Information about the author: Yakov G. Testelets, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoi Kislovskii Per., 1, bld. 1, 125009 Moscow, Russia; Director of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Miusskaia Sq., 6, bld. 3, 125047 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-1431-4727

E-mail: testelets@gmail.com

Acknowledgments: The study was carried out at the Institute of Linguistics, without grant support. The author is indebted to Dmitry Dobrovolsky, Anna Zalizniak, Ilya Itkin, Tatyana Kovalevskaya, Vadim Lourie and two anonymous reviewers of the journal for their valuable comments to the first draft of the paper and for many illuminating clues. All errors and other shortcomings are the author's.

Abstract: The article offers a first detailed grammatical analysis of the peculiar language of two characters in Dostoevsky's *Demons*—Kirillov and Captain Lebyadkin. The main characteristic of Kirillov's language is non-standard ellipsis, that is, the omission of some elements of a sentence that can nevertheless be understood in the context of the remaining elements and the speech situation. Kirillov omits more than is permitted by the rules of Russian grammar. The instances where he violates the rules of spontaneous ellipsis with indefinite recovery of the elided material (like Pushkin's *Tatjana v les, medved' za neju* "Tatyana ran to the forest, the bear ran after her") are of special interest. Kirillov also violates the rules that regulate the use of Russian comple-

mentizers, quantifier pronouns and some other, mainly functional, words. Kirillov's minimalist language reflects his indifference to everything except the radical transformation of the world and humanity that he wants to achieve by his suicide. Lebyadkin's poetry and prose speech contain non-standard word formation, ungrammatical uses of prepositions, particles, and converb clauses. Violations of grammar rules are only one of the factors that contribute to the comical and satirical effect. In several cases, we can only hypothesize that some morphological or syntactic constructions might be perceived as comical by the first readers. Sometimes, e. g. with spontaneous ellipsis or with the semantics of converbs, the material found in the *Demons* makes it possible to detect problems yet unresolved in research of the Russian grammar. Grammatical violations in Kirillov's and Lebyadkin's speech may be tentatively associated with the fragmentation, chaos, and expectation of imminent radical change characteristic of the revolutionary mindset as depicted in the novel.

Keywords: *Demons*, language experiments, ellipsis in Russian, complementizers in Russian, prepositions in Russian, converbs in Russian, functional words in Russian.

For citation: Testelets, Ya.G. "Language Experiments in the Novel *Demons*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 166–204. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

1. «Отрывисто и как-то не грамматически»: язык Кириллова

В обширной литературе, посвященной персонажу «Бесов» инженеру Алексею Нилычу Кириллову, включающей произведения философов Ф. Ницше (анализ его рукописных заметок см. в [Miller, 1975]; [Давыдов, 1989, с. 185–218]; [Дудкин, 1994]), Д.С. Мережковского [Мережковский, 1902], Н.А. Бердяева [Бердяев, 2018 (1918)], А. Камю [Камю, 1990 (1942)] и Р. Гвардини [Гвардини, 1994 (1932)], психиатров, суицидологов и литературоведов, см. [Волынский, 1909]; [Гроссман, 1935]; [Shneidman, 1984]; [Давыдов, 1989]; [Дудкин, 1994]; [Евлампиев, 1998]; [Ефремов, 2008] и указанную в этих работах литературу, недостаточно внимания уделялось его особенному языку, «ущербности речи» [Рудакова, Зайцева, Власкин 2024, с. 157]. По первому впечатлению Хроникера, Кириллов *казался несколько задумчивым и рассеянным, говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннее* [75][1]. Сказанное Хро-

[1] Постраничные ссылки на текст романа в квадратных скобках даются по X тому Полного собрания сочинений [Достоевский, 1972–1990, т. 10]. Ввиду большого числа цитат мы вынуждены отступить от правил оформления их в журнале — наше выделение примеров курсивом, а значений «лапками» (‘’) соответствует практике, принятой в лингвистических исследованиях.

никером подтверждается прямой речью Кириллова в одиннадцати сценах романа с его участием:

(1) Липутин приводит Кириллова к Верховенскому-отцу (1, 3, IV–VI [74–85]);

(2) Хроникер пьет чай с Кирилловым (1, 3, VIII [91–95]);

(3) Первый разговор Ставрогина с Кирилловым (2, 1, V [184–199]);

(4) Кириллов участвует в дуэли как секундант Ставрогина (2, 3, I–II [222–227]);

(5) Второй разговор Ставрогина с Кирилловым (2, 3, III [227–228]);

(6) Разговор Петра Верховенского с Кирилловым (2, 6, VI [289–293]);

(7) Приход Липутина и Петра Верховенского к Кириллову (3, 4, III [425–427]);

(8) Кириллов помогает Шатовым (3, 5, I [435–436]);

(9) Кириллов помогает Шатовым, продолжение (3, 5, III [444]);

(10) Разговор Кириллова с Шатовым о «минутах вечной гармонии» (3, 5, V [450–451]);

(11) Последняя встреча с Петром Верховенским и самоубийство Кириллова (3, 6, II [465–476]).

«Отрывистость» и «неграмматичность» заметны сразу; два других указанных Хроникером признака — нарушения порядка слов и путаница в структуре «длинных» предложений — в речи Кириллова встречаются реже. В реальной жизни нарушения нормы могут быть вызваны патологическим расстройством языковой способности (афазией). В художественном тексте пространство возможностей шире — например, в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол» реплики персонажей иногда звучат *отрывисто* и *не грамматически*, потому что автор приблизил английский язык диалогов к буквальному переводу с испанского, в котором выражение подлежащего не обязательно: **Canst understand it?* ‘Ты понимаешь?’, букв. «Можешь понять это?» и т.п.[2]

«Задумчивость» и «рассеянность» Кириллова объясняются тем, что он мономан или, по-русски, однодум — человек, поглощен-

[2] Знаком * в лингвистике обозначаются выражения, которые оцениваются как противоречащие правилам и неприемлемые для носителей языка. Помета ? перед примером означает, что выражение находится на грани приемлемости или возможно в исключительном контексте.

ный одной идеей: придать себе и в своем лице всему человечеству божественное достоинство, разрушив, посредством самоубийства, установленный Богом порядок. При этом самоубийство не должно иметь другой цели (например, избавления от страданий), потому что в таком случае оно само становится частью мирового порядка, а не спасительным выходом из него. Как пишет А. Камю, посвятивший Кириллову и другим «людям абсурда» эссе «Миф о Сизифе», «с его смертью земля будет населена царями и осветится человеческой славой» [Камю, 1990 (1942), с. 84]. Поэтому Кириллов соглашается написать признание в мнимой вине — за минуту до светопреставления и полного открытия истины — и с презрением объявляет Петру Верховенскому: *Сам увидишь, что всё тайное станет явным! А ты будешь раздавлен... Верую! Верую!* [473].

В мире Достоевского рассуждения Кириллова, как и идеи Раскольникова и Ивана Карамазова или тоталитарный проект Шигалева, предстают парадоксальными следствиями рационалистического и атеистического мировоззрения. Тем не менее пять очень разных персонажей романа — Хроникер, Петр Верховенский, Шигалев и супруги Шатовы — называют Кириллова *сумасшедшим* [99; 276; 420; 436]*, помешанным* [95; 110]*, маньяком* [197; 276; 467], и не без основания: очевидные изъяны в логике приближают его рассуждения к клинической картине бредового расстройства. Кириллов — мученик идеи, которая увела его на ложный путь, и его самоубийство, предваряемое философскими диалогами, превращается в нигилистическую пародию на смерть Сократа[3].

Можно заметить, что нарушения грамматической правильности (грамматичности) в речи Кириллова довольно однообразны. Кириллов в основном нарушает правила из очень зыбкой, сравнительно мало регулярной и мало изученной области русской грамматики —

[3] Приговоренный к смерти Сократ объясняет, почему самоубийство недопустимо (Платон, «Федон», 61b–62c). Возвышенный тон философской «пьесы» Платона и просветленное спокойствие Сократа противоположны лихорадочному ритму действия и демоническому кривлянию в финале сцены самоубийства Кириллова. Для нашей темы представляет интерес то, что реплики Сократа не только по смыслу, но и синтаксически контрастируют с «отрывистыми» фразами Кириллова, цит. по переводу В.Н. Карпова, хронологически близкому к времени написания романа: *Но если бы которое-нибудь из твоих стяжаний, продолжал Сократ, захотело умертвить само себя, независимо от твоего соизволения на эту смерть, то не прогневался ли бы ты на него и не подверг бы его наказанию, какому можешь?* [Сочинения Платона, 1863, ч. 2, с. 67].

эллиптического сокращения: Кириллов сокращает больше, чем разрешается этими правилами. То, что Кириллов злоупотребляет эллипсисом, вероятно, связано с его идеей. Он использует минимум слов, потому что накануне решающего события, когда «ничего нет тайного, что бы не сделалось явным» (Мк. 4:22), согласно толкованию, которое Кириллов дает евангельской цитате [471], речи почти не имеют смысла. К тому же мономан Кириллов стремится отделаться от собеседника, тем более такого, которого не уважает. «Речь атрофируется за ненадобностью, ведь Кириллов *презирает, чтобы говорить*» [Рудакова, Зайцева, Власкин, 2024, с. 157].

До сих пор, насколько нам известно, никто из исследователей не ставил задачу понять, насколько систематичны и последовательны эти отступления от нормы и описать — в том случае, если некая система обнаружится, — особую «грамматику Кириллова». Наша работа представляет собой попытку решить эту задачу.

Те особенности речи Кириллова, которые находятся в пределах грамматической и стилистической нормы, например, частое употребление выражения *все равно* (Кириллов произносит его 18 раз), которое, по Р. Гвардини, свидетельствует о том, что порыв к свободе гаснет в «нирване» [Гвардини, 1994 (1932), с. 22], а по нашему мнению отражает то же, что и неграмматичный эллипсис, то есть равнодушие ко всему, кроме ожидаемого Кирилловым апокалиптического события, мы рассматривать не будем.

Меньше всего нарушений наблюдается в трех отрывках в заключительных сценах (10–11), где Кириллов говорит с воодушевлением и дает себе труд договаривать предложения до конца. Это рассказ о переживании *вечной гармонии* <...> *— гораздо складнее, чем даже всегда говорил; видно было, что он давно уже всё это формулировал и, может быть, записал* [450], — предсмертная речь о Христе: *Слушай большую идею: был на земле один день* и сразу затем речь о свободе и своеволии [471–472]; то, что эти отрывки отличаются по языку, отметил еще А.Л. Волынский [Волынский, 1909, с. 332].

1.1. Эллипсис

Эллипсисом, из греч. ἔλλειψις ‘опущение, недостаток’, называется невыраженность тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста. Это определение подразумевает, что известен полный вариант предложения, который

можно сопоставлять с его неполным, сокращенным видом — трудности, связанные с этим предположением, мы пока оставляем в стороне. Часто, но не всегда, копия сокращаемого элемента сохраняется в предтексте и в таком случае называется **антецедентом**. Сокращаемая часть — **мишень** эллипсиса может отмечаться зачеркиванием:

(12) *Мой знакомый пытался выучить адыгейский язык, но ~~мой знакомый~~ не смог ~~выучить адыгейский язык~~.*

(13) *Мама любит абрикосовое варенье, и я тоже ~~люблю абрикосовое варенье~~.*

Антецедент может содержаться в предтексте, как в (12–13), но может и не содержаться; в последнем случае его значение устанавливается по ситуации речи, как в (14), где фрагментированная предложная группа выполняет роль полного предложения:

(14) *~~Положи сумку~~ На пол!*

Антецедент не всегда полностью совпадает с мишенью — некоторые грамматические признаки, такие, как лицо в (13) или род в (15), могут отличаться:

(15) *Саша пришел. — А Лена ~~пришла~~?*

Восстановимость опущенной части по контексту (включая ситуацию речи) является необходимым, но не достаточным условием эллипсиса — требуется, кроме того, выполнение некоторых грамматических условий. Например, в (14) можно вместо полного предложения (14') *Положи сумку на пол!* употребить неполное (фрагмент), но нельзя сократить предлог *на* (14'') **Пол!*, хотя его значение может быть восстановлено из внеречевого контекста. Также вряд ли приемлемо в отсутствие антецедента (16) **Корзина полна, так что надо ~~выбросить мусор~~!* — хотя и тут значение мишени может быть понято по ситуации речи. Для того, чтобы (16) стало приемлемо, нужен выраженный антецедент, например, в виде предшествующего вопроса (16') — *Надо ли выбросить мусор? — Корзина полна, так что надо ~~выбросить мусор~~*; ср. пример Д. Вайса (17) *Мусор потом ~~вынесешь//вынесем~~* [Вайс, 2011, с. 141], который допустим и в отсутствие антецедента. Об эллипсисе и различных теоретических подходах к этому явлению см. [Merchant, Cranenbroek, 2013]; [Cranenbroek, 2010]; [Cranenbroek, Temmerman (eds.), 2019] и указанную там литературу; об эллипсисе в русском языке см. [Ширяев, 1984]; [Золотова, 1975, Падучева, 1974 (2007)]; [Мельчук, 1995]; [Казенин, 2007, 2008]; [Сковородников, 1971; 1973; 1978]; [Коровкин, 2002]; [Грудева, 2007].

Эллипсис у Кириллова редко сопровождается выраженным антецедентом. Когда антецедент присутствует, эллипсис остается в рамках допустимого:

(18) — *Вы за границей* ***встречались****? — пробормотал кое-как Степан Трофимович гостю.*

— И здесь ~~встречались~~, и за границей ~~встречались~~ [75].

Чаще всего в речи Кириллова неграмматичный эллипсис выступает без антецедента или эллиптического контекста и при этом затрагивает глагол-сказуемое. Вообще такие конструкции допустимы в русском языке, и им посвящена обширная литература [Галкина-Федорук, 1962]; [Ширяев, 1973, 1984]; [Апресян, 1986]; [Мельчук, 1995]; [Weiss, 1995]; [Wiemer, 1996]; [Mažara, 2010]; [Вайс, 2011]. Они распространены в разговорной речи, но допустимы и в литературном языке, в том числе в художественных текстах. Мы будем называть эти случаи **спонтанным**, то есть не зависящим от контекста, эллипсисом:

(19) *Мы ___ за справкой.*

(20) *Как тебе ___ наш город?*

(21) *Книги ___ на верхнюю полку.*

(22) *Придется ___ без английского языка.*

Для спонтанного эллипсиса характерна неоднозначность или неопределенность восстановления пропущенного глагола-сказуемого: в (19) *стоим? пришли?*, в (20) *понравился? показался?*, в (21) *поставь? пойдут?* в (22) *жить? обходиться? общаться?* и т.п.[4]

Неприемлемость эллипсиса в речи Кириллова предполагает, что нарушены какие-то его необходимые условия — но именно необходимые условия спонтанного эллипсиса исследователям пока не удается полностью описать. Достаточные условия и основные контексты спонтанного эллипсиса известны и описаны в перечисленных выше публикациях.

[4] Неопределенность эллипсиса надо отличать от невосстановимости. Под невосстановимостью обычно понимают невозможность воспроизвести антецедент на месте опущения, ср. такую разновидность эллипсиса, как Stripping в английском языке: *Sam did it, not Fred* ‘Это сделал Сэм, а не Фред’— не существует английского предложения с неэллиптированным вариантом второй клаузы. Сравнительное сокращение также не восстановимо: *Он принес больше пива, чем мы смогли выпить ~~пива~~*.

1.1.1. Целенаправленное движение, указывающее конечную точку

(23) *Татьяна в лес, медведь за нею* (Пушкин; *бросилась? устремилась? побежала?..*);

(24) *Бабка за дедку, дедка за репку* (*ухватилась? встала?..*);

(25) *Я на работу* (*собираюсь? иду?..*);

(26) *Мне бы маму сейчас сюда, вот бы она с нами возилась* ([Weiss, 1995, с. 206]; подобрать подходящий по контексту глагол трудно).

1.1.2. Целенаправленное действие

(27) *Сто грамм для настроения* (*выпьем? налить вам?..*);

(28) *Подмогнула б тебе касса, но // Каждый рупь — догнать Америку* (А. Галич) ([нулевая связка] *на счету, чтобы...*).

1.1.3 Коммуникация

(29) *Про эти свои дела он мне ни слова* (*не говорил? не сообщал?..*).

1.1.4. Насильственное или любое резкое физическое воздействие

(30) *Мы их и гранатами, и из автоматов, и штыками* ([Мельчук, 1995, с. 211]; неопределенность);

(31) *А председатель приговаривал: «А я его* [валета] *по усам! А я ее* [даму] *по усам!»* (Гоголь) (*бью?..*).

1.1.5. Попарное соединение

(32) *Песчаный карьер — два человека. Уборка улиц — три человека* (сценарий фильма «Операция “Ы”»; неопределенность);

(33) *Сто сорок пять, в пятом ряду справа* (Ильф и Петров, «Двенадцать стульев», сцена аукциона; неопределенность);

(34) *А мы это сейчас по t* ([Мельчук, 1995, с. 191]; *дифференцируем*).

1.1.6. Сравнение

(35) *Мне лучше с работы* (*отправиться?.. позвонить?..*).

Разнообразие материала приводит Д. Вайса к выводу, что альтернатива «эллипсис или нулевой глагол» недостаточна, а требуется постулировать третий вид языковой «пустоты», который он называет «нулевой глагольной конструкцией» [Вайс, 2011, с. 152].

Есть и очевидные контрасты, когда при глаголах одного типа спонтанный эллипсис возможен, а при глаголах другого типа затруднен:

1.1.7. Нецеленаправленное движение

(36) a. *Вам ~~входить~~ сюда.*
b. **Вам ~~ходить~~ здесь.*

1.1.8. Отсутствие физического воздействия

(37) *За что вы его?* (*убиваете, бьете, наказываете* vs. **любите, *цените, *ненавидите, *хвалите*).

1.1.9. Ментальные глаголы, не имеющие значения коммуникации

(38) *Я о последних событиях* (*рассказываю* vs. **знаю, *слышу, *забыл*).

В некоторых примерах из речи Кириллова спонтанный эллипсис сказуемого остается в рамках нормы, так как подпадает под случаи 1.1.1–1.1.6:

(39) *Это ты его ~~убил~~ за то, что он тебе в Женеве плюнул в лицо!* [466].

(40) *Вы серьезно ~~говорите~~, что он подушку крестил?* [76].

(41) *Я не ~~рассказываю~~ аллегорию, я просто ~~говорю~~ про лист, один лист* [188].

(42) *Зачем ~~писать~~ про Шатова?* [466].

Однако большинство случаев спонтанного эллипсиса у Кириллова не только противоречат нормам литературного языка, но и вряд ли возможны в разговорной речи, где ограничения слабее. Например, Кириллов сокращает глагол-связку (43) или совпадающий с ним бытийный глагол (44) в контекстах, где такое сокращение недопустимо:

(43) *Тут всё пустяки, потому что Лебядкин ~~был~~ пьян* [92].

(44) *Я открывал глаза и не верил, потому что ~~было~~ очень хорошо* [188].

Отсутствие выраженного глагола воспринимается как форма настоящего времени, то есть Лебядкин пьян и переживание, описанное в (44), происходит в момент речи Кириллова, — чего он не имеет в виду.

Правила употребления формы *есть* в настоящем времени бытийного глагола описаны в [Апресян, 2017]; [Апресян, 1995 (1992), с. 523]; [Апресян, 2009, с. 448–449]; [Селиверстова, 1973; 1990; 2004, с. 139–164]; о грамматических отличиях бытийного глагола, в том числе его нулевой формы в настоящем времени (45) a. *На полке книга*, от глагола-связки b. *Книга на полке*, см. [Chvany, 1975]; [Арутюнова, Ширяев, 1983]. Длительное обладание предметом как собственностью, в отличие от актуального[5] обладания, то есть случаев типа (47) *У него нож* (в данный момент и скорее всего в руке), не относится к числу контекстов, в которых может быть опущена форма настоящего времени бытийного глагола *есть*:

(48) a. *У тебя температура*.
b. **У тебя машина*.

Ср. при актуализации:

(49) *Там темно, хулиганы ходят, давай я тебя отвезу,* ***у меня машина****!* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010][6].

Кириллов вопреки грамматической норме опускает *есть* и в конструкциях неактуального обладания:

(50) *У меня ~~есть~~ пистолеты* [186].

(51) *У меня еще ~~есть~~ револьвер* [186].

Есть не опускается, если речь идет об «элементах внутреннего мира»:

(52) *У меня есть мечта, надежда* и т.п. [Апресян, 2009, с. 448].

У Кириллова иначе:

(53) *Неужто у таких, как ты, ~~есть~~ убеждения?* [468][7].

---

[5] Термин Ю.Д. Апресяна; более удачным был бы, вероятно, термин «актуализованное обладание». Условия контекстной актуализации посессивного значения не до конца выяснены, ср. (46) *Мне хотели его представить. Я решительно отказалась: у меня дочери* (Толстой, «Война и мир»).

[6] В квадратных скобках даются в стандартной форме ссылки на Национальный корпус русского языка (НКРЯ; ruscorpora.ru).

[7] Заметим, что отсутствие формы настоящего времени бытийного глагола *есть* там, где она необходима, а именно в контексте противопоставления, как в (48') *У меня головной боли нет, а температура есть*, нарушается в реплике из зала одного из нигилистов после выступления Кармазинова и, возможно, не случайно автор применяет здесь тот же прием:

(54) *— Нынче нет привидений, а ~~есть~~ естественные науки. Справьтесь с естественными науками* [368].

Кириллов нарушает запрет на сокращение промежуточной вершины (то есть синтаксически главенствующего слова) при наличии антецедента, сформулированный в [Казенин, 2007]: эллипсис не должен сокращать слово, если сохраняется его синтаксическая вершина и его зависимое (55) **подписал заявление на отпуск и отклонил ~~заявление~~ о приеме на работу*; (56) **Наполеон одержал победу над Австрией, но не смог ~~одержать победу~~ над Россией*). В (57) сокращается целая цепочка промежуточных вершин (*диктуй ~~так ~~чтобы* → *выражалось ~~тоном*)[8]:

(57) [Петр Верховенский:] *И без рисунка все это можно выразить одним тоном* — <...> [Кириллов:] *Диктуй ~~так, чтобы все выражалось одним~~ тоном* [472].

Примеры неграмматичного спонтанного эллипсиса у Кириллова, не подпадающие ни под один из «разрешенных» случаев 1.1.1–1.1.6:

(58) *Я не стану ~~делать~~ глупостей* [77].

(59) *Это вздор, а вы ~~ведете себя~~ подло!..* [85].

(60) *А я думал, вы ~~попьете~~ чаю* [91].

(61) *За границей чай ночью ~~пить~~ неудобно* [92].

(62) *Его секундант тоже ~~даст~~ слово про свои* [186].

(63) *Это ~~зависит~~ не от меня, как знаете; когда скажут* [187].

(64) *Есть много мыслей, которые всегда ~~высказывались~~ и которые вдруг станут новые*. [187]

(65) *Старуха любит, чтобы ~~зажигали~~ лампадку* [189].

(66) *Слишком долго ~~держите~~ прицел* [226].

(67) *Если мне легко ~~нести~~ бремя, потому что от природы* [228].

(68) *Чай холодный ~~пить~~ хорошо* [290].

(69) *Признайся, подлец, что ты взял револьвер потому, что ~~боялся, что~~ я застрелю тебя* [467].

(70) *Я всю жизнь не хотел, чтобы это ~~были~~ только слова* [469].

(71) *Стой! я хочу ~~нарисовать~~ сверху рожу с высунутым языком* [472].

---

[8] Надо иметь в виду, что запрет на сокращение промежуточных вершин был сформулирован К.И. Казениным на материале сочинительных конструкций, и нет ясности в том, насколько он соблюдается при диалогическом эллипсисе, как в (57). Как и другие ограничения на эллипсис в русском языке, этот «запрет» является скорее тенденцией, ср. (58) *Продал квартиру на тридцать метров и купил на пятьдесят*, приемлемое для части носителей русского языка.

Кириллов сокращает не только сказуемые, но и дополнения — в случаях «сильных» синтаксических валентностей, когда такое сокращение невозможно или затруднено:

(72) *Я не публикую ~~своих мыслей~~* [77].

(73) *Жаль, что вы нездоровы, а я пришел ~~к вам~~* [78].

(74) *Вы Лебядкина пьяным поите, чтоб узнавать ~~секреты~~. Вы и меня сюда привели, чтоб узнать ~~секреты~~ и чтоб я сказал ~~лишнее~~* [83].

(75) *Я хочу написать, с кем убил ~~Шатова~~* [473].

Как следует из примеров (72–75), Кириллов не выполняет условий опущения дополнения, которое возможно в двух случаях: когда создается обобщенное значение (76) *Я в комнате моей пишу, читаю без лампады* (Пушкин; «абсолютивная» конструкция) или выражает семантическую «инкорпорацию» (77) *Он курил* (сигарету), *делая медленные затяжки* [Падучева, 2004]; [Апресян, 2006]; [Сай, 2007]; [Летучий, 2010]; [Nam Hye Hyun, 2020].

1.2. Подчинительные союзы

Еще одной особенностью является то, что Кириллов добавляет подчинительные союзы *что* и *чтоб(ы)* в те контексты, где они невозможны:

(78) *Ах, это **чтоб** уходить, — спохватился господин Кириллов, схватывая картуз, — это хорошо, что сказали, а то я забывчив* [78].

В (78) полное предложение выглядело бы как (78') *Вы мне напоминаете, что пора уходить*, и *чтоб(ы)* тут не к месту ни как целевой (*чтобы уйти*), ни как актантный (*хочу, чтобы ушли*) подчинительный союз.

(79) *А я не вам кричал, **что** "вздор", а Липутину, зачем он прибавляет* [76].

Прямая речь при глаголе *кричать* не может вводиться союзом *что*, а косвенная речь затруднена без подлежащего: (79')... *кричал, **что** это вздор*.

(80) ***Чтобы** не надо раскаяния. Не хочу, **чтобы** раскаиваться* [472].

Ни с предикативом *надо*, ни в инфинитивной конструкции с совпадением субъекта главного глагола *хотеть* с невыраженным субъектом инфинитива союз *чтобы* не допустим.

(81) *Я ~~слишком~~ презираю ~~вас~~* (имеется в виду один Липутин?) // *~~всех людей~~*, ***чтобы** говорить ~~с вами~~? // ~~с людьми~~?* [77].

Для *чтобы* в (81) требуется выраженное наречие степени *слишком*, которое Кириллов пропускает.

(82) *Вы называете,* ***что*** *это новая мысль?* [187].

В (82) возможно не придаточное с союзом *что*, а творительный предикативный (82') *Вы называете это новой мыслью*?

1.3. «Простая» речь

Заметно, что Достоевский придает речи Кириллова простоту, «детскость», ограничивая его словарь. Кириллов плохо владеет лексической сочетаемостью и ошибается в выборе из нескольких синонимов, произнося вместо более подходящего слова менее подходящее[9]. Например, он использует только два кванторных местоимения со значением общности — *всякий* и *весь*, при этом нарушая правила употребления всякий, описанные в [Кронгауз, 1984]; [Татевосов, 2002]; [Bronnikov, 2006], в частности ориентацию *всякий* не на индивидуальные объекты, а на их подтипы и разновидности:

(85) ***Всякий*** *не может судить* ~~*иначе*~~ *как по себе* [93] (вм. *Никто не может...*);

(86) ***Всякий*** *первый ученый, первый доктор, все, все будут очень бояться.* ***Всякий*** *будет знать, что не больно, и* ***всякий*** *будет очень бояться, что больно* [93] (вм. местоимения свободного выбора: *Любой, даже величайший ученый...*);

(87) *Не знаю, как у других, и я так чувствую, что не могу, как* ***всякий*** ~~*человек*~~*.* ***Всякий*** ~~*человек*~~ *думает и потом сейчас о другом думает* [94] (вм.: *Все люди думают сначала об одном, потом о другом*);

(88) *Вот что лучше* ***всяких*** [473] (вм. *Вот выражение для письма, лучшее из всех*).

В речи Кириллова происходит лексическая редукция: вместо сложных слов и выражений он употребляет простые.

встречать вм. *встречаться*:

---

[9] В речи Лебядкина также видны лексические ошибки, в отличие от Кириллова, характерные для речи *неученого* [106] алкоголика: Лебядкин, как Журден у Мольера, не знает термина *проза*: (83) *Тут у меня еще не докончено, но всё равно, словами! — трещал капитан* [142], вместо *басня* говорит *басня Крылова*: (84) *Один мой приятель — бла-го-роднейшее лицо — написал одну басню Крылова* [141] и *краткая инфузория* вместо *мелкая* [106].

(89) *Я мало четыре года разговаривал и старался не встречать ~~людей~~* [77].

от вас вм. *с вашей стороны*:

(90) *Это подло, подло от вас* [85].

ложный ум вм. *изворотливый и лживый*:

(91) *Ты подлец и ты ложный ум* [470].

вещь вм. *обстоятельство, причина*; *маленький* вм. *незначительный, неважный*, *большой* вм. *значительный, важный* — выбор слов допустим, но стилистически не соответствует философскому рассуждению:

(92) *Два предрассудка удерживают, две вещи; только две; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая* [92].

разные вещи вм. *лишнее* или *не относящееся к делу*:

(93) *Зачем же вы прибавляете разные вещи?* [76].

(94) *Зачем вы болтаете разные вещи?* [77].

теперь вм. *теперешний:*

(95) *Теперь человек еще не тот человек* [93].

предлог *с* с творительным падежом вм. *в присутствии:*

(96) *А если я с вами не излагаю мыслей* [77].

1.4. Порядок слов

Нарушение порядка слов, о которых при первой встрече с Кирилловым сообщает Хроникер, встречается один раз:

(97) *Я вовсе не говорил моего всего мнения* [82] (вм. *...всего моего мнения*).

1.5. Выводы

Итак, язык Кириллова представляет собой не беспорядочное явление, а некую систему. Доказать связь языка персонажа с его идеологией невозможно, но некоторые предположения напрашиваются.

Речь Кириллова подчинена своеобразному «эсхатологическому» минимализму: он стремится, не считаясь с нормами русского синтаксиса, употреблять как можно меньше слов в предложении и уменьшать грамматическое (с союзами) и синонимическое разнообразие, не считаясь с лексической сочетаемостью. Возможный мотив языковой «революции» Кириллова — ненужность слов

накануне преображения мира и человека, которое он хочет вызвать посредством самоубийства.

Можно предположить и другие мотивы. Язык, отменяющий присущую цивилизации сложность, в понимании Достоевского мог соответствовать проекту Шигалева, в котором девять десятых людей *должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности* [312]. В «сонных» утопиях Достоевского — и в катастрофической (сон Раскольникова о трихинах), и в счастливой — золотой век «Сна смешного человека» и сна Версилова в «Подростке» — общение посредством обыденного языка выглядит почти не нужным.

Кроме того, пропуски требуемых русской грамматикой слов могут отражать торопливость революционеров, их желание ускорить естественный ход событий и веру в скорую осуществимость утопии.

2. Грамматика капитана Лебядкина

Изучение поэзии и в меньшей степени — прозаической речи самозваного *штабс-капитана* Игната Лебядкина [29], начиная со статьи В.Ф. Ходасевича [Ходасевич, 1931], сосредотачивалось на литературоведческом и философском аспектах темы [Мочульский, 1995 (1947)]; [Serman, 1981]; [Новиков, 1989]; [Сарнов, 1993]; [Лукин, 2006]; [Бланк, 2012]; [Тихомиров, 2017] и др., но почти не затрагивало грамматических особенностей его языка, и мы попытаемся, насколько возможно, заполнить этот пробел. Об истории формирования лебядкинского цикла и о его скрытых смыслах — например, сближении хромой Марьи, сестры Лебядкина и жены Ставрогина, с Лизой Тушиной, см. в [Тихомиров, 2017, с. 64–74; 206–236].

К шести стихотворениям — «Совершенству девицы Тушиной (Любви пылающей граната...)», «Звезде-амазонке» [95], «О, как мила она» [106] и «В случае, если она сломала ногу (Краса красот сломала член...)» [210]), «Таракан» [141] и «Отечественной гувернантке здешних мест от поэта с праздника» [362–363] можно присоединить стоящую особняком «Светлую личность» [273], лебядкинское «dubia»; последняя скорее является мистификацией Петра Верховенского [Тихомиров, 2017, с. 76]. Имеются и образцы прозаической речи Лебядкина, прежде всего письмо-признание Лизе Тушиной [106] и анонимный донос губернатору [279–280], и в целом

эти тексты — *самый неловкий вздор, какой только можно вообразить себе* [29]. Языковые особенности, о которых пойдет речь, присущи стихам и прозаическим комментариям к ним Лебядкина (именно эти тексты положены в 1974 году на музыку Д. Шостаковичем)[10] и почти не представлены в письмах и в диалогических репликах. В прозаической речи Лебядкина есть по крайней мере одна заметная особенность, отсутствующая в стихах, — избыток номинативных предложений, в том числе неграмматично вводимых союзом *чтобы* (103–104):

(98) ***Пьяный вид*** *и к тому же* ***бездна врагов моих****!* [209];

(99) ***Фантазия****, Николай Всеволодович,* ***бред****, но* ***бред поэта*** [210];

(100) ***Враги, враги и враги!*** [210];

(101) *Сам разбрасывал непрерывно множество лет. Тоже и* ***безбожие*** [279];

(102) *Простой народ глуп, да и* ***водка*** [279];

(103) *Если хотите, чтобы* ***донос для спасения отечества*** [279];

(104) *С тем, чтобы* ***пенсион****, ибо чем же я буду жить?* [280].

Место Лебядкина как **поэта** в истории литературы установлено в указанных выше исследованиях. О литературных предшественниках и его преимущественной ориентации на поэтику классицизма см. [Бланк, 2012]; [Тихомиров 2017, с. 228–229]; вместе с А.К. Толстым Лебядкин развивает традицию литературы абсурда, продолженную обэриутами и Зощенко.

Лебядкин как **персонаж** единственный у Достоевского соединяет в себе все признаки, которые в его мире составляют удел деклассированных маргиналов: литературный провал с публичным осмеянием[11], паразитизм, алкоголизм и высокопарное резонерство.

---

[10] Д. Шостакович верно уловил, что прозаические комментарии Лебядкина — части его стихотворений, как и прозаические авторские комментарии у Козьмы Пруткова, и включил их в текст вокального цикла; по замечанию И.Б. Иткина (личное сообщение), переход на прозу в «Таракане» (*здесь у меня еще не докончено* [142]) может объясняться отсутствием рифмы к слову *Никифор*.

[11] В отличие от графомана Фомы Опискина (*Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан* [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 12]) и *исписавшегося глупца* [265] Кармазинова, Лебядкин принимает реакцию публики как должное, см. [Лукин, 2006]. Графомания — доступная неудачнику форма бунта и психологической компенсации, как алкоголизм Мармеладова, манипуляции Фомы Опискина или скандальное в глазах нигилистов преклонение Степана Трофимовича перед

Литературными предшественниками Лебядкина, как и Мармеладова, выступают велеречивые джентльмены, провалившиеся на социальное «дно», из любимых Достоевским романов Диккенса — Микобер в «Дэвиде Копперфилде» и Уильям Доррит в «Крошке Доррит». Вероятно и влияние Хлестакова с его грезами о литературной славе, компенсирующими социальное ничтожество.

Мы увидим, что грамматика стихотворений Лебядкина — своеобразное явление, которое, насколько мы можем судить, не получило развития у последующих авторов, экспериментировавших с русским языком, — Хлебникова, Зощенко, Хармса, Платонова, Заболоцкого и их наследников.

Ниже мы ограничимся грамматикой, а также свойствами служебных слов, не затрагивая выбор знаменательной лексики, и очевидно, что в «оркестре» выразительных средств этой поэзии грамматика и служебные слова исполняют не главную партию. Фонетический прием Лебядкина — растягивание или скандирование слов, означающих восхищение, высокий социальный статус или торжество добродетели — *ари-сто-кратический* [95], *бла-го-роднейший* [141], *та-ра-кан не ропщет*; *ве-ли-колепнейшее* [142], не требует особых комментариев.

Для удобства читателя «корпус» Лебядкина помещается в конце статьи в виде приложения.

2.1. Морфология

2.1.1. *Мухоедство*

Если в сложном слове вторая основа соответствует переходному глаголу, она может присоединить первую основу, соответствующую прямому дополнению, но не основу, соответствующую подлежащему в глагольной конструкции: *людоед* значит ‘тот, кто ест людей’, а не ‘человек, любящий поесть’: *тракторостроение, лесоповал, душегуб*, и при обратном линейном соотношении основ закономерность сохраняется: *вертихвостка, скопидом* и т. п. [Козинский, 1983, с. 25–26]. Указанная закономерность не ограничивается русским языком [Roeper, Siegel, 1978]; [Alexiadou, 2001].

Случаев, когда сложное слово включает основу, соответствующую подлежащему переходного глагола, очень мало — это *бурелом*

Мадонной, поэтому оценка Лебядкина как предшественника советских литературных карьеристов и конформистов в [Сарнов, 1993] неверна.

(*народонаселение,* вероятно, представляет сочинительную композицию основ существительных типа *лесопарк*) и слова на *сам- — самосвал, самосуд* и т.п., см. [Кибрик, 2003, с. 330–331], а также кальки с греческого через церковнославянский на *бог-* или их имитации — *богоустановленный*, *богоданный, богоизбранный, богооставленность* и т.п.

Сконструированный Лебядкиным неологизм *мухоедство* в значении ‘поедание мухами (сахара или остатков сладкого чая)’ нарушает указанную закономерность, и поэт вынужден объяснить непонятное слово:

(105) *Жил на свете таракан,*
Таракан от детства,
И потом попал в стакан
Полный мухоедства...

— Господи, что такое? <...> — То есть когда летом, — заторопился капитан, ужасно махая руками, <...> — когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет [141].

Ставрогина Лебядкин именует *человеконенавистником* [106], но контекст не показывает, какое из двух пониманий — ожидаемое ‘ненавидящий людей’, ср. его оценку *для зла людям живет* [214], или ненормативное ‘человек-ненавистник’ он имеет в виду.

2.1.2. *Жорж-зандка*

В строке *Ретроградка иль жорж-зандка* [363] Лебядкин по аналогии с простым суффиксальным феминитивом *ретроград-к-а* ‘женщина ретроградных взглядов’ строит слово *жорж-зандка*, которое должно обозначать ‘сторонница Жорж Занд’ — французской писательницы Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюпен-Дюдеван, 1804–1876), имя которой связывалось с идеями женского равноправия, причем в XIX веке было колебание в передаче начального *S-* как *С-* или *З-*, ср. (106) и (107):

(106) *Более глубокое влияние помимо Пушкина и Гоголя оказали на него Диккенс и Жорж Занд.* [В.С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881–1883)];

(107) *Федор Михайлович высоко ставил таланты Бальзака и Жорж Санда, и я постепенно перечитала все их романы.* [А.Г. Достоевская. Воспоминания (1911–1916)].

С исконными суффиксами феминитивы, обозначающие сторонниц или поклонниц, как кажется, ограничены: *петрашевец*

и ?*петрашевка*, *верный ленинец* и ?*верная ленинка*, но ср. (108) *Скоро, Володя, скоро я встречусь с тобою твердой и выдержанной* ***ленинкой****, достойной стоять в рядах пролетариев*. [В.В. Вересаев. Сестры (1928–1931)], а с заимствованными основами обычно используются заимствованные же суффиксы: *вольтер-**ьян**-ка, магомет-**ан**-ка, христ-**иан**-ка, бонапарт-**ист**-ка*. Ср.:

(109) *Груша, положим, не в счет. А Фатеева — уж не жорж-занд**истка*** ли? [Н.В. Шелгунов. Люди сороковых и шестидесятых годов// «Дело», 1869]; в своей рецензии революционер Шелгунов презрительно откликается на — возможно, сатирически — сконструированное А.Ф. Писемским, автором антинигилистического «Взбаламученного моря» (1863), в его романе «Люди сороковых годов» (1869) слово *жоржзандист*, так что в «Бесах» мы видим уже продолжение начатой Писемским и Шелгуновым языковой «войны».

От заимствованных имен-фамилий или двойных фамилий с редко склоняемым первым компонентом типа *Робин Гуд, Вальтер Скотт, Жюль Верн* существительные со значением последователей затруднены, но возможны: *полпотовец* представлен в НКРЯ, а *полпотовка* в значении сторонницы, а не куртки, обнаруживается в Яндексе; примеров *чегеваровки* в значении сторонницы, а не кепки, найти не удается.

Морфологически правильную конструкцию дал бы, вероятно, суффикс *-ов- — жорж-занд**ов**ка*, привносящий значение «личной отнесенности», см. [Булыгина, 1977, с. 107–108], где описывается противопоставление типа *донкихотский* (поступок) и *донкихотовские* (страдания): суффикс *-ов-* предполагает связь с конкретным лицом, а его отсутствие — абстрактное свойство или качество[12].

2.2. Предлоги

2.2.1. *По*

Предложение (110) *И вновь заплакал горькой мукой // По Севастополю безрукий* [95] синтаксически неоднозначно: *заплакал по Севастополю* или *безрукий по Севастополю*?

Первое понимание, принятое В.Ф. Ходасевичем [Ходасевич, 1931], согласуется с предложно-падежным управлением:

[12] *Жорж-зандка* как реально существовавшее слово со ссылкой на Достоевского попало в «Исторический словарь галлицизмов русского языка» [Епишкин, 2020].

(111) *А иной раз и сам бросишь мастерство-то, затоскуешь,* ***заплачешь по*** *маменьке, по сестрам* [Г.И. Успенский. Кой про что (1885)].

При втором понимании, больше подходящем к контексту, ибо Лебядкин *посылает слезу* любви, а не оскорбленного патриотизма, возникает причинное значение союза *по*:

(112) *Весьма может быть, что он распустил бы и в прочих губерниях выгодную для себя славу, если бы не вышел в отставку* ***по*** *одному случаю, который обыкновенно называется неприятною историею* [Н.В. Гоголь. Коляска (1835)].

В современном русском языке причинное значение *по* сохраняется в выражениях с нарицательными существительными: *по болезни, по работе, по незнанию, по легкомыслию*, а с топонимами этот предлог выступает в значении запоминания или установления длительной связи, например, *помню//знаю его по Петербургу*, ср. (113) *Потом слухи о нем совершенно смолкли и только одни товарищи Владислава* ***по*** *Севастополю знали, что он был ранен* [А.В. Дружинин. Обрученные // Библиотека для чтения, т. 145–149, 1857], где топонимом метонимически ассоциируется с событием. Заменить *по причине* на *по* в современных текстах обычно невозможно, или это дает архаизующий эффект:

(113) *За воротами,* ***по причине*** *раннего утра (? по раннему утру), еще не слышался шум газонокосилок, разговоров и скрипа качелей* [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019].

Неясно, были ли в XIX веке приемлемы такие выражения, как *безрукий по Севастополю* или *инвалид по Кавказу*, и если не были, могли ли они звучать комически.

Пример с приставкой *по-* (114) *Учишь ты детей сопливых //* ***По****-французски букварю* [362] дореволюционной нормы не нарушает (в современном русском языке это означало бы язык преподавания, а не преподаваемый язык), ср.:

(115) *Двоюродных братьев и сестер Жилиных начали учить* ***по****-французски* [П.И. Мельников-Печерский. Начало неоконченной автобиографии (1863)];

(116) *Я старался представить себе со всеми возможными подробностями таинственную нимфетку, которую буду учить* ***по****-французски* [В.В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)].

2.2.2. *С // Вместе с*

Предлог *с* отсутствует там, где он необходим, при обстоятельстве, выражающем эмоцию: (117) *И вновь заплакал горькой мукой* [95] вместо *с горькой мукой*, и, наоборот, присутствует в контекстах, где его быть не должно.

(118) *Улыбается с лошади мне* [95] — употребление предлога с *улыбаться* по-видимому, предполагает, что отправитель сигнала находится на устойчивой площадке (и метафорически — на афише, картине и т. п.), ср.:

(119) *Он гордо вступает в город; еще вчера ненавистный гражданам, сегодня он принимается с торжеством; бургомистр подносит ключи от города, дамы,* ***улыбаясь с балконов****, сыплют ему цветы.* («Валькирии»). [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)];

(120) *А Нюрочка* ***улыбалась*** *ему* ***с крыши****, напрасно отыскивая глазами своего веселого спутника* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)];

(121) *Доктор, вы, пожалуйста, не слушайте мужа, — говаривала она,* ***улыбаясь с своего оттомана****, — и пустите меня в концерт* [Н.Ф. Павлов. Маскарад (1835)];

(122) *Нам* ***улыбаются с тротуаров****, из трамваев, улыбаются шоферы машин и постовые милиционеры, продавщицы мороженого и молодые мамаши с карапузами на руках* [И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица (1956)].

Речевой сигнал, не требующий вглядывания, видимо, не предполагает и неподвижной опоры:

(123) *И, коня осадивший в грязи, // Некто спросит* ***с коня****: "Что везете, друзья?"* [Д.Б. Кедрин. Грибоедов : «Помыкает Паскевич, / Клевещет опальный Ермолов...» (1936)].

(124) *Локон ее с ветрами играет* [106] — глагол *играть* в значении 'развеваться' помещен в контекст, предназначенный для значения 'играть в игру с кем-то'; множественное число *ветрами*, возможно, отражает установку на классицизм [Бланк, 2012] и античную персонификацию ветров (Эол, Зефир и др.).

Наиболее интересны нарушения правил построения комитативных конструкций с предлогом *с*. Комитативная конструкция предполагает, что действие, обозначаемое группой сказуемого, одновременно выполняется Агенсом и комитативным участником, или Спутником, в терминологии А.В. Архипова [Архипов, 2009]: (125) *С Леной Маша отправилась в гости* означает, что Лена также

отправилась в гости. В (126) *С матерью в церкви падает ниц* [106] значение соответствует правилу, но (127) *С родственником на дамском седле летает* [106] должно означать, что и родственник, сопровождающий Лизу на конной прогулке, летает на дамском седле. В первом варианте замысла о Лебядкине, неосуществленной повести о капитане Картузове, в стихотворении «Краса красот сломала член» *дамское седло* используется, по-видимому, в ряду других эротических двусмысленностей [Тихомиров, 2017, с. 67].

(128) *Вслед ей,* ***вместе с*** *матерью, слезу посылаю*, которое должно означать ‘посылаю слезу ей вслед, когда она вместе с матерью’ противоречит тому, что предлог с наречием *вместе* означает одинаковую степень и вид вовлеченности Спутника в действие, образование однородной группы, ср.:

(129) a. *Танцую только с вами*; (партнер в паре)

b. *Танцую только вместе с вами*; (партнер в занятии танцами)

(130) *Только безвременная кончина не позволила С.И. Вавилову получить Нобелевскую премию по физике за открытие излучения сверхсветовых электронов — она была вручена его ученику П.А. Черенкову и И.М. Франку* ***вместе*** *с теоретиком И.Е. Таммом* [Е. Александров. Предисловие к статье «Братья Вавиловы: жизнь и трагедия» // «Наука и жизнь», 2007];

(131) *Из записок княгини Дашковой видно, какое старание прилагал Михаил Илларионович к тому, чтоб дать лучшее воспитание своей единственной дочери* ***вместе*** *с подругою ее детства — известным впоследствии президентом Российской Академии* [В.В. Огарков. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность (1892)].

Таким образом, комитативный Спутник *мать* оказывается таким же адресатом *слезы*, как и возлюбленная Лебядкина.

Ненормативное *вместе* встречается и у А.К. Толстого (сатира с элементами абсурда) — *Стасюлевич и Маркевич вместе побранились*. С морфологическим взаимным залогом наречие не может означать симметричное действие, а только комитативное, то есть *вместе побраниться* персонажи стихотворения могли только с кем-то третьим.

2.2.3. *От*

Неграмматично употребление предлога *от* вместо *с* — *Таракан от детства* [141], ср. *от//с рождения*, но *с детства*, *с молодости* и т. д. Предполагать тут указание на неотменимый от рождения рок

Лебядкина или церковнославянизм (*От юности моея мнози борют мя страсти* — степенный антифон 4 гласа перед Евангелием на утрене), по-видимому, нет оснований.

(132) *Я был двадцать четыре года болен, до двадцатичетырехлетнего возраста* ***от*** *рождения* [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)].

2.3. Деепричастия

У Лебядкина нарушено условие употребления русских деепричастных оборотов, которое не было отмечено и проанализировано в известных нам исследованиях семантики деепричастий [Виноградов, 1972 (1947), с. 308–309]; [Богуславский, 1977] и нек. др., и поэтому учитывать его надо с осторожностью. Оно заключается в том, что события, описываемые в главной клаузе и в непосредственно вложенном в нее деепричастном обороте должны быть связаны непосредственно, а не через «промежуточное» событие, ср.:

(133) a. *Узнав про распродажу, он отправился на ярмарку.*

b. *?Узнав про распродажу, он накупил много лишнего.*

(134) a. *Опасаясь нас разбудить, Иван вошел в комнату бесшумно.*

b. *?Опасаясь нас разбудить, Иван вытащил бумаги из стола.*

(135) a. *Этот вопрос он задал, не сводя глаз с арестанта.*

b. *?Этот вопрос он выяснил, не сводя глаз с арестанта.*

Пример (134b) как будто предполагает, что при извлечении бумаг из стола может произойти шум, а (135b) — что два действия прямо связаны друг с другом: или неотрывный взгляд был способом выяснения вопроса (например, путем психологического давления), или выполнение двух задач одновременно — выяснять вопрос и не спускать глаз с арестанта — было особым достижением. Нарушение этого условия возможно при особом использовании обстоятельств времени в каждой из двух клауз [Богуславский, 1977, с. 273]:

(136) *Выйдя из дома* ***в шесть утра****, он* ***к двум часам*** *добрался до города.*

(137) *Познакомившись* ***в университете*** (‘во время обучения в университете’)*, они заинтересовались друг другом* ***только через двенадцать лет****.*

В стихах Лебядкина условие нарушается:

(138) *И, восстанье начиная, // Он бежал в чужие краи*[13] [273].

(139) *Но теперь, когда, пируя,*
Мы собрали капитал,
И приданое, танцуя,
Шлем тебе из этих зал [363].

Между бегством за границу руководителя (Верховенского или его прототипа Нечаева) и началом предполагаемого восстания связь есть, но она опосредована промежуточными событиями. Непосредственной связи нет и между банкетом на благотворительном мероприятии и сбором денег в пользу гувернанток. Таков же разрыв между танцами и отправлением средств нуждающимся; абсурдность подчеркивается обстоятельством места — *шлем тебе из этих зал*, так как отправка денег очевидно не происходит в бальной зале.

2.4. *Даже*

«Семантическая задача, решаемая частицей *даже*, состоит <...> в том, чтобы указать на расхождение между реальным положением вещей, касающимся некоторого выделяемого объекта *Q* и его свойства *P*, и тем, которое можно было бы ожидать» [Богуславский, 1996, с. 306–307]. Частица *даже*, как и частица *только*, предполагает наличие множества, элементы которого сходны: (140) a. *Даже Маша опоздала*, как и b. *Только Маша опоздала*, предполагает, что есть какие-то люди, в некотором отношении сходные с Машей, которые опоздали в (140a) и не опоздали в (140b), причем опоздание в (140a) от разных участников этой группы ожидалось с разной вероятностью, и от Маши — в наименьшей степени. «Фраза вида *Даже x P* предполагает наличие некой шкалы, на которой частица *даже* производит нечто вроде градуирования. Иначе говоря, множество, в которое *x* входит как элемент, как бы частично упорядочивается по степени вероятности его элементов быть или делать *P*; *x* при этом занимает в такой шкале последнее место» [Крейдлин, 1975, с. 105], в результате чего семантически аномальным становится, например:

(141) **Даже профессор математики знает, что такое таблица умножения*.

[13] *Чужие краи* или *другие краи* с устаревшей формой множественного числа существительного — официальный юридический термин XVIII века для обозначения заграницы, употреблявшийся и в XIX веке. Трудно установить, создавало ли в 1872 году употребление бюрократического архаизма комический эффект.

О соответствующих *даже* скалярных частицах в других языках см. [König, 1991].

У Лебядкина есть правильное употребление: (142) *Даже самый клуб человеколюбия <...> сострадая по праву собаке и лошади, презирает краткую инфузорию* [106]: от благотворительного *клуба человеколюбия* менее всего ожидается презрение к живому существу, включая *инфузорию*.

Прозаический комментарий к стихотворению «Совершенству...» нарушает правило: (142) *Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий* [95] предполагает шкалу военных заслуг: *быть* (то есть для военного — сражаться) в Севастополе во время его обороны в 1854–1855 годах — меньшая и, соответственно, более ожидаемая заслуга, а *быть* там и стать инвалидом войны — бóльшая и менее ожидаемая. Неправильно употребляя *даже* — правильным было бы (142') *Хоть не безрукий и даже в Севастополе не был*, Лебядкин абсурдным образом переворачивает шкалу: выходит, что потеря руки в сражении более ожидаема от военного, чем одно только участие в нем.

2.5. Выводы

Итак, комический эффект грамматических приемов в стихах Лебядкина вызван главным образом тем, что автор упорядочивает грамматические единицы и их значения способом, противоположным ожидаемому. Отсутствие непосредственной связи событий в предложениях с деепричастными оборотами у Лебядкина, как и пробелы в речи Кириллова, можно связать с революционным радикальным нетерпением. Приписывать идеологическое послание грамматическим приемам абсурдной поэзии рискованно, но можно увидеть, что эти приемы усиливают впечатление иррациональности сюжета «Бесов» и обрисованного в романе социального и морального хаоса, который приносят *новые идеи* [21].

Приложение

«Совершенству девицы Тушиной»
Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой

По Севастополю безрукий.

— Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий, но каковы же рифмы! — лез он ко мне с своею пьяною рожей.

И порхает звезда на коне
В хороводе других амазонок;
Улыбается с лошади мне
Ари-сто-кратический ребенок
[95].

«Звезде-амазонке»
Милостивая государыня,
Елизавета Николаевна!
О, как мила она,
Елизавета Тушина,
Когда с родственником на дамском седле летает.
А локон ее с ветрами играет,
Или когда с матерью в церкви падает ниц,
И зрится румянец благоговейных лиц!
Тогда брачных и законных наслаждений желаю
И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю.
Составил неученый за спором
[106].

«В случае, если б она сломала ногу»
Краса красот сломала член
И интересней вдвое стала,
И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало
[210].

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

— Господи, что такое? — воскликнула Варвара Петровна.

— То есть когда летом, — заторопился капитан, ужасно махая руками, с раздражительным нетерпением автора, которому мешают читать, — когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухо-

едство, всякий дурак поймет, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите... (Он всё махал руками.)

Место занял таракан,
Мухи возроптали.
«Полон очень наш стакан», —
К Юпитеру закричали
Но пока у них шел крик,
Подошел Никифор,
Бла-го-роднейший старик.

— Тут у меня еще не докончено, но всё равно, словами! — трещал капитан. — Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Вот ответ на ваш вопрос: «Почему?» — вскричал он торжествуя: — «Тара-кан не ропщет!». Что же касается до Никифора, то он изображает природу, — прибавил он скороговоркой и самодовольно заходил по комнате [141–142].

«Светлая личность»
Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие краи
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно,

Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!
[273]

«Отечественной гувернантке здешних мест от поэта с праздника»

Здравствуй, здравствуй, гувернантка!
Веселись и торжествуй,
Ретроградка иль жорж-зандка,
Всё равно теперь ликуй!
Учишь ты детей сопливых
По-французски букварю
И подмигивать готова,
Чтобы взял, хоть понмарю!
Но в наш век реформ великих
Не возьмет и пономарь:
Надо, барышня, «толиких»,
Или снова за букварь.
Но теперь, когда, пируя,
Мы собрали капитал,
И приданое, танцуя,
Шлем тебе из этих зал, —
Ретроградка иль жорж-зандка,
Всё равно теперь ликуй!
Ты с приданым, гувернантка,
Плюй на всё и торжествуй!
[362–363]

Список литературы

1. Апресян, 2017 — *Апресян В.Ю.* Русские посессивные конструкции с выраженным глаголом: правила и ошибки // Русский язык в научном освещении. 2017. №1 (33). С. 86–115.

2. Апресян, 1986 — *Апресян Ю.Д.* Типы синтаксического отсутствия в русском языке //

Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Тезисы краевой научной конференции. Красноярск: Красноярский гос. пед. Институт, 1986. С. 111–114.

3. Апресян, 1995 (1992) — *Апресян Ю.Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М. Школа «Языки русской культуры». 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 503–537. (Впервые в: Научно-техническая информация, 1992. Сер. 2. №3. С. 20–33.)

4. Апресян, 2006 — *Апресян Ю.Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы / В.С. Храковский и др. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2006. С. 15–27.

5. Апресян, 2009 — *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. I: Парадигматика. 568 с.

6. Арутюнова, Ширяев, 1983 — *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М.: Русский язык. 1983. 198 с.

7. Архипов, 2009 — *Архипов А.В.* Типология комитативных конструкций. М.: Знак. 2009. 293 с.

8. Бердяев, 2018 (1918) — *Бердяев Н.А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: Т8 Издательские технологии. 2018. 102 с. (Впервые в: Русская мысль. 1918. Кн. III–IV.)

9. Бланк, 2012 — *Бланк К.* Стихи капитана Лебядкина: Шостакович и Достоевский // Opera musicological. 2012. №3 (13). С. 24–42.

10. Богуславский, 1977 — *Богуславский И.М.* О семантическом описании русских деепричастий: Неопределенность или многозначность? // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36, №3. С. 270–281.

11. Богуславский, 1996 — *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. 464 с.

12. Булыгина, 1977 — *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука. 1977. 287 с.

13. Вайс, 2011 — *Вайс Д.* Безглагольные конструкции русской разговорной речи: их типология и статус в лингвистическом описании // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию Ю.Д. Апресяна / И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). М.: Языки славянских культур, 2011. С. 139–155.

14. Виноградов, 1972 (1947) — *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 613 с. (Впервые: *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во мин-ва просвещ. РСФСР, 1947. 783 с.).

15. Волынский, 1909 — *Волынский А.Л.* Достоевский. Критические статьи. 2-е изд. СПб: Изд. т-ва Общественная польза, 1909. 368 с.

16. Галкина-Федорук, 1962 — *Галкина-Федорук Е.М.* О нулевых формах в синтаксисе // Русский язык в школе. 1962. №2. С. 6–12.

17. Гвардини, 1994 — *Гвардини Р.* Человек и его вера. Брюссель: Жизнь с Богом. 1994. 331 с. (*Guardini R.* Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk. Mainz: Paderborn, 1989.)

18. Гроссман, 1935 — *Гроссман Л.* Политический роман Достоевского // *Достоевский Ф.М.* Бесы. М., Л.: Academia, 1935. С. XXX.

19. Грудева, 2007 — *Грудева Е.В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тек-

сте. Череповец: Череповецкий гос. университет. 2007. 256 с.

20. Давыдов, 1989 — *Давыдов Ю.Н.* Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. 2-е изд., переработ. М.: Молодая гвардия, 1989. 317 с.

21. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* 1972–1990. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990.

22. Дудкин, 1994 — *Дудкин В.В.* Достоевский — Ницше. Петрозаводск: Изд-во КГПИ. 1994. 151 с.

23. Евлампиев, 1998 — *Евлампиев И.И.* Кириллов и Христос: Самоубийцы Достоевского и проблемы бессмертия // Вопросы философии. 1998. №3. С. 18–34.

24. Епишкин, 2010 — *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. 5140 с.

25. Ефремов, 2008 — *Ефремов В.С.* Самоубийство в художественном мире Достоевского. СПб.: Диалект, 2008. 584 с.

26. Золотова, 1975 — *Золотова Г.А.* К вопросу о неполных предложениях // Русский язык. Сборник трудов. Посвящается памяти д-ра филол. наук проф. Н.Н. Прокоповича. М.: МГПИ, 1975. С. 106–118.

27. Казенин, 2007 — *Казенин К.И.* О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. №2. С. 92–107.

28. Казенин, 2008 — *Казенин К.И.* «Из ничего и вышло ничего»? (О синтаксическом представлении предикатного эллипсиса) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / О.В. Федорова и др. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2008. С. 565–578.

29. Камю, 1990 (1942) — *Камю А.* Миф о Сизифе // *Камю А.* Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М.: Радуга, 1990. С. 29–109. (*Camus A.* Le mythe de Sisyphe. P.: Gallimard, 1942).

30. Кибрик, 2003 — *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя. 2003. 719 с.

31. Козинский, 1983 — *Козинский И.Ш.* О категории «подлежащее» в русском языке. М., 1983. 60 с. (Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156.)

32. Коровкин, 2002 — *Коровкин М.М.* Коммуникативный аспект экономии: имплицитен ли синтаксический эллипсис? // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования / Л.А. Манерко (ред.). Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2002. С. 209–218.

33. Крейдлин, 1975 — *Крейдлин Г.Е.* Лексема *даже* // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1975. Вып. 6. С. 102–114.

34. Кронгауз, 1984 — *Кронгауз М.А.* Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий* и *каждый* // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1984. Вып. 23. С. 107–123.

35. Летучий, 2010 — *Летучий А.Б.* Опущение прямого объекта и близкие процессы в арабском языке в сопоставлении с русским (на материале лингвистических корпусов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» / А.Е. Кибрик и др. (ред.). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 289–297.

36. Лукин, 2006 — *Лукин Е.В.* Философия капитана Лебядкина. СПб: Союз художни-

ков. 2006. 61 с.

37. Мережковский, 1902 — *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. СПб: Мир искусства. 1902. 930 с.

38. Мельчук, 1985 — *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М.: Языки русской культуры; Wien: Wiener Slawistischer Almanach. 1985. 682 с.

39. Мочульский, 1995 (1947) — *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика. 1995. 607 с. (*Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-Press, 1947. 561 с.)

40. Новиков, 1989 — *Новиков В.И.* Книга о пародии. М.: Сов. писатель. 1989. 544 с.

41. Падучева, 1974 (2007) — *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с. (2-е изд. М.: УРСС. 2007)

42. Падучева, 2004 — *Падучева Е.В.* Диатеза как метонимический сдвиг // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / В.С. Храковский и др. (ред.). М.: Знак. 2004. С. 424–444.

43. Рудакова, Зайцева, Власкин, 2024 — *Рудакова С.В., Зайцева Т.Б., Власкин А.П.* Формы и функции речевого общения в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. С. 150–160.

44. Сай, 2007 — *Сай С.С.* Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 75–91.

45. Сарнов, 1993 — *Сарнов Б.М.* Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко. М.: Культура. 1993. 600 с.

46. Селиверстова, 1973 — *Селиверстова О.Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопросы языкознания. 1973. №5. С. 95–105.

47. Селиверстова, 1990 — *Селиверстова О.Н.* Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М.: Наука. 1990. 150 с.

48. Селиверстова, 2004 — *Селиверстова О.Н.* Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры. 2004. 962 с.

49. Сковородников, 1971 — *Сковородников А.П.* К вопросу о синтаксическом нуле. // Проблемы русского языка и его методики / А.П. Сковородников (ред.). Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1971. С. 134–142.

50. Сковородников, 1973 — *Сковородников А.П.* О критерии эллиптичности в русском синтаксисе (по материалам современной советской лингвистической литературы) // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 114–123.

51. Сковородников, 1978 — *Сковородников А.П.* Эллипсис как стилистическое явление в современном русском языке. Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1978. 95 с.

52. Сочинения Платона, 1863 — Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым: в 6 т. СПб.: Тип. духовн. журнала «Странник». 1863. Т. 2. 486 с.

53. Татевосов, 2002 — *Татевосов С.Г.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 236 с.

54. Тихомиров, 2017 — *Тихомиров Б.Н.* «Жил на свете таракан...»: стихи Ф.М. Достоевского и его персонажей; «Витязь горестной фигуры...»: Достоевский в стихах современ-

ников. М.: Бослен, 2017. 240 с.

55. Ходасевич, 1931 — *Ходасевич В.Ф.* Поэзия Игната Лебядкина // Возрождение. 1931. 10 февраля. (*Ходасевич В.Ф.* Поэзия Игната Лебядкина. СПб.: Лань, 2013. 4 с.).

56. Ширяев, 1973 — *Ширяев Е.Н.* О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи // Русская разговорная речь / Е.Н. Земская (ред.). М.: Наука, 1973. С. 288–317.

57. Ширяев 1984 — *Ширяев Е.Н.* Основы системного описания незамещенных синтаксических позиций // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры / В.А. Белошапкова (ред.). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1984. С. 18–20.

58. Шмелева, 1984 — *Шмелева Т.В.* Деепричастия на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: межвуз. сб. / В.А. Белошапкова и др. (ред.). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1984. С. 64–70.

59. Alexiadou, 2001 — *Alexiadou A.* Functional Structure in Nominals: Nominalization and Ergativity. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 233 p.

60. Bronnikov, 2006 — *Bronnikov G.* The Russian *vsjakij*. Formal Approaches to Slavic Linguistics // The Princeton Meeting 2005 (FASL 14) / eds. James Lavine et al. Ann Arbor. Michigan Slavic Publications. 2006. P. 66–82.

61. Chvany, 1975 — *Chvany C.* On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, Mass.: Slavica, 1975. 311 p.

62. Cranenbroek, 2010 — *Cranenbroeck J. van.* The Syntax of Ellipsis. Oxford: Oxford University Press, 2010. 334 p.

63. Cranenbroeck, Temmerman, 2019 — *Cranenbroeck J. van, Temmerman T.* (eds.). The Oxford Handbook of Ellipsis. Oxford: Oxford University Press. 2019. 1200 p.

64. König, 1991 — *König E.* The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective. L.; N.-Y.: Routledge, 1991. 218 p.

65. Mažara, 2010 — *Mažara Je.* Swiss Cheese for Lazy Speakers: Verb Omission in Russian and Czech // Russian in Contrast: Oslo Studies in Language / Grønn A., Marijanović I. (eds.). Oslo: University of Oslo, 2010. 2(1). P. 231–242.

66. Merchant, Craenenbroeck, 2013 — *Merchant J., Craenenbroeck J.* Ellipsis Phenomena // The Cambridge Handbook of Generative Syntax / M. den Dikken (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2013. P. 701–745.

67. Miller, 1975 — *Miller Ch. A.* The Nihilist as Tempter-Redeemer: Dostoevsky's "Man-God" in Nietzsche's Notebooks // Nietzsche-Studien. 1975. № 4. P. 165–226.

68. Nam Hye Hyun, 2020 — *Nam Hye Hyun.* Семантика абсолютивной конструкции в русском языке и антипассив // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2020. Vol. 65 (1). P. 149–163.

69. Roeper, Siegel, 1978 — *Roeper Th., Siegel D.* A lexical transformation for verb compounds // Linguistic Inquiry. 1978. Vol. 9. P. 199–260.

70. Serman, 1981 — *Serman Il. Z.* Стихи капитана Лебядкина и поэзия XX века // Revue des Études Slaves. 1981. Vol. 53-4. P. 597–605.

71. Shneidman, 1984 — *Shneidman N.N.* Dostoevsky and Suicide. Oakville: Mosaic. 1984. 124 p.

72. Weiss, 1995 — *Weiss D.* Remarks on Chapter 7. Syntactic, or Lexical Zero // Мельчук

И.А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена: Языки русской культуры, 1995. С. 206–211.

73. Wiemer, 1996 — *Wiemer B.* Классификация нулевых сказуемых в русском языке по их лексическим и референциальным характеристикам // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa. 1996. T. 33. P. 245–273.

74. Wilson, 1940 — *Wilson E.* Dickens and the Marshalsea Prison // The Atlantic. 1940. April. P. 473–483.

References

1. Apresian, V.Iu. “Russkie posessivnye konstruktsii s vyrazhennym glagolom: pravila i oshibki” [“Russian Possessive Constructions with an Overt Verb: Rules and Mistakes”]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1 (33), 2017, pp. 86–115. (In Russ.)

2. Apresian, Iu.D. “Tipy sintaksicheskogo otsutstviia v russkom iazyke” [“Types of Syntactic Absence in Russian”]. *Problemy semantiki predlozheniia: vyrazhennyi i nevyrazhennyi smysl. Tezisy kraevoi nauchnoi konferentsii* [*Problems of Sentence Semantics: Overt and Covert Meanings. Abstrcts from the Regional Scientific Conference*]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gos. ped. institut Publ., 1986, pp. 111–114. (In Russ.)

3. Apresian, Iu.D. “Leksikograficheskie portrety (na primere glagola *byt’*)” [“Lexicographic Portraits (On the Example of the Verb *byt’*)”]. Apresian, Iu.D. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. 2: Integral’noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia [Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1995, pp. 503–537. (First published in: *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia*, ser. 2, no. 3, 1992, pp. 20–33). (In Russ.)

4. Apresian, Iu.D. “Tipy sootvetstviia semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov” [“Types of Correspondence of Semantic and Syntactic Arguments”]. Khrakovskii, V.S. et al., eds. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunarodnaia konferentsiia, posviashchennaia 100-letiiu so dnia rozhdeniia prof. A.A. Kholodovicha. Materialy* [*Problems of Typology and General Linguistics. From an International Conference on the Occasion of 100th Anniversary of A.A. Kholodovich*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, pp. 15–27. (In Russ.)

5. Apresian, Iu.D. *Issledovaniia po semantike i leksikografii* [*Investigations in Semantics and Lexicography*], vol. 1: Paradigmatika [Paradigmatics]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 2009. 568 p. (In Russ.)

6. Arutiunova, N.D., and E.N. Shiriaev. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip* [*The Russian Sentence. Existential Type*]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1983. 198 p. (In Russ.)

7. Arkhipov, A.V. *Tipologiia komitativnykh konstruktsii* [*A Typology of Comitative Constructions*]. Moscow, Znak Publ., 2009. 293 p. (In Russ.)

8. Berdiaev, N.A. *Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoev*skogo [*The Revelation of Man in Dostoevsky’s Writings*]. Moscow, T8 Izdatel’skie tekhnologii Publ., 102 pp. (First in: *Pycckaia mysl’*, vol. 3–4, 1918). (In Russ.)

9. Blank, Ksenia. “Stikhi kapitana Lebiadkina: Shostakovich i Dostoevskii” [“The Verses by Captain Lebyadkin: Shostakovich and Dostoevsky”]. *Opera musicologica*, no. 3 (13). 2012, pp. 24–42. (In Russ.)

10. Boguslavskii, I.M. “O semanticheskom opisanii russkikh deeprichastii: Neopredelennost’ ili mnogoznachnost’?” [“On the Semantic Description of Russian Converbs: Indefiniteness or Pol-

ysemy?"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriia literatury i iazyka*, vol. 36, no. 3, 1977, pp. 270–281. (In Russ.)

11. Boguslavskii, I.M. *Sfera deistviia leksicheskikh edinits* [*Scope of Lexical Units*]. Moscow, Shkola Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)

12. Bulygina, T.V. *Problemy teorii morfologicheskikh modelei* [*Problems of Theory of the Morphological Models*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 287 p. (In Russ.)

13. Vais, Daniel. "Bezglagol'nye konstruktsii russkoi razgovornoi rechi: ikh tipologiia i status v lingvisticheskom opisanii" ["Verbless Constructions in Spoken Russian: Typology and Status in the Linguistic Description"]. Boguslavskii, I.M. et al., red. *Slovo i iazyk. Sbornik statei k vos'midesiatiletiiu Iu.D. Apresiana* [*Word and Language: Collection for the 80th Jubilee of Iurii Apresian*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011, pp. 139–155. (In Russ.)

14. Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [*The Russian Language: Grammatical Teaching on the Word*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1972. 613 p. (First as: Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [*Russian Language. Grammatical Teaching about the Word*]. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1947. 783 p.). (In Russ.)

15. Volynskii, A.L. *Dostoevskii. Kriticheskie stat'i* [*Dostoevsky: Critical Papers*]. 2nd Edition. St. Petersburg, Izdanie t-va Obshchestvennaia pol'za Publ., 1909. 368 p. (In Russ.)

16. Galkina-Fedoruk, E.M. "O nulevykh formakh v sintaksise" ["On Null Forms in Syntax"]. *Russkii iazyk v shkole*, no. 2, 1962, pp. 6–12. (In Russ.)

17. Guardini, Romano. *Chelovek i vera* [*Man and Faith*]. Bruxelles, Zhizn' s Bogom Publ., 1994. 331 p. (Guardini, Romano. *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk*. Mainz, Paderborn, 1989.) (In Russ.)

18. Grossman, Leonid. "Politicheskii roman Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Political Novel"]. Dostoevskii, F.M. *Besy* [*Demons*]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1935, p. XXX. (In Russ.)

19. Grudeva, E.V. *Izbytochnost' i ellipsis v russkom pis'mennom tekste* [*Redundancy and Ellipsis in the Russian Written Text*]. Cherepovets, Cherepovetskii gos. universitet Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)

20. Davydov, Iu.N. *Etika liubvi i metafizika svoevoliia: problemy nravstvennoi filosofii* [*Ethics of Love and the Metaphysics of One's Own Will: Problems in Moral Philosophy*]. 2nd revised edition. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1989. 317 p. (In Russ.)

21. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

22. Dudkin, V.V. *Dostoevskii — Nitsshe* [*Dostoevsky — Nietzsche*]. Petrozavodsk, Izd-vo KGPI Publ., 1994. 151 p. (In Russ.)

23. Evlampiev, I.I. "Kirillov i Khristos: Samoubiitsy Dostoevskogo i problemy bessmertiia" ["Kirillov and Jesus Christ: Dostoevsky's Suicides and the Problems of Eternal Life"]. *Voprosy filosofii*, no. 3,1998, pp. 18–34. (In Russ.)

24. Epishkin, N.I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [*A Historical Dictionary of Gallicisms in Russian*]. Moscow, Slovarnoe izdatel'stvo ETS Publ., 2010. 5140 p. (In Russ.)

25. Efremov, V.S. *Samoubiistvo v khudozhestvennom mire Dostoevskogo* [*The Suicide in Dostoevsky's Poetic World*]. St. Petersburg, Dialekt Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)

26. Zolotova, G.A. "K voprosu o nepolnykh predlozheniiakh" ["On Incomplete Sentences"]. *Russkii iazyk. Sbornik trudov. Posviashchaetsia pamiati d-ra filol. nauk prof. N.N. Prokopovi-*

cha [*Russian Language. A Collection in Memoriam Prof. Prokopovich*]. Moscow, MGPI Publ., 1975, pp. 106–118. (In Russ.)

27. Kazenin, K.I. "O nekotorykh ogranicheniiakh na ellipsis v russkom iazyke" ["On Some Restrictions on Ellipsis in Russian"]. *Voprosy iazykoznaniia*, no. 2, 2007, pp. 92–107. (In Russ.)

28. Kazenin, K.I. "Iz nichego i vyshlo nichego? (O sintaksicheskom predstavlenii predikatnogo ellipsisa)" ["Ex nihilo nihil fit (On Syntactic Representation of Predicate Ellipsis)"]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiiu Sandro V. Kodzasova* [*Phonetics and Non-Phonetics. To Honour Sandro Kodzasov*]. Moskva, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 565–578. (In Russ.)

29. Camus, Albert. "Mif o Sizife" ["The Myth of Sisyphus"]. Camus, Albert. *Tvorchestvo i svoboda. Stat'i, esse, zapisnye knizhki* [*Creative Work and Freedom. Papers, Essays, Notebooks*]. Moscow, Raduga Publ., 1990, pp. 29–109. (Camus, Albert. *Le mythe de Sisyphe*. Paris, Gallimard, 1942). (In Russ.)

30. Kibrik, A.E. *Konstanty i peremennye iazyka* [*Constants and Variables in Language*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. 719 p. (In Russ.)

31. Kozinskii, I.Sh. *O kategorii podlezhashchee v russkom iazyke* [*On the Category of Subject in Russian*]. *Institut russkogo iazyka AN SSSR. Problemnaia gruppa po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii* [*Institute of Russian Literature of AS USSR. Group for the Research on Experimental and Practical Linguistics*], issue 156. Moscow, 1983. 60 p. (In Russ.)

32. Korovkin, M.M. "Kommunikativnyi aspekt ekonomii: implitsiten li sintaksicheskii ellipsis?" ["The Communicative Aspect of Economy: Is the Syntactic Ellipsis Implicit?"]. Manerko, L.A., editor. *Tekst i diskurs: traditsionnyi i kognitivno-funktsional'nyi aspekty issledovaniia* [*Text and Discourse: Traditional and Cognitive-Functional Aspects of Study*]. Riazan', RGPU im. S.A. Esenina Publ., 2002, pp. 209–218. (In Russ.)

33. Kreidlin, G.E. "Leksema dazhe" ["The Lexeme Dazhe"]. *Semiotika i informatika*, issue 6, 1975, pp. 102–114. (In Russ.)

34. Krongauz, M.A. "Tip referentsii imennykh grupp s mestoimeniiami vse, vsiakii i kazhdyi" ["Type of Reference of Noun Phrases with Pronouns Vse, Vsiakii and Kazhdyi"]. *Semiotika i informatika*, issue 23, 1984, pp. 107–123. (In Russ.)

35. Letuchii, A.B. "Opushchenie priamogo ob"ekta i blizkie protsessy v arabskom iazyke v sopostavlenii s russkim (na materiale lingvisticheskikh korpusov)" ["Deletion of the Direct Object and Similar Processes in Arabic in Comparison with Russian (on the Corpus Data)"]. Kibrik, A.E. et al., eds. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog* [*Computer Linguistics and Intellectual Technologies. The Materials of the International Conference Dialogue*]. Moskva, RGGU Publ., 2010, pp. 289–297. (In Russ.)

36. Lukin, E.V. *Filosofiia kapitana Lebiadkina* [*Captain Lebyadkin's Philosophy*]. St. Petersburg, Soiuz khudozhnikov Publ., 2006. 61 p. (In Russ.)

37. Merezhkovskii, D.S. *L. Tolstoi i Dostoevskii* [*Leo Tolstoy and Dostoevsky*]. St. Petersburg, Mir iskusstva Publ., 1902. 930 p. (In Russ.)

38. Mel'chuk, I.A. *Russkii iazyk v modeli "Smysl ↔ Tekst"* [*Russian Language in the Meaning ↔ Text Model*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ.; Wien, Wiener Slawistischer Almanach, 1985. 682 p. (In Russ.)

39. Mochul'skii, K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [*Gogol. Soloviev. Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 607 p. (Mochul'skii, K.V. *Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo* [*Dostoevsky: Life*

and Writings]. Paris, YMCA-Press. 1947. 561 pp.) (In Russ.)

40. Novikov, V.I. *Kniga o parodii.* [*A Book on Parody*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 544 p. (In Russ.)

41. Paducheva, E.V. *O semantike sintaksisa* [*On Semantics of Syntax*]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 292 p. (reprinted: Moscow, URSS Publ., 2007). (In Russ.)

42. Paducheva, E.V. "Diateza kak metonimicheskii sdvig" ["Diathesis as a Metonymic Shift"] Khrakovskii, V.S. et al., eds. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole* [*40 Years of St. Petersburg Typological School*]. Moscow, Znak Publ., 2004, pp. 424–444. (In Russ.)

43. Rudakova, S.V., Zaitseva, T.B., and A.P. Vlaskin. "Formy i funktsii rechevogo obshcheniia v romane 'Besy' F. M. Dostoevskogo" ["Forms and Functions of Communication in the Novel *Demons* by Dostoevsky"]. *SibSkript*, vol. 26, no. 1, 2024, pp. 150–160. (In Russ.)

44. Sai, S.S. "Pragmaticheski obuslovlennye vozvratnye konstruktsii 'opushchennogo ob"ekta' v russkom iazyke" ["Pragmatically Motivated Reflexive Construction of Deleted Object in Russian"]. *Voprosy iazykoznaniia*, no. 2, 2007, pp. 75–91. (In Russ.)

45. Sarnov, B.M. *Prishestvie kapitana Lebiadkina. Sluchai Zoshchenko* [*The Coming of Captain Lebiadkin. The Zoshchenko Case*]. Moscow, Kul'tura Publ., 1993. 600 p. (In Russ.)

46. Seliverstova, O.N. "Semanticheskii analiz predikativnykh pritiazhatel'nykh konstruktsii s glagolom byt'" ["Semantic Analysis of the Predicative Possessive Constructions with the Verb *byt'*"]. *Voprosy iazykoznaniia*, no. 5, 1973, pp. 95–105. (In Russ.)

47. Seliverstova, O.N. *Kontrastivnaia sintaksicheskaia semantika. Opyt opisaniia* [*Contrastive Syntactic Semantics. An Essay in Description*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 150 p. (In Russ.)

48. Seliverstova, O.N. *Trudy po semantike* [*Works on Semantics*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 962 p. (In Russ.)

49. Skovorodnikov, A.P. "K voprosu o sintaksicheskom nule" ["On the Syntactic Zero"]. Skovorodnikov, A.P., editor. *Problemy russkogo iazyka i ego metodiki* [*Problems of Russian and Methods of its Teaching*]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gos. ped. in-t Publ., 1971, pp. 134–142. (In Russ.)

50. Skovorodnikov, A.P. "O kriterii elliptichnosti v russkom sintaksise" ["On the Criterion of Ellipsis in Russian Syntax"]. *Voprosy iazykoznaniia*, no. 3. 1973, pp. 114–123. (In Russ.)

51. Skovorodnikov, A.P. *Ellipsis kak stilisticheskoe iavlenie v sovremennom russkom iazyke* [*Ellipsis as a Stylistic Phenomenon in Modern Russian*]. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gos. ped. institut. Publ., 1978. 95 p. (In Russ.)

52. *Sochineniia Platona: v 6 tomakh* [*Plato's Works: in 6 vols*], vol. 2. Trans. by V.N. Karpova. St. Petersburg, Tipografiia dukhovn. zhurnala Strannik Publ., 1863. 486 p. (In Russ.)

53. Tatevosov, S.G. *Semantika sostavliaiushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [*Semantics of Noun Phrase Constituents: Quantifiers*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 236 p. (In Russ.)

54. Tikhomirov, B.N. *Zhil na svete tarakan...: stikhi F. M. Dostoevskogo i ego personazhei; Vitiaz' gorestnoi figury...: Dostoevskii v stikhakh sovremennikov* [*There Was a Cockroach: Dostoevsky's and his Characters' Verses. A Knight of Woesome Stature: Dostoevsky in His Contemporaries' Verses*]. Moscow, Boslen. 2017. 240 p. (In Russ.)

55. Khodasevich, V.F. "Poeziia Ignata Lebiadkina" ["Ignat Lebiadkin's Poetry"]. *Vozrozhdenie*, February 10, 1931. (Khodasevich, Vladislav F. *Poeziia Ignata Lebiadkina* [*The Poetry of Ignat Lebyadkin*]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2013. 4 p.) (In Russ.)

56. Shiriaev, E.N. "O nekotorykh pokazateliakh nezameshchennykh sintak-sicheskikh

pozitsii v vyskazyvaniiakh razgovornoi rechi" ["On Some Markers of Vacant Syntactic Positions in Spoken Russian"]. Zemskaia, E.N., editor. *Russkaia razgovornaia rech'* [*Spoken Russian*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 288–317. (In Russ.)

57. Shiriaev, E.N. "Osnovy sistemnogo opisaniia nezameshchennykh sintaksicheskikh pozitsii" ["Basics in Systemic Analysis of Vacant Syntactic Positions"]. Beloshapkova, V.A., editor. *Sistemnyi analiz znachimykh edinits russkogo iazyka. Sintaksicheskie struktury* [*Systemic Analysis of the Meaningful Elements of Russian. Syntactic Structures*]. Krasnoiarsk, Izd-vo Krasnoiarskogo universiteta Publ., 1984, pp. 18–20. (In Russ.)

58. Shmeleva, T.V. "Deeprichastiia na sluzhbe u modusa" ["Converbs in the Service of Modus"]. Beloshapkova, V.A. et al., eds. *Sistemnyi analiz znachimykh edinits russkogo iazyka. Sintaksicheskie struktury* [*Systemic Analysis of the Meaninful Elements of Russian. Syntactic Structures*]. Krasnoiarsk, Izd-vo Krasnoiar. un-ta Publ., 1984, pp. 64–70. (In Russ.)

59. Alexiadou, Artemis. *Functional Structure in Nominals: Nominalization and Ergativity*. Amsterdam, John Benjamins, 2001. 233 p. (In English)

60. Bronnikov, Georgiy. "The Russian vsjakij. Formal Approaches to Slavic Linguistics." Lavine, James et al., eds. *The Princeton Meeting 2005 (FASL 14)*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 2006, pp. 66–82. (In English)

61. Chvany, Catherine. *On the Syntax of BE-Sentences in Russian*. Cambridge, Mass., Slavica, 1975. 311 p. (In English)

62. Cranenbroeck, Jeroen van. *The Syntax of Ellipsis*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 334 p. (In English)

63. Cranenbroeck, Jeroen van, and Tanja Temmerman, eds. *The Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford, Oxford University Press, 2019. 1200 p. (In English)

64. König, Eckehard. *The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective*. L.–N.-Y., Routledge, 1991. 218 p. (In English)

65. Mažara, Je. "Swiss Cheese for Lazy Speakers: Verb Omission in Russian and Czech." Grønn A., and I. Marijanović, eds. *Russian in Contrast: Oslo Studies in Language*, no. 2(1). Oslo, University of Oslo, 2010, pp. 231–242. (In English)

66. Merchant, Jason and Jeroen van Craenenbroeck. "Ellipsis Phenomena." Den Dikken, M., editor. *The Cambridge Handbook of Generative Syntax*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 701–745. (In English)

67. Miller, Charles A. "The Nihilist as Tempter-Redeemer: Dostoevsky's 'Man-God' in Nietzsche's Notebooks." *Nietzsche-Studien*, vol. 4, 1975, pp. 165–226. (In English)

68. Nam Hye Hyun. "Semantika absoliutivnoi konstruktsii v russkom iazyke i antipassiv" ["Semantics of the Absolutive Construction in Russian and Antipassive"]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. 65 (1), 2020, pp. 149–163. (In Russ.)

69. Roeper, Thomas and Dorothy Siegel. "A lexical transformation for verb compounds." *Linguistic Inquiry*, vol. 9, 1978, pp. 199–260. (In English)

70. Serman, I.Z. "Stikhi kapitana Lebiadkina i poeziia XX veka" ["Captain Lebidakin's Verses and the Poetry of the 20th Century"]. *Revue des Études Slaves*, vol. 53–54, 1981, pp. 597–605. (In Russ.)

71. Shneidman, N.N. *Dostoevsky and Suicide*. Oakville, Mosaic, 1984. 124 p. (In English)

72. Weiss, Daniel. "Remarks on Chapter 7. Syntactic, or Lexical Zero." Mel'chuk, I.A. *Russkii iazyk v modeli "Smysl ↔ Tekst"* [*Russian Language in the Model "Sense ↔ Text"*]. Moscow; Wien,

Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, pp. 206–211. (In English)

73. Wiemer, Björn. "Klassifikatsiia nulevykh skazuemykh v russkom iazyke po ikh leksicheskim i referentsial'nym kharakteristikam." ["Classification of Zero Predicates in Russian according to their Lexical and Referential Characteristics."]. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, vol. 33, pp. 245—273. (In Russ.)

74. Wilson, Edmund. "Dickens and the Marshalsea Prison." *The Atlantic*, April 1940, pp. 473–483. (In English)

Статья поступила в редакцию: 19.08.2025
Одобрена после рецензирования: 05.09.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 19 Aug. 2025
Approved after reviewing: 05 Sept. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.16.1.0+821.163.41.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4Юго.Сер)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231
https://elibrary.ru/TRVEEK

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

©2025. Энриса Успенская
Университет художеств, Белград, Сербия

«Кроткая» Ф.М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича

©2025. Enisa Uspenski
University of Arts, Belgrade, Serbia

"The Meek One" by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić

Информация об авторе: Энриса Магомедовна Успенская, доктор филологических наук, профессор факультета драматических искусств, Университет художеств, бульвар Уметности, д. 20, 11060 г. Белград, Сербия.
https://orcid.org/0000-0001-8359-1237
E-mail: enisa.uspenski@gmail.com

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ рассказов Ф.М. Достоевского «*Кроткая*» и Иво Андрича «*Злоупотребление*», основанный на сравнительном и генетическом методе. Отправной точкой исследования является инвариантный сюжет о мужском насилии в браке, неравном по многим параметрам. С позиции психоанализа в обоих произведениях женские персонажи предстают жертвами нарциссического расстройства личности мужских героев, переживших социальную травму.

Воспользовавшись преимуществами социального и экономического положения — правом на выбор супруги, правом на сексуальный контроль, правом на доминирование в сфере мышления, — мужчины в обоих рассказах осуществляют виктимизацию героинь: первый (герой *«Кроткой»)* — посредством стратегии молчания, второй (герой *«Злоупотребления»*) — посредством избыточной вербализации. В результате оба произведения завершаются полным отсутствием

коммуникации между супругами: в одном случае это приводит к самоубийству героини, в другом — к бегству жены.

Обе героини оказываются «идеальными жертвами» для хищного нарцисса — по характеру, материальному положению и социальному статусу, в которых решающую роль играют патриархальные нравы и вопрос женского образования. Согласно феминистской критике, которая рассмотрела через свою призму как творчество Ф.М. Достоевского, так и творчество Иво Андрича, авторская позиция в обоих рассказах обретает феминистскую перспективу.

Наряду с многочисленными параллелями, сближающими данные тексты на разных дискурсивных уровнях, между ними существует и принципиальное различие в трактовке «женского вопроса». Для Достоевского он получает онтологическое измерение — через Христа и метафизику любви; у Андрича же возможное решение намечается в эволютивном развитии общества, в котором женщина смогла бы обрести экономическую независимость.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Кроткая», Иво Андрич, «Злоупотребление», нарциссизм, насилие, «женский вопрос», феминистская перспектива, метафизика любви, социальная независимость.

Для цитирования: *Успенская Э.М.* «Кроткая» Ф.М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 205–231. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231

Information about the author: Enisa M. Uspenski, DSc in Philology, Professor, Faculty of Dramatic Arts, University of Arts, Boulevard Umetnosti, 20, 10070 Belgrade, Serbia.

https://orcid.org/0000-0001-8359-1237

E-mail: enisa.uspenski@gmail.com

Abstract: The article presents a comparative analysis of Fyodor Dostoevsky's short story "The Meek One" and Ivo Andrić's *Abuse*, conducted through comparative and genetic methods. The starting point of the study is the invariant plot of male violence within marriage, unequal in multiple respects. From a psychoanalytic perspective, in both works the female characters appear as victims of the narcissistic personality disorder of the male protagonists, who themselves have experienced social trauma.

By exploiting the advantages of their social and economic position—the right to choose a wife, the right to sexual control, and the right to dominate the sphere of thought—the male characters in both stories victimize their spouses: the first (the protagonist of "The Meek One") through a strategy of silence, and the second (the protagonist of *Abuse*) through excessive verbalization. As a result, both works culminate in the complete breakdown of communication between husband and wife: in one case leading to the heroine's suicide, and in the other to the wife's escape.

Both heroines prove to be "ideal victims" for the predatory narcissist—by virtue of their character, material situation, and social status—where patriarchal norms and the question of women's education play a decisive role. According to feminist criticism, which has examined the works of both Fyodor Dostoevsky and Ivo Andrić through its own lens, the authorial position in these stories may be understood from a feminist perspective.

Alongside the numerous parallels that bring these texts together on various discursive levels, there also exists a fundamental difference in their treatment of the "woman question." For Dostoevsky, it acquires an ontological dimension—through Christ and the metaphysics of love—whereas for Andrić, a possible solution is suggested in the evolutionary development of society, in which women would be able to attain economic independence.

Keywords: Dostoevsky, "The Meek One," Ivo Andrić, *Abuse*, narcissism, violence, woman question, feminist dimension, metaphysics of love, social independence.

For citation: Uspenski, Enisa. "'The Meek One' by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 205–231. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231

Когда речь заходит о влиянии Ф.М. Достоевского на литературу, можно с уверенностью утверждать: среди писателей, вошедших в канон мировой литературы XX века, нет нейтральных. Существуют лишь два типа авторов: подавляющее большинство, испытывавших в той или иной степени влияние Достоевского, и немногие, сознательно от него отстранявшиеся. Иво Андрич, один из ведущих представителей южнославянской литературной традиции, на вопрос о значении Достоевского ответил, что считает его, наряду с Томасом Манном, «величайшим писателем»[1] [Jandrić, 1977, s. 46]. Среди всего наследия Достоевского Андрич особо выделял «Записки из Мёртвого дома»[2], хотя прямо признать влияние этого романа (или творчества Достоевского в целом) на собственное писательское становление он, по его словам, «не может» [Jandrić, 1977, s. 47].

Тем не менее, не вызывает сомнений, что Андрич был хорошо знаком с творчеством Достоевского. Его произведения активно переводились, а фигура писателя обсуждалась в межвоенной сербско-русской литературной среде, отличавшейся живой и насыщенной интеллектуальной атмосферой.

В 1946 году Андрич опубликовал рассказ, посвящённый браку, «неравному» по многим параметрам — материальному, возрастному, социальному, ментальному — под названием «Злоупотребление». Хотя очевидное тематическое сходство между произведением Андрича и рассказом «Кроткая» Достоевского само по себе ещё не указывает на непосредственную литературную преемственность,

[1] Здесь и далее перевод иностранных источников мой. — *ЭУ.*

[2] О влиянии «Записок из Мертвого дома» на творчество Иво Андрича и в частности на его роман «Проклятый двор» писали исследователи Ирина Иванова [Ivanova, 2015] и Саня П. Перич [Перић, 2020].

существуют убедительные основания для проведения их сопоставительного анализа — как типологического, так и генетического.

Для применения генетического метода анализа необходимо наличие контактных связей между исследуемыми произведениями, подлинность которых в данном случае не вызывает сомнений. Молодой Иво Андрич, ещё формировавшийся как поэт, не мог не заметить первое появление рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» в переводе на хорватский и сербский языки. Это издание вышло в 1913 году в Загребе — как раз в то время, когда Андрич обучался на первом курсе славистики Королевского университета. До выхода рассказа Андрича, «Кроткая» неоднократно публиковалась отдельными изданиями и переводилась разными авторами.

Типологическое сопоставление позволяет выявить стадиальные закономерности развития, приводящие к возникновению сходных феноменов в различных культурных ареалах. В ряде аспектов рассказы Ф.М. Достоевского и И. Андрича формировались в условиях различного уровня культурного развития.

Историко-культурный контекст рассказа «Кроткая» достаточно чётко определён: произведение создано во второй половине XIX века и связано с пространством столичного города Российской империи — Санкт-Петербурга. В случае с рассказом Андрича «Злоупотребление» столь однозначной пространственно-временной привязки не наблюдается. Художественное пространство произведения соединяет в себе реалии столичного города[3] Югославского королевства, с его мещанскими нравами и отголосками провинциального прошлого, формировавшегося в условиях Австро-Венгерской монархии, когда культурными центрами государства выступали Вена и Будапешт.

Как отмечает В.И. Жирмунский, оба метода, генетический и типологический, взаимосвязаны и «при конкретном сравнительном анализе исторически сходных явлений в литературах различных народов вопрос о стадиально типологических аналогиях литературного процесса неизбежно перекрещивается с не менее существенным вопросом о международных литературных взаимодействиях» [Жирмунский, 1979, с. 20].

[3] Жизнь и творчество Иво Андрича связаны с тремя столицами бывших республик Югославии — Сараевом, Загребом и Белградом, — которые могут быть отнесены к категории «современного города» в рассказе «Злоупотребление».

В данном исследовании, опираясь на оба аналитических подхода, рассматриваются условия конкретной культурной ситуации, в которой произошла трансформация и структурный сдвиг рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» в произведение Иво Андрича «Злоупотребление». Последний рассматривается как интерпретация «чужого» текста, ставшая необходимым элементом для творческой эволюции «своего» [Лотман, 1992, т. 1, с. 112] художественного мира.

Несмотря на различия в культурно-исторических условиях, в которых создавались оба произведения, их объединяет образ патриархально-монархического уклада как основополагающей модели общественного устройства. Этот уклад, глубоко укоренённый в социальной и семейной иерархии, начинает испытывать кризис под воздействием нарастающих либерально-демократических тенденций. Среди последних особую значимость приобретают так называемые «женские вопросы», в центре которых — переосмысление роли женщины в обществе, её прав, свободы и субъектности. Таким образом, оба произведения отражают напряжение между традиционализмом и модернизацией, что придаёт им актуальность в контексте исторических трансформаций эпохи.

С нашей точки зрения, как рассказ Ф.М. Достоевского, так и рассказ И. Андрича содержат элементы феминистской проблематики, которые представляются значимыми с точки зрения феминистской теории и поддаются интерпретации в её аналитической перспективе. Оба автора, как можно предположить, осознанно или интуитивно затрагивают ключевые вопросы, связанные с положением женщины в патриархальной системе: общественный контроль над женской сексуальностью, концепт «правильного выбора» женщины как объекта мужского желания, зависимость женщины от экономических обстоятельств, обуславливающая как физическое, так и психологическое насилие, право женщины на образование и работу, и другие аспекты, актуальные для феминистского дискурса.

Рассказ «Кроткая» Ф.М. Достоевского впервые был опубликован в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год, что имеет принципиальное значение для рассматриваемой темы. Уже сам выбор площадки для публикации не случаен: именно в «Дневнике писателя» Достоевский систематически осмысливал острые социальные и нравственные проблемы, включая «женский вопрос». Рассказ, посвящённый трагической судьбе молодой женщины, в этом

смысле оказывается не только художественным произведением, но и частью более широкого публицистического дискурса писателя о положении женщины в обществе.

Подобное внимание к теме женской судьбы не было для Достоевского новым. Ещё на страницах редактируемых им журналов «Время», «Эпоха» и «Гражданин» он активно и нередко полемически остро высказывался по поводу так называемого «женского вопроса» и идеи «эмансипации женщин». Журнал «Время», начавший выходить в 1861 году, появился в тот период, когда в России усилилось женское движение: женщины требовали доступа к образованию, права на развод, а также возможности заниматься профессиями, традиционно считавшимися «мужскими». По свидетельству издателей «Времени» и «Эпохи», уже в 1850–1860-е годы «женский вопрос» широко обсуждался в периодической печати, однако нередко подобные публикации носили поверхностный характер и не отражали серьёзности самой проблемы [Варламова, 2016].

Редакция «Времени» подчёркивала необходимость постановки данной темы в общественном пространстве, одновременно выражая опасение, что идеи женской эмансипации могут оказать пагубное влияние на неподготовленных читательниц [Варламова, 2016]. При этом, как отмечала исследовательница, вопрос женского образования рассматривался журналом в качестве «краеугольного камня» в решении женской проблемы [Варламова, 2016, с. 46].

Проблема женского образования оставалась в центре внимания Достоевского и в период его редакторской деятельности в журнале «Гражданин». По наблюдению Н.Ф. Будановой, именно ему принадлежит авторство редакционных статей по «женскому вопросу», опубликованных в «Гражданине» в 1873 году. Исследовательница подчёркивает, что «женское образование воспринималось тогда как один из наиболее актуальных общественно-политических вопросов, вызвавший в 1870-е годы ожесточённую полемику в печати» [Буданова, 1976, с. 237]. Аргументы в пользу авторства Достоевского подтверждаются его же публикацией в «Гражданине» — статьёй «Две заметки редактора», «первая часть которой была целиком посвящена обсуждению положения женщин» [Буданова, 1976, с. 237].

Суть позиции писателя, по наблюдению Будановой, заключалась в том, что он поддерживал предоставление женщинам возможности получать высшее образование, но предостерегал от «нравственной фальши», возникавшей, когда женщины рассматривали себя прежде

всего как «деятельниц» в решении «женского вопроса» [Буданова, 1976, с. 237]. Более того, «Достоевский был, пожалуй, единственным писателем своего времени, кто увидел в женском образовании не только социальный инструмент, но и источник нравственного обновления человечества» [Погребная, 2002, с. 3]. В «Двух заметках редактора» он подчёркивал, что стремление женщины к знаниям позволяет ей «вознестись до благородного понятия», что всеобщее образование женщин внесёт «новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 155]. Эти слова указывают, что для Достоевского образование имело не только прагматический, но и духовный смысл: оно рассматривалось как средство преодоления кризиса современной цивилизации.

Своё отношение к положению женщины в обществе Достоевский наиболее полно выразил на страницах «Дневника писателя». Здесь он приводит ряд примеров трагических женских судеб, число которых, «всё возрастает, и все они опасно извращённые и загадочные» [Фокин, 1998, с. 29]: любовница с бритвой в руке нападает на жену своего возлюбленного («Суд и г-жа Каирова», в майском выпуске «Дневника», 1876 года); мачеха, «крестьянка Екатерина Корнилова, двадцати лет», и сама беременная выбрасывает «из окошка, из четвертого этажа свою маленькую», шестилетнюю «падчерицу» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 136] («Простое, но мудреное дело», октябрь 1876 года); случай Н. Писаревой, отдавшей «долг прогрессу» и нашедшей место «земской акушерки», однако покончившей с собой «от нетерпения и усталости», от «брюзгливого и цинического неверия» («Одна несоответственная идея», май 1876 года) [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 24–25]; самоубийство дочери Герцена, душа которой, по словам Достоевского, «не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного»; и наконец совершенно противоположное двадцатипятилетней эмигрантки — самоубийство молодой бедной швеи Марьи Борисовой, которая «никак не могла приискать себе для пропитания работы» и выбросилась из окна с четвертого этажа «*держа в руках образ*» («Два самубийства», октябрь 1976) [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 146].

Достоевский указывает на наличие в происходящем «чего-то крайне ненормального». Речь идёт не только о нарушении главной христианской заповеди «не убий» — перед нами, «открытый,

стихийный и неосознанный бунт против того порядка, на котором держится общество» [Фокин, 1998, с 30]. Корень зла, как считает Фокин, по мнению писателя, заключается в «норме», лежащей в основе общественного устройства, — «норме ложной и искусственной, сконструированной мужчинами» [Фокин, 1998, с. 31]. Своими «поразительными поступками современницы, описанные в *"Дневнике писателя"*, демонстрируют, что эта норма сама по себе ненормальна: по ней невозможно жить, она провоцирует на преступление» [Фокин, 1998, с. 32].

Значительное внимание «женскому вопросу» у Достоевского уделяет и англоязычная феминистская критика, рассматривая его как неотъемлемую часть литературного наследия великого русского писателя.

В научной литературе зафиксировано определённое влияние Достоевского на Вирджинию Вулф (Virginia Woolf). Известно, что впервые она читала его произведения на французском языке (до появления английских изданий в переводе Констанс Гарнетт / Constance Garnett/). Как пишет М.А. Хасиева: «В своих критических эссе Вулф не раз подчеркивала преимущества русского "психологического" метода письма, и, сравнивая английскую реалистическую литературную школу с русскими писателями, и в частности, с Достоевским, отдавала свое личное предпочтение последнему» [Хасиева, 2012, с. 159].

Всё же, стандартная феминистская критика (Барбара Хелдт / Barbara Heldt/ и другие) придерживается мнения о Достоевском как о равнодушном к женщинам авторе или даже женоненавистнике, что нередко соотносится с отдельными взглядами Николая Бердяева4. Совершенно противоположную точку зрения высказывает Кэтрин Джейн Бриггс (Katherine Jane Briggs) представительница третьей волны феминизма, не соглашаясь ни с одной из вышеупомянутых характеристик. Как пишет Джо Эндрю (Joe Andrew), автор преди-

[4] См.: «Тут совсем иное положение занимает женственное начало. Женщине не принадлежит в творчестве Достоевского самостоятельного места. Антропология Достоевского — исключительно мужская антропология. Мы увидим, что женщина интересует Достоевского исключительно как момент в судьбе мужчины, в пути человека. Человеческая душа есть прежде всего мужской дух. Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа, внутренний соблазн» [Бердяев, 1923].

словия ее книги — «Как Достоевский изображает женщин в своих произведениях: феминистский анализ» (*How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*) — Бриггс «с собственной феминистской богословской точки зрения весьма убедительно утверждает, что Достоевский серьёзно относится к опыту женщин <...> и их борьбе с личным и институциональным злом. Более того, она задаётся вопросом, можно ли считать Достоевского даже феминистом в его изображении женщин» [Briggs, 2009, p. 4].

По словам епископа Дэвида Аркарта (Bishop David Urquhart), работа Кэтрин Бриггс «инициирует новый диалог между современной феминистской теологией и значительным пластом классической литературы, а также поднимает вопросы о том, каким образом сочувственное изображение Достоевским женского опыта может способствовать развитию современного феминистского теологического дискурса» [Urquhart, 2004].

Несмотря на то, что феминистская критика интерпретировала творчество многих выдающихся писателей через призму гендерной теории, произведения Иво Андрича долгое время оставались вне поля её внимания — вплоть до начала XXI века.

Исследовательница Ясмина Лукич провела детальный феминистский анализ ряда рассказов Андрича (в том числе и рассказа «Злоупотребление»), акцентируя внимание на теме общественного контроля над женской сексуальностью в условиях гегемонии маскулинного дискурса. По мнению Лукич, в подобной социальной структуре женщины неизменно оказываются в положении жертв — вне зависимости от того, пытаются ли они освободиться от подчинённого статуса или нет [Lukić, 2005, s. 155].

На эти выводы опирается и исследовательница Бильяна Дойчинович, утверждая, что проза Андрича нуждается в гендерно-чувствительном прочтении, поскольку в ней тематизируется насилие над женщинами. Учёная подчёркивает, что Андрич, задолго до появления гендерных исследований в «области права и психологии, точно идентифицировал ментальное насилие как форму злоупотребления» [Dojčinović, 2018, s. 275].

Дойчинович оперирует понятием «феминистская перспектива» (*feminist dimension*), заимствованным у Джудит Феттерли (Judith Fetterley), из её работы «Сопротивляющийся читатель» (*The Resisting Reader: A Feminist Approach to American Fiction*, 1978), где речь идёт о произведениях, избежавших ловушки стереотипизации и откры-

вающих пространство для многозначной интерпретации. Как пишет Дойчинович, «здесь речь идёт об элементах в изображении реальности и судеб героев, которые сегодня наилучшим образом поддаются анализу в рамках феминистской теории, в первую очередь — через призму насилия над женщинами. Эта перспектива свидетельствует о более глубоком понимании действительности самим автором и о его чуткости к положению женщин в обществе» [Dojčinović, 2018, s. 276].

Таким образом, Андрич предстает как писатель, обладавший серьёзным восприятием феминистской проблематики и умевший с большой точностью описывать «исторические, социальные, психологические и правовые явления, которые лишь в новейшее время получили адекватное теоретическое осмысление в феминистском дискурсе» [Dojčinović, 2018, s. 277].

Типологическая общность рассказов Достоевского «Кроткая» и Андрича «Злоупотребление» может быть охарактеризована как исследование социально-экономической и психологической зависимости женщины от мужчины, злоупотребляющего своим положением. Единство проблематики обусловливает параллелизм сюжетных линий и характеристик главных героев. В обоих случаях молодая женщина из бедной среды вступает в брак с мужчиной, значительно старше её и обладающим материальным достатком, однако занимающимся деятельностью, не пользующейся уважением в обществе. Муж, используя своё социальное превосходство и экономическую независимость, подавляет супругу как психологически, так и ментально. В результате женщина, не выдержав внутреннего давления и унижения, восстаёт против сложившейся ситуации.

У обеих героинь так называемая «подноготная» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10] — схожа, хотя у Андрича она мягче чем у Достоевского, у которого до фантастического страшная. Но, несмотря на все нюансы различия, у обеих героинь положение безысходное. Им обеим **некуда** было идти.

Кроткая, без матери и отца осталась у «беспорядочных теток», одна «вдова, многосемейная, шесть человек детей», «другая в девках, старая, скверная. Обе скверные». «У теток три года была в рабстве» «детей теткиных учила, белье шила, а под конец не только белье, а, с ее грудью, и полы мыла. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10].

У Андрича молодая девушка, Аница, рано оставшись без матери, взяла на себя заботу о трёх младших сёстрах и брате: она воспитывала их и вела хозяйство. Подчёркивая типологическую значимость образа, автор отмечает: «нередки случаи в наших мещанских многодетных семьях», где, если отец — бедный вдовец, «старшая дочь принимает на себя роль матери, полностью жертвуя собой, остаётся в доме как его добрый дух, "похоронивши себя" в фундаменте семейства» [Andrić, 2017, s. 250].

Подобные девушки лишаются собственной личной жизни: «потушив в себе, в самом зачатке, естественное женское стремление к личному счастью, они жертвуют собой ради всех, и каждый может злоупотреблять этой жертвенностью, но никто её по-настоящему не ценит». Аница была одной из таких женщин, и если бы в её жизни не появился жених, она, вероятно, «до конца своих дней осталась бы в доме отца» [Andrić, 2017, s. 267].

Отец Аницы не много лучше теток Кроткой. Андрич несколько раз подчеркивает, что он был «хмурый человек дурного нрава» [Andrić, 2017, s. 267]. А силу его жестокости девушке довелось испытать, когда, пытаясь вернуться домой, она получила от него сообщение, в котором говорилось, что в его доме нет места для «бесноватых беглянок», которые, согласно народной пословице, «с жиру бесятся» [Andrić, 2017, s. 248].

Мужские персонажи обоих рассказов также имеют общие биографические данные и черты характера. Оба — мужчины старше сорока лет, обладающие значительным имуществом, приобретённым собственными усилиями, не без унижений. Их профессиональная деятельность вызывает в окружающей среде презрительное и уничижительное отношение. Первый — безымянный закладчик, который испытывает презрение к самому себе из-за своей профессии. Второй — Андрей Зарекович, накопивший капитал на производстве щёток. Деградацию его личности Андрич подчёркивает, постепенно изменяя его наименование в тексте: сначала он предстает как «хозяин Андрей», а затем просто как «щёточник».

В рамках психоаналитической парадигмы в личности обоих героев прослеживается выраженное чувство собственного достоинства, переходящее в характеристики, соответствующие критериям нарциссического расстройства личности. Согласно теоретическим положениям психоанализа одним из последствий нарциссической травмы является нарциссическая ярость, которая находит выра-

жение в деструктивных формах межличностного взаимодействия. В рассматриваемых текстах это проявляется в супружеских отношениях, завершившихся с выраженной драматичностью: в одном случае — самоубийством супруги, в другом — ее бегством, интерпретируемым как форма социального саморазрушения.

Закладчик получил психологическую травму в связи с «потерей репутации» после «выхода из полка» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23], потому что нарушил норму офицерского поведения, отказавшись от дуэли, которую его товарищи от него требовали и ожидали. Он «вышел гордый, но разбитый духом», с упавшей «волей и умом» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 24]. Для него, это было «страшное внешнее обстоятельство», которое «каждый день и каждый час давило» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23] его. Он «струсил не дуэли, а того что выйдет глупо… А потом уж не хотел сознаться, и мучил всех, и ее за то мучил, **на ней затем и женился, чтобы ее за то мучить**» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 30.] Для того чтобы, отомстить обществу доказать свою правоту и опровергнуть позор, наложенный на него окружающими, Закладчику была необходима не просто невеста, а невеста «особого рода». Она должна была воплощать собой «синтез всего» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7] — всего того, что стало для него ключевым: юность, доброта, кротость, бедность, беспомощность в сочетании с ее видимой гордостью.

Щеточник, в свою очередь, был травмирован многолетним пребыванием в положении подмастерья, в условиях нужды, постоянных обид и унижений. В течение этого времени его сознание было захвачено идеей «предпринимателя» — словом, которое он превратил в цель своих страданий. Когда эта цель, по его мнению, была достигнута, он начал бесчисленное количество раз ежедневно повторять это слово с «мстительной страстью», которой «смысл и значение» [Andrić, 2017, s. 251] было известно лишь ему самому.

Можно сказать, что этот потаённый смысл мщения обществу, присутствующий у «предпринимателя» — Щеточника, перекликается с яростным, трижды подтверждённым признанием «финансиста» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 19] — Закладчика: «Я ведь “мстил же обществу”, действительно, действительно, действительно!» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 11].

Можно утверждать, что оба героя выступают в роли «закладчиков» мнимого будущего рая. Персонаж Достоевского закладывает офицерскую честь, стремясь стать финансистом, и в воображаемом

будущем «оградить» свою возлюбленную «раем» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 35]. Герой Андрича жертвует собственной молодостью ради карьеры предпринимателя; в его внутреннем представлении возникает утопическая картина рая, полного осуществления мещанского существования [Andrić, 2017, s. 253]. Однако оба замысла оказываются несостоятельными: ни один не привёл к воплощению рая, напротив — для их супруг и для них самих желаемое становится адом.

В образе Аницы Маркович Андрей обрел тот идеал, к которому стремился на протяжении всей своей жизни, — что, по-видимому, и объясняет его затянутое холостяцкое существование вплоть до сорокалетнего возраста. Аница представлялась ему «короной всего его долголетнего труда, унижений и отрицаний» [Andrić, 2017, s. 253]. В её облике воплотилось всё то, о чём он прежде не смел даже мечтать: «красивая, рослая, целомудренная и послушная девушка» [Andrić, 2017, s. 250].

Подобно герою Достоевского, Щеточник был особенно чувствителен к ощущению обладания. Как подчёркивает Андрич, он с восторгом восклицал: «Это всё моё, от волос до пальцев стопы, моё и никого больше», — и именно это чувство порождало у него иллюзию безграничного расширения собственного «я»: «от этого чувства расширялись перспектива его личности до бесконечности» [Andrić, 2017, s. 254].

Для Закладчика чувство обладания играет ключевую роль: он воспринимает Кроткую как свою собственность ещё до заключения брака, «смотрел на неё как на мою» и «не сомневался» в своём «могуществе» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. Эта уверенность в исключительном праве на другого человека окрашивается у него в эротически-властный подтекст: «Знаете, пресладострастная это мысль, когда уж не сомневаешься-то» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. В том же ключе проявляется и восприятие возрастного разрыва между ними: для него сама разница в летах становится дополнительным источником наслаждения, символическим закреплением неравенства и власти: «Это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13].

И герой Достоевского и персонаж Андрича, выстраивают своё «превосходство» на основе материального доминирования. Закладчик не пропускает случая напомнить «что деньги» его, что именно

это дает **ему** «право смотреть на жизнь» своими «глазами» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 17], и что такого права у Кроткой нет и быть не может. Щеточника, в свою очередь, привлекала бедность Аницы: привести в дом девушку без средств, но трудолюбивую, означало для него «ежедневно прибавлять чувство удовольствия ко всему с трудом обретённому благосостоянию и с каждым днём его увеличивать» [Andrić, 2017, s. 254].

Аница, как и Кроткая, представляют собой идеальный объект для хищнического нарциссизма. Закладчик с самого начала демонстрирует вспышки агрессии. В достижении своей цели он действует расчётливо: заранее выстраивает «систему», ключевым элементом которой становится стратегия **молчания**. Важно подчеркнуть, что инициатором молчания выступает именно он, а не она: «Правда это я на молчание напер, а не она» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15]. Однако, некоторые исследователи указывают на «парадоксальность поведения» **обоих** персонажей, на «взаимную вражду и молчание», пронизывающие весь текст произведения. Как подчёркивает Ясмина Войводич, «коммуникация двух якобы близких, браком связанных людей, осуществляется отрицанием коммуникации — в молчании» [Войводич, 2023, с. 124–128].

На наш взгляд Кроткая «молчала» лишь потому, что у нее не было другого выхода. На самом деле, вначале она стремилась к взаимности, любви: «бросалась» к нему «с любовью», «встречала» когда «приезжал по вечерам», «с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать». Однако, Закладчик «все это упоение тут же обдал холодной водой» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13].

Система молчания Закладчика обладала градационной структурой. На начальном этапе его молчание носило «благосклонный» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13] характер, однако со временем оно становилось всё более выраженным: «а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15], — замечает герой, подчёркивая, что в какой-то момент он уже «говорил почти молча» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 14]. Закладчик оказался мастером «молчаливой речи», в противоположность героине, которая, будучи «доброй и кроткой», «от разговора увернуться» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 8] не умела.

Как отмечает Т.А. Касаткина, «странным образом, кротость здесь характеризуется через одну-единственную черту — неспособность закрыться в молчании, сокрыться в молчание, отказаться от коммуникации, от связи, от сообщения с другим. На фоне постоянного и намеренного ухода в молчание главного героя, на фоне избрания им молчания как главного воспитательного средства, такое определение кротости приобретает особое значение» [Касаткина, 2015, с. 413].

Лишь на заключительном этапе молчание достигает «совершенного» уровня, превращаясь в форму взаимного отказа от коммуникации. Оно эволюционирует от индивидуального состояния («я молчал») к совместному: «Да. Это правда, **мы** совершенно молчали» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23]. Однако, даже в момент этого общего молчания возможность его прерывания оставалась в руках героя: «Таким образом мы и молчали, но я каждую минуту приготовлялся про себя к будущему» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23]. Тем не менее он постоянно откладывал это «будущее» на неопределённый срок и, по сути, не намеревался нарушить молчание, поскольку «восторжествовал» над ней и «одного сознания о том оказалось совершенно для» него «довольно» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23].

В отличие от рационально расчётливого Закладчика, герой Андрича действует бессознательно, хотя и не менее насильственно. Его нарциссическое поведение, также имеющее градационный характер, начинает проявляться лишь спустя два года внешне благополучной супружеской жизни. Для Щеточника его жена становится воплощением последнего, наиболее сокровенного желания — идеала совершенства. Однако это связано не с тем, что он действительно открыл в ней какие-либо уникальные качества, а с тем, что впервые в жизни обратился к самому себе: начал анализировать, оценивать, испытывать собственные внутренние состояния. Он впервые почувствовал возможность говорить свободно, не сообразуясь с чужим мнением; мечтать, высказываться, рассматривать всё, что удавалось «извлечь» из глубин собственного «я». Это переживание доставляло ему столь интенсивное наслаждение, столь упоительную радость, что он ощущал себя обращённым ко всему человечеству — с тем же доверием, с каким, по выражению Андрича, говорил бы «немой, чёрной земле» [Andrić, 2017, s. 256].

Аница в его восприятии становится не собеседницей, а немой слушательницей, в которой он видел самого себя — кем он является, что знает и умеет, на что способен и что смеет. Главное же — он ощущает себя тем самым «строгим праведником», которому близко чувство истины, подобное вере Закладчика в своё моральное превосходство над своими полковыми товарищами.

Насилие со стороны Щеточника проявляется в форме вербальной агрессии, которая находится в обратной пропорции к молчанию Закладчика. С позиции сравнительного анализа образов Щеточника и Аницы выявляется зеркальная параллель с ситуацией, сложившейся между Закладчиком и Кроткой. В паре Закладчик — Кроткая мужчина молчит, а женщина пытается преодолеть это молчание; в паре Щеточник — Аница, напротив, мужчина говорит, а женщина хранит молчание. Однако в обоих случаях поведение мужских персонажей носит насильственный и доминирующий характер, что в конечном итоге приводит к разрыву коммуникации и превращению общего пространства в своеобразную «тюрьму» для героинь обоих произведений.

Щеточник мог «говорить часами после ужина», но и этого ему становилось недостаточно — он всё чаще продолжал свою «восторженную речь» и у постели жены. Как и всегда, всё начиналось «в кресле» [Andrić, 2017, s. 262], но, завершив свой долгий туалет, он пересаживался на кровать, «подставив ногу под себя» [Andrić, 2017, s. 263], и продолжал говорить без умолку, напрочь забывая о присутствии жены и не ожидая от неё ничего, кроме «немого живого присутствия» [Andrić, 2017, s. 265].

Поначалу Аница лишь поддакивала и не хотела признаваться даже самой себе, насколько мучительным становилось это однообразное и утомительное общение. Однако монологи щеточника становились всё более длительными, всё более агрессивными. В какой-то момент Аница почувствовала, что превращается для него в «мёртвую вещь» или «бессловесное существо». Она чувствовала себя «существом, которым злоупотребляют и которое насилуют самым бездушным и подлым образом, лишь внешне кажущимся наивным и допустимым» [Andrć, 2017, s. 266].

Кульминацией мужского насилия как у Достоевского, так и у Андрича становится контроль над женской сексуальностью, который связан с его материальным превосходством.

Для Закладчика контроль сексуальности супруги представляется нормой маскулинного общества, основанной на аксиоматической установке: «женщина» «не может не подчиняться мужчине вполне», поскольку, как он утверждает, «в женщинах нет оригинальности» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15]. Даже после произошедшей трагедии он продолжает верить, что виноват не он, а она: «Что ж, я скажу правду, я не побоюсь встать перед правдой лицом к лицу: *она* виновата, *она* виновата!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 17].

Сексуальное насилие со стороны Закладчика по отношению к Кроткой начинается уже при первых их встречах — в форме двусмысленных намёков и предложений. Впервые это проявляется в эпизоде, когда он «усмехнулся» и «сказал что-то в роде остроты» по поводу «старой заячьей куцавейки» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7], которую Кроткая принесла в ломбард. С позиции современного дискурса подобные высказывания, нарушающие границы личного пространства лица противоположного пола, рассматриваются как первый шаг к насилию.

Что это была не обычная коммуникация, а начало игры доминирования и подчинения, подтверждает и внутренняя реплика героя: «Тут-то я и заметил ее в первый раз *особенно* и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7]. Возможно, читателю не вполне ясен характер намёка Закладчика, однако Кроткая правильно интерпретирует его высказывание как унизительное, как посягательство на её личность, и реагирует соответственно — «вспыхнула», а глаза её «загорелись» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7].

Закладчик, руководствуясь своими убеждениями, воспринял реакцию Кроткой как проявление **бунта** и уже при следующей встрече решил усилить агрессию, не скрывая попытки «покупки» её независимости. Он демонстративно вручил ей два рубля за ничего не стоящий «янтарный мундштук» — исключительно для того, чтобы подчеркнуть своё «торжество над ней». И на этот раз Кроткая «вспыхнула»; Закладчик понял, что «уколол» её, и остался доволен, убедившись, что деньги были потрачены не напрасно [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7].

Апогеем этой своеобразной «предбрачной торговли» стало закладывание старинного семейного образа Богородицы с младенцем. Кроткая, с надеждой на возможность выкупа, просила пять рублей, однако Закладчик — вновь действуя с определённым умыслом —

предложил десять. И в этот момент в глазах Кроткой «сверкнуло», но, оказавшись в безвыходном положении, она лишь насмешливо изогнула губы, особенно после того как Закладчик отрекомендовался Мефистофелем.

Наконец, Закладчик и буквально выкупил Кроткую у ее теток, «подарив этим тварям по сто рублей и еще обещал», уподобившись этим поступком купцу, тоже торговавшемуся за нее. Кроткой про это ничего не было сказано, «чтобы не огорчить ее низостью обстановки» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13], однако она и сама обо всем догадалась. Этим и можно объяснить то, что она «долго думала» прежде чем согласиться на брачное предложение Закладчика и может быть на самом деле «выбирала» между им «высоким, **стройным**, **воспитанным**» и «толстым лавочником» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 12].

Тем не менее, вопреки внутреннему сопротивлению, вначале Кроткая «желала любить, искала любить» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 16]. Однако все её эмоциональные порывы встречались Закладчиком с холодной отстранённостью: он отвечал на них строгостью и молчанием. Под прикрытием этой строгости он ввёл её в свой дом, а затем, опираясь на молчание, подчеркнутую материальную доминацию и эмоциональное давление, довёл до состояния, в котором она оказалась перед выбором совершить прелюбодеяние — поступок, на который так и не решилась.

Сознавая её положение, Закладчик продолжал манипулятивную «игру», доведя её до замысла убийства, но и этот шаг остался для неё невозможным. В итоге он инсценировал формальное расторжение брака, купив для неё «железную кровать» и отделив её «ширмами». Однако и этот жест являлся лишь частью разыгранного им представления, призванного окончательно подчинить её своей воле.

Наконец, само самоубийство Кроткой предстает как закономерный ответ на сексуальный контроль, который Закладчик систематически осуществлял по отношению к ней. Оно произошло, как отмечает Т.Г. Юрьева, в тот «момент, когда тот, кого она полагала средоточием зла и тирании, смиренно лежал у ее ног и почти униженно молил о любви и внимании» [Юрьева, 2005, с. 94]. Более того, по признанию самой героини, если бы он её «оставил так», она, возможно, не решилась бы на роковой шаг. Однако он явился к ней именно как «муж», которому «нужна любовь» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 32], — любовь, на которую она, истощённая мо-

ральными и физическими страданиями, уже не могла ответить. Лишённая возможности выбора, Кроткая увидела единственный выход в самоубийстве. При этом причиной его становится не «двойственность» и «противоречивость» её натуры, как полагает Т.Г. Юрьева [Юрьева, 2007, с. 84], а напротив — её предельная целомудренность и душевная чистота, уж «слишком чиста» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 34], чтобы пойти на обман.

Таким образом, кульминация сюжета подчеркивает: именно навязанный мужем режим сексуального обладания окончательно разрушает внутренний мир героини. Симптоматично, что она решилась на самоубийство всего через два часа после того, как Закладчик вернулся и «целовал ее, целовал ее лицо, в губы, **как муж**» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 32].

Андрей, герой рассказа Андрича, оказывается неспособным откликнуться на эмоциональные и сексуальные потребности своей супруги — пробуждённой и неудовлетворённой в своей глубокой, сильной женственности. Протяжённые монологи, сопровождающие их супружескую жизнь, превращают коммуникативное насилие в «тотальное и всеобъемлющее» [Ahmetagić, 2011, s. 108]. В их отношениях, где «мужчина присваивает свойства женщины» и тем самым «стирает её идентичность», эротическая связь между полами подменяется асимметричной, иерархически выстроенной динамикой власти. Подобное взаимодействие, как отмечает Ахметагич, «характерно для нарцисса, которому необходимо наполнить своё праздное, лишённое подлинной субстанции существование сущностью другого человека». Аница же представлена как «пассивный и безгласный *селф-объект* — иной, воспринимаемый нарциссом как часть самого себя и предназначенный исключительно для утверждения и возвеличивания его собственного *я*» [Ahmetagić, 2011, s. 110].

Аница безропотно дошла до предела полной утраты идентичности, когда ощутила невыносимую внутреннюю боль, нараставшую с каждым днём. Однако вместо того чтобы отреагировать естественным инстинктом самосохранения, она утратила способность к речи; боль парализовала её волю, сковала движения и подавила всякое решение ещё в его зародыше. Бегство представлялось ей не только нелогичным, но и страшным поступком, сродни самоубийству.

Если сравнивать двух героинь по степени кротости, на первый взгляд может показаться, что Аница более кротка, чем Кроткая, которая, как ни парадоксально, не **так уж и кротка** [Юрьева,

2005], [Войводич, 2023]. Аница осознавала, позицию женщины в **иерархии патриархального** общества и хорошо усвоила негласное правило, разделяемое и героем Достоевского — Закладчиком: деньги принадлежат мужчине, а значит, именно он имеет право «смотреть на мир своими глазами». Она не «бунтовала», не «вспыхивала» и без видимого сопротивления терпела насилие мужа. На его монологи, которые становились все смелее и длиннее, она отвечает «бесконечным молчанием» [Andrić, 2017, s. 257] и хотя он пугал ее своей речью, оставалась «непоколебимо смиренной» [Andrić, 2017, s. 258].

Кроткая, напротив, открыто выражает протест: с помощью мимики, жестов, а в конечном итоге — через полную истерику — она реагирует на унизительное поведение Закладчика, на его недвусмысленные намёки на то, что она является «купленной», что он фактически приобрёл её. Но, несмотря на внешнее проявление сопротивления героиня рассказа внутри себя все время остается неизменимо кроткой, такой какой назвал ее сам автор, Ф.М. Достоевский. Как отмечает Т.А. Касаткина, «мы ведь, по воле автора, даже лишены возможности называть Кроткую как-либо иначе» [Касаткина, 2015, с. 412]. Быть бунтующей и гордой — «кротость, однако же, мешала» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 18].

В этом контексте мы не можем согласиться с исследователями, трактующими личность Кроткой как «амбивалентную», «противоречивую» [Nikolić, 1975], либо рассматривающими её поведение как парадоксальное «соединение бунта и смирения» [Войводич, 2023, с. 127]. Напротив, на наш взгляд, Кроткая на протяжении всего рассказа сохраняет внутреннюю цельность, верность своему «прекрасному сердцу», внутренней «прелести» и «небу» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 16]. Несмотря на мимику лица, напускную гордость, мнимую попытку прелюбодеяния и даже покушения на убийство, она ничем не может победить свою кроткость. И Закладчик это знает, и знает автор рассказа, который об этом извещает читателя.

Таким образом, и её самоубийство с иконой в руках не противоречит её природе, а, напротив, это, как обозначил сам Достоевский, «кроткое, смиренное самоубийство», «без ропота или попрека» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 381].

Аница по своим характерологическим чертам схожа с героиней повести «Кроткая»: обеих отличает смирение, уступчивость и покорность. Однако между ними прослеживается важное культурологическое различие.

Кроткая, вопреки своему социальному положению, как отмечает Достоевский, успела выдержать экзамен, «урвалась выдержать, из-под подённой безжалостной работы» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. Речь идёт о гимназическом экзамене для домашних учительниц. Его успешная сдача давала женщине право на легальную трудовую деятельность и обеспечивала пусть скромный, но самостоятельный заработок. Для обедневших дворянских девушек, к числу которых принадлежала и Кроткая, это был практически единственный социальный выход.

Тем не менее, несмотря на усилия, предпринятые ею, чтобы «облегчить общественное положение», достичь реальной независимости ей не удалось: Кроткая не успела найти работу и обрести самостоятельность. Однако в ней несомненно присутствовало то новое начало, о котором писал Достоевский, констатируя, что за последние двадцать лет в России произошло «возрождение» — прежде всего в стремлении женщин к высшему образованию». И что, «в жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример высшего мужества» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 28].

Закладчик, именно разглядел в Кроткой «характер <...> нового направления» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 9], который воспринимал как вызов традиционному порядку вещей и поэтому-то и взялся за её «перевоспитание», стремясь подавить проявления самостоятельности и стремление к новому.

В отличие от Кроткой, Аница — девушка, воспитанная в духе традиционного патриархата, и никакие новые веяния не затронули её. Она, как пишет Андрич, принадлежала к «тем девушкам, которые остаются без собственной личной жизни, странно неопытные и неосведомлённые обо всём, что происходит вне дома». Пока её младшие сёстры и братья — при её поддержке и вокруг неё — живут, растут, участвуют во всём: в добре и зле, в хорошем и плохом, чем дышит их поколение, — она остаётся в стороне, с самого начала как бы вне самого потока жизни. [Andrić, 2017, s. 250]

Однако, даже такая Аница — смиренная, молчаливая, не оказывающая сопротивления — не смогла вынести гнёта яростного нарцисса в лице своего мужа и почти инстинктивно решилась на побег, который ранее представлялся ей хуже самой смерти.

В произведениях Ф.М. Достоевского и Иво Андрича прослеживается выразительный параллелизм в изображении судьбы женских

персонажей — Кроткой и Аницы. Обе героини приходят к радикальному и, на первый взгляд, иррациональному решению — одна к самоубийству, другая к бегству, — которое совершается как бы помимо их воли, в состоянии внутреннего надлома и метафизического прозрения. Это решение возникает в неотвратимом, граничном мгновении, которое не поддаётся логическому осмыслению, но обладает абсолютной экзистенциальной ясностью.

У Достоевского Закладчик, глядя на тело погибшей жены, с отчаянием пытается осмыслить произошедшее: «Нет, всё это — мгновение, одно лишь безотчётное мгновение. Внезапность и фантазия» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 34]. Это метафизическое «мгновение» становится финальной точкой накопленного насилия и внутреннего безмолвия.

Аналогичную ситуацию описывает Андрич в романе, где Аница после трёх лет брака достигает состояния полного душевного истощения: «Это было одно из тех мгновений, которые вспыхнут перед нами и покажут ясно и несомненно, что жизнь наша является невозможной, недостойной, невыносимой» [Andrić, 2017, s. 274]. Так же, как и Кроткая, Аница не столько принимает решение, сколько поддаётся неумолимой силе внутреннего прозрения, которое превращает её бегство в акт последнего, отчаянного сопротивления.

Таким образом, обе героини, несмотря на различие в исходе, переживают идентичное мгновение экзистенциальной истины, в котором проявляется глубинная трагедия женской судьбы в патриархальной структуре — судьбы, где голос женщины долгое время подавляется, пока не вырывается в предельном жесте — саморазрушении или побеге.

Повесть «Кроткая», на наш взгляд, представляет собой репрезентативный образец художественной интерпретации «женского вопроса», в которой идея женской эмансипации раскрывается через призму «христианского человеколюбия» и просвещения «себя во имя любви друг к другу, — любви которой имеет право требовать себе и женщина» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 126] По мнению писателя, распространённое заблуждение относительно «женского вопроса» заключается в том, что его трактуют дуалистически, раздельно рассматривая мужчину и женщину, тогда как, по его убеждению, они составляют единый, неделимый организм. Ф.М. Достоевский писал в одной из своих записных тетрадей: «Вся ошибка “женского вопроса” в том, что делят неделимое, берут мужчину и

женщину раздельно, тогда как это единый, целокупный организм. *“Мужа и жену создал их”* Да и с детьми и потомками, и с предками, и со всем человечеством единый целокупный организм. А законы пишутся все разделяя и деля на **составные** элементы. Церковь не делит» [Достоевский 1972–1990, т. 27, с. 46].

Таким образом, установив наличие общего феминистского аспекта в сравнительном анализе рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» и рассказа Иво Андрича «Злоупотребление», в заключении необходимо подчеркнуть и принципиальное различие между ними. У Достоевского ответ на актуальный «женский вопрос» приобретает онтологическое измерение. В этом контексте представляется оправданной интерпретация И.А. Есаулова, согласно которой смерть Кроткой становится катализатором внутренней трансформации персонажа Закладчика — от инфернальной фигуры, цитирующей Мефистофеля в начале повествования, к мужу, в финале цитирующему Христа [Есаулов, 2020], [Войводич, 2023]. В таком контексте и парадоксальность самоубийства Кроткой осмысляется как христианская жертва, преображающая жизнь другого человека в перспективе его внеисторического воскресения и обретения будущего бессмертия.

В отличие от Ф.М. Достоевского, Иво Андрич выступает как материалист, проявляющий большую веру в возможность эволюционного развития общества, нежели в христианское преображение личности. Его героиня, Аница, покидает мужа и, в отличие от героини рассказа Достоевского, находит работу — пусть не престижную, но достаточную для обеспечения элементарного существования. Эта возможность обусловлена историческим контекстом: в эпоху, о которой пишет Андрич — первую половину XX века — женщина, по крайней мере в европейском социуме, уже способна самостоятельно обеспечивать себя материально.

Несмотря на это, Аница остаётся социально стигматизированной как разведённая женщина, и хотя полного счастья она не достигает, в её судьбе присутствует определённая надежда на грядущее изменение общественного порядка. Таким образом, Андрич фиксирует момент социальной трансформации, открывающий потенциальную возможность для изменения женского положения в будущем.

Однако, несмотря на такие сдвиги, в прозе Андрича не происходит подлинного преодоления фундаментального конфликта между мужчиной и женщиной. Половой вопрос остаётся нерешённым:

супруги оказываются навсегда отчуждёнными друг от друга. Аница уходит, подвергаясь осуждению со стороны общества, а её муж, Андрей, хотя и пытался вернуть ее, все же остаётся в молчании — жест, символизирующий неспособность к диалогу и внутреннюю разобщённость между полами.

Список литературы

1. Бердяев, 1923 — *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: Ymka Press, 1923. 242 с.
2. Буданова, 1976 — *Буданова Н.Ф.* Неизвестние статьи Ф.М. Достоевского по женском вопросу (Опыт атрибуции) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука. 1976. № 2. С. 236–244.
3. Варламова, 2016 — *Варламова Д.В.* К полемике о женском вопросе во второй трети XIX в.: журнал Ф.М. и М.М. Достоевских, «Время» // Вестник РГГУ. Серии: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 8. С. 45–49.
4. Войводич, 2023 — *Войводич Я.* Парадоксальность «Кроткой» // Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж: сб. статей. Firenze: Firenze University Press, 2023. С. 123–130.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Жирмунский, 1979 — *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Запад и Восток: Избранные Труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.
7. Есаулов, 2020 — *Есаулов И.А.* О любви. Радикальныя интерпретаціи, Магадан: Новое время, 2020. 216 с.
8. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
9. Лотман, 1992 — *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992.
10. Погребная, 2010 — *Погребная В.Л.* «Женский вопрос» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вісник Запорізького державного університету. 2010. №2. С. 1–7.
11. Фокин, 1998 — *Фокин П.* «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф.М. Достоевского // Преображение. Русский феминистский журнал. 1998. № 6. С. 29–33. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_6_1998_a.htm (дата обращения: 28.02.2017).
12. Хасиева, 2012 — *Хасиева М.А.* Влияние произведений Достоевского на систему образов и метод повествования в творчестве Вирджинии Вулф (На примере романа «Преступление и наказание» и «Миссис Дэлоулей»)» // Альманах современной науки и образования. 2012. № 5. С. 158–161.
13. Юрьева, 2005 — *Юрьева Т.Г.* Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Ф.М. Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2005. № 21. С. 91–102.
14. Юрьева, 2007 — *Юрьева Т.Г.* Толкование женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во РГГУ. 2007. 176 с.

15. Andrić, 2017 — *Andrić I.* Pripovetke u izboru samog pisca. Beograd: Srpsak književna zadruga, 2017. 330 s.

16. Ahmetagić, 2011 — Ahmetagić J. Priče o narcisu zlostavljaču: zlostavljanje i književnost. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 237 s.

17. Briggs, 2004 — *Briggs K.J.* How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2004. 325 p.

18. Dojčinović, 2018 — *Dojčinović B.* Andrićeve priče o nasilju nad ženama: "Mara milosnica" i "Zlostavljanje" // Ivo Andrić u našem vremenu : zbornik radova. 2018. S. 275–293.

19. Ivanova, 2015 — *Ivanova I.* Prokleta avlija i Zapisi iz Mrtvog doma // Andrićeva avlija. Grac: Institut za slavistiku; Banjaluka: Narodna univerzitetska biblioteka Republike Srpske: svet knjige, 2015 S. 279–287.

20. Lukić, 2005 — *Lukić J.* Dvije Andrićeve priče: Anikina vremena i Mara milosnica // Bosna Franciscana. 2005. no. 23. S. 151–174.

21. Nikolić, 1975 — *Nikolić M.* Igra protivrečja ili Krotka Dostojevskog. Novi Sad: Matica srpska. 209 s.

22. Перић, 2020 — *Перић Сања П.* Тамнички дани у *Записима из Мртвог дома* Ф.М. Достојевског и *Проклетој авлији* Иве Андрића // Свеске Задужбине Иве Андрића. Година XXXIX, свеска 37/2020. S. 157–177.

23. Urquhart, 2004 — *Urquhart D.* "Foreword" In Katherine Jane Briggs "How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis" URL: https://edwinmellen.com/book/HOW-DOSTOEVSKY-PORTRAYS-WOMEN-IN-HIS-NOVELS-A-Feminist-Analysis/7917/ (дата обращения: 28.08.2025).

References

1. Berdiaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Worldview*]. Praha, Ymka Press Publ., 1923. 242 p. (In Russ.)

2. Budanova, N.F. "Neizvestnie stati F.M. Dostoevskogo po zhenskom voprosu (Opit atributsii)" ["Unknown Articles by Fyodor Dostoevsky on the Woman Question (An Attempt of Attribution)"]. *Dostoevskii. Materiali i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 236–244. (In Russ.)

3. Varlamova, D.V. "K polemike o zhenskom voprose vo vtoroi treti XIX v.: zhurnal F.M. i M.M. Dostoevskikh 'Vremia'" ["On the Polemics on the 'Woman Question' in the Second Third of the 19th Century: The Dostoevsky Brothers' Journal *Vremya*"]. *Vestnik RGGU. Seria: Literaturovedenie. Iazikoznanie. Kulturologiia*, no. 8, 2016, pp. 45–49. (In Russ.)

4. Vojvodić, Jasmina. "Paradoksal'nost' 'Krotkoi'" ["The Paradox of 'The Meek One'"]. *F.M. Dostoevskii: Iumor, paradoksal'nost', demontazh 2023: sbornik statei* [*Fyodor Dostoevsky: Humor, Paradoxicality, Deconstruction 2023: Collected Articles*]. Firenze, University Press Publ., 2023, pp. 123–130. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

6. Zhirmunskii, V.M. *Izbrannye Trudy: Sravnietel'noe literaturovedenie: Zapad i Vostok* [*Selected Works: Comparative Literature: West and East*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 493 p. (In Russ.)

7. Esaulov, I.A. *O liubvi. Radikal'naie interpretatsii* [*On Love: Radical Interpretations*]. Magadan, Novoe vremia Publ., 2020. 216 p. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of Fyodor Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 413 p. (In Russ.)

9. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [*Selected Articles: in 3 vols*]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992. (In Russ.)

10. Pogrebnaia V.L. "'Zhenskii vopros' v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["The 'Woman Question' in the Works of Fyodor Dostoevsky"]. *Visnik Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*, no. 2, 2010, pp. 1–7. (In Russ.)

11. Fokin, P. "'Zhenskii vopros' v 'Dnevnike pisatelia' 1876—77 gg. F.M. Dostoevskogo" ["The 'Woman Question' in Dostoevsky's *A Writer's Diary* (1876–1877)"]. *Preobrazhenie. Russkii feministskii zhurnal*, no. 6, 1998, pp. 29–33. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_6_1998_a.htm (Accessed 28 Feb. 2017). (In Russ.)

12. Khasieva, M.A. "Vliianie proizvedenii Dostoevskogo na sistemu obrazov i metod povestvovaniia v tvorches've Virdzhinii Vulf (Na primere romana 'Prestuplenie i nakazanie' i 'Missis Deloulei')" ["The Influence of Dostoevsky's Works on the System of Images and the Narrative Method in the Writings of Virginia Woolf (Based on *Crime and Punishment* and *Mrs. Dalloway*)"]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 5, 2012, pp. 158–161. (In Russ.)

13. Iur'eva, T.G. "Bunt protiv tiranii i tiraniia bunta v rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Krotkaia'" ["Revolt against Tyranny and the Tyranny of Revolt in Dostoevsky's Short Story 'The Meek One'"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 21, 2005, pp. 91–102. (In Russ.)

14. Iur'eva, T.G. *Tolkovanie zhenskikh obrazov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [*Interpretation of Female Characters in the Works of Fyodor Dostoevsky*]. Moscow, RGGU Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)

15. Andrić, Ivo. *Pripovetke u izboru samog pisca*. Beograd, Srpsak književna zadruga, 2017. 330 p. (In Serbian)

16. Ahmetagić, Jasmina. *Priče o narcisu zlostavljaču: zlostavljanje i književnost*. Beograd, Službeni glasnik, 2011. 237 p. (In Serbian)

17. Briggs, Katherine Jane. *How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*. Foreword by The Rt Revd Prof. Joe Andrew, Keele University. Lewiston, Queenston, Lampeter, Edwin Mellen Press, 2004. 325 p. (In English)

18. Dojčinović, Biljana. "Andrićeve priče o nasilju nad ženama: 'Mara milosnica' i 'Zlostavljanje'." *Ivo Andrić u našem vremenu: zbornik radova*, 2018, pp. 275–293. (In Serbian)

19. Ivanova, I. "Prokleta avlija i Zapisi iz Mrtvog doma." *Andrićeva avlija*. Grac, Institut za slavistiku; Banjaluka, Narodna univerzitetska biblioteka Republike Srpske, svet knjige, 2015, pp. 279–287. (In Serbian)

20. Lukić, Jasmina. "Dvije Andrićeve priče: Anikina vremena i Mara milosnica." *Bosna Franciscana*, no. 23, 2005, pp. 151–174. (In Serbian)

21. Nikolić, Milica. *Igra protivrečja ili Krotka Dostojevskog*. Novi Sad, Matica Srpska. 209 p. (In Serbian)

22. Perić, Sanja P. "Tamnički dani u Zapisima iz 'Mrtvog doma' F.M. Dostojevskog i 'Peokletoj avliji' Ive Andrića." *Sveske Zadužbine Ive Andrića*, Godina XXXIX, sveska 37/2020, pp. 157–177. (In Serbian)

23. Urquhart, David**.** “Foreword.” Briggs, Katherine Jane. *How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*. Available at: https://edwinmellen.com/book/HOW-DOSTOEVSKY-PORTRAYS-WOMEN-IN-HIS-NOVELS-A-Feminist-Analysis/7917/ (Accessed 28 Aug. 2025). (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025
Одобрена после рецензирования: 11.10.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 09 Sept. 2025
Approved after reviewing: 11 Oct. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276
https://elibrary.ru/VBDPVG

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Петр Дружинин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия

Из истории изучения Ф.М. Достоевского в 1920-е годы: К столетию организации Группы по изучению творчества Достоевского в ИЛЯЗВ

© 2025. Petr A. Druzhinin
V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

From the History of Dostoevsky Studies in the 1920s: On the Centenary of the Founding of the Dostoevsky Research Group at ILYAZV

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ул. Волхонка, д. 18/2, 119019 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3097-3375
E-mail: petr@druzhinin.ru

Аннотация: В статье публикуются неизвестные материалы об изучении творчества Ф.М. Достоевского в Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) в 1920-е годы. Основанный в 1919 году при Петроградском университете, в 1920-е годы благодаря академику Н.Я. Марру ИЛЯЗВ становится крупнейшим научным центром, в котором

оказались сконцентрированы ведущие филологические силы СССР. В 1924 году в ИЛЯЗВ была создана группа по изучению творчества Ф.М. Достоевского, которую возглавил большой специалист по творчеству писателя В.Л. Комарович. Поскольку материальные и идеологические трудности 1920-х годов не позволяли сотрудникам ИЛЯЗВ своевременно издавать свои научные работы, то основным жанром публичных выступлений исследователей Ф.М. Достоевского в ИЛЯЗВ были научные доклады, игравшие важнейшую роль в науке того времени, однако сведения о них почти не публиковались в печати. По этой причине как сама деятельность ИЛЯЗВ, так и проблематика работы института в области изучения Ф.М. Достоевского до сих пор не отражены в истории гуманитарной науки. Основываясь на тщательном анализе архивных материалов ИЛЯЗВ, отложившихся в фондах нескольких архивов Петербурга и Москвы, в статье восстанавливается история деятельности Группы по исследованию творчества Ф.М. Достоевского, приводятся ранее неизвестные сведения о научных докладах сотрудников ИЛЯЗВ о писателе. Отдельное внимание уделено автором выявлению биографических материалов ученых, в сферу научных интересов которых в 1910–1920-годы входило наследие Ф.М. Достоевского: приводимая подборка ранее неизвестных документов позволяет уточнить круг научных тем и направлений исследований, связанных с изучением Ф.М. Достоевского в первой четверти XX века. Особенную ценность имеют впервые публикуемые в статье документы, написанные известными деятелями гуманитарной науки, в числе которых академик Алексей Шахматов, антиковед и литератор Вячеслав Иванов.

Ключевые слова: Ленинградская филологическая школа, 1920-е годы, Ф.М. Достоевский, ИЛЯЗВ, В.Л. Комарович, А.С. Долинин.

Для цитирования: *Дружинин П.А.* Из истории изучения Ф.М. Достоевского в 1920-е годы: К столетию организации Группы по изучению творчества Достоевского в ИЛЯЗВ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 232–276. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

Information about the author: Petr A. Druzhinin, DSc in Philology, PhD in History, Senior Research Fellow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Volkonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3097-3375

E-mail: petr@druzhinin.ru

Abstract: The article presents previously unknown materials on the study of Dostoevsky's works at the Institute for the Comparative Study of the Literatures and Languages of the West and East (ILYAZV) in the 1920s. Founded in 1919 at Petrograd University, ILYAZV became, thanks to N.Ya. Marr, the largest scholarly center of the 1920s, which concentrated the leading philological forces of the USSR. In 1924, a group dedicated to the study of Dostoevsky's oeuvre was established within ILYAZV, headed by the prominent Dostoevsky scholar V.L. Komarovich. Because the material and ideological difficulties of the 1920s prevented ILYAZV staff from publishing their scholarly works on time, the primary form of public presentation for Dostoevsky researchers at the Institute became academic lectures and reports. These forms played an essential role in the scholarship of the time, yet information

about them was scarcely published. For this reason, both the activities of ILYAZV itself and the Institute's work on Dostoevsky have remained largely unaccounted for in the history of the Humanities.

Drawing on a thorough analysis of ILYAZV archival materials preserved in several archives in St. Petersburg and Moscow, the article reconstructs the history of the activities of the Group for the Study of Dostoevsky's Works and provides previously unknown information on the scholarly reports delivered by ILYAZV researchers on the writer. Special attention is devoted to uncovering biographical materials on scholars whose research interests in the 1910s–1920s included Dostoevsky's legacy. The collection of previously unpublished documents presented here makes it possible to clarify the range of scholarly topics and research directions associated with the study of Dostoevsky in the first quarter of the twentieth century. Particularly valuable are documents published for the first time in this article, written by prominent figures in the humanities, among them Academician Aleksei Shakhmatov and the classical scholar and writer Vyacheslav Ivanov.

Keywords: Leningrad School of Philology, 1920s, Dostoevsky, ILYAZV, Komarovich, Dolinin.

For citation: Druzhinin, P.A. "From the History of Dostoevsky Studies in the 1920s: On the Centenary of the Founding of the Dostoevsky Research Group at ILYAZV." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal,* no. 4 (32), 2025, pp. 232–276. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

Одной из наименее исследованных институций 1920-х годов в области изучения языков и литератур остается ИЛЯЗВ. Поскольку к истории этого учреждения мы уже ранее подступались [Дружинин, 2015], то прежде чем обратиться к непосредственной теме нашей статьи очертим историю этого научного института.

В 1919 году на филологическом отделении Факультета общественный наук Петроградского университета был образован «Научно-исследовательский институт изучения литератур имени А.Н. Веселовского»: в тот момент институт был неотделим от факультета и существовал лишь на словах; 30 октября 1920 года на базе Института сравнительного изучения литературы имени А.Н. Веселовского был создан Неофилологический институт имени А.Н. Веселовского, который решением Наркомпроса от 14 июня 1921 года был реорганизован в Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете. По словам В.П. Волгина, институт в тот момент представлял «академическую надстройку» над Петроградским университетом[1]; действовал же он, как выразился Л.В. Щерба, подобно «семинарию

[1] СПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 116. Л. 61 об.

повышенного типа»[2]. 30 апреля 1923 года Наркомпрос утвердил положение о «Научно-исследовательском институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ФОН Петроградского университета», а 25 мая Государственный ученый совет утвердил коллегию института, в которую вошел ректор университета Н.С. Державин, председателем был назначен Н.Я. Марр. 30 августа 1923 года на открытом заседании института была утверждена и аббревиатура института — ИЛЯЗВ.

Н.Я. Марр сыграл наиболее важную роль в деле организации ИЛЯЗВ как научного центра — именно административные способности и неукротимая энергия академика сумели вдохнуть жизнь в работу крупнейшего филологического центра страны, «долженствующего служить соединительным звеном между научным Западом и Востоком, соответственно общему политико-географическому положению СССР как Евразии»[3]. Благодаря Н.Я. Марру произошла коренная реорганизация института, и кроме подготовки научных кадров университета на ИЛЯЗВ возлагалось проведение собственных научных работ, как индивидуальных, так и коллективных; как справедливо было написано по этому поводу, «Собственные интересы Марра, нуждавшегося в огромном количестве специалистов-исполнителей для обслуживания его широкомасштабных идей, с одной стороны, принимали благопристойную форму заботы о создании научных школ, а с другой — “нечувствительно” готовили принудиловку коллективных монографий» [Брагинская, 1995, с. 248]. ИЛЯЗВ был разделен на две секции (отделения) — Языка и Литературы, в составе которых были образованы отдельные группы, подгруппы и кружки. Уже в конце учебного года в штате института состояло 150 человек, а в дальнейшем их число превысило 200. И хотя 10 ноября 1924 года Н.Я. Марр, в связи с переходом на должность директора Публичной библиотеки, уступает пост директора ИЛЯЗВ и ведение всех административных дел Н.С. Державину, он остается и членом коллегии института, и продолжает оказывать институту серьезную поддержку. В 1925 году ИЛЯЗВ был переведен в подчинение Главнауки Наркомпроса, 1 октября 1926 года ИЛЯЗВ получает самостоятельность, но входит в состав Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН), которая

[2] СПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 116. Л. 60 об.

[3] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.

серьезным образом влияла на его деятельность [Скворцов, 2023, с. 1056]. Однако следующие полтора года оказались эпохой расцвета деятельности этого учреждения. О научном весе ИЛЯЗВ говорит хотя бы тот факт, что на 1 октября 1927 года в его составе состояло 11 академиков — В.В. Бартольд, Е.Ф. Карский, П.К. Коковцов, П.А. Лавров, Б.М. Ляпунов, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.Н. Перетц, Ф.И. Успенский, Ф.И. Щербатской.

Перемена идеологического курса на XV Съезде ВКП(б) отражается и на науке: 9 декабря 1927 года РАНИОН принимает решение о решительном сокращении штатов института, 10 мая 1930 года состоялся приказ Наркомпроса о реорганизации гуманитарных факультетов ЛГУ и о создании на их базе институтов[4], в том же месяце ИЛЯЗВ выселяется в другое здание и преобразуется в Государственный институт речевой культуры (ГИРК), языковедческая часть которого в 1931 году была переименован в НИИ Языкознания (ликвидирован в 1938), литературная же была и вовсе упразднена (сотрудники распределялись в ГИИИ, ЛОКА, Пушкинский Дом).

Хотя в сферу научных интересов ИЛЯЗВ входило и изучение Ф.М. Достоевского, историография об этом умалчивает; может показаться, что роль ИЛЯЗВ в развитии науки о Ф.М. Достоевском ничтожна: речь скорее ведется о работе в Москве в ГАХН, либо о разобщенных работах ленинградцев [Богданова, 2019]. Причиной умолчания мы считаем то обстоятельство, что многие штатные сотрудники ИЛЯЗВ, работавшие в 1920-е годы над изучением творчества Ф.М. Достоевского, связываются с прочими научными учреждениями Ленинграда, в которых они были совместителями или внештатными сотрудниками, но история которых разработана более детально (прежде всего, ГИИИ или Пушкинского Дома). Тем не менее, архивные материалы дают нам возможность говорить о том, что в области изучения наследия Ф.М. Достоевского ИЛЯЗВ в 1920-е годы занимал важное место.

Будучи органической частью и наследником школы Петербургского университета, ИЛЯЗВ в 1920-е годы стал преемником дореволюционной традиции изучения русской литературы. Именно университет стал основным источником научных кадров для ИЗЛЯВ, и именно его школа стала базой для большинства сотрудников этого

[4] О реорганизации ряда высших учебных заведений // Бюллетень Народного Комиссариата по Просвещению РСФСР. М., 1930. № 16, 1 июня. С. 7.

института. Речь о дореволюционном семинарии С.А. Венгерова, или же о семинарии по Достоевскому, который работал в университете в 1921/1922 году под руководством профессора С.А. Адрианова (в котором участвовала Л.Я. Браве, окончившая в 1924 году университет и причисленная впоследствии к ИЗЛЯЗВу и работавшая в нем до 1927 года)[5].

Принципиальным же представляется тот факт, что изучение Ф.М. Достоевского в ИЛЯЗВ было не только частной деятельностью отдельных сотрудников (тем самым как будто оставаясь эпигоном московской ГАХН, при Литературной секции которой с начала 1920-х годах действовала «Комиссия по изучению Достоевского»), а было также институционализировано. Речь идет о событиях осени 1924 года, когда происходило организационное оформление этого детища Н.Я. Марра как самостоятельного учреждения, и по постановлению общего собрания ИЛЯЗВ была организована седьмая секция — Новой литературы, начавшая свою работу с 18 октября 1924 года. В этот день был избран председатель секции (Н.С. Державин), секретарь (Б.В. Томашевский), и в том же месяце заместитель председателя (Н.К. Козмин); при секции работал семинарий по литературе XIX века под руководством Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова. Поскольку секция была очень громоздкой (при основании в ней насчитывалось 43 члена, и число это со временем возросло), то в заседании 27 октября 1924 года были организованы научные группы, в том числе группа по изучению творчества Ф.М. Достоевского, которую возглавил научный сотрудник I разряда В.Л. Комарович[6].

Несмотря на такое начало, развития группа по изучению Ф.М. Достоевского в действительности не получила, и с 1925 года (как и до 27 октября 1924) изучение творчества Ф.М. Достоевского разрабатывалось в составе других групп, прежде всего, Международного литературного обмена России и Запада (руководитель Н.К. Козмин), а также выносилось на пленарные заседания секции Новой и новейшей литературы. Доклады в группах обычно читались сотрудниками ИЛЯЗВ, и лишь в крайне редких случаях сторонними учеными (в контексте нашей темы единственным прецедентом был доклад П.Н. Сакулина).

[5] СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

[6] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 144–145.

Безусловно, не обо всех работах мы можем составить представление: большинство из них так и не было опубликовано; однако направление и широту исследований можно оценить. Из неосуществленных коллективных публикаций, оставшихся только в прожектах, отметим предложенный в декабре 1926 года группой Международного литературного обмена сборник статей «Россия и Франция: Литературные связи за три века (XVIII–XX)»[7], редакцию которого осуществлял председатель группы Н.К. Козмин:

1) *Рахманов В.В.* — «Французский Сервантес в русской литературе XVIII века» (1–½ п. л.).
2) *Бутакова В.И.* — Источник стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных... (Пушкин и Монтень)» — ½ л.
3) *Томашевский Б.В.* — «Пушкин и Лафонтен» — 3 л.
4) *Яковлев Н.В.* — «Пушкин и Делорм» — ½ л.
5) *Враская В.Б.* — «“Адольф” Б. Констана в русской литературе и журналистике 20–30 годов» — 1 л.
6) *Гуковский Г.А.* «Жюль Жанен и его русские читатели» — 2 л.
7) *Мотовилова М.Н.* «Шарль Нодье в русской журналистике первой половины XIX века» 1–½ л.
8) *Гиппиус Е.Б.* «Литературная судьба Евгения Сю в России (1830–1851 г.)» — 1 л.
9) *Рындин М.М.* «“Хозяйка” Достоевского и немецко-французская романтическая традиция» — 2 л.
10) *Комарович В.Л.* — «Достоевский и Виктор Гюго» — 1 л.
11) *Клеман М.К.* — «Тургенев как переводчик Флобера» 1–½ л.
12) *Тынянов Ю.Н.* — «Салтыков-Щедрин и братья Гонкуры» — 1 л.
13) *Рахманов В.В.* — «Общественные идеи Франса» — 1–½ л.

Предполагался раздел о Ф.М. Достоевском в запланированной «Истории русской журналистики в ее главнейших представителях»: этот труд, который должен был состоять из двух томов по 15 листов, был указан в издательском плане на 1930/1931 годы преемника ИЛЯЗВ — Института речевой культуры (ГИРК); редакторами из-

[7] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 30. Л. 130 (публикуется отредактированная нами версия).

дания были намечены В.А. Десницкий, В.Е. Евгеньев-Максимов, В.С. Спиридонов, А.Г. Фомин и Н.В. Яковлев[8].

Наибольший же интерес представляют осуществленные работы сотрудников ИЛЯЗВ в области изучения Ф.М. Достоевского. Выбранные нами из архивных материалов сведения представлены, во-первых, в виде перечня состоявшихся в институте докладов и, во-вторых, в виде отдельных свидетельств, дополняющих научные биографии исследователей творчества Ф.М. Достоевского — сотрудников ИЛЯЗВ[9]: И.М. Андреевского, Л.М. Вайсенберга, В.Б. Враской, А.А. Гизетти, А.С. Долинина, Т.В. Домашневой, П.П. Евстафьева, К.К. Истомина, В.Л. Комаровича, Е.Б. Покровской-Гиппиус, Б.Г. Реизова, М.М. Рындина, М.О. Скрипиля, А.Л. Слонимского, Н.А. Терещенко, Б.М. Энгельгардта (материалы о работах Г.О. Берлинера мы не включаем, поскольку они были опубликованы нами ранее — [Дружинин, 2025]). Нужно отметить то, что некоторые из этих научных персоналий ранее вовсе не упоминались в связи с изучением творчества Ф.М. Достоевского.

Несмотря на скупость печатной продукции ИЛЯЗВ, которая объясняется как обстоятельствами 1920-х годов в целом, так и оторванностью Ленинграда от столичных полиграфических возможностей, особенное значение в те годы приобрел «жанр устного доклада, во многом определявший науку 1920-х годов», «способствовавший интенсивному обмену идеями и мыслями между учеными»: «В дискуссиях рождались новые повороты тем, искалась истина» [Иванова, 2007, с. 304]. При настолько важном значении для развития гуманитарной науки, время стерло память о подавляющем большинстве этих устных выступлений: сведения об этих докладах почти не публиковались, так что сегодня в истории науки большинство сделанных докладов ИЛЯЗВ не отражены. Тем важнее привести их перечень, по крайней мере, в рамках представляемого здесь направления исследований института.

---

[8] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 41. Л. 9 об.

[9] В случае цитирования документов мы делаем архивную ссылку, что же касается упоминаний и различных отдельных биографических сведений, то материалы эти приводятся без ссылок, на основании сквозного просмотра архивных фондов ЦГАЛИ СПб, Ф. 288 (ИЛЯЗВ) и СПФ АРАН Ф. 302 (ИЛЯЗВ – ГИРК – ЛО ЦИЯП), выборочного ГА РФ. Ф. А-4655 (РАНИМХИРК при Наркомпросе РСФСР) и Ф. А-2307 (Главнаука Наркомпроса РСФСР), которые легли в основу готовящейся нами монографии по истории ИЛЯЗВ.

Доклады о Ф.М. Достоевском в ИЛЯЗВ[10]

	Автор доклада	*Название*	*Дата*	*Место проведения*
1	Андреевский И.М.	Обзор литературы о Достоевском за 1918–1923 годы	18 января 1924	ИЛЯЗВ — Группа историков русской литературы
2	Андреевский И.М.	Достоевский и католичество	1924/25	(Доклад был подготовлен, сведений о выступлении с ним не имеется)
3	Андреевский И.М.	Философская критика о Достоевском	1924/25	(Доклад был подготовлен, сведений о выступлении с ним не имеется)
4	Берлинер Г.О.	Творчество Достоевского в 1847–49 гг.	1927/28	ИЛЯЗВ — Комиссия русской литературы
5	Долинин (Искоз) А.С.	Достоевский в 40-е годы	1924/25	ИЛЯЗВ
6	Долинин (Искоз) А.С.	Об эпистолярной литературе (принципы достоверности на основе писем Достоевского)	1927/28	ИЛЯЗВ
7	Домашнева Т.В.	Влияние Жорж Санд и утопистов на Достоевского	1927/28	ИЛЯЗВ — Комиссия международного обмена, в рамках темы «Русско-французские литературные отношения в 1-й пол. XIX в.»
8	Комарович В.Л.	Генезис и композиция романа Достоевского «Подросток»	1923/24	ИЛЯЗВ — Группа историков русской литературы

[10] Настоящий перечень не является публикацией какого-либо отдельного документа, а сформирован нами из многочисленных разрозненных упоминаний в архивных фондах и делах по истории ИЛЯЗВ.

9	Комарович В.Л.	«Cosima» Ж. Санд и «Подросток» Достоевского	1925/26	ИЛЯЗВ — Группа по изучению русской прозы
10	Комарович В.Л.	Агиографические источники «Братьев Карамазовых»	1925/26	ИЛЯЗВ — Группа по изучению русской прозы
11	Комарович В.Л.	Литературные заимствования в сюжете «Братьев Карамазовых»	18 мая 1925	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы
12	Комарович В.Л.	Замысел «Братьев Карамазовых»	1924/25	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы — группа по изучению Достоевского
13	Комарович В.Л.	Рукописная традиция романа Достоевского «Подросток»	7 декабря 1925	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы
14	Покровская-Гиппиус Е.Б.	Достоевский и Сю, Ч. 1: К вопросу об источниках «Неточки Незвановой».	1927/28	ИЛЯЗВ — Комиссия международного обмена, в рамках темы «Русско-французские литературные отношения в 1-й пол. XIX в.»
15	Реизов Б.Г.	К вопросу о влиянии Диккенса на Достоевского	17 марта 1929	ИЛЯЗВ — Комиссия международного обмена
16	Реизов Б.Г.	К вопросу о генезисе сюжета «Братьев Карамазовых»	27 ноября 1929	ИЛЯЗВ — Кабинет русской литературы
17	РындинМ.М.	Гофман и Достоевский	1924/25	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы — группа по изучению Достоевского

18	Рындин М.М.	«Хозяйка» Достоевского и повести Гофмана	28 февраля 1925	ИЛЯЗВ — Секция Романо-Германского мира — Неофилологический кружок
19	Рындин М.М.	Достоевский и Гофман: персонажи и ситуации «Хозяйки»	1926/27	ИЛЯЗВ
20	Рындин М.М.	Достоевский и Гофман: композиция «Хозяйки»	1926/27	ИЛЯЗВ
21	Рындин М.М.	«Хозяйка» Достоевского и романтическая традиция	1926/27	ИЛЯЗВ — Комиссия международного обмена
22	Сакулин П.Н.	Творческая работа Достоевского над романом «Идиот» по русским<!> источникам	1926/27	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы
23	Томашевский Б.В.	Из истории текста Достоевского	1925/26	ИЛЯЗВ
23	Энгельгардт Б.М.	Роман Достоевского как новый жанр	19 января 1925	ИЛЯЗВ — Секция новой и новейшей литературы

Personalia

Андреевский Иван Михайлович (1894–1976)

Сотрудник НИИ им. А.Н. Веселовского с 1922 года, с 4 августа 1923 года научный сотрудник ИЛЯЗВ 2-го разряда сверх штата (научный руководитель — Д.И. Абрамович; внеинститутская работа протекала под руководством проф. священника Ф.К. Андреева), совмещал занятия в ИЛЯЗВ с преподаванием истории русской словесности и психологии в средней школе; отчислен 21 октября 1925 года за истечением срока подготовки — с этим связано обстоятельство,

что подготовленные И.М. Андреевским к сентябрю 1925 года доклады о Ф.М. Достоевском так и не были зачитаны в ИЛЯЗВ.

Curriculum vitae И.М. Андреевского, октябрь 1923 года[11].

Иван Михайлович Андреевский, б. дворянин, родился 1 (14) марта 1894 г. в С.-Петербурге. Низшее образование: окончил 3-класссное городское училище в Петербурге. Среднее образование: 1) Швейцарский аттестат зрелости (в Женеве), 2) Русский аттестат зрелости (в Петербурге). Высшее образование: 1) 1914 г. окончил философское отделение Faculté des Lettres Парижского университета. В 1918 г. ушел с IV курса Медицинского факультета Психоневрологического института (зауряд-врач). В 1921 г. окончил Славяно-русское отделение Историко-филологического Петроградского государственного университета. В Парижском университете я занимался главным образом под руководством профессоров <V.> Delbos'a, <M.> Brunschvieg'a, <L.> Robin'a, <A.> Laland'a, <F.> Picavet, <F.> Dumas, <E.> Durkheim'a и <G.> Ballet. Кроме того, я прослушал в College de France курс лекций: <A.> Laland'a, P. Janet et Henry Bergson'a.

В Психоневрологическом институте особенно много занимался: в лаборатории по экспериментальной психологии у проф А.Ф. Лазурского, у проф. <В.А.> Вагнера (сравнительная психология), проф. <В.М.> Бехтерева (рефлексология); работал в социологическом кружке проф. <Е.В.> Де-Роберти, в просеминариях на других факультетах: у проф. <К.Ф.> Жакова (русская философия), проф. <С.А.> Венгерова и проф. <Н.И.> Коробки (русская литература).

В Петроградском университете проработал в просеминариях проф. <А.К.> Бороздина (народная словесность), проф. <И.И.> Лапшина (введение в философию), проф. <С.А.> Венгерова («Пушкин», «Достоевский»), проф. <С.А.> Адрианова («Достоевский»), проф. Александрова («Народная словесность»); проф. <С.А.> Алексеева <(Аскольдова)> («Введение в философию», «Психология рефлексии», «Система этики», «<Густав Теодор> Фехнер — <Герман> Лотце — <Эдуард фон> Гартман»); проф. <Л.К.> Ильинского («Первая четверть XIX века»), проф. <Н.О.> Лосского («Транс-субъективность чувственных качеств», «проблема свободы воли»), проф.

[11] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 28. Л. 3–4.

<В.В.> Буша («Древняя русская литература»), проф. Д.И. Абрамовича («Достоевский», «Слово и полку Игореве»). Во всех просеминариях принимал горячее активное участие и прочитал по несколько рефератов и докладов.

С 1920 г. начал, по предложению проф. Венгерова, писать исследование о творчестве Достоевского. Проф. Венгеров формулировал мою тему «Мир Достоевского» (тема его семинария), имея в виду «литературно-статистическую», по его выражению, «работу классификации типов Достоевского и определение характера эволюции его творчества». Я несколько видоизменил тему, обратив особенное внимание на психологию творчества Достоевского (как психиатр по врачебной специальность) и на эволюцию его религиозно-философских взглядов. Это исследование я пишу до сих пор.

Педагогическая деятельность: с 1919 по 1921 г. я читал лекции в студии Пролеткульта пролетарским писателям «Современная русская поэзия», «Очерки по истории западноевропейской литературы»; с 1919 преподаю историю русской литературы и психологию в старших классах средних школ (в настоящее время в 190 трудовой школе имени Л.Д. Ландовской).

В 1922 г. — утвержден сверхштатным научным сотрудником 2-го разряда Научно-исследовательского института имени Веселовского. С апреля 1922 я стал получать Академический паек КБУ, «персонально», после представления туда своих рукописей.

Новая русская литература (XIX в.) с ранней юности была предметом моего безграничного уважения, высокой оценки и страстной любви. Из методологических соображений я стремился к расширению своего образования (философского, медицинско-психологического, историко-филологического) для будущей литературно-критической своей деятельности. Педагог по натуре, нуждаясь, как в воздухе, в творческом общении со слушателями, я стремлюсь к профессуре, которая, как мне кажется, даст мне возможность, в процессе чтения лекций и руководстве семинарскими занятиями, почерпать силы, бодрость и веру, необходимые для интенсивной научной работы.

Иван Андреевский

Вайсенберг Лев Маркович (1900–1973)

Командирован по окончании Азербайджанского государственного университета, и зачислен 6 февраля 1924 года в качестве научного сотрудника 2-го разряда сверх штата на основании ходатайства Азербайджанского университета; в ИЗЯЗВ занимался в основном американской литературой (творчество Дос Пассоса и, особенно, Э. Синклера). Отчислен постановлением РАНИОН от 9 декабря 1927 года.

Заявление Л.М. Вайсенберга в ИЛЯЗВ, 22 января 1924 г.[12]

В Исследовательский Институт по литературе и языку
Научного сотрудника Азербайдж. Государственного Университета Льва Марковича Вайсенберга

Заявление

Представляя при сем: 1) Копию диплома I-ой степени об окончании мной историко-филологического факультета (ныне преобразованного в ФОН) Азербайджанского государственного университета по словесному отделению, 2) Отзывы обо мне профессоров Вас. Вас. Сиповского и Вячеслава Ивановича Иванова, 3) Письмо декана ФОН Аз. Гос. Ун. об откомандировании меня в Петроградский исследовательский институт для продолжения ученых занятий, 4) Cur. vitae, прошу зачислить меня в число научных сотрудников Исследовательского института по литературе и языку.

Считаю необходимым добавить, что работать я намерен в области истории русской литературы под руководством проф. Вас. Вас. Сиповского. В частности меня интересуют социологический подход в истории литературы и русский социальный роман 19-го века.

Не позже чем через 1 ½ месяца обязуюсь представить официальное ходатайство об откомандировании за подписью ректора Азерб. Гос. Университета.

[12] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 49. Л. 1–1об. Автограф.

Надеюсь, что Петроградский исследовательский институт по литературе и языку примет во внимание все вышеизложенное и включит меня в число своих сотрудников.

Лев Вайсенберг.
Петроград, 22 января 1924 г.

Curriculum vitae Л.М. Вайсенберга, 22 января 1924 г.[13]

Лев Маркович Вайсенберг
Curriculum Vitae.

Родился в ноябре 1900 года в городе Баку.

В 1907 году поступил в младший приготовит. класс Бак<инско-го> коммерч<еского> уч<илища>.

В 1918 году окончил Бак<инское> ком<мерческое> учил<ище> с золотой медалью.

В 1920 году поступил на I курс историко-филологического факультета Бак<инского> гос<ударственного> унив<ерситета> (на словесное отделение).

В 1920/21, 1921/22, 1922/23 учебных годах проходил курс Университета.

В марте 1923 закончил государственные экзамены.

В ноябре 1923 года защищал свое зачетное выпускное сочинение, посвященное доказательству несостоятельности логических учений, опирающихся на идеалистические философские системы (интуитивизм)[14] и получил диплом I-ой степени.

В том же месяце был представлен профессором Алекс<андром> Дмитриевичем Гуляевым к оставлению при Университете научным сотрудником и оставлен Советом факультета общественных наук при университете.

В декабре 1923 года был командирован в Петроградский исследовательский институт для дальнейших ученых занятий и подготовки к практической педагогической и научной деятельности.

[13] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 49. Л. 2. Автограф.

[14] Название зачетного сочинения — «Ученье проф. Н.О. Лосского в суждениях (анализ и критика)», по словесно-философскому отделению историко-филологического факультета; публичный коллоквиум состоялся 23 ноября 1923 года (ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 49. Л. 3об.)

Сейчас состою также студентом III курса восточного факультета Азерб<айджанского> гос<сударственного> ун<иверсите>та.

Петроград, 22 января 1924 г. Лев Вайсенберг.

Отзыв В.В. Сиповского о Л.М. Вайсенберге, 21 января 1924 г.[15]

Лев Маркович Вайсенберг окончил курс Бакинского университета в 1923 г. и был оставлен при университете и командирован в Петроград для продолжения ученых занятий.

В бытностью мою профессором Бакинского университета[16] и по ознакомлении с Л.М. Вайсенбергом, который занимался под моим руководством в моих семинариях по истории русской литературы XIX в. и сделал несколько хороших докладов (о Надсоне, Л. Андрееве, Достоевском и Тургеневе).

Кроме того он занимался под руководством проф. В.И. Иванова изучением русской литературы (Пушкина) и западноевропейской (Данте и Гейне) и античной (Платон, Марк Аврелий, Саллюстий). Мнение проф. В.И. Иванова выражено в приложенной к сему записке, я же со своей стороны горячо рекомендую гр. Вайсенберга вниманию Коллегии Исследовательского института, как молодого человека, серьезно работающего и искренне интересующегося историей русской литературы.

Проф. В. Сиповский
21 января 1924.

Отзыв В.И. Иванова о Л.М. Вайсенберге, 11 декабря 1923 г.[17]

Лев Маркович Вайсенберг, окончивший курс Факультета Общественных Наук Азербайджанского Госуд. Университета по философско-словесному отделению с дипломом I степени и весьма успешно защитивший свою выпускную работу (разбор учения о суждениях в логике Лосского), принадлежал за время прохождения университетского курса к числу наиболее выдающихся по успехам,

[15] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 49. Л. 5–5 об. Автограф.

[16] В.В. Сиповский был профессором Бакинского университета в 1919–1922 годах.

[17] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 49. Л. 6–6 об. Автограф В.И. Иванова.

научной заинтересованности и дарованию наших студентов и, в частности, на моих семинариях (напр. по Достоевскому и по Гете) блестяще обнаруживал и свое научное трудолюбие, и свои способности; основательность и критичность его мышления заслуживают полной похвалы. Тов. Вайсенберг оставлен при университете научным сотрудником и командирован для дальнейших научных занятий в Петроград.

Профессор класс. филологии Азербайджанского Гос. Университета.
Вячеслав Иванов

11 декабря 1923.

Враская Варвара Борисовна (1901–1979)

7 марта 1924 Коллегия ИЛЯЗВ по ходатайству научного сотрудника 1-го разряда Н.К. Козмина постановила разрешить привлечь В.Б. Враскую, которая «собирала материал о Бенжамене Констане», к занятиям по разработке плановой темы «Французское влияние в русской литературе и журналистике Пушкинской эпохи»; 12 мая 1925 года зачислена на основании рекомендации Факультета общественных наук ЛГУ на должность научного сотрудника 2-го разряда сверх штата, 11 июня 1925 года включена в число штатных сотрудников ИЛЯЗВ.

Curriculum vitae В.Б. Враской, 1 июня 1924 г.[18]

Curriculum Vitae Враской, Варвары Борисовны.

Я родилась в 1901 г. Весной 1919 г. я окончила 30-ю Сов<етскую> труд<овую> школу 2-й ступени и осенью того же года поступила на Филологическое отделение Историко-филологического факультета Петроградского государственного университета. Занимаясь в университете, я в 1919–20 году разбирала в Сенатском архиве документы, касающиеся беспорядков на Юге России в конце XIX и начале XX века. В 1920 году я служила в Отделе охраны памятников искусства и старины в качестве сотрудницы библиотечной секции и описывала библиотеки. В 1921 г. я стала научным сотрудником

[18] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 58. Л. 8–8 об. Автограф.

Пушкинского Дома при Российской академии наук. Занимаясь в Рукописном отделении Пушкинского Дома, я сообщила черновые наброски Речи Достоевского о Пушкине, которые и были напечатаны в «Известиях Дома Литераторов», а потом перепечатаны в Сборнике на 1921 г. «Радуга». В 1922 году я занималась сличением первопечатного текста «Хозяина и работника» Толстого с его корректурой. Осенью 1923 г. я, под руководством Д.И. Абрамовича, приготовила к печати черновой вариант Речи Достоевского о Пушкине по рукописи Публичной Библиотеки. Эта работа, под редакцией Д.И. Абрамовича и с его статьей, была напечатана в Сборнике «Достоевский» II т. 1925 г.

В 1924 г., до окончания Университета, я была допущена к занятиям Исследовательского института и под руководством Н.К. Козмина, начала работать над темой «Бенжамен Констан в русской литературе и журналистике Пушкинской эпохи». В мае 1925 г. я окончила Ленинградский государственный университета по программе этнолого-лингвистического отделения и в минувшем 1924–25 ак. году я занималась у Л.К. Ильинского и участвовала в работе группы Н.К. Козмина (литературное общение России и Запада). В этой группе я прочитала два доклада «Адольф Бенжамен Констан в русской литературе и журналистике Пушкинской эпохи» и «Бенжамен Констан как политик и ученый в русской литературе и журналистике 20-х и 30-х г.». Первый из этих докладов был мною прочитан на одном из заседаний VII секции Института.

В. Враская
1 июня 1925 г.

Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938)

Научный сотрудник ИЛЯЗВ 1-й категории сверх штата с 7 марта 1923 года, принят после ликвидации Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете; с февраля 1924 — научный сотрудник 1-го разряда сверх штата; участвовал в работе VII-й секции (Новой и новейшей литературы), творчество Достоевского рассматривалось им в контексте изучения Леонида Андреева; сохранились тезисы доклада, который был прочитан в заседании секции в 1924/1925 году.

Тезисы доклада А.А. Гизетти[19]

Тезисы к докладу

«Русские и Западные вдохновители Леонида Андреева».

I. Несмотря на сравнительно малое знакомство с западной литературой в подлинниках, Л.Н. Андреев, в связи с уклоном его творчества к философским темам, часто выходил в своих произведениях далеко за пределы изображения русской только действительности. Искал вдохновения в образах мировой литературы.

II. Из русских писателей-художников оказали на Леонида Андреева влияние: в начале его творческого пути — Чехов и М. Горький, в расцвете пути — Л. Толстой и Достоевский. К Л. Толстому Л. Андреев всё время тянулся идейно и художественно, но ближе оставался ему Достоевский, однако исключительно как отрицатель и художник патологических переживаний. Христианская идеология Достоевского была Андрееву чужда и враждебна, и вообще он всё время боролся с «достоевщиной» в себе, иногда даже явно несправедливо преуменьшая в признаниях-беседах влияние Достоевского на свое творчество.

III. Особняком стоит влияние Гаршина (изображение войны, жажда героизма и сильных страстей, связь повестей Андреева о «падших» с «Надеждой Николаевной» Гаршина и т.п.)

IV. Из публицистов русских неизгладимое запечатлелось на Андрееве с юности влияние Писарева (атеизм, материализм, разрушение авторитетов). Но рационалистический нигилизм Писарева скоро сменяется нигилизмом иррационалистическим и пессимистическим (влияние Шопенгауэра и Гартмана).

V. Ницше сыграл громадную роль в развитии Андреева: можно сказать писатель все время колеблется между хищным индивидуализмом ницшеанцев и «моралью любви» Л.Н. Толстого.

VI. Из писателей Запада сильнее всего влияли на Андреева Байрон («Океан», «Сашка Жегулев»), Диккенс (преимущественно бытовые повести и драмы) и особенно Эдгар По (мир фантазий и преступного «надрыва» души).

VII. Рядом с литературным влиянием По неразрывно идет влияние художника Гойя — Caprichos которого отразилось и в рисунках, и в литературных произведениях Андреева. Особенно показательны

[19] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 64. Л. 10–10 об. Автограф.

для этого влияния «символистские» драмы Андреева и повесть «Мои записки».

VIII. Творчество Л.Н. Андреева несомненно достигает иногда «мирового» размаха и самые неудачи его очень показательны и с художественной и культурно-исторической точки зрения.

Долинин (Искоз) Аркадий Семенович (1880–1968)

На основании представления VII-й секции (Новой литературы) от 25 ноября 1924 года зачислен научным сотрудником 1-го разряда ИЛЯЗВ сверх штата с 4 декабря 1924 года, в производственном плане ИЛЯЗВ на 1924/1925 год А.С. Долинин отвечал за описание рукописей Ф.М. Достоевского в рамках коллективной темы «Описание рукописей ленинградских собраний»; кроме указанных выше, выступил в 1924/1925 году с докладами «Мемуары как жанр» и «Последний роман Тургенева». До поступления в штат ИЛЯЗВ выступал с докладами в Пушкинском Доме (в штате которого не состоял): «Красная газета» фиксирует его два доклада, сделанные в один день 17 июля 1924 года: «Тургенев в “Бесах”» и «Пропущенные страницы в “Бесах”»[20]. В 1925/1926 году А.С. Долинин принимал участие в работе группы по изучению русской журналистики (полное наименование: группа по изучению русской журналистики, критики и публицистики; руководитель — В.С. Спиридонов); в 1927/1928 году А.С. Долининым, входившим в состав Комиссии по русской литературе, была организована самостоятельная группа по истории критики.

Домашнева Татьяна Валериевна (1903–?)

Научный сотрудник 2-го разряда ИЛЯЗВ в 1924/1925 года; руководителем ее аспирантской подготовки был В.Л. Комарович. В 1926 году подготовила квалификационную работу «Идеологические и литературные увлечения Достоевского 40-х годов (французские утопические социалисты и Жорж Санд — с одной стороны; гоголевская школа — с другой) в их влияние на роман Достоевского

[20] Красная газета: утренний выпуск. Л., 1924. № 161, 17 июля. С. 8.

“Идиот”», получившую положительный отзыв В.Л. Комаровича. Однако Т.В. Домашнева не выдержала испытаний по марксистской методологии и была отчислена из числа аспирантов ИЛЯЗВ. 10 июня 1927 года Коллегия ИЛЯЗВ ходатайствовала перед Государственным ученым советом Наркомпроса о зачислении ее в аспиранты с повторной сдачей экзамена; в 1927/1928 году учтена в числе участников Комиссии по изучению международного литературного обмена (группа «Русско-французские литературные отношения в 1 пол XIX в.»).

Евстафьев Павел Петрович (1894–1943)

27 октября 1924 года VII секция (Новой литературы) ИЛЯЗВ постановила ходатайствовать перед Коллегией ИЛЯЗВ о включении П.П. Евстафьева в число научных сотрудников 2-го разряда, но утвержден Коллегией он был только 16 марта 1925 года, после получения выписки из протокола заседания Правления Ленинградского университета, но сверх штата. 28 октября 1925 года постановлением Коллегии ИЛЯЗВ зачислен с 1 октября в штат, на вакансию научного сотрудника 2-го разряда, стипендия выделялась из средств Главнауки Наркомпроса. В 1925/1926 году частник группы «Русская литература XIX века» (руководитель Д.И. Абрамович). После того, как П.П. Евстафьев осенью 1926 года при сдаче испытаний по марксистской методологии получил «удовлетворительно», а также ввиду отсутствия у него законченных научных работ, в стипендии ему было отказано; с 1 января 1927 года переведен на должность научного сотрудника 2-го разряда сверх штата. В начале 1928 года служил в отделе просвещения Мурманской железной дороги; окончательно отчислен из ИЛЯЗВ в июне 1928 года. Ни об одном докладе П.П. Евстафьева на заседаниях ИЛЯЗВ ничего не известно, что достаточно нетипично для сотрудников института.

Рекомендация В.В. Сиповского, 24 июня 1924 г.[21]

В Президиум факультета общественных наук Ленинградского государственного университета
Профессора Госуниверситета Василия Васильевича Сиповского
Заявление

Обращаюсь в Президиум с просьбой оставить при кафедре русской литературы Павла Петровича Евстафьева, который занимался в текущем году под моим руководством изучением литературно-публицистической деятельности Чернышевского, проявил большой интерес к работе, умение пользоваться материалом и, главное, желание работать и впредь.

Вследствие этого я привлек т. Евстафьева к коллективной работе по истории русского романа XIX века, каковая работа происходила в Исследовательском институте при Университете.

Под руководством проф. Горбачева т. Евстафьев работал над изучением творчества Достоевского («Достоевский и социализм»).

Считая т. Евстафьева способным молодым человеком, я очень бы хотел, чтобы он продолжал участвовать в коллективной работе по истории русского романа.

Проф. В. Сиповский

24 июня 1924.

Анкета П.П. Евстафьева, 1 июля 1924 г.[22]

Анкета
для научного сотрудника факультета общественных наук Ленинградского государственного университета.

1). Фамилия, Имя и Отчество: Евстафьев, Павел Петрович.

2). Время, год, месяц, число и место рождения: 1894 июнь<!>.

3). Пол: Муж.

4). Образовательный ценз / когда и какой ВУЗ окончил: Ленинградский Университет.

[21] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 75. Л. 3–4. Автограф.

[22] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 75. Л. 5 – 5об. Автограф на гектографированном бланке.

5). Специальность: Русская литература.

6). С какого времени состоит научным сотрудником: –

7). По какой кафедре оставлен: По кафедре русской литературы.

8). Кем представлен к оставлению: Проф. Сиповским.

9). В каких еще ВУЗ обучался, когда и окончил: –

10). В чем выразилась работа по специальность за время пребывания в ВУЗ в качестве студента и под руководством кого занимался: Работа по изучению литературно-публицистической деятельности Чернышевского под руков. проф. Сиповского, изучение творчества Достоевского (в частности «Достоевский и социализм») под рук. проф. Горбачева.

11). В чем выражается научная работа в настоящее время: Работы по истории русского романа XIX столетия (коллект.) и на тему: «Генеалогия типов и тем у Достоевского».

12). Под руководством кого работаете: Проф. Сиповского и Горбачева.

13). Сдавал ли отчеты, когда, кому: Проф. Сиповскому в апреле 1924 г. и проф. Горбачеву в июле 1924 г.

14). Какие работы написаны [напечатаны], где и когда: О Чернышевском и его литературно-публицистической деятельности и «Достоевский и социализм» в Университете.

15). Какие работы находятся в рукописи: По истории русского романа XIX столетия и сочинение на тему: «Генеалогия типов и тем у Достоевского».

16). Отношение к марксизму, как научному методу: Руководствуюсь этим методом.

<...>

Подпись: П. Евстафьев

Дата заполнения: 1 июля 1924 г.

Curriculum vitae П.П. Евстафьева, 20 марта 1925 г.[23]

Curriculum vitae.

Родился я в Ленинграде в 1894 году 11 мая<!>. Сын крестьянина. Детство до 12 лет прожил с родителями в селе Медведе Новгородской губернии, где и окончил двухклассную школу. Среднюю школу

[23] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 75. Л. 2 – 2 об. Автограф.

окончил в 1913 году. С 1913 года по 1915 год служил на заводах Балтийском и Сименс-Шуккерт в качестве чертежника. В 1915 году был призван на военную службу, участвовал в Русско-германской войне до 1918 года. Демобилизовавшись, поступил на службу в уездный отдел социального обеспечения в городе Череповце в качестве секретаря и впоследствии заведующего подотделом Губернского отдела социального обеспечения. Осенью 1919 года поступил в Ленинградский университет, но через неделю ушел в Красную Армию, где и пробыл до весны 1921 года; участвовал в Гражданской войне, был контужен в голову и освобожден вовсе от военной службы с снятием с учета.

Осенью 1921 года был восстановлен в правах студента Ленинградского университета. В 1922 и 1923 году, будучи студентом, служил в ленинградском Пролеткульте и читал лекции по русской литературе на заводах Балтийском и Энгельс — Светлана. Окончил университет по отделению языковедения и литературы факультета общественных наук 27 июня 1924 года с оставлением научным сотрудником Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ФОН Ленинградского университета. Окончательно утвержден в этом звании 16 марта 1925 года.

20 марта 1925 г. П. Евстафьев.

Заявление П.П. Евстафьева в ИЛЯЗВ, 5 октября 1925 г.[24]

В Научно-исследовательский институт при ЛГУ.
Научного сотрудника 2 разряда
Павла Петровича Евстафьева
Саперный пер. 16 кв. 64

Заявление

Неоднократные мои попытки найти службу по своей специальности, или же такую, которая бы не отнимала все мое время и давала бы возможность продуктивно работать в Институте, в течение уже года, привели к полной неудаче. Моя последняя служба на механическом заводе «Красный Выборжец» в качестве слесаря хотя и давала средства к существованию, но вследствие тяжелых условий физи-

[24] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 75. Л. 7 – 7об. Автограф.

ческой работы приводила лишь к тому, что по окончании дневной работы я настолько уставал, что работать научно, да и просто читать, уже не мог. А между тем меня настолько захватила моя работа в Институте, что мне было бы крайне тяжело отказать от нее.

Осенью и зимой прошлого года, в период моей службы в Институте книговедения, я, пользуясь частью материалами архива покойного проф. Венгерова и занимаясь вечерами в Публичной библиотеке, начал большую работу по переводному роману в русской литературе второй половины 19 века.

За зиму мне удалось эту работу значительно продвинуть вперед, но так как служба моя в Институте книговедения была бесплатной (служба являлась как бы компенсацией за пользование вышеупомянутым материалом), то я вынужден был искать какого-нибудь заработка и поступил на завод.

В марте настоящего года я был утвержден в звании научного сотрудника Научно-исследовательского института и кроме занятий в основной 7 секции (теперь 2-й) начал заниматься и в 1-й секции Института. Во время прохождения курса в Университете я много занимался под руководством проф. Сиповского историей русского романа 2-й половины 19 века, и, в частности, художественной и публицистической деятельностью шестидесятников (Чернышевского, Писарева, Левитова и др.) Параллельно с этим занимался и в семинарии проф. Горбачева («Творчество Достоевского»).

Настоящая моя работа по переводному роману в русской литературе 2-й половины 19 века находится в прямой связи с студенческой работой по истории русского романа 2-й половины 19 века и является как бы ее продолжением.

Мне тяжело было бы не довести до конца мою работу и это заставляется меня просить правление Института о назначении мне стипендии.

5 октября 1925 г. П. Евстафьев.

Истомин Константин Константинович (1874–1942)

Сотрудник НИИ имени А.Н. Веселовского с 1922 года, 4 августа 1923 года Коллегией ИЛЯЗВ утвержден научным сотрудником 1-го разряда, 11 ноября 1925 года зачислен в штат. В 1924/1925 годах работал в секции Новой литературы (VII), в 1925/1926 годах уча-

ствовал в работе группы «Русская литература XIX века» (руководитель Д.И. Абрамович); в 1927/1928 участник группы по изучению творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина. Весной 1928 года он констатировал: «Подготовленные: восемь больших работ вполне готовы к печати, но не знаю, где и как их устроить (по размерам). Вообще, истекший учебный год был для меня неблагоприятен: с 11 февраля до конца апреля был вынужден лежать в постели (вывих ступни правой ноги)». К.К. Истомин выступал с докладами на заседаниях ИЛЯЗВ; в 1924/1924 с докладом «Стилистическая судьба комедии “Недоросль”»; в 1925/1926 году — «“Губернские очерки” Щедрина», «Ранние предтечи реализма (М.М. Веревкин)»; 13 декабря 1926 и 24 января 1927 года — «Из истории щедринского стиля», а также вне института — «“Господа ташкентцы”: из истории и теории художественно-публицистических очерков Щедрина».

Список научных работ К.К. Истомина, 28 ноября 1928 г.[25]

Список научных работ К.К. Истомина, вполне готовых к печати и предложенных для издательства ИЛЯЗВ.

1. «Из истории щедринского стиля. (Конец пятидесятых и шестидесятые годы)».

2. «Начальный период русской комедии. Из стилистических наблюдений».

3. «Стилистическая судьба комедии Фонвизина “Недоросль”»

4. «Ранние предтечи реализма. Стилистический анализ комедий М.И. Веревкина».

5. «Начала и концы в творчестве Достоевского. Опыт психологии творчества».

6. «“Губернские очерки” Щедрина. Из стилистических наблюдений».

Желательно было бы напечатать в первую очередь первую и четвертую работы.

Научный сотрудник К. Истомин
28 ноября 1926 г.

[25] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 28. Л. 70. Автограф.

Комарович Василий Леонидович (1894–1942)

Сотрудник НИИ имени А.Н. Веселовского, утвержден 23 июня 1923 года в звании научного сотрудника 1-го разряда; впоследствии активный участник работы ИЛЯЗВ. Хотя о В.Л. Комаровиче опубликовано достаточно материалов, относительно его деятельности в ИЛЯЗВ ранее было известно мало [Комарович, 2018, с. 19–20], и приводимые сведения (включая выше помещенный перечень его докладов) призваны добавить еще ряд фактов к биографии этого крупнейшего исследователя творчества Ф.М. Достоевского.

Представление А.К. Бороздина и А.А. Шахматова, май 1917 г. [26]

В Историко-Филологический Факультет Петроградского Университета.

Представляя Факультету для оставления при Университете для приготовления по профессорскому званию по кафедре русской словесности окончившего курс в настоящем году Василия Леонидовича Комаровича, сообщаю о нем следующие краткие сведения: родился Комарович 9 января 1894 г., окончил в 1912 г. Нижегородскую гимназию, за время пребывания в Университете занимался преимущественно по новой русской литературе, результатом чего явились его печатные работы: «Неизвестная статья Ф. Достоевского» («Русская Мысль», 1916 г., кн. 1), «Достоевский и Гейне» («Современный Мир», 1916 г., кн. 10), «Достоевский и “Египетские ночи” Пушкина» («Пушкин и его современники», вып. XXIX), «Достоевский и шестидесятники» («Современный Мир», 1917 г., кн. 1). Кроме того он собрал материалы для работы «Почвеннический журнал “Время”, его редакция и направление». Его дипломное сочинение «Достоевский в 40-х г.г. и утопический социализм Франции» принято для печатания редакцией «Вестника Европы».

Приват-доцент А. Бороздин.

Профессор А. Шахматов.

[26] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 96. Л. 1. Автограф А.К. Бороздина, подписи-автографы. Датируется по содержанию (заседание факультета, рассмотревшее данное представление, состоялось 27 мая 1917 года). 29 мая 1917 года университет представил избранного историко-филологическим факультетом для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности В.Л. Комаровича на утверждение попечителю Петроградского учебного округа, и 31 мая датируется согласие последнего. (Там же. Л. 7).

Представление С.А. Венгерова, 17 мая 1917 г.[27]

Петроград 17 мая 1917 г.

В.Л. Комарович — один из наиболее заслуживающих внимания кандидатов для оставления при Университете. Как участник Пушкинского Семинария (в течение 4 лет) и как автор 2 больших докладов по Достоевскому в историко-литературном обществе имени Пушкина, Комарович заявил себя человеком хорошо образованным и способным к точному и тонкому анализу историко-литературных явлений. В настоящее время он весьма плодотворно работает в области выяснения французского влияния на людей 40-х годов вообще и Достоевского в частности. Ведет Комарович свое исследование по широкой программе, привлекая не только русскую литературу, но и обширную литературу западноевропейского романтизма и утопизма. Комарович — почти сформировавшийся молодой ученый. Результаты его исследований уже появились и должны появиться в ряде лучших журналов наших: «Русской Мысли», «Современном Мире», «Вестнике Европы».

С. Венгеров.

Сообщение В.Л. Комаровича о готовых работах, 30 ноября 1926 г.[28]

30 ноября 1926 г.

В Канцелярию ИЛЯЗВ

В ответ на запрос Коллегии ИЛЯЗВ (от 16 ноября с.г.) о подготовленных к печати работах сообщаю названия и размеры таковых:

1. «Литературная история “Братьев Карамазовых” Достоевского»: Исследование и тексты — 15 печ. лл. (В немецком переводе печатается R. Piper Verlag Munchen; русское издание не осуществлено);

2. Курс лекций «Достоевский и его литературная эпоха» (французские источники романа Д<остоевск>го как литературного жанра) — 10 печ. лл.

Статьи:

3. Достоевский и Жорж Санд — 2 печ. лл.

[27] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 96. Л. 2. Автограф.

[28] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 1. Д. 30. Л. 69. Автограф.

4. Достоевский и V. Hugo — 2 печ. лл.

5. Из подготовляемой к печати работы «Легенды о затонувших и провалившихся городах» отдельные, уже осуществленные главы могут быть напечатаны, как самостоятельные статьи, например «Этимология Китеж, Кидаш, Покидош» и др. — 2 печ. лл.

В. Комарович

Покровская-Гиппиус Елена Борисовна (1899 – 1988)

В 1921 голу окончила социально-историческое отделение Факультета общественных наук 1-го высшего Петроградского пединститута; 1925 году была напечатана ее статья «Достоевский и декабристы»; в ИЛЯЗВ зачислена аспирантом (научным сотрудником 2-го разряда) сверх штата с 1 января 1927 года; 19 мая 1929 года Коллегия ИЛЯЗВ утверждала характеристику Е.П. Покровской-Гиппиус по случаю окончания ею аспирантской подготовки, в которой указано: «Специальность — Русская литература и французская литература. Идеологическая установка — Марксистски подготовлена. На путях к полному усвоению марксистской методологии. Политическая установка — Активная советская установка»[29]. Кроме указанного выше доклада «Достоевский и Сю» ею были прочитаны доклады «Литературная судьба Е. Сю в России» (1925/1926) и «Роман Сю 1840-х годов» (1927/1928). В момент работы в ИЛЯЗВ была замужем за музыковедом Е.В. Гиппиусом.

Реизов Борис Георгиевич (1902–1981)

Первое упоминание Б.Г. Реизова в материалах ИЛЯЗВ относится к 27 сентября 1927 года, когда он был включен в число иногородних соискателей, участвующих в конкурсе в аспирантуру; 14 октября 1927 года Президиум РАНИОН принял решение о принятии Б.Г. Реизова в число штатных аспирантов ИЛЯЗВ. В 1928 году (в рамках 1927/1928 академического года), работая в Романо-германской комиссии ИЛЯЗВ, активно участвовал в работе группы по

[29] СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

изучению коллективной темы «От классицизма к реализму в новой европейской драме» (участники — Н.Я. Берковский, Б.Я. Гейман, Б.Г. Реизов, Б.А. Ильиш, Е.И. Клименко), фактически руководил работой этой группы; на заседании группы 24 марта 1928 года выступил с докладом «Драматическое творчество Мармонтеля». В 1929/1930 году состоял секретарем кабинета сравнительного изучения литератур (зав. кабинетом — М.К. Клеман) и секретарем Секции литературы ИЛЯЗВ (председатель секции — В.А. Десницкий); 14 апреля 1930 года в заседании Президиума Секции литературы выступил с сообщением о ненормальностях в работах группы журналистики и подгруппы марксистской журналистики (в работе которых возник конфликт). Сохранился протокол заседания Комиссии по изучению международного литературного обмена от 17 марта 1929 года, в котором зафиксировано высказывание П.Н. Беркова о докладе Б.Г. Реизова «К вопросу о влиянии Диккенса на Достоевского»: «Сопоставление основного момента — Татьяны Ивановны Достоевского с Мисс Уардль у Диккенса — сделано хорошо, хотя докладчик придает слишком большое значение некоторым мелочам»[30].

Относительно работ Б.Г. Реизова по изучению Ф.М. Достоевского в бытность ученого в Северо-Кавказском университете существуют печатные упоминания, в которых приведена хроника основанного 23 января 1927 года Научно-исследовательского семинария по истории литературы при СКГУ под руководством Е.А. Боброва: «На каждый семестр определялась одна тема в качестве основной. Таковой в I семестре было изучение жизни и произведений Достоевского, а во II полугодии — эпоха 60-х годов прошлого века. По этим основным темам было прочтено всего 14 докладов: о Достоевском — 6, о 60-х годах — 8. Из докладов по Достоевскому упомянем 3 доклада практиканта Б.Г Реизова: a) “«Униженные и оскорбленные» как продукт влияния двух романов Жорж Санд” (напечатано в ученом органе СКГО), b) “О западных влияниях в «Братьях Карамазовых»”, c) “О предполагаемой мнимой I редакции «Бедных людей»”. <Е.А.> Боброва — “О сюжете «Старца и подростка» в «Униженных и оскорбленных»” и т.д.»[31].

---

[30] СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 268. Л. 145 об.

[31] Научно-исследовательский семинарий по истории литературы при СКГУ: Краткий отчет за 1927 г. // Бюллетень научных обществ и учреждений Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1928. № 4, 21 января. С. 5.

Отзыв профессора Е.А. Боброва, 29 апреля 1927 г.[32]

В отборочную Комиссию

Отзыв о сочинении Б.Г. Реизова о Стендале – Бейле

Борис Георгиевич Реизов еще со II курса своего студенчества обратил на себя внимание профессоров своим прилежанием, знанием трех новых языков (как и двух классических) и живым интересом к истории западноевропейских языков и к предметам романо-германской филологии вообще. К сожалению, в Ростове ему не хватало подчас нужных специальных книг и специального руководства (например, по провансальскому, готскому и другим языкам). Однако он работал с неослабевающим усердием, и как достойный результат — лингвистическая предметная комиссии ныне ходатайствует о командировании его в Ленинград, в Институт изучения западных и восточных языков и литератур.

К концу курса Реизов избрал себе чрезвычайно трудную и обширную тему, каковую он разрабатывает в виде монографии, соответствующей прежней магистерской диссертации. Он специально занимается Стендалем – Бейлем, самым трудным и самым доселе неразгаданным, самым внутренне противоречивым из всех великих французских писателей из второй половины XIX века, о котором, кстати сказать, нет на русском языке ни одной сколько-нибудь оригинальной статьи. При всей своей немалой нуждаемости, как семейный человек, подвергая себя лишениям, Реизов ухитрился на собственный счет выписать из-за границы и собрать у себя в руках почти всю нужную ему литературу на разных языках насчет Стендаля, каковой, разумеется, нет в местных книгохранилищах и каковою он даже снабжал своих профессоров. <...>

В дополнение к отзыву о трудах Б.Г. Реизова сообщаю, что, кроме представленной работы о Стендале, Реизов трудится ныне над большой по задуманному плану книгой о Достоевском. Одна глава ее уже печатается в «Известиях» СКГУ. Общею задачею книги является желание пересмотреть всю литературную деятельность Достоевского с точки зрения влияний на него Запада — задача, которой доныне почти не занимались. Кое-какие результаты уже получились. Большую часть романа «Униженные и Оскорбленные» удалось свести на контаминацию двух романов Жорж Санд; в «Карамазовых»

[32] ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 678. Л. 47–49об. Автограф.

наш молодой исследователь усматривает влияния столь любимого Достоевским Шиллера, а также пробуждение интереса к проблеме наследственности под влиянием Золя. Чрезвычайно интересен анализ «Преступления и Наказания» как результат влияния Бальзака (кроме уже указанного Гроссманом), а также и «Бедных людей» в связи с вопросом о так называемой «первой редакции» их. Что касается «Карамазовых», то автор устанавливает интересные связи их с «Записками из Мертвого Дома». Однако, так как автор еще решается на опубликование своих результатов, то в видах охраны его научного приоритета я не могу разоблачать их преждевременно.

Проф. Е.А. Бобров

29 апреля 1927.

Фрагмент отчета Б.Г. Реизова о научной работе, 14 мая 1929 г.[33]

Отчет о научной работе за 1928–1929 академический год
аспиранта Б.Г. Реизова.

<...> Участие мое в производственной работе Института выразилось в подготовке к печати переписки А.Н. Веселовского (на романских языках). В то же время я продолжал занятия специальными языками, главным образом, испанским и итальянским.

Сверх плана мною был прочтен доклад в группе сравнительного изучения русской и иностранных литератур на тему «К вопросу о влиянии Диккенса на Достоевского» (рукопись доклада находится в редакции органа ИЛЯЗВ «Язык и литература» и предназначена к напечатанию в очередном его номере). В ближайшем заседании группы будет прочтен доклад «Проблема литературных влияний в творчестве О. Бальзака.»

Работа вне Института выразилась в докладе читанном в семинарии Научно-исследовательского типа по литературе при Северо-Кавказском университете, на тему «К вопросу о генезисе сюжета романа Достоевского “Братья Карамазовы”». Краткое содержание доклада печатается в «Известиях Северо-Кавказского Государственного Университета.

Б. Реизов
14 мая 1929 г.

[33] ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 678. Л. 9 об. Автограф.

Отзыв профессора В.Ф. Шишмарева, 28 мая 1929 г.[34]

Аспирант Б.Г. Реизян (Реизов), романист по специальности, работает в Институте не так давно, но в силу того, что я являюсь его руководителем, я имел возможность составить себе о нем довольно отчетливое представление. Р. тяготеет по преимуществу к вопросам историко-литературным. В этом направлении им за время пребывания в Институте проделана довольно значительная работа. Он перечел очень много, и очень расширил круг своих фактических познаний. Эта сторона его работы обнаружила в нем большую работоспособность и живой интерес к делу. Следует отметить, что Р. работает скоро, и легко схватывает сущность вопроса. В области языков он обнаруживает хорошее знакомство с тремя основными современными языками, и это ставит его работу в хорошие условия. Методически Р. подготовлен достаточно хорошо. Я должен отметить его уменье подойти к вопросу с точки зрения и марксистской системы.

Более слабым местом его является область филологии и языка, в которой он чувствует себя новичком, так как не прошел в бытность свою студентом основательной филологической школы. Сознавая этот недочет, Р. пытается теперь исправить его и принимает участие в некоторых семинарских занятиях с целью пополнения своих языковых познаний.

Я думаю, в итоге, что из Р. может выработаться серьезный научный работник современного типа, который будет полезным участником в нашей общей научной работе.

Д<ействительный> чл<ен ИЛЯЗВ> В. Шишмарев

28 мая 1929.

Рындин Михаил Михайлович (1882–1941)

С 1922 года участвовал в работе ИЛЯЗВ, постановлением Коллегии ИЛЯЗВ от 4 декабря 1924 года зачислен на должность научного сотрудника 1-го разряда сверх штата; постановлением РАНИОН от 9 декабря 1927 года утвержден научным сотрудником 1-го разряда ИЛЯЗВ сверх штата; постановлением Государственного ученого

[34] ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 678. Л. 6–6 об. Автограф.

совета Наркомпроса от 9 октября 1928 года не вошел в число сотрудников ИЛЯЗВ. О широте научных интересов этого филолога — от европейской литературы средневековья до индоевропейского языкознания — говорит и разнообразие тем его докладов в институте: «Enjambement во французском стиле» (1923/1924), «Байрон и французская литература» (20 апреля 1924), «О французском артикле» (1925/1926), «О стихотворном переносе у поэтов преромантической поры» (1925/1926; Романо-Германская группа), «Источники и композиция старопровансальского романа “Фламенка”» (1926/1927); «По поводу теории артикля в работе Г. Гийома» (1925/1926; Секция индоевропейского языкознания), «Быт и литературная традиция в старопровансальском романе “Фламенка”» (1926/1927; Секция Средних веков и Эпохи Возрождения). Основной темой в работах М.М. Рындина о Ф.М. Достоевском в ИЛЯЗВ было изучение влияния Гофмана на русского писателя: помимо многочисленных докладов он подготовил книгу на эту тему. В отчете за 1924/1925 академический год от 12 сентября 1925 года он писал о своей работе: «Литературную обработку получил мой труд о Хофмане и Достоевском: “«Хозяйка» Достоевского и повести Хофмана”»[35], а в отчете за 1927/1928 год от 10 сентября 1928 года он сообщает о готовой к печати рукописи: «“Хофман и Достоевский” — 6 листов»[36].

Curriculum vitae М.М. Рындина, 13 декабря 1924 г.[37]

Жизнеописание Михаила Михайловича Рындина, профессора Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена и преподавателя Ленинградского государственного университета.

Родился в 1882 г. в Ленинграде. Окончил романо-германское отделение филологического факультета Петроградского университета в 1915 г. и был оставлен при кафедре, для подготовления к научной деятельности. В 1918 г. сдал магистерские испытания и был избран приват-доцентом Петроградского университета. В том же 1918 г. был

[35] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 4об.

[36] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 10.

[37] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 2–3. Автограф.

избран на кафедру романо-германской филологии Нижегородского государственного университета. В 1919 г. был избран преподавателем I Педагогического института и профессором Педагогического института имени А.И. Герцена. С 1922 г. нахожусь в преподавательском составе Ленинградского университета. С 1920 г. исполнял различные административные функции в пед. вузах, в качестве секретаря неофилологического факультета, председателя отделения и члена Президиума, каковым состою поныне. С 1915 по 1918 г. преподавал латинский язык в городской школе имени П.А. Потехина, с 1919 по 1921 г. — немецкий язык на II Раб. факультете. За время моего преподавания в вузах прочитаны были мною и читаются следующие курсы и велись практические занятия по нижепоименованным предметам:

1) В ЛГУ: История французского романтизма, Реалистический и натуралистический роман во Франции, Французская лирика 19-го и 20-го в., Введение в романскую филологию, Историческая грамматика французского языка, Семинарий по лирике Петрарки, практические занятия по французской лирике, практические занятия по французскому роману 19-го и 20-го века.

2) В пед. вузах: Введение в языковедение, Введение в романскую филологию, курсы и практические занятия по французской литературе 19-го века и по исторической грамматике, читанные на французском языке. Практические занятия по латинскому языку и чтению латинских авторов.

Из трудов моих напечатан только один: «Грех Персеваля», Нижний Новгород 1919 г. (брошюра), представляющий собой опыт истолкования этических концепций рыцарского романа на основании бытовых условий.

В рукописном виде имею следующие труды, прочитанные целиком или в выдержках в неофилологическом обществе при ЛГУ или в других научных кружках: 1) «Автомат и марионетка в творчестве романтиков» (против теории смешного у Бергсона). Около 3,5 п. листов. 2) «Этика Данте и культ творческой активности». Ок. 1,5 п. листа. 3) «Стихотворный перенос во французской поэзии и его значение как изобразительного приема». Ок. 3,5 п. листов. 4) «Байрон и Французская поэзия». Около 1 п. листа. 5) «Гофман и Достоевский». Около 4 п. листов.

Кроме того, мной производятся в настоящее время подготовительные работы для следующих трудов (для первых 5 они почти закончены): 1) «Социологические факторы живописного стиля во

Франции». 2) «Сакральная пародия в романской средневековой поэзии». 3) «Композиция романов Золя». 4) «Кризис идеалистического мировоззрения в позднем французском романтизме». 5) «Поэтика L. Dierx'a». 6) «Лирика Rimbaud». 7) «Классовое самосознание во французской литературе 19-го века». 8) «Творчество Ж. Валлеса».

М. Рындин, 13 декабря 1924 г.

Из отчета М.М. Рындина о научной работе, 27 сентября 1926 г.[38]

Отчет о научных работах М.М. Рындина за 1925/26 академический год.

За летнее время я пересмотрел и переработал, основательно дополнив, мой труд, посвященный вопросу об иностранных влияниях на молодого Достоевского. Здесь, помимо влияния Гофмана, была учтена мною возможность влияния других романтиков. Мною показано также, какую роль в апперцепции творчества Гофмана Достоевским сыграла современная ему русская журнальная литература, повторявшая, в существенных чертах, отзывы французской прессы, подчеркивавшей романтические моменты в повестях немецкого романтика. Подробнее, чем прежде, были мною разработаны главы, анализирующие состав и взаимоотношение конструктивных планов в «Хозяйке» Достоевского и в повестях Гофмана, послуживших ей образцом, и изучены превращения, связанные с заменой трансцендентального фатума естественным детерминизмом. Труд мой основывается на точном сличении текстов и формальном анализе их, но менее всего подходит под тип широко распространенных работ чисто статического характера. Не ограничиваясь ответом на вопросы «что» и «как» я пытаюсь изучать литературные явления в каузальном и функциональном отношении и проникнуть в их сложный динамизм. В связи с вопросом о гофмановском влиянии мною было также предпринято краткое исследование главнейших типов параллельных конструкций во французской новелле новейшего периода.

М. Рындин, 27 сентября 1926 г.

[38] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 130. Л. 5. Автограф.

Скрипиль Михаил Осипович (1892–1957)

Будучи преподавателем словесно-исторического факультета Высшего Кубанского государственного педагогического института, 9 февраля 1923 года подал заявление о включении его в число научных сотрудников 2-го разряда ИЛЯЗВ, заявка эта была удовлетворена и он был зачислен на эту должность сверх штата в славяно-русскую группу, 14 ноября 1923 года согласно с требованием Главнауки Наркомпроса материалы о его научной деятельности были представлены в Москву; 6 мая 1924 году М.О. Скрипиль указан в списке сотрудников ИЛЯЗВ, поданном в Главнауку Наркомпроса; 14 октября 1925 года Коллегия ИЛЯЗВ (по-видимому, вследствие непредоставления М.О. Скрипилем отчета о научной работе за 1924/1925 академический год) приняла решение считать его выбывшим из ИЛЯЗВ. Ни об одном докладе М.О. Скрипиля в ИЛЯЗВ сведений нет.

Curriculum vitae М.О. Скрипиля, 9 февраля 1923 г.[39]

Curriculum vitae.

Скрипиль Михаил Осипович родился в 1892 г., в 1912 г. окончил Новороссийскую классическую гимназию и в том же году поступил в Киевский Университет, историко-филологический факультет, которого (по словесному отделению) окончил в 1916 г. с дипломом 1-ой степени. Готовясь к магистерскому экзамену, М. Скрипиль одновременно с этим работал в 1916–17 гг. в книгохранилищах Петрограда, Москвы, Твери, Ростова Ярославского и Киева по собиранию материалов для изучения древнерусской оригинальной повести. В 1917 г., приехав на короткое время к родным в г. Екатеринодар и, вследствие Гражданской войны — не имея возможности возвратиться в Киев, М. Скрипиль в одном из пригородов г. Екатеринодара (ст. Старокорсунской) открыл гимназию, заведующим и председательствующим педагогического совета которой и состоял в 1917–1920 гг.

В 1920 г. М. Скрипиль был избран преподавателем по кафедре истории русской литературы в Кубанском государственном университете (в организации которого принимал деятельное участие) и Кубанском государственном педагогическом институте. В должности

[39] ГАРФ. Ф. А-2397. Оп. 9. Д. 231. Л. 24. Машинописная копия.

заведующего кафедрой истории русской литературы в Кубанском государственном педагогическом институте М. Скрипиль состоял по 1-е января 1923 г.

М. Скрипилем приготовлен к печати ряд историко-литературных работ, некоторые из них были прочитаны в филологическом семинарии академика В.Н. Перетца и в заседаниях Педагогического общества имени Ушинского при Кубанском государственном педагогическом институте. Наиболее значительные из этих работ следующие:

«Повесть о Савве Грудцыне и ее литературная история».

«К вопросу об источниках воскресных вирш XVII–XVIII вв.».

«Значение “Пушкинской речи” в творчестве Достоевского».

«Зависимость поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” от народнопоэтического творчества»,

а также ряд очерков по методологии истории литературы:

«Социологический метод в истории литературы».

«Сравнительно-исторический метод в истории литературы».

«Психологическо-биографический метод в истории».

«Формальный метод в истории литературы».

В настоящее время М. Скрипиль желает специализироваться в области истории русской литературы и приобрести надлежащую квалификацию в качестве будущего преподавателя в учебном заведении по своей специальности, и каковой просит о принятия его в число научных сотрудников Института языковедения и истории литературы имени академика А.Н. Веселовского.

Мих. Скрипиль

9 февраля 1923 г., г. Петроград.

Слонимский Александр Леонидович (1881–1964)

В ноябре 1924 года подал заявление в ИЛЯЗВ, указывая в Curriculum vitae в том числе следующее: «В 1918–1919 гг. мной, в сотрудничестве с К.И. Халабаевым, редактировались тексты для изданий Пушкина (серия «Народной Библиотеки»), Островского (первые томы), Достоевского (сборник «Кроткая»), Гончарова и др.»[40] 4 декабря 1924 года зачислен на должность научного сотруд-

[40] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 132. Л. 3. Автограф.

ника 1-го разряда по VII-й секции (Новой и новейшей литературы) сверх штата, согласно с представлением Секции от 24 ноября 1924 года (одновременно с А.С. Долининым и В.Е. Максимовым), в 1926/1927 году принимал участие в работе группы по изучению творчества А.С. Пушкина, 7 марта 1927 года на пленарном заседании ИЛЯЗВ памяти Н.В. Гоголя выступил с докладом «Драматургия Гоголя». В плане ИЛЯЗВ на 1927/1928 год намечен вместе с А.С. Долининым в качестве сотрудника секции романо-германских литератур (изучение литературного развития в романо-германском мире в связи с общественным развитием его народов и стран) под председательством В.Ф. Шишмарева.

Терещенко Николай Александрович (1893–?)

Утвержден Коллегией ИЛЯЗВ года научным сотрудником 2-го разряда сверх штата 15 сентября 1923 года; постановлением Коллегии ИЛЯЗВ от 5 декабря 1923 года, принятым по предложению Н.С. Державина. Работал по специальности «русская филология», принимал участие в работе секции новой и новейшей литературы с самого начала работы секции 18 октября 1924 года (в 1924/1925 году выступил с докладами о творчестве И.Г. Эренбурга и К.А. Федина; в 1926/1927 о литературе XVIII века). Постановлением Государственного ученого совета Наркомпроса от 19 января 1927 года утвержден штатным аспирантом, его подготовкой с 1926 года руководили В.В. Сиповский и Г.Е. Горбачев, было запланировано написание квалификационной работы о творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина; отчислен с 1 октября 1927 года за истечением срока подготовки. В отчете за 1926/1927 год от 7 сентября 1927 года Н.А. Терещенко указывает: «Осталась пока неоконченной из намеченных в плане работа “Традиция Достоевского в современной русской литературе” потому, что на 1,5 месяца — с 1 июля 1927 г. по 15 августа я был призван отбывать учебный сбор нач. состава запаса»[41].

[41] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 140. Л. 20.

Письмо Н.А. Терещенко Н.С. Державину, 18 мая 1923 г.[42]

18 мая 1923

Глубокоуважаемый Николай Севастьянович.

Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за то сочувствие, с которым Вы отнесли к моей незрелой, написанной среди подготовки к экзаменам работе об Огареве. Пользуясь Вашим разрешением писать Вам, разрешением каковое мне было сообщено моим товарищем по средней школе В.А. Петровым[43], я позволю себе обратиться к Вам за советом. Глубоко интересуясь историей русской литературы, я в силу целого ряда обстоятельств и личного и общественного характера никак не мог достичь условий, благоприятных для научной работы в области новой русской литературы. Войны империалистическая и гражданская, потом расшатанные физические силы в связи с материальными условиями заставили меня на 7 лет оторваться от университета. С сентября 1922 года по январь 1923 года мне удалось работать в университете и закончить славяно-русское отделение ценой большого напряжения и переутомления, что поставило меня в необходимость снова уехать из Петрограда для восстановления сил. Сейчас я работаю здесь, в уездном городке Вятской губернии, 5-й год занимаясь преподаванием русской словесности в старших группах двух здесь школ 2-й ступени. О научной работе здесь не может быть и речи при отсутствии необходимых пособий, источников, при необходимости быть занятым с утра до вечера текущей педагогической работой, так как каждый вопрос в преподаваемом предмете приходится пересматривать заново с социологической точки зрения, чтобы не привить учащимся отживших понятий. Между тем, так хотелось бы углубиться научно в целый ряд вопросов исторической общественной мысли и литературы, в частности, углубить и развить набросанные в моем докладе об Огареве мысли. Кроме того, еще когда я писал доклад об Огареве, у меня мелькало смутное предчувствие идеологического сходства эпох разложения: с одной стороны — крепостничества, с другой — буржуазного класса фазы финансового капитала, идеологически отлившегося в художественные формы модернизма. В моем сознании рисовался вопрос, глубоко

[42] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 140. Л. 2–3об. Автограф.

[43] Историк Владимир Алексеевич Петров (1893–1967), с которым Н.А. Терещенко учился в Третьей Петербургской гимназии.

волнующий, но очень сложный и требующий большого труда над проработкой соответствующих материалов. Примерный абрис того, что мне рисуется, следующий.

Мистический идеализм 30–40 годов XIX века — продукт паразитизма господствующего класса — рождает психологические положения, отраженные в творчестве выдающихся наших авторитетов — Герцена, Огарева, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского. Модернизм, как художественно-идеологическое явление, тоже продукт паразитизма господствующего класса, но уже не дворянского, а капиталистического в фазе финансового капитализма — высшей фазе развития новейшего капитализма, в то же время являющейся фазой вырождения самого капиталиста, оторванного от производственного процесса. Л. Андреев, Арцыбашев, А. Блок, Бальмонт и др. наши модернисты, идеологически родные западноевропейскому модернизму в лице О. Мирбо, Пшибышевского, О. Уайльда, Кн. Гамсуна и др., художественно отражают то же психическое разложение господствующего класса, гниющего вследствие разрыва с источником энергии и всякого жизнеощущения — трудом. Ставрогин из «Бесов» Достоевского — духовный сын отвлеченного идеалиста Степана Верховенского. И Версилов из «Подростка», равно как автор их, дают ключ к идеологической связи между содержанием двух эпох. Конечно, это заключение априори может быть несколько фантастическое, но оно меня увлекает в определенном направлении и будит стремление работать. Для всестороннего исследования и обоснования требуется длительная работа не в обстановке уездного города. Здесь я могу строить здания только на песке, падающие как карточный домик при первом ударе строго научной критики. Я глубоко верю в Вашу чуткость, глубокоуважаемый Николай Севастьянович, и, если Вы полагаете, что у меня достаточно данных чтобы принести пользу своей научной работой при университете, если я могу надеяться на возможность благоприятных условий для работы под Вашим руководством, то немедленно выеду в Петроград. Мое свидетельство об окончании Славяно-русского отделения от 26 января 1923 г. за № 49 (копия канцелярии Университета). № моего дела — 655, год поступления — 1911. Дополнительные сведения обо мне может сообщить Вам податель письма В.А. Петров.

Глубоко уважающий Вас и искренно преданный Н. Терещенко.

Адрес: г. Малмыж. Вятской губернии, школа 2-ой ступени, Николаю Александровичу Терещенко.

Curriculum vitae Н.А. Терещенко, 18 декабря 1923 г.[44]

Curriculum vitae
Научного сотрудника II разряда Николая Александровича
Терещенко

Родился в 1893 году. Среднее образование получил в 3-й Петроградской гимназии, которую окончил в 1911 году. С 1911 по 1915 год был студентом историко-филологического факультета Петроградского университета. По получении выпускного свидетельства в 1915 году был мобилизован на военную службу, на которой пробыл до апреля 1918 года, по демобилизации, уехал в г. Малмыж Вятской губернии, где служил школьным работником до осени 1922 года, когда прибыл в г. Петроград для окончания высшего образования на словесном отделении Э<тноголо->Л<ингвистического> О<тделения> Ф<акультета> О<бщественных> Н<аук> Петроградского университета, каковое и окончил в январе 1923 года (свидет. за № 49 от 26 января 1923 года), после чего уехал снова в г. Малмыж для работы в качестве преподавателя словесности в Малмыжской школе 2-й ступени и Малмыжском русском педтехникуме. По получении извещения от Коллегии Института сравнит. ист. лит. от 20 ноября 1923 года за № 210 о зачислении меня штатным научным сотрудником II разряда, отбыл 17 сего декабря в г. Петроград.

В г. Малмыже, кроме непосредственной школьной работы в качестве преподавателя словесности, в которой социологический анализ литературных явлений строил всегда на принципах марксизма, в 1920 г. был заведующим рабоче-крестьянским факультетом Народного университета, лектором на нем же по циклу общественных наук, работал по организации и был лектором на педагогических курсах, курсах ликвидаторов неграмотности, библиотечных и др., организовывавшихся в г. Малмыже за означенный период времени. За тот же период времени мною был прочитан ряд публичных лекций и рефератов на темы социальные, литературные и педагогические. Летом 1923 года был лектором по циклу «Социологический метод истории литературы» на курсах переподготовки учителей Малмыжского уезда.

[44] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 140. Л. 4 – 4об . Автограф. (Копия в материалах Главнауки Наркомпроса: ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 231. Л. 9).

Из семинарских работ в университете лучшим был реферат в семинарии проф. Н.С. Державина на тему: «Творчество Огарева». По профессиональной<!> линии занимал выборные должности члена Малмыжского уездного правления Союза работников просвещения двух составов. Затем члена Малмыжской уездной ревизионной Комиссии Всерабпроса.

Н. Терещенко,
18 декабря 1923.

Энгельгардт Борис Михайлович (1887–1942)

Сотрудник НИИ имени А.Н. Веселовского с 1921 года; 3 октября 1923 года утвержден Коллегией ИЛЯЗВ в должности научного сотрудника 1-го разряда по специальности «История русской литературы». В 1925/1926 году принимал активное участие в работе руководимой Н.Я. Марром в Секции общего языкознания, разрабатывая совместно с Б.А. Лариным тему «Проблемы и методы семантики», на осень 1926 года были запланированы его два доклада в этой секции — «Лингвистическое и историческое в составе языка» и «Язык в его элистической функции» (о выступлениях с этими докладами сведений нет). Сделанный Б.М. Энгельгардтом 19 января 1925 года в заседании Секции новой и новейшей литературы доклад «Роман Достоевского как новый жанр» представлял собой, как впоследствии свидетельствовал сам Б.М. Энгельгардт в заявлении от 2 октября 1925 года, фрагментом отдельной книги, «ныне законченной к печати и проходящей издательский “стиль”»[45] (в свет не вышла).

Фрагмент отчета Б.М. Энгельгардта, 2 сентября 1923 г.[46]

Отчет сотрудника II-го разряда при Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Востока и Запада Бориса Михайловича Энгельгардта.

За время с 1 мая 1922 г. по 1 октября 1923 г.

Научные занятия Б.М. Энгельгардта за отчетный период времени велись в трех направлениях. Первую группу — составляют изу-

[45] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 154. Л. 6.

[46] ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. Д. 154. Л. 2 – 3. Автограф.

чения в области общих вопросов методологии истории литературы <...>. Ко второй группе относятся работы над Гончаровым <...>.

Третью группу образуют изучения Достоевского, производившиеся в критико-философском плане. Вступительная часть (около 4-х листов) должна скоро появиться во II сборнике о Достоевском под ред. А.С. Долинина (печатается в издательстве «Мысль»). <...>

За истекший промежуток времени Б.М. Энгельгардтом прочитаны следующие доклады. Пушкинский Дом: 1) «Эволюция образности в любовной лирике Пушкина»; 2) «Гончаров и Тургенев»; 3) «Идея и быт в произведениях Достоевского»; 4) «“Паллада” и ее плавание». Пушкинский кружок при Институте: «Историческая поэтика Александра Веселовского». Отд<еление> Дома на Потемкинской: 1) «Идеологический роман Достоевского»; 2) «Идея сверхчеловечества в романе Достоевского». В доме на Халтуринской ул. одна публичная лекция: «Чехов и символисты».

2 сентября 1923 г. Борис Энгельгардт.

Список литературы

1. Богданова, 2019 — *Богданова О.А.* Исследователи Достоевского в СССР 1920–1930-х гг.: научное сообщество vs лиминальная группа // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 283–294.

2. Дружинин, 2015 — *Дружинин П.А.* Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы: (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК) // Русская литература. 2015. № 2. С. 230–241.

3. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Первая в СССР диссертация о Достоевском и ее автор: к биографии П.П. Жеглова (1901–1941) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 266–299. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-266-299

4. Брагинская, 1995 — *Брагинская Н.В.* Siste, viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей: Человек в истории: Ежегодник / ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1995. С. 244 – 271.

5. Иванова, 2007 — *Иванова Т.Г.* Институт по изучению литератур и языков Запада и Востока и его роль в жизни В.Я. Проппа // Рябининские чтения – 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижи»; ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. С. 304–306.

6. Комарович, 2018 — *Комарович В.Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.

7. Скворцов, 2023 — *Скворцов А.М.* Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: институциональный аспект // Ин-

доевропейское языкознание и классическая филология – XXVII, ч. 2: Материалы чтений, посвященных памяти И.М. Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 1049–1065.

References

1. Bogdanova, O.A. “Issledovateli Dostoevskogo v SSSR 1920–1930: nauchnoe soobshchestvo vs liminal’naia gruppa” [“Dostoevsky Researchers in the USSR in the 1920s –1930s: Academic Community vs. Liminal Group”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (50), 2019, pp. 283–294. (In Russ.)

2. Druzhinin, P.A. “Izuchenie russkoi literatury XVIII veka v 1920-e gody: (Gruppa XVIII veka v ILYAZV i GIRK)” [“The Study of 18th-Century Russian Literature in the 1920s: (The 18th Century Group at ILYAZV and GIRK)”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2015, pp. 230–241. (In Russ.)

3. Druzhinin, P.A. “Pervaia v SSSR dissertatsiia o Dostoevskom i ee avtor: k biografii P.P. Zheglova (1901–1941)” [“The First Soviet Dissertation on Dostoevsky and Its Author: Towards the Biography of Piotr Zheglov (1901–1941)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 266–299. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-266-299

4. Braginskaia, N.V. “Siste, viator! (Predislovie k dokladu O.M. Freidenberg ‘O nepodvizhnykh siuzhetakh i brodiachikh teoretikakh’)” [“Siste, viator! (Preface to the Report by Olga Freidenberg ‘On Motionless Plots and Wandering Theorists’)”]. Bessmertnyi, Iu., editor. *Odissei: Chelovek v istorii: Ezhegodnik* [*Odysseus: Man in History: Yearbook*]. Moscow, 1995, pp. 244–271. (In Russ.)

5. Ivanova, T.G. “Institut po izucheniiu literatur i iazykov Zapada i Vostoka i ego rol’ v zhizni V.Ia. Proppa” [“The Institute for the Study of Literatures and Languages of the West and the East and Its Role in the Life of Vladimir Propp”]. Ivanova, T., editor. *Riabininskie chteniia 2007. Materialy V nauchnoi konferentsii po izucheniiu narodnoi kul’tury Russkogo Severa* [*Ryabinins Readings 2007. Proceedings of the 5th Academic Conference on the Study of the Folk Culture of the Russian North in Kizhi Museum*]. Petrozavodsk, 2007, pp. 304–306. (In Russ.)

6. Komarovich, V.L. *“Ves’ ustremlenie”: Stat’i i issledovaniia o F.M. Dostoevskom* [*“All Aspiration”: Articles and Research about Fyodor Dostoevsky*]. Ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 927 p. (In Russ.)

7. Skvortsov, A.M. “Klassicheskaia filologiia v Institute sravnitel’noi istorii literatury i iazykov Zapada i Vostoka: institutsional’niy aspekt” [“Classical Philology at the Institute of Comparative History of Literature and Languages of the West and East: Institutional Aspect”]. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia – XXVII* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology – XXVII*], Part 2: Materialy chtenii, posviashchennykh pam’iati I.M. Tronskogo [Proceedings of the Readings Dedicated to the Memory of Joseph Tronsky]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2023, pp. 1049–1065. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.05.2025
Одобрена после рецензирования: 02.06.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 18 May 2025
Approved after reviewing: 02 June 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК: 821.161.1.0+929.5+80+091
ББК: 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-277-349
https://elibrary.ru/URUIAH

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Мадина Каюмова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

© 2025. Татьяна Панюкова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Хранитель семейного архива (А.А. Достоевский по архивным документам)

© 2025. Madina R. Kayumova
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

© 2025.Tatiana V. Panyukova
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Keeper of the Family Archive (Andrei A. Dostoevsky According to Archival Documents)

Информация об авторах: Мадина Расуловна Каюмова, научный сотрудник Управления научных исследований, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-2360-8388
E-mail: madina.kayumova@gmail.com
Татьяна Викторовна Панюкова, старший научный сотрудник Управления научных исследований, ведущий редактор Международного центра изучения Достоевского Института филологии, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-4494-4332
E-mail: aurinko75@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-01075 «Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов: источники, атрибуция, текстология (1867–1875)», https://rscf.ru/project/24-18-01075/).

Аннотация: Архив Достоевских, помимо той его части, которая была сохранена и систематизирована вдовой писателя, Анной Григорьевной, включает в себя также семейные архивы его братьев и сестры (Ивановых). В архив младшего брата Ф.М. Достоевского, Андрея Михайловича, наряду с его дневниками, воспоминаниями (до настоящего времени являющимися базовым источником сведений о детстве Достоевского), личной перепиской (его самого, его жены и сыновей), входит ценнейшее эпистолярное наследие 1830-х годов: переписка Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских друг с другом и с детьми. После смерти А.М. Достоевского роль хранителя семейного архива, исследователя родословной, помощника Анны Григорьевны Достоевской по сохранению памяти и наследия мужа перешла к его младшему сыну, Андрею Андреевичу Достоевскому (1863–1933). В статье сведены воедино все выявленные на сегодня места хранения личного и семейного архивов А.А. Достоевского: документы, касающиеся его учебной, служебной деятельности, ареста, оформления пенсии, хранятся в Петербурге (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Лен. области, Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук), Москве (Государственный архив Российской Федерации), Национальном архиве Республики Карелия, Государственном архиве Республики Крым. Деловая переписка, связанная с деятельностью Андрея Андреевича на посту секретаря Русского географического общества, образовала отдельный фонд в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 723). Сохраненный им архив А.М. Достоевского был передан в Пушкинский Дом, где составил отдельный фонд в Отделе рукописей (Ф. 56), включающий в себя 453 единицы хранения. На примере двух писем, изначально находившихся в семье А.М. Достоевского, показано, что факты биографии держателя архива, принимаемые им в определенный момент жизни решения напрямую влияют на судьбу автографов: одно из четырех писем М.М. и Ф.М. Достоевских к матери было подарено Пушкинскому Дому в 1921 году, в год празднования юбилея писателя, и в связи с этим местом его хранения стал не 56-й фонд, которого на тот момент еще не существовало, а фонд Достоевских (Ф. 100). Еще один автограф — самое раннее из известных письмо Ф.М. Достоевского к младшему брату (1842) — был подарен в 1925 году коллекционеру И.С. Абрамову и с тех пор, на многие десятилетия исчезнув из поля зрения исследователей, приводился по списку А.А. Достоевского. Возможная утрата части архива Достоевских связана с событиями времен революции, гражданской войны. Актуальной задачей современного достоевсковедения является подготовка полного свода переписки писателя со всеми корреспондентами как части его рукописного наследия. Наличие лакун в эпистолярии Достоевского значительно затрудняет выполнение данной задачи и выдвигает необходимость систематизации имеющихся и поиска утраченных автографов. Реконструкция биографии хранителей

крупных архивов, каким являлся Андрей Андреевич Достоевский, имеет, таким образом, несомненное значение, позволяя установить путь автографа к месту его современного хранения (всех его промежуточных владельцев) либо получить твердые документальные данные для поиска пропавших рукописей и документов.

Ключевые слова: А.А. Достоевский, Ф.М. Достоевский, архив семьи Достоевских, эпистолярий, автограф, список, пропавшие рукописи, архивный поиск, реконструкция биографии.

Для цитирования: *Каюмова М.Р., Панюкова Т.В.* Хранитель семейного архива (А.А. Достоевский по архивным документам) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 277–349. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-277-349

Information about the authors: Madina R. Kayumova, Researcher of the Department of Scientific Research, Petrozavodsk State University, Lenin Ave., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-2360-8388

E-mail: madina.kayumova@gmail.com

Tatiana V. Panyukova, Senior Researcher of the Department of Scientific Research, Leading Editor of the International Center for the Study of Dostoevsky of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University, Lenin Ave., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-4494-4332

E-mail: aurinko75@mail.ru

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 24-18-01075 “The Epistolary Heritage of F.M. Dostoevsky and His Correspondents: Sources, Attribution, Textual Criticism (1867–1875)”, https://rscf.ru/project/24-18-01075/).

Abstract: The Dostoevsky archive, in addition to the part of it that was preserved and systematized by the writer’s widow, Anna Grigorievna, also includes the family archives of his brothers and sister (Ivanovs). The archive of Fyodor Dostoevsky’s younger brother, Andrei Mikhailovich, along with his diaries, memoirs (which are still the basic source of information about Dostoevsky’s childhood), and personal correspondence (of himself, his wife, and sons) includes the most valuable epistolary legacy of the 1830s: correspondence between Mikhail Andreevich and Maria Fyodorovna Dostoevskys with children. After his father’s death, the role of keeper of the family archive, researcher of the family tree, assistant to Anna Grigorievna Dostoevskaya for preserving her husband’s memory and heritage passed to his youngest son, Andrei Andreevich Dostoevsky (1863–1933). The article brings together all the identified storage locations of A.A. Dostoevsky’s personal and family archives: documents related to his academic, official activities, arrest, and pension registration are kept in St. Petersburg (the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Central State Archive of St. Petersburg, the Russian State Historical Archive, the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Archive of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region, Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences), Moscow (State Archive of the Russian Federation), National Archive of the Republic

of Karelia, State Archive of the Republic of Crimea. Business correspondence related to Andrei Andreevich's activities as secretary of the Russian Geographical Society formed a separate fund in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Fund 723). The archive of A.M. Dostoevsky preserved by him was transferred to the Pushkin House, where he compiled a separate collection in the Department of Manuscripts (Fund 56), which includes 453 storage units. Using the example of two letters originally kept in the family of A.M. Dostoevsky it is shown that the facts of the archive keeper's biography and the decisions he makes at a certain point in his life directly affect the fate of autographs: one of the four letters from M.M. and F.M. Dostoevskys to his mother was presented to the Pushkin House in 1921, the year of the writer's jubilee, and in connection with this, the place of its storage became not the 56th foundation, which did not exist at that time, but the Dostoevsky Foundation (Fund 100). Another autograph, the earliest known letter from F.M. Dostoevsky to his father (1842), was presented by Andrei Andreevich in 1925 to the collector I.S. Abramov, and since then, having disappeared from the field of view of researchers for many decades, was listed according to A.A. Dostoevsky. The possible loss of part of the Dostoevsky archive is related to the events of the revolution and the Civil War. An urgent task of modern Dostoevsky studies is to prepare a complete set of the writer's correspondence with all correspondents as part of his handwritten legacy. The presence of gaps in Dostoevsky's epistolary makes it much more difficult to accomplish this task and puts forward the need to systematize the existing epistolary and search for lost autographs. The reconstruction of the biographies of the keepers of large archives, such as Andrei Andreevich Dostoevsky, is therefore of undoubted importance, allowing us to establish the path of the autograph to the place of its modern storage (of all its intermediate owners) or to obtain solid documentary data to search for missing manuscripts and documents.

Keywords: Andrei Andreevich Dostoevsky, Fyodor Dostoevsky, Dostoevsky family archive, epistolary, autograph, list, missing manuscripts, archival search, biography reconstruction.

For citation: Kayumova, M.R., and Panyukova, T.V. "Keeper of the Family Archive (Andrei A. Dostoevsky According to Archival Documents)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 277–349. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-277-349

Племянник писателя

Андрей Андреевич Достоевский — статистик, географ, племянник писателя Ф.М. Достоевского, внес значительный вклад в изучение и сохранение истории рода Достоевских, к которому принадлежал и великий русский писатель. Отец Андрея Андреевича, брат писателя Андрей Михайлович Достоевский, был первым летописцем рода. После себя он оставил обширный архив, содержащий материалы генеалогических исследований, письма, воспоминания,

портреты и фотографии членов семьи [Богданов, 2014, с. 69][1]. Именно его сын Андрей Андреевич Достоевский стал хранителем и популяризатором обширного документального наследия, собранного его отцом.

Андрей Андреевич родился 3 апреля 1863 года в г. Екатеринославе (совр. Днепр)[2]. Его ранние годы проходили в атмосфере большой, дружной семьи. Он был младшим из четырех детей Андрея Михайловича, поэтому старшие брат и сестры с искренней заботой опекали его. О взаимоотношениях, царивших в семье Андрея Михайловича Достоевского, свидетельствуют дневник, который Андрей Андреевич вел в юности, а также его переписка с родителями и старшими братом и сестрами.

Андрей Андреевич вел свой дневник с 1876 по 1882 год (1878 год пропущен, в другие годы встречаются большие временные лакуны). 21 ноября 1876 года на обложке дневника появилась запись его владельца, указывавшая, что отныне он носит название «*Дневникъ "Племянника" писателя А. Достоевскаго*»[3]. Идея этого названия лежала на поверхности: как раз в 1876 году вышел в свет первый номер литературно-публицистического журнала знаменитого дяди Андрея Андреевича Ф.М. Достоевского под заглавием «Дневник Писателя». В дневнике, охватывающем гимназические годы Андрея Андреевича, представлена повседневная жизнь провинциального юноши из дворянской семьи: учеба в гимназии, походы в гости, семейные торжества, отношения с родными и сверстниками. Перед

[1] См. также: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 56 (Достоевские).

[2] Копия записи о «*рожденіи и крещеніи сына <…> Надворнаго Совѣтника Андрея Михайлова сына Достоевскаго, Андрея*», из метрической книги Свято-Духовской церкви г. Екатеринослава: «*Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третьяго года № 39, рожденъ третьяго и крещенъ двадцать пятаго числъ Апрѣля Андрей, родители его: Екатеринославскій Губернскій Архитекторъ, Коллежскій Ассесоръ Андрей Михайловъ сынъ Достоевскій и законная жена его Домникія Иванова дочь, оба православнаго вѣроисповѣданія; крестилъ священникъ Григорій Стадницкій съ пономаремъ Елисеемъ Загнибѣдою; Воспріемниками были: Коллежскій Секретарь Иванъ Прокофьевъ сынъ Федорченко и жена старшаго учителя Екатеринославской Гимназіи Софія Леонтіева дочь Солнцева, корпуса Инженеровъ Подполковникъ Левъ Петровъ сынъ Семеновъ и жена старшаго учителя Таврической Губернской Гимназіи Надежда Павлова дочь Федорченко*» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804. Л. 12–12 об.). Здесь и далее текст из рукописных источников маркируется курсивом.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 370. Лист не пронумерован.

читателями дневника предстают вполне счастливые, наполненные приятными событиями, редко огорчениями, детство и юность.

Особенностью дневника является то, что Андрей Андреевич не стремился поделиться оценкой событий, происходивших с ним, или своими мыслями — он скрупулезно перечислял события каждого дня, имена знакомых, с которыми встречался, описывал занятия в гимназии и досуг — стилистикой дневник сильно напоминает столь же обстоятельные более поздние дневники его отца, Андрея Михайловича Достоевского[4]. Тем не менее, живописуя досадные для себя происшествия, он нередко позволял себе весьма экспрессивные выражения. В немногочисленных последних записях 1882 года Андрей Андреевич стал использовать дневник уже для осмысления своей жизни, пытался разобраться в своих чувствах, определиться с мечтами и стремлениями, задумывался о том, какой он человек. Он признавался, что до этого времени боялся «откровенничать» в своем дневнике, поверяя ему свои истинные мысли и чувства[5].

Интересны не только бытовые подробности жизни юного гимназиста, но и его описание явлений и событий, происходивших в обществе в те годы. Например, из дневника можно узнать о том, как в провинциальном Ярославле, где тогда жила семья Андрея Михайловича Достоевского, в начале 1879 года принимались спектакли по пьесе А.Н. Островского «Бесприданница». Сам Андрей Михайлович, из-за плохого самочувствия, посетить спектакль не мог и попросил своего сына Андрея продать билет в гимназии, но это оказалось непростой задачей: билет никто не желал покупать, «*не хороша больно пьеса-то*»[6]. Посетив спектакль, автор дневника отмечал, что в зале едва ли половина мест была занята[7]. Действительно, успех к драме

[4] См.: Дневники А.М. Достоевского // А.М. Достоевский. Воспоминания. Эпистолярное наследие. URL: https://philolog.ru/amdost/diaries/diaries.htm (дата обращения: 02.04.2025). С.В. Белов, в заметке, посвященной столетнему юбилею А.А. Достоевского, отмечал, что тот унаследовал от отца «такие качества, как точность и аккуратность», в дальнейшем позволившие ему проявить себя в «такой педантичной науке, как статистика» [Белов, 1963, с. 371]. В своей саркастичной манере описывала иногда кузена Л.Ф. Достоевская — в ее переписке с матерью встречаются такие характеристики: «*Обѣдалъ какъ-то Андр<ей> Андр<еевичъ> и былъ по обыкновенію чрезвычайно неинтересенъ*» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 71, письмо от 19 ноября 1901 года).

[5] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 370. С. 534 (по авторской постраничной пагинации).

[6] Там же. С. 34.

[7] Там же. С. 36.

пришел значительно позже. В год ее выхода и позднее ни автор, ни его творение не нашли понимания у публики.

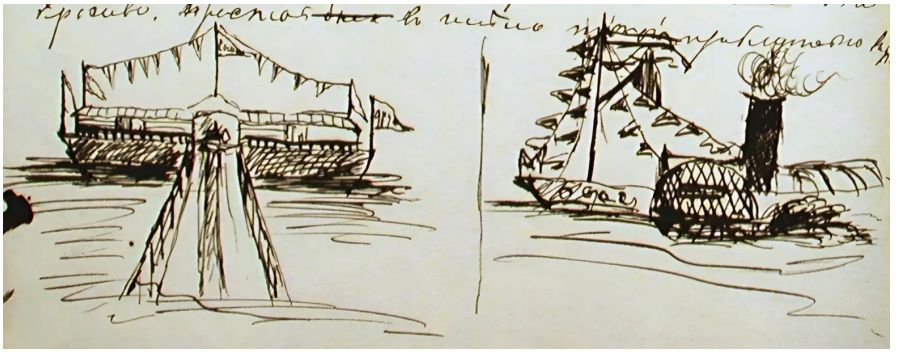
В том же году родители Андрея Андреевича обсуждали между собой новый роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», главы которого публиковались в журнале «Русский Вестник». В дневнике сообщается, что Домнике Ивановне, матери Андрея Андреевича, роман не понравился, а Андрей Михайлович, напротив, находил его очень хорошим. Далее сын стал свидетелем небольшого спора между родителями на эту тему и записал в дневнике слова своего отца, восклицавшего, что весь свет хвалит Федора Михайловича за этот роман и одна Домника Ивановна не хвалит — «*именно только потому, что онъ Достоевскій*»[8]. Среди знакомых семьи Андрея Михайловича роман также обсуждался. В дневнике его сына упоминаются слова, сказанные о романе А.А. Лесковой и ее матерью — его дядю Федора Михайловича за роман они ругали и не решились бы «*прочитать въ обществѣ*», и в целом — «*романъ долженъ быть легкое чтеніе для препровожденія времени*». На это племянник писателя в дневнике в резком тоне замечает: «*Вотъ дура-то, а еще романы читаетъ*»[9].

В июле 1881 года в Ярославль приезжали император Александр III и императрица Мария Федоровна. Гимназисты, в числе которых был и Андрей Андреевич, должны были встречать императора на городской пристани, куда прибывал пароход с высокими гостями. Андрей Андреевич в дневнике подробно описал, как богато был украшен город к приезду царя, церемонию встречи высокого гостя, не преминув отметить, что император с императрицей, шагая по пристани, благосклонно смотрели на гимназистов[10]. Сын и племянник архитекторов, Андрей Андреевич весьма неплохо рисует — на страницах дневника постоянно появляются иллюстрации описываемых событий:

[8] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 370. С. 59.

[9] Там же. С. 93. См. также: [Андрианова, 2015а, с. 90].

[10] Там же. С. 337.



Илл. 1. Приезд императора Александра III в Ярославль в 1881 году. Рисунок А.А. Достоевского[11]
Fig. 1. The arrival of Emperor Alexander III to Yaroslavl in 1881. Drawin by A.A. Dostoevsky

Так же, как и в дневнике, в своих письмах к родителям Андрей Андреевич рассказывал об учебе в гимназии («*я сегодня получилъ изъ географіи 4 <...>*», «*меня сегодня спрашивали изъ французскаго, но балла не поставили <...>*»[12]), происходивших занимательных событиях («*сегодня уѣхалъ звѣринецъ, а циркъ остался*», «*Въ ярославль пріѣхалъ какой-то Англичанинъ съ Картинами, Варя хотѣла купить картинку, но очень дорого*»[13]). Свои письма он неизменно заканчивал трогательным прощанием с адресатами: «*До свиданья, дорогіе Папа и Мама, любящій сынъ Вашъ А. Достоевскій*»[14].

О теплых взаимоотношениях в семье свидетельствуют прежде всего письма Андрея Андреевича. Например, из них мы узнаем, что его отец Андрей Михайлович не отказывал своему сыну в помощи в учебе, подчас нелегко дававшейся юному гимназисту. В письме от 9 декабря 1876 года брату Александру он сообщал, что отец написал за него сочинение на тему «Как я провожу день». Однако сочинение получилось больше не по русскому языку, а с уклоном в географию, так что юный гимназист переживал, что получит за него «2»[15].

[11] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 370.
[12] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 73. Л. 22 об., 24 об. В рукописи описка: *французскакаго*
[13] Там же. Л. 15, 20 об. Было: *цыркъ*, *пріѣхалъ*; исправлено А.А. Достоевским.
[14] Там же. Л. 22 об. Было: *мама*; исправлено А.А. Достоевским.
[15] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 1 об. — 2.

О своих родителях Андрей Андреевич сохранил добрую память. Много лет спустя в характеристиках своих родственников, подготовленных для исследователя генеалогии Достоевских М.В. Волоцкого, он так писал о своем отце: «*Добрѣйшій человѣкъ. Безсребреникъ. Идеалистъ. Очень развитое чувство долга. <...> Аккуратность и точность — одни изъ свойствъ его характера*»[16]. Свою мать, Домнику Ивановну, в записках он охарактеризовал как «*очень добрую*»[17].

Со старшим братом, учившимся в Императорской военно-медицинской академии, у Андрея Андреевича были самые теплые, доверительные отношения. Именно в письмах к брату он делился личными переживаниями и тревогами, спрашивал его совета в житейских делах. Брат Александр был для него не просто родным человеком, но и другом — уже будучи студентом, Андрей Андреевич в своих письмах часто обращался к Александру Андреевичу «*дорогой другъ Саша*», а подписывался «*Твой другъ и братъ*»[18]. Старшему брату он поверял свои первые романтические переживания. В одном из писем сообщалось, что родственные связи с великим русским писателем помогли юному племяннику заполучить приглашение в дом Кудашевой, «*первой красавицы*» среди гимназисток Ярославля, чья мать была почитательницей Ф.М. Достоевского[19]. В характеристиках своих родственников для фундаментального труда М.В. Волоцкого о родословии Достоевских, Андрей Андреевич будет отзываться о своем брате следующим образом: «*Безупречн<ая> честность и въ дѣйствіяхъ и <въ> убѣжденіяхъ*»[20].

Окончив гимназию в 1884 году, Андрей Андреевич продолжил свое обучение на историко-филологическом факультете Петербургского университета — и с тех пор, за небольшими исключениями, вся его жизнь будет связана с Петербургом. В этом же году правительством императора Александра III был принят новый универ-

---

[16] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. Л. 22 об. (С. 12.)

[17] Там же. Л. 22 об.

[18] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 75, 74 об.

[19] Там же. Л. 18 об.

[20] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. Л. 26 об. (С. 20). Позже схожую характеристику даст самому Андрею Андреевичу достоевед С.В. Белов: «чрезвычайно исполнительный, аккуратный и честный» [Белов, 1963, с. 372]. Любопытно, что, по свидетельству его последней, гражданской, жены, Л.С. Михаэлис, аналогичными качествами обладал и Федор Федорович Достоевский: «“*Отличительной чертой Ф.Ф. была его исключительная прямота, честность и порядочность*”» (цит. по: [Богданов, 2014, с. 52]).

ситетский устав, значительно ограничивавший самостоятельность университетов, а также вводивший систему надзорных органов, призванных предотвратить распространение в студенческой среде противоправительственных взглядов и появление нежелательных студенческих организаций. Приметой этого времени служит подписка, данная студентом университета Андреем Андреевичем Достоевским в том, что во время своего пребывания в университете он не будет состоять ни в каком обществе и не будет участвовать ни в каких-либо денежных сборах без дозволения начальства. В случае нарушения данного обещания студент подлежал «*немедленному удаленію изъ заведенія*»[21]. В письме брату Александру в сентябре 1885 года Андрей Андреевич сообщал:

> *Нашъ факультетъ сильно измѣнился съ введеніемъ новаго устава. Перемѣна для меня эта очень непріятна* <...>[22].

Студентов обязали ходить в мундирах, изменилась программа обучения. Особенно огорчало Андрея Андреевича значительное сокращение лекций по истории. На первом курсе студенты устраивали профессорам, лекции которых произвели на студенческую публику особое впечатление, овации, новым уставом это было запрещено, что также огорчало Андрея Андреевича — настроение в университете стало более официальное («*все чинно, благородно*»[23]), дух студенческой свободы как будто покинул стены учебного заведения.

Среди преподавателей историко-филологического направления, читавших лекции у А.А. Достоевского, было немало выдающихся ученых и педагогов. Среди них видные филологи Ф.Ф. Зелинский, В.К. Еркштедт, В.В. Латышев, А.И. Незеленов, И.В. Помяловский (классик, археолог, византист, с 1887 года декан факультета), И.В. Ягич (крупнейший во второй половине XIX века эксперт в области славянского языкознания), а также историки, например, Н.И. Кареев. В 1890-е годы многие из них избирались в члены Академий наук не только России, но и других стран. В одном из писем брату от 1886 года Андрей Андреевич сообщал: «*Слушать буду между прочимъ Ювенала*», а далее в шуточной манере цитировал строку

[21] [Личное дело студента] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804. Л. 54.

[22] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 71.

[23] Там же. Л. 72 об.

из «Евгения Онегина»: «*для того, чтобы умѣть потолковать объ Ювеналѣ въ концѣ письма поставить vale*»[24].

Лекции о Ювенале племяннику писателя читал профессор И.В. Помяловский. Русскую словесность, народный эпос, русский богатырский эпос в 1886 году преподавал О.Ф. Миллер[25], один из первых биографов Ф.М. Достоевского и основатель студенческого научно-литературного общества при университете. Андрей Андреевич в числе многих своих однокурсников посещал его заседания[26]. Интересно, что одним из участников общества был А.И. Ульянов, революционер, родной брат В.И. Ленина, учившийся в университете одновременно с Андреем Андреевичем.

За курсы лекций в университете необходимо было вносить плату, кроме того, жизнь в столичном городе была недешевой. Андрей Андреевич в годы учебы нередко брал учеников, занимался репетиторством. В газете «Новое Время» печатались поданные Андреем Андреевичем объявления о поиске учеников, весьма схожие с теми, о которых упоминает в своих последних романах его знаменитый дядюшка. С одним из таких объявлений, напечатанных 29–30 августа 1886 года, он предлагал в письме ознакомиться своему брату[27]:

> Студентъ-филологъ 3-го курса ищетъ уроковъ. Письменно. Демидовъ пер., д. 9–1, кв. 11. А. Д.[28].

Большим потрясением для Андрея Андреевича и всей его семьи стала тяжелая болезнь, а затем смерть его матери, Домники Ивановны Достоевской. В письме брату Александру от 12 марта 1887 года он делился переживаниями, связанными с утратой матери:

> *<...> теперь не кому подумать о тебѣ, никто не позаботится и нѣтъ истинно любящаго тебя сердца. — Нѣтъ семейной обстановки, — все какъ то грубо, холодно*[29].

---

[24] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 91.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804. Л. 38, 48, 52.

[26] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 92.

[27] Там же. Л. 110.

[28] Новое Время. 1-е изд. СПб., 1886. № 3772. 30 августа. С. 4.

[29] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 123 об.

Драматические события в семье Достоевских совпали с тревожными событиями в стране. 1 марта 1887 года было сорвано покушение на императора Александра III, организованное студентами Санкт-Петербургского университета, объединившимися в «Террористическую фракцию» «Народной воли». Сразу после покушения начались аресты, допросы и обыски у студентов, было закрыто студенческое научно-литературное общество, секретарем которого состоял один из заговорщиков А.И. Ульянов. В этом же письме от 12 марта Андрей Андреевич сообщал брату:

> *Ты я думаю все знаешь изъ газетъ что у насъ дѣлается <...> Тяжело приходится нашему брату, одно могу сказать*[30].

Под «нашим братом» автор письма, конечно, имел в виду студентов, оказавшихся под пристальным вниманием полиции и жандармов.

В 1888 году А.А. Достоевский успешно сдал выпускные экзамены, а через год, 30 октября 1889 года был утвержден Советом Санкт-Петербургского университета в степени кандидата[31]. 18 ноября 1888 года ректором университета он был рекомендован командиру Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады генерал-майору А.Н. Скворцову для прохождения военной службы в бригаде. Андрей Андреевич в рекомендации был охарактеризован как «*молодой человѣкъ вполнѣ благонадежный*», лично известный ректору своим отличным поведением[32]. Служба в этом воинском подразделении была весьма почетной обязанностью. Свою историю артиллерийская бригада возводила к концу XVII века, когда при Преображенском полке, детище Петра I, была основана Бомбардирская рота. Андрей Андреевич был уволен от военной службы в чине прапорщика в 1889 году. В письме брату Александру от 4 августа 1889 года он писал:

> *Поздравь: сегодня выдержалъ экзаменъ <u>на прапорщика</u>. Экзаменъ здоровый — изъ 7 (нашей бригады) 2 провалились*[33].

---

[30] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 124 об.

[31] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804. Л. 67.

[32] Там же. Л. 63.

[33] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 131.

По случаю успешной сдачи экзамена состоялся торжественный парад, а затем «*самое интересное*», по мнению Андрея Андреевича, — солдатский обед[34].

18 декабря 1889 года А.А. Достоевский, согласно своему прошению, был определен на службу по гражданскому ведомству в число канцелярских чиновников Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел[35]. 23 апреля следующего года утвержден в чине коллежского секретаря[36], в августе назначен на должность помощника столоначальника 2-го стола 2-го отделения Хозяйственного департамента[37]. 2-е отделение занималось финансовыми делами заведений, содержавшихся за счет общественных капиталов, к которым относились, например, больницы, учебные и воспитательные заведения, дома для призрения неимущих и др. Утверждение приходо-расходных смет, поиск дополнительного финансирования, усиление основных капиталов подведомственных учреждений входили в круг обязанностей 2-го отделения.

В 1893 году Андрей Андреевич был произведен в чин титулярного советника[38]. С 1 января 1894 года — перемещен на должность младшего редактора Центрального статистического комитета[39]. Именно это назначение предопределило профессиональную карьеру племянника писателя, нашедшего свое призвание на поприще статистики. В статистическом комитете он занимался разработкой материалов по движению населения, по учету урожая. Принимал участие в разработке инструкции к проведению 1-й Всероссийской переписи населения 1897 года. Командировался в Туркестан и Закаспийскую область для производства переписи кочевого населения, а затем руководил обработкой собранного в ходе переписи материала[40]. Сотрудничал с Алексеевским главным комитетом, опекавшим детей воинов, погибших в Русско-японскую, а затем — в Первую мировую

[34] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 131–131 об.

[35] РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2875. Л. 6.

[36] Там же. Л. 9.

[37] Там же. Л. 10.

[38] Там же. Л. 16.

[39] Там же. Л. 25.

[40] Эти труды по переписи были отмечены 3 марта 1897 года темно-бронзовой медалью (№ 2406), а 3 апреля 1897 года эмир Сеид Абдула Ахад пожаловал ему орден Бухарской золотой звезды III ст. (№ 1342) (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 372; цит. по: [Богданов, 2011, с. 40]).

войну. В 1906–1917 годах заведовал статистическим разрядом в Министерстве народного просвещения. На этой службе Андрей Андреевич занимался производством и разработкой статистических материалов о школах[41]. На момент революции 1917 года он был уже в генеральском чине действительного статского советника (см.: [Богданов, 2011, с. 40], [Хроника, 2012, с. 620]) — том же, в каком завершил служебную карьеру его отец[42].

* * *

Большое место в жизни Андрея Андреевича занимало участие в деятельности Русского географического общества, действительным членом которого он состоял с 1893 года [Белов, 1963, с. 372], [Пушкинский Дом, 2005, с. 439]. Андрей Андреевич помогал знаменитому географу, путешественнику и государственному деятелю Петру Петровичу Семенову-Тян-Шанскому[43] в подготовке к изданию трехтомника «История полувековой деятельности императорского Русского географического общества», выпущенного в 1896 году, за что был удостоен серебряной медали РГО [Богданов, 2011, с. 40]. Другом юности Андрея Андреевича был сын П.П. Семенова-Тян-Шанского, географ, энтомолог Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский. Позже они совместно работали над написанием биографии Петра Петровича [Богданов, 2014, с. 19]. Написанный А.А. Достоевским «в 1928 году, к столетию со дня рождения Петра Петровича» биографический очерк «уникален и интересен тем, что его автор — не беспристрастный историограф, который четко и сухо излагает всю биографию ученого-географа»: «автор преклоняется перед величием личности своего персонажа», его «волнует духовная,

[41] Национальный архив Республики Карелия (далее: НА РК). Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 11. Впервые блок материалов по биографии А.А. Достоевского, обнаруженных в данном архиве, был представлен 20 сентября 2024 года в докладе на VII Международной научно-практической конференции «Архивы и генеалогия» (Каюмова М.Р. Малоизвестная страница биографии племянника писателя Ф.М. Достоевского А.А. Достоевского. URL: http://www.rkna.ru/index.php/2024-12-07-08-51-21/4540-kayumova-m-r (дата обращения: 02.04.2025)).

[42] См. лекцию Б.Н. Тихомирова от 27 марта 2025 года: Летописец рода Достоевских: к 200-летию со дня рождения Андрея Михайловича Достоевского // Лекторий Музея Достоевского (Петербург). URL: https://vkvideo.ru/video-212622988_456239063?ref_domain=yastatic.net (дата обращения: 02.04.2025).

[43] С 1840-х годов, через Н.Я. Данилевского, знакомый братьев М.М. и Ф.М. Достоевских, позже, в 1856–1857 годах, встречавшийся с писателем в Семипалатинске и Барнауле.

внутренняя жизнь П.П. Семенова-Тян-Шанского», «текст изобилует различными изобразительно-выразительными средствами» [Выставкина, 2021, с. 7, 10]. При этом много копий было сломано в ходе дискуссий о том, какие факты биографии географа и путешественника и в каком ключе представить в сборнике. Андрей Андреевич в письмах к другу настаивал на честности в подходе к изложению материалов биографии, какими бы они ни были, так как замалчивание или «подкрахмаливание» этих фактов было бы неуважением к памяти выдающегося человека [Богданов, 2014, с. 20]. В этом эпизоде проявляется черта, которая была присуща многим представителям рода Достоевских, а именно честность, даже прямолинейность.

Илл. 2. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и А.А. Достоевский (из фондов Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, Петербург[44]*)*
Fig. 2. P.P. Semyonov-Tyan'-Shanskiy and A.A. Dostoevsky (photo from the funds of the F.M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg)

[44] Выражаем искреннюю благодарность Б.Н. Тихомирову за предоставление копии данного снимка.

24 февраля 1903 года, по личному ходатайству П.П. Семенова-Тян-Шанского, Андрей Андреевич был избран ученым секретарем Русского географического общества и на протяжении многих лет, до 1915 года, занимал эту должность [Иодко, 2019, с. 110], [Белов, 1963, с. 372], [Капустина, 2021, с. 417], [Пушкинский Дом, 2005, с. 439][45]. Будучи в этой должности, он организовывал научные экспедиции и исследования в России и Азии, а также заведовал всей хозяйственной частью Общества[46]. В 1903–1913 годах Андрей Андреевич редактировал периодическое издание «Известия Русского географического общества»; «в трудные годы гражданской войны» нес «обязанности по обеспечению семейств умерших членов [РГО], заботы по продовольственным нуждам, обеспечению разного рода льгот для членов Общества» [Белов, 1963, с. 373]. Он участник почти всех организационно-научных начинаний Общества, начиная от строительства современного здания РГО (1909): представитель на XI Международном судоходном конгрессе в Петербурге (май 1908), член Статистической комиссии для предварительного рассмотрения законопроекта о преобразовании центральных статистических учреждений России (1909), член Комиссии по организации энтомологического общества (1910), деятельный участник XI Международного географического конгресса (1913) [Белов, 1963, с. 372].

* * *

В начале 1900-х годов Андрей Андреевич обратился к генеалогическим изысканиям о роде Достоевских[47]. Возможно, интерес к теме истории рода появился под влиянием Анны Григорьевны Достоевской, вдовы Федора Михайловича, с которой племянник писателя многие годы, до самой ее смерти, состоял в дружеских отношениях. Общими интересами обоих было сохранение и защита

[45] Другой период указан в «Хронике рода…»: 1901–1914 [Хроника, 2012, с. 620].

[46] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 11.

[47] См., например, материалы из его личного архива: Достоевский А.А. Биографические материалы о роде Достоевских. Тут же: Достоевский А.А. Письма к Волоцкому М.В. (2 п.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. 123 л. 1924–1930; Достоевский А.А. Материалы о роде Достоевского, пересланные М.В. Волоцкому (Список лиц, включенных в родословную Достоевских. Родословная Достоевских) // РГАЛИ. Ф. 117 (Волоцкого М.В.). Оп. 1. Ед. хр. 38. 27 л. 1924. Тут же: Достоевский А.А. Сопроводительное письмо к Волоцкому М.В. 03.08.1924.

памяти и творческого наследия Ф.М. Достоевского, а также изучение истории семьи Достоевских [Богданов, 2014, с. 67].

Андрею Андреевичу вдова писателя поручала весьма деликатные дела, например, присмотреть за дочерью Любовью Федоровной, с которой у нее складывались непростые отношения, и положительно на нее повлиять. Она обращалась к нему за помощью в финансовых и издательских делах (так, он был вовлечен в интригу, связанную с неоднократными попытками А.Г. Достоевской обнародовать неопубликованную главу «У Тихона», гранки которой какое-то время даже хранились у него на квартире — подробнее об этом см.: [Панюкова, Каюмова, 2025, с. 95–97]) — и неизменно ее поручения с готовностью выполнялись.

В 1914–1915 годах он помогал Анне Григорьевне в сборе подписей под протестом (публикация не состоялась) на клеветническое письмо Н.Н. Страхова, напечатанное в 1913 году в журнале «Современный мир» (сохранилось 7 писем вдовы к племяннику[48], связанных с кампанией в защиту памяти Ф.М. Достоевского, — см.: [Андрианова, 2015a, с. 89–91], [Андрианова, 2015b]).

Племянник был душеприказчиком нескольких поздних завещаний Анны Григорьевны[49], что говорило о высокой степени доверия к нему [Достоевский, Шварц, 2007, с. 569–570]. «<...> *Единственное доброжелательное къ намъ лицо — это Вы* <...>» — писала она А.А. Достоевскому 27 мая 1913 года из Парижа[50]. О теплых отношениях, сложившихся между ними, свидетельствует дарственная надпись Анны Григорьевны на ее фотографии 1912 года, где она запечатлена вместе с внуками:

> *Доброму, благородному Андрею Андреевичу Достоевскому отъ искренно ему преданной и уважающей А. Достоевской*[51].

---

[48] Всего в архивах России (РО ИРЛИ, ОР РГБ, РГАЛИ) сохранилось около 26 писем и 1 телеграмма А.А. Достоевского к А.Г. Достоевской за период с февраля 1898 по август 1917 года и ок. 147 писем ее к нему (не считая двух десятков конвертов, сохранившихся без писем) за период с ноября 1884 по 1917 год (скорректируем данные изд.: [Андрианова, 2013, с. 136], [Андрианова, 2015a, с. 90]).

[49] См., например, завещательные распоряжения: от 1 мая 1914 года и последнее, от 29 сентября 1915 года (РГАЛИ. Ф. 212.1.250. Л. 2, 9, 25 об.).

[50] ОР РГБ. Ф. 93.II.3.54. Л. 10.

[51] См.: [Достоевский, Шварц, 2007, с. 594].

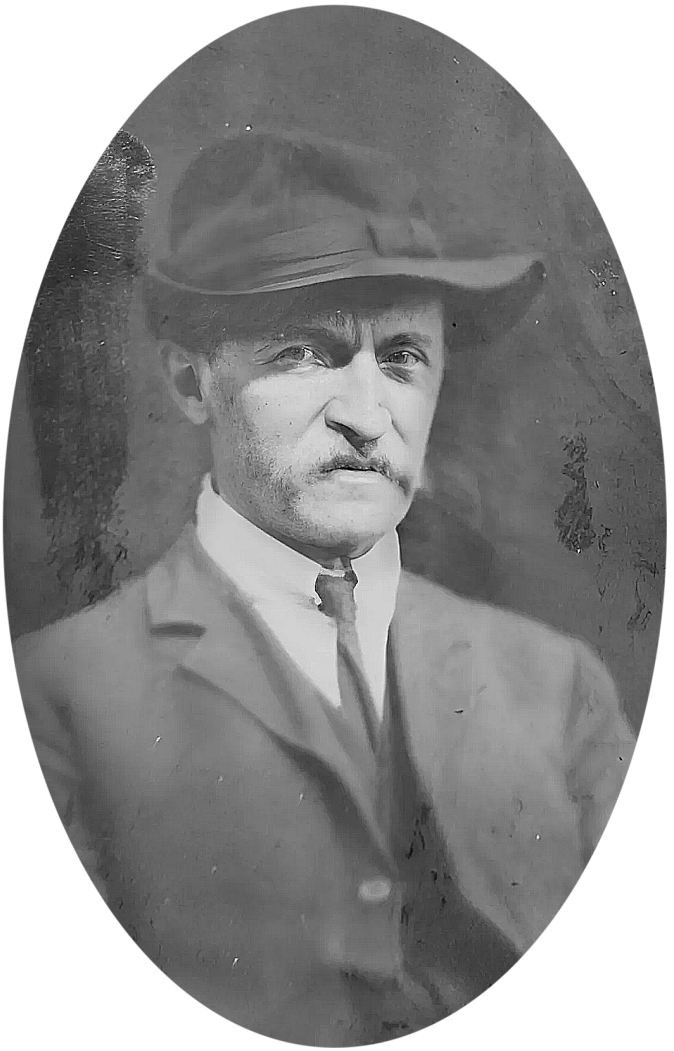
Некоторые биографические изыскания Андрей Андреевич стал оформлять в очерки и эссе, которые публиковались в периодической печати (см. их перечень: [Богданов, 2014, с. 405]). Коснулось это и исследований в области генеалогии Достоевских. Например, в 1914 году он напечатал заметку о старшем брате Федора Михайловича Достоевского Михаиле Михайловиче, которого не знал лично, однако собранного им материала о биографии своего дяди-литератора, а также знаний контекста той эпохи оказалось достаточно, чтобы убедительно и полно рассказать об этом своем родственнике. Заметка была опубликована в газете «Новое Время» — одном из самых читаемых дореволюционных изданий [Богданов, 2014, с. 71][52]. Свои исследования по родословию семьи он продолжил и после революции 1917 года.

* * *

В пореволюционное время Андрей Андреевич служил в Статистическом отделе Центральной управы Петроградского продовольственного Совета (1918), «делопроизводителем 6-й инженерно-строительной дружины Комитета военно-технической помощи по обороне Петрограда и подступов к нему (03.03 — 08.04.1918), заведующим издательским отделением культурно-просветительного отдела Комиссариата земледелия Союза коммун Северной области в Петрограде (01.06.1918 — 01.04.1919), заведующим подотделом статистики народного образования Исполкома Петроградского губернского совета (апр. 1919 — май 1920), зав. отделением при Уполномоченном по топливу Северо-Западного (Петроградского) района Главного горного управления (01.05.1920 — 10.09.1921)» [Иодко, 2019], [Пушкинский Дом, 2005, с. 439–440], а в 1921–1923 годах — на Мурманской железной дороге.

Согласно послужному списку, где фиксировалось движение работников по службе, 9 сентября 1921 года Андрей Андреевич поступил на работу в экономический отдел Управления Мурманской железной дороги на должность специалиста по обследованию и обработке материалов. Рекомендаций для поступления на работу на Мурманскую железную дорогу он не имел, но справедливо считал,

[52] Автограф см.: Достоевский А.А. Памяти старого литератора (Михаила Михайловича Достоевского) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 235. 2 л.



Илл. 3. Фотография А.А. Достоевского из личного дела служащего Мурманской железной дороги (не позднее 1923)
Fig. 3. Photo of A.A. Dostoevsky from his personal file employee of the Murmansk railway (no later than 1923)

что его рекомендации — это «личные труды и предыдущая многолетняя служба по специальности»[53].

В течение всего 1921 года экономический отдел занимался обследованием северных районов железной дороги в целях колонизации и эффективного использования производственных сил, сосредоточенных в этих районах[54]. Согласно отчетам о деятельности экономического отдела в марте 1921 года был установлен контакт и начато сотрудничество с Географическим обществом, начальник отдела вошел в состав организованного при обществе Комитета Севера[55]. Сотрудники отдела проводили обширное статистическое описание территорий вдоль линии железной дороги в районах Мурманск — Полярный круг. Руководил работами профессор Николай Николаевич Белявский, бывший директор Центрального статистического комитета и статистических курсов. Все лето группа статистиков работала на линии, проводила демографические, хозяйственные и экономические переписи, обследования местных промыслов. А.А. Достоевский был приглашен на работу в экономический отдел для обследования и обработки собранных экспедицией статистических материалов, так как обладал «большим стажем по статистической работе в прошлом»[56]. Он составлял статистические таблицы по экономике и хозяйству северных участков дороги[57] по материалам обследования быта железнодорожных служащих и рабочих на участке Мурманск — Полярный круг. Эти работы были им успешно выполнены «во всем объеме экспедиционного обследования 1921 года»[58].

В связи с упразднением экономического отдела с 25 сентября 1922 года он был переведен в колонизационный отдел, а менее чем через полгода 16 февраля 1923 года уволен за сокращением штатов[59]. С 5 августа по 22 ноября 1923 года — вновь трудоустроен на Мурманской железной дороге, где работал в должности статистика части

[53] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 4 об.

[54] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 8. Д. 3/25. Л. 1.

[55] Там же. Л. 3.

[56] Там же. Л. 13.

[57] Там же. Л. 16.

[58] Там же. Л. 21.

[59] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 2 об.

изысканий и организации производства земельно-колонизационного отдела, пока вновь не был уволен за сокращением штатов[60].

Период работы Андрея Андреевича на Мурманской железной дороге совпал с широко праздновавшимся в 1921 году 100-летним юбилеем его дяди. Документы семейного архива, хранящиеся у Андрея Андреевича, а также его личные консультации были востребованы в ходе подготовки масштабной юбилейной выставки — первой послереволюционной экспозиции, которую Пушкинский Дом организовывал совместно с Библиотекой Академии наук, Петроградским институтом книговедения, Российской публичной библиотекой (РПБ), Центральной библиотекой русской драмы (ЦБРД), Главархивом (бывш. Архив Министерства народного просвещения), Историко-революционным архивом, Музеем революции, Петроградским университетом. Экспозиция размещалась в одном зале бывшего особняка князя С.С. Абамелек-Лазарева на Миллионной улице, 22 и состояла из трех разделов — рукописного, книжного и «портретно-музейного» (см.: [Пушкинский Дом, 2005, с. 364], [Якубович, 2007, с. 4]). Несмотря на занятость на основной работе в Экономическом отделе Управления железной дороги, где от него требовалось обрабатывать большие объемы статистической информации, он находил время и силы для отбора и описания документов и предметов из семейного архива, которые предполагалось представить на экспозиции[61]. Посвященная жизни и творчеству Федора Михайловича Достоевского выставка была открыта в ноябре 1921 года. Андрей Андреевич за участие в ее подготовке был удостоен бронзовой медали А.С. Пушкина, знака благодарности от Пушкинского Дома[62].

* * *

Сделаем небольшое отступление. Сложно точно описать весь комплекс рукописей и других материалов, переданных А.А. Достоевским для данной выставки, но по поводу одного автографа это можно сделать совершенно точно — составитель указателя к ней Б.Л. Модзалевский упоминает «детское письмо будущего писателя

[60] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 2 об.

[61] [Модзалевский Б.Л.] Выставка в память столетия со дня рождения Ф.М. Достоевского в Пушкинском Доме: путеводитель. Пб.: Академ. тип., 1921. С. 2.

[62] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 368. Л. 48; см.: [Богданов, 2011, с. 4], [Богданов, 2014, с. 79].

к своей матери, Марии Федоровне Достоевской»[63]. Всего на сегодня известно о восьми таких письмах: четыре находятся в фонде Достоевских в Москве (см.: ОР РГБ. Ф. 93.II.4.23), четыре хранились изначально в семье Андрея Михайловича Достоевского. Три из них сначала, в 1930 году, были опубликованы сыном в воспоминаниях отца, а позже пополнили основной для этой части архива Достоевских, 56-й фонд Рукописного отдела Пушкинского Дома. Однако одно письмо, от апреля — мая 1834 года, поступило в Пушкинский Дом раньше, в 1921 году, в период проведения юбилейной выставки. Позже, поскольку 56-го фонда тогда еще не существовало, оно было присоединено там к основному фонду Достоевских (см.: РО ИРЛИ. Ф. 100 (А.Г. Достоевской). № 29607. 2 л.). При письме, на отдельном листе, имеется поясняющая запись: «*Даръ Андр. Андреевича Достоевскаго (1921 год.)*» [Рукописное наследие, 2021, с. 277]. Первая публикация его в 1924 году Г.В. Прохоровым, во втором сборнике «Статей и материалов» под редакцией А.С. Долинина, также сопровождена примечанием: «Письмо это доставлено было в Пушкинский Дом племянником Федора Михайловича, Андреем Андреевичем Достоевским в 1921 году, ко дню празднования столетней годовщины рождения Федора Михайловича» [Прохоров, 1924, с. 309]. Уже данный пример демонстрирует, как на историю бытования и часто сложных, неоднократных перемещений рукописей (в конечном счете попавших в разное время в разные фонды одного архива или даже в разные архивы) напрямую влияют чисто личные причины — отдельные факты биографии их владельцев, конкретные решения, принимаемые хранителем автографа на определенном этапе жизни. Таким образом, восстановив биографию держателя архива — мы получим дополнительные сведения и о самом архивном документе.

В кратком описании автографов, предоставленных на выставку родными писателя, названы также письма Ф.М. Достоевского к братьям Михаилу и Андрею[64]. Все 17 известных на сегодня писем к А.М. Достоевскому хранились в семье последнего, после его смерти — у его младшего сына и ныне (за одним исключением, о чем будет подробно рассказано ниже) находятся в 56-м фонде РО ИРЛИ (см.: [Нечаева, 1957, с. 185–188], [Рукописное наследие, 2021, с. 281–285]).

[63] [Модзалевский Б.Л.] Выставка в память столетия со дня рождения Ф.М. Достоевского. С. 4.

[64] Там же.

Большинство же писем Ф.М. Достоевского к старшему брату Михаилу (всего их известно на сегодня 86) находятся в двух московских архивах (ОР РГБ и РГАЛИ). В Рукописном отделе Пушкинского дома хранятся: три письма периода ссылки (от 27 марта 1854 года, 21 августа 1855 года, 12 ноября 1859 года) — в фонде А.Ф. Маркса (Ф. 175), два письма (19 ноября 1863, начало письма от 26 марта 1864 года) — в основном фонде Достоевских (Ф. 100) и одно, от первой половины ноября 1844 года, известное только в выдержках и в списке (рукой М.М. Достоевского, в его письме к П.А. Карепину), находится ныне в 56-м фонде и могло, теоретически, быть предоставлено на выставку Андреем Андреевичем (см.: [Нечаева, 1957, с. 190–201], [Рукописное наследие, 2021, с. 288–307]). Б.Л. Модзалевский указывает также на «рукописи родных — братьев и жены»[65]. Из названного рукописи отца, А.М. Достоевского (его воспоминания и дневники), также находились на хранении у Андрея Андреевича.

* * *

Вклад Андрея Андреевича в подготовку юбилейной выставки не был забыт — спустя некоторое время после оставления им службы на железной дороге, в июле 1925 года, по приглашению академика Нестора Александровича Котляревского он поступил на работу в Пушкинский Дом АН СССР. На новой работе он посвятил себя биографическим трудам, проработав там в должности сначала ученого хранителя Музейно-иконографического отдела и заведующего делопроизводством, затем научного сотрудника I разряда[66] вплоть до своего ареста (до 16 ноября 1930 года) [Пушкинский Дом, 2005, с. 439–440, 358, 389], [Иодко, 2019, с. 111]. В «Дневнике» К.И. Чуковского в записи за 22 января 1928 года находим любопытное описание атмосферы тех лет: «В Пушкинском Доме пропал патриархальный строй, отношения оказенились, но осталось общее чаепитие сотрудников, связанных между собой любовью к делу и давнишним служением ему: приходят племянник Достоевского, сын Островского, сын Пыпина, дочь В. Стасова (Комарова), сын П. Анненкова, сын Л. Модзалевского и пр. — и пьют чай из стильных чашек, чай вкусный, пьют весело — и как-то непохоже на нынешний

[65] [Модзалевский Б.Л.] Выставка в память... С. 4.

[66] И.Д. Якубович дополнительно указывает подразделение, куда из Музея Пушкинского Дома был переведен А.А. Достоевский — Рукописный отдел [Якубович, 2007, с. 6]. Однако другие источники данный факт не подтверждают.

стиль — пьют исторически, пьют по-пушкински» [Чуковский, 1991, с. 430].

В 1928 году Андрей Андреевич был командирован в Москву «для сбора материалов о Ф.М. Достоевском и ознакомления с архивом библиографа А.В. Смирнова» [Иодко, 2019, с. 111]. Позднее племянник писателя был привлечен к организации музея Ф.М. Достоевского в Москве: подарил бронзовые канделябры, когда-то стоявшие в гостиной Достоевских, и предоставил чертеж квартиры, где прошло детство Федора Михайловича[67]. Чертеж был выполнен его отцом, Андреем Михайловичем Достоевским. Этот документ оказался значительным подспорьем для научной реконструкции Музея-квартиры.

Этой роли Хранителя, понятой не в узко профессиональном смысле должности, а широко — как хранителя культурных ценностей (и в частности, как фактический в советское время глава рода Достоевских — хранителя семейного архива и памяти писателя) — А.А. Достоевский оставался верен до последних дней жизни. Даже пережив арест и ссылку, он не изменил одной из основных задач своей жизни и всё «так же был готов служить миссии собирания и сохранения культурных сокровищ России», сообщая, например, в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу 21 мая 1932 года: «*Ужасно давно слышу я об устраивающемся у Вас в Москве Центральном Литературном Музее, о его широком размахе, о больших его возможностях и проч. Будь этот Музей в Ленинграде — бросил бы всё, чтобы в нем работать и, дерзко думать, — не без пользы бы для него*»[68].

Андрей Андреевич активно сотрудничал с исследователями творчества и биографии своего знаменитого дяди. Например, помогал в сборе и корректировке генеалогических материалов М.В. Волоцкому, с 1922 года работавшему над книгой по родословию Достоевских, консультировал его, подготовил многостраничные записки с подробными характеристиками своих предков, дальних и близких родственников — сведения о некоторых из них остались только в рукописях, не попав в составленные исследователем генеа-

[67] См.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 56. Историческая справка // Информационная система «Архивы России Рос. академии наук». URL: https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=6FCC2AAB-DE43-869F-D4EE-E89AB8634D8C&ida=26 (дата обращения: 02.04.2025); [Богданов, 2014, с. 84].

[68] ОР РГБ. Ф. 369. Оп. 226. Ед. хр. 35. Л. 4 об.; цит. по: [Богданов, 2011, с. 39], [Богданов, 2014, с. 101].

логические таблицы[69]. Предоставленная Андреем Андреевичем информация значительно обогатила рукопись М.В. Волоцкого о роде Достоевских. Те родственники, с которыми Андрей Андреевич был знаком лично, получили от него характеристики, основанные на его опыте общения с ними. Сотрудничество (личное и по переписке) М.В. Волоцкого и А.А. Достоевского продолжалось вплоть до самой смерти племянника писателя в 1933 году.

Андрей Андреевич подготовил к изданию, снабдил предисловием и обширными примечаниями воспоминания своего отца Андрея Михайловича. Воспоминания были изданы в Ленинграде в 1930 году (в сокращении), однако работа над публикацией началась еще в 1920-е годы. В предисловии отмечалось, что воспоминания родного брата великого писателя представляют историко-литературный интерес, так как дают ценный материал для изучения биографии писателя, дают возможность представить ту обстановку, в которой рос и воспитывался Федор Михайлович [Достоевский, 1930]. Издание воспоминаний стало последней крупной научной работой А.А. Достоевского.

* * *

Личная жизнь Андрея Андреевича в источниках и воспоминаниях родственников предстает весьма неопределенной. В студенческие годы он высказывался о браке саркастически, иронизируя над женатыми товарищами. Например, в письме к брату Александру от 11 августа 1885 года Андрей Андреевич писал:

> *Есть и веселая* [*новость*], *но скорѣй смѣшная:* {*почти*} *всѣ мои пріятели и однокласники по гимназіи переженились. <...> Звонниковъ женится <...> и уѣдетъ въ Семипалатинскъ. Дурачье! А сколько еще товарищей женатыхъ прежде*[70].

В октябре следующего года одно из писем к брату завершалось шутливым (как видно из контекста) сообщением:

> *Ищу себѣ жену! — Ничего не подѣлаешь! Себѣ дороже стоитъ!*[71].

[69] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. Л. 2.

[70] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. Л. 66 об. — 67.

[71] Там же. Л. 115 об.

Несмотря на это заявление, Андрей Андреевич не вступил в брак ни учась в университете, ни состоя на службе по первому месту работы в Министерстве внутренних дел. В его формулярном списке за 1892 год в графе «холост или женат» значится «*холостъ*»[72]. В письмах к Андрею Андреевичу Любовь Федоровна Достоевская, с которой он близко общался в конце 1890-х годов, регулярно приглашала кузена играть в вист и приводить для компании того или иного неженатого товарища. Тон и характер писем свидетельствовал скорее о том, что пары у Андрея Андреевича, равно как и романтических увлечений, в тот момент не было [Кейдан, 2018, с. 41–43]. Только в одном из писем к матери проскользнуло следующее наблюдение:

> *Съ Андр<еемъ> Андр<еевичемъ> происходитъ что-то необыкновенное. Назвался почти самъ къ намъ обѣдать, но въ назначенный день не пришелъ и до сихъ <поръ> даже не извинился. Анфиса*[73] *увѣряетъ, что у него видъ человѣка, который рѣшился жениться и не знаетъ, какъ ему въ этомъ признаться. Неужели на той старушкѣ? Горькая моя доля: всѣ мои «сестры» никуда не годятся*[74].

Сведения о семейном положении Андрея Андреевича, встречающиеся в мемуарной литературе и документах, противоречивы. Чаще всего отмечается, что он не был женат; однако некоторые его родственники свидетельствовали, что он был вдов. В начале 1920-х годов, находясь на службе на Мурманской железной дороге, в анкетах в графе «семейное положение» он неизменно указывал — «холост»[75]. Отсутствует указание на жену и в собственноручно сделанной им в июле 1924 года родословной схеме[76]. Однако когда его подвергли аресту, в протоколе допроса от 21 ноября 1930 года семейное положение указано как «вдов-одинок» [Хроника, 2012,

[72] РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2875. Л. 23.

[73] Средняя из трех сестер Румянцевых, подруг Л.Ф. Достоевской, дочерей старорусского священника И.И. Румянцева. Рано умерла от туберкулеза.

[74] РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 49. Письмо от 13 ноября 1900 года. Однако необходимо помнить, что для писем Любови Федоровны к матери позднего периода в целом характерен намеренный шутливо-ироничный тон, в духе легкой светской беседы.

[75] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 1, 2, 4 об., 6, 18.

[76] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. Л. 53.

с. 627]; как «вдовый» охарактеризован он и 25 декабря 1930 года в «Постановлении по следственному делу № 1803 о продлении срока содержания под стражей до 15 февраля 1931 года 104 подследственных, подозреваемых в причастности к “Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России”» [Академическое дело, 2015, ч. 1, с. 108][77].

* * *

В конце 1920-х годов Андрей Андреевич приютил у себя своего двоюродного племянника и крестника[78], родного внука Ф.М. Достоевского Андрея Федоровича Достоевского, приехавшего из Симферополя в Ленинград учиться. Племянник описывал быт своего дяди как «чисто буржуазный», принадлежавший как бы предыдущей эпохе [Хроника, 2012, с. 625]. Схожие впечатления от общения с Андреем Андреевичем остались и у В.С. Нечаевой: «Образ А.А. Достоевского у меня как-то невольно ассоциировался с представлением о типичных петербургских чиновниках царского времени <...>. Бритый подбородок и усы, немножко старомодная, очень любезная, но всегда какая-то официально-вежливая и осторожная речь, не отражающая ни положительных, ни отрицательных эмоций» [Хроника, 2012, с. 623]. Действительно, в собственноручно им написанных документах как личного, так и делового характера Андрей Андреевич использовал несколько старомодный стиль, часто следовал нормам дореволюционной орфографии, подписываясь, продолжал употреблять и-десятеричное (i), отдавая дань многовековой традиции начертания фамилии своего рода.

В июле — августе 1929 года по всем подразделениям Академии наук прокатилась первая волна так называемого «Академического

---

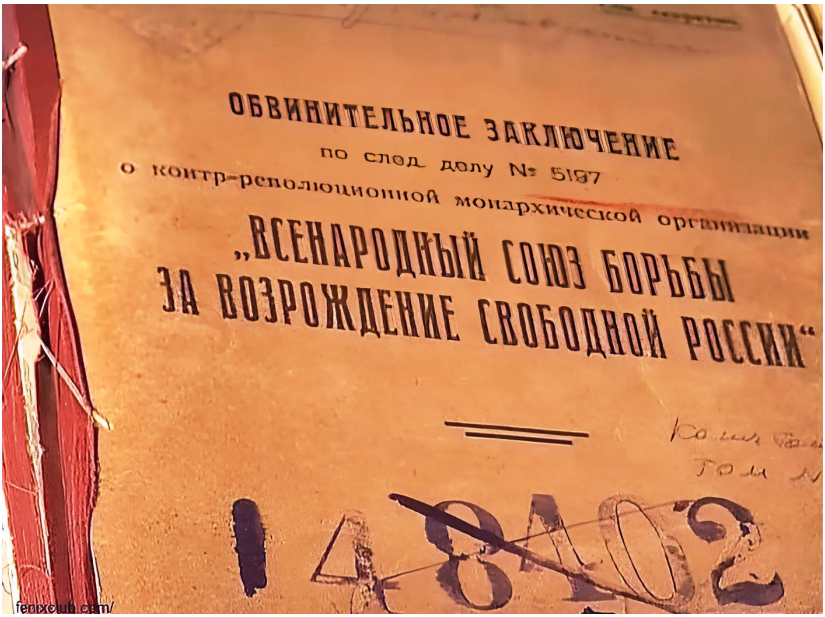
[77] Об этом же писала хорошая знакомая его племянника, Андрея Федоровича Достоевского, Евгения Борисовна Польская (Меркулова): «дядя был вдов» [Польская, 1995, с. 135]. Однако в ее мемуарах встречаются фактические неточности, так что для окончательного решения вопроса необходим поиск документа о браке в период между сер. 1920-х годов и 1930 годом.

[78] Запись о рождении (28.01.1908) и крещении (28.04.1908) в г. Симферополе Андрея Федоровича Достоевского находится в метрической книге (1865–1917) Николаевской церкви 51-го Литовского пехотного полка, хранящейся ныне в Государственном архиве Республики Крым (Ф. 142. Оп. 1. Д. 721. Л. 5 об. — 6). См. также письмо от 7 мая 1908 года Ф.Ф. Достоевского, уведомлявшего кузена об этом событии (ОР РГБ. Ф. 93.II.4.35. Л. 10–10 об.; опубл.: [Панюкова, Каюмова, 2025, с. 92]).

дела»: «Во время первой “чистки” академических учреждений, закончившейся к концу августа, особенно пострадала Библиотека Академии наук, для личного же состава Пушкинского Дома она прошла менее болезненно». «Многих из нас, — писал 15 августа 1929 года И.А. Кубасов С.Ф. Платонову в Крым, — тягали по одиночке на допрос (в числе их — Бор Ив, Рейнбота, Комарову, Переселенкова, **Достоевского**, С.А. Шахматову-Коплан, Населенко и др.), но и это сошло более или менее благополучно: из сотрудников ПД никого не извлекали на всенародное позорище, никого не пытали перед Общим собранием (как сотрудников других учреждений) и никого не уволили» [Прозорова, 2003, с. 276]. Вторая волна «чистки» «началась в октябре 1929 года и продолжалась по декабрь 1930 года. Главный удар “академического дела” был направлен на учреждения, которыми руководил Платонов: Библиотеку АН, Пушкинский Дом, Археографическую комиссию» [Прозорова, 2003, с. 276]. Андрей Андреевич Достоевский был арестован 14 ноября 1930 года[79]. Его обвиняли в причастности к деятельности монархической контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», якобы возглавлявшейся академиком С.Ф. Платоновым. Из 74 обвиняемых в Ленинграде его арестовали одним из последних, когда «в середине ноября 1930 года прокатилась по АН СССР последняя ударная волна арестов» [Перченок, 1995, с. 224, 212]. Андрей Андреевич был включен в список «монархистов». В вину ему ставилось общение с академиком Е.В. Тарле, однако в своих показаниях он признавался, что только дважды посетил академика с визитом [Достоевский, Шварц, 2007, с. 577–578]. Сложно представить, чтобы никогда, ни в студенчестве, ни во взрослой жизни, не состоявший в политических организациях Андрей Андреевич мог быть членом контрреволюционной ячейки.

[79] По указанию работавшего со следственным делом Б.Н. Тихомирова, дело А.А. Достоевского не выделено в отдельное производство — оно находится в общем «деле академиков» 1929–1930 годов, содержащем 29 томов, и хранится в УФСБ СПб и ЛО (Дополнительное производство: арх. № П-82333. Следственное дело № 1803: в 9 т.). См. в публикации архивных материалов дела: [Академическое дело, 2015, ч. 1, с. 108; ч. 3, с. 108, 115 (с ошибоч. годом: 1929), 1383, 1440]. Частично процитировано Н.Н. Богдановым в «Хронике рода Достоевских» (с указанием ошибочного шифра от номера дела его племянника, А.Ф. Достоевского, арестованного в 1934 году: Следственное дело **№ 173** [Хроника, 2012, с. 626]). Фотографии обложек следственных дел дяди и племянника приведены Н.В. Шварц в изд.: «Достоевский и XX век» (см.: [Достоевский, Шварц, 2007, врезка между с. 576–577]).

В одной из анкет времени работы на Мурманской железной дороге в графе «партийность» он указал: «всегда беспартийный»[80].



Илл. 4. Обвинительное заключение по делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»
Fig. 4. The indictment in the case of the counter-revolutionary monarchist organization "National Union of Struggle for the Revival of Free Russia"

10 февраля 1931 года он был осужден и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Свое наказание он отбывал в Беломорско-Балтийском ИТЛ (Белбалтлаге). Андрей Федорович Достоевский вспоминал, как он записался на прием к партийному и государственному деятелю А.В. Луначарскому, посетившему Ленинград по случаю 50-летия со дня смерти Ф.М. Достоевского, чтобы попросить за своего дядю Андрея Андреевича. Луначарский не остался равнодушным к просьбе родного внука великого писателя и обратился к М.И. Калинину, который мог попросить о новом расследовании уголовного дела

[80] НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 243/8100. Л. 1а об.

[Хроника, 2012, с. 626] (ср.: [Польская, 1995, с. 135], [Белов, 2001, с. 362–364]). В мае следующего 1931 года Андрей Андреевич был освобожден [Белов, 1990], [Достоевский, Шварц, 2007, с. 578], «с поразительной <...> формулировкой: “*Постановлением Коллегии ОГПУ от 30.05.1931 года по пересмотру дела определено: приговор от 10.02.1931 года считать условным*”» (цит. по: [Богданов, 2011, с. 38]). О его освобождении в своих воспоминаниях, опубликованных в 1989 году в журнале «Звезда», писал известный историк и культуролог Николай Павлович Анциферов: «В первые месяцы моей жизни на Медвежьей Горе уже начали освобождать моих однодельцев. <...> Одним из первых был освобожден А.А. Достоевский (из Пушкинского дома), потом биолог и мастер художественного чтения Артоболевский. Все чаще приходили радостные новости о досрочных освобождениях» [Анциферов, 1989, с. 153]. «Удостоверение об освобождении», подписанное 12 апреля 1931 года заместителем председателя ОГПУ С.А. Мессингом, сохранилось в деловых бумагах Андрея Андреевича[81].

После освобождения Андрей Андреевич работал не по специальности — в Гидрологическом институте «в должности “прораба”» [Богданов, 2011, с. 39] (с 7 декабря 1932 г.) [Иодко, 2019, с. 111]. В 1931–1932 годах Академия наук СССР дважды выступила с ходатайством о назначении ему пенсии — сначала академической (за выслугу лет), потом персональной союзного значения (за заслуги перед государством). Ходатайство поддержала научная общественность: известны отзывы Н.Я. Марра, Н.И. Вавилова, В.Л. Комарова, А.П. Семенова-Тян-Шанского (см.: [Богданов, 2011, с. 40–41], [Капустина, 2021, с. 413, 417, 418], [Жиркова, Капустина, 2022, с. 82–84]). 13 сентября 1933 года А.А. Достоевский скончался в Ленинграде от затяжного воспаления легких и похоронен рядом со своими родными — на Смоленском православном кладбище. В 1989 году был реабилитирован — посмертно[82] [Хроника, 2012, с. 627].

[81] РО ИРЛИ. Ф. 56. № 372. Л. 138; см.: [Богданов, 2011, с. 38].

[82] Авторы работы о «пенсионной истории» А.А. Достоевского, на основании обнаруженных в Государственном архиве Российской Федерации документов (ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4–4 об.), ставят также проблему поиска «документального подтверждения факта первичной реабилитации А.А. Достоевского в 1931 году», о которой было упомянуто в заключении на ходатайство АН СССР, «со ссылкой на предоставленное претендентом его “жизнеописание”» [Жиркова, Капустина, 2022, с. 85–86]. Эти же исследователи делают краткий историографический обзор работ, посвященных изучению биографии А.А. Достоевского [Жиркова, Капустина, 2022, с. 72–74].

Судьба архива — судьба его хранителя

Как было показано выше, реконструкция биографии держателя крупного архива (каким безусловно являлся А.А. Достоевский) — одно из необходимых условий при изучении и/или поиске рукописей, поскольку любой факт жизни владельца архива мог оказать влияние и на судьбу хранящихся у него автографов.

Не менее важны изучение и анализ сохраненного такими держателями рукописного и документального наследия, с выявлением и полным научным описанием всех современных мест его архивного хранения. Если систематизировать известные нам на сегодня места архивного хранения документов, эпистолярия и рукописей Андрея Андреевича, то наиболее обширным является фонд А.А. Достоевского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 723). Он был принят в 1941 году от его племянницы Марии Владимировны Савостьяновой и содержит материалы по научно-общественной деятельности Андрея Андреевича на посту секретаря Русского географического общества и редактора «Известий» РГО: делопроизводственную переписку, материалы по организации XI Международного географического конгресса (1913–1914), дневник по постройке дома для Географического общества, большой блок писем к нему (включая переписку 1890–1933 годов с А.П. Семеновым-Тян-Шанским), фотографии — всего 253 ед. хр., 1879–1933, в одной описи[83] (обозрение фонда см.: [Малькевич, 1950, с. 73]).

В том же архиве в фонде Правления Академии наук (Ф. 4) находится трудовой список 1889–1930 годов (Оп. 4. Д. 5088) и личное дело А.А. Достоевского 1925 года (Оп. 4. Д. 1424). Личные дела студента (1884–1889) и затем служащего А.А. Достоевского имеются также в фонде Санкт-Петербургского университета в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804), фондах Хозяйственного департамента МВД (1889–1895) и Общей канцелярии Министерства финансов (1905–1916) в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2875; Ф. 560. Оп. 23. Д. 693), фондах Северо-западного областного управления по топливу («Петрообластоп»,

[83] Электронную опись фонда см.: https://ranar.spb.ru/stocks/438412903 (дата обращения: 02.04.2025).

1920–1921) в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб. Ф. Р-1366. Оп. 4. Д. 1323) и Управления Кировской железной дороги (1921–1923) в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Св. 243. Д. 8100).

Известные на сегодня факты об аресте, осуждении и ссылке А.А. Достоевского приводятся в исследовательской литературе в отрывках на основании материалов т. н. «Академического дела» (1929–1930), хранящегося в Большом доме (Архив УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Лен. области. П-82333. Д. 1803[84]). В Государственном архиве Российской Федерации находится дело о назначении А.А. Достоевскому пенсии (1931–1932; ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 33. Д. 22).

Небольшое количество документов (личная и официальная переписка, творческие рукописи, личные и деловые документы, квитанции, рецепты) имеется в Пушкинском Доме — это та часть архива Достоевских, которая хранилась в семье Андрея Михайловича. Обширный архив А.М. Достоевского (составной частью которого было и собрание рукописей, писем и документов А.А. Достоевского) бóльшей частью поступил в Рукописный отдел Института русской литературы РАН, составив там отдельный фонд (РО ИРЛИ. Ф. 56). В нем, кроме бумаг М.А. Достоевского (118 ед. хр.), М.М. Достоевского (48 ед. хр.) и Ф.М. Достоевского (15 ед. хр.), рукописи воспоминаний А.М. Достоевского, частично опубликованной сыном в 1930 году, и его дневников 1884–1897 годов[85], находятся его документы и служебные бумаги (1828–1897), расходные книги (1876–1881), переписка с друзьями и родными (в т. ч. с женой, детьми, братьями, сестрами, Куманиными и под.; всего 128 ед. хр.). Здесь же в двух отдельных разделах хранятся личные архивы его сыновей, Александра (108 ед. хр.) и Андрея (136 ед. хр.) (см. также: [Гармашева, Капелюш, 1957, с. 9]).

Среди бумаг последнего «обращают на себя внимание 7 тетрадей 1876–1882 годов, озаглавленных “Дневник племянника”, переписка с А.Г. Достоевской, семьей Рыкачевых, а также переписка с М.В. Волоцким по поводу рукописи “Биографические материалы

[84] Существует также вероятность, что дополнительные материалы по данной теме можно обнаружить в региональных архивах ФСБ по месту отбывания наказания.

[85] Электронную публикацию их см. на ресурсе: Дневники А.М. Достоевского // А.М. Достоевский. Воспоминания. Эпистолярное наследие. URL: https://philolog.ru/amdost/diaries/diaries.htm (дата обращения: 02.04.2025).

о роде Достоевских" (123 листа), посланной А.А. Достоевским на просмотр Волоцкому и положенной в основу книги последнего» [Якубович, 2007, с. 5, 6].

На примере последней рукописи можно видеть, на какие источники А.А. Достоевский опирался при сборе материалов по родословию. Так же, как ранее его отец, обращавшийся, за отсутствием дневников, при написании воспоминаний на факты из своей переписки с родственниками[86], Андрей Андреевич не только пользовался библиотечными материалами (Писцовые книги, Акты Археографических комиссий), но и активно обращался к семейной переписке, делая выписки-характеристики лиц из писем архива его отца[87], либо пользуясь архивом А.Г. Достоевской, создавая копии писем. Так, два списка с автографа письма к Ф.М. Достоевскому от кузины писателя по отцу, Надежды Евфимовны Глембоцкой (урожд. Лимановской), от 25 ноября 1879 года, уже переданного на тот момент в Пушкинский Дом[88], Андрей Андреевич, по его собственноручному примечанию, снял в феврале 1924 года «на квартире Б.Л. Модзалевского» (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. Л. 48). Именно данными копиями пользовался впервые опубликовавший письмо в 1933 году в своей «Хронике...» М.В. Волоцкой (см.: [Волоцкой, 1933, с. 44–45], [Буданова, Богданов, 2001, с. 405]; подробнее об этом: [Панюкова, Каюмова, 2025]).

56-й фонд был разобран в 1939 году сотрудником Рукописного отдела К.Н. Григорьяном [Якубович, 2007, с. 6], а пополнялся, видимо, не одномоментно, а в несколько этапов. Так, в 1927 году Б.Л. Модзалевский принял от А.А. Достоевского обширную семейную переписку

---

[86] Внимательное сопоставление некоторых глав его воспоминаний с соответствующими местами из родственной переписки показывает скрупулезность мемуариста и точность (почти дословную) их воспроизведения.

[87] Так, на л. 14–16 данной единицы хранения есть краткие выписки из писем к А.М. Достоевскому его сестер, Варвары и Веры Михайловны, несколько цитат из писем к Андрею Андреевичу Екатерины Петровны Достоевской (от 15 августа 1929 года и 13 февраля 1930 года), содержащие характеристики Любови Федоровны, Федора Федоровича, Андрея Федоровича Достоевских (вкладки к с. 17 и 27).

[88] См.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29765. 2 л.; [Нечаева, 1957, с. 357], [Гармашева, Капелюш, 1957, с. 77]. Весь текст, с небольшими неточностями, в 2001 году опубл. [Буданова, Богданов, 2001, с. 406–408]. Электронную публикацию по автографу см. также на ресурсе: Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/glemboc/otGlembockaja25111879.htm (дата обращения: 02.04.2025). Фотокопию первой страницы см. в изд.: [Богданов, 2019, с. 64].

Достоевских-Рыкачевых [Пушкинский Дом, 2005, с. 112]. Бóльшая же часть собрания А.А. Достоевского поступила в Рукописный отдел позже, уже после смерти хранителя архива, во второй половине 1930-х годов — от его племянницы, Марии Владимировны Савостьяновой [Добровольский, 1947, с. 66, 74], [Якубович, 2007, с. 5]. В то же время часть значимых материалов из архива отца, как было показано выше, А.А. Достоевский передавал Пушкинскому Дому и ранее — в год празднования юбилея своего дяди (1921).

Поэтому, как бы интересна и самодостаточна ни была личность самого А.А. Достоевского, реконструкция его биографии приобретает дополнительное важное значение для достоеведения с учетом того, что после смерти отца, А.М. Достоевского, именно он стал продолжателем его дела: помощником Анны Григорьевны в сохранении памяти об Ф.М. Достоевском и исследовании родословия Достоевских, издателем и комментатором воспоминаний своего отца, хранителем значительной части семейного архива.

Слова, сказанные про Федора Федоровича Достоевского: «Отсутствие до сего дня специальных исследований, посвященных судьбе сына писателя, тем более необъяснимо и должно быть расценено как серьезный пробел в современном достоеведении, что с именем Ф.Ф. Достоевского связан ряд обстоятельств, установление которых <...> важно для уяснения судьбы пропавшей части рукописного архива Достоевского, который дошел до нашего времени далеко не полностью» [Тихомиров, 2001, с. 160], — в полной мере приложимы и к его кузену, Андрею Андреевичу Достоевскому. Ведь судьба рукописей и документов часто напрямую связана с судьбой их хранителей, особенно сложной и трагичной в революционное и постреволюционное время, а также в периоды сначала гражданской войны, а потом репрессий, не обошедших стороной многих владельцев архивов: восстановив в деталях биографию последних, можно либо реконструировать историю бытования автографа/документа, либо получить ниточку для поиска исчезнувших рукописей разрозненного архива Достоевских — как личного архива А.А. Достоевского (а также сохраненного им архива его отца), так, возможно, и той его части, которая сберегалась А.Г. Достоевской и ее семьей.

Имея в виду эту последнюю, напомним, как в середине августа 1918 года, уже получив загранпаспорт для поездки в Крым, чтобы похоронить умершую там в июне мать, оформить документы на наследство и вывезти оставшиеся после нее рукописи, книги и вещи,

Федор Федорович Достоевский из Москвы обращается к находящемуся в революционном Петрограде кузену с просьбой навестить на Фурштатской, 27 свою квартиру — беспризорную и, возможно, разграбляемую. Многие годы как Анна Григорьевна, так и ее дети привыкли, при необходимости, обращаться за помощью и поддержкой именно к Андрею Андреевичу. Изначально, как объяснял в письме Федор Федорович, квартира сдавалась жильцам, но одна комната была заперта (или даже запечатана), и там-то и хранились его личные «вещи, книги **и т. п.**». Еще в период найма квартиры во время обыска эта комната была вскрыта и, возможно, частично разграблена; сейчас же стоит совершенно пустая, охраняемая только сыном швейцара, так что существует риск «полного расхищения». Посещение квартиры близким родственником, возможно, будет тем фактором, который предохранит ее от опустошения и что-то спасет[89].

Продолжение истории было таково: «осенью 2001 года в Музей Достоевского в Петербурге были переданы чудом сохранившиеся некоторые вещи из этой квартиры (кресло, кровать, шкатулка). Их передали две пожилые женщины, Ю.П. Соловьева и А.П. Новикова, — внучки рабочего-большевика Михаила Яковлевича Игнатова, семье которого, жившей в подвале этого же дома, после реквизиции и была передана квартира сына писателя» [Тихомиров, 2001, с. 163], [Коган, Тихомиров, 2009, с. 150]. Большая библиотека Ф.Ф. Достоевского и фарфор были сразу же за ненадобностью ими проданы, но сохранилась мебель и другая обстановка — ее долгие годы даже давали в приданое дочерям и внучкам.

«**Но документы, переписка, архив?** — восклицает исследователь. — Об этом Юлия Павловна и Ариадна Павловна ничего не могли рассказать...» (выделено нами. — *М. К., Т. П.*) [Тихомиров, 2001, с. 163], [Коган, Тихомиров, 2009, с. 151]. С учетом вышеупомянутого письма Ф.Ф. Достоевского от августа 1918 года, что-то об этом, возможно, смог бы рассказать Андрей Андреевич Достоевский, в эти годы, как установлено по его трудовому списку (см. выше), на-

[89] Полностью текст этого небезынтересного, но малодоступного исследователям письма, хранящегося в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонде внука писателя, Андрея Федоровича Достоевского (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 135. 2 л.), и известного до сих пор только по упоминаниям [Богданов, 2014, с. 71] или кратким выдержкам [Тихомиров, 2001, с. 162–163], [Коган, Тихомиров, 2009, с. 149–150, 151], приведен в публ.: [Панюкова, Каюмова, 2025, с. 92–94].

ходившийся как раз в Петрограде и наверняка исполнивший просьбу брата. Возможно, что-то из архива могло быть вывезено им к себе для сохранности из пустующей квартиры на Фурштатской.

Революции, войны и репрессии (и связанные с последними конфискация или уничтожение имущества) губительно сказываются на сохранности архивов. Семья Достоевских — не исключение. Можно привести два лаконичных мемуарных и эпистолярных свидетельства о том, что происходило с имуществом самого А.А. Достоевского во время его полугодового заключения. Так, хорошая симферопольская знакомая его племянника, Андрея Федоровича Достоевского, Евгения Польская в своих мемуарах сообщала, что после ареста Андрей Федорович вызвал в Петербург из Крыма ее мачеху, Надежду Петровну Меркулову (Ундю), которая и «привезла на сохранение **от грабившей отсутствующего дядю экономки** часть его коллекции фарфора» (выделено нами. — *М. К., Т. П.*) [Польская, 1995, с. 135]. А по сообщению Н.Н. Богданова, «13 декабря 1931 года В.А. Люба напишет В.С. Нечаевой: "*Про Андрея Андреевича могу сообщить следующее: дело его ликвидировано, в правах он восстановлен. Очень потрясен, постарел.* ***Лишился жилплощади, которую сдали в его отсутствие. Обстановка была описана, но сейчас возвращена полностью"***»[90].

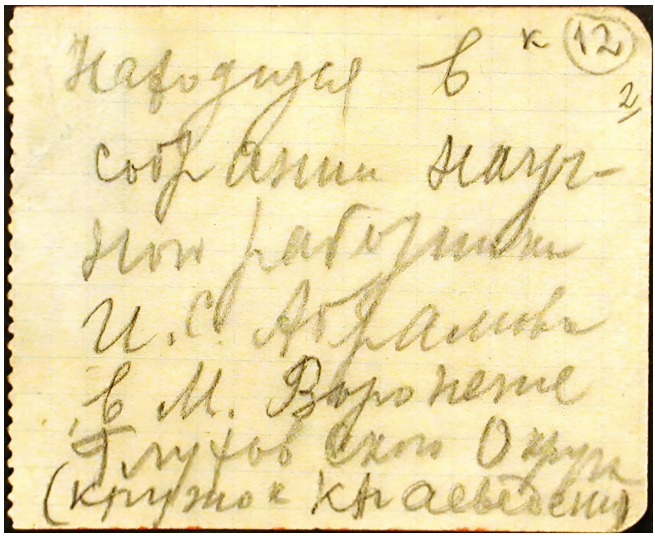
«Пропавший» автограф

С темой репрессий, конфискации и утраты архивов (в данном случае, к счастью, временной) связан еще один эпизод, имеющий непосредственное отношение к биографии А.А. Достоевского. Трагические 1930-е годы не обошли стороной многих петербургских коллекционеров, в т. ч. держателей автографов Ф.М. Достоевского. Достаточно вспомнить Александра Евгеньевича Бурцева, в коллекции которого сосредоточилась, например, основная часть писем Ф.М. Достоевского к метранпажу М.А. Александрову: в 1935 году с женой, дочерью, зятем и внучкой он был выслан из Петербурга в Астрахань (часть рукописной коллекции ему удалось взять с собой), 1 октября 1838 года — арестован, 20 октября — расстрелян, в 1963 году реабилитирован; его коллекция оказалась частично утраченной, частично разошлась по частным рукам, частично — рассредоточена по несколь-

[90] ОР РГБ. Ф. 792. К. 20. Ед. хр. 21. Л. 47 об.; цит. по: [Богданов, 2011, с. 38–39], [Богданов, 2014, с. 100]. Выделено нами. — *М. К., Т. П.*

ким архивохранилищам страны. Не менее драматичной была судьба фольклориста, этнографа, археолога, писателя, краеведа, учителя, петербургского букиниста, книготорговца и коллекционера Ивана Спиридоновича Абрамова (1874–1960), на короткое время ставшего владельцем самого раннего, от декабря 1842 года, письма Ф.М. Достоевского к младшему брату Андрею Михайловичу.

26 мая 1925 года Андрей Андреевич передал в коллекцию Абрамова (местечко Воронеж на Черниговщине) данный автограф, сняв себе копию, на обороте которой сделал подробнейшее описание подлинника. Тут же содержалась запись А.А. Достоевского о передаче оригинала «научному работнику» И.С. Абрамову и собственноручная расписка последнего в его получении:



Илл. 5–6. Запись А.А. Достоевского о передаче автографа письма Ф.М. Достоевского к его отцу. Расписка коллекционера И.С. Абрамова в получении автографа (1925)
Fig. 5–6. Dostoevsky's recording of the transfer of the autograph of F.M. Dostoevsky's letter to his father. Collector I.S. Abramov's receipt for the autograph (1925)

Именно по этому списку, хранящемуся ныне в фонде 56 Рукописного отдела Пушкинского Дома (№ 387), письмо и было впервые опубликовано Андреем Андреевичем в 1930 году в воспоминаниях его отца. В примечаниях к публикации Андрей Андреевич еще раз прояснил: «Оригинал этой записки был передан нами Ивану Спиридоновичу Абрамову, по усиленной его просьбе, для хранения в собрании автографов краеведческого кружка в м. Воронеже, Черниговской губ. Напечатана у А.С. Долинина в “Письмах Ф.М. Достоевского” Госизд. т. I, стр. 65» [Достоевский, 1930, с. 415].

Судьба же оригинала, как и всего огромного собрания книг и автографов И.С. Абрамова, была тесно связана с судьбой своего владельца. Как и А.А. Достоевский, и почти в то же время (причем дважды, в 1931 и 1933 годах), он подвергался аресту — с конфискацией имущества и ссылками. Его коллекция, частично уничтоженная, частично утраченная, оказалась разрозненной — фрагменты ее сегодня можно найти в Государственном литературном музее, с основателем и первым директором которого В.Д. Бонч-Бруевичем И.С. Абрамов поддерживал тесные связи, в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Пушкинском Доме, Музее истории религии, Центральной научной библиотеке Украины, Сумском краеведческом музее, Музее книги, архиве Археологического института, сотрудником которого он являлся. Что-то до сих пор находится на руках у частных коллекционеров, время от времени появляясь на антикварных рынках (подробнее об этом см.: [Панюкова, 2021, с. 206–207]). Судьба же письма Ф.М. Достоевского к Андрею Михайловичу от декабря 1842 года несколько десятилетий оставалась непроясненной: автограф его считался утраченным, письмо описывалось [Нечаева, 1957, с. 185, № 1], [Гармашева, Капелюш, 1957, с. 47] и публиковалось по списку А.А. Достоевского — причем вплоть до последнего времени [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 80, № 35, 416 (примеч.)]. Однако автограф не пропал и вернулся в государственное архивохранилище, на сегодня местонахождение его известно (РГАЛИ. Ф. 212.3.25; см.: [Рукописное наследие, 2021, с. 281]). Ответ на наш запрос в Российский государственный архив литературы и искусства, последовавший 24 марта 2025 года, прояснил почти весь путь «пропавшего» автографа. Изначально в 1941 году письмо было передано в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ) из Государственного литературного музея (ГЛМ) в составе личного фонда № 1235 «Абрамов Иван Спиридонович (1974–1960) — этнограф, краевед, историк литературы». Эта передача была связана

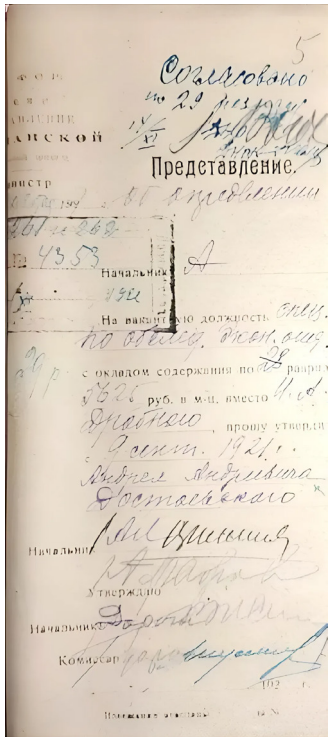
с постановлением Совнаркома СССР от 29 марта 1941 года «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов», когда отдел хранения и первичной обработки рукописей в ГЛМ был ликвидирован, а все материалы первоначально были переданы в ГАУ НКВД для организации Центрального государственного литературного архива (см.: [Ширяева, 1994, с. 9], [Панюкова, 2021, с. 207]). Позже, при оптимизации фондов внутри данного архива, по акту без номера от 25 сентября 1959 года письмо Ф.М. Достоевского к младшему брату как не относящееся к составу фонда И.С. Абрамова (Ф. 1235) было исключено из него и присоединено к фонду Достоевских в РГАЛИ (Ф. 212) — к описи 3, в качестве единицы хранения № 25. Осталось прояснить, каким образом и в какое время коллекция И.С. Абрамова попала в ГЛМ — и судьба данного автографа будет восстановлена полностью: он не затерялся при всех служебных перемещениях (на всех 9 «квартирах») его адресата и первого хранителя Андрея Михайловича Достоевского (1842–1897); позже был сбережен (как и остальной унаследованный от отца архив) его младшим сыном Андреем Андреевичем Достоевским (1897–1925); не пропал во время арестов и конфискаций имущества следующего промежуточного владельца, коллекционера И.С. Абрамова (1925–1930-е); поменял три места архивного хранения в государственных архивохранилищах — ГЛМ (1930-е — 1941), РГАЛИ (1941, 1959), пережив несколько переездов, революций, войн, период репрессий.

2025 год — юбилейный: со дня рождения младшего брата Ф.М. Достоевского, Андрея Михайловича, признанного семейного летописца, хранителя значимой части семейного архива, исполнилось 200 лет[91]. Восстанавливая, на основании архивных поисков и систематизации сохранившегося документального, мемуарного и эпистолярного наследия, биографию его младшего сына, перенявшего от отца эстафету по исследованию родословия Достоевских и сохранению семейного архива, сумевшего сберечь его в тяжелейших условиях пореволюционной России, мы не только отдаем дань уважения этим двум незаурядным деятелям культуры и науки, но и имеем возможность дополнить (уточнить, поставив на строго документальную основу) сведения по родственному окружению великого писателя, а также получить фактические данные для научного описания его эпистолярия и поиска исчезнувших автографов.

[91] Родился 15 (27) марта 1825 года в Москве.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Фотокопии некоторых документов из личного дела А.А. Достоевского, служащего Мурманской железной дороги, обнаруженные в Национальном архиве Республики Карелия



Согласовано
29 [illegible]

Представление.

Начальник

На вакантную должность

с окладом содержания по 28 разряд

руб. в м-ц, вместо

прошу утвердить

9 сент. 1921 г.

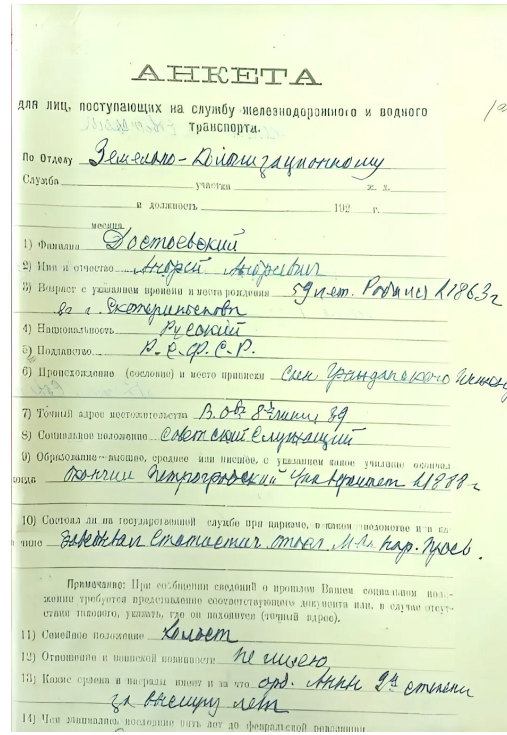
Андрея Андреевича Достоевского

Начальник

Утверждаю

Начальник

Комиссар



АНКЕТА

для лиц, поступающих на службу железнодорожного и водного транспорта.

По Отделу Земельно-Колонизационному

Служба _____ участка _____ ж. д.

и должность _____ 192 г.

месяца

1) Фамилия Достоевский

2) Имя и отчество Андрей Андреевич

3) Возраст с указанием времени и места рождения 59 лет. Родился 1863 г. в г. Екатеринославе

4) Национальность Русский

5) Подданство Р.С.Ф.С.Р.

6) Происхождение (сословие) и место приписки Сын Гражданского Инженера

7) Точный адрес местожительства В.О. 8 линия 39

8) Социальное положение Советский служащий

9) Образование высшее, среднее или низшее, с указанием какое училище окончил

Окончил Петроградский Университет 1888 г.

10) Состоял ли на государственной службе при царизме, в каком подсчете и в каком чине Заведывал статистич. отдел М.В. нар. Просв.

Примечание: При сообщении сведений о прошлом Вашем социальном положении требуется представление соответствующего документа или, в случае отсутствия такового, указать, где он находится (точный адрес).

11) Семейное положение Холост

12) Отношение к воинской повинности не имею

13) Какие ордена и награды имеет и за что орд. Анны 2й степени за выслугу лет

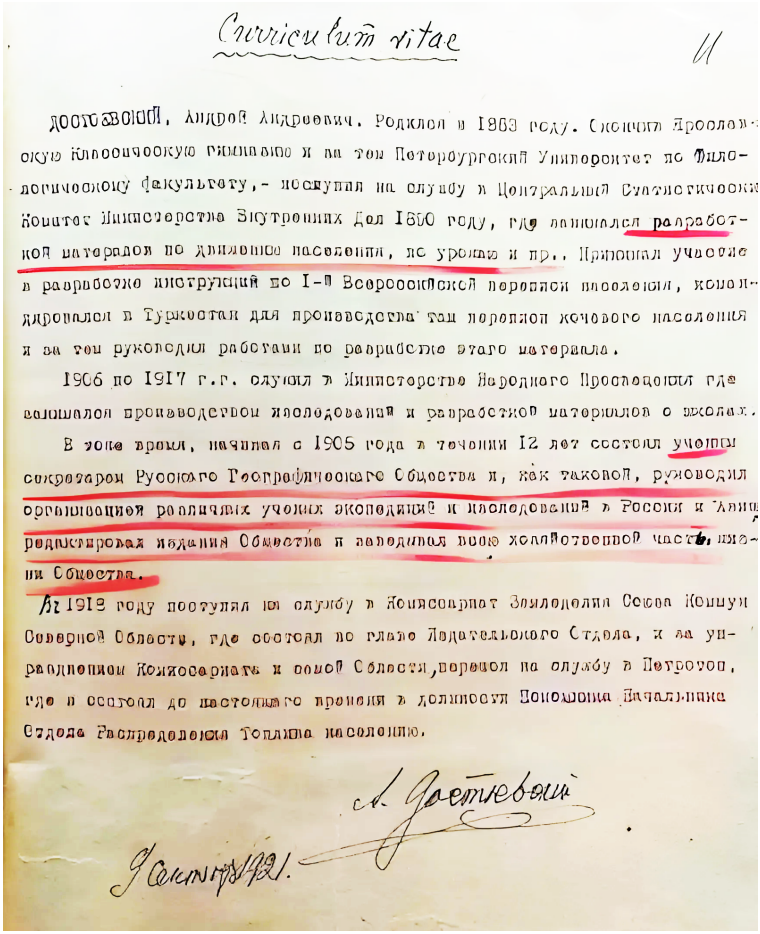
14) Чем занимался последние пять лет до февральской революции

Илл. 7. Представление об определении А.А. Достоевского на должность в Экономический отдел (9 сентября 1921 года)

Fig. 7. Submission for the appointment of A.A. Dostoevsky to a position in the Economic Department (September 9, 1921)

Илл. 8. Анкета А.А. Достоевского (13 августа 1923 года)

Fig. 8. The questionnaire by A.A. Dostoevsky (August 13, 1923)



Curriculum vitae

Достоевский, Андрей Андреевич. Родился в 1863 году. Окончил Ярославскую Классическую гимназию и на том Петербургский Университет по Филологическому факультету,- поступил на службу в Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел 1890 году, где занимался разработкой материалов по движению населения, по урожаю и пр., Принимал участие в разработке инструкций по I-й Всероссийской переписи населения, командировался в Туркестан для производства там переписи кочевого населения и за тем руководил работами по разработке этого материала.

1906 по 1917 г.г. служил в Министерстве Народного Просвещения где заведывал производством исследований и разработкой материалов о школах.

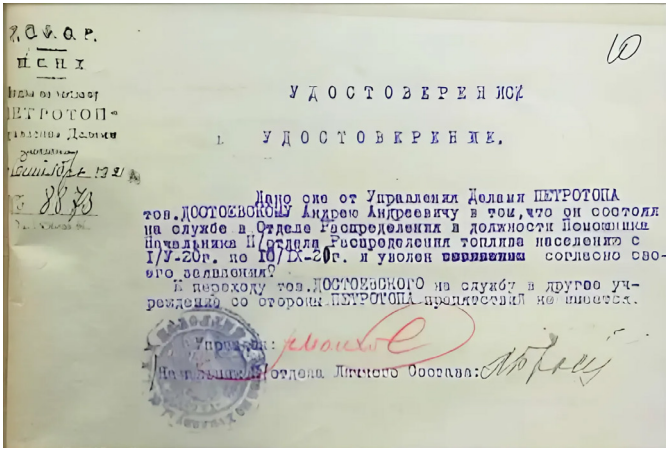
В тоже время, начиная с 1905 года в течении 12 лет состоял членом секретарем Русского Географического Общества и, как таковой, руководил организацией различных ученых экспедиций и исследований в России и Азии редактировал издания Общества и заведывал всею хозяйственной частью изданий Общества.

В 1918 году поступил на службу в Комиссариат Земледелия Совета Коммун Северной Области, где состоял по главе Издательского Отдела, и за упразднением Комиссариата и самой Области, перешел на службу в Петроград, где и состоял до настоящего времени в должности Помощника Начальника Отдела Распределения Топлива населению.

А. Достоевский

Петроград 1921.

Илл. 9. Curriculum vitae А.А. Достоевского (1921)
Fig. 9. A.A. Dostoevsky's Curriculum vitae (1921)



УДОСТОВЕРЕНИЕ

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано оно от Управления Делами ПЕТРОТОПА тов. ДОСТОЕВСКОМУ Андрею Андреевичу в том, что он состоял на службе в Отделе Распределения в должности Помощника Начальника II отдела Распределения топлива населению с I/У-20г. по 10/IX-20г. и уволен согласно своего заявления?

К переходу тов. ДОСТОЕВСКОГО на службу в другое учреждение со стороны ПЕТРОТОПА препятствий не имеется.

Управляющий:

Начальник отдела Личного Состава:

Илл. 10. Справка, выданная А.А. Достоевскому о работе в «Петротопе» (сентябрь 1921 года)

Fig. 10. Certificate issued to A.A. Dostoevsky about his work at "Petrotop" (September, 1921)

Р. С. Ф. С. Р.

Н. К. П. С.

МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

УДОСТОВЕРЕНИЕ,

Дано Андрею Андреевичу Достоевскому

в том, что он состоит на службе в Мурманск. ж.

и занимает должность Статистика Коллег. отдела

что подписью и печатью удостоверено.

Действительно по 31 декабря 1923 г.

Начальник

Подпись изображенного лица

Начальник

Продано по

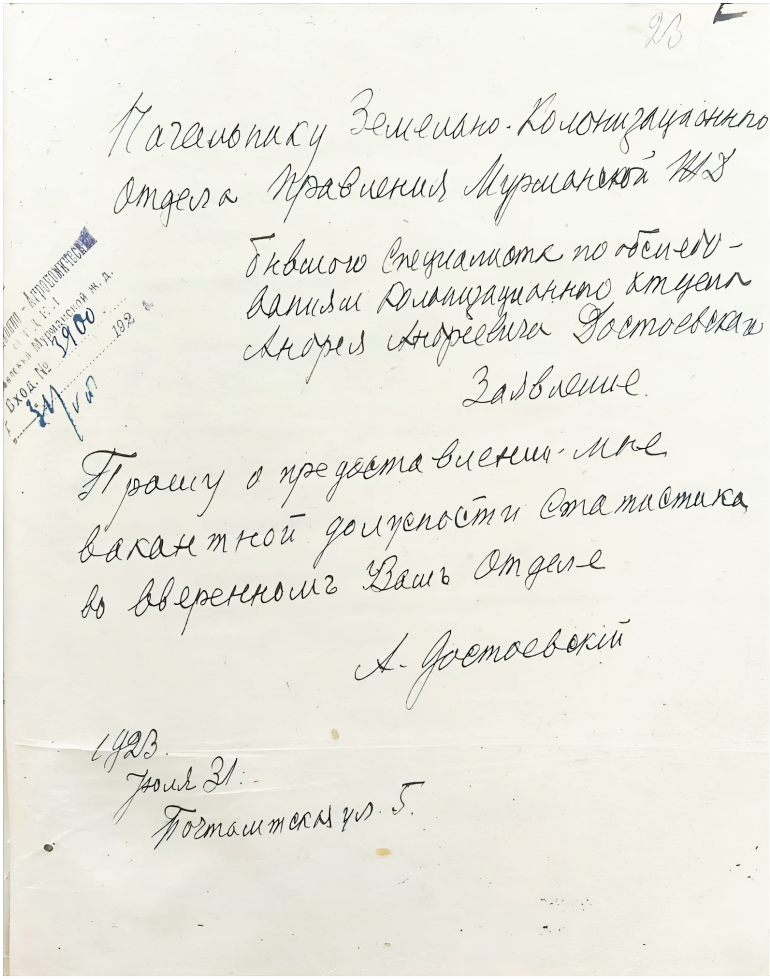
Начальник

Продано по

Начальник

Илл. 11. Удостоверение А.А. Достоевского из личного дела (не позднее 1923 года)

Fig. 11. Identification document of A.A. Dostoevsky from his personal file (no later than 1923)



23

Начальнику Земельно-Колонизационного
Отдела Правления Мурманской ЖД
бывшего Специалиста по обследо-
ваниям Колонизационного отдела
Андрея Андреевича Достоевскаго
Заявление.

Прошу о предоставлении мне
вакантной должности статистика
во вверенномъ Вашъ Отделе

А. Достоевскій

1923.
Июля 31.
Почтамтская ул. 5.

Илл. 12. Заявление А.А. Достоевского об определении его на должность в Земельно-колонизационный отдел Управления Мурманской железной дороги (31 июля 1923 года)

Fig. 12. Statement by A.A. Dostoevsky on his appointment to a position in the Land Colonization Department Murmansk Railway Administration (July 31, 1923)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список архивных источников, связанных с А.А. Достоевским

Документы:

1. Алфавитная книга служащих управления [Мурманской железной] дороги // НА РК. Ф. Р-528. Оп. 10. Д. 11/101. Л. 11 (49 л.). 1922.
2. Выписка из метрической книги Николаевской церкви 51-го Литовского пехотного полка г. Симферополя за 1908 г. о рождении и крещении А.Ф. Достоевского (восприемники: А.А. Достоевский, А.Г. Достоевская) // Гос. архив Республики Крым. Ф. 142. Оп. 1. Д. 721. Л. 5 об. — 6.
3. Выписка из метрической книги Свято-Духовской церкви г. Екатеринослава за 1863 г. о рождении и крещении А.А. Достоевского // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23804. Л. 12–12 об.
4. Выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР от 13 декабря 1931 г. № 27 // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 1. Подпись: А. Енукидзе. См.: [Жиркова, Капустина].
5. Достоевский А.А. Его бумаги (офиц. письма, квитанции, рецепты и др.) и личные документы // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 372. 146 л. 1865–1933.
6. Достоевский А.А. Заявление в Статистический отдел Петроградской продовольственной управы о своем желании принять участие в производстве переписи населения // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 241. 2 л. 1918.
7. Достоевский А.А. [Личное дело.] 1921–1923 // НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20 **(**Личные дела работников Кировской (Мурманской) железной дороги (1895–1966). «Д», «Е», «Ж» 1898–1966 гг.**)**. Связка 243. Д. 8100. 34 л. Крайние даты: 9 сентября 1921 г. — 22 ноября 1923 г.
8. Достоевский Андрей Андреевич. Личное дело // ЦГА СПб. Ф. Р-1366 («Петрообластоп». Ленинград, 1921–1923). Оп. 4 (Архивная опись дел по личному составу). Д. 1323. 6 л. Крайние даты: 1 мая 1920 г. — 10 сентября 1921 г.
9. Достоевский А.А. Научн. сотрудник I разряда Пушкинского дома АН СССР. Трудовой список // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5088. 1889–1930. 6 л.
10. Достоевский Андрей Андреевич, хранитель ИЛИ АН. Личное дело. 1925 // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1424.
11. Дѣло Императорскаго С.-Петербургскаго университета Студента Андрея Андреевича Достоевскаго. Началось 9 Іюля 1884 // ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3. Д. 23804 (Достоевский Андрей Андреевич. [Личное дело студента. Начато: 9 июля 1884]). 67 л.
12. Дѣло Хозяйственнаго департамента Министерства внутреннихъ дѣлъ. Объ опредѣленіи на службу въ Хоз<яйственный> Д<епартамен>тъ Кандидата СП<етер>Бургскаго Университета Андрея Достоевскаго. Началось 24 Ноября 1889 года. Рѣшено 1 Декабря 1895 года // РГИА. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 46 (1845–1917). Д. 2875 (За 1889 г. Секретарская часть). 30 л. Крайние даты: 24 ноября 1889 г. — 1 декабря 1895 г.

13. Заключение по ходатайству Академии наук Союза ССР о назначении персональной пенсии А.А. Достоевскому // ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4–5. 11 октября 1931 г. Подготовил консультант Елинер. См.: [Жиркова, Капустина].
14. Книга личного состава рабочих и служащих // НА РК. Ф. Р-528. Оп. 10. Д. 7/71. Л. 136 (140 л.). 1921–1922.
15. Книга учета личного состава рабочих и служащих // НА РК. Ф. Р-528. Оп. 10. Д. 14/136. Л. 21 об. — 22 (25 л.). 1922.
16. Материалы по деятельности в Русском географическом обществе. Среди них: по организации XI Междунар. конгресса // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 237. 107 л. 1899–1915.
17. О переводе младшего редактора Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел А.А. Достоевского в Министерство финансов чиновником особых поручений V класса // РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 23. Д. 693. 32 л. Крайние даты: 15.07.1905 — 07.01.1916.
18. Обвинительное заключение по следственному делу № 1803 контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»: в 9 т. [Дополнительное производство] // Архив УФСБ СПб и ЛО. П-82333. Д. 1803. 1929–1930.
19. Отчеты о работе экономического отдела // НА РК. Ф. Р-528. Оп. 8 (1918–1933). Д. 3/25 (Протоколы Исполнительного Комитета Совета железнодорожных депутатов. 1918 г.). 32 л. 1921–1922.

Рукописи:

1. Достоевский А.А. Биографические материалы о роде Достоевских. Тут же: Достоевский А.А. Письма к Волоцкому М.В. (2 п.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. 123 л. 1924–1930.
2. Достоевский А.А. Дневник «Племянника» писателя: в 7 тетрадях // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 370. 277 л. 1876–1882.
3. Достоевский А.А. Материалы о роде Достоевского, пересланные М.В. Волоцкому (Список лиц, включенных в родословную Достоевских. Родословная Достоевских) // РГАЛИ. Ф. 117 (Волоцкого М.В.). Оп. 1. Ед. хр. 38. 27 л. 1924. Тут же: Достоевский А.А. Сопроводительное письмо к Волоцкому М.В. 03.08.1924.
4. Достоевский А.А. Памяти старого литератора (Михаила Михайловича Достоевского) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 235. 2 л.
5. Любимов С. Ф.М. Достоевский: к вопросу об его происхождении (копия рукой А.А. Достоевского) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 436. 4 л. Б/д.

Эпистолярий:
а) Письма А.А. Достоевского

1. Березовскому Феоктисту Алексеевичу // РГАЛИ. Ф. 1785 (Березовского Ф.А.). Оп. 1. Ед. хр. 118. 1 п. 2 л. 02.05.1930.
2. Бородину Ивану Парфеньевичу (ботанику, академику АН, вице-президенту АН). От

Достоевского Андрея Андреевича (секретаря Русского географического общества) // СПбФ АРАН. Ф. 125 (Бородина И.П.). Оп. 1. Д. 508. 4 п. 4 л. 08.12.1910 — 27.05.1913. Петербург.

3. Вернадскому Владимиру Ивановичу (геологу, минералогу, кристаллографу, геохимику, историку науки, ординарному академику АН) // СПбФ АРАН. Ф. 518 (Вернадского В.И.). Оп. 3. Д. 543. 1 п. 1 л. 1917. Петроград.
4. Волоцкому Михаилу Васильевичу // РГАЛИ. Ф. 117 (Волоцкого М.В.). Оп. 1. Ед. хр. 56. 29+3 л. 06.01.1924 — 07.04.1930.
5. Волоцкому Михаилу Васильевичу (среди биографических материалов о роде Достоевских) // РГАЛИ. Ф. 117 (Волоцкого М.В.). Оп. 1. Ед. хр. 38. 1 п. 03.08.1924.
6. Волоцкому Михаилу Васильевичу (среди биографических материалов о роде Достоевских) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 371. 2 п. 03.08.1924 (черновик). Л. 2–8 об. 22.11.1928 (2 копии). Л. 9–10 об., 11–12 об. Конв.
7. Голицыну Борису Борисовичу (физику, академику АН). От Достоевского Андрея Андреевича (секретаря Русского географического общества) // СПбФ АРАН. Ф. 69 (Голицына Б.Б.). Оп. 3. Д. 154. 1 п. 2 л. 1908.
8. Гурвичу Михаилу Давыдовичу // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 238. 1 п. 2 л. 06.04.1927.
9. Достоевской А.Г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30359. 23 п. 6 конв. 52 л. 1899–1914. [Андрианова, 2013, с. 136].
10. Достоевской А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.4.18. 1 п. 3 л. 22.08.1917. Из Петрограда [Андрианова, 2013, с. 136].
11. Достоевской А.Г. // РГАЛИ. Ф. 212.1.179. 2 п., 1 конв. 2 л. 06.02.1898, 04.09.1915. [Андрианова, 2013, с. 136].
12. Достоевской А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.III.10.46. 1 телеграмма (черновик, карандашом). 1 л. Август 1916. Из Петрограда. В Адлер [Андрианова, 2013, с. 136].
13. Достоевской Любови Федоровне // РГАЛИ. Ф. 212.1.283. 11 п., 3 конв. 05.11.1897 — 07.06.1913.
14. Достоевскому Александру Андреевичу (старшему брату; приписки на письмах родителей, Достоевского А.М., Достоевской Д.И.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 26. 14 п. Тут же: Достоевский Ал.А. Письма к Достоевскому А.М., Достоевской Д.И. (с приписками Достоевской Евг.А.). 20 п. 78 л. 1876.
15. Достоевскому Александру Андреевичу (старшему брату; приписки на письмах родителей, Достоевского А.М., Достоевской Д.И.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 28. 23 п. Тут же: Достоевский Ал.А. Письма к Достоевскому А.М., Достоевской Д.И. 31 п. 125 л. 1878.
16. Достоевскому Александру Андреевичу (старшему брату; приписки на письмах родителей, Достоевского А.М., Достоевской Д.И.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 28. 15 п. Тут же: Достоевский Ал.А. Письма к Достоевскому А.М., Достоевской Д.И. 23 п. 85 л. 1879.
17. Достоевскому Александру Андреевичу (старшему брату; приписки на письмах родителей, Достоевского А.М., Достоевской Д.И.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 31. 18 п. Тут же: Достоевский Ал.А. Письма к Достоевскому А.М., Достоевской Д.И. 28 п.; 2 телеграммы Достоевской А.Г. к Достоевскому Ал.А. 106 л. 1881.
18. Достоевскому Александру Андреевичу (старшему брату) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 152. 56 п. 141 л. 1876–1889.
19. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям) //

ОР РГБ. Ф. 93.III.10.45. 1875 (1 п., 1 л.), 1877 (2 п., 2 л.), 1881 (2 п., 4 л.), 1883 (1 п., 3 л., с припиской Домники Ивановны Достоевской).

20. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 57. 44 п. Тут же ответы. 1878–1884. 117 л.
21. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 58. 18 п. 1884. 69 л.
22. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 59. 35 п. Тут же ответы. 1885. 113 л.
23. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 60. 39 п. Тут же ответы. 1886. 114 л.
24. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 61. 37 п. Тут же ответы. 1887. 96 л.
25. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 62. 21 п. Тут же ответы. 1888. 76 л.
26. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 63. 31 п. Тут же ответы. 1889. 132 л.
27. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 64. 22 п. Тут же ответы. 1890. 73 л.
28. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 65. 24 п. Тут же ответы. 1891. 85 л.
29. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 66. 11 п. Тут же ответы. 1892. 44 л.
30. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 67. 17 п. Тут же ответы. 1893. 64 л.
31. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 68. 14 п. Тут же ответы. 1894. 63 л.
32. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 69. 18 п. Тут же ответы. 1895. 66 л.
33. Достоевскому Андрею Михайловичу (отцу) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 70. 13 п. Тут же ответы. 1896. 68 л.
34. Достоевскому Андрею Михайловичу, Достоевской Домнике Ивановне (родителям; совместно с Александром и Варварой) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 73. 21 п. Тут же ответы. 1874–1875.
35. Комарову Владимиру Леонтьевичу (ботанику, географу, академику АН СССР, Президенту АН СССР). От Достоевского Андрея Андреевича, секретаря Русского географического общества // СПбФ АРАН. Ф. 277 (Комарова В.Л.). Оп. 4. Д. 577. 6 п. 8 л. 27.05.1911 — 19.09.1914.
36. Ламанскому Владимиру Ивановичу (славяноведу, академику АН). От Достоевского Андрея Андреевича, секретаря Русского географического общества // СПбФ АРАН. Ф. 35 (Ламанского В.И.). Оп. 1. Д. 553. 7 п. 7 л. 01.08.1902 — 31.05.1910. Петербург.
37. Лященко Аркадию Иоакимовичу (библиографу, историку литературы, члену-корреспонденту АН) // СПбФ АРАН. Ф. 156 (Лященко А.И.). Оп. 2. Д. 135. 1 п. 1913. Петербург.
38. Огородникову Михаилу Евлампиевичу // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.).

Оп. 1. Д. 128. 24.11.1908 (черновик, приложение). Тут же: письмо М.Е. Огородникова. 1908. 2 п. 4 л.

39. Ольденбургу Сергею Федоровичу (востоковеду, академику АН). От Достоевского Андрея Андреевича (секретаря Русского географического общества) // СПбФ АРАН. Ф. 208 (Ольденбурга С.Ф.). Оп. 3. Д. 197. 2 п. 3 л. 25.06.1904, 18.09.1904. Петербург.
40. Привалову Николаю Ивановичу // ОР РНБ. Ф. 615 (Привалова Н.И.). № 407. 1 л. 02.11.1913. Петербург.
41. Семенову-Тян-Шанскому Андрею Петровичу (зоологу, энтомологу, почетному президенту Русского энтомологического общества) // СПбФ АРАН. Ф. 722 (Семенова-Тян-Шанского А.П.). Оп. 2. Д. 349. 163 п. 363 л. 1911–1931.
42. Семенову-Тян-Шанскому Андрею Петровичу // СПбФ АРАН. Ф. 722 (Семенова-Тян-Шанского А.П.). Оп. 2. Д. 350. 116 п. 31 телеграмма. 1 визитная карточка. 422 л. 1889–1910.
43. Суворину Алексею Сергеевичу // РГАЛИ. Ф. 459 (Суворина А.С.). Оп. 1. Ед. хр. 1265. 1 п. 2 л. 26.02.1901.
44. Чичерину Тихону Сергеевичу // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 210. 31 л. 1897–1901.
45. Шахматову Алексею Александровичу (филологу, лингвисту, академику АН) // СПбФ АРАН. Ф. 134 (Шахматова А.А.). Оп. 3. Д. 479. 1 п. 1 л. 1912.
46. Шокальскому Юлию Михайловичу // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 239. 1 п. 2 л. 26.04.1914.

б) Письма А.А. Достоевскому

1. Аваев Николай Арсеньевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 240. 4 п. 4 л. 1885, 1891, б/д.
2. Адлер Бруно Фридрихович, географ, этнограф, археолог, антрополог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 1. 1 п. 2 л. 1905.
3. Адрианов Александр Васильевич, сибирский просветитель, этнограф, путешественник, археолог, ботаник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 2. 1 п. 3 л. 1913.
4. Алафузов // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 3. 1 п. 1 л.
5. Александров А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 4. 1 п. 2 л.
6. Александров И.В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 242. 2 п. 3 л. Б/д.
7. Александрова <¿> О. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 241. 1 п. 2 л. 05.08.1888.
8. Алексеева Мария Даниловна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 243. 3 п. 3 л. 1892.
9. Алкалаев Н.К. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 244. 10 п. 25 л. 1882–1884.
10. Алферов Степан Федорович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 5. 1 п. 1 л. 1906.
11. Алымов Н. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 245. 2 п. 5 л. 14.06.1890.
12. Алымова Анна Александровна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 246. 3 п. 6 л. 20.12.1890.
13. Алымова О. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 247. 1 п. Б/д.
14. Алымова С. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 248. 5 п. 8 л. 1886, 1888, 1895.
15. Анерт Эдуард Эдуардович, геолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 6. 1 п. 2 л. 19¿¿.
16. Анучин Дмитрий Николаевич, академик РАН, географ, антрополог, этнограф, архео-

лог, музеевед; основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в Московском университете // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 7. 4 л. 1903–1904.

17. Аристов Сергей Александрович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 249. 5 п. 7 л. 1890–1892.
18. Арсеньев Владимир Клавдиевич, путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока, военный востоковед // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 8. 9 л. 1911.
19. Атантов <¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 250. 1 п. 2 л. 27.05.1897.
20. Байков С. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 251. 1 п. 19.10.1890.
21. Барановская Екатерина // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 9. 2 п. 3 л. 1912, 1913.
22. Барановский Гавриил Васильевич, архитектор, гражданский инженер, искусствовед и издатель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 10. 6 л. 1906–1907, 1913, 1915.
23. Бартольд Василий Владимирович, академик РАН, историк, востоковед-медиевист (тюрколог, арабист), исламовед, архивист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 11. 1 п. 3 л. 19¿¿.
24. Баталин А., студент // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 12. 1 п. 2 л. 1906.
25. Батюшков В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 13. 1 п. 1 л. 1905.
26. Башмаков Александр Александрович, публицист, правовед, этнограф; панславист, видный деятель Славянского движения // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 14. 1 п. 2 л. 1911.
27. Берг Лев Семенович, член-корр. РАН, ихтиолог, географ и эволюционист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 15. 1 п. 1 л. 1903.
28. Бережнова (урожд. Владиславлева) Ольга Михайловна (двоюродная племянница, дочь кузины) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 252. 1 п. 1 л. 11.03.1924.
29. Беренштам В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 16. 1 п. 2 л. 1902.
30. Бианки Валентин Львович, зоолог, орнитолог, энтомолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 17. 1 п. 1 л. 1909.
31. Близняк Евгений Варфоломеевич, гидролог, гидротехник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 18. 1 п. 4 л. 1914.
32. Бобровников Николай Алексеевич, педагог, попечитель Оренбургского учебного округа // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 19. 1 п. 1 л. 1912.
33. Бобровникова София Васильевна, педагог и публицист, жена Н.А. Бобровникова // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 20. 1 п. 3 л. 1907.
34. Богданович Карл Иванович, профессор, геолог, географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 21. 3 п. 9 л. 1903, 1905–1906.
35. Бок Иван Иванович, геолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 22. 1 п. 3 л. 1906.
36. Бородин Иван Парфеньевич, академик РАН, ботаник, популяризатор науки, зачинатель российского природоохранного движения // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 23. 1 п. 3 л. 1909.
37. Брейтфус Леонид Львович, русско-немецкий зоолог, гидрограф, исследователь Арк-

тики // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 24. 1 п. 2 л. 1912.

38. Бруснев Михаил Иванович, участник Русской полярной экспедиции 1901–1902 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 25. 1 п. 3 л. 1904.
39. Булгаков В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 253. 1 п. 2 л. 17.08.1894.
40. Бутурлин Сергей Александрович, орнитолог, путешественник, охотовед, автор работ по систематике птиц России и охотничьему хозяйству // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 26. 25 л. 1905–1914.
41. Бутурлина Вера // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 27. 1 п. 6 л. 1905.
42. Буш Ал. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 254. 1 п. 2 л. 24.02.1891.
43. Буш Николай Адольфович, член-корр. РАН, ботаник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 28. 6 л. 1904–1913. Приложение: статья В.П. Семенова-Тян-Шанского «Что такое география».
44. Бычков // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 255. 2 телеграммы. 1891.
45. Вальмус Геннадий Михайлович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 256. 1 записка. Б/д.
46. Ванифатьев // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 257. 1 телеграмма. 1 л. 07.01.189<¿>.
47. Варенцов Дм<итрий> Д<митриевич> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 258. 1 п. 2 л. 15.04.1896.
48. Варенцова Е. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 259. 1 п. 2 л. 05.02.б/г.
49. Вейнберг Борис Петрович, физик, гляциолог, организатор магнитных экспедиций// СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 29. 1 п. 1 л. 1914.
50. Велецкий Сергей Николаевич, земский статистик // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 30. 1 п. 2 л. 19¿¿.
51. Венценосцев А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 31. 121 л. 1888–1911.
52. Веселовский Николай Иванович, член-корр. РАН, археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 32. 2 п. 4 л. 1903, б/д.
53. Вик Сергей Николаевич, фон, путешественник, писатель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 34. 1 п. 2 л.
54. Вилькицкий Андрей Ипполитович, гидрограф, геодезист, исследователь морей Северного Ледовитого океана, генерал корпуса гидрографов, начальник Главного гидрографического управления // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 33. 1 п. 1 л. 1905.
55. Вислоух Иван Карлович, географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 35. 1 п. 1 л. 1914.
56. Владиславлева В<ера Михайловна> (двоюродная племянница, дочь кузины) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 260. 1 п. 2 л. 27.01.1897.
57. Владиславлевы В<ера Михайловна> и Н<адежда Михайловна¿> (двоюродные племянницы, дочери кузины) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 261. 3 п. 6 л. 1897.
58. Воейков Александр Иванович, член-корр. РАН, метеоролог, климатолог, географ, создатель сельскохозяйственной метеорологии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 36. 32 л. 1904–1909, б/д.
59. Войцеховский А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 262. 2 п. 4 л. Б/д.
60. Воларович П<авел Егорович>, геолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 37. 9 л. 1899–1912.

61. Волнянский Влад<имир> Михайлович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 263. 1 п. 2 л. 11.09.1896.
62. Волоцкой Михаил Васильевич // РГАЛИ. Ф. 117 (Волоцкого М.В.). Оп. 1. Ед. хр. 45. 1 п. 1 л. 09.04.1927.
63. Волоцкой Михаил Васильевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 264. 6 п. 24 л. 1924, 1930.
64. Волочков Ал. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 265. 1 п. 1 л. 13.05.1888.
65. Волынский (Флексер) Аким Львович // РГАЛИ. Ф. 2571 (Тарнопольского Я.Е.). Оп. 1. Ед. хр. 75. 1 п. 2 л. 06.05.1903.
66. Волынский Аким Львович (наст. имя: Флексер Хаим Лейбович), литературный критик, искусствовед, балетовед // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 38. 1 п. 2 л.
67. Гедин Свен (Hedin Sven), профессор, шведский путешественник, географ, тибетолог, журналист, писатель, график // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 39. 10 л. 1902–1903, 1910. На фр. яз.
68. Гейер Иван Иванович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 266. 3 п. 6 л. 1897.
69. Гейер Иван Иванович, историк, этнограф по Средней Азии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 40. 1 п. 3 л. 1899.
70. Гейер Ольга Егоровна // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 41. 1 п. 8 л. 1911. Приложение: Ив.Ив. Гейер. Литографированный портрет.
71. Гейнц Арвид Вильгельмович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 42. 1 п. 2 л. 1915.
72. Герасимов Александр Павлович, геолог, географ, горный инженер, сотрудник Геологического комитета // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 43. 8 л. 1904, 1905, 1911.
73. Гешель М. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 44. 1 п. 2 л. 1915.
74. Гильзен Карл Карлович, этнограф, создатель и зав. отделом Средней и Южной Америки Музея антропологии и этнографии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 45. 1 п. 1 л. 1905.
75. Глызова А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 267. 1 п. 18 л. 03.11.1894.
76. Голосов Василий // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 268. 5 п. 9 л. Б/д.
77. Горленко-Долина Мария Ивановна, певица // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 46. 12 л. 1909.
78. Гоффе Владислав Иванович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 47. 1 п. 1 л. 1904.
79. Григорьев Александр Васильевич, ботаник, географ, этнограф, секретарь Русского географического общества (1883–1903) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 48. 102 л. 1895–1908.
80. Григорьева Калерия Ивановна // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 49. 1 п. 3 л. 1911.
81. Гриневецкий Болеслав Болеславович, польский ботаник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 50. 1 п. 2 л. 1904.
82. Громбчевский Б<ронислав Людвигович>, путешественник польского происхождения, военный востоковед, изучал страны и территории Центральной Азии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 51. 1 п. 2 л. 1893.
83. Грум-Гржимайло Григорий Ефимович, путешественник, географ, зоолог, лепидопте-

ролог, исследователь Западного Китая, Памира, Тянь-Шаня // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 52. 12 л. 1903–1906, б/д.

84. Гулишамбаров Степан Иосифович, экономист, публицист, редактор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 53. 1 п. 2 л. 1914.
85. Гурвич Михаил Давыдович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 269. 3 п. Машинопись. 3 л. 1926–1927.
86. Гурт Я. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 54. 1 п. 1 л. 1903.
87. Деши Морис, де (Dechy de M.), венгерский путешественник, альпинист, географ, исследователь Кавказа // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 55. 8 л. 1907, 1911–1912. На фр. яз.
88. Дмитриев Николай Всеволодович, архитектор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 56. 11 л. 1879. Приложение: фотооткрытка с портретом Н.В. Дмитриева.
89. Дмитриев Сергей Евгеньевич, военно-ветеринарный инспектор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 57. 1 п. 4 л. 1915.
90. Добро<¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 270. 1 п. 2 л. 04.02.1891.
91. Добровольская Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 58. 4 п. 8 л. 1905, 1906, 1910, 1911.
92. Досс В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 271. 2 п. 2 л. 1890, 1892.
93. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.45. 22.11.1884 (1 п., 2 л.), 09.02.1885 (1 п., 2 л.), 21.10.1886 (1 п., 2 л.), 1887 (4 п., 7 л.), 1889 (3 п., 6 л.), 10.05.1890 (1 п., 2 л.), 1896 (2 п., 4 л.), 1898 (4 п., 2 конв., 8 л.) [Андрианова, 2013, с. 113–114].
94. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.46. 1899 (5 конв., 10 л.), 1900 (6 конв., 12 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
95. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.47. 1901 (4 п., 4 конв., 8 л.), 1902 (7 п., 6 конв., 13 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
96. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.48. 12 п. 21 л. 1903 [Андрианова, 2013, с. 114].
97. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.49. Январь — август 1904 (13 п., 1 телеграмма, 26 л., 7 чист.), 24 июня [1904] (1 п., 1 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
98. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.50. Сентябрь 1904 (7 п., 14 л.). Декабрь 1905 (5 п., 10 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
99. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.51. Сентябрь 1906 (5 п., 10 л.), 1907 (7 п., 14 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
100. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.52. 1908 (3 п., 6 л.), 1909 (2 п., 4 л.), 1910 (4 п., 8 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
101. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.53. 1911 (7 п., 13 л.), 1912 (4 п., 8 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
102. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.54. 10 п. 4 конв. 20 л. 1913 [Андрианова, 2013, с. 114].
103. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.55. 15 п. 9 конв. 27 л. (5 чист.). 2 жд. квитанции. 1914 [Андрианова, 2013, с. 114].
104. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.56. 1915 (4 п., 7 л. (1 чист.), 2 конв.), б. д. (1 п., 2 л.) [Андрианова, 2013, с. 114].
105. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.41. 6 п. 14 л. (1 чист.). 1915. Из Ялты, Адлера,

Петрограда. В Петроград. К письму 1 в 2 экз. приложен текст протеста против обвинений Ф.М. Достоевского со стороны Н.Н. Страхова [Андрианова, 2013, с. 114].

106. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.42. 10 п. (в т. ч. 3 открытки), 7 конв. 17 л. 1916 [Андрианова, 2013, с. 114].
107. Достоевская А.Г. // ОР РГБ. Ф. 93.II.3.43. 3 п., 3 конв. 6 л. 1917. Из Сестрорецка, Ялты, Адлера. В Петроград [Андрианова, 2013, с. 114].
108. Достоевская Екатерина Михайловна (кузина) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 272. 1 п. Б/д.
109. Достоевские, Рыкачевы // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 274. 2 телеграммы. 2 л. 1883, 1884.
110. Достоевский Александр Андреевич (старший брат) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 273. 33 п. 61 л. 1883–1892.
111. Достоевский Андрей Михайлович, Достоевская Домника Ивановна (родители) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 57. 9 п. Тут же письма А.А. Достоевского к ним. 1878–1884. 117 л.
112. Достоевский Андрей Михайлович, Достоевская Домника Ивановна (родители; к Андрею и Александру совместные) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 58. 12 п. 1884. 69 л.
113. Достоевский Андрей Михайлович, Достоевская Домника Ивановна (родители) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 59. 13 п. Тут же письма А.А. Достоевского к ним. 1885. 113 л.
114. Достоевский Андрей Михайлович, Достоевская Домника Ивановна (родители) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 60. 18 п. Тут же письма А.А. Достоевского к ним. 1886. 114 л.
115. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 61. 12 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1887. 96 л.
116. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 62. 11 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1888. 76 л.
117. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 63. 21 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1889. 132 л.
118. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 64. 12 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1890. 73 л.
119. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 65. 12 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1891. 85 л.
120. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 66. 5 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1892. 44 л.
121. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 67. 11 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1893. 64 л.
122. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 68. 8 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1894. 63 л.
123. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 69. 10 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1895. 66 л.
124. Достоевский Андрей Михайлович (отец) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 70. 7 п. Тут же письма А.А. Достоевского к нему. 1896. 68 л.
125. Достоевский Андрей Михайлович (отец; совместно к Александру, Андрею и Варваре) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 73. 10 п. Тут же совместные ответы. 1874–1875.
126. Достоевский Милий Федорович (дв. племянник) // ОР РГБ. Ф. 93 (Достоевских). Раздел II. Картон 4. Ед. хр. 21. 1 п., 1 конв. 4 л. 24.07.1914 (по шт.). Из Москвы. В Петербург.
127. Достоевский Михаил Михайлович, младший (дв. племянник) // ОР РГБ. Ф. 93 (До-

стоевских). Раздел II. Картон 4. Ед. хр. 26. 1 п., 1 конв. 2 л. 02.02.1915 (по шт.). Из Павловска. В Петербург.

128. Достоевский Федор Михайлович, младший (кузен) // ОР РГБ. Ф. 93 (Достоевских). Раздел II. Картон 4. Ед. хр. 33. 1 п., 1 конв. 2 л. 02.01.1904 (по шт.). 2 визит. карточки (06.12.1904).
129. Достоевский Федор Федорович (кузен) // ОР РГБ. Ф. 93 (Достоевских). Раздел II. Картон 4. Ед. хр. 35. 5 п. (1 открытое), 1 конв., 1 телеграмма. 11 л. (1 чист.). 12.01.1894, 21.01.1898, 24.07<¿>.1898 (телеграмма), 07.01.1899, 07.05.[1908], 30.03.1909. Из Петербурга и Симферополя. В Петербург. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090735/ (дата обращения: 02.04.2025).
130. Достоевский Федор Федорович (кузен) // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-85 (А.Ф. Достоевского). Оп. 1. Д. 135. 2 л. 27.08.1918. Из Москвы. В Петроград.
131. Дружинин Николай Петрович, ученый, журналист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 59. 1 п. 1 л. 1912.
132. Дубров<¿> А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 275. 1 п. 2 л. 24.04.1894.
133. Дубянская М. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 60. 1 п. 1 л. 1912.
134. Езерский Федор Венедиктович, экономист, теоретик и практик бухгалтерского дела // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 61. 1 п. 1 л.
135. Елпатьевский // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 62. 1 п. 2 л. 1903.
136. Ешевский Александр Аполлонович, учитель истории, исследователь Русского Севера // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 63. 1 п. 1 л. 19¿¿.
137. Житков Борис Михайлович, зоолог, охотовед, биогеограф, путешественник, публицист, исследователь Севера России // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 64. 1 п. 1 л.
138. Зайцев Виктор Дмитриевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 276. 5 п. 1890, 1891.
139. Зайцев Влад. Дмитриевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 277. 1 записка. Апрель 1891.
140. Залесский Станислав Иософатович, профессор, химик, бальнеолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 65. 1 п. 2 л. 1914.
141. Зарудный Николай Алексеевич, зоолог-орнитолог, путешественник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 66. 21 л. 1901–1905, 1912.
142. Захаров Николай Леонидович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 67. 1 п. 3 л. 1914.
143. Звонников А.А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 278. 1 п. 1 л. 02.11.1893.
144. Звонников А.А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 68. 1 п. 1 л. [1912].
145. Зворыкин П. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 279. 1 п. 1 л. 08.07.1893<¿>.
146. Зеленин Дмитрий Константинович, член-корр. РАН, этнограф, диалектолог, фольклорист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 69. 1 п. 4 л. 1914. Приложение: фрагмент корректуры.
147. Зуев Александр Ювеналиевич, лейб-медик, врач, главный санитарный инспектор российского флота // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 70. 1 п. 3 л. 1903.
148. Иванов Гавриил Иванович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 71. 12 л. 1905, 1910.

149. Иванов М. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 280. 1 п. 05.12.1892.
150. Иванова В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 72. 1 п. 1 л.
151. Иевлев М. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 73. 2 п. 2 л. 1904, 1905.
152. Иль // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 74. 10 л. 1901–1905.
153. Ильин Н. // ОР РГБ. Ф. 93 (Достоевских). Раздел II. Картон 4. Ед. хр. 35. 1 записка, 1 л. Приложение к письму Ф.Ф. Достоевского от 21.01.1898. Из Петербурга. В Петербург. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011090735/ (дата обращения: 02.04.2025).
154. Ильина А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 281. 4 п. (4-е на телеграмме). 5 л. 1888.
155. Ильштейн Александр Яковлевич, петербургский издатель и антиквар // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 75. 1 п. 2 л. 19¿¿.
156. Иохельсон Владимир Ильич, этнограф, основоположник юкагироведения, один из ведущих исследователей Севера // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 76. 1 п. 4 л. 1912.
157. Истомин Федор Михайлович, этнограф, с 1883 г. секретарь этнографического отдела Русского географического общества // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 77. 1 п. 2 л. 1894, 1895.
158. Казнаков Александр Николаевич, полковник гвардии, русский ботаник, зоолог, географ, путешественник, участник Тибетской экспедиции // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 78. 1 п. 2 л. 1903.
159. Камена д`Альмейда О.Э., профессор (Бордо) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 79. 1 п. 1 л. 1912.
160. Кампфмейер Г<еорг> (Kampfmeier Georg), немецкий арабист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 80. 1 п. 1 л. 1904. На нем. яз.
161. Караваев Владимир Афанасьевич, русский хирург; один из основателей медицинского факультета Киевского университета св. Владимира // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 81. 1 п. 4 л. 1914.
162. Карайовов Т<ома>, адвокат, болгарский дипломат и публицист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 82. 1 п. 2 л. 1903.
163. Каратыгин Арсений Арсеньевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 282. 1 п. 2 л. 02.03.1889.
164. Каратыгин Леонид <Арсеньевич> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 283. 23 п. (23-е на телеграмме). 69 л. 1886–1895.
165. Каратыгина Варвара Федоровна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 284. 1 п. 1 л. 22.02.1894.
166. Каратыгина Л. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 83. 8 л. 1913.
167. Каттерри Г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 285. 1 п. 1 л. 29.04.б/г.
168. Кауфман Александр Аркадьевич, профессор, экономист, статистик, автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 84. 1 п. 2 л. 1911.
169. Керблан <¿> А.О. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 286. 1 п. 1 л. 13.02.1896.
170. Керблан <¿> Э.О. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 287. 10 п. 15 л. 1886–1897.
171. Кинг Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 85. 1 п. 2 л. 1913.
172. Кириллов // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 288. 1 телеграмма. 1 л. 30.05.1897.
173. Клеменц Дмитрий Александрович, этнограф, археолог, востоковед, музеевед, один

из основоположников и первый заведующий (1902–1909) Этнографическим отделом Русского музея // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 86. 2 п. 3 л. 1903, 1904.

174. Клоссовский Александр Викентьевич, член-корр. РАН, метеоролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 87. 5 л. 1905–1913.
175. Клюки-фон-Клугенау Константин Францевич и Лидия Петровна, генерал-майор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 88. 1 п. 1 л. 1913. Печатное извещение.
176. Коваленкова Клеопатра Ивановна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 289. 1 п. 3 л. 26.11.1915.
177. Коверский Эдуард Аврелианович, военный топограф, геодезист, картограф // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 89. 8 л. 1895, 1903–1906.
178. Козлов Петр Кузьмич, путешественник, военный географ, этнограф, археолог, исследователь Монголии, Тибета и Синьцзяна // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 90. 148 л. 1902–1915.
179. Кокуев Ерминигельд Рафаилович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 290. 1 записка. 1 л. 20.12.1881.
180. Колчина С. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 91. 10 л. 1915.
181. Колчины // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 291. 2 п. 4 л. 26.03.1885, б/д.
182. Комаров Владимир Леонтьевич, академик РАН, ботаник, флорист-систематик, ботанико-географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 92. 7 л. 1911–1914.
183. Конради Сергей Андреевич, геолог, участник Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 93. 1 п. 1 л. 1913.
184. Корзников Александр Иванович, священник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 94. 13 л. 1911–1914.
185. Корнилова А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 95. 1 п. 3 л. 1911.
186. Косиненко Николай Иванович, капитан Генерального штаба, топограф, исследователь Памира // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 96. 4 л. 1913–1914.
187. Коссович <¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 292. 1 п. 2 л. 12.09.б/г.
188. Кофод Андрей Андреевич, российский и датский государственный деятель, аграрник, землеустроитель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 97. 1 п. 1 л. 1904.
189. Красильников Николай // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 98. 1 п. 2 л. 1911.
190. Краусе А. (Krausse) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 99. 1 п. 1 л. 1909. На нем. яз.
191. Кремлев Павел // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 293. 1 п. 2 л. Б/д.
192. Крылов П. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 294. 1 п. 1 л. 11.03.1888.
193. Кудашов Сергей // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 295. 6 п. 14 л. 1882–1883.
194. Кузнецов Николай Иванович, профессор, ботаник, биогеограф, систематик // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 100. 17 л. 1904, 1910–1913.
195. Ладыгин Вениамин Федорович, участник Тибетской экспедиции (1893–1895) В.И. Роборовского и Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П.К. Козлова, ботаник, коллектор растений Центральной Азии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 101. 25 л. 1902–1914.

196. Ламанский Владимир Иванович, академик РАН, историк, славист // СПбФ АРАН. Ф. 35 (Ламанского В.И.). Оп. 1. Д. 30. 1 п., 1 л. Б/д.
197. Ламанский Владимир Иванович, академик РАН, историк, славист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 102. 1 п. 1 л. 19¿¿.
198. Ларионов Евгений // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 296. 2 п. 21 и 27.04.1889.
199. Лебедев Владимир Николаевич, биолог, зоолог, цитолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 103. 1 п. 3 л. 1911.
200. Левшин <¿>// РО ИРЛИ. Ф. 56. № 297. 1 п. 2 л. 01.02.1884.
201. Лемке Михаил Константинович, историк русской журналистики, цензуры и революционного движения // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 104. 1 п. 1 л. 1907.
202. Липский Владимир Ипполитович, член-корр. РАН, ботаник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 105. 29 л. 1899–1913.
203. Литенин И. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 106. 2 п. 3 л. 1905, 1912.
204. Лыкошин Н<ил Сергеевич> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 298. 1 п. 2 л. 27.02.1897.
205. Лямбек Отто Эрнестович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 108. 1 телеграмма. 1 л. 1905.
206. Маас Евгения Ивановна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 299. 6 п. 10 л. 1886–1889.
207. Маржери <Эммануэль Мари Пьер Мартен Жакен>, де, французский геолог, геоморфолог, географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 109. 1 п. 2 л. 1912. На фр. яз.
208. Марк<граф¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 300. 1 п. Б/д.
209. Маркграф Отто Васильевич, вице-инспектор корпуса лесничих, агроном, исследователь лесов Приохотья, основоположник звероводства // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 110. 1 п. 2 л. 1904.
210. Марков Евгений Сергеевич, ученый-лимнолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 111. 1 п. 2 л. 1909.
211. Марков Федор Ильич, диакон, слушатель Московской духовной академии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 112. 1 п. 2 л. 1903.
212. Маркович В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 113. 4 л.
213. Масальский Владислав Иванович, князь, российский и польский ботаник, сельскохозяйственный деятель, географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 114. 1 телеграмма. 1 л. 1912.
214. Масленникова Александра // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 301. 4 п. 8 л. 1888, б/д.
215. Меньковский А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 302. 1 п. 1 л. 18.08.1891.
216. Меньшиков Михаил Осипович, гидрограф, журналист, публицист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 115. 1 п. 2 л. 1913.
217. Меркулов Владимир Александрович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 116. 1 п. 2 л. 1905.
218. Мерцбахер Готфрид, немецкий географ, картограф, альпинист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 117. 14 л. 1909–1913. На фр. яз.
219. Михайлов Константин Иванович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 118. 1 п. 1 л.

220. Молодова <¿> М. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 303. 1 п. 1 л. 14.02.1889.
221. Молодовский Михаил Николаевич, при вел. кн. Николае Михайловиче // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 119. 1 п. 2 л. 1914.
222. Молостнова (урожд. Бер) Елизавета Владимировна, занималась растениеводством, сотрудничала с РГО, член РГО с 1910 г. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 120. 1 п. 3 л. 1917.
223. Муралов Л. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 304. 1 п. 2 л. 1886.
224. Муратов С. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 305. 4 п. 6 л. 1883–1889.
225. Муратова М. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 306. 1 п. 1 л. 1884.
226. Мушкетов Иван Васильевич, геолог, профессор Горного института // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 121б. 2 л. 1899.
227. Мыльников Алексей // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 307. 3 п. 6 л. 1888.
228. Мясников Владимир Львович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 122. 1 п. 2 л. 1912.
229. Нарден Павел Анатольевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 308. 1 п. 1 л. 12.02.1890.
230. Некрасов Павел Алексеевич, российский математик, специалист в области теории вероятности, философ, ректор Моск. ун-та // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 123. 1 п. 1 л. 1909.
231. Нельцов Дм. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 309. 1 п. 1 л. 29.01.1895.
232. Немирова В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 124. 1 п. 2 л. 1906.
233. Неуструев Сергей Семенович, почвовед, физикогеограф // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 125. 1 п. 1 л. 1913.
234. Нечаев Александр Павлович, ученый-натуралист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 126. 1 п. 2 л. 1904.
235. Николаевский Константин Васильевич // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 127. 1 п. 2 л. 1906.
236. Огородников Михаил Евлампиевич, делопроизводитель Хозяйственного отдела узкоколейных железных дорог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 128. 1 п. 4 л. 1908. Приложение: Черновик письма А.А. Достоевского от 24.11.1908.
237. Оллонгрен А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 129. 1 п. 3 л. 1911.
238. Ольденбург Сергей Федорович, академик РАН, востоковед, филолог, один из основателей русской индологической школы // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 130. 13 л. 1902–1912.
239. Оппоков Евгений Владимирович, инженер-технолог, гидролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 131. 1 п. 2 л. 1910.
240. Остен-Сакен Федор Романович, барон, почетный член РАН, путешественник, ученый // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 132. 14 л. 1901–1911.
241. Остроумов Алексей Александрович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 310. 1 записка. 1 л. Июнь 1896.
242. Охочинская Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 133. 1 п. 4 л. 1914.
243. Охочинский Петр Владимирович, статистик, географ, секретарь министра финансов // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 134. 1 п. 2 л. 1900.
244. Павлова Е. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 311. 7 п. 11 л. 1891–1892.

245. Палибин Иван Владимирович, ботаник, палеонтолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 135. 1 п. 1 л. 1904.
246. Пальчиков С. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 312. 1 п. 1 л. 19.08.1891.
247. Патканов Серафим Керопович, статистик, этнограф, исследователь Сибири // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 136. 6 л. 1905–1906.
248. Пекарский Эдуард Карлович, почетный член РАН, лингвист, этнограф, фольклорист польского происхождения // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 137. 1 п. 2 л. 1915.
249. Петрович Ф.Д. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 138. 1 п. 1 л. 1907.
250. Покровский Василий Иванович, земский статистик, экономист, редактор, член-корр. Петербургской академии наук // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 139. 2 п. 2 л. 1904, 1910.
251. Полевой Петр Игнатьевич, геолог, горный инженер, исследователь Северо-Восточной Азии и о-ва Сахалин // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 140. 18 л. 1913. Приложение: 2 фотоснимка.
252. Полетика С. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 141. 3 л. 1911–1912.
253. Поляков А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 142. 1 п. 2 л. 1909.
254. Потанин Григорий Николаевич, исследователь Северной и Центральной Азии // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 143. 1 п. 2 л. 1913.
255. Потехина Ф. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 313. 11 п. 17 л. 1887–1888.
256. Преображенский Иван Александрович, доктор геолого-минералогических наук, петрограф, кристаллограф, палеонтолог, знаток и исследователь геологии Дальнего Востока // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 144. 1 п. 2 л. 1912.
257. Прокудин-Горский Сергей Михайлович, фотограф, химик (ученик Дмитрия Менделеева), изобретатель, издатель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 145. 1 п. 1 л. 1905.
258. Пругавин Александр Степанович, публицист, этнограф, историк, исследователь истории раскола Русской православной церкви, старообрядчества и сектантства // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 146. 1 п. 1 л. 1914.
259. Пьянков Н.А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 314. 1 п. 2 л. 16.02.1890.
260. Ратов // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 315. 1 п. 14.12.1888.
261. Рахманинов Александр Федорович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 147. 8 л. 1911–1913.
262. Ребиндер А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 316. 1 п. Б/д.
263. Регель Роберт Эдуардович, ботаник, заложивший в России основы прикладной ботаники, организатор науки // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 148. 1 п. 1 л. 1911.
264. Редикорцев В<ладимир Владимирович>, энтомолог, зоолог широкого профиля // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 149. 1 п. 1 л. 1914.
265. Резниченко Вл.В., ученый в области четвертичной геологии, геоморфологии, тектоники, гляциологии, географии, директор Института геологических наук, исследователь ледников Алтая // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 150. 1 п.

4 л. 1914.

266. Рео (Réou) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 151. 1 п. 2 л. 1912. Петербург. На фр. яз.
267. Реттингер Ольга Федоровна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 317. 1 п. 2 л. 18.11.1891.
268. Риппас Платон Борисович, горный инженер, первый исследователь геологии южной части Кольского полуострова // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 152. 1 п. 4 л. 1910.
269. Риттих Александр Федорович, фон // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 153. 1 п. 2 л. 1911.
270. Рихтгофен Фердинанд, фон, военный деятель, этнограф // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 154. Печатное извещение. 1 л. На нем. яз.
271. Роборовская Лидия Александровна, вдова военного исследователя Центральной Азии, ученика и сподвижника Николая Пржевальского, Всеволода Ивановича Роборовского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 155. 1 п. 4 л. 1910.
272. Рогозинников Н., студент // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 156. 1 п. 2 л.
273. Романовский Е. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 157. 1 п. 1 л. 1905.
274. Ростиславов <Влад. Николаевич¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 318. 6 п., 2 телеграммы. 14 л. 1891–1893.
275. Ростовцов [М. <¿>] <Николай Яковлевич> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 319. 1 п. 2 л. 29.11.1896.
276. Ростовцов Я<ков Николаевич, граф> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 320. 1 п. 24.05.1895.
277. Ростовцов Яков Николаевич, граф, заведующий канцелярией императрицы Александры Федоровны // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 158. 77 л. 1896–1915.
278. Рубинская А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 159. 1 п. 2 л. 1914.
279. Руднев Андрей Дмитриевич, монголовед, лингвист, музыкант // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 161. 9 л. 1903–1906.
280. Рыкачёв Андрей Михайлович (племянник) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 322. 8 п. 16 л. 1894–1910.
281. Рыкачёв Михаил Александрович (зять) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 325. 27 п. 56 л. 1884–1911.
282. Рыкачёв Михаил Александрович, академик РАН, гидрометеоролог, директор Главной физической обсерватории (зять) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 162. 2 телеграммы. 1904, 1906.
283. Рыкачёв Михаил Михайлович (племянник) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 326. 7 п. 11 л. 1884–1912.
284. Рыкачёва (п. м. Ленина) Александра Михайловна (племянница) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 321. 14 п. 27 л. 1886–1911.
285. Рыкачёва Домника Михайловна (племянница) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 323. 2 п. 10.09.1901, 12.09.б/г.
286. Рыкачёва (урожд. Достоевская) Евгения Андреевна (старшая сестра) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 324. 95 п. 1884–1912.

287. Рябушинская Т. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 163. 1 п. 3 л. 1913.
288. Сабанеев Сергей Николаевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 327. 34 п. 70 л. 1882–1896.
289. Саблер Сергей Владимирович, сын сенатора, обер-прокурора Святейшего Синода., священник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 164. 5 л. 1904–1913.
290. Самойлович Александр Николаевич, востоковед-тюрколог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 165. 1 п. 3 л. 1912.
291. Сапожников Василий Васильевич, профессор, ботаник, путешественник, географ // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 166. 2 п. 2 л. 1906, 1910.
292. Сатунин Константин Алексеевич, зоолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 167. 15 л. 1903–1912.
293. Семенов-Тян-Шанский Андрей <Петрович> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 328. 1 п. 2 л. 10.07.1897.
294. Семенов-Тян-Шанский Андрей Петрович, географ, энтомолог, колеоптеролог, переводчик, сын знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 168. 423 л. 1888–1933.
295. Семенов-Тян-Шанский Валерий <Петрович> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 329. 1 п. 1 л. 14.11.1887.
296. Семенов-Тян-Шанский Валерий Петрович, искусствовед, художник, сын знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 169. 1 п. 1 л. 1895.
297. Семенов-Тян-Шанский Вениамин Петрович, статистик, географ, автор фундаментальных работ по районированию, городскому и сельскому расселению. сын знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 170. 14 л. 1896–1909.
298. Семенов-Тян-Шанский Дмитрий Петрович, статистик, специалист по сельскому хозяйству, старший сын знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 171. 2 п. 2 л. 1896, 1913.
299. Семенов-Тян-Шанский Измаил Петрович, метеоролог-синоптик, автор и составитель многотомного энциклопедического издания «Россия», сын знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 173. 4 л. 1900–1904.
300. Семенов Михаил Николаевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 331. 10 п. 12 л. 1887–1890.
301. Семенов Михаил Николаевич // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 174. 1 п. 1 л. 1910.
302. Семенов П. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 177. 1 п. 2 л. 1900.
303. Семенов Петр Николаевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 332. 1 п. 3 л. 18.06.1892.
304. Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович // РГАЛИ. Ф. 300 (Лернера Н. О.). Оп. 1. Ед. хр. 436. 1 п. 2 л. 1907.
305. Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович, географ, путешественник, ботаник, статистик, экономист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 176. 20 л. 1894–1900.
306. Семенов-Тян-Шанский Рафаил Дмитриевич, статистик, земский деятель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 178. 1 п. 1 л. 1903.

307. Семенова Евг<ения> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 330. 2 п. 4 л. Январь 1893, 24.06.1894.
308. Семенова-Тян-Шанская Елизавета Андреевна, вторая жена (1861) П.П. Семенова-Тян-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 172. 21 л. 1894–1905.
309. Семенова Ольга Петровна, дочь П.П. Семенова-Тян-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 175. 76 л. 1894–1905.
310. Семеновы и др. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 333. 1 коллективная телеграмма. 1 л. 189<¿>.
311. Серошевский Вацлав Леопольдович, польский этнограф-сибиревед, писатель, публицист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 179. 1 п. 1 л. 1903.
312. Сибиряков А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 180. 1 п. 1 л. 1913.
313. Смидович (псевд.: Вересаев) Викентий Викентьевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 334. 3 п. 4 л. 1882, 1885, 1888.
314. Соболев Николай Васильевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 335. 3 п. 6 л. 1883.
315. Соболевский // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 336. 1 п. 1 л. 04.08.1895.
316. Соболевский В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 337. 1 п. 1 л. 21.02.1886.
317. Соболевский Ст. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 338. 1 п. 1 л. 01.01.1891.
318. Советов Сергей Александрович, географ, гидролог, метеоролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 181. 1 п. 3 л. 1909.
319. Соколов В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 182. 1 п. 2 л.
320. Соколов Н. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 339. 1 п. 08.03.1924.
321. Ставровская (урожд. Голеновская) М<ария Николаевна> (кузина) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 340. 2 п. 2 л. 29.09.1904, 22.04.1906.
322. Ставровская (урожд. Голеновская) М<ария Николаевна> (кузина) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 183. 1 п. 2 л. 1911.
323. Старков А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 184. 1 п. 2 л. 1899.
324. Стельмашенко Никита // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 185. 7 л. 1914.
325. Степанов В. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 186. 3 л.
326. Строльман К. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 341. 9 п. 14 л. 1888–1895.
327. Струков Модест Иванович, чиновник особых поручений при Кабинете Его Величества, автор «Краткого очерка Алтайского округа...» // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 187. 13 л. 1899.
328. Судников Яков // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 188. 2 п. 2 л. 1914, 1915.
329. Суслова Л. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 189. 1 п. 1 л.
330. Сыромятников Сергей Николаевич, журналист, писатель, член-учредитель Русского Собрания // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 190. 1 п. 2 л. 1911.
331. Таганцев Владимир Николаевич, географ, профессор, секретарь Российского сапропелевого комитета // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 191. 4 л. 1912, 1913.
332. Тилло Георгий Эдуардович, российский вице-консул в Сан-Ремо // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 192. 1 п. 2 л. 1912.
333. Тилло Ольга Артуровна // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 193. 6 л. 1900, 1911. Приложение: печатное извещение о смерти А.А. Тилло, 30.12.1899.

334. Тихомиров П. <¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 342. 1 п. 2 л. 23.03.1896.
335. Тихонов Тит Иванович, автор книги «Земство в России и на окраинах» // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 194. 1 п. 1 л. 1905.
336. Толмачев Иннокентий Павлович, русский и американский ученый-геолог, палеонтолог, исследователь Сибири и Севера // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 195. 1 п. 1 л. 1906.
337. Толмачева (Карпинская) Евгения Александровна, историк науки, библиограф, переводчик и редактор геологической литературы // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 196. 1 п. 2 л. 1905.
338. Торопова Любовь Ивановна // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 343. 1 п. 2 л. 23.04.1887.
339. Трефолев Леонид Николаевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 344. 2 п. 12.06.1886, 01.01.1891.
340. Тройницкий Николай Александрович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 345. 4 п. 7 л. 1893–1894.
341. Тройницкий Николай Александрович, статистик, рязанский и вятский губернатор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 197. 5 л. 1903–1912.
342. Трубачев Сергей Семенович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 346. 35 п. 58 л. 1890–1896.
343. Уланов Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 198. 1 п. 1 л. 19¿¿.
344. Унтербергер Павел Федорович, инженер-генерал, военный и гражданский деятель на Дальнем Востоке, в Приамурье // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 199. 29 л. 1912.
345. Ухтомская А. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 347. 3 п. 6 л. 1886, б/д.
346. Ухтомский Эспер Эсперович, редактор-издатель «Санкт-Петербургскпх Ведомостей» // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 200. 1 п. 1 л. 1910.
347. Фаусек // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 201. 1 п. 2 л. 1904.
348. Федоров А. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 202. 1 п. 2 л. 1914.
349. Федоров Н. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 348. 1 п. 1 л. 22.04.1889.
350. Федулов Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 203. 6 л. 1900–1901, б/д.
351. Феликс // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 204. 1 п. 1 л. 1914.
352. Философов Дмитрий Владимирович, публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 205. 2 п., 2 л. 1912, 1914.
353. Флоридов // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 349. 4 п. 6 л. 1882, 1888.
354. Флоридов <¿> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 350. 11 п. 21 л. 1885–1886.
355. Хомутова С. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 351. 1 п. 2 л. 12.01.1884.
356. Хромцов // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 352. 1 п. 2 л. 09.04.1888.
357. Цур-Мюлен Герман Гаспарович, фон, вице-консул в Гамерфесте // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 206. 1 п., 2 л. 1905.
358. Чебышев Владимир Львович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 353. 1 записка. 1 л. 1889.
359. Чебышев Николай Николаевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 354. 16 п. 27 л. 1887–1892.
360. Чермак <Николай Карлович> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 355. 1 п. 1 л. 15.04.1895.
361. Чернышев Феодосий Николаевич, академик РАН, геолог, палеонтолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 207. 1 п. 3 л. 1903.
362. Черт.<¿> В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 356. 1 п. 2 л. 27.04.1897.
363. Чечулин Николай Дмитриевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 357. 19 п. 33 л. 1883–1893.

364. Чечулин Николай Дмитриевич, историк, археограф, коллекционер // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 208. 1 п. 1 л. 1911.
365. Чичерин С. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 211. 1 п. 1 л.
366. Чичерин Тихон Сергеевич, энтомолог, колеоптеролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 209. 104 л. 1895–1905.
367. Чулков Н<иколай> П<етрович> // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 358. 1 п. 3 л. 07.02.1930.
368. Шавловский // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 359. 1 п. Декабрь 1894.
369. Шавров Н<иколай Николаевич>, биолог, предприниматель и общественный деятель // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 212. 2 п. 2 л. 1912, 1913.
370. Шахматов Алексей Александрович, академик РАН, лингвист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 213. 1 п. 1 л. 1912.
371. Швейцин П. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 223. 1 п. 1 л. 1914.
372. Шверд<¿> И. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 360. 1 п. 1 л. 08.12.1885.
373. Шмидт П. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 214. 1 п. 2 л. 1904.
374. Шмидт Федор Богданович, академик РАН, геолог, ботаник, палеонтолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 215. 3 л. 1905, 1906.
375. Шнейдер Александра Петровна, акварелистка, книжный иллюстратор, автор воспоминаний, сестра основательницы Школы народного искусства императрицы Александры Федоровны // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 216. 83 л. 1893–1933.
376. Шнейдер Варвара Петровна, художница, племянница индолога И.П. Минаева // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 217. 316 л. 1894–1916, 1930–1933.
377. Шокальский Юлий Михайлович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № ?. 1 п. 19.11.1895.
378. Шокальский Юлий Михайлович, почетный член РАН, географ, гидрограф, океанограф, картограф, председатель Русского географического общества (1917–1931) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 218. 113 л. 1894–1914, 1933, б/д.
379. Штейн А.И. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 364. 1 п. 1 л. 12.01.1898<¿>.
380. Штеллинг (Stelling) Эдуард Васильевич, геофизик, член-корр. СПбАН (1901) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 219. 1 п. 1 л. 1901.
381. Штернберг Лев Яковлевич, член-корр. РАН, этнограф // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 220. 1 п. 1 л. 1904.
382. Штубендорф Отто Эдуардович, геодезист, генерал от инфантерии, начальник Военно-топографического отдела Главного штаба // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 221. 8 л. 1910–1912.
383. Шубин Николай Яковлевич // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 361. 8 п. 12 л. 1889–1892.
384. Шубина В. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 362. 4 п. 7 л. 18.02.1886, б/г.
385. Шубина Е. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 363. 1 п. 10.05.б/г.
386. Щер<¿> Н. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 224. 1 п. 2 л. 1906.
387. Щусев Петр Викторович, военный врач, путешественник, участник экспедиции Российского общества Красного Креста в Абиссинию // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 225. 1 п. 1 л. 1904.
388. Эвальд Сергей Иванович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 365. 1 записка. 1 л. Б/д.
389. Эдельштейн Яков Самойлович, геолог, геоморфолог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 226. 6 л. 1905–1906.

390. Энгельман Е.И. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 366. 2 п. 2 л. Март 1889.
391. Якобий Иван Павлович, историк, общественный деятель, журналист // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 227. 1 п. 2 л. 19¿¿.
392. Якобсон Георгий Георгиевич, энтомолог-систематик, колеоптеролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 228. 1 п. 1 л. 1914.
393. Яковлев Александр Иванович // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 367. 17 п. 1888–1895.
394. Яковлев М. // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 229. 1 п. 1 л. 1905.
395. Ященко Александр Леонидович, ученый-естествоиспытатель, географ-путешественник // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 230. 1 п. 3 л. 1904.
396. Неизвестные лица (подписи нрзб.) // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 369. 23 п. 1883–1897.
397. Неизвестные лица (подписи нрзб.) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 232. 20 л.
398. Переписка разных лиц между собой // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 234. 34 л.
399. Письма лиц, выразивших согласие на участие в праздновании 80-летия П.П. Семенова-Тян-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 239. 20 л. 1906.
400. Поздравительные телеграммы разных лиц // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 231. 22 л. 1912–1913.
401. Различные учреждения и организация // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 368. 41 п. 1896–1930.

Фотодокументы:

1. Достоевский А.А. Его фотографические карточки // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 374. 14 шт. 1874–1918.
2. Достоевский А.А. Его фотография // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-85 (А.Ф. Достоевского). Оп. 1. Д. 145. 1 шт. 1917.
3. Фотографический снимок группы участников Тибетской экспедиции во главе с Петром Кузьмичом Козловым // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 242. 1 шт. 1901.
4. Фотографический снимок почетного члена Русского географического общества (с 1907 г.) Руала Амундсена с группой ученых в Константиновской обсерватории в г. Павловске): Дубинский В.Х. (зав. КО), Рыкачев М.М. (сотрудник КО), Рыкачев М.А. (академик, директор Главной Физической обсерватории), Амундсен Р. (норвежский полярный путешественник и исследователь), Савинов С.И. (зав. отделом метеорологии КО), Шокальский Ю.М. (председатель отделения физической географии РГО), Кузнецов В.В. (зав. аэрологическим отделением КО), Достоевский А.А. (секретарь РГО), Саблер С.В. (помощник секретаря РГО) // АРАН. Ф. Р-IX. Оп. 4. Д. 544. 3 шт. 1907.
5. Фотографические видовые снимки имения Бердицино (Ярославской губ.) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 251. 38 шт.
6. Фотографические групповые снимки (среди них А.А. Достоевский и П.П. Семенов-Тян-Шанский) // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 246. 9 шт.
7. Фотографические снимки грифа, привезенного Петром Кузьмичом Козловым из Тибетской экспедиции // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 243. 2 шт.

8. Фотографические снимки разных лиц // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 248. 7 шт.
9. Фотографические снимки религиозных изображений буддийского культа // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 250. 11 шт.
10. Фотографические снимки П.П. Семенова-Тян-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 244. 35 шт.
11. Фотографические снимки П.П. Семенова-Тян-Шанского с другими лицами // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 245. 17 шт.
12. Фотографические снимки семьи Семеновых-Тян-Шанских // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 247. 25 шт.
13. Фотографические снимки экспонатов Камчатской выставки // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 249. 2 шт. 1912.

Прочее:

1. Визитная карточка. Лу-Чжэн-Тсян, китайский дипломат и политик // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 107. 1 л. На фр. яз.
2. Визитная карточка. Москалев Петр Гаврилович // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 121. 1 л.
3. Визитная карточка. Мушкетов Дмитрий Иванович, геолог, тектонист, профессор // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 121а. 3 л. 1915.
4. Визитная карточка. Щавинский Василий Александрович, химик-технолог, искусствовед, коллекционер, профессор, сотрудник журнала «Старые годы» // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 222. 1 л. 1915.
5. Визитные карточки разных лиц // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 233. 29 шт.
6. Выписки из биографии С.О. Макарова, сост. Врангелем из «Морского сборника» // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 236. 8 л.
7. Достоевский А.А. Пригласительные билеты на его имя // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 373. 15 шт. 20 л. 1887–1898.
8. Записки, относящиеся к постройке дома Географического общества // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 238. 32 л. 1907.
9. Руденко Сергей Иванович, археолог, антрополог, этнолог, гидролог // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 160. 3 л. 1913. Отчет по командировке в Тульскую, Уфимскую, Оренбургскую губ. для производства антропологических измерений башкир.
10. Формулярный список о службе члена Гос. совета П.П. Семенова-Тян-Шанского // СПбФ АРАН. Ф. 723 (Достоевского А.А.). Оп. 1. Д. 240. 47 л. 1914. Копия с копии.

Электронные ресурсы:

1. А.М. Достоевский: воспоминания, эпистолярное наследие. URL: https://philolog.ru/amdost/index.html (дата обращения: 02.04.2025).

Список литературы

1. Академическое дело, 2015 — Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / сост. М.П. Лепехин, предисл.: А.Н. Цамутали, М.П. Лепехин; ред. коллегия: Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. ред.), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. СПб.: БАН, 2015. Вып. 9. Ч. 1–3: Обвинение. Приговор. Реабилитация. 1642 с. Ч. 1. 452 с.; Ч. 2. С. 453–1229; Ч. 3. С. 1233–1642.

2. Андрианова, 2013 — *Андрианова И.С.* «Музей памяти Ф.М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 192 с.

3. Андрианова, 2015a — *Андрианова И.С.* «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 3. С. 84–95. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (дата обращения: 02.04.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485. EDN: VLJUOJ (a)

4. Андрианова, 2015b — [*Андрианова И.С.*] Из писем А.Г. Достоевской к А.А. Достоевскому (1914–1915) / публ. и примеч. И.С. Андриановой // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2. № 3. С. 96–113. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449061645.pdf (дата обращения: 02.04.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2486. EDN: VLJUOT (b)

5. Анциферов, 1989 — *Анциферов Н.* Из воспоминаний // Звезда. 1989. № 4. С. 117–165.

6. Белов, 1963 — *Белов С.В.* Андрей Андреевич Достоевский (К столетию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95. Вып. 4. С. 371–373. URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219265?ysclid=m7lyeuihwy619454049 (дата обращения: 02.04.2025).

7. Белов, 1990 — *Белов С.В.* «Федору Достоевскому — от благодарных бесов» // Литератор. 1990. № 22. 22 июня.

8. Белов, 2001 — *Белов С.В.* Вокруг Достоевского: статьи, находки и встречи за тридцать пять лет. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 446 с.

9. Богданов, 2011 — *Богданов Н.Н.* Материалы к биографии Андрея Андреевича Достоевского. Письмо А.П. Семенова-Тян-Шанского к А.В. Луначарскому от 10 октября 1931 г. // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Б.Н. Тихомирова, Ю.И. Минералова, О.Ю. Юрьевой. Вып. 25: Ф.М. Достоевский: о творчестве и судьбе: к 190-летию со дня рождения. М.; Иркутск: Восточно-Сибирская гос. академия образования, 2011. С. 38–42. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Три%20века%20русской_2011.pdf (дата обращения: 02.04.2025). EDN: UJSODF

10. Богданов, 2014 — *Богданов Н.Н.* «...Лица необщим выраженьем...». Родственное окружение Ф.М. Достоевского. М.: Новый хронограф, 2014. 468 с.

11. Богданов, 2019 — *Богданов Н.Н.* Непроясненный эпизод в биографии Ф.М. Достоевского // *Богданов Н.Н.* Вокруг Достоевского: поиски, находки, размышления. СПб.: Серебряный век, 2019. С. 64–75.

12. Буданова, Богданов, 2001 — *Буданова Н.Ф., Богданов Н.Н.* Материалы к биографии Достоевского. Письмо Н.Е. Глембоцкой к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Вып. 16: юбилейный сборник. С. 405–408.

13. Волоцкой, 1933 — *Волоцкой М.В.* Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М.: Север, 1933. 443 с.

14. Выставкина, 2021 — *Выставкина Е.Ю.* Андрей Андреевич Достоевский как

биограф П.П. Семенова-Тян-Шанского: язык и стиль повествования // Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России: материалы Всерос. науч. конф. (Липецк, 6–7 апреля 2021 г.). Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 7–11. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46184503_75408151.pdf (дата обращения: 02.04.2025). EDN: HDZFJF

15. Гармашева, Капелюш, 1957 — *Гармашева Т.В., Капелюш Б.Н.* Рукописи и переписка Ф.М. Достоевского // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–130.

16. Добровольский, 1947 — *Добровольский Л.М.* Обзор новых материалов, поступивших в Рукописный отдел Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (1936–1939 гг.) // Бюллетени Рукописного отдела. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 66–76.

17. Достоевский, 1930 — [*Достоевский А.М.*] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. статья А.А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 432 с.

18. Достоевский, Шварц, 2007 — *Достоевский Д.А.* Достоевские в XX веке; *Шварц Н.В.* Фотоальбом // Достоевский и XX век / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 560–585.

19. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

20. Жиркова, Капустина, 2022 — *Жиркова М.А., Капустина О.В.* Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «пенсионная история» А.А. Достоевского // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 69–89. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49874644_12276589.pdf (дата обращения: 02.04.2025). DOI: 10.46725/IW.2022.4.4. EDN: YLENUY

21. Иодко, 2019 — *Иодко О.В.* Достоевский Андрей Андреевич // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий биографический справочник: Г — И / науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 110–111. URL: https://bioherm.ru/wp-content/uploads/2021/07/Ученые-—-фондообразователи-Санкт-Петербургского-филиала-архива-Российской-Академии-наук.-Краткий-биографический-справочник.-Г-И..pdf (дата обращения: 02.04.2025). (Сер.: Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 15.)

22. Капустина, 2021 — *Капустина О.В.* Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 404–420. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.205. EDN: ZEEEDZ

23. Кейдан, 2018 — *Кейдан В.И.* Брак для революции — выгодная партия. Письма Любови Федоровны Достоевской Андрею Андреевичу Достоевскому и фрагмент автобиографического повествования их современника // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4. № 3 (15). С. 39–54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brak-dlya-revolyutsii-vygodnaya-partiya-pisma-lyubovi-fyodorovny-dostoevskoy-andreyu-andreevichu-dostoevskomu-i-fragment/viewer (дата обращения: 02.04.2025). DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-3-39-54. EDN: YODYJN

24. Коган, Тихомиров, 2009 — *Коган Г.Ф., Тихомиров Б.Н.* Последние годы Федора

Федоровича Достоевского // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения; межвуз. сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2009. Вып. 20: Роду Достоевского 500 лет. Ч. 2 / под ред. Ю.И. Минералова, О.Ю. Юрьевой. С. 146–163.

25. Малькевич, 1950 — *Малькевич Б.А.* Андрей Андреевич Достоевский (Фонд 723) // Архив Академии наук СССР: обозрение архивных материалов. Т. 3 / под ред. Г.А. Князева, П.Н. Корявова, Г.П. Блока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 142 с. URL: https://ranar.spb.ru/books/466249719 (дата обращения: 02.04.2025). (Сер.: Труды архива Академии наук СССР; вып. 9.)

26. Нечаева, 1957 — [*Нечаева В.С.*] Описание рукописей Ф.М. Достоевского / под ред. В.С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 588 с.

27. Панюкова, 2021 — *Панюкова Т.В.* «Дневник Писателя»: цензурная и издательская история текста // Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881): коллективная монография. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 199–209. URL: https://www.rfbr.ru/view_book/3194/ (дата обращения: 02.04.2025). EDN: FZQFSQ

28. Панюкова, Каюмова, 2025 — *Панюкова Т.В., Каюмова М.Р.* Достоевский, племянник писателя // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 1. С. 85–111. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744368376.pdf (дата обращения: 02.04.2025). DOI: 10.15393/j10.art.2025.7883. EDN: NBYVUW

29. Перченок, 1995 — *Перченок Ф.Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: сб. ст. / сост., авт. предисл. И.Г. Арефьева. М.: Наука, 1995. С. 201–235.

30. Польская, 1995 — *Польская Е.Б.* Внук писателя и его мать: Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. 1995. № 1. С. 128–138.

31. Прозорова, 2003 — *Прозорова Н.А.* Н.В. Измайлов. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 272–284.

32. Прохоров, 1924 — *Прохоров Г.В.* Письма Достоевского к матери и Кашиным // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А.С. Долинина. Сб. 2. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 309–310.

33. Пушкинский Дом, 2005 — Пушкинский Дом: материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 600 с.

34. Рукописное наследие, 2021 — Рукописное наследие Ф.М. Достоевского / отв. ред. И.С. Андрианова; редкол. Л.В. Алексеева, Е.Н. Вяль, М.В. Заваркина, Т.В. Панюкова, О.А. Сосновская, Б.Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 560 с.

35. Тихомиров, 2001 — *Тихомиров Б.Н.* Последние годы Федора Федоровича Достоевского (в связи с находкой его заграничного паспорта 1918–1921 гг.) // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2001. Вып. 16. С. 159–174.

36. Хроника, 2012 — Хроника рода Достоевских / под ред. И.Л. Волгина (руков. проекта); *Волгин И.Л.* Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012 (на тит. л. 2013). 1232 с. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/volgin_chronicle.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

37. Чуковский, 1991 — *Чуковский К.И.* Дневник 1901–1929 / подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской; вступ. статья В.А. Каверина. М.: Сов. писатель, 1991. 541 с.

38. Ширяева, 1994 — *Ширяева А.А.* Рукописные фонды Государственного Литера-

турного музея // Новые материалы по истории русской литературы: сб. науч. тр.; отв. ред. Н.В. Шахалова. М.: Гос. лит. музей, 1994. С. 6–31.

39. Якубович, 2007 — *Якубович И.Д.* Достоевский в Пушкинском Доме // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 3–26.

References

1. *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [*The Academic Case of 1929–1931: Documents and Materials of the Investigative Case Fabricated by the United State Political Administration*], issue 9, part 1–3. St. Petersburg, Library of the Academy of Sciences Publ., 2015. 1642 p. (In Russ.)

2. Andrianova, I.S. *"Muzei pamiati F.M. Dostoevskogo": istoriia i perspektivy proekta* [*"The Museum in Memory of F.M. Dostoevsky": History and Prospects of the Project*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)

3. Andrianova, I.S. "'Klevety Strakhova', ili Protest vdovy i plemiannika Dostoevskogo" ["'The Slander of Strakhov', or the Protest of Dostoevsky's Widow and Nephew"]. *Neizvestnyi Dostoevskii,* vol. 2, no. 3, 2015, pp. 84–95. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.) https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2485

4. Andrianova, I.S. "Iz pisem A.G. Dostoevskoi k A.A. Dostoevskomu (1914–1915)" ["From the Letters of A.G. Dostoevskaya to A.A. Dostoevsky (1914–1915)"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 2, no. 3, 2015, pp. 96–113. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449061645.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.) https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2486

5. Antsiferov, N. "Iz vospominanii" ["From Memories"]. *Zvezda*, no. 4, 1989, pp. 117–165. (In Russ.)

6. Belov, S.V. "Andrei Andreevich Dostoevskii (K stoletiiu so dnia rozhdeniia)" ["Andrei Andreevich Dostoevsky (on the Centenary of His Birth)"]. *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 95, issue 4, 1963, pp. 371–373. Available at: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/219265?ysclid=m7lyeuihwy619454049 (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

7. Belov, S.V. "'Fiodoru Dostoevskomu — ot blagodarnykh besov'" ["'To Fyodor Dostoevsky — from Grateful Demons'"]. *Literator*, no. 22, June 22, 1990. (In Russ.)

8. Belov, S.V. *Vokrug Dostoevskogo: stat'i, nakhodki i vstrechi za tridtsat' pyat' let* [*Around Dostoevsky: Articles, Finds and Meetings over Thirty-Five Years*]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House Publ., 2001. 446 p. (In Russ.)

9. Bogdanov, N.N. "Materialy k biografii Andreia Andreevicha Dostoevskogo. Pis'mo A.P. Semenova-Tian-Shanskogo k A.V. Lunacharskomu ot 10 oktiabria 1931 goda" ["Materials for the Biography of Andrei Andreevich Dostoevsky. Letter from A.P. Semenov-Tyan-Shansky to A.V. Lunacharsky Dated October 10, 1931"]. *Tri veka russkoi literatury: aktual'nye aspekty izucheniia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Three Centuries of Russian Literature: Current Aspects of Research: Collected Works from Different Universities*], issue 25: F.M. Dostoevskii: o tvorchestve i sud'be: k 190-letiiu so dnia rozhdeniia [Fyodor Dostoevsky: on Creativity and Destiny: on the 190th Anniversary of His Birth]. Moscow; Irkutsk, East Siberian State Academy of Education Publ., 2011, pp. 38–42. Available at: http://library.lgaki.info:404/2017/Три%20века%20русской_2011.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

10. Bogdanov, N.N. *"Litsa neobshchim vyrazhen'em...": rodstvennye sviazi F.M. Dostoevskogo* [*"With an Uncommon Expression of Face...": the Kin of Fyodor Dostoevsky*]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2014. 468 p. (In Russ.)

11. Bogdanov, N.N. "Neproiasnionnyi epizod v biografii F.M. Dostoevskogo" ["An Unexplained Episode in the Biography of F.M. Dostoevsky"]. Bogdanov, N.N. *Vokrug Dostoevskogo: poiski, nakhodki, razmyshleniia* [*Around Dostoevsky: Searches, Finds, Reflections*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2019, pp. 64–75. (In Russ.)

12. Budanova, N.F., and N.N. Bogdanov. "Materialy k biografii Dostoevskogo. Pis'mo N.E. Glembotskoy k Dostoevskomu" ["Materials for Dostoevsky's Biography. Letter from N.E. Glembotskaya to Dostoevsky"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Researches*], vol. 16: Iubileinyi sbornik [Jubilee Collection]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 405–408. (In Russ.)

13. Volotskoi, M.V. *Khronika roda Dostoevskogo: 1506–1933* [*The Chronicle of the Dostoevsky's Family: 1506–1933*]. Moscow, Sever Publ., 1933. 443 p. (In Russ.)

14. Vystavkina, E.Iu. "Andrei Andreevich Dostoevskii kak biograf P.P. Semenova-Tian-Shanskogo: iazyk i stil' povestvovaniia" ["Andrei Andreevich Dostoevsky as the Biographer of P.P. Semenov-Tyan-Shansky: Language and Style of Narration"]. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v neproshedshem vremeni Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Lipetsk, 6–7 aprelia 2021 g.)* [*The Work of F.M. Dostoevsky in the Past of Russia: Proceedings from the All-Russian Scientific Conference (Lipetsk, April 6–7, 2021)*]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Named After P.P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2021, pp. 7–11. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46184503_75408151.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

15. Garmasheva, T.V., and B.N. Kapeliush. "Rukopisi i perepiska F.M. Dostoevskogo" ["Manuscripts and Correspondence of F.M. Dostoevsky"]. *Byulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma* [*Bulletins of the Manuscript Department of the Pushkin House*], vol. 7. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, pp. 5–130. (In Russ.)

16. Dobrovol'skii, L.M. "Obzor novykh materialov, postupivshikh v Rukopisnyi otdel Instituta literatury (Pushkinskogo Doma) Akademii nauk SSSR (1936–1939 gody)" ["Review of New Materials Received by the Manuscript Department of the Institute of Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences (1936–1939)"]. *Biulleteni Rukopisnogo otdela* [*Handwriting Department Bulletins*], issue 1. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947, pp. 66–76. (In Russ.)

17. Dostoevskii, A.M. *Vospominaniia Andreia Mikhailovicha Dostoevskogo* [*Memoirs of Andrei Mikhailovich Dostoevsky*]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1930. 432 p. (In Russ.)

18. Dostoevskii, D.A. "Dostoevskie v XX veke" ["Dostoevskys in the 20th Century"]; Schwartz, N.V. "Fotoal'bom" ["Photo Album"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek* [*Dostoevsky and the 20th Century*], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 560–585. (In Russ.)

19. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

20. Zhirkova, M.A., and O.V. Kapustina. "Intelligent v sovetskoi pensionnoi sisteme nachala 1930-kh godov: 'pensionnaia istoriia' A.A. Dostoevskogo" ["An Intellectual in the Soviet Pension System of the Early 1930s: 'Pension History' of A.A. Dostoevsky"]. *Intelligentsiia i mir*, no. 4, 2022,

pp. 69–89. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49874644_12276589.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.) https://doi.org/10.46725/IW.2022.4.4

21. Iodko, O.V. "Dostoevskii, Andrei Andreevich." *Uchenye — fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk: kratkii biograficheskii spravochnik: G — I* [*Foundation Scientists of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: a Short Biographical Reference: G — I*]. St. Petersburg, Renome Publ., 2019, pp. 110–111. Available at: https://bioherm.ru/wp-content/uploads/2021/07/Ученые-—-фондообразователи-Санкт-Петербургского-филиала-архива-Российской-Академии-наук.-Краткий-биографический-справочник.-Г-И..pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

22. Kapustina, O.V. "Osobennosti personal'nogo pensionirovaniia rodstvennikov vidaiushchikhsia grazhdan v dovoennye gody" ["Pre-War Personal Pensions for Relatives of Prominent Citizens"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*, vol. 66, issue 2, 2021, pp. 404–420. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.205

23. Keidan, V.I. "Brak dlia revoliutsii — vygodnaia partiia. Pis'ma Liubovi Fedorovny Dostoevskoi Andreiu Andreevichu Dostoevskomu i fragment avtobiograficheskogo povestvovaniia ikh sovremennika" ["Betting on a Match, or Marrying up for the Revolution (Intertextual Analysis)"]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki*, vol. 4, no. 3 (15), 2018, pp. 39–54. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/brak-dlya-revolyutsii-vygodnaya-partiya-pisma-lyubovi-fyodorovny-dostoevskoy-andreyu-andreevichu-dostoevskomu-i-fragment/viewer (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.) https://doi.org/10.30914/2411-3522-2018-4-3-39-54

24. Kogan, G.F., and B.N. Tikhomirov. "Poslednie gody Fiodora Fiodorovicha Dostoevskogo" ["The Last Years of Fyodor Fyodorovich Dostoevsky"]. *Tri veka russkoi literaturi: aktual'nye aspekty izucheniia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Three Centuries of Russian Literature: Current Aspects of Study: Collected Works from Different Universities*], issue 20: Rodu Dostoevskogo 500 let [Dostoevsky's Family is 500 Years Old], part 2. Moscow, Irkutsk, East Siberian State Academy of Education Publ., 2009, pp. 146–163. (In Russ.)

25. Malkevich, B.A. "Andrei Andreevich Dostoevskiy (Fond 723)" ["Andrei Andreevich Dostoevsky (Fund 723)"]. Kniazev, G.A. and P.N. Koriavov, eds. *Arkhiv Akademii nauk SSSR: obozrenie arkhivnykh materialov* [*Archive of the Academy of Sciences of USSR: A Review of the Archivial Materials*], vol. 3. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950. 142 p. Available at: https://ranar.spb.ru/books/466249719 (Accessed 2 Apr. 2025). (Ser.: Proceedings of the Archive of the USSR Academy of Sciences; issue 9.) (In Russ.)

26. Nechaeva, V.S. *Opisanie rukopisei F.M. Dostoevskogo* [*The Description of Fyodor Dostoevsky's Manuscripts*]. Moscow, AS USSR Publ., 1957. 588 p. (In Russ.)

27. Paniukova, T.V. "'Dnevnik Pisatelia': tsenzurnaia i izdatel'skaia istoriia teksta" ["*A Writer's Diary*: Censorship and Publishing History of the Text"]. *Problemy tekstologii publitsistiki Dostoevskogo (1873–1881)* [*Problems of Textology of Dostoevsky's Journalism (1873–1881)*]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2021, pp. 199–209. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128156 (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

28. Paniukova, T.V., and M.R. Kaiumova. "Dostoevskii, plemiannik pisatelia" ["Dostoevsky, the Writer's Nephew"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 12, no. 1, 2025, pp. 85–111. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1744368376.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

29. Perchionok, F.F. "'Delo Akademii nauk' i 'velikii perelom' v sovetskoi nauke" ["'The Case of the Academy of Sciences' and the 'Great Turning Point' in Soviet Science"]. *Tragicheskie sud'by:*

repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR: sbornik statei [*Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences: Collected Articles*]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 201–235. (In Russ.)

30. Polskaia, E.B. "Vnuk pisatelia i ego mat': Dostoevskie v Simferopole v 1928–1932 godakh" ["The Grandson of the Writer and His Mother: Dostoevskys in Simferopol in 1928–1932"]. *Mera*, no. 1, 1995, pp. 128–138. (In Russ.)

31. Prozorova, N.A. "N.V. Izmailov. Vospominaniia o Pushkinskom Dome. 1918–1928 gody" ["N.V. Izmailov. Memories of the Pushkin House"]. *1918–1928. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 god* [*Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 1998–1999*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, pp. 272–284. (In Russ.)

32. Prokhorov, G.V. "Pis'ma Dostoevskogo k materi i Kashinym" ["Dostoevsky's Letters to His Mother and to Kashins"]. *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [*Fyodor Dostoevsky. Articles and Materials*], coll. 2. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924, pp. 309–310. (In Russ.)

33. *Pushkinskii Dom: materialy k istorii. 1905–2005* [*Pushkin House: Materials for the History. 1905–2005*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 600 p. (In Russ.)

34. *Rukopisnoe nasledie F.M. Dostoevskogo* [*Manuscript Heritage of F.M. Dostoevsky*]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2021. 560 p. Available at: https://www.rfbr.ru/view_book/3181/ (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

35. Tikhomirov, B.N. "Poslednie gody Fiodora Fiodorovicha Dostoevskogo (v sviazi s nakhodkoi ego zagranichnogo pasporta 1918–1921 godov)" ["The Last Years of Fyodor Fyodorovich Dostoevsky (in Connection with the Discovery of His 1918–1921 Passport)"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: al'manakh*, vol. 16, 2001, pp. 159–174. (In Russ.)

36. Volgin, I.L., editor. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [*The Chronicle of the Dostoevsky Family; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012 (on the title page 2013). 1232 p. Available at: https://fedordostoevsky.ru/pdf/volgin_chronicle.pdf (Accessed 2 Apr. 2025). (In Russ.)

37. Chukovskii, K.I. *Dnevnik 1901–1929* [*Diary of 1901–1929*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 541 p. (In Russ.)

38. Shiriaeva, A.A. "Rukopisnye fondy Gosudarstvennogo Literaturnogo muzeia" ["Manuscript Collections of the State Literary Museum"]. *Novye materialy po istorii russkoi literatury: sbornik nauchnykh trudov* [*New Materials on the History of Russian Literature: Collected Works*]. Moscow, State Literary Museum Publ., 1994, pp. 6–31. (In Russ.)

39. Iakubovich, I.D. "Dostoevskii v Pushkinskom Dome" ["Dostoevsky in the Pushkin House"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Researches*], vol. 18. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 3–26. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025
Одобрена после рецензирования: 30.04.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 10 Apr. 2025
Approved after reviewing: 30 Apr. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-350-374
https://elibrary.ru/VHYJAJ

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Валентина Борисова
Музейный центр «Московский дом Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия,
МГЛУ, Москва, Россия, БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Какие издания Нового Завета читал и цитировал Достоевский? Эдиционный и текстологический аспекты изучения присутствия Нового Завета в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского

Светлой памяти Бориса Тихомирова

© 2025. Valentina V. Borisova
Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Dostoevsky's House-Museum), Moscow, Russia,
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

Which Editions of the New Testament Did Dostoevsky Read and Quote? Editorial and Textual Issues in Research on the Presence of the New Testament in Dostoevsky's Life and Work

In memory of Boris Tikhomirov

Информация об авторе: Валентина Васильевна Борисова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музейного центра «Московский дом Достоевского», Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия; про-

фессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; главный научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, д. 3/а, 450008 г. Уфа, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-9011-0160

E-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается значение Нового Завета как книги и текста в жизни и творчестве Достоевского, дается ответ на вопрос о том, какие издания Нового Завета писатель читал и цитировал. Рассматривается обращение Достоевского к изданиям на церковнославянском, русском (в двух переводах: 1823 года и Синодальном 1863 года) и французском языках. В научный оборот вводятся новые факты, связанные с деятельностью Федора Петровича Гааза и Натальи Дмитриевны Фонвизиной, занимавшихся распространением Нового Завета в первом русском переводе среди каторжников. Также рассматривается проблема его цитирования в произведениях Достоевского. В ходе сравнительного анализа таких цитат с текстологической и интерпретационной точек зрения уточняется и корректируется утвердившееся в научном обиходе представление о приоритетном обращении писателя к своему «каторжному Евангелию», комментируются примеры его обращения к Синодальному изданию Нового Завета 1863 года, прежде всего в романе «Бесы». В нем наряду с контаминацией переводов Нового Завета на русском языке обнаруживается принципиальная вариативность цитат в эпиграфе и тексте романа, обусловленная авторской стратегией. В эпиграфе Достоевский использует Новый Завет 1823 года, в тексте произведения выбирает Новый Завет 1863 года, что объясняется связью с историческим контекстом романа и соответствующим ему контекстом восприятия героя. В заключение делается вывод об объединяющем все переводные варианты новозаветном интертексте Достоевского, в котором вариативное представление разных библейских переводов, пересказов и переложений, как и их контаминация, оказывается неизбежным.

Ключевые слова: Достоевский, Новый Завет как книга и текст, переводы, цитаты.

Для цитирования: *Борисова В.В.* Какие издания Нового Завета читал и цитировал Достоевский? Эдиционный и текстологический аспекты изучения присутствия Нового Завета в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 350–374. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-350-374

Information about the author: Valentina V. Borisova, DSc in Philology, Leading Researcher, "Fyodor Dostoevsky's Memorial Apartment," Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Trubnikovsky Lane, 17, 121069 Moscow, Russia; professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38/1, 119034 Moscow, Russia; Chief Researcher, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Oktiabrskaia revoliutsiia St., 3A, 450008 Ufa, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-9011-0160

E-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract: The article explores the significance of the New Testament as both book and text in Dostoevsky's life and work and addresses the question of which editions of the New Testament the writer read and quoted. The article examines the history and functioning of the New Testament in Church Slavonic, Russian (in two translations: the 1823 translation and the Synodal translation of 1863), and French in the context of Dostoevsky's biography and work. The article introduces new details related to the activities of Friedrich Joseph Haass and Natalia Dmitrievna Fonvizina, who were involved in the distribution of the first Russian translation of the New Testament among convicts. The article also examines the issue of quotations from the New Testament in Dostoevsky's works. Through a comparative analysis of these quotations from a textual and interpretive perspective, the article refines the established scholarly view of Dostoevsky's preference for his "convict's gospel," and provides commentary on his references to the 1863 Synodal edition of the New Testament, comments on Dostoevsky's use of the 1863 Synodal edition of the New Testament, particularly in the novel *The Devils*. In addition to the contamination of translations of the New Testament in Russian, the article highlights the systematic variability of quotations in the epigraph and the text of the novel, which is influenced by the author's strategy. In the epigraph, Dostoevsky uses the 1823 edition of the New Testament, while in the text of the novel, he chooses the 1863 edition, which is influenced by the historical context of the novel and the corresponding context of the protagonist's perception. In conclusion, the article argues that Dostoevsky's New Testament intertext—uniting all translated versions—is inevitable, as is the diverse representation of different Bible translations, retellings, adaptations, and their mutual influence and contamination.

Keywords: Dostoevsky, New Testament as book and text, translations, quotations.

For citation: Borisova, V.V. "Which Editions of the New Testament Did Dostoevsky Read and Quote? Editorial and Textual Issues in Research on the Presence of the New Testament in Dostoevsky's Life and Work." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 350–374. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-350-374

О роли и значении Нового Завета в жизни и творчестве Достоевского сказано и написано немало[1], тем не менее, не все аспекты его функционирования в произведениях писателя именно как книги и текста раскрыты[2]. В данной статье этот вопрос, в обоих своих аспектах, освещается в целостном контексте биографии и творчества писателя, в рамках которого прежде разрозненные факты, дополняя друг друга, способствуют созданию более точной и полной картины.

[1] См., например: [Плетнев, 1930а]; [Плетнев, 1930б]; [Коган, 1966]; [Kjetsaa, 1984]; [Балашов, 1996]; [Тихомиров, 1996]; [Сальвестрони, 2001]; [Касаткина, 2004]; [Якубович, 2005]; [Захаров, 2010]; [Касаткина, 2019] и др.

[2] Значимость подобного изучения феномена книги как текста и предмета, участвующего в сюжете, убедительно раскрывается в коллективной монографии: [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024].

И прежде всего нужно сказать, что указание при анализе присутствия Нового Завета не только на точный библейский источник, но и на его конкретное издание необходимо, поскольку это имеет значение как с текстологической, так и с интерпртетационной точек зрения.

Какое издание Нового Завета читал и цитировал Достоевский? В библиотеке писателя была Библия на церковно-славянском и русском языках [Библиотека Достоевского, 2005, с. 104–105]. Другие подтверждения имеются в переписке Федора Михайловича с братом Михаилом. Находясь в Петропавловской крепости, 27 августа 1849 года писатель просил его прислать «Библию (оба Завета) <...> во французском переводе», с припиской: «А если к тому прибавишь и славянский, то всё это будет верхом совершенства» [Достоевский, 1972–1990, т. 281, с. 158–159]. Библию во французском переводе Достоевский мог знать по нескольким изданиям, выходившим при его жизни[3].

Примечательно, что Новый Завет на русском языке в докаторжной переписке с братом еще не упоминается. И не случайно. До середины XIX века образованное сословие, включая самого императора Александра I, читало его по-французски (см. об этом: [Балашов, 1996, с. 3–5]). В детстве будущий писатель выучился читать по Библии для детей, изложенной на простом и понятном русском языке[4]. Это был перевод книги «Сто четыре священные истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества», выполненный Василием Богородским с немецкого языка [Сто четыре Священные Истории, 1815]. В семье Достоевских имелось шестое издание этой книги, вышедшее в московской типографии в 1825 году[5].

Новый Завет на русском языке был издан Российским Библейским обществом в 1823 году [Новый Завет, 1823]. Инициатор издания, архимандрит Филарет (Дроздов), будущий митрополит Московский, исходил из необходимости сделать Библию доступной и понятной для простого народа. В консервативных кругах русского общества такая установка была расценена как святотатственная ересь и кощунственное желание упростить высокий слог Библии[6].

---

[3] См.: [Sainte Bible, 1820–1824]; [La Bible, 1831–1851]; [La Sainte Bible, 1859]; [Sainte Bible, 1866].

[4] См. об этом: [Борисова, Космарская, 2024].

[5] См. об этом: [Тихомиров, Тихомирова, 2021].

[6] Аналогичная ситуация повторилась в середине XX века в связи с новым переводом Нового Завета на русский язык. См. об этом: [Иванов, 1954]; [Осипова, 1955].

Против этого особенно возражал тогдашний министр народного образования А.С. Шишков, настойчиво внушавший Александру I мысль, что «переводы Священнаго Писанія съ высокаго языка (называемаго Славенскимъ) на простой <...> придуманы <...> для поколебанія Вѣры, а потому должны быть прекращены» [Записки адмирала А.С. Шишкова, 1868, с. 56–57]. Как отметил Г.В. Флоровский, «библейский перевод представлялся Шишкову “перекладкою” Слова Божия с наречия высокого и важного на <...> низкий стиль» [Флоровский, 2009, с. 210–211].

В своем логическом развитии такая переводческая стратегия вела к утверждению приоритета языка над смыслом текста, в то время как Новый Завет на русском языке был ориентирован на сохранение и передачу смысла Священного текста. В заслугу святителю Филарету ставится то, что благодаря переводу Священного Писания на русский язык «христиане России и поныне имеют возможность внимать слову Божию на доступном им языке» [Архиерейский собор, 1994, с. 3].

Но судьба Нового Завета на русском языке, изданного огромным по тем временам тиражом (50 тыс. экз.), оказалась в первую половину XIX века плачевной. Поначалу он был встречен с всеобщим энтузиазмом, затем стал жертвой борьбы, развернувшейся вокруг Российского Библейского общества, которое вскоре было закрыто. Однако в императорском рескрипте о его закрытии (от 12 апреля 1826 года) была сделана важная оговорка: «Книги Священного Писания, от Общества уже напечатанные на славянском и русском языке, равно и на прочих, жителями Империи употребляемых, Я дозволяю продолжать продавать желающим по установленным на них ценам». На деле, как отмечает Г.В. Флоровский, «издания Библейского общества были изъяты из обращения, и только попечительные о тюрьмах комитеты продолжали из своих запасов снабжать Новым Заветом в русском переводе ссыльных и заключенных» [Флоровский, 2009, с. 215][7].

Одним из председателей Московского попечительского комитета о тюрьмах стал митрополит Филарет [Кони, 1897, с. 97], в 1828 году секретарём комитета и главным врачом московских тюрем назначили Федора Петровича Гааза, исполнявшего до этого

[7] См. также об этом: [Чистович, 1899, с. 117].

обязанности «штадт-физика» (главного врача) Москвы[8], ведавшего госпиталями и казенной аптекой столицы. В одном медицинском сообществе с ним состояли двоюродный дед Василий Михайлович Котельницкий и отец писателя Михаил Андреевич Достоевский. Б.Н. Тихомиров, вслед за Г.А. Федоровым, резонно предположил, что будущий писатель в детстве мог видеть, как Гааз, обращавший на себя внимание своей старомодной немецкой одеждой, сопровождал арестантов в Екатерининскую больницу, дорога к которой проходила под окнами дома Достоевских [Тихомиров, 2018, с. 188].

Гааза боготворила вся Москва, знали его и по всей Сибири [Кони, 1897, с. 116]. Он настойчиво заботился о раздаче книг Священного Писания на русском языке среди арестантов, которые называли его «святым доктором» и «божьим человеком». 5 февраля 1829 года на заседании комитета Гааз выступил с заявлением о необходимости такой раздачи. Позже, сокрушаясь из-за недостатка книг Священного Писания, необходимых «для бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Нимъ», он настойчиво просил по высочайшему соизволению допечатать необходимое количество экземпляров Нового Завета [Кони, 1897, с. 106]. Поддержанная митрополитом Филаретом просьба Гааза была принята к исполнению. По указанию Святого Синода в Московской синодальной типографии в 1847 году напечатали еще три завода Нового Завета на русском языке. Этот тираж распространялся только по тюрьмам и острогам. Из ведомости, представленной Гаазом комитету, видно, что среди прочих книг духовного содержания им с 1831 года было роздано пять тысяч четыреста семьдесят девять экземпляров Нового Завета на церковнославянском и русском языках[9]. Свидетельства о регулярной раздаче Гаазом книг Священного Писания содержатся и в ведомостях Тюремного комитета в Москве[10].

[8] Примечательно, что должность секретаря этого комитета была предложена поначалу А.А. Куманину, мужу тетки писателя А.Ф. Куманиной, но он от нее отказался, и эту должность занял Ф.П. Гааз, пребывавший в ней в течение 25 лет с 1828 года. См. об этом: [Кони, 1897, с. 25].

[9] См.: ЦГАМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 4. Л. 128–129.

[10] ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 276. Л. 6–12. См. также: [Семененко-Басин, 2022, с. 255].

Илл. 1. Н. Осташев. Федор Петрович Гааз раздает книги арестантам[11]
Fig. 1. N. Ostashev. Friedrich Joseph Haass donates book to the prisoners

Через тюремные комитеты книги Священного Писания распространялись и в Сибири. С таким комитетом в Тобольске, учрежденным в 1837 году, была связана Н.Д. Фонвизина, вместе с другими декабристками[12] подарившая Достоевскому, находивше-

[11] Иллюстрация к повести Е.Н. Красногорской «Друг несчастных» о докторе Гаазе. 1860–1880-е годы. Бумага, гуашь, тушь. 16,3х16,4 см. Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник.

[12] Это были Наталья Дмитриевна Фонвизина, Жозефина Адамовна Муравьева, Прасковья Егоровна и Ольга Ивановна Анненковы (мать и дочь). Неизгладимое впечатление на писателя произвела Ольга Анненкова, «высокая, ослепительная блондинка» [Горбачева, 1998]. В 1852 году она вышла замуж за Константина Ивановича Иванова, состоявшего в Омске в должности адъютанта генерал-губернатора, ведавшего всеми работами в крепости, где отбывал каторгу Достоевский. К.И. Иванов оказывал содействие писателю-арестанту. 22 февраля 1854 года в письме

муся в пересыльной тобольской тюрьме, Новый Завет на русском языке. Положение Н.Д. Фонвизиной в Тобольске было достаточно привилегированным благодаря ее связям с представителями сибирского высшего света, которые посещали кружок Фонвизиных. Они входили в число «тобольских notabilités» (влиятельных людей), были дружны с архиепископом Афанасием, епископом Владимиром, с губернскими прокурорами Петром Никифоровичем Черепановым и Дмитрием Ивановичем Францевым, с дивизионным генералом Гладышевым. Жена сибирского генерал-губернатора Петра Дмитриевича Горчакова, Наталья Дмитриевна Черевина была двоюродной сестрой Фонвизиной. Эти связи упрочили положение Фонвизиных в период их жизни в Тобольске (См. об этом: [Голодников, 1898, с. 24–25]).

Н.Д. Фонвизина, занимаясь благотворительностью, настойчиво ходатайствовала об облегчении участи каторжан и ссыльных. Имея возможность беспрепятственно посещать тюремный замок, она раздавала там Новый Завет. В отчетах Тобольского губернского попечительного о тюрьмах комитета[13] имеются сведения о том, что книги Священного Писания раздавались арестантам бесплатно[14].

Как известно, с подаренным декабристками в 1850 году Новым Заветом в русском переводе Достоевский уже не расставался. Эту книгу писатель хранил всю жизнь [Захаров 2015, с. 44–53], вспоминая: «Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 12]. И затем, «в течение тридцати лет чуть ли не ежедневно Достоевский читал свое “каторжное” Евангелие (Новый Завет) в русском переводе» [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 27–61].

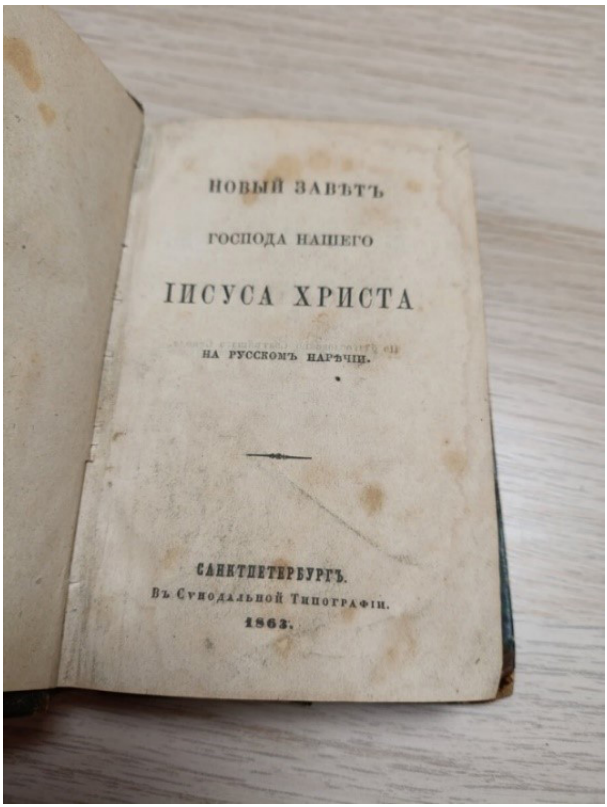
В творческой биографии Достоевского оно сыграло чрезвычайно важную роль, хотя писатель пользовался и Синодальным

к брату Достоевский писал: «Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К.И. И<ванов> был мне как брат родной. Он сделал для меня все, что мог <...>. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова. Что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 173]. По окончании каторжных работ Достоевский месяц жил в доме Ивановых, позже встречался с ними в Петербурге.

[13] См.: ГБУТО ГА в г. Тобольске. Тобольский губернский попечительный о тюрьмах комитет. Фонд: 659. Ед. хранения: 204. Дело: 204. Ед.хр. 1838–1916 гг.

[14] См. также об этом: [Маскевич, 2021, с. 22].

изданием Нового Завета 1863 года[15]. Оно вышло, когда митрополит Московский Филарет получил от императора Александра II разрешение на новый перевод Библии, в основе которого лежал Новый Завет, изданный в 1823 году. В 1876 году Библия была издана на русском языке целиком[16].


НОВЫЙ ЗАВѢТЪ
ГОСПОДА НАШЕГО
ІИСУСА ХРИСТА
НА РУССКОМЪ НАРѢЧІИ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Синодальной Типографіи.
1863.

Отвечая на вопрос, на каком языке герои Достоевского читают Библию, о. Н. Балашов, отметил во всех описаниях такого чтения в произведениях писателя несомненные автобиографические черты и

[15] Новый завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на русскомъ нарѣчіи. Санкт–Петербургъ. В Синодальная Типографіи. 1863. 346 с.

[16] Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. СПб.: Синод, тип., 1876. 392 с.

привел соответствующие примеры, сделав вывод о том, что «почти все библейские тексты, имеющие концептуально важное для героев Достоевского значение, приводятся им в русском переводе» [Балашов, 1996, с. 2 7–61]. Однако это суждение нуждается в уточнении. На русском языке при жизни Достоевского Новый Завет издавался (и отдельно, и в составе Библии) в 1823, 1863 и 1876 годах. При всем своем сходстве эти издания местами лексически, грамматически и стилистически различаются, что, на наш взгляд, должно учитываться при интерпретации евангельских цитат в художественном тексте, тем более что такое цитирование обусловлено авторским выбором.

Не столь безусловно и заключение о. Н. Балашова о том, что «едва ли не единственным исключением является славянский текст (МФ, 18: 6), прочитанный купцом Скотобойниковым из рассказа Макара Ивановича в «Подростке» [Балашов, 1996, с. 12]. Новый Завет на церковно-славянском языке Достоевский цитирует и в других произведениях. Показательна в этом плане, например, исповедь Мармеладова, обильно насыщенная многочисленными старославянизмами: «тѣмъ паче» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 7, с. 17]; «Симъ покиванiемъ главъ не смущаюсь, ибо уже всѣм всё извѣстно и всё тайное становится явнымъ» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 7, с. 17]. Ср.: «Мимоходящiи же хуляху Его, покивающе главами своими» (Мф. 27:39). Также Мармеладов использует выражения «всё сiе втунѣ» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 7, с. 9]; «И простретъ кЪ намъ руцѣ свои...» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 7, с. 27]. Ср.: (Мк. 14:1–42); «Облобызалъ я прахъ ногъ его» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 7, с. 23][17]. Заметим, что в примечаниях в 7 томе Полного собрания сочинений в 30 т. цитата из Евангелия от Луки (7:47–48) «Прощаются же и теперь грехи твои мнози» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 21] соотносится с каторжным Евангелием писателя, но Мармеладов цитирует именно церковнославянский текст Нового Завета: «ѿпꙋща́ютсѧ грѣсѝ є҆ѧ̀ мно́зи».

Требует коррекции и другое суждение о. Н. Балашова о том, что «персонажи Достоевского, понаслышке что-то знающие из Евангелия или других священных книг, пытаются жонглировать

[17] Б.Н. Тихомиров отметил эту фразу как парафраз ветхозаветного выражения (Ис. 49, 23). См. его: [Тихомиров, 2024, с. 95]. Ряд аллюзий и цитат из Нового Завета прокомментирован Т.А. Касаткиной. См. ее: [Касаткина, 2022].

словом Божиим в своих интересах, в их устах, как правило, звучат церковнославянские слова» [Балашов, 1996, с. 44]. На наш взгляд, функция славянизмов в речи героев не столь однозначно негативна. Суждение о том, что «с точки зрения автора» ни один из таких героев «не вправе ссылаться на Евангелие», напоминает высказывание генерала Епанчина, окрашенное авторской иронией: «Я видел настоящего толкователя Апокалипсиса <...> покойного Григория Семеновича Бурмистрова: тот, так сказать, прожигал сердца. И во-первых, надевал очки, развертывал большую старинную книгу в черном кожаном переплете, ну, и при этом седая борода, две медали за пожертвования. Начинал сурово и строго, пред ним склонялись генералы, а дамы в обморок падали, ну – а этот заключает закуской! Ни на что не похоже!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 316].

Какое же издание Нового Завета на русском языке чаще всего цитируется в текстах Достоевского? По мнению Б.Н. Тихомирова, практически все герои послекаторжных произведений писателя читают и цитируют Новый Завет в русском переводе 1823 года. Почти все евангельские эпиграфы в романах писателя — тоже из этого издания. Оно фигурирует в «Записках из Мертвого Дома». «У меня был русский перевод Нового Завета», — пишет Александр Петрович Горянчиков [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 53], научивший говорить, читать и писать по нему «умного сердцем» и простодушного дагестанского татарина Алея. «Без азбуки, по одной этой книге, Алей в несколько недель выучился превосходно читать. Месяца через три он уже совершенно понимал книжный язык» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 53]. Реакция юного мусульманина на Нагорную проповедь свидетельствует о том, что даже инородцу и иноверцу стал понятен главный смысл Евангелия на русском языке:

«<...> Иса святой пророк, Иса божии слова говорил. Как хорошо!

— Что ж тебе больше всего нравится?

— А где он говорит: прощай, люби, не обижай и врагов люби. Ах, как хорошо он говорит!» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 54].

Каторжный экземпляр Нового Завета описан Достоевским и в романе «Униженные и оскорбленные»: «На столе лежали две книги: краткая география и Новый завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 176–177]. Упоминание о русском переводе и о пометах — безусловно автобиографическая деталь. Как базовый текст, по словам Т.А. Касаткиной, Новый Завет фигурирует в романе

«Преступление и наказание» [Касаткина, 2022]: «Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 248]. Когда Раскольников признается: «<...> сам знаю, что всё это будет именно так, как по книге, а не иначе!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 402], возможно, он бессознательно имеет в виду именно священную книгу, открывшую ему перспективу воскресения для новой жизни.

Последнюю книгу Нового Завета в русском переводе 1823 года цитируют Лебедев и Ипполит в романе «Идиот»: «мѣра пшеницы за денарій, и три мѣры ячменя за денарій» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 8, с. 208]. О нем спрашивает старца Тихона Николай Ставрогин: «русскій переводъ есть?» и просит прочесть: «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ: о естьли бъ ты былъ холоденъ, или горячь» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 9, с. 412]. Это же место из Откровения Иоанна Богослова потрясает Степана Трофимовича Верховенского [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. 9, с. 649–650]. Выполняя миссию христианского воспитателя, старец Зосима дает таинственному посетителю «Евангелие, русский перевод» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 281].

Таким образом, налицо приоритетность обращения Достоевского именно к Новому Завету 1823 года. Это, действительно, главный ключ к его произведениям (см. об этом: [Захаров, 2015, с. 8]). Однако есть примеры целенаправленного обращения писателя и к Синодальному изданию Нового Завета 1863 года. Так, факт его использования в романе «Преступление и наказание» установлен Б.Н. Тихомировым: «в сцене чтения Соней Мармеладовой Раскольникову “вечной книги” Достоевским цитируется новейший русский перевод Евангелия». Обнаружена исследователем в тексте произведения и очевидная контаминация переводов Нового Завета от 1823 и 1863 годов [Тихомиров, 1996, с. 190–191].

В романе «Бесы» Синодальное издание Нового Завета распространяет книгоноша Софья Матвеевна, деятельность которой со всей очевидностью связана с «Обществом для распространения Священного Писания в России», учрежденном в Санкт-Петербурге в 1863 году и действовавшем до 1915 года. Достоевский знал о существовании «Общества для распространения Священного Писания в России» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 44]. Образ действий

книгоноши Софьи Матвеевны, по замечанию о. Н. Балашова, очень точно воспроизводит типичные приемы работы членов этого общества [Балашов, 1996, с. 9].

Предлагая Степану Трофимовичу приобрести книги Священного Писания, из большого клеенчатого мешка (именно такие выдавались книгоношам) «она вынула две красиво переплетенные книжки с вытесненными крестами на переплетах». «Eh... mais je crois que c'est l'Evangile (Э... да это, кажется, Евангелие — *прим.*) <...> Я давно уже хотел перечитать...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 486], говорит Степан Трофимович. Это желание, судя по всему, вызвано той же потребностью, которую испытывал Раскольников, прося Соню прочитать ему «про Лазаря».

При этом Степан Трофимович Верховенский не мог не обратить внимания именно на русский перевод Библии, поскольку ранее читал ее «по крайней мере лет тридцать» назад во французском издании[18], о котором вспомнил позже «лишь по Ренановой книге "Vie de Jésus"»[19] [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 486–487]. Собираясь вместе с книгоношей распространять русское Евангелие, он говорит: «Народ религиозен <...>, но он еще не знает Евангелия. Я ему изложу его... В изложении устном можно исправить ошибки этой замечательной книги, к которой я, разумеется, готов отнестись с чрезвычайным уважением» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 491]. Здесь несомненна ирония автора над своего рода религиозным высокомерием офранцуженного Степана Трофимовича, полагающего, во-первых, что русский народ не знает Евангелия, а во-вторых, считающего, что в самом Евангелии содержатся ошибки, которые он собирается исправить в собственном изложении.

Сам писатель подчеркивал, что простой народ знакомится с учением Христа в храмах, слушая молитвы, т. е. в устной, литургической традиции: «Христа он знает и носит в своем сердце искони» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 38]. «Знает тоже он наизусть многие из житий Святых, пересказывает и слушает их с умилением» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 150]. Такое народное знание учения Христа, передаваемое из поколения в поколение, писатель называл «сердечным» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 33],

[18] Это могла быть французская Библия, многократно издававшаяся с 1831 по 1851 годы [La Bible, 1831–1851].

[19] Первое издание этой книги вышло в 1863 году [Renan, 1863]. Достоевский ее прочел вскоре после выхода.

Собираясь донести до русского народа Благую весть, Степан Трофимович, по сути, берет на себя миссию толкователя и проповедника священного текста: «Et je prêcherai l'Evan-gile... (И я буду проповедовать Евангелие... — прим.) [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 500]. Здесь очевиден, несмотря на иронический модус французской речи героя, его «сердечный» отклик на стихи из Нагорной проповеди (Мф. 6:14–15): «О, простим, простим, прежде всего простим всем и всегда... Будем надеяться, что и нам простят. Да, потому что все и каждый один пред другим виноваты. Все виноваты!..». В ответ Софья Матвеевна замечает: «Вот это, кажется, вы очень хорошо изволили сказать-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 491]. В отточенном варианте эта главная христианская идея высказывается старцем Зосимой: «воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 262].

Подобно Раскольникову, которому Соня читает о воскресении Лазаря, Степан Трофимович просит Софью Матвеевну «почитать ему Евангелие»: «Я давно уже не читал... в оригинале. А то кто-нибудь спросит, и я ошибусь; надо тоже все-таки приготовиться. Она уселась подле него и развернула книжку» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 496]. Упоминание об «оригинале» здесь также принципиально значимо. От ренановского пересказа Евангелия, к которому, как известно, сам Достоевский относился резко отрицательно, старший Верховенский возвращается, и в прямом, и в переносном смысле, к тексту Нового Завета на родном языке.

Софья Матвеевна читает ему из Откровения Святаго Іоанна Богослова по Синодальному изданию Нового Завета 1863 года (3:14–17): «И Ангелу Лаодикіской церкви напиши: так говорить Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но, какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моих. Ибо ты говоришь: «Я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды»; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слепъ, и нагъ».

В Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах эта цитата воспроизведена практически идентично, за исключением замены союза «как» на устаревший вариант «поелику» и написания слова «божия» со строчной буквы [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 497]. В собрании сочинений «Достоевский. Канонические тексты» в журнальной редакции романа цитируется Новый Завет 1823 года:

«И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія. Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о еслибъ ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то изблюю тебя изъ устъ Моих. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ, и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. IX, с. 649]. В книжной же редакции, за исключением некоторых пунктуационных отличий, цитируется Новый Завет 1863 года. Авторы комментариев объясняют эту вариативность «условиями корректуры в журнале и типографии» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. IX, с. 851].

Однако принципиальное стилистическое и лексическое расхождение между текстами двух редакций («сіе глаголетъ» / «так говорит», «изблюю» / «извергну») позволяет предположить целенаправленный авторский выбор именно Нового Завета 1863 года в качестве источника, что обусловлено реальным, историческим контекстом романа и соответствующим ему контекстом восприятия героя.

Последний раз Софья Матвеевна читает Степану Трофимовичу страницу из Евангелия от Луки о бесах, которые «вошли въ свиней и всѣ потонули» [Достоевский. Канонические тексты, 1995–, т. IX, с. 612]. Данный отрывок (Лк. 8:32–36), процитированный в «Бесах» дважды, в эпиграфе и непосредственно в тексте, композиционно связывает его начало и конец. С текстологической и интерпретационной точек зрения важно, как цитируется в обоих случаях Евангелие, какова степень его творческой трансформации в дискурсах автора и героев, тем более что в романе налицо вариативное цитирование.

В Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах в эпиграфе воспроизводится текст Нового Завета в издании 1823 года: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся; пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие

же рассказали им, как исцелился бесновавшийся. Евангелие от Луки. Глава VIII, 32–36» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 6].

Аналогичным образом, также с несколькими пунктуационными отличиями от первоисточника, евангельский текст цитируется в эпиграфе в издании Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского «Канонические тексты». Думается, что цитирование Нового Завета 1823 года в эпиграфе целиком обусловлено авторским выбором, тем более что именно эпиграф, находясь, наряду с заглавием, в сильной позиции, является прямым выражением авторской стратегии. Как предтекстовая цитата эпиграф преимущественно воспроизводится без искажений и изменений.

В самом же тексте произведения, в главе седьмой «Последнее странствование Степана Трофимовича» (хотя рассказчик и подчеркивает, что это «то самое место, которое я и выставил эпиграфом к моей хронике. Приведу его здесь опять»), книгоноша читает про бесов уже по Новому Завету 1863 года: «Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, **у**видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее; и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 498–499] (выделено нами. — *В.Б.*). Аналогичным образом эта цитата (с незначительными пунктуационными разночтениями) воспроизводится в собрании сочинений «Достоевский. Канонические тексты».

Сравним с текстами Нового Завета 1823 и 1863 годов.

Новый Завет 1823 года	Новый Завет 1863 года
Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней; и они просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и разсказали въ городѣ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся; и пришедши къ Іисусу, нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Іисусовыхъ, одѣтаго и въ здравомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшие разсказали имъ, какъ исцѣлился бѣсновавшіся (Лк. 8:32–36).	Тутъ *же* на горѣ паслось большое стадо свиней; и *бѣсы* просили Его, чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, *видя* происшедшее, побѣжали и разсказали въ городѣ и въ *селеніяхъ*. И вышли жители *видѣть* происшедшее; и пришедши къ Іисусу, нашли человѣка, изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ *Іисуса,* одѣтаго и въ здравомъ умѣ;, и ужаснулись. Видѣвшіе *же* разсказали имъ, ка́къ исцѣлился бѣсновавшійся (Лк. 8:32–36). Выделено нами. — *В.Б.*

Исходя из приведенных примеров (хотя до сих пор нерешенным остается вопрос о соотношении журнальной и книжной прижизненных редакций романа «Бесы») отметим, что Достоевский непосредственно в тексте своего произведения цитирует Новый Завет 1863 года, в котором последовательно указаны все действия персонажей (*бесы вошли в свиней, бросившихся с крутизны в воду. Это увидели пастухи и рассказали жителям города и селений о случившемся. Последние нашли исцелившегося у ног Иисуса*), использовано слово «бесы» вместо «они», причастие «происшедшее» вместо «случившееся», «в селениях» вместо «по деревням», глагол «видеть» вместо «смотреть», добавлена в начале и в конце частица «же».

Таким образом, в Новом Завете 1863 года налицо стремление к уточнению и конкретизации его содержания. Глагол «смотреть»

в отличие от слова «видеть» обозначает процесс наблюдения, а не результат. Причастие совершенного вида «происшедший» подразумевает результат действия, в отличие от синонимичной глагольной формы «случившееся», имеющей значение единичности события. У существительного «селение» более широкое значение, чем у слова «деревня». При этом сохранена устаревшая форма деепричастия «увидя» вместо «увидев».

Чтение Нового Завета в новом русском переводе становится откровением для Степана Трофимовича в его последнем странствовании, возвращая к «почве» и вере. В своем комментарии образов романа «Бесы» Т.А. Касаткина пишет именно о встрече Степана Трофимовича с Богом, Который первый обращается к нему с Благой вестью, получая ответный отклик [Касаткина, 2004, с. 239–247]. Слушая евангельскую историю, старший Верховенский по-своему ее толкует, актуализируя смысл текста и с личной, и с всеобщей точек зрения: «Друг мой, — произнес Степан Трофимович в большом волнении, — savez-vous, это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... dans ce livre ... так что я это место еще с детства упомнил. Теперь же мне пришла одна мысль; une comparaison. Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! Oui, cette Russie, que j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... et les autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и "сядет у ног Иисусовых"... и будут все глядеть с изумлением...» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 499].

В Степане Трофимовиче как проросшее «семя» пробуждается младенческая вера. Детское «сильное впечатление» сменяется глубокой «мыслью», символической экстраполяцией евангельской истории на себя, на Россию, и на свое поколение, породившее таких бесов как Петруша Верховенский. При этом в старшем Верховенском обнаруживается потрясающая способность к покаянию: причисляя

и себя к бесам, он готов ради исцеления России «изничтожиться». Это его преображение на пороге смерти, знаковым выражением которого становится чтение Евангелия в русском переводе 1863 года.

Таким образом, утвердившееся мнение о предпочтении Достоевским Нового Завета 1823 года нуждается в коррекции. Обращаясь к нему как к приоритетному источнику, писатель одновременно использует и Новый Завет 1863 года. Так, благодаря его чтению для Степана Трофимовича Верховенского перед кончиной воссиял свет Воскресения над мраком бесовщины: «Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? <...> О, я бы очень желал опять жить! — воскликнул он с чрезвычайным приливом энергии. — Каждая минута, каждое мгновение жизни должны быть блаженством человеку... должны, непременно должны! Это обязанность самого человека так устроить; это его закон — скрытый, но существующий непременно... О, я бы желал видеть Петрушу... и их всех... и Шатова!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 505–506].

Здесь уже пробивается голос и стиль самого автора, а не героя, о чем свидетельствует в частности лексема церковно-славянского происхождения «неподклонно», не свойственная офранцуженному русскому языку Степана Трофимовича. Тем не менее и ему, как «настоящему толкователю» Апокалипсиса, открылось все их значение. Последние слова Степана Трофимовича глубоко созвучны свидетельствам других героев Достоевского, также переживших преображение — Маркела (больного брата Зосимы), Таинственного посетителя, Смешного человека.

Итак, очевидно, что Достоевский читал Новый Завет на трех языках (славянском, русском и французском), по мнению В.Н. Захарова, «для того, чтобы его понять»[20]. Что писатель вынес из этих переводов? Достоевский не мог не заметить, что в русском переводе, при всей доступности его понимания, ослаблено поэтическое звучание. В сопоставлении с сакрализованным церковно-славянским текстом, несмотря на его «темноту», он выглядит обыденным, упро-

[20] Цит. по: https://litsota.ru/kruglyj-stol-evangelie-v-russkoj-literature/ (материалы Круглого стола «Евангелие в русской литературе» от 10.01.1916 (дата обращения: 20.08.2025)).

щенным из-за отсутствия стилистических маркеров. Библия же на французском языке традиционно читалась образованными людьми в России.

В конечном счете, напрашивается вывод об объединяющем все переводные варианты евангельском интертексте Достоевского, в котором вариативное представление разных библейских переводов, пересказов и переложений, как и их контаминация, оказывается неизбежным.

Список литературы

1. Архиерейский собор, 1994 — Архиерейский собор Русской православной церкви, 29 ноября – 2 декабря 1994 г. Документы. М.: Изд-во Московской патриархии, 1994. 208 с.

2. Балашов, 1996 – *Балашов Н.В.* Спор о русской Библии и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 3–15.

3. Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

4. Борисова, Космарская, 2024 — *Борисова В.В., Космарская И.В.* Достоевский на «простом языке»: проблемы современного художественного перевода // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 2. С. 196–215.

5. Голодовников, 1898 — *Голодников К.М.* Декабристы в Тобольской губернии (из моих воспоминаний). Тюмень: Тип. А.А. Крылова. 1898. 28 с.

6. Горбачева, 1998 — *Горбачева Н.* «В потомках ваше племя оживет» (О К.М. Голодникове и героях его мемуаров) // *Голодников К.М.* Декабристы в Тобольской губернии (из моих воспоминаний). Лукич. 1998. №. 4. С. 69–85. URL: http://decabristy-online.ru/doc/dok2-pravilnye-memuary/dekabristy-v-tobolskoj-gubernii-iz-moih-vospominanij/ (дата обращения: 22.11.2025).

7. Новый Завет, 1823 — Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб.: Тип. Российского Библейского общества, 1823. 620 с.

8. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

9. Достоевский, канонические тексты, 1995– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: канонические тексты в авторской орфографии и пунктуации / под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995– (издание продолжается).

10. Записки адмирала А.С. Шишкова, 1868 — Записки адмирала А.С. Шишкова // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. М.: Унив. Тип., 1868. Кн. 3. С. 1–142.

11. Захаров, 2010 — *Захаров В.Н.* Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: в 2 т. М.: Русский мир, 2010. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. С. 5–35.

12. Захаров, 2013 — *Захаров В.Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.

13. Захаров, 2015 — *Захаров В.Н.* Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 44–53.

14. Иванов, 1954 — *Иванов А.* Новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея (Лондон. Издание Британского и Иностранного Библейского общества. 1953) // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 4. С. 45–55; № 5. С. 38–47.

15. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

16. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 4).

17. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* «Преступление и наказание»: как создается глубокий текст // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 52–62. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-52-62

18. Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024 — *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с.

19. Коган, 1966 — *Коган Г.Ф.* Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский в конце XX в. М.: Классика плюс, 1966. С. 147–168.

20. Кони, 1897 — *Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз: биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. 170 с.

21. Новый Завет, 1823 — Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб.: Тип. Российского Библейского общества, 1823. 620 с.

22. Маскевич, 2021 — *Маскевич Е.Д.*, *Тихомиров Б.Н.* «...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»: Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г. // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 5–30.

23. Новый Завет, 1863 — Новый завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на русскомъ нарѣчіи. СПб.:. В Синодальная Тип. 1863. 346 с.

24. Осипов, 1955 — *Осипов А.* К изданию русской Библии // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 8. С. 58–66.

25. Плетнев, 1930а — *Плетнев Р.* Достоевский и Евангелие // Путь. 1930. № 23 (август). С. 48–68.

26. Плетнев, 1930б — *Плетнев Р.* Достоевский и Евангелие: (Окончание) // Путь. 1930. № 24 (октябрь). С. 58–66.

27. Сальвестрони, 2001 — *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб.: Акад. проект, 2001. 187 с.

28. Семененко-Басин, 2022 — *Семененко-Басин И.* Доктор Гааз и распространение книг среди заключенных в Московской пересыльной тюрьме (вторая четверть XIX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (3). С. 246–260.

29. Сто четыре Священные Истории, 1815 — Сто четыре Священные Истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений: в 2 ч. / с немецкого языка вновь переведены с издания, исправленного Иоанном Готфр<идом> Флекком, Васильем Богородским. СПб.: Тип. И. Байкова, 1815. Ч. 1. 204 с.

30. Тихомиров, 1996 — *Тихомиров Б.Н.* Достоевский цитирует Евангелие (заметки текстолога) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Нука, 1996. Т. 13. С.189–194.

31. Тихомиров, 2018 — *Тихомиров Б.Н.* Неизвестный источник биографических сведений о семье А.М. Достоевского — младшего брата писателя // Неизвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 185–205.

32. Тихомиров, Тихомирова, 2021 — *Тихомиров Б.Н., Тихомирова Н.А.* «Сто четыре священные истории...» И. Гибнера в жизни и творческой работе Достоевского // Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф.М. Достоевского: коллективная монография / Е.Д. Маскевич, Б.Н. Тихомиров, Н.А. Тихомирова; отв. ред. Б.Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 27–61.

33. Тихомиров, 2024 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон! Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении». Книга – комментарий. 3-е изд. СПб: Серебряный век. 2024. 572 с.

34. Флоровский, 2009 — *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации. 2009. 848 с.

35. Чистович, 1899 — *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. 347 с.

36. Якубович, 2005 — *Якубович И.Д.* Поэтика ветхозаветных цитат и аллюзий в творчестве Достоевского: бытование и контекст // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука. 2005. Т. 17. С. 42–61.

37. Kjetsaa, 1984 — *Kjetsaa G.* Dostoevsky and his New Testament. Oslo: Humanities Press, 1984. 82 p.

38. Renan, 1863 — *Renan E.* Vie de Jésus. 9 edition. Paris. 1863. 317 p.

39. Sainte Bible, 1820–1824 — Sainte Bible / traduction nouvelle par Antoine Eugène Genoud (dit l'abbé de Genoude). Paris: Imprimerie royale.1820–1824.

40. La Bible, 1831-1851 — La Bible / traduction nouvelle par Samuel Cahen. Paris, 1831–1851.

41. Sainte Bible, 1843 — Sainte Bible / édition bilingue hébreu et français. Paris, 1843.

42. La Sainte Bible, 1859 — La Sainte Bible de John Nelson Darby / à partir du grec et de l'hébreu, intégrant des manuscrits redécouverts. Paris, 1859.

43. Sainte Bible, 1866 — Sainte Bible de Jean-Jacques Bourassé et Pierre-Désiré Janvier. Paris, 1866.

References

1. *Arkhierieskii sobor Russkoi pravoslavnoi tserkvi, 29 noiabria – 2 dekabria 1994 g. Dokumenty* [*The Council of Bishops of the Russian Orthodox Church, 29th November – 2nd December 1994. Documents*]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii Publ., 1995. 208 p. (In Russ).

2. Balashov, N.V. "Spor o russkoi Biblii i Dostoevskii" ["The Dispute about the Russian Bible and Dostoevsky"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 3–15. (In Russ.)

3. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt at Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

4. Borisova, V.V., and I.V. Kosmarskaia. "Dostoevskii na 'prostom iazyke': problemy sovremennogo khudozhestvennogo perevoda" ["Dostoevsky in a 'Simple Language': Problems of

Contemporary Literary Translation"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 11, no. 2, 2024, pp. 196–215. (In Russ.)

5. Golodnikov, K.M. *Dekabristy v Tobol'skoi gubernii (iz moikh vospominanii)* [*Decembrists in the Tobolsk Province (From My Memories)*]. Tiumen', Tip. A.A. Krylova Publ., 1898. 28 p. (In Russ.)

6. Gorbacheva, N. "'V potomkakh vashe plemia ozhivet' (O K.M. Golodnikove i geroiakh ego memuarov)" ["'Your Lineage Will Live On in Descendants' (On K.M. Golodnikov and the Heroes of His Memoirs)"]. Golodnikov, K.M. *Dekabristy v Tobol'skoi gubernii (iz moikh vospominanii)* [*The Decembrists in the Tobolsk Province (From My Memoirs)*], no. 4. Lukich, 1998, pp. 69–85. Available at: http://decabristy-online.ru/doc/dok2-pravilnye-memuary/dekabristy-v-tobolskoj-gubernii-iz-moih-vospominanij/ (Accessed 22 Nov. 2025). (In Russ.)

7. *Gospoda nashego Iisusa Khrista Novyi Zavet* [*New Testament of Our Lord Jesus Christ*]. St. Petersburg, v tipografii Rossiiskogo Bibleiskogo obshchestva Publ., 1823. 620 p. (In Russ).

8. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

9. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: kanonicheskie teksty v avtorskoi orfografii i punktuatsii* [*Complete Works: Canonical Texts with Authorial Orthography and Punctuation*]. Ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo universiteta Publ., 1995–continuing publication. (In Russ.)

10. "Zapiski admirala A.S. Shishkova" ["Admiral A.S. Shishkov's Notes"]. *Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [*Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquites*], book 3. Moscow, Univ. Tip. Publ., 1868, pp. 1–142. (In Russ.)

11. Zakharov, V.N. "Dostoevskii i Evangelie" ["Dostoevsky and the Gospel"]. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [*Dostoevsky's Gospel: in 2 vols*], vol. 2. Moscow, Russkii mir Publ., 2010, pp. 5–35. (In Russ.)

12. Zakharov, V.N. *Imia avtora — Dostoevskii. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on His Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)

13. Zakharov, V.N. "Kto podaril Dostoevskomu Evangelie v ianvare 1850 goda" ["Who Gave Dostoevsky the Gospel in January 1850?"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no. 2, 2015, pp. 44–53. (In Russ.)

14. Ivanov, A. "Novyi perevod na russkii iazyk Evangeliia ot Matfeia (London. Izdanie Britanskogo i Inostrannogo Bibleiskogo obshchestva. 1953)" ["A New Translation of the Gospel of Matthew in Russian (London: Edition of the British and Foreign Bible Society, 1953)"]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, no. 4, 1954, pp. 45–55; no. 5, 1954, pp. 38–47. (In Russ.)

15. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyshem smysle"* [*On the Creative Nature of the Word. The Ontological Nature of the Word in Dostoevsky's Works as the Basis of "Realism in the Highest Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

16. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: the Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

17. Kasatkina, T.A. "'Prestuplenie i nakazanie': kak sozdaetsia glubokii tekst" ["*Crime and Punishment:* How to Create a Deep Text"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (17), 2022, pp. 52–62. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-52-62

18. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v kni-*

ge. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" [*Books in the Book. The Role and Image of the Book in Dostoevsky's Novel* The Idiot]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7

19. Kogan, G.F. "Vechnoe i tekushchee (Evangelie Dostoevskogo i ego znachenie v zhizni i tvorchestve pisatelia)" ["Eternal and Contemporary (Dostoevsky's Gospel and Its Significance in the Life and Work of the Writer)"]. *Dostoevskii v kontse XX veka* [*Dostoevsky at the End of the 20th Century*]. Moscow, 1966, pp. 147–168. (In Russ.)

20. Koni, A.F. *Fedor Petrovich Gaaz: biograficheskii ocherk* [*Fyodor Petrovich Haass: An Essay on His Biography*]. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1897. 170 p. (In Russ.)

21. *Gospoda nashego Iisusa Khrista Novyi Zavet* [*The New Testament of Jesus Christ Our Lord*]. St. Petersburg, Tip. Rossiiskogo Bibleiskogo obshchestva Publ., 1823. 620 p. (In Russ.)

22. Maskevich, E.D., and B.N. Tikhomirov. "'...Kogda my v ozhidanii dal'neishei uchasti sideli v ostroge': Dostoevskii v Tobol'ske 9–20 ianvaria 1850 goda" ["'...When We Were Awaiting Our Further Fate, We Sat in the Prison': Dostoevsky in Tobolsk, January 9–20, 1850"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 8, no. 3, 2021, pp. 5–30. (In Russ.)

23. *Novyi zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista na russkom narechii* [*The New Testament of Our Lord Jesus Christ in Russian*]. St. Petersburg, Sinodal'naia Tipografiia Publ., 1863. 346 p. (In Russ.)

24. Osipov, A. "K izdaniiu russkoi Biblii" ["About the Publication of the Russian Bible"]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, no. 8, 1955, pp. 58–66. (In Russ.)

25. Pletnev, R. "Dostoevskii i Evangelie" ["Dostoevsky and the Gospel"]. *Put'*, no. 23 (August), 1930, pp. 48–68. (In Russ.)

26. Pletnev, R. "Dostoevskii i Evangelie (Okonchanie)" ["Dostoevsky and the Gospel (End)"]. *Put'*, no. 24 (October), 1930, pp. 58–66. (In Russ.)

27. Salvestroni, Simonetta. *Bibleiskie i sviatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo* [*Biblical and Patristic Sources of Dostoevsky's Novel*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 187 p. (In Russ.)

28. Semenenko-Basin, I. "Doktor Gaaz i rasprostranenie knig sredi zakliuchennykh v Moskovskoi peresyl'noi tiur'me (vtoraia chetvert' XIX v.)" ["Doctor Haass and the Diffusion of Books among Prisoners n the Moscow Transit Prison (Second Quarter of the 19th Century)"]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 40 (3), 2022, pp. 246–260. (In Russ.)

29. *Sto chetyre sviashchennye istorii, vybrannye iz Vetkhogo i Novogo Zaveta, v pol'zu iunoshestva, Ioannom Gibnerom, s prisovokupleniem blagochestivykh razmyshlenii: v 2 chastiakh* [*One Hundred and Four Sacred Histories, Selected from the Old and New Testament, for the Good of Young People, by Ioann Gibner, with Pious Reflections: in 2 parts*], part 1. Trans. from German. St. Petersburg, Tip. I. Baikova Publ., 1815. 204 p. (In Russ.)

30. Tikhomirov, B.N. "Dostoevskii tsitiruet Evangelie (zametki tekstologa)" ["Dostoevsky cites the Gospel (Notes of a Philologist)"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1996, pp. 189–194. (In Russ.)

31. Tikhomirov, B.N. "Neizvestnyi istochnik biograficheskikh svedenii o sem'e A.M. Dostoevskogo — mladshego brata pisatelia" ["An Unknown Source of Biographical Facts about the Family of A.M. Dostoevsky, the Writer's Younger Brother"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, no. 4, 2018, pp. 185–205. (In Russ.)

32. Tikhomirov, B.N., and N.A. Tikhomirova. "'Sto chetyre sviashchennye istorii...' I. Gibnera v zhizni i tvorcheskoi rabote Dostoevskogo" ["'One Hundred and Four Sacred Histories...' by Ioann

Gibner in Dostoevsky's Life and Works"]. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoi biografii F.M. Dostoevskogo* [*New Archivial and Printed Sources for a Creative Biography of Dostoevsky*]. St. Petersburg, RGKhA Publ., 2021, pp. 27–61. (In Russ.)

33. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von!" Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-Kommentarii* [*"Lazarus, Come Out!" A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*: Book-Commentary*]. 3rd Edition. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2024. 572 p. (In Russ.)

34. Florovskii, G.V. *Puti russkogo bogosloviia* [*The Ways of Russian Theology*]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p. (In Russ.)

35. Chistovich, I.A. *Istoriia perevoda Biblii na russkii iazyk* [*The History of the Translation of the Bible in Russian*]. St. Petersburg, 1899. 347 p. (In Russ.)

36. Iakubovich, I.D. "Poetika vetkhozavetnykh tsitat i alliuzii v tvorchestve Dostoevskogo: bytovanie i kontekst" ["The Poetics of Quotes and Allusions from the Old Testament in Dostoevsky's Works: Existence and Context"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 42–61. (In Russ.)

37. Kjetsaa, Geir. *Dostoevsky and His New Testament*. Oslo, Humanities Press, 1984. 82 p. (In English)

38. Renan, Ernest. *Vie de Jésus*. 9 Edition. Paris, 1863. 317 p. (In French)

39. *Sainte Bible*. Traduction nouvelle par Antoine Eugène Genoud (dit l'abbé de Genoude). Paris, Imprimerie royale, 1820–1824. (In French)

40. *La Bible*. Traduction nouvelle par Samuel Cahen. Paris, 1831–1851. (In French)

41. *Sainte Bible*. Édition bilingue hébreu et français. Paris, 1843. (In French, Hebrew)

42. *La Sainte Bible de John Nelson Darby*. À partir du grec et de l'hébreu, intégrant des manuscrits redécouverts. Paris, 1859. (In French)

43. *Sainte Bible de Jean-Jacques Bourassé et Pierre-Désiré Janvier*. Paris, 1866. (In French)

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025
Одобрена после рецензирования: 27.10.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 01 Sept. 2025
Approved after reviewing: 27 Oct. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83+83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-375-417
https://elibrary.ru/VHDGAY

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Алексей Козлов, Валерия Кириченко
Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия

«Заря» (1869–1872): история журнала и роспись содержания

© 2025. Alexey E. Kozlov, Valeriia E. Kirichenko
Institute of Philology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Zarya (1869–1872): History of the Magazine and an Index of Its Contents

Информация об авторах: Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-0016-9546
E-mail: alexeykozlov54@gmail.com
Валерия Евгеньевна Кириченко, стажер-исследователь, Институт филологии Сибирского отделения РАН, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.
https://orcid.org/0009-0008-2844-6182
E-mail: kirichenko.val@mail.ru

Благодарности: Работа выполнена в Институте филологии Сибирского отделения РАН при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-78-01115 «Институциональная история журналов “Всемирный труд” и “Заря”: репутация и прагматика критиков и беллетристов, сюжетный и тематический репертуар», https://rscf.ru/project/23-78-01115/).

Аннотация: В статье рассмотрена история периодического издания «Заря» в контексте изменений литературно-журнального поля второй половины 1860-х годов. Показано, что, объединив славянофилов «Москвитянина» и почвенников «Эпохи», «Заря» В.В. Кашпирева и Н.Н. Страхова позиционировала себя как «журнал с направлением», наследующий идеям А.А. Григорьева, М.М. и Ф.М. Достоевских. Особое внимание уделено художественным и философским произведениям, определившим репутацию издания: роману А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж», были Л.Н. Толстого «Кавказский пленник», а также философскому трактату Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». С опорой на источники личного происхождения и мемуары реконструируется редакционный быт, анализируется влияние резонансных событий и скандалов (разрыв с Н.С. Лесковым, публикация под именем Фета пасквильного стихотворения), повлиявшие на репутацию издания.

Отдельно изучаются стратегии и тактики журнала, демонстрирующие своеобразие отношений к современной литературе и общественной жизни. Рассматривается критика и публицистика Н.Н. Страхова, продолжающая серию его статей о «бедности» современной ему беллетристики. С одной стороны, Страхов демонстративно оказывал знаки внимания сотрудникам журнала, даже когда не во всем был согласен с ними. С другой, критик демонстрировал специфическое отношение к И.С. Тургеневу и И.А. Гончарову как к «отживающим в литературе явлениям». Наиболее специфичны отношения Страхова и издания к представителям русской эмиграции: В.И. Кельсиеву (одному из сотрудников «Зари») и А.И. Герцену.

В приложении к статье, подготовленном В.Е. Кириченко, представлена роспись журнала в период его издания — с 1869 по 1872 год.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Кашпирев, Достоевский, Страхов, Данилевский.

Для цитирования: *Козлов А.Е., Кириченко В.Е.* «Заря» В.В. Кашпирева (1869–1872): история журнала и роспись содержания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. С. 375–417. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-375-417

Information about the authors: Alexey E. Kozlov, PhD in Philology, Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-0016-9546

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Valeriia E. Kirichenko, Junior Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

https://orcid.org/0009-0008-2844-6182

E-mail: kirichenko.val@mail.ru

Acknowledgments: The research was carried out at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01115: “Institutional history of the magazines

World Labor and *Day Spring*: reputation and pragmatics of critics and fiction-writers, plot and thematic repertoire" (https://rscf.ru/project/23-78-01115/).

Abstract: The article examines the history of the periodical *Zarya* in the context of changes in the literary and journal field in the second half of the 1860s. It is shown that by uniting the Slavophiles of *Moskvityanin* and the "native soil" adherents of *Epoch*, Vasily Kashpirev and Nikolay Strakhov's *Zarya* positioned itself as an "ideological journal" that inherited the ideas of Apollon Grigoriev and the Dostoevsky brothers. Particular attention is paid to the "precedents texts" that shaped the magazine's reputation—Pisemsky's novel *People of the Forties*, Dostoevsky's story *The Eternal Husband*, Tolstoy's *The Prisoner of the Caucasus*, as well as Danilevsky's philosophical treatise *Russia and Europe*. Drawing on personal sources and memoirs, the article reconstructs the everyday life of the editorial staff and analyzes the influence of high-profile events and scandals (including the break with Nikolay Leskov and the publication, under Fet's name, of a libelous poem) that affected the journal's public standing. The article separately examines the strategies and tactics of the magazine that demonstrate its distinctive approach to contemporary literature and public life. Strakhov's strategies and tactics are considered, continuing his series of essays on the "poverty" of contemporary fiction. On the one hand, Strakhov demonstratively expressed signs of respect toward the journal's contributors, even when he did not fully agree with them. On the other hand, he showed a specific attitude toward Ivan Turgenev and Ivan Goncharov, viewing them as literary phenomena that had begun to outlive their relevance. Particularly notable were the positions of Strakhov and the journal toward representatives of the Russian émigré community: V.I. Kelsiev (one of *Zarya*'s contributors) and A.I. Herzen. The appendix to the article, prepared by Valeriia Kirichenko presents a complete index of the magazine's contents during the years of its publication—from 1869 to 1872.

Keywords: 19th-century Russian literature, Kashpirev, Dostoevsky, Strakhov, Danilevsky.

For citation: Kozlov, A.E., and Kirichenko, V.E. "*Zarya* (1869–1872): History of the Magazine and an Index of Its Contents." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 375–417. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-375-417

Среди журналов, увидевших свет после перелома 1866-го года[1], «Заря», издаваемая В.В. Кашпиревым, занимает особое место[2].

[1] В 1866-м году после «выстрела Каракозова» — покушения на Александра II — многие периодические издания были приостановлены или закрыты.

[2] После закрытия «Современника» и «Русского слова» их место заняли «Отечественные записки» и «Дело», заметным явлением либеральной печати стал «Вестник Европы». При этом «Литературная библиотека» (Ю.М. Богушевич), «Всемирный труд» (М.А. Хан), «Беседа» (С.А. Юрьев) и «Заря» (В.В. Кашпирев) составили периферию периодической печати. Сотрудник журнала «Дело» С.С. Окрейц так описал сложившуюся ситуацию: «Журналов и газет у нас много, а читать нечего — вот всеобщий приговор нашей журналистике за последнее время» (*Окрейц С.* Новые романы старых романистов // Дело. 1869. № 9. С. 1).

На страницах журнала появился роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), трактат Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), а чуть позже — повесть Ф.М. Достоевского «Вечный муж» (1870) и быль Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» (1872). Несмотря на очевидное значение этого периодического издания и многочисленные работы, описывающие историю и репутацию названных произведений, до настоящего времени не описана общая история журнала, а также не осуществлена роспись его содержания. Этой публикацией мы попытаемся заполнить существующую лакуну.

Журнал «Заря» издавался в Санкт-Петербурге с 1869 по 1872-й год, претендуя на роль главного славянофильского и почвенническо-го издания [Долинин, 1940], [Фридлендер, 1990], [Грибунин, Тесля, 2011], [Тоичкина, 2021], продолжающего традиции «Москвитянина», «Времени» и «Эпохи» и декларируя свою цель — консолидировать консервативные силы в одном журнале. С первых номеров, встретив сдержанные отзывы «Голоса» и «Русского вестника», редакция журнала выразила готовность к полемике, объясняя это тем, что «самое существование «Зари» для многих есть факт обидный, наводящий раздражение и беспокойство»[3]. В то же время издатели журнала противопоставили себя «Отечественным запискам», и, в отличие от А.А. Краевского, якобы отступившегося от выбранного подхода[4], обещали «никогда не изменять направления «Зари», не передавать ее людям, враждебным этому направлению; <...> избегать всего, что противно духу нашего журнала, и заботиться обо всем, что может приобрести и сохранить нам уважение наших читателей»[5]. Верность направлению стала своеобразным лейтмотивом, многократно воспроизводимым в программных статьях редакции: «С первых книжек “Зари” направление ее было ясно, и она тотчас заняла определенное положение в литературе, она оказалась органом, имеющим свое особое дело, которое, как мы твердо убеждены,

[3] Заявление от редакции // Заря. 1869. № 3. С. 200.

[4] Многие издания от либеральной «Искры» до консервативного «Русского вестника» негативно восприняли передачу «Отечественных записок» от А.А. Краевского Н.А. Некрасову. Фактически Краевский не занимался журналом, полностью сосредоточив внимание на другом периодическом издании — газете «Голос» [Волошина, 2022], [Подосокорский, 2024]. После смерти С.С. Дудышкина и закрытия «Современника» переход «Отечественных записок» в новые руки оказался взаимовыгодным.

[5] Заявление от редакции // Заря. 1869. № 4. С. 202.

всего ближе к истинным интересам русской жизни и литературы»[6]. С течением времени издатели журнала предприняли попытку уравнять литературное направление и политическую программу: «“Будущее за нами!”, — говорит в своем письме один из сотрудников “Зари”, ревностно следящий за литературой и чрезвычайно живо и глубоко сочувствующий направлению нашего журнала. И мы готовы с полною верою повторить вслед за ним: будущее за нами! Мы верим в будущность нашего литературного направления не просто потому, что всякому человеку свойственно питать веру в свои мысли, если таковые у него имеются, но и потому, что нашу веру подкрепляет всестороннее рассмотрение предмета»[7]; «Заря неустанно держала поднятый ею стяг и была между своими собратами единственным представителем идеи самостоятельного, историко-органического развития русского народного духа»[8]. Эти и подобные заявления (особенно на фоне неоднократно повторенных обещаний редакции вернуть деньги подписчикам в случае прекращения издания) воспринимались многими читателями с определенной долей недоверия, следствием чего стало постепенное сокращение числа подписчиков.

Архив «Зари», сохранившийся фрагментарно, свидетельствует о том, что ключевой фигурой издания был не В.В. Кашпирев, который, по-видимому, обеспечивал его финансовую основу[9], а Н.Н. Страхов, регулярно публиковавший свои статьи и публицистические обзоры в каждом номере издания. Именно Страхов вел переписку с А.Н. Майковым, Ф.М. Достоевским, А.Ф. Писемским, Н.Я. Данилевским, Н.Д. Ахшарумовым, В.П. Клюшниковым и Л.Н. Толстым. Экономическая модель издания, очевидно, также была заимствована у Достоевских: авторы без устоявшейся репутации получали за свои произведения 100–150 рублей серебром за авторский лист, при этом именитые писатели могли рассчитывать на удвоенную оплату своего

---

[6] От редакции // Заря. 1869. № 12. Без пагинации. Следует заметить, что в других журналах («Всемирный труд», «Литературная библиотека») декларировалось «отсутствие направления» как своеобразная внепартийность.

[7] *Страхов Н.Н.* Критика (взгляд на нынешнюю литературу) // Заря. 1870. № 1. С. 1.

[8] Объявление // Заря. 1871. № 12. С. 1. Без пагинации.

[9] По свидетельству В.Г. Авсеенко, капиталом и умением им распоряжаться обладал не Кашпирев, а его супруга — С.В. Урусова (*Авсеенко В.Г.* Кружок // Исторический вестник. 1909. № 9). Урусова занималась изданием детского журнала «Семейные вечера», активно помогала с изданием «Зари» и была вместе со своей сестрой «душой» нового славянофильского кружка.

труда. По наблюдению И.О. Капустиной, «в число сотрудников издания входили более 30 писателей и публицистов. В “Заре” печатались В.И. Ламанский, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.П. Погодин, В. Щебальский, А.Д. Градовский, Н.Н. Страхов, В. Богишич, Д.И. Иловайский, Ф.М. Достоевский, А.Ф. Писемский, В.В. Крестовский, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А. Фет, Б.Н. Алмазов, Д.В. Аверкиев, Н.Д. Ахшарумов, В.Г. Авсеенко, Н. Боев, А.Ф. Гильфердинг, В.П. Клюшников, А. Кобякова, В.И. Кельсиев, К.Н. Леонтьев, О.Ф. Миллер, А.Н. Попов, А.И. Руновский, М.И. Семевский, Л.Н. Толстой, И.П. Хрущёв, А.Н. Чаев и другие» [Капустина, 2015, с. 52]. Как и большинство редакторов, Страхов ставил на известные и зарекомендовавшие себя имена, о чем свидетельствует переписка с Толстым, Достоевским и Писемским, а также готовность выдавать авансы.

В объявлении о новом издании и первых номерах печатались фамилии сотрудников, изъявивших желание участвовать в беллетристическом и критическом отделах «Зари». Несмотря на наличие в этом реестре фамилии Н.С. Лескова, ни одно произведение автора «Соборян» там не появилось, хотя и стало раздражающим фактором как для других периодических изданий (с которыми Лесков успел испортить отношения), так и для потенциальных сотрудников (например, отказавшегося участвовать в журнале А.Н. Серова). Как писал об этом М.А. Загуляев, «мы готовы бы были приветствовать нового собрата (журнал. — *А.К.*), тем более, что он, судя по именам некоторых его сотрудников (только не г-на Лескова) будет придерживаться весьма сочувственного нам направления»[10]. Действительно, Н.С. Лесков, нуждаясь в деньгах, планировал сотрудничать с «Зарей» и получил от Кашпирева 1500 рублей задатка, однако впоследствии отказался от данных ранее обязательств[11]. Опираясь

[10] *Загуляев М.А.* Журнальные новости // Всемирный труд. 1868. 10. С. 318. См. далее: «Что г. Серов нашел неудобным работать в одном журнале с г. Лесковым, это мы совершенно понимаем, но нам интересно было бы знать, какие такие убеждения он открыл у г-на Лескова? Известную даровитость и бойкость мы в этом писателе, пожалуй, готовы признать, но убеждения… Если вы только из-за них расходитесь в “Зарею”, уважаемый А.Н. Серов, то право напрасно… расходиться из-за того, чего не существует вовсе — нельзя». Ранее Лесков по подобным мотивам разорвал сотрудничество с журналом «Всемирный труд», нелицеприятно отозвавшись о его сотрудниках и тем самым настроив против себя редакцию.

[11] Формальной причиной отказа стал непогашенный вексель М.М. Достоевского, по которому Лесков должен был получить гонорар за «Леди Макбет Мценского уезда». В то же время не исключено, что причиной отказа стали сравнительно

на книгу А.Н. Лескова, И.З. Серман восстанавливает хронологию событий: «8 августа 1868 года “Божедомы” были отданы Лесковым В.В. Кашпиреву для журнала “Заря”, который должен был начать выходить в 1869 году. Вскоре между автором и издателем начинаются недоразумения, оканчивающиеся судебным процессом в Петербургском окружном суде. Кашпирев предъявляет иск в 1800 рублей. Поверенный Лескова, орловский его приятель Н.М. Фумели, подает встречный в 700 рублей. 12 августа 1869 года Петербургский окружной суд, заслушав стороны, отказывает обоим в их исках и возлагает судебные по ведению дела издержки на обоих поровну» [Серман, 1957, с. 522]. Лесков не замедлил отразить «несправедливость» этого процесса на страницах «Биржевых ведомостей» и продолжал конфликтовать с журналом в «Литературной библиотеке».

Вторым недоразумением стала публикация стихотворения «Дикарка» под именем А.А. Фета [Ипатова, 2015]. Конкурирующее издание «Всемирный труд» так описало это коллизию: «В области нашей журналистики произошел довольно крупный скандал весьма комического свойства. В журнале “Заря” в февральской книжке появилось стихотворение под заглавием “Дикарка” за подписью г. Фета. Стихи до крайности плохи и в довершение всего в них не оказалось даже размера. Но “Заря”, очевидно, позарилась на громкое имя и украсила свои страницы присланной ей дребеденью. Что же оказалось? Присланное стихотворение было акростих, и начальные буквы целого стиха составляли следующую фразу: «Заря Кашпирева умирает»[12]. Редакция принесла извинения за публикацию непроверенного текста: «В некоторых экземплярах “Зари” № 2 на стр. 6-й напечатано стихотворение “Дикарка” за подписью А. Фета. Считаем долгом объявить читателям, что мы были обмануты, что это стихотворение не принадлежит г. Фету (в чем мы теперь удостоверены и письмом нашего почтенного поэта); кем написано стихотворение, нам неизвестно, но оно было прислано нам при письме, подписанном Фет и оказавшимся фальшивым»[13]. Несмотря на то, что Страхов подозревал в этой «проделке» Н.С. Лескова, вскоре выяснилось, что авторство этого текста принадлежит В.П. Буренину или другим

небольшие деньги: Кашпирев предлагал 100 рублей за лист, в то время как М.Н. Катков опубликовал «Соборян» за 150 рублей за лист.

[12] *Загуляев М.А.* Литературный скандал // Всемирный труд, 1869, 2. С. 167. Правильнее: З**О**РЯ КАШПИРЕВА УМИРАЕТ.

[13] Заявление от редакции // Заря. 1869. № 3. С. 200.

участникам «Искры» — «разным г. Z, О — и т.п. господам, которых не всякий журнал и заводит... из чистоплотности»[14].

С первого номера облик журнала определили два произведения: роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» и трактат Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Оба произведения публиковались в течение года небольшими фрагментами, тем самым приобретая сериальный характер. «Люди сороковых годов», ориентированные на манеру диккенсовского Bildungsroman, по замечанию самого Писемского, должны были «поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны русского человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о том же самом приходится говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу его статей» [Писемский, 1936, с. 234]. В этом контексте роман, сосредоточенный на идентичности прогрессивного писателя, чьи взгляды и убеждения сформировались вдали от Петербурга под влиянием Московского университета, несмотря на позднейшие расхождения Писемского и Страхова, отвечал взглядам и убеждениям редакции [Могилянский, 1959], [Тимашова, 1991]. Однако полученный редакцией за 12,000 рублей роман вызвал сдержанные отзывы критики: «Г-н Писемский при всех своих способностях далеко не мыслитель, и претензия его рисовать широкие, всероссийские картины вовсе не соответствует его силе анализа и способности понимать верно исторический смысл явлений»[15], — писал Н.В. Шелгунов. В своей критической статье он отметил несоответствие выбранных

---

[14] Юбилей Санкт-Петербургского университета и «Вестник Европы» // Заря. 1869. № 3. С. 191.

[15] *Шелгунов Н.В.* Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 3. См. далее: «Г-н Писемский же маляр, хотя искусный, а все-таки маляр, немедленно стушевывающийся, когда приходится рисовать живых людей с печатью мысли и чувства на лице. “Разговоры в этих случаях происходили между ними самые задушевные” — вот и догадывайтесь, что это значит! Ведь теорию такого авторского лаконизма, рассчитанного на сообразительность читателя, можно довести до истинно гениальной краткости. Я предполагаю такой случай. Редакция “Зари” получает пакет с надписью: “От Писемского”. Трепещущими от восторга и умиления руками г. Кашпирев срывает печать, извлекает лист белой бумаги и читает:

“Люди сороковых годов”. Роман.

. . . . . .

А. Писемский.

И только. Конечно, за такой роман тысяч пять не дадут; но зато какое поле деятельности для сообразительности читателя! Г-н Писемский, будьте гениальны, — пожалуйста, пишите только подобные романы!».

писателем провинциальных типов напряженному периоду интеллектуальных поисков 1840-х годов. Порицая «утонувшего в тине “Взбаламученного моря”» и «дописавшегося до “Зари” Писемского, С.С. Окрейц отреагировал на произведение более жестко: “Люди сороковых годов, вероятно, сочинялись г. Писемским не более сорока дней. Весь роман дает чувствовать, что это работа вялого поденного труда, писанная в виду векселей г. Кашпирева и без всякого искреннего участия автора в своем произведении. Все в нем перепутано и насильственно сделано”»[16].

«Россия и Европа», публиковавшаяся в течение первого журнального года, определила идеологическую платформу журнала, став едва ли не самым важным произведением, опубликованным за первый год существования издания. Название трактата при этом объяснялось критиками по-разному, часто в контексте завуалированной полемики с А.И. Герценом. В отличие от автора «Истории революционных идей в России», Европа подавалась Данилевским в продолжение славянофильских идей как «увядающая», переживающая процесс долговременного распада цивилизация, противопоставленная нарождающейся цивилизации славянской. Отдельное внимание уделялось объединению Германии и росту ее экономического благосостояния. Данилевский, предрекший неизбежность большой войны (через год началась Франко-прусская война), воспринимался в редакции как пророк. Это дало основание Страхову прибегнуть к необычному сравнению. Критикуя «высокомерные, наивно-дерзкие отзывы о таких произведениях как “Война и мир” и “Россия и Европа”»[17], Страхов фактически ставил знак равенства между двумя этими текстами: «Посмотрите, дорогие читатели, какие безобразия совершаются в нашей литературе. Явилось великое произведение гр. Л.Н. Толстого “Война и мир”. Вместо хора похвал и восторгов литература встретила его сперва угрюмым молчанием, а потом раздались недоброжелательные, презрительные, злобные, но главное — бестолковые и легкомысленные выходки. Появилось веское и многосодержательное произведение “Россия и Европа”,

[16] *Окрейц С.С.* Журналистика 1869-го года. Новые романы старых романистов // Дело. 1869. № 9. С. 75.

[17] *Страхов Н.Н.* Обрыв (критика) // Заря. 1869. № 11. С. 173.

результат весьма подобный: тоже молчание, тоже недоброжелательство и легкомыслие»[18].

Таким образом, Страхов делал журнал Кашпирева как бы сопричастным центральному событию литературной эпохи, одновременно устанавливая тождество между философской публицистикой Данилевского и художественной прозой Толстого [Козлов, 2024]. В то же время «сериализация» двух произведений: романа Писемского и статьи Данилевского, наряду с неровностью публикаций, вызвала у некоторых читателей вопросы. Так, обозреватель журнала «Всемирный труд» М.А. Загуляев заметил: «первый его выпуск оказался крайне неудачным. Законченных статей в нем очень мало, литературная часть бедна, а остальные отделы крайне сухи. При таком дебюте “Заря” вряд ли может рассчитывать на успех»[19]. Указывая на тяжеловесность статьи Данилевского, В.Г. Авсеенко писал: «это была книга, а не журнальная статья, и она до крайности засушила весь первый год “Зари”; но зато, бесспорно, сразу же резко очертила направление журнала»[20].

О бедности литературной части писал и Ф.М. Достоевский, в целом сочувственно отнесшийся к новому изданию [Фридлендер, 1990], [Тоичкина, 2021]: «Листы романа Писемского (то есть самые дорогие ценой издателю, — это все поймут) напечатаны так растянуто, то есть таким крупным шрифтом, что я даже и не видывал такого. Статья Данилевского, из капитальных по разъяснению мысли журнала, печатается скупо, то есть слишком помаленьку; дурной эффект обнаружится впоследствии. Если в ней 20 глав, то, по моему мнению, надо бы напечатать всю статью в 4-х, много, в 5-ти книгах; нужды нет, что выйдет помногу; журнал заявляет, стало быть, что это его статья капитальная. А то, печатаясь как теперь, статья растянется нумеров на 10 или на все 12, — так сказать, примозолится публике; видя всё ее да ее, публика потеряет к ней как бы уважение» [Достоевский, 1972–1990, т. 291, с. 17]. В том же письме он писал о потребности журнала в публицистике и фельетонах.

Сам Достоевский, чье имя из-за недоразумений и проволочек не было указано среди сотрудников в объявлении о новом издании, рассматривал «Зарю» как «предприятие <...> серьезное и прекрасное» [Достоевский, 1972–1990, т. 291, с. 365]. Заняв позицию наблюдателя и подписчика, он неоднократно писал Н.Н. Страхову и А.Н. Майкову[21] о

[18] *Страхов Н.Н.* Обрыв (критика) // Заря. 1869. № 11. С. 173.

[19] *Загуляев М.А.* Новые издания. Заря // Всемирный труд. 1869. № 2. С. 172.

[20] *Авсеенко В.Г.* Кружок // Исторический вестник. 1909. № 9. С. 445.

[21] К Кашпиреву Достоевский обратился единожды в несохранившемся письме

необходимости издавать журнал вовремя — вероятно, здесь отразился собственный негативный опыт Достоевского как издателя «Эпохи» в 1865-м году: «Кстати: не будет ли какой возможности сказать Кашпиреву наконец настоятельно, чтоб прислал мне “Зарю”! Сентябрьский номер у них вышел 8-го октября, а теперь 27-го, а я всё не получаю! Ведь я считаю себя подписчиком, я объявил это и заплачу деньги. Воображаю, что терпят у них иногородние подписчики! Нет, так журнал издавать невозможно. Будь у них одни Пушкины и Гоголи в сотрудниках, и тогда журнал лопнет при неаккуратности. Сами себя бьют. Краевский взял аккуратностию и рациональным ведением дела в коммерческом отношении» [Достоевский, 1972–1990, т. 291, с. 438].

Нуждаясь в деньгах в связи с невозможностью быстрого выпуска романа «Идиота» отдельным изданием[22], Достоевский полагал поправить обстоятельства, опубликовав в «Заре» небольшой рассказ или повесть «величиною в “Бедных людей” или в 10 печатных листов» [Достоевский, 1972–1990, т. 291, с. 20]. Однако затянувшиеся переговоры с Майковым и Страховым сделали возможным начать работу только в конце 1869-го года и предоставить произведение к 1870-му. Вопреки ожиданиям Страхова, «Вечный муж» был воспринят критикой и читателями как шаг назад [Фридлендер, 1990].

В то же время такие «капитальные вещи» как «Люди сороковых годов» были не частыми явлениями, мало характерными для «Зари». Представление о беллетристике журнала позволяют составить романы «Цыгане» В.П. Клюшникова[23], «У реки»[24] В.Г. Авсеенко,

по поводу публикации «Вечного мужа», чаще предпочитая «передавать» ему свои просьбы, пожелания и рекомендации.

[22] Из-за болезни Достоевского последняя часть романа не была опубликована в 12-м номере «Русского вестника» и рассылалась подписчикам отдельно.

[23] Сомнительная репутация Клюшникова сложилась еще во время его работы в «Русском вестнике». Цитируя данную Д.И. Писаревым оценку романа «Марево», С.С. Окрейц писал о «Цыганах»: «В самом деле такой белиберды такой безнадежной и бесталанной вещи еще никто не печатал даже у скромного Хана в его Труде («Всемирный труд». — *А.К.*). Г. Клюшников, воспользовавшись невинностию младенца в литературе г. Кашпирева, не поцеремонился и перешел всякую меру и границу. В “Цыганах” столько же литературного таланта, сколько его было у известного блаженной памяти серобумажного романиста Кузьмичева. Это что-то такое крайне непозволительное, о чем можно говорить не иначе, как употребляя оборот речи покойного Писарева *с позволения сказать* Клюшников, *с позволения сказать роман* «Цыгане» (*Окрейц С.С.* Журналистика 1869-го года. Новые романы старых романистов // Дело. 1869. № 9. С. 70).

[24] Произведение Авсеенко было отклонено редакцией «Отечественных записок»

«Мандарин»[25] Н.Д. Ахшарумова, и др. Как бы то ни было, декларируя славянофильство в качестве эстетической и теоретической платформы, «Заря» во многом не могла обеспечить беллетристический отдел текстами соответствующего содержания. Такое положение дел также находит отражение и в оценках Достоевского, пожаловавшегося на «серенькое впечатление»: «Для меня “Заря” — явление отрадное и необходимое. И что за манеру взяли они публиковать заранее об всякой вещице, которая у них будет напечатана! “В следующей книжке начнется роман «Цыгане»”, и это появится раза два, на заглавном листе, заглавными буквами. Журнал, который с самого первого номера, в направлении своем и в критике, стал на самый высокий тон, — тот журнал не может так торжественно извещать об “Цыганах” без того, чтоб “Цыгане” не были произведение, равное по силе “Мертвым душам”, “Дворянскому гнезду”, “Обломову”, “Войне и миру”. А между тем роман “Цыгане” хоть и не без достоинств, но вовсе уж не “Мертвые души”. Всякий подписчик накидывается на возвещенных “Цыган” с жадностию и говорит потом: “Э, так вот они чему обрадовались, значит, тонко!”. Таким образом и журналу вредят, и роману вредят» [Достоевский, 1972–1990, т. 291, с. 106].

Квинтэссенцией редакционной политики, отражающей «ставку на имя», становится публикация были Толстого «Кавказский пленник» в 1872-м году. Несмотря на положительную оценку журнала, Толстой, увлеченный работой над «Азбукой» и книгами для чтения не

(по-видимому, М.Е. Салтыковым-Щедриным). Сам Авсеенко впоследствии называл свою вещь незрелой.

[25] О последнем романе Н.В. Шелгунов писал в статье «Превращение мошек в букашек и ее героев»: «Не знаю, был ли в русской литературе роман более бездарный, чем “Мандарин” г. Ахшарумова. Какая цель таких романов? Для кого они пишутся? Кто читает? Должно быть, кто-нибудь их читает, для кого-нибудь они пишутся и имеют какую-нибудь цель — иначе они не являлись бы в печати» (*Шелгунов Н.* Превращение мошек и букашек в героев // Дело. 1871. № 2. С. 2). Более сдержанно на публикацию отреагировал Салтыков-Щедрин: «С точки зрения вышесказанного, мы можем лишь сочувственно отнестись к попытке г. Ахшарумова изобразить одну из тех личностей, которые сделали себе ремеслом мелкое хищничество. Выбор такой задачи делает величайшую честь автору, хотя выполнение ее заставляет желать очень многого. В особенности, роману вредит его непомерная растянутость, привлечение множества вводных лиц, почти совершенно бесполезных для ясности задачи, а также некоторая несмелость в изображении существенных черт главных действующих лиц. Но и за то уже следует благодарить автора, что он угадал настоящую язву, точащую общество, и сделал почин к ее раскрытию» [Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 406]. Литературным событием роман не стал.

стремился к сотрудничеству с «Зарей». По реконструкции В.С. Спиридонова, «Дата написания «Кавказского пленника» определяется довольно точно. 11 марта 1872 года Страхов, отвечая Толстому на его просьбу освободить его от данного им обещания написать рассказ для журнала «Заря», пишет, что издатель «Зари», Кашпирев возражает против этого[26]. Страхов добавляет: «Покоритесь судьбе и пришлите ваш рассказ об охоте» [Спиридонов, 1957, с. 662]. В ответ, как известно, Толстой прислал 22 марта подготовленный им для Азбуки текст и свое письмо, ставшее своеобразным манифестом новой литературной манеры:

> Я изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. <...> Народность славянофилов и народность настоящая две вещи столь же разные, как эфир серный и эфир всемирный, источник тепла и света. Я ненавижу все эти *хоровые начала* и *строи жизни* и *общины* и *братьев славян*, каких-то выдуманных, а просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и всё это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем.

---

[26] Страхов, провозгласивший Толстого «равным Шекспиру», писал: «Пушкины или Львы Толстые — безопасны от всяких направлений и твердо идут своею дорогою, которая оказывается прямее, новее и шире всех современных им направлений» (*Страхов Н.Н.* Критика. Полонский и Некрасов // Заря. 1870. № 9. С. 145). Такая оценка вызвала иронический отклик Д.Д. Минаева — драматическую сцену, в которой тень Аполлона Григорьева беседует с модным критиком:

Поврежденный критик (бредит)
Да, гений он!..
Тень Аполлона Григорьева
Постой, постой!..
Кто — Бенедиктов?
Критик
Лев Толстой!..
Он самый первый гений мира.
В «Заре» пишу я круглый год,
Что с Ахшарумовым Шекспира
Он просто за пояс заткнёт.
Некто
Ты покраснел, я вижу… Дело!
Болтать нельзя, без краски, зря.
А, впрочем, пообдумав зрело:
На то и на небе заря,
Чтобы всегда она краснела (Застольные беседы отставного майора Михаила Бурбонова. Беседа вторая // Искра. 1870. № 21. С. 716).

<...>

Я знаю, что меня будут ругать, боюсь, что и вы. Пожалуйста ругайте смелее. Я вам верю, и потому ваши ругательства мне в пользу будут. Не говорю, чтоб я послушался, но они лягут тяжело на весах [Толстой, 1984, с. 708].

Толстой не ошибся: Страхов враждебно относился к новой манере, в которой Толстой начал писать свои книги для чтения. В этом контексте его письмо, манифестирующее «новую школу» имеет такой же полемический смысл, как и знаменитая статья «Кому у кого учиться писать», опубликованная ранее в «Ясной поляне» и задевшая редакцию «Современника» [Эйхенбаум, 2009]. Симптоматично, что, декларируя возвращение к истокам и народности, Страхов, в отличие от Толстого и Достоевского[27], не готов был принять эту стихию в литературе. Таким образом, сделанная «ставка» на зарекомендовавшее себя имя Толстого не смогла себя оправдать.

В публицистическом отделе тон также задавали статьи Н.Н. Страхова, продолжавшие мысли, выраженные в его статьях о «бедности русской литературы». При этом Страхов следовал своеобразному этикету: несмотря на сдержанную оценку романа Достоевского «Идиот», он счел правильным не отзываться на это произведение, и тем самым «заполучил» автора в журнал. В тот момент, когда позиция Страхова разошлась с точкой зрения Писемского, он ограничился частной перепиской, предпочитая погасить конфликт и не переносить его в публичную сферу [Могилянский, 1959]. Одновременно, следуя программе, намеченной во «Времени» и «Эпохе» [Нечаева, 1972], [Нечаева, 1975], Страхов усилил давление на писателей, чьи произведения не появлялись в «Заре». Объектом его критики стали произведения М.В. Авдеева, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и Ф.М. Решетникова. Если Авдеев и Решетников, с точки зрения редакции, порождали литературные суррогаты[28],

[27] Отзываясь на статью Страхова о поздних произведениях Тургенева, Достоевский писал: «А знаете — ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. *Нового слова*, заменяющего помещичье, еще не было, да и некогда. (Решетниковы ничего не сказали. Но все-таки Решетниковы выражают мысль необходимости чего-то нового в художническом слове, уже *не помещичьего*, — хотя и выражают в безобразном виде» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 216].

[28] «Интерес, который имеют для критики подражания этого рода, заключается главным образом в искажении, которому при этом подвергаются мысли и взгляды,

критика признанных при жизни Тургенева и Гончарова требовала большей энергии и изобретательности. Страхов, следуя методу А.А. Григорьева, отнесшего Д.В. Григоровича к «отживающим» явлениям[29], отказывал авторам «Дыма» и «Обрыва» в оригинальности и своевременности. «Скажем в заключение, что г. Гончаров как первоклассный художник — есть по нашему мнению крупная ошибка русской критики (хотя и не всей). Г. Гончаров — художник из второстепенных»[30]; «Тургенев утратил прежнюю творческую силу»[31]. В последнем, многократно повторенном утверждении Страхов с удовлетворением ставил диагноз русскому европеизму [Фатеев, 2021]: «Заметим одно: г. Тургенев, конечно, есть западник. Его скептицизм есть, конечно, одна из форм западничества — весьма поучительная форма, так как она ясно носит на себе следы болезненности, непременно присущей этому направлению»[32].

В то же время, несмотря на подобные оценки западничества, редакция «Зари» продемонстрировала интерес к интеллектуальному наследию А.И. Герцена. В 1869-м году, как известно, был пущен слух о намерении Герцена вернуться в Россию[33]. Пришедшее вслед за тем

составляющие предмет подражания. Подражатели всегда портят дело своих образцов; они особенно жадно усваивают себе их слабые стороны; они опошляют ту идею, которую берутся защищать; они низводят ее до того уровня, на котором стоят сами» (Страхов Н.Н. Критика («Подводный камень» и «Магдалина» М.В. Авдеева») // Заря. 1869. № 4. С. 105).

[29] *Григорьев А.* Отживающие в литературе явления. Prolegomena. Григорович // Эпоха. 1864. № 7.

[30] *Страхов Н.Н.* Обрыв (критика) // Заря. 1869. № 11. С. 139.

[31] *Страхов Н.Н.* Критика. Последние произведения Тургенева (призраки, Стук-стук-стук) // Заря. 1871. № 1. С. 1.

[32] *Страхов Н.Н.* Критические заметки о текущей литературе («Воспоминания» И.С. Тургенева. Споры о Белинском. «За Тургенева», письмо Н. Косицы в редакцию «Зари») // Заря. 1869. № 9. С. Заметим, что такие же оценки сформировались и в радикальном лагере: «Но печальную тризну отпраздновал г. Писемский и убого похоронил свой собственный талант. Та же печальная участь постигла г. Гончарова и г. Тургенева. Люди идеи, они пережили свою идею, и нового слова у них нет, и сказать им больше нечего. Те, кто живет задами, могут еще долго восхищаться “Рудиным”, “Дворянским гнездом”, “Обломовым”, “Обыкновенной историей”, “Тюфяком”, но этим любителям исторических памятников никто не мешает восхищаться “Бедной Лизой”, “Юрием Милославским”, “Последним Новиком” и даже “Таинственным монахом” г. Зотова. Сохранившиеся в живых писатели предыдущей эпохи, тоже покойники, хотя они и живы (*Шелгунов Н.В.* Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 3).

[33] Примером стало возвращение из эмиграции В.И. Кельсиева, сдавшегося

известие о смерти Герцена вызвало отклики М.П. Погодина (до этого помещавшего в «Заре» статьи историографического характера) и Н.Н. Страхова. По утверждению И.О. Капустиной, Погодин был впечатлен встречей с Герценом, «которая произошла в Монтрё, на западе Швейцарии. Герцен чрезвычайно обрадовался старому знакомому и поблагодарил, что Погодин подошел к нему» [Капустина, 2015, с. 57]. Страхов, обращаясь к политическим взглядам Герцена, в то же время делал акцент на его литературной деятельности: «Как писатель Герцен несравненно счастливее; это одно из самых крупных имен нашей литературы, и было бы великим ее украшением, если бы он мог удовольствоваться этого рода деятельностью»[34]; «Лучшая его книга “С того берега” прошла бесследно для умов, хотя была затаскана и истрепана руками бесчисленных почитателей»[35], «Сравнительно легко писать о таких крупных и ясных явлениях как Герцен, где можно коснуться, по мере сил, важных и разнообразных вопросов, бывших предметом общего внимания и долгих толков»[36]. Содержание статей позволяет увидеть в обращении к Герцену идеологическую задачу: в нем Страхов видел своеобразного «блудного сына», будущего славянофила, который, «отравившись Европой», вернется в Россию с новым знанием: «Это первый наш западник, отчаявшийся в западе, и, следовательно, потерявший всякую руководящую нить, человек, обратившийся к Западу за мудростью, за нравственным идеалом, и после долгих и усердных исканий убедившийся, что Запад ничего прочного дать ему не может»[37]; «Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила,

российским властям и заслужившего прощение. Кельсиев, который, с большой вероятностью, и рассказал о предполагаемом намерении Герцена, сотрудничал с «Зарей», помещая туда свои этнографические очерки и мемуары. В своих мемуарах Кельсиев писал: «До сих пор в Лондоне было только три эмигранта: Герцен, Огарев и Вы, а сегодня четвертый прибавился.

Мне стало в одно время и весело, и досадно: весело потому, что все-таки нашего полку прибыло — все-таки новый русский человек будет с нами, а в Лондоне русский человек такая редкость, с другой, стало досадно, что еще один наш русский вышел на эту страшную дорогу, на распутье которой написано

Lasciate ogni speranza

Voi ch’entrate» (Кельсиев В.Я. Из рассказов об эмигрантах // Заря. 1869. № 3. С. 76).

[34] *Страхов Н.Н.* Критика. Герцен. Кто виноват // Заря. 1870. № 3. С. 93.

[35] *Страхов Н.Н.* Герцен // Заря. 1870. № 4. С. 73.

[36] *Страхов Н.Н.* Критика. Полонский и Некрасов // Заря. 1870. № 9. С. 128.

[37] *Страхов Н.Н.* Герцен // Заря. 1870. № 4. С. 100.

а во многих отношениях оказался истинно русским человеком»[38]. Не лишено интереса и то, что Страхов в связи с Франко-прусской войной называл Герцена пророком, сравнивая таким образом persona non grata с Данилевским как интеллектуальным лидером «Зари».

Несмотря на общие усилия, журнал стремительно терял подписчиков: в первые 2 года их число составляло 2500 человек, а последние номера выписывали не более 500 [Рейтблат, 2009]. Часть читателей предпочла «Гражданин», другая вернулась к «Русскому вестнику». Отток читателей среди прочего объясняется редакционным «голодом»: с 1871-го Достоевский и Писемский продолжили сотрудничество с М.Н. Катковым, Н.Д. Ахшарумов отдал свой следующий роман в «Отечественные записки», В.П. Клюшников вошел в редакцию иллюстрированного еженедельника «Нива». По свидетельству дебютировавшего в журнале В.Г. Авсеенко, позднее снискавшего славу ретрограда, «дела “Зари” шли на убыль. Не помогли ни твердая постановка славянской программы, ни бесконечные “Люди сороковых годов” Писемского, ни слабенький роман Достоевского “Вечный муж”, ни умненькие статейки Страхова. Уныние все более овладевало кружком, хорошо помнившим, как недогадливая редакция напечатала стихотворение В.П. Буренина с коварным акростихом <...>. Это стихотворение, злодейски подписанное именем Фета, прозвучало, как похоронный колокол» [39]. Безусловно, в этой иронической оценке реальная ситуация доведена до абсурда, однако она все же свидетельствует о мнениях и вкусах читательской среды. В том же очерке Авсеенко обращается к характеристике редакционного быта: «Но по совести должен сказать, что эти почтенные люди, вполне заслуживающие уважения и сочувствия страдали одним коренным недостатком: они были скучны. Не сами по себе, а по какой-то обязательной манере думать и разговаривать, которой они подчинялись, как только сходились вместе. Скука была чем-то вроде вицмундира, который очень милые и интересные люди напяливали на себя, отправляясь на редакционный вечер. И собравшись в вицмундирах, они сразу закисали»[40]. Еще более категорично общество «Зари» оценил журнал-конкурент «Всемирный труд», назвавший кружок Страхова «мрачным сонмищем», что с большой

[38] *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена // Заря. 1870. № 12. С. 234.

[39] *Авсеенко В.Г.* Кружок // Исторический вестник. 1909. № 9. С. 141.

[40] *Авсеенко В.Г.* Кружок // Исторический вестник. 1909. № 9. С. 139.

вероятностью отсылает к литературно-критической борьбе первой трети XIX века: «Заря» одна открыла свои страницы и радушно приютила «“сирых и убогих” рыцарей мрачного сонмища»[41].

Таким образом, и на уровне беллетристики, и публицистики, и философского влияния «Заря» не смогла повторить успех «Москвитянина», пройдя весьма короткий путь, подобно журналам «Всемирный труд» и «Литературная библиотека». При этом ключевые произведения, появившиеся на страницах «Зари», благодаря «сильным именам» своих создателей, приобрели в дальнейшем независимую репутацию, практически не связанную с редакционной деятельностью В.В. Кашпирева и Н.Н. Страхова.

Роспись содержания журнала «Заря»

Подготовка росписи содержания журнала «Заря» позволяет сделать вывод о возникающих проблемах с пагинацией. Для крупных произведений: повестей и романов, печатаемых в 1869-м году, издатель пытался соблюдать принцип сквозной пагинации. Для переводных произведений и исторических материалов пагинация, как правило, не использовалась.

Впоследствии этот подход изменился: были введены отделы: беллетристический, научный (материалы по истории религии и культуры), критика и библиография. Для каждого раздела стала использоваться своя пагинация.

Большая часть псевдонимов без оговорок была восстановлена по «Словарю псевдонимов» И.Ф. Масанова. В тех случаях, когда псевдоним не поддавался расшифровке, сохранялось его оригинальное написание.

[41] *Окрейц С.С.* Хроника внутренних событий // Всемирный труд. 1872. № 4. С. 8.

Заря, 1869, № 1

Майков А.Н. Я люблю — перед иконой 1

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 1–166

Б.п. Цветики (стихотворение) 167

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 1–53

Боев Н. Родина. Лесная пустыня (стихотворения) 54–56

Градовский А.Д. Политические теории XIX века. Бенжамен Констан 57–116

Страхов Н.Н. Война и мир. Соч. гр. Л.Н. Толстого 117–152

Ренненкампф Н.К. Юридическая догматика, соч. М. Капустина 153–168

Н.Л. А-в. Театральные заметки 169–180

Из современной хроники 181

Праздничная повесть Чарльза Диккенса

Заря, 1869, № 2

Майков А. Сабля царя Вукашина (из сербских народных песен) 1–5

Дикарка (стихотворение) 6

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 1–117

Б.п. Мотив Гейне (стихотворение) 118

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 1–87

Ф. Нет в отчизне моей красоты 88

Б.п. Русская община перед судом г. Шедо-Ферроти 1

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 51–91

Несколько слов о поземельном устройстве крестьян в Юго-западном крае 92–98

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 99–146

Миллер О.Ф. Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром (по вопросу о русских былинах, с заметкой для «Вестника Европы») 147–206

Страхов Н.Н. Война и мир. Соч. гр. Л.Н. Толстого 207–252

Л.Н. А-в. Театральные заметки 253–265

Из современной хроники 265

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман) 1

Заря, 1869, № 3

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 119–197

Аверкиев Д.В. Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничьей, Нардын Нащокина, дочери Аннушке 1–129

Аверкиев Д.В. Муж да жена (из Гете) 130–131

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 39–82

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 1–75

Кельсиев В.И. Из рассказов об эмигрантах 76–99

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 100–127

Градовский А.Д. Политические теории XIX столетия. Бенжамен Констан 128–176

Ренненкампф Н.К. О современной обработке «Сравнительного правоведения» 177–190

Б.п. Юбилей Санкт-Петербургского университета и «Вестник Европы» 191–190

Б.п. Литературная новость 199–200

Заявление от редакции 201–206

Страхов Н.Н. Война и мир. Соч. гр. Л.Н. Толстого 207–252

Л.Н. А-в. Театральные заметки 253–264

Из современной хроники 265–270

Заря, 1869, № 4

Крестовский В. Буянов — мой сосед (из очерков кавалерийской жизни) 1–24

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 1–90

Аверкиев Д.В. Песни о старых богах (стихотворение) 1–13

Боев Н. Годовщина (стихотворение) 14

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 83–121

Градовский А.Д. Политические теории XIX столетия 1–52

Семевский М.И. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату 53–92

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 93–103

Страхов Н.Н. Критика («Подводный камень» и «Магдалина» М.В. Авдеева») 104–127

Из современной хроники 128

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 5

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 91–190

Майков А.Н. О святых московских митрополитах Петре и Алексее и о славном Мамаевом побоище 1–18

Щербина Н.Ф. Юношам-членам Славянского комитета (стихотворение 25 марта 1869 года) 19

Боев Н. Отрывок (стихотворение) 20

[Данилевский Г.П.] В память Н.Ф. Щербины (Читано в Славянском комитете 27 апреля) 21–26

Семевский М.И. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату 1–30

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 31–51

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 51–98

Б.п. Ирландия 99–132

Модзалевский К. Август Шлейхер 133-150

Страхов Н.Н. Критика («Материалы для характеристики современной русской литературы» М.А. Антоновича и Ю.Г. Жуковского; «Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского» Ив. Рождественского) 151–182

Заря, 1869, № 6

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 1–102

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 1–33

Гр. Г.К. Стихотворение 34

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 1–19

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 20–101

Б.п. Ирландия 102–132

Кельсиев В.И. Критика (Раскольники и острожники Ф.В. Ливанова) 133–158

Библиография 159–169

Из современной хроники. Новое городское положение 170–184

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

А-в Л.Н. Театральные заметки 183–193

Из современной хроники. Новое городское положение 194–204

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 7

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 103–205

Страхов Н. Н. Крымские сонеты Мицкевича (перевод) 1–5

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 35–78

М. Николай Александрович Бестужев (биографический очерк) 1–57

Миллер О.Ф. Критика (стихотворения Хомякова со стороны их руководящих мыслей) 134–144

Критические заметки о текущей литературе («Русский вестник» о статье «Россия и Европа». Биография Грановского, написанная Станкевичем) 145–179

Библиография 180–181

Из современной хроники. О введении ипотечной системы 182–184

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 8

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 1–74

Боев Н. На Женевском озере 1–2

Майков А. Из рассказов о русской истории 1–53

Щербина Н.Ф. Посмертные стихотворения 1

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 1–67

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 68–111

М. Бунт ополчения в 1812 году 112–151

Б.п. Будет ли весь земной шар англосаксонским 152–192

Библиография 193–198

Из современной хроники. О введении ипотечной системы 199–205

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 9

Тютчев Ф.И. Андрею Николаевичу Муравьеву (стихотворение) 1–2

Писемский А.Ф. Люди сороковых годов (роман в пяти частях) 75–157

Крестовский В.В. Ворон (литовская стихотв. сказка) 1–3

Б.п. Не было печали, да черти накачали! 1–25

Боев Н. Два стихотворения 1–3

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 1–67

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 68–101

Б.п. Бунт военных поселян в 1831 году (рассказ очевидца, командира поселенной роты) 102–152

Б.п. Будет ли весь земной шар англосаксонским 153–190

Критика (сочинения Ф.М. Решетникова) 191–206

Критические заметки о текущей литературе («Воспоминания» И.С. Тургенева. Споры о Белинском. «За Тургенева», письмо Н. Косицы в редакцию «Зари») 207–232

Библиография 233–237

Список иностранных изданий, относящихся к России 238

Опечатки 266

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 10

Майков А.Н. Стихотворение 1

Боев Н. Болгарская песня (из Мориса Гартмана) 2

Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы 1–30

Аверкиев Д.В. Коринфская невеста (Из Гете) 1–8

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 1–32

Боев Н. Заметки из путевой книжки 1–53

Данилевский Н.Я. Россия и Европа 54–136

Щеглов Д.Ф. Роберт Оуэн 137–190

Б.п. Будет ли весь земной шар англосаксонским 191–236

А. В-р. Сен-Мор (из записок военного) 237–245

Критика (Сочинения Марка Вовчка) 246–268

Клюшников В.П. Выставка художественных произведений в Императорской академии художеств 269–279

Объявление 280

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1869, № 11

Аксаков С.Т. Стихотворение (посвящается А.Н. Майкову)[42] 1–4

Леонтьев К.Н. Хамид и Маноли (рассказ) 4–28

Боев Н. Стихотворение 29

Бабиков К.И. Штабс-капитан Бубенцов и девица Плисова 30–72

Майков А.Н. Заметки и мгновения 73–76

Авсеенко В.Г. У реки 77–107

Кельсиев В.И. Святорусские двоеверы 1–36

Боев Н. Заметки из путевой книжки 37–63

Б.п. Балканы 64–94

А-ов. А.Н. Критика («Обрыв» И.А. Гончарова) 95–140

Погодин М.П. Два слова об архиепископе Вассиане и о славянском съезде 1867 года 141–149

Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе 150–167

Критические заметки о текущей литературе (О статье «Россия и Европа») 168–178

Клюшников В.П. Выставка художественных произведений в Императорской академии художеств 179–184

[42] Стихотворение 1857-го года.

Заря, 1869, № 12

Боев Н. Первый снег (рассказ) 3–25

Кобякова А. В деревне (очерк) 26–101

Б.п. Стихотворения 102–104

Майков А.Н. Полдень (стихотворение) 105

Клюшников В.П. Цыгане (роман в трех частях) 33–60

Страхов Н.Н. Крымские сонеты Мицкевича (перевод) 1–4

Д.Щ. Иоанн Гусс и его значение для славянства 1–15

Боев Н. Заметки из путевой книжки 16–44

Бильбасов В. Открытия в Испанской истории 45–117

Косица [Страхов Н.] Еще за Тургенева (письмо в редакцию «Зари» по поводу выхода первого тома его сочинений) 118–133

Критические заметки о текущей литературе (обзор деятельности «Зари» за прошлый год) 134–154

Из современной хроники 155–183

Клюшников В.П. Выставка художественных произведений в Императорской академии художеств 184–185

Список иностранных изданий, относящихся к России 186

Объявления 1–12

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Исчезновение Джона Алкенда (из журнала Диккенса «All the year round»)

Алфавитный список содержания «Зари» за 1869 г. 191

Зеленый чай (случай из практики немецкого доктора Мартина Гесселиуса

Объявления. Опечатки

Троллоп Э. Он знал, что был прав (роман)

Заря, 1870, № 1

Достоевский Ф.М. Вечный муж (повесть) 3–79

Фрезе И.А. Стихотворение 80

Майков А.Н. Слово о Полку Игореве (перевод с предисловием и переложениями) 81–146

Письмо А.С. Хомякова к А.Ф. Гильфердингу о балтийских славянах 1–7

Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 8–67

Погодин М.П. По поводу памятника Богдану Хмельницкому, предначертанного г. Микешиным 68–73

Попов А.Н. Предположения депутатов Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового уложения о наследстве 74–107

Страхов Н.Н. Критика («Война и мир» гр. Л.Н. Толстого) 108–141

Заря, 1870, № 2

Отдел первый
Достоевский Ф.М. Вечный муж (повесть) 3–82

Майков А.Н. В степях (четыре стихотворения) 83–87

Кобякова А. Что другу нальешь, то сам выпьешь 87–116

Ахшарумов Н.Д. Мандарин (роман) 117–207

Боев Н. Забота (стихотв. Гейне) 208

Отдел второй
Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 1–68

Бестужев-Рюмин К.Н. Вступительная лекция в публичный курс русской истории 69–74

Погодин М.П. А.И. Герцен 75–95

Вступительная речь, произнесенная 25 января 1870 г. в СПб. Университете перед публичным защищением диссертации на степень доктора, доцентом русской словесности О.Ф. Миллером 96–106

Анфовский Д. Критика («Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского») 142–177

Библиография 178–180

Из современной хроники 135–138

Бичер-Стоу Г. Ольдтоунские старожилы

Вторая весна, или рождественский благовест (свят. рассказ с англ.)

Приложение. Материалы для новой русской истории

Объявления

Заря, 1870, № 3

Отдел первый

Ахшарумов Н.Д. Мандарин (роман) 3–103

Майков А.Н. Бей его! Первая встреча славян с римлянами (стихотворение) 104–111

Чаев Н.А. Свекровь (песня в лицах. Из времени уделов: в 3-х действиях) 112–174

Страхов Н.Н. Крымские сонеты Мицкевича (перевод) 175–180

Похищение (рассказ из Американской войны) 181–203

Боев Н. Приближение (стихотворение) 204

Отдел второй

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 1–38

Страхов Н.Н. Критика («Женский вопрос» Дж. Ст. Милля. Два перевода Ник. Михайловского и Г.Е. Благосветлова) 107–149

Библиография 150–176

Список новых иностранных изданий, относящихся к России 177

Приложение. Исторические материалы

Отдел третий

Бичер-Стоу Г. Ольдтоунские старожилы Объявления

Заря, 1870, № 4

Отдел первый

Кусков Пл.А. Отелло, Венецианский мавр (трагедия В. Шекспира) 3–194

Полонский Я.П. Два кораблика (стихотворение) 195–196

Б.п. Грех да беда на кого не живет 197–211

Ахшарумов Н.Д. Мандарин (роман) 212–261

Боев Н. Стихотворение 262–263

Б.п. Стихотворение 264

Отдел второй

Бессонов П. О влиянии народного творчества на драмы императрицы Екатерины II и о цельных русских песнях, сюда вставленных 1–19

Б.п. Русско-индейский вопрос 39–77

Миллер О.Ф. Прощальное слово г. Стасову 78–91

Страхов Н.Н. Критика (Литературная деятельность Герцена) 92–127

Библиография 128–137

Критические заметки о текущей литературе («Библиограф», «Отеч. записки») 138–160

Театральные заметки 161–180

Из современной хроники 181–184

Приложение. Исторические материалы 48–94

Отдел третий

Бичер-Стоу Г. Ольдтоунские старожилы

Заря, 1870, № *5*

Отдел первый

Тютчев Ф.И. Гус на костре (стихотворение) 3–4

Майков А.Н. Сон королевича Марко (стихотворение) 5–7

Полонский Я.П. Симеон (стихотворение) 8–12

Ахшарумов Н.Д. Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 20–45

Миллер О.Ф. Вико и значение его «новой науки» для психологии народов 46–71

Страхов Н.Н. Критика (Литературная деятельность Герцена) 72–106

Библиография 107–136

Критические заметки о текущей литературе («Вестник Европы», «Русский вестник», «Дело») 137–153

Из современной хроники 154–180

Славянская летопись за 1869 год 181–191

Список иностранных изданий, относящихся к России 192

Исторические материалы 95–101

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда

Объявления

Заря, 1870, № 6

Отдел первый

Ахшарумов Н.Д. Мандарин (роман) 1–160

Отдел второй

Щебальский П.К. Екатерина II как писательница 1–40

Богишич В. О научной разработке истории славянского права 41–62

Мандарин (роман) 13–66

Ольга Н. Николай Федорович Щербина 67–93

Кобякова А. Казенная квартира 94–143

Полон (сербское стихотворение) 144

Отдел второй
Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 1–74

Провинциал. Обзор вопроса о русском мореходстве 75–95

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 96–131

Страхов Н.Н. Критика (О диссертации и брошюрах Г. Струве) 132–166

Библиография 167–172

Москвитянин. Заметки 173–212

Из современной хроники 213–217

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда

Бичер-Стоу Г. Ольдтоунские старожилы

Герстэккер Ф. Оригинальная дуэль

Заря, 1870, № 7

Отдел первый

Кобякова А.

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 63–90

Огородников П. Четыре дня в Нью-Йорке 91–125

Миллер О. Критика. Русско-славянский вопрос и начало народности 126–153

Подрастающий. По случаю глухой поры 154–165

Библиография 166–175

М.П. Московские явления 176–177

Миллер О. Самоубийство от экзамена 178

Приложение. Исторические материалы 178

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда (роман)

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

Заря, 1870, № 8

Отдел первый

Казенная квартира 1–57
М. П-ий. Народные сказания болгар (из собрания Миладиновых) 57–66

Литературное завещание Формы Дикобразова 67–75

Отдел второй
Провинциал. Обзор вопроса о русском мореходстве 1–42

Альмское сражение (по Кинглэку) 43–81

Письма из Рима о Соборе 82–106

Библиография 107–141

Московские артисты в Петербурге 142–172

Из современной хроники 173–177

Приложение. Исторические материалы 178–180

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда (роман)

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

Алмазов Б. Король Родриго (Из испанского Romancero) 3–27
Боев Н. Страна гор (из подневных записок) 28–56

Немцова Б. Карла (рассказ с чешского) 57–104

Боев Н. Полдень в глуши (стихотворение) 105–106

Бельская А. Очерки институтской жизни былого времени (из воспоминаний старой институтки) 107–149

Козлов П. Любор (Из залесского) 150

Отдел второй

Д. И-в. Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича 1–35

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 36–80

Письма из Рима о Соборе 81–97

Будилович А. Критика («Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856» Нила Попова) 98–156

Подрастающий. По случаю бессилия мысли и силы жизни 157–165

Славянин Политический разговор с поляками (письмо в редакцию) 166–175

Н.С. Предсказание нынешней войны, сделанное Герценом (заметка) 176–180

Славянская летопись з а 1869 год 181–196

Политическое обозрение 197–211

Список иностранных изданий, относящихся к России 212

Приложение.
Исторические материалы 95–97

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда (роман)

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

Объявления

Заря, 1870, № 9

Отдел первый
Бельская А. Очерки институтской жизни былого времени (из восп. старой институтки) 3–65

М.П-в. Народные сказания болгар (из собрания Миладиновых) 66–77

Авсеенко В.Г. На распутье 78–142

Алмазов Б. Восток (пер. из Гете) 143

Отдел второй

5 (17) октября — первое бомбардирование Севастополя
(По Кинглэку) 1–33

А. Ве. Прусская армия в 1869 году (из путевых записок военного) 34–50

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 51–76

Заря, 1870, № 10

Отдел первый
Тютчев Ф.И. Два единства (стихотворение) 3

Майков А.Н. Экспромт при торжестве присоединения чехов к православию 1-го октября 1870 года 4

Авсеенко В.Г. На распутье 5–91

Кусков П.А. Сцена из трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» 92–105

Боев Н. Сегодня (стихотворение) 106

Отдел второй

Гильфердинг А.Ф. Гус. Его отношение к православной церкви 1–58

Руновский А.И. Русские люди на Кавказе
(очерки и воспоминания) 59–79

А. Ве. Прусская армия в 1869 году (из путевых записок военного) 78–96

Современная Пруссия 77–127

Страхов Н.Н. Критика («Сочинения» Я.П. Полонского, «Стихотворения» Н. Некрасова) 127–164

Библиография 165–187

Липранди И.П. Заметка 188–191

Политическое обозрение 192–194

Исторические материалы 195–200

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда (роман)

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

Объявления

Граф Бисмарк Шенгаузен 97–142

Будилович А. Критика («Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856» Нила Попова) 143–206

Косица Н. Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари») 207–230

С.Н. Из современной хроники 231–258

Вацлик И.Я. Славянская летопись за 1869 год 258–279

Политическое обозрение 280–293

Миллер О.Ф. Инквизиторские вожделения ученого 294–303

Приложение. Исторические материалы 304–306

Отдел третий

Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда (роман)

Объявления

Заря, 1870, № 11

Отдел первый

Боев Н. Путь (стихотворение) 3

Ахшарумов Н. Серебряный дождь (сказание из Пошехонской летописи) 5–17

Страхов Н.Н. Крымские сонеты Мицкевича 16–17

Авсеенко В.Г. На распутье 18–86

Заря, 1870, № 12

Отдел первый

Майков А.Н. Две белорусские песни 3–6

Боев Н. Незадача (рассказ) 7–25

К.Б. Стихотворение. Т. 26

Авсеенко В.Г. На распутье 27–92

Крестовский Вс.В. Отчего завелись паны на Полесье (белорусская легенда) 93–97

Фет А.А. Майская ночь. Ключ (стихотворения) 87–88

Отдел второй

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 1–53

Руновский А.И. Русские люди на Кавказе 54-82

Петров П. Цесаревна Анна Петровна (биографический очерк) 83–123

В.К. Критика (Еврейские братства, местные и всемирные, соч. Я. Брафмана) 124–168

Библиография 169–186

Константинов И.Н. [К.Н. Леонтьев] Грамотность и народность 187–208

Н.Я. А-ов. По поводу диспута г-на Нильского 209–224

Театральные порядки и беспорядки 225–230

Политическое обозрение 231–241

Список иностранных изданий, относящихся к России 242

Приложение. Исторические материалы 304

Отдел третий

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

В. С-в. Стихотворение 98

Отдел второй

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 1–43

Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 44–101

Руновский А.И. Русские люди на Кавказе 102–204

А. Ве. Шалонский лагерь в 1869 году (из путевых заметок военного) 205–220

А. Ве. Унтер-офицерство прусской армии и прусские унтер-офицерские школы 221–230

Страхов Н.Н. Критика (Литературная деятельность Герцена) 231–260

Библиография 261–269

Константинов И.Н. [К.Н. Леонтьев] Грамотность и народность 270–273

П. П-ов. Историческая живопись и скульптура на выставке Академии художеств 274–279

Политическое обозрение 280–303

Приложение. Исторические материалы 304

Алфавитный указатель содержания «Зари» за 1870 год

Отдел третий

Дизраэли Б. Римские происки (роман)

Заря, 1871, № 1

Майков А.Н. Бальдур (Песнь о Солнце по сказаниям Скандинавской Эдды) 3–24

Попов А.Н. Рим в 1847 и 1848 годах 25–85

Фет А.А. Горячий ключ (стихотворение) 86

Кохановская Н. Слава Богу, что муж лапоть сплел (Попытка в пользу народного театра) 86–134

Алмазов Б.Н. Рим (из римских Элегий Гете) 135

Погодин М.П. Эльзас и Лотарингия 135–147

Мордовцев Д.Л. Русские чародеи и чародейки конца прошлого века 148–179

Блюммер Л.П. Около золота (роман) 180–227

Прахов Мст. Мать (из поэмы А. Мейснера «Жижка») 227–229

Данилевский Н.Я. Россия и Франко-германская война (дополнение к статье «Россия и Европа» 230–258

Погодин М.П. Обозрение древней русской истории до татар 259–281

Два случая из уголовной судебной практики (пер. с нем.) 282–329

Барсуков А.П. Шкловские авантюристы (1778–1785) 330–361

В. С-в. Стихотворение 362

Заря, 1871, № 2

Блюммер Л.П. Около золота (роман) 3–57

Полонский Я.П. Рознь (стихотворение) 58

Попов А.Н. Рим в 1847 и 1848 годах 61–115

Алмазов Б.Н. Из поэмы «Социалисты» 116–163

В.Б. Воспоминания петербургского старожила. Аракчеев и Крестовская карусель 164–190

Русский север I–IV 191–226

Клюшников В.П. Не-марево (повесть) 227–252

Фет А.А. После бури (стихотворение) 253

Козлов П. Два стихотворения 253–256

Два случая из уголовной судебной практики (пер. с нем.) 257–310

Успехи прогрессивной мысли (из исследований над современной литературой) 311–322

Страхов Н.Н. Критика. Последние произведения Тургенева 1–31

Библиография 32–51

Журналистика 52–72

Страхов Н.Н. Критика (взгляд на нынешнюю литературу) 1–33

Библиография 33–47

О.С. Англо-немецкая книга о современной России 48–64

Заседание в обществе для содействия русской промышленности и торговле 16 декабря 1870 года (Речь А.П. Шипова и доклад М.К. Сидорова) 64–100

Театральные заметки 101–115

Из современной хроники. Новая воинская повинность 116–138

Политическое обозрение 138–160

Заметки и смесь 160

Объявления

Заря, 1871, № 3

Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой 1–31

Стихотворение А.А. Фета 32

Блюммер Л.П. Около золота (роман) 33–82

Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного 83–90

Ренненкампф Н.К Всеобщая подача голосов (suffrage universel) и спор по этому вопросу между Дж. Ст. Миллем и Руд. Гнейстом 91–128

Заседание IV общества содействия промышленности и торговле под председательством А.П. Шипова, 28 января 1871 года 73–110

Из современной хроники. Заметка о русском землевладении в Северо-западном крае 111–136

Некоторые вопросы, касающиеся Мариинской системы 137–142

Заметки и смесь 143

Исторические материалы

Заря, 1871, № 4

В.Б. Из воспоминаний петербургского старожила. Четверги у Н.Н. Греча 3–45

Бышевский Н. С поля битвы 46–65

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод (историческая повесть А. Мицкевича) 66–71

Блюммер Л.П. Около золота (роман) 71–117

Аверкиев Д. Мифическая старина 118–163

Диман Д. О влиянии нашей винно-акцизной системы на нравственность и благосостояние народа 164–192

Бышевский Н. С поля битвы (кампания 1870 года) 129–168

Аристов Н. Судьба русской женщины в допетровское время 169–199

Б. Русский север V–VIII 200–255

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод (историческая повесть А. Мицкевича) 256–257

Ш. Устройство хозяйственного положения государства 258–278

Руновский А.И. Русские люди на Кавказе (очерки и воспоминания) 279–309

Славная женщина (роман автора «Джона Галифакса») 1–110

Библиография 1–16

Журналистика 17–32

Журнал Комитета общества для содействия русской промышленности и торговле 33–37

Заседание IV Отделения общества содействия промышленности и торговле под председательством А.П. Шипова, 28 января 1871 года 37–56

Речь А.П. Шипова в заседании 24 февраля Комитета общества содействия промышленности и торговле 57–60

Политическое обозрение 61–74

По поводу проекта измененного Устава Санкт-Петербургского общества взаимного кредита 74–76

Аксаков И.С. Из недавнего прошлого (судебные сцены) 193–284

Клюшников В.П. Не-марево (повесть) 285–303

Славная женщина (роман) 304–360

П.М. Критика 1–47

Библиография 48–54

Журнал заседаний общества для содействия русской промышленности и торговле 55–103

Из современной хроники 104–119

Список новых иностранных изданий, относящихся к России 120

Заря, 1871, № 5

Некрасов И. Влияние Сербии на русскую литературу в XIV и XV веках 3–19

Ригана Г. Смерть графа Каподистрии 20–39

М.И. Об Уральско-Сибирской железной дороге 40–63

Шолкович С. О тайных обществах в учебных заведениях Северо-Западного края при князе А. Чарторыйском 64–138

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод (историческая повесть А. Мицкевича) 139–144

Якунин Ив. Семейная беда (драма в 3 действиях с прологом) 145–268

Де-Пуле М. Последний польский король Станислав-Август Понятовский 269–311

Славная женщина (роман) 312–392

Аристов Н.Я. Библиография 1–7

О направлении и деятельности общества для содействия русской промышленности и торговле 8–103

Из современной хроники 104–109

Политическое обозрение 110–115

Приложения

Заря, 1871, № 6

Фет А. А. Из деревни 1–86

Тесовский П. Греко-Болгарский церковный вопрос 87–105

Де-Пуле М. Последний польский король Станислав-Август Понятовский 106–138

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод (историческая повесть А. Мицкевича) 139–176

Александров В. Славнуки (картины из крестьянской жизни) 177–217

Алмазов Б. Первая любовь (рыцарская песня. Подражания А. де-Мюссе) 218–219

Чужбинский А. Очерки прошлого. Город Смуров (уездные сцены) 220–306

Киприанов Г. Очерки политической и домашней жизни греков в средние века 307–335

Славная женщина (роман) 336–379

Кельсиев В.И. Библиография 1–98

Журналы общества содействия русской промышленности и торговле 99–102

Из современной хроники 103–110

Политическое обозрение 111–116

Приложения

Заря, 1871, № 7

Кобякова А. Пряники (повесть) 3–98

Аверкиев Дм. Прометей. Границы человечества. Песнь духов над водою (Из Гете) 99–104

Н. П-й Учитель латинского языка (эпизод из романа «Школа») 105–114

Блюммер Л.П. Около золота 115–156

Чужбинский А. Очерки прошлого. Город Смуров (уездные сцены) 157–218

Де-Пуле М. Последний польский король Станислав-Август Понятовский 219–239

Петров Н. Джузеппе Джусти 240–314

Славная женщина (роман) 315–365

Шипов А. Настоящее наше экономическое положение и его последствия 1–11

Ответ Э. Д. Моргана на речь, произнесенную А.П. Шиповым 2 8 января сего года, в заседании IV отделения Общества промышленности и торговли 11–32

Пояснение к ответу г. Моргана А. Петрова 33–35

Из современной хроники 36–38

Приложения

Заря, 1871, № 8

Лермонтов В. Неслужащий дворянин (роман) 3–51

Бышевский Н. С поля битвы. Третья экспедиция (окончание) 52–78

Руновский А.И. Русские люди на Кавказе 79–100

Родевич М. Белорусские народные школы 101–128

Висковатый П. После бури (стихотворение) 129

Киприанович Г. Очерки политической и домашней жизни греков в средние века 130–175

Блюммер Л.П. Около золота (роман) 176–198

Славная женщина (роман) 199–212

Библиография 1–8

Заседание IV Отделения Общества для содействия промышленности и торговле 29 апреля, под председательством П.А. Беляева 9–16

Из современной хроники 16–20

Политическое обозрение 21–24

Приложения

Заря, 1871, № 9

Лермонтов В. Неслужащий дворянин (роман) 3–57

Родевич М. Белорусские народные школы 58–119

Громачевский А. Череповские раскольники (этнографические этюды) 120–133

Де-Пуле М. Последний польский король Станислав-Август Понятовский 134–166

Лисикевич Н. Записки Галичанина 167–200

Иза Г. Магнолья (повесть) 201–252

Деница (рассказ Каролины Светлой, перевод с чешского) 253–260

Политическое обозрение 1–16

Объявления

Приложения

Заря, 1871, № 10–11

Лермонтов В. Неслужащий дворянин (роман) 3–85

Де-Пуле М. Последний польский король Станислав-Август Понятовский 86–128

Иза Г. Магнолья (повесть) 129–187

Мордовцев Д.Л. Участие семинаристов в народных движениях прошлого века (Д. Л. Мордовцев) 188–254

Чужбинский А. С. Петербургские игроки (роман) 255–426

Старский Стихотворения 427–429

Библиография 1–30

Шипов А.П. Настоящее наше экономическое положение и его последствия 38–59

Журналы общества содействия русской промышленности и торговле за № 7,8,9,10,11 и 12 60–71

Заседания Общества для содействия русской промышленности и торговле 72–159

Внутреннее обозрение 160

Приложение

Объявления

Заря, 1871, № 12

Чужбинский А. С.
Петербургские игроки (роман)
3–111
Малеревский И. У берега русского моря (из воспоминаний народного учителя) 112–172

Барсуков А.П. Узник Спасо-Евфимиева монастыря 173–191

Молодость А.А. Башилова (с предисловием Л. Майкова) 192–223

Крестовский Вс.Вл. От штаба до зимних квартир (из очерков кавалерийской жизни) 224–291

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод (историческая повесть А. Мицкевича) 292–301

Старский Е. Лауре (стихотворение) 302

Библиография 1–37

Звериный промысел в России 38–99

Заседание IV Отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле 100–110

Двадцать розог и смертный приговор г-ну Незнакомцу 1–5

Приложение

Объявления

Заря, 1872, № 1

Чужбинский А.С.
Петербургские игроки (роман) 3–114

Блудова А.Д. Воспоминания и записки 115–154

Майков А.Н. Пульчинель (на мотив одного из рассказов Андерсена в его Was der Mond erzahlt) 155–164

Генслер И. Плач зайца (жанр) 165–198

Крестовский Вс.Вл. На зимних квартирах (из очерков кавалерийской жизни) 199–218

Шабунин К. Люди и жизнь в Мезенской тундре 219–249

Фет А.А. К памятнику Пушкина. У морозного окна (стихотворения) 250

Страхов Н.Н. Критика. Переворот в науке (Происхождение человека и подбор в отношении к полу Чарльза Дарвина) 1–18

Библиография 19–38

Липранди И.П. Библиографическая заметка 39–52

Из современной хроники 53–66

Политическое обозрение 67–70

Шатриан Э. Императорский указ

Приложение.
Исторические материалы

Объявления

Заря, 1872, № 2

Толстой Л.Н. Кавказский пленник (рассказ) 7–33

Старский Е. Стихотворение 34

Чужбинский А.С. Петербургские игроки (роман) 35–130

Руновский А.И. Казарменная жизнь на Кавказе 131–151

Страхов Н.Н. Конрад Валленрод. (пер. историческая повесть А. Мицкевича) 152–168

Б.п. Легкие мотивы на тяжелые темы 169–192

Генслер И. Плач зайца (жанр) 193–208

М.Р. Думы на развалинах Севастополя в 1856 году 209

Библиография 1–14

Из современной хроники 15–27

Политическое обозрение 28–55

Шатриан Э. Императорский указ 56–128

Приложение. Исторические материалы

Объявление

Боев Н. Незадача (рассказ) 7–25

К.Б. Стихотворение. Т. 26

Авсеенко В.Г. На распутье 27–92

Крестовский Вс.В. Отчего завелись паны на Полесье (белорусская легенда) 93–97

В. С-в. Стихотворение 98

Отдел второй

Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию 1–44

Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе 44–76

Список литературы

1. Волошина, 2022 — *Волошина С.М.* Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М.: Дело, 2022. 664 с.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Грибунин, Тесля, 2011 — *Грибунин В.В., Тесля А.А.* Философские взгляды Н.Н. Страхова 1860–70-х годов и славянофильство // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2011. № 1. С. 217–222.

4. Долинин, 1940 — *Долинин А.С.* Ф.М. Достоевский и Н.Н. Страхов // Шестидесятые годы: мат. по ист. лит. и обществ. движению. М.; Л.: Наука, 1940. С. 238–254.

5. Ипатова, 2015 — *Ипатова С.А.* Кто же был автором акростиха «Дикарка», подпи-

санного «А. Фет» (мистификация или пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб.: Наука, 2015. Вып. 6. С. 17–24.

6. Капустина, 2015 — *Капустина И.О.* Сотрудничество Ф.М. Достоевского с журналом В.В. Кашпирева «Заря» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 5. С. 51–65.

7. Козлов, 2024 — *Козлов А.Е.* «Из путевых воспоминаний о роковом вопросе»: репрезентация политического дискурса в журналах «Заря» и «Всемирный труд» // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 312–326. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-312-326

8. Могилянский, 1959 — *Могилянский А.П.* Комментарии: А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов // *Писемский А.Ф.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 4. С. 303–307.

9. Нечаева, 1972 — *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.

10. Нечаева, 1975 — *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. 302 с.

11. Писемский, 1936 — *Писемский А.Ф.* Письма / отв. ред. М.К. Клемана, А.П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 924 с.

12. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Андрей Краевский — издатель Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 222–238. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-222-238

13. Рейтблат, 2009 — Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 447 с.

14. Салтыков-Щедрин, 1970 — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Мандарин. Роман Н.Д. Ахшарумова // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9. С. 405–407.

15. Серман, 1957 — *Серман И.З.* Комментарии: Н.С. Лесков. Соборяне // *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 518–541.

16. Спиридонов, 1957 — *Спиридонов В.С., Мишин В.С.* Комментарии: Л.Н. Толстой. Кавказский пленник // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 21. С. 547–691.

17. Тимашова, 1991 — *Тимашова О.В.* Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: Личность и эпоха: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 218 с.

18. Тоичкина, 2021 — *Тоичкина А.В.* Н.Н. Страхов, журнал «Заря» и творчество Ф.М. Достоевского конца 1860-х гг // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. № 18 (3). С. 479–497.

19. Толстой, 1984 — *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 18: Письма. 911 с.

20. Фатеев, 2021 — *Фатеев В.А.* Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 652 с.

21. Фридлендер, 1990 — *Фридлендер Г.М.* Комментарии: Ф.М. Достоевский. Вечный муж // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука. 1990. Т. 8. С. 695–706.

22. Эйхенбаум, 2009 — *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

1. Voloshina, S.M. *Vlast' i zhurnalistika. Nikolai I, Andrei Kraevskii i drugie* [*Power and Journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky, and Others*]. Moscow, Delo Publ., 2022. 664 p. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Gribunin, V.V., and A.A. Teslia. "Filosofskie vzgliady N.N. Strakhova 1860–70-kh godov i slavianofil'stvo" ["Philosophical Views of Nikolay Strakhov in the 1860–1870s and Slavophilism"]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2011, pp. 217–222. (In Russ.)

4. Dolinin, A.S. "F.M. Dostoevskii i N.N. Strakhov" ["Fyodor Dostoevsky and Nikolay Strakhov"]. *Shestidesiatye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniiu* [*The Sixties: Materials on History of Literature and the Social Movement*]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1940, pp. 238–254. (In Russ.)

5. Ipatova, S.A. "Kto zhe byl avtorom akrostikha 'Dikarka', podpisannogo 'A. Fet' (mistifikatsiia ili parodiia)" ["Who Was the Author of the Acrostic 'The Savage', Signed 'A. Fet' (Mystifications or Parody)"]. *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse: Sbornik nauchnykh statei* [*Genres in the Historical and Literary Process: Collected Articles*], vol. 6. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015, pp. 17–24. (In Russ.)

6. Kapustina, I.O. "Sotrudnichestvo F.M. Dostoevskogo s zhurnalom V.V. Kashpireva 'Zaria'" ["The Collaboration of F.M. Dostoevsky with V.V. Kashpirev's magazine *Zarya*"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10. Zhurnalistika*, no. 5, 2015, pp. 51–65. (In Russ.)

7. Kozlov, A.E. "'Iz putevykh vospominanii o rokovom voprose': reprezentatsiia politicheskogo diskursa v zhurnalakh 'Zaria' i 'Vsemirnyi trud'" ["'From Travel Memories about the Fateful Question': Representation of Political Discourse in the Magazines *Zarya and Vsemirny Trud*"]. *Kritika i semiotika*, no. 2, 2024, pp. 312–326. (In Russ.) https://doi.org/10.25205/2307-1753-2024-2-312-326

8. Mogilianskii, A.P. "Kommentarii: A.F. Pisemskii. Liudi sorokovykh godov" ["Comments: A.F. Pisemsky. People of the Forties"]. Pisemskii, A.F. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 4. Moscow, Pravda Publ., 1959, pp. 303–307. (In Russ.)

9. Nechaeva, V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremia". 1861–1863* [*Mikhail and Fyodor Dostoevsky's Journal* Vremia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)

10. Nechaeva, V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865* [*Mikhail and Fyodor Dostoevsky's Journal* Epokha]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 302 p. (In Russ.)

11. Podosokorskii, N.N. "Andrei Kraevskii — izdatel' F.M. Dostoevskogo ["Andrey Kraevsky, Publisher of Fyodor Dostoevsky"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (25), 2024, pp. 222–238. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-222-238

12. Reitblat, A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [*From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 219 p. (In Russ.)

13. Pisemskii, A.F. *Pis'ma* [*Letters*]. Ed. by M.K. Kleman, A.P. Mogilianskii. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1935. 924 p. (In Russ.)

14. Saltykov-Shchedrin, M.E. "Retsenzii. Mandarin. Roman N.D. Akhsharumova" ["Reviews. *Mandarin*. A Novel by N.D. Akhsharumov"]. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [*Collected Works: in 20 vols*], vol. 9. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1970, pp. 405–407. (In Russ.)

15. Serman, I.Z. “Kommentarii: N.S. Leskov. Soboriane” [“Comments: N.S. Leskov. Cathedral Monks”]. Leskov, N.S. *Sobranie sochinenii: v 11 tomakh* [*Collected Works: in 11 vols*], vol. 4. Moscow, GIkhL Publ., 1957, pp. 518–541. (In Russ.)

16. Spiridonov, V.S., and V.S. Mishin. “Kommentarii: L.N. Tolstoi. Kavkazskii plennik” [“Comments: L.N. Tolstoy. The Prisoner of the Caucasus”]. Tolstoi, L.N. *Sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [*Collected Works: in 90 vols*], vol. 21. Moscow, GIkhL Publ., 1957, pp. 547–691. (In Russ.)

17. Timashova, O.V. *Roman A.F. Pisemskogo “Liudi sorokovykh godov”: Lichnost’ i epokha* [*A.F. Pisemsky’s Novel* People of the Forties*: Personality and Era: PhD Dissertation*]. Saratov, 1991. 218 p. (In Russ.)

18. Toichkina A.V. “N.N. Strakhov, zhurnal ‘Zaria’ i tvorchestvo F.M. Dostoevskogo kontsa 1860-kh gg” [“Strakhov, the Magazine *Zarya* and Dostoevsky’s Works in the Late 1860s”]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura*, no. 18 (3), 2021, pp. 479–497. (In Russ.)

19. Tolstoi, L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 tomakh* [*Collected Works: in 22 vols*], vol. 18: Pis’ma [Letters]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. 911 p.

20. Fateev V.A. *N.N. Strakhov: Lichnost’. Tvorchestvo. Epokha* [*Nikolay Strakhov: Personality. Creativity. Era*]. St. Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2021. 652 p. (In Russ.)

21. Fridlender, G.M. “Kommentarii: F.M. Dostoevskii. Vechnyi muzh” [“Comments: F.M. Dostoevsky. The Eternal Husband”]. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols*], vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 695–706. (In Russ.)

22. Eikhenbaum, B.M. *Lev Tolstoi: Issledovaniia. Stat’i* [*Leo Tolstoy: Research. Articles*]. St. Petersburg, Fakul’tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009. 952 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.04.2025
Одобрена после рецензирования: 01.05.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 08 Apr. 2025
Approved after reviewing: 01 May 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Обзорная статья / Review Article
УДК 821.161.1.0+82.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467
https://elibrary.ru/WLGRCS

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Татьяна Касаткина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Обзор VI Международной научной онлайн-конференции из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: ДОСТОЕВСКИЙ: МАЛЫЕ ФОРМЫ, 3–5 марта 2025 года

© 2025. Tatiana A. Kasatkina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary of the 6th International Online Conference in the Series: *Dostoevsky: Current State of Research:* Dostoevsky: Short Forms, March, 3rd–5th 2025

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-0875-067X
E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: VI Международная научная онлайн-конференция из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: «ДОСТОЕВСКИЙ: МАЛЫЕ ФОРМЫ», организованная научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН, прошла 3–5 марта 2025 года. Конференция собрала ученых из разных регионов России, США, Японии, Греции, Сербии, Азербайджана. Были сделаны 40 докладов, посвященных как теории функциональности малых форм в творчестве Достоевского, так и конкретному анализу его произведений малой формы, проведен заключительный круглый стол «Что мы можем сказать о теории и классификации малых форм по результатам конференции». Программа конференции и ее полные записи доступны в интернете. Полностью публикуется вводный установочный доклад основного организатора конференции Т.А. Касаткиной, достаточно подробно расшифровываются главные положения теоретических докладов; в изложении остальных докладов и в конспектах их обсуждений пристальное и приоритетное внимание обращается на теоретические и методологические высказывания о месте малых форм в творчестве Достоевского, их структуре и функциях.

Ключевые слова: Достоевский, новейшие исследования, история изучения, малые формы, структура, контекст, функциональный аспект, первый период творчества, «Дневник писателя», «Белые ночи», «Кроткая», «Двойник», фельетоны, «Скверный анекдот», «Честный вор», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Сон смешного человека», «Столетняя», «Чужая жена и муж под кроватью».

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Обзор VI Международной научной онлайн-конференции из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: Достоевский: малые формы, 3–5 марта 2025 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 418–467. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The 6th International Online Conference in the series *Dostoevsky: Current State of Research—DOSTOEVSKY: SHORT FORMS*, organized by the Research Center "Dostoevsky and World Culture" of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and by the Commission for the Study of Fyodor Dostoevsky's Creative Legacy of the RAS Academic Council "History of World Culture," was held on March 3–5, 2025. The conference brought together scholars from various regions of Russia, the USA, Japan, Greece, Serbia, and Azerbaijan. Forty papers were presented, devoted both to the theory of the functionality of short forms in Dostoevsky's work and to concrete analyses of his short-form writings. A concluding roundtable, "What Can We Say About the Theory and Classification of Short Forms Based on the Results of the Conference?", was held. The conference

program and full recordings are available online. Included in full is the introductory keynote by the conference's principal organizer, Tatiana A. Kasatkina; the main theses of the theoretical papers are transcribed in considerable detail. In the summaries of the remaining papers and the notes on their discussions, close and primary attention is given to theoretical and methodological statements concerning the place of short forms in Dostoevsky's work, their structure, and their functions.

Keywords: Dostoevsky, new research, research history, short forms, structure, context, functional aspect, early works, *A Writer's Diary*, *White Nights*, "The Meek One," *The Double*, feuilletons, "A Nasty Story," "The Honest Thief," "Winter Notes on Summer Impressions," "The Dream of a Ridiculous Man," "A Hundred-Year-Old Woman," "Another Man's Wife and the Husband under the Bed."

For citation: Kasatkina, T.A. "Summary of the 6th International Online Conference in the Series: *Dostoevsky: Current State of Research*: Dostoevsky: Short Forms, March, 3rd–5th 2025." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 418–467. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467

3–5 марта 2025 года Научно-исследовательский центр «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Комиссия по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН провели VI международную онлайн-конференцию, посвященную современному состоянию изучения творческого наследия Достоевского. В этот раз конференция, названная **«Достоевский: малые формы»,** собрала ученых из разных регионов России, США, Японии, Греции, Сербии, Азербайджана. После серьезного отбора (мы получили более 60 заявок) были одобрены и прозвучали на конференции 40 докладов, посвященных как теории малых форм, так и конкретным анализам произведений малой формы в творчестве Достоевского. В заключение конференции был проведен круглый стол «Что мы можем сказать о теории и классификации малых форм по результатам конференции»[1].

[1] Программу конференции можно посмотреть здесь:
https://imli.ru/konferentsii/150-seminary-i-konferentsii-2025/6255-vi-mezhdunarodnaya-onlajn-konferentsiya-dostoevskij-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya-malye-formy

Полные видеозаписи заседаний конференции, выкладываемые по ходу конференции в пабликах журнала, собраны здесь:
https://dostmirkult.ru/ru/konferentsii/1214-vi-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-iz-tsikla-dostoevskij-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya-dostoevskij-malye-formy-3-5-marta-2025-goda

Замысел конференции состоял именно в том, чтобы теоретически осмыслить присутствие малых форм в творчестве Достоевского. Поэтому почти полностью публикуется вводный установочный доклад основного организатора конференции (Т.А. Касаткиной) и подробно конспектируются теоретические доклады. При изложении остальных докладов и в конспектах их обсуждений пристальное и приоритетное внимание обращается на теоретические и методологические высказывания о месте малых форм в творчестве Достоевского, их структуре, контексте и функциях. В любом случае, прошедшая конференция — это не набор автономных докладов, но очень интенсивное собеседование, где, возможно, самое существенное было высказано в обсуждениях и дискуссиях. Поэтому обзор не будет «равномерным», я буду подробнее останавливаться на наиболее важном для общей темы и интересном с моей точки зрения.

Открывая конференцию, я обратила внимание на суть поставленной проблемы: Достоевский — признанный мастер больших форм — в какие-то моменты (времена) начинает почему-то создавать малые формы. Почему и зачем не только в начале творческого пути, но и тогда, когда, казалось бы, он уже ТАК умеет выражать свои идеи в рамках больших форм, он периодически возвращается к малым формам? Я выразила надежду, что если мы будем держать в уме этот вопрос в ходе конференции, то сможем найти какие-то на него ответы уже на финальном круглом столе.

В приветственном слове заместитель директора ИМЛИ РАН, д.ф.н. Юлия Вадимовна Шевчук отметила, что этой конференцией научно-исследовательский Центр ИМЛИ РАН «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ставит перед исследователями новую фундаментальную проблему взаимодействия малых и больших форм на протяжении всего творческого пути писателя. В такой новой постановке актуальными остаются и проблема жанра, и проблема творческого метода, проблема текста и контекста — при некотором продуктивном изменении ракурса их рассмотрения.

Первым, вопреки программе и в связи с техническими проблемами (но, возможно, правильно в логике конференции), прозвучал мой доклад **«О функциональной разнице малых форм в первый период творчества Достоевского и в “Дневнике писателя”».** Поскольку он важен и с точки зрения постановки проблемы — и как обозрение организатором предложенных тем конференции, я приведу его здесь практически целиком. Отвечая на вопрос, поставленный

Владимиром Захаровым в теме его доклада (и ориентируясь при этом исключительно на заявленную тему, не зная, как докладчик планирует ее раскрывать): куда делась категория жанра при той постановке проблемы, как она заявлена в названии конференции, — я сказала, что это ни в коем случае не отрицание категории жанра и ее значимости — тем более, что целый ряд заявленных тем будет ожидаемо возвращать нас к этой категории.

Я отметила, что, на мой взгляд, постановка и решение проблемы жанровых наименований и определений жанра у Достоевского едва ли не впервые адекватно были осуществлены в монографии Владимира Захарова «Система жанров Достоевского» в 1985 году [Захаров, 1985]. До этого разного рода работы были направлены на то, чтобы вписать тексты Достоевского в ту систему жанров, которая по тем или иным причинам существует в голове исследователя. Автор «Системы жанров Достоевского» принял простое — и, на мой взгляд, единственно верное — решение: следовать в жанровых наименованиях за Достоевским.

Я в своей теоретической работе о категории жанра в конце 1990-х (см.: [Касаткина, 2004]) объясняла, почему этот принцип работает для любого ***действительно художественного*** текста: дело в том, что писатель использует жанровое наименование не так, как исследователь, который хочет, условно говоря, по прочтении поставить книгу на ту или иную полку с жанровым наименованием. Писатель использует жанровое наименование для того, чтобы ***установить первоначальную коммуникацию с читателем,*** задать ему ***тон*** (отдаленным сравнением будет ключ при нотоносце), в котором следует воспринимать дальнейшее. Я в своей работе приводила примеры смены жанрового восприятия текста без изменения единой буквы в самом тексте: исключительно за счет тона эмоционального восприятия, задаваемого внешним по отношению к тексту образом.

Таким образом, если мы подходим к категории жанра, воспринимая ее как функциональную, а не как формально-содержательную[2], — мы не можем игнорировать или произвольно изменять

[2] Если мы воспринимаем категорию жанра как формально-содержательную — у нас есть основания оспорить или проигнорировать авторское жанровое наименование, поскольку у нас как бы есть единая схема, в которой данный текст помещается на определенный уровень по совокупности признаков — и эти признаки исследователь может отследить лучше автора. Но если жанр функционален — то при изменении его наименования все отслеженные признаки поменяют свое значение и

жанровое определение, данное писателем — и при исследовании любого произведения крайне неразумно упускать это жанровое определение из виду.

Однако на нынешней нашей конференции мы хотели бы сфокусироваться на другом — и именно поэтому назвали ее так, как назвали.

Дело в том, что очевидный объем произведения — тоже, конечно, один из способов дотекстовой коммуникации с читателем. Но в этом качестве он решительно бьется жанром: совершенно очевидно, что если один из самых маленьких текстов Достоевского — «Белые ночи» — назван автором «сентиментальным романом», то для читательского восприятия жанровое определение будет абсолютно приоритетным: ему надо иметь в виду, что это ***завершенная*** история жизни и любви, история трансформации человека за счет изменения его чувств, за счет ***изменения направленности его любовного стремления.***

Но вот понять, как — и главное — почему и для чего — роман начального периода творчества уместился на 39 страницах — при том, что минимум романов «великого пятикнижия» — 420 страниц — это, как мне кажется, важная исследовательская задача. Ведь мы признаем то и другое романом в соответствии с авторским решением о жанровом наименовании.

По заявкам на конференцию видно, что некоторая часть исследователей воспринимает как малую форму практически все тексты за пределами «великого пятикнижия». И в этом есть свой резон именно потому, что Достоевский — признанный мастер именно большой формы — и в читательском восприятии небольшой относительно великих романов текст Достоевского — уже маленький.

Однако Достоевский не только работал в малых формах в начале своего творческого пути, но и позже, в эпоху больших романов, создавая «Дневник писателя», использовал малые художественные формы как важнейшие элементы структуры этого новоизобретенного им жанра. И мне представляется, что создание обоснованной и учитывающей специфику каждого из соответствующих текстов

роль в тексте. Так, восприятие «Белых ночей» существенно изменится в зависимости от того, понимаем ли мы, что перед нами роман (одновременно завершенная история любви и завершенная история становления героя), или читаем текст как повесть (случай из жизни).

теории малых форм в творчестве Достоевского — важная исследовательская задача.

В рамках этой задачи меня лично прежде всего интересует проблема ***функциональности*** малых форм в период раннего творчества — и потом в «Дневнике писателя». Но функциональности не коммуникативной (или не только коммуникативной), не направленной исключительно на читателя (как в случае жанрового определения) — а функциональности текста ***для мысли писателя, для его внутреннего мира.***

«Малые формы у Достоевского» — не новая тема в достоевистике. Однако она никогда не решалась комплексно и остается по сей день слабо проработанной: даже вопрос о том, что входит в случае рассмотрения творческой системы Достоевского в понятие «малой формы», до сих пор иногда решается весьма произвольно и теоретически малообоснованно. Вплоть до того, что в понятие «малой формы» исследователями порой включаются ***составные части*** великих романов — включаются как декларативно-«теоретически», так и практически. Практически это происходит, когда, например, «Великий инквизитор» рассматривается в отрыве от своего места и своих связей с другими частями «Братьев Карамазовых», что полностью искажает смысл поэмы, созданной Достоевским как произведение конкретного героя — да еще и в конкретной диалогической ситуации, как это прекрасно показала, например, Людмила Сараскина ([Сараскина, 2007]). Более того, в понятие «малой формы» в творчестве Достоевского иными исследователями включаются даже отрывки недописанных текстов, что на мой взгляд попросту размывает постановку вопроса (но я жду с большим интересом, что нам об этом расскажут на нашей конференции).

Между тем, наряду с большими романами «великого пятикнижия» и попытками большой формы в ранний период, в творчестве Достоевского все время присутствовали именно ***завершенные произведения*** средней и малой формы. Из них легко выделяются две группы: малые формы первого периода творчества и малые формы, входившие в состав «Дневника писателя». Эти группы ***формируются*** по ***функциональному*** признаку (то есть в соответствии с ответом на вопрос, зачем и почему в этом случае создавались именно произведения малой формы) — и по функциям же эти группы между собой ***различаются***. Функциональное различие определяется различием

контекста, в который эти произведения включены, и места, которое они в этом контексте занимают.

Произведения малой формы первого периода создают необходимый контекст ***друг для друга,*** что приводит к необходимости рассматривать их как ***единый текст*** (об этом написала прекрасную диссертацию, которая, я надеюсь, скоро станет книгой, Татьяна Магарил-Ильяева) — в то время как при рассмотрении больших романов Достоевского идея единого текста, на мой взгляд, ***отрицательно*** сказывается на точности анализа и адекватности интерпретации, поскольку чаще способствует тому, что исследователи за некоторым внешним сходством идей и приемов не видят существенной динамики и важных отличий как поставленных в романах проблем, так и предложенных в них решений.

В первом периоде произведения малой формы составляют контекст друг для друга, поскольку автор решает одну глобальную для себя фундаментальную мировоззренческую проблему — и заходя при решении ее в тупик или обнаруживая малоудовлетворительное ее решение, завершает текст и начинает следующий, где проблема остается той же, но изменяется путь и способ ее решения.

Замечу по ходу, что в «великом пятикнижии», то есть в больших формах, меняется для каждого романа именно проблема, которую ставит перед собой автор, поэтому довольно бессмысленно, на мой взгляд, выстраивать всякие типологии героев — если исследователь каждый раз не обращает *приоритетного* внимания на их отличия, а не на поверхностные сходства. В больших романах в зависимости от поставленной проблемы меняются даже характеристики исторических личностей, меняется то, на чем в их характерах и историях ставится акцент, то, что освещается или оставляется в тени, предъявляя нам внезапно *совсем другую* историю: скажем, Наполеон, с которым хочет сравняться Раскольников, и Наполеон, с которым регулярно сравнивает себя Мышкин — это два довольно разных Наполеона (за то, что это стало возможно заметить, нужно поблагодарить Николая Подосокорского, см. его работы: [Подосокорский, 2007], [Подосокорский, 2022]).

Проблема первого периода: Достоевский пишет для того (и все эти формулировки прямо присутствуют в его письмах), чтобы вслед за его былым восторгом ***вырвалась из праха*** душа чистая и прекрасная — душа того, кто будет читать его текст. Но его базовое ощущение в это время: мир везде — жесткая оболочка. Под ней

томится заключенная, запертая вселенная: бесконечный простор, оказавшийся ***разгороженным*** (бесконечность нельзя отгородить, но можно ***раз***городить — и это принесет эффект запертости, в ранних текстах создаваемый ***городом***[3]; а в 1864 году в записи «Маша лежит на столе...» эффект освобождения от этой разгороженности будет описан как главный признак жизни будущего века; *полагаю, внутренне постигнутая писателем возможность падения этих границ и позволяет ему выйти на простор больших форм*). Душа, теряющая, натыкаясь на эту оболочку, жизненный импульс, обрывающаяся в то, что сейчас бы назвали клинической депрессией, должна что-то сделать с этой оболочкой, «не потеряв способности жить на земле» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 118]. Заметим, что уже это непременное условие радикально выводит Достоевского из гностической парадигмы, в которую его, хотя бы в его раннем творчестве, неоднократно пытались и пытаются заключить.

Решение для этой проблемы писатель, в конце концов, обнаружив при ее рассмотрении некоторое количество заводящих в тупик путей и способов, находит в «Неточке Незвановой» и «Маленьком герое».

Художественные произведения малой формы в «Дневнике писателя» также ***непременно*** должны рассматриваться в контексте, но это совсем другой контекст. Эти произведения (в ряде случаев прямо названные — а иногда не названные, но подразумевающие то же название — ***«фантастическими»***) являются необходимым контекстом для условно «нехудожественных» текстов «Дневника писателя» и имеют ***завершающую***, разрешающую заявленную проблему ***функцию***, представляют собой как бы пик развития темы (и в связи с этим представляет несомненный интерес, хотя и далеко не отвечает на все вопросы, идея ***эмблематичности*** малой прозы «Дневника писателя» Валентины Борисовой [Борисова, 2012]).

Именно из-за своей ***завершающей*** роли эти тексты часто представляют собой вне предполагаемого автором контекста произведения ***совершенно загадочной*** для исследователей проблематики, что было ими за последние тридцать лет неоднократно продемонстрировано при анализе художественных текстов «Дневника писателя» — особенно «Сна смешного человека» и «Кроткой».

[3] О важности мотива выхода из города см. в этом номере журнала статью Т.Г. Магарил-Ильяевой [Магарил-Ильяева, 2025].

Дело в том, что Достоевский, рассчитывая на ум и вовлеченность читателя, как-то стеснялся повторяться, особенно в том, что считал ясным из ближайшего контекста, даже отчасти прямо проговоренным там. Вот одно из его оправданий, когда он обнаружил, что читатель ничего не понял, поскольку не связал формально разделенное и не вник в самый ближайший контекст: «я и сам, когда еще писал статью, чувствовал, что нравоучение необходимо; но мне как-то ***совестно*** стало тогда приписать его. Мне показалось стыдно предположить, даже в самом простодушном из читателей, столько простоты, чтобы он сам не догадался о подкладке статьи и цели ее, о нравоучении ее. ***Для меня самого эта цель была столь ясна, что я невольно предполагал ее столь же ясною и для всякого.*** Оказалось, что я ошибся» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 44].

Фантастическими сам Достоевский называет художественные тексты в составе «Дневника» (и объясняет это, опять-таки, прямо и открыто в «Дневнике писателя») потому, что именно в художественных текстах он доводит уровень рассмотрения проблемы до тех «концов и начал», которые «все еще для человека фантастическое». Делает он это постольку, поскольку проблема, могущая быть сформулированной на уровне «насущного видимо-текущего», радикального (корневого) решения на этом уровне не имеет. То есть — в лучшем случае имеет *паллиативное* решение, работающее при том условии, что человек по каким-то причинам оказывается способен долгое время игнорировать проблему.

Фундаментальная проблема «Дневника писателя», как ее формулирует Достоевский прямо в первом, предисловном, номере 1876 года, — это вопрос: что удерживает человека в этой жизни, что может сделать ее ценной и достойной проживания и претерпевания как мелких неудобств, так и больших лишений и катастроф? На уровне «насущного видимо-текущего» это проблема самоубийства и ранней (детской) смерти — и, с другой стороны, это проблема готовности к смерти и на смерть. Если мы смотрим на «Дневник писателя» в этой перспективе, то перед нами оказывается цельный, сплошь связный и совсем не маленький текст — что может, в принципе, вывести то, что мы называем «художественными текстами “Дневника писателя”» вообще за рамки рассмотрения проблемы «малых форм».

Есть и произведения малой формы, явно выходящие за рамки этих двух групп (такие как, например, «Скверный анекдот» или «Зимние заметки о летних впечатлениях»), обладающие собствен-

ной функциональностью в творческой системе Достоевского и прежде всего играющие важную роль в развитии и трансформации его творческого метода (см. об этом: [Тихомиров, 2018], [Касаткина, 2025]).

Комплексный подход к малым формам у Достоевского, их интенсивное совместное изучение в рамках ряда конференций, как мы надеемся, позволит также предложить их внятную классификацию — не ради классификации, а для оптимизации выбора путей анализа конкретных произведений, поскольку методики анализа будут различаться в зависимости от причин использования автором именно малой формы в каждом конкретном случае.

В процессе обсуждения доклада я напомнила об идее Тынянова: он говорил, что в конце концов, чтобы проследить жанр на достаточно долгом протяжении его развития, нужно признать, что для его конституирования оказываются необходимы и достаточны второстепенные признаки ***вроде объема***.

Отвечая на вопрос Л.И. Сараскиной об определении того, что такое «малый» и где границы между малой и большой формой, сказала, что мы имеем определенный набор текстов, «великое пятикнижие», с очевидностью представляющих «большие» произведения Достоевского. А вот что такое «малый», есть ли необходимость выделять «среднюю» форму (то есть — есть ли у малых и средних форм отличие по функциональности), и подобные вопросы мы и собираемся обсуждать в процессе конференции. И мне было интересно посмотреть, как каждый из исследователей выделит для себя малые формы в творчестве Достоевского. Размах оказался значительным: была даже попытка предложить «Записки из Мертвого дома» в качестве малой формы.

А.Г. Гачева (в частности — на примере «Двух разговоров» и входящей в них «Повести об антихристе» Вл.С. Соловьева) акцентировала проблему «малой формы» как произведений, входящих в некое большее единство — и потому невозможных для рассмотрения изолированно от приданного им автором контекста, радикально меняющих при таком выделении из контекста свои основные смысловые характеристики. Вопрос: насколько то же верно для малой формы в составе «Дневника писателя», где малые формы очевидно представляют собой связанное с целым, но все же завершенное внутри себя высказывание? Я ответила, что пример с «Повестью об антихристе» идеально подходит для «Великого инквизитора» в

составе «Братьев Карамазовых», но в «Дневнике писателя» ситуация иная: там художественные тексты малой формы становятся окончательным (и только в художественной форме могущим приобрести эту окончательность) разрешением проблемы, поставленной в окружающих текстах (т.е. в области условно нехудожественных текстов «Дневника») ***на другом уровне***, то есть на том уровне, где проблема вообще не может быть разрешена (поскольку не может быть преодолен дуализм рассудочного мышления).

Художественный текст в «Дневнике» — ***это именно выход за пределы обыденности с ее вечной неразрешимостью***, он похож на минуту перед припадком, как ее описывает князь Мышкин при приближении к первому припадку в «Идиоте» — он есть мгновение абсолютной и запредельной ясности, вдруг прорывающееся в область смутной повседневности.

И поэтому, в принципе, такой художественный текст ***предполагает*** для читателя возможность увидеть его проблематику при изолированной публикации его. Проблема только в том, что у большинства читателей это не получается. Это видно и по множеству статей, скажем мягко, чрезвычайно разнообразно и произвольно истолковывающих поставленную в произведении проблему и цели писателя просто потому, что они не учитывают, что проблема была ***прямо*** выговорена Достоевским в других разделах того же номера «Дневника» — или в первом, ***установочном*** и ***предисловном*** номере «Дневника» (1 номер 1876 года) — который таковым часто и не опознается, потому что есть еще «Дневник» 1873 года в составе «Гражданина». И этот установочный номер начинается с постановки проблемы самоубийства — то есть ***вопроса о том, когда и почему человек выбирает жить, а когда — умирать***. И Достоевский не отходит от этой проблемы на всем протяжении «Дневника писателя». Например, в «Мужике Марее» это о том, что при наличии определенных детских воспоминаний у тебя есть возможность так повернуть зрение, чтобы ощутить любовь, а при их отсутствии ты обречен на ненависть, которая всегда — форма самоубийства.

Валентина Васильевна Борисова (Москва, Музейный центр «Московский дом Достоевского» ГЛМ) в своем докладе **«Малая проза в “Дневнике писателя” Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения и перспективы»** предложила очерк истории изучения художественных текстов «Дневника писателя» во второй половине XX–XXI веке. Она обозначила начало изучения:

на Западе — Дмитрий Владимирович Гришин: *Гришин Д.В.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Мельбурн, 1966. 270 с.; *Гришин Д.В.* Жанры «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Доклад на VI Международном съезде славистов. Прага, 1968. 28 с.; *Гришин Д.В.* Достоевский — человек, писатель и мифы: Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурнский университет, 1971. 369 с. В России — Владимир Артемович Туниманов: Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Л., 1966. И далее развернула избранную аннотированную библиографию по теме вплоть до наших дней. Кроме того, Валентина Васильевна отметила ряд особенностей малых форм «Дневника писателя», в частности, их эмблематическую и прозиметрическую структуру (на примере очерка о докторе Гинденбурге). Говоря о ***перспективных направлениях исследования малых форм***, добавила к уже сказанному на конференции следующие: 1. Особенности проблематики и поэтики малых форм на фоне произведений больших форм; 2. Литературный контекст произведений малой формы Достоевского; 3. [важное! — *Т.К.*] Произведения малой прозы Достоевского как учебные тексты (в школе и вузе).

Поскольку Валентина Васильевна затронула вопрос о моем толковании единой (не единственной!) интерпретации текста, могущей (и должной) включать с свой состав ***противоречащие друг другу, но не противоречащие тексту*** интерпретации — и о «спектре адекватности» интерпретаций (И.А. Есаулов), я сочла нужным поделиться критерием адекватности интерпретации тексту. Критерий этот прост: ***показанное однажды интерпретатором в тексте уже невозможно развидеть***. (Так, например, отозвался однажды С.Г. Бочаров о моем указании на то, что Раскольников, зайдя в распивочную и выпив стакан пива, говорит о наступающей в результате ясности сознания и твердости намерений: «Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря — и вот, в один миг, крепнет ум, яснеет мысль, твердеют намерения!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 11] — при том, что сухарь он ***не ел*** — так, словно речь идет о причастии. Бочаров сказал: это не укладывается в голове (но Достоевский и не собирался писать о том, *что и так укладывается в голове — Т.К.*) — но развидеть это уже не получится.)

Н.Н. Подосокорский напомнил о первой защищенной по «Дневнику писателя» диссертации — И.Л. Волгина.

И поставил важный вопрос об *иллюзорности однозначности* жанровых наименований произведений Достоевского — ***даже если мы следуем принципу называть их в соответствии с волей автора***. Да, Достоевский называет «Кроткую» «фантастическим рассказом» в заголовочном комплексе — но тут же в предисловии сам неоднократно называет ее «повестью», а дальше пишет, что это ***не рассказ и не записки***. То есть — автор на таком маленьком пространстве ***сам*** несколько раз по-разному определяет и переопределяет жанр своего произведения. Докладчице он задал вопрос: есть ли принципиальная разница между повестью и рассказом у Достоевского, к которому неоднократно возвращались на протяжении конференции, но который пока, на мой взгляд, остался без внятного ответа.

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Музейный центр «Московский дом Достоевского» ГЛМ) в своем провокативном — и потому в высшей степени эвристичном — докладе **«Диалектика “малых” и “больших” форм в творчестве Достоевского (некие теоретические соображения)»** определил малую форму как *целостное, композиционно оформленное и завершенное самодостаточное произведение небольшого объема*, где ключевым является критерий *целостности* и *структурного единства повествования*. Для Достоевского использование малых форм в процессе создания большого сочинения можно считать характерной особенностью: романы Достоевского можно назвать конгломератом малых форм (автономных и самодостаточных), особенно если смотреть на них сквозь призму «Дневника писателя»: в романе «Идиот», например, ход действия постоянно прерывается «вставными новеллами» (хотя это не очень удачное обозначение) — их около трех десятков, почти треть романа — и в их ряду история князя Мышкина сама начинает походить на одну из них и с трудом удерживает свое первостепенное значение для сюжета. Первый роман Достоевского вообще состоит из последовательного ряда произведений малой формы — писем (при этом можно заметить, что само письмо можно часто рассматривать как *конспект* большой формы, поскольку автор письма касается в нем разных сюжетов). «Записки из Мертвого дома» практически сотканы из вставных новелл. В «Преступлении и наказании» огромное количество «вставных новелл», а их включение в роман столь органично, что читатель воспринимает их как естественную часть главной романной линии — тогда как на самом деле она вполне мо-

жет обойтись без многих бесспорных с читательской точки зрения «вставных новелл», типа сцены с пьяной девочкой на бульваре и других городских зарисовок, сна Раскольникова о лошади, сцен в полицейской конторе и др. В их числе и сон Раскольникова в Эпилоге: *романное действие без них не нарушится*. То же в «Идиоте». История изъятия из «Бесов» «Исповеди Ставрогина» — прекрасный тому пример. Роман «Братья Карамазовы» возможен без монастырских сцен, без Митиных «надрывов», без Великого инквизитора, Жития старца Зосимы, глав «Мальчики». *Конечно, отредактированные таким образом романы будут совсем другими и перестанут быть романами Достоевского*: «великого пятикнижия» не получится, но как целостная история они вполне смогут существовать. Малые формы или «вставные новеллы» в романах Достоевского — загуститель сюжета, благодаря им романы обретают содержательную плотность и смысловую полноту, они не играют событийную роль, но имеют идеологический характер. «Вставные новеллы» в «Идиоте» (и в других романах) оказываются связаны ***публицистической*** проблематикой, как и в «Дневнике писателя».

Я бы возразила здесь, что при элиминировании того, что докладчик называет «вставными новеллами», не играющими событийной роли, все же радикально изменяется именно характер восприятия событий в романе, тот ракурс, в котором эти события становится возможно видеть читателям (и у нас есть изумительной красоты пример: история рядового Колпакова в «Идиоте» — с точки зрения большинства читателей дикая, лишняя и ненужная — в том случае, если она не понята — и потому проигнорирована — читателем, лишает его возможности увидеть роман как роман о воскресении). То есть «вставные новеллы» именно и формируют нужный для понимания мысли писателя вектор восприятия: «указующий перст автора», о необходимости которого в произведении говорил Достоевский, одновременно «страстно поднятый» — и не стесняющий свободы читателя, потому что, выраженный в такой форме, может остаться им проигнорированным.

Еще одно замечание. Докладчик предлагает рассматривать большие формы как конгломерат малых форм. Однако малая форма определяется им как целостная и ***самодостаточная***? Вопрос: зачем их объединять в конгломерат, если они обладают самодостаточностью? Я бы как раз настаивала на *принципиальной несамодостаточности* малых форм у Достоевского и *обязательности* для них

контекста. Может быть, именно несамодостаточность и отличает их от больших форм: во всяком случае, именно она отличает роман большой формы «Униженные и оскорбленные», не нуждающийся в контексте творчества Достоевского для целостного анализа и интерпретации (а в ряде случаев контекстный анализ способен даже исказить понимание именно этого произведения, поскольку будет *подменять* рассматриваемые в нем идеи и сюжеты, не отличая их от сходных по форме, но *совсем других по функции и смыслу* из «соседних» произведений), от романа малой формы «Белые ночи», чью проблематику сложно внятно определить вне контекста произведений раннего периода.

А.Г. Гачева предложила для понимания неслиянно-нераздельной природы малых форм, могущих создавать *соборное художественное пространство*, вспомнить о романтическом фрагменте и романтическом же цикле, поэтическом.

Докладчик добавил важное для прояснения проблемы: если довести мысль до предела, можно издать сборник рассказов из романа «Идиот» — и это будет собрание законченных произведений. Да, они изменятся в своем значении и смысле — но формально это возможно, потому что они связаны с основным повествованием не сюжетно — они с ним связаны, очень связаны — но ***непонятно как***.

Они связаны не с фабулой — но с сюжетом ***другого уровня*** (добавила я), и именно поэтому такой сборник либо мало будет иметь отношения к идеям романа «Идиот» — либо окажется *не сборником*, поскольку все вошедшие в него тексты будут связаны сверхидеей, меняющей идею каждого рассказа, взятого изолированно, довольно радикально.

В.В. Борисова поставила вопрос о том, как соотносятся «вставные новеллы» романов и произведения малой формы «Дневника писателя», находящиеся в публицистическом контексте. Они все же различаются и по степени эмансипации, и по необходимому контексту, и по функции — и, видимо, их необходимо различать и терминологически.

Докладчик, отвечая, указал на то, что Достоевский непрерывно движется и меняется — и роман «Братья Карамазовы» отличен от романов, предшествовавших «Дневнику писателя» (и в некотором смысле ведших к нему) — он написан со ***структурным*** опытом «Дневника писателя» — и он ***принципиально*** от них отличается. В «Идиоте» собрание «вставных новелл» — это пусть не хаотиче-

ская, но достаточно свободная структура. В «Братьях Карамазовых» все иначе — заметим, там даже главы имеют названия, чего не было в предыдущих романах — и это он делает вслед за называнием глав в «Дневнике писателя».

Владимир Николаевич Захаров (Москва, РЦНИ) в докладе **«"Малые формы": а где жанр?»** сказал, что ему бы вообще не хотелось говорить о концепте «малые формы» у Достоевского, и поставил вопрос: в чем заключается ***содержание*** (или — если опираться на концепт, предложенный авторами трехтомной Теории литературы ИМЛИ 1960-х годов, ***содержательность***) малой формы у Достоевского? (В том смысле, как Бахтин положил содержанием творчества Достоевского **жанр** — ***полифонический*** роман.) Этот вопрос заключает в себе следующий: что такое **малые** и **большие** формы? Достоевский создавал не формы, а жанры: романы, повести, рассказы, фельетоны, статьи, критику, объявления о подписке, полемику, записки — но именно жанры, дефиниции которых имеют смысловое содержание. Жанры обычно ясно определены уже в названии — но с ними исследователи почти всегда не считаются, хотя Достоевский всегда прав в своих художественных решениях. Когда Достоевский называет «Кроткую» в тексте повестью (хотя в подзаголовке стоит «Фантастический рассказ»), нужно иметь в виду, что у Достоевского есть жанровые дефиниции — и жанровые дефиниции, которые Достоевский употребляет в нежанровом значении. «Фантастический рассказ» — определение произведения по типу повествования, а повесть — это повторное переложение, весть о событии — и это внежанрово, хотя по объему «Кроткая» больше многих рассказов Достоевского. Если говорить о небольших по объему произведениях Достоевского — то лучше говорить о малых жанрах, а не формах. Но насколько они малы? Как их измерить? С чем сравнивать? Петербургские повести Достоевского по размеру существенно больше петербургских повестей Пушкина и Гоголя. По объему содержания же каждая из них — безмерна. Объем текста и объем содержания — разные понятия, они далеко не всегда идентичны. В поэтике Достоевского количественные критерии не действуют. Романы «Белые ночи» (меньше 3 а.л.) и «Роман в 9 письмах» (меньше 1 а.л.) по содержанию вполне сопоставимы с другими романами Достоевского. «Роман в 9 письмах» (13 страниц) — полноценный эпистолярный роман, со всеми содержательными и формальными признаками жанра. Сопоставления по количественным параметрам текстов Достоев-

ского не работают, по этому параметру тексты сопоставимы, но все сопоставления случайны по отношению к нашим представлениям. Как быть, если отказаться от понятия «малые» и «большие формы»? Собственно, есть жанры и их типология. Бахтин всю жизнь собирался заняться речевыми жанрами, есть огромный объем его записей — и это огромная тема для разработки нынешними исследователями. У Достоевского есть медиажанры, есть вставные жанры. Всем хватит. «Вставные новеллы», предложенные Павлом Евгеньевичем, не очень удачное название. Нужно обратить внимание на то, что жанр существует, когда он осознается. У Достоевского новеллы как жанра не было, он не использовал это слово. Лучше говорить не о вставных новеллах, а о вставных жанрах (рассказах, например). Речевых жанров у Достоевского много — и не предосудительно их выделять. Они существуют в диалогах и вне их, есть рассказы, рассказы в рассказах и т.д. Что касается «Великого инквизитора» — нужно иметь в виду, что он существует в двух видах — как диалогический эпизод в 5 книге «Братьев Карамазовых», неизвлекаемый из контекста без изменения смысла, — и как поэма вне диалогической композиции, с предисловием автора, подготовленная для публичного чтения — и это чистый жанр, вне романных коннотаций, отдельное произведение. У читателя есть выбор — и зачем же нам отказываться от авторского текста именно поэмы «Великий инквизитор». Этот текст существует в репертуаре Достоевского-чтеца. В изучении речевых, вставных и медийных жанров Достоевского многое не исследовано. Стоит обратить внимание не на то, что затоптали другие поколения исследователей, а на эти неразработанные аспекты поэтики Достоевского.

Я обратила внимание докладчика на то, что «Великий инквизитор», существующий как читавшаяся в собрании поэма, имеет предисловие автора, где автор говорит, что это не его текст, а сочинение героя, обладающего определенными личностными и мировоззренческими чертами. И эти черты в предисловии точнейшим образом обозначены (что как раз не сделано в романе). То есть — поэма и в этом виде не существует вне контекста романа, поскольку в предисловии максимально выразительно и резко описан ее автор — герой романа[4]. (Докладчик здесь ответил, что авторы плутуют, выдавая

[4] Видимо, нужно привести здесь это «Вступительное слово, сказанное на литературном утре в пользу студентов С.-Петербургского университета 30 декабря 1879 г. ***перед чтением главы*** “ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР”» (так его назвала А.Г. Достоевская), чтобы читатель мог судить сам, насколько сопровожденное

свои сочинения за сочинения своих героев.) Кроме того, гениальный чтец Достоевский имел в своем распоряжении массу способов (интонационных, мимических, жестовых) оформить свое чтение таким образом, чтобы читатель получил насыщенную ***внетекстовую*** информацию о поэме, компенсирующую отсутствие контекста.

Остались за кадром вопросы: 1) что значит: «**Кроткая**» — **повесть в нежанровом значении** у Достоевского? 2) Докладчик сказал: «**Лучше говорить не о малых формах, а о малых жанрах**». Но как одно можно заменить другим, если у Достоевского некоторые романы — одни из самых малых форм — и, как бы мы не старались «безмерно» описать их содержание — и по нему тоже они очевидно не сопоставимы с большими романами?

Владимир Александрович Викторович (Коломна, Государственный социально-гуманитарный университет), прежде чем приступить к докладу **«“Картинки” и “фантазии” в становлении жанра “Дневника писателя”» (1873)**[5], заметил по поводу предшествующего разговора, что Достоевский не был радикально против извлечения текстов из исходного контекста: он благословил Анну Григорьевну выбрать тексты из «Дневника писателя» и напечатать их в сборнике для детей. Текст вынослив, он способен регенерировать произведенные обрезки. Он способен жить в разных контекстах и разных условиях. Текст обладает прочностью — и потому можно выделить «Великого инквизитора». А доклад был посвящен

таким предисловием сочинение героя можно считать самостоятельным текстом. «Один страдающий неверием атеист в одну из мучительных минут своих сочиняет дикую, фантастическую поэму, в которой выводит Христа в разговоре с одним из католических первосвященников — Великим инквизитором. Страдание сочинителя поэмы происходит именно оттого, что он в изображении своего первосвященника с мировоззрением католическим, столь удалившимся от древнего апостольского православия, видит воистину настоящего служителя Христова. Между тем его Великий инквизитор есть, в сущности, сам атеист. Смысл тот, что если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом **социальной** любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему. Изложено в виде разговора двух братьев. Один брат, атеист, рассказывает сюжет своей поэмы другому» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 198]. Здесь и далее в цитатах — полужирный — выделено цитируемым автором; курсив и полужирный курсив — выделено мной — *Т.К.*

[5] РНФ, проект № 24-18-00785 «“Гражданин” Достоевского: концепция, полемика, атрибуция, исследование (1872–1874)».

названию — и жанровой дефиниции — самого Достоевского (неоднократно использованной) — «***Маленькие*** картинки», которые, кроме публикации в «Дневнике писателя», были опубликованы как ***отдельное*** произведение в сборнике «Складчина». Жанровым определением «картинки» Достоевский называл не только свои произведения, но и те, которые редактировал, отделяя их от жанра «рассказа». Определяя свои тексты так, Достоевский «простодушно» объяснял: «Я думал, что название спасет меня: маленькие картинки, а не большие, с маленьких не так спросят» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 113]. [Что — замечу я — прямо указывает на то, что объем для него ***значим***, причем в разных аспектах, в данном случае он прямо указывает на аспект читательских ожиданий и авторской ответственности, пусть все это и иронично высказано: то есть — совсем не значит, что читательские ожидания или авторская ответственность и в самом деле *меньше*, если речь идет о *маленьком* тексте — но значит, что на «маленьком» материале он позволяет себе строить глобальные заключения — *Т.К.*]. Потому что дальше он делает из «маленьких» картинок огромный вывод: «Меня утешало, что я хоть ***намекнул*** на мой главный вывод, то есть что в огромном большинстве народа нашего, даже и в петербургских подвалах, даже и при самой скудной духовной обстановке, есть все-таки стремление к достоинству, к некоторой порядочности, к истинному самоуважению; сохраняется любовь к семье, к детям» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 113]. ***Намекает*** — значимое для Достоевского слово, оно как раз и указывает на процесс извлечения большого из маленького, ***мирового*** из частного, из того, что представляется незначительным. Жанр «маленьких картинок» зарождается в фельетоне Достоевского, в котором ***наблюдатель***, глядя на ***картинку***, видит ее ***изнанку***. Этот жанр у Достоевского — от Бальзака. Наблюдение, перерождающееся в ***фантазию***, — описание рождения писателя Достоевского. И фантазия — это и есть углубленное видение реальности, в том числе — ***восполняющее*** отсутствующие в реальности элементы (не ***придумывающее*** их). «Дневник писателя» — то, что видит ***писатель*** — а не журналист, не имеющий права додумывать. Интересно, что, уничтожая Достоевского-публициста, враждебная газета напечатала «Мальчик у Христа на елке» — и Достоевский был рад другому контексту.

Я тут уточнила (в согласии с докладчиком), что Достоевский не другому контексту был рад — а вторжению ***своего*** в этот чуждый

контекст — то есть он радовался не захвату своего в плен чужого — а отвоеванию себе места в этом чужом — и тому, что его текст начал этот враждебный контекст потихоньку перестраивать.

Докладчик мимоходом заметил, что «Хозяйку» можно рассматривать как сон Ордынова. Но тут надо заметить, что *Ордынову снится совсем другой сон — и он описан автором как сон, который вскрывает существо происходящего.* То есть в повести определенно есть *разные* уровни реальности — и их вряд ли продуктивно смешивать или сводить один к другому.

Александр Борисович Криницын (Москва, МГУ) в докладе **«“Чужая жена и муж под кроватью” в контексте поэтики и проблематики прозы Достоевского»** обозначил малое внимание исследователей к тексту, который, однако, позволяет понять общую логику поэтики Достоевского; в данном случае, это переход от первоначально шутливо-водевильного рассказа к гротескному и даже фантастическому повествованию. Докладчик отметил важные моменты, которые я укажу концентрированно. Смена — или вернее отмена — общественного статуса в процессе «личной истории». Тела и лица героев (тело в наличии — лицо нужно скрыть). «Значительное лицо» (общественный статус, иерархическая лестница). Тела уравнивают («между нами, молодыми людьми»: молодость для лиц — ущерб, для тел — преимущество). **Дружба–вражда между мужем и любовником**. ***Интимное*** пространство дома и проникновение туда нескольких мужчин (потрясающая символика). Райская гармония, достигаемая путем позора и стыда (потом Ростанев и Мышкин с вазой) — здесь — убийство болонки. Лежание под кроватью как **метафора похорон** (живые мертвецы, «Бобок»). Попадание под кровать как попадание в крокодила (неприличный пассаж, из которого можно нечто извлечь). Любовный треугольник — это треугольник мужа и двух любовников, где жена — точка посередине (на абсолютно первый план выходит не любовь, а ревность — а ревность — путь развоплощения и потери себя). Жена — вещь, потеря которой угрожает потерей статуса и сущности (если статус и есть сущность). Второй (настоящий) любовник — человек **бесконечного** роста (гоголевский мотив конца «Шинели»).

Н.Н. Подосокорский заметил, что есть рассказ, на который, видимо, «Чужая жена и муж под кроватью» писался как литературный ответ: это рассказ Плещеева «Енотовая шуба».

Я отметила (по поводу «любовника бесконечного роста»), что деталь у Достоевского никогда не воспроизводит гоголевскую деталь, но всегда предлагает ряд дополнительных измерений. Так любовник «бесконечного роста» здесь не только указывает, в свете конца «Шинели», на того, кто приходит из посмертного бытия (то есть получается, в связи с показанной в докладе другой структурой «любовного» треугольника, что выход за пределы классического «треугольника» — это как бы и выход за пределы 3-х измерений («точка» жены — и есть четвертое, неосвоенное героями, сводящими ее к функции и вещи, измерение) — не забудем, что Достоевский — инженер, причем недавно выпущенный из учебного заведения, то есть — он мыслит математически), но указывает еще и на бесконечность количества тел, а не только на размеры одного тела: после появления второго любовника количество любовников может возрастать бесконечно (второй член (в математическом смысле) открывает арифметическую прогрессию). А вопрос мой состоял в том, что происходит, когда мы уже преобразованную Достоевским деталь, посредством указания на литературный прецедент, сводим обратно к гоголевской? Не уплощает ли это текст Достоевского? В ответ развернулась беседа о значении этой детали у самого Гоголя.

Николай Венальевич Капустин (Иваново, Ивановский государственный университет) сделал доклад на тему **«Скверный анекдот» Достоевского: игра с новеллой (притяжения и отталкивания)**, отметив предварительно в рамках общей дискуссии, что для него также исследование литературы невозможно вне категории жанра, и что бахтинская идея речевых жанров, не востребованная, по словам В.Н. Захарова, в достоевсковедении, вполне востребована в чеховедении.

Докладчик сказал: то, что Достоевский не любил слова «новелла», ни о чем не говорит, его не любили все русские писатели, но при этом работали в жанре новеллы. [Тут встает вопрос: кто определяет здесь жанр? Исследователь? На основании ***собственных***, а не автора, представлений о жанрах, очевидно? То есть — вторгаясь в авторские представления собственной, не соответствующей им теорией — *Т.К.*] «Скверный анекдот», однако, не новелла, а рассказ с новеллистической ситуацией — то есть новелла, в высшей степени трансформированная Достоевским за счет глубочайшей содержательности, появления ***двуплановости***. (Сходство с новеллой отражено и в названии «анекдот»: присущее анекдоту (историческому анекдоту)

свойственно и новелле (Гете говорил, что главный признак новеллы — «неслыханное событие»)). Второй план (трансформирующий новеллу) возникает за счет деталей, подробностей и очень сильной интертекстуальности (не только евангельской и фольклорной, которые исследовались, но и гоголевской). На втором плане рассказ — это противопоставление Ветхого и Нового завета, на чем и строится дальнейший анализ.

Из интересных попутных замечаний:

Достоевский показывает, что самоанализ свойствен самолюбивым людям.

Пралинский — это Достоевский. [Что справедливо как минимум в том смысле, что сатира Достоевского всегда направлена в первую очередь на него самого — *Т.К.*]

Достоевский гениально изображает психологию пьяного.

Н.Н. Подосокорский ответил на вопрос докладчика, усомнившегося в том, доступно ли было Достоевскому «Слово о законе и благодати», что оно было опубликовано в 1844 году церковным историком Александром Горским в издании «Прибавления к Творениям св. Отцов».

Рицуко Кидера (Япония, Киото, Университета Киото Сангё) в докладе **«“Село Степанчиково и его обитатели” как зачаток поздних романов»** выделила в «Селе Степанчикове» и «Преступлении и наказании» общую линию счастливых брачных союзов, находя наиболее адекватным проявлением любви стремление обеспечить благополучное материальное положение невесты и почти приравняв в этом смысле Ростанева и Лужина (списав обвинение последнего Раскольниковым в стремлении владычествовать над взятой из нищеты женой на его раздражение от того, что Лужин во время визита заговорил об убийстве). Также признала зачатком обращения в «Братьях Карамазовых» Маркела перед смертью смерть генерала в «Селе Степанчикове» — струсившего при приближении смерти бывшего атеиста и вольнодумца, плакавшего от нежелания умирать. Достоевский (по мнению докладчицы, всю жизнь колебавшийся между верой и атеизмом) сначала создает малую комедийную форму, которая перерастает в трагические романы с серьезной социальной и религиозной проблематикой.

Татьяна Александровна Боборыкина (Санкт-Петербург, Факультет Свободных Искусств и Наук СПбГУ) сделала доклад **«“Белые ночи” Достоевского: от малой формы к большой судьбе»**,

легший в основу блестящей обширной статьи, уже опубликованной в предыдущем номере нашего журнала (см.: [Боборыкина, 2025]).

Кямаля Айдын гызы Умудова (Азербайджан, Баку, Бакинский славянский университет) в докладе «**От Девушкина до Мышкина: к генезису характера положительно прекрасной личности у Достоевского**» рассказала о том, что герои ранних произведений: Девушкин, Шумков, Мечтатель (которых можно рассматривать как героев одного произведения) — это варианты одного характера «маленького человека», в котором пробуждается «сокровенный человек», — и предшественники Мышкина, с которыми он *генетически* связан.

Интересен для меня в докладе показался образ Шумкова («Слабое сердце») — трактованный как образ *мечтателя*, который получил все, о чем мечтали герои «Бедных людей» и «Белых ночей» — и не выдержал своего «беззаконного» счастья. С ним наиболее последовательно докладчик сопоставляет Мышкина, указывая и расхождения: на Васю давит красота мечты, на Мышкина — безобразие действительности.

Но, пожалуй, самое интересное в докладе — отмеченная докладчицей предшественница минуты Мышкина перед припадком в ранних произведениях: например, минута счастья, которой хватит на целую жизнь человеческую, у героя «Белых ночей». Минута, сказала бы я, которая всегда выделена из обычного течения жизни и может стать переходом от одного к другому — а может закапсулироваться в себе как амулет-воспоминание.

Денис Александрович Жерноклеев (США, Нэшвилл, Вандербильдский Университет) в докладе «**Похоть очей: фельетон и исповедь в поэтике Достоевского**» рассматривал важность фельетона именно для романной поэтики Достоевского. Вопрос не в том, являлся ли гениальным фельетонистом сам Достоевский, а в том, почему фельетонистом является Иван Карамазов. Почему невинный мечтатель ранних текстов, бродящий по улицам в поисках впечатлений оказывается настолько важен, что Достоевский вводит его как центральную фигуру в свой последний роман. Диалог Ивана с Алешей — это исповедь, не устоявшая перед искушением превратиться в фельетон. В «Записках из подполья» Достоевский впервые открывает тяготение исповеди к фельетону: то, что Августин назвал «похоть очей» — бегство сознания от истины посредством растворения себя в ярких гротескных образах. Следствие этого — невоз-

можность естественной исповеди. Исповедь — чудо, дар свыше: в такой исповеди сознание не проговаривает правду о себе — но впервые слышит ее от Бога. Руссо оспаривает Августина и уверен в возможности естественной исповеди. Антиавгустинизм становится оправданием и основой современной Руссо литературы, романа. Достоевский в «Записках из подполья» возвращается к Августину, отталкиваясь от Руссо, вновь утверждая, что **похоть очей делает исповедь невозможной**. Полифоничность Бахтина зарождается из фельетонной фрагментарности. Сознание у Достоевского фельетонно — но у Достоевского это повод для печали. Бахтин не видит потока, направленности фельетона у Достоевского, для него фельетон — заводь. Фельетонное сознание = эпистемологическая катастрофа. **Фельетонист взламывает и пытается переформатировать сознание собеседника посредством гротескного образа, серии образов, по видимости фрагментов, картинок, создающих однако поток (мощный вектор воздействия)** (первая встреча подпольного с Лизой). Бахтин называет троеточия в речи подпольного моментами ощущения им на себе читательского сознания. Но подпольный реагирует на это направленное на него сознание так же, как он реагирует на взгляд Лизы — фельетонно — он забрасывает это сознание гротескными, могильными изображениями себя. Могильность и гротескность у Достоевского — связанные вещи, в «Идиоте» они встречаются между собой при появлении картины Гольбейна. Цель фельетониста — ввергнуть сознание взаимодействующего с ним в состояние эпистемологической беспомощности и беззащитности.

В последующей дискуссии выяснилось, кроме прочего, что Иван, стремясь вырвать Алешу из любовного отношения с миром, противопоставить его Божьему миру, одновременно пытается вернуть его в свойственное самому Ивану похотное отношение к миру — и тем самым все же восстановить общность и единство — пусть это даже будет единство в разделенности. Похоть — это другой полюс, радикально извращенная любовь (любовь — рай, похоть — ад).

Анна Алексеевна Кудалина (Москва, НИУ ВШЭ) сделала доклад «**Особенности темпоральной структуры и контингентность события в нарративе героя (“Кроткая” Ф.М. Достоевского)**». По ее мнению, в ходе повествования герой приходит к представлению о реальности как о том, что не поддается контролю (является контингентным). С самого начала герой задается идеей *порядка* высказывания — и ожидает, благодаря порядку, в процессе высказы-

вания найти ответ на свои вопросы (к такому же порядку и контролю он стремился и в своей жизни, *рассчитывая* свое будущее — в том числе, через накопление необходимой для его реализации суммы). Но порядка в повествовании не получается, «я все путаюсь», растерянность выражается междометиями и многоточиями (как не получается и достижения запланированного будущего: сосредоточенность на будущем приводит героя к игнорированию настоящего: оно оказывается важно лишь как фундамент *запланированного* будущего). В композиции (в речениях героя, комментирующих или структурирующих его изложение) также выражается идея жажды логичности и последовательности, которой не обнаруживается. Автор заявляет в предисловии о достижении героем истины, но что это за истина — остается вопросом. В процессе высказывания от категории «планов» герой переходит к категориям «причины» и «следствия», но телеологичность мышления далее разрушается обнаружением контингетности как основы реальности, которая прежде всего определяется наличием воли у другого. Связка нехватки времени и денег в произведении: брак Кроткой является следствием нехватки и того, и другого. Ле Гофф говорит о восприятии в средние века ростовщичества, как кражи времени, принадлежащего только Богу, — потому что ростовщик заставляет платить за время, прошедшее между ссудой и ее возвращением, — и закладчик Достоевского в принципе стремится распоряжаться тем, что ему не принадлежит, — и узурпированное время наказывает героя. Вероятно, та истина, к которой приходит герой в конце — в осознании контингентности, т.е. невозможности контроля как над высказыванием о реальности, так и над реальностью. Идея контингентности противостоит идее причинности (Достоевский показывает несостоятельность последней), господствующей в XIX веке.

Я задала вопрос: почему используется слово «контингентность», а не «случайность»? Поскольку контингентность, которую докладчица сложно описывала как примерно «беспричинную возможность» (или возможность, имеющую свою причину на недоступном позитивистскому взгляду уровне), просто и глубоко определил Пушкин, сказав, что *случай есть мгновенное мощное орудие Провидения*: то есть, он именно о том и говорит, что случайность одного уровня — есть закономерность другого уровня — и это все совокупляется в слове «случай». Докладчица ответила, что на обычном уровне восприятия

случайность все же противопоставлена необходимости — и «контингентность» тут может послужить словом, объединяющим антонимы.

Я сказала о том, что очень важна в докладе замеченная «капелька времени», данная на раздумья о браке, — только стоит еще обратить внимание на то, что она дана героине не только в начале — но и в конце (и не дана закладчику, который «всего только пять минут опоздал»). (Она, кажется, особенно интересна в сопоставлении с минуточкой, о которой умоляет в «Идиоте» графиня Дюбарри, — оказывается, это может быть не просьба о непонятно зачем на краткий миг продленном времени жизни — а о той минуте, за которую можно ***решиться*** на смерть.)

В.В. Борисова отметила как недостаток доклада то, что произошло наложение сторонней теоретической модели и искусственного языка на живой художественный текст.

Ольга Анатольевна Меерсон (США, Вашингтон, Джорджтаунский университет) в докладе **«Рамочный рассказ в “Честном воре” как ключ к аксиологии совести у Достоевского»** говорила о присутствии в ранних произведениях *структурного* зародыша позднейших *аксиологических* максим и систем, развиваемых в больших романах. В «Честном воре», за счет сходства сюжета и сложного соотношения нюансов рамочного и внутреннего рассказов, именно структурно выражена идея: «преступника, грешника нельзя осуждать, когда его осуждает его собственная совесть; в таком случае должна отступить и строгость закона»[6]. Докладчица считает, что *событие* рассказа (кража бекеши неведомым вором, как полагает она — по сговору с Астафием) происходит в рамочном рассказе, а весь внутренний рассказ — лишь притча, рассказанная Астафием о восприятии (осознаваемом и неосознаваемом) этого события им самим и рамочным рассказчиком, в которой сам Астафий оказывается на месте рассказчика, а его место занимает Емеля. Астафий передает внутренние муки и ад, в котором оказывается не признающийся преступник, так, как можно передать лишь пережитое самим человеком. А его презрение и высокомерие по отношению к Емеле становится описанием чувств рамочного рассказчика к самому Астафию, в которых тот себе даже не признается, не только их не высказывает —

[6] Я бы иначе сформулировала эту идею в больших романах и публицистике Достоевского: преступник, которого обличает совесть, ***получает облегчение*** от внешнего осуждения по закону: внешнее осуждение ***разрешает*** невыносимое напряжение осуждения внутреннего.

но Астафий предлагает его совести это зеркало внутреннего рассказа. (Как скажет потом Раскольников: подлец человек, и подлец тот, кто его за это подлецом называет.) И единственная возможная мотивировка рамочного рассказа, повторяющего сюжет внутреннего рассказа — эта мысль о цепной реакции совести. «Преступление и наказание» ясно показывает, что совесть активизируется в преступнике только тогда, когда его перестают ловить — физически или на слове.

Я заметила, что сходство, структурное или идейное, рамки и рассказа — фундаментально для текстов Достоевского. Что касается, например, «Кроткой», в ней сходство идеи рамки и рассказа — в стремлении отменить смертную казнь. И если мы этого сходства не учитываем — мы растериваемся в восприятии «Кроткой», потому что она точно не о тех психологических проблемах межполовых взаимодействий, которые из нее так часто вычитывают. Но — в случае «Честного вора» все же возможно и другое объяснение рамки — рамочный рассказ здесь, возможно, затем (и поэтому жалко утратить Емелю, поняв его как чистую проекцию Астафия), чтобы показать, что ты отдаешь (и материально, и эмоционально) лишь и ровно то, что сам получишь ***потом*** (и тут перед нами почти в открытом виде оказывается не такая уж редкая парадоксальная временная структура у Достоевского), когда сам будешь нуждаться — не больше? (Как бы ты, давая без отдачи, даешь взаймы Богу, и, кстати, поэтому то, что ты однажды отдал, не позволит тебе опуститься совсем до состояния того, кому ты благодетельствовал. Потому что Бог возвращает с процентами.) И тогда это не цепная реакция больной совести — а цепная реакция взаимных благодеяний?

Т.Г. Магарил-Ильяева указала на обратную ситуацию в «Двойнике», когда Голядкин приходит в начале к Кристиану Ивановичу и рассказывает о чем-то достойном, что он совершил — но как будто про «одного своего знакомого», оказываясь неспособным присвоить себе тот свой поступок, которым мог бы гордиться, вынужденный поставить между таким поступком и собой другого, который это может делать.

Далее я сделала свой второй доклад: **«“Демон” Лермонтова в “Кроткой” Достоевского»**, посвященный присутствию в «Кроткой» ***не упомянутого*** там произведения Лермонтова, опознаваемого при этом не как ситуативная аллюзия, но как сплошная сюжетная «подкладка» текста, создающая ценностные ориентиры во всех

ключевых местах и позволяющая зачастую полностью изменить их этическую оценку и иначе увидеть онтологические свойства происходящих событий.

Эниса Успенская (Сербия, Белград, Университет художеств) сделала доклад **«“Кроткая” Ф. М. Достоевского и “Злоупотребление” И. Андрича»** статью на основе которого можно прочесть в этом номере нашего журнала [Успенская, 2025].

Людмила Ивановна Сараскина (Москва, ГИИ) сделала доклад **«“Сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека...” Сокровенная цель одного путешествия»**, статья на основании которого уже опубликована в нашем журнале (см.: [Сараскина, 2025]). Докладчица тоже отметила резкое расширение масштаба проблематики и уровня ее осмысления при переходе от зафиксированной в реальности «картинки» к тому, что «мерещится» автору, выходящему усилием воображения за пределы сообщенного ему наблюдателем.

Докладчица, по ознакомлении с обзором, сочла нужным дополнительно акцентировать следующие вопросы:

1) как фактор «малой формы» влияет на содержание произведения (и влияет ли?)?

2) почему разработка художественного образа, созданного писателем, при этом интересного и важного для него, укладывается в малое пространство текста?

3) вообще – есть ли какая-то причинная связь между избранной писателем малой формой и тем содержанием (иногда весьма значительным), которое вынуждено втискиваться в крохотный объем?

Она подчеркнула, что в рассказе «Столетняя» важен не только поднятый писателем вопрос о значении и смысле старости, в том числе и для изображения ее в искусстве, а то, что престарелая героиня рассказа – человек богатырского духа, мудрости и решимости (не зря образ старушки разрабатывался вместе с сюжетами эпоса об Илье Муромце). Других таких старичков и старушек, которые бы столь отважно и «непостыдно» смогли распорядиться своим уходом из жизни (героиня своим походом к «внучкам» буквально организовала себе достойную кончину), у Достоевского нет. Старушка Мария Максимовна, единственная в своем роде героиня Достоевского, заслуживала бы специального биографического рассказа, и Достоевский мог бы его написать. Но не написал. Не успел? Ведь тема убывающей, исчезающей жизни и способа ухода из нее здесь

связаны теснейшим образом. Ничего подобного в других его произведениях нет. Не знаю даже, есть ли вообще у кого-нибудь такое (не об эвтаназии речь). Сверхмалая форма смогла деликатно вместить уникальное содержание.

При обсуждении доклада было предложено сделать конференцию о стариках в литературе. Я отметила тенденцию, ***противостоящую*** нынешнему настойчивому тренду на то, что жизнь (по крайней мере, для женщины) есть лишь до 30 лет и быть / выглядеть старше стыдно. Эта тенденция давно развивается в философском фэнтези: например, у Терри Пратчетта самые потрясающие героини — старухи, а у Светланы Мартынчик в «Лабиринтах Эхо» могущая принимать свой облик по выбору героиня — самый знающий и могущественный маг в этих мирах — ***выбирает*** облик бабушки. Нынешний тренд на молодость, внушающий молодежи, что лишь они — настоящие люди, лишь их мнение ценно, очень понятен: молодыми людьми гораздо легче манипулировать, делая из них «полезных дураков», готовых стоять «за идею», что работает на чьи-то доходные масштабные проекты, вовсе не отвечающие заявленным публично идеальным параметрам — и не давать им умнеть по мере взросления, отправляя их в съедающую все силы и внимание погоню за ускользающей молодостью. И об этом надо говорить громко и часто.

Геннадий Юрьевич Карпенко (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева) в докладе **«“Старые люди” Ф.М. Достоевского (сказанное и прикровенное): В.Г. Белинский и Ф.М. Достоевский в “пушкинской перспективе”»** говорил об обозначенном через скрытые евангельские цитаты христоподобии Пушкина в речах Белинского и Достоевского о нем; о том (привожу тут чуть сокращенные собственные тезисы докладчика), что во Вступлении к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевский дает «кодовые ключи-подсказки» к прочтению и пониманию главному участнику События «Дневника...» — читателю. Читателя, чтобы ему что-то открылось, писатель намеревается ввести «здесь и сейчас» в ситуацию «дуэли», «последнего мгновения», в ту «дантову» — онтологическую — точку ада, где возможно «переворачивание»-преображение («здесь же всё вверх дном на тысячу лет»). Упоминанием «тысячи лет» писатель указывает на «переходность» мира и нашего читательского состояния, на возможность наступления «тысячелетнего царства», и, переходя почти без повествовательного разрыва от Вступления к характерологическому очерку

«Старые люди», обозначает открытость малой жанровой формы, ее всеобъемлющий — и «апокалипсический» — контакт с прошедшей и настоящей реальностью, «ибо время близко», и в свете «тысячелетнего царства» выражает мысль о своей ответственности как «нового» человека перед ним. В «Старых людях» образ Белинского — это ***alter ego прежнего Достоевского***, биографически отсеченный («скованный») образ «старого человека» (прежнего, уже отвергнутого: «низверг его в бездну»): «Я застал его **страстным** социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма... я **страстно** принял всё учение его». Но как Достоевский, страстно принявший его учение, не идентичен в настоящем себе прежнему, точно так же и Белинский не равен самому себе, является не тем, каким он явлен в очерке: «...разве тут я всё сказал, разве то я мог бы сказать! И совсем-то, совсем его не понимают. Я хотел бы просто привести его собственные слова — и больше ничего... Ну, и не могу». **«Собственные слова» Белинского:** «В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциональными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа»; «Душе Пушкина присущна была прежде всего та поэзия, которая не в книгах, а в природе, в жизни, — присущно художество, печать которого лежит на “полном славы творении”... Пушкин был призван быть живым откровением ее (поэзии — *Г.К.*) тайны на Руси». Такая соотнесенность Пушкина с «живым откровением» выводит его творчество в ряд «благих вестей», «священных книг», где запечатаны-запечатлены тайны. «Светлый взгляд» на мир и на человека: «Он ничего не отрицает, ничего не проклинает, на все смотрит с любовью и благословением»; «Для него все предметы были равно исполнены поэзии». Опыт преображения. «Мы увидели даль без границ, глубь без дна, — с трепетом отступили назад... Что так поразило нас?.. дыхание занимается в груди нашей, и на глазах дрожат слезы трепетного восторга... Пушкин, Пушкин!.. И тебя видели мы... Неужели тебя?.. Великий, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто был ты?..» Белинский воспринимает и оценивает Пушкина в свете новозаветного Слова. «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; **и мы видели славу Его**», — свидетельствует апостол Иоанн в Евангелии об увиденном Боговоплощении. «**И тебя видели мы**», — со «слезами трепетного восторга», находясь в состоянии высшего изумления, свидетельствует критик о воплощении на Руси художественного Слова. В концепции Белинского пушкинское

творчество как «художество» вбирает в себя в претворенном виде все линии развития мирового духа и культурно-исторической жизни: инволюционные и «поэтико-эволюционные» процессы природы, античные и ветхо-новозаветные ценности, любовь ко всему родному и сердечную отзывчивость ко всему человечеству. Достоевский в «Речи о Пушкине» также задействует религиозные слова, соотносимые с образом Христа, и вводит поэта в контекст событий Священной истории. Пушкин есть явление *«невиданное и неслыханное»*, *тайна*, которая еще не разгадана, *новое слово*, освещающий темную дорогу русской истории *свет*, *пророк*, предрекший будущее своего народа. Как «идеал русского человека» Пушкин стал провозвестником будущего нового мира, когда воплотится «целое» человеческой личности. В своем творческом гении Пушкин выразил «полноту Христову», к которой тяготеет русский человек, — «всемирную отзывчивость», «всепримиримость», «всечеловечность».

Георгий Сергеевич Прохоров (Коломна, Государственный социально-гуманитарный университет) начал свой доклад «**Поэтика голосов: система точек зрения в очерке “Среда” Ф.М. Достоевского**» с напоминания о том, что Бахтин считал: в публицистике Достоевского полифония очень слабо выражена, почти не проявлена, преобладает голос публициста. Еще усилено это положение Зунделовичем, разделившим Достоевского на «художника» и «мыслителя». Очерк «Среда» — публицистика, и преобладает там тип высказывания «ментатив», логическое последовательное рассуждение, строящееся так: немотивированные оправдания в русском суде присяжных невозможно объяснить гуманностью, гуманность свойственна любому христианскому народу, такие оправдания — это не составляющая национального характера, а ошибка. Однако, как показывает Волгин, публицистические высказывания Достоевского не воспринимались как таковые его современниками-читателями — потому что «ментатив» в них оказывается пронизан «фантазиями» автора: фрагментами, не ориентированными на факт, тем, что ему «мерещится», «мечтается» — словами, отделяющими фрагмент от логикоориентированного текста — и фактологическая точка зрения сменяется на субъективную. Получается «ментатив», от которого отпочковываются художественные зарисовки, не поддержанные реалиями, что неожиданно и необъяснимо для публициста. Эти художественные зарисовки раскрывают внеположные ментативу точки зрения. Вероятно, задача приведенных картинок — расширить

ментатив, сделать его «телеснее», что есть задача — все же — эстетического порядка (конкретно-чувственная форма). Но голоса могут приходить и извне: из других газет, и из ***ниоткуда***. И эти голоса не подчинены напрямую голосу публициста: оценка публициста может подчеркивать неприятие данного голоса, но она не отменяет сказанное им, более того — идеологическое отвержение может сопровождаться эстетическим принятием. И в определенные моменты эти голоса могут очевидно для читателя становиться ***фактически точнее*** голоса публициста, поправляя то, что ему «мерещится». Если эти голоса облечь в тела — получился бы рассказ (типа «социальный реализм»), в котором разные герои с разными позициями спорили бы о суде присяжных в России (порой доотелеснивание героев и добавление черт к реальной ситуации происходит прямо в очерке). То есть — в «публицистическом» очерке Достоевского мы имеем дело с писательской лабораторией: мы видим, как идеи претворяются в мотивы, обрастают плотью, создают персонажей, как становится сюжет. Это создает как специфику очерка у Достоевского, так и проблемность читательского восприятия: читатель сталкивается с постоянной дилеммой: перед ним публицистическое рассуждение или художественная миниатюра? А перед ним текст, в котором два состояния литературы находятся в предельной напряженной взаимодополнительности.

То есть Достоевский у нас один, в публицистике мы находим те же процессы, что и при создании художественных текстов. Но интересно понять, что происходит, когда его «Дневник» воспринимается читателем, собирающимся прочесть ***журналистский*** (публицистический, ориентированный на факты) ***текст***. Термин «ментатив» был взят из теории журналистики, как определяющий тип публицистического нарратива — именно для того, чтобы показать, что у Достоевского он в чистом виде не работает.

Я обратила внимание на то, что в первый день конференции мы уже говорили об обличении в тела или события мыслей в «Дневнике писателя» — и вывод был тот, что у Достоевского не обнаруживается собственно публицистических текстов, что в «Дневнике» есть «условно нехудожественные» тексты в которых поднимаются проблемы — и которые в момент разрешения поставленных проблем сменяются «совсем» художественными текстами. Но главный вопрос — о том, можем ли мы считать хоть где-то (понятно, что в романах не можем: даже по сравнению со старцем Зосимой Достоевский

говорит нечто иное и гораздо более сложное) один из голосов — за голос автора. Возможно, ***авторская*** речь в «Дневнике писателя» и состоит из системы голосов, представляющих точки зрения, ни одну из которых автор не хочет упустить, но соединить их оказывается возможно лишь по принципу дополнительности. То есть — это не полемика — но высказываемые в тексте Достоевского идеи принципиально не укладываются в один нарратив, они из разных, и это очевидно — но они все должны быть учтены, чтобы состоялась хоть какая-то истина. У Достоевского (в отличие от Белинского, и недаром перед «Средой» идет воспоминание о словах Герцена об одном из текстов Белинского: «Ты-то умный, но что ж ты с таким дураком разговаривал?») нет собеседников-дураков, которые легко опровергаются, просто его голос складывается из ***несовместимых*** в области «насущного видимо-текущего» нарративов.

Докладчик ответил, что и у него «публицист» — это не обозначение авторского голоса, а обозначение одного из голосов. Но в данном случае его больше интересовала глубинная взаимодополнительность, нерасчленимая сплетенность у Достоевского публицистического и художественного, которую совсем непонятно, с чем можно было бы сопоставить. Это очень напоминает лирический мир с его неразделимостью автора и героя.

Я заметила, что лирический мир, кажется, оказывается гораздо более прямолинеен, чем «Дневник» — уникальный журнал ***одного*** автора, где присутствуют ***все*** противостоящие друг другу нарративы с полным объемом аргументации (то есть — он оказывается даже гораздо более объемным, чем обычный, создаваемый многими авторами, журнал ***одного направления***). То есть — то что описывал Бахтин для романов, не дописывая только того, что при этом и в романах, и в «Дневнике» все равно формируется очень цельная авторская позиция, не могущая быть оформленной уровнями ниже, в прямом дискурсе.

Для рассмотрения «Дневника» важно, однако, еще учитывать, что и номер «обычного» журнала формировался в XIX веке очень целостно (и сейчас это практически не с чем сравнить), создавался единый, целостный по проблематике номер, в котором состыковывались публицистические статьи с публикуемыми художественными текстами, и одни художественные тексты были практическим комментарием к другим художественным текстам, то есть журналистское дело было на очень высоком уровне: тот журнал и та журналистика —

это СОВСЕМ не те журнал и журналистика, к которым мы привыкли в XX–XXI веке.

О.А. Меерсон предложила особое внимание в этом смысле обратить на «Современник» Пушкина, где художественные тексты и статьи друг друга оттеняют, служат примерами, собеседуют, и при этом есть явное единое видение издателя.

Анастасия Георгиевна Гачева (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе «**Два приговора. Дело Корниловой и исповедь самоубийцы**» говорила о взгляде Достоевского на суд и пореформенный суд: что такое человеческий суд и как он соотносится с высшим, Божественным, судом; как человеческий суд, который должен быть судом милости, а не жертвы, определяет будущее прощение человека в вечности. Интересно было отмечено, что дело Корниловой в «Дневнике писателя» неизменно соседствует с темой самоубийства: сначала с исповедью логического самоубийцы — и затем с темой самоубийства в «Сне смешного человека» [впрочем, тема самоубийства — сквозная тема «Дневника писателя» с первого, предисловного, номера 1876 года — *Т.К.*]. А впервые заявляет о деле Корниловой Достоевский, отталкиваясь от дела Каировой, по поводу которого замечает: я рад, что Каирову отпустили, не рад, что оправдали, — показывая роковую проблему человеческого суда, могущего только *осудить* или *оправдать* — но не могущего назвать грех грехом, а преступление преступлением — и *помиловать* осознавшего преступление и увидевшего свой грех преступника, сознавая и собственную грешность. Из этой невозможности милости, из основания суда на принципе противостояния и победы ***одной*** из тяжущихся сторон, рождается проблема адвоката («нанятой совести») — так, желая оправдать Корнилову, адвокат почти вынужден был бы очернить пострадавшего ребенка. И это было бы, с точки зрения Достоевского, худшее преступление, потому что уничтожает ***сами критерии*** добра и зла — и мы сейчас можем совсем наглядно видеть, к чему привело это последовательное ниспровержение и смешение, вот это «кто бы из вас поступил иначе?» по отношению к самым невообразимым с точки зрения сердечного чувства делам, это уничтожение сердечного чувства. Достоевский говорил, что не столько страшен поступок, как утрата способности оценить свой поступок в соотношении с идеалом. Ключ к оправдательному приговору Корниловой — раскаяние преступницы, ее бесповоротное самоосуждение — и чудесное спасение девочки, Божье вмешательство. И после этого Достоевский начинает говорить

об аффекте, о помутнении сознания и утрате воли — и о внутреннем полном изменении Корниловой спустя время после преступления [то есть — насколько я поняла, докладчица считает возможность признания аффекта лишь *средством* изменения приговора, *причина* изменения которого — самоосуждение преступницы — *Т.К.*].

Я бы все же обратила внимание на то, что исходной точкой сомнения Достоевского в справедливости приговора было не раскаяние Корниловой — но ее личностное изменение в тюрьме в результате выхода из свойственного беременности состояния, *уничтожающего временно свободную волю в человеке*.

Николай Николаевич Подосокорский (Москва, ИМЛИ РАН) сделал доклад **«“Это был друг Наполеона”. Разговор о смерти маршала Ланна в “Зимних заметках о летних впечатлениях”»**, материал которого вошел в опубликованную, находящуюся в открытом доступе статью [Подосокорский, 2025]. Докладчик показал, как то, что читатель считает насмешкой над инвалидом-французом, выполнявшим обязанность гида в Пантеоне, оказывается насмешкой рассказчика над самим собой, поскольку, самоуверенно прерывая гида в его рассказе о смерти маршала Ланна, рассказчик каждый раз оказывается неточен или и вовсе ошибается. Достоевский здесь использует свой частый прием «непоправляемая ошибка героя» (см. подробнее: [Касаткина, 2015, с. 304–320], [Подосокорский, 2025а]), который не дает читателю незаслуженного преимущества перед героем (читатель может опознать ошибку, лишь если сам знает факт) — и одновременно показывает, какой уровень просвещения Достоевский полагал имеющимся у своих читателей.

Ольга Алексеевна Деханова (Москва) сделала доклад **«Скверный анекдот с шампанским»**, написанная на основании которого статья публикуется в этом номере нашего журнала [Деханова, Деханов, 2025].

Катерина Корбелла (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе **«“Сон смешного человека” через призму Данте»** рассматривала еще прежде, в связи с «Преступлением и наказанием», поставленный ею вопрос о том, можно ли, и в какой мере, говорить о прямом влиянии Данте на Достоевского — и если можно, то какими путями Данте был доступен Достоевскому и как его присутствие (в основном — имплицитное, поскольку прямых упоминаний и цитат совсем мало) отражается на произведениях Достоевского. А если такого присутствия нет, то как объяснить сильное типологическое сходство их произведений

и что нам дает (если что-то дает) их сопоставление. Наблюдаемые сходства (которые заметив, невозможно развидеть, что Т.А. Касаткина предлагает как критерий истинности наблюдаемого) — это все же нечто наведенное, от чего нужно избавиться, чтобы ясно видеть тексты Достоевского, или они наоборот позволят глубже в них проникнуть? В «Сне смешного человека» присутствуют два важнейших для *фантастического рассказа* концепта, сильно отзывающиеся в сознании любого читателя «Новой жизни» Данте: это «память» и «новая жизнь». У Данте, как и у Достоевского, возможность *вспоминать* начинается с момента *возвещения истины*, который определяет *рождение новой жизни*. Эти концепты в их взаимосвязи подробно и глубоко анализировались докладчицей параллельно в «Сне смешного человека» и в «Новой жизни» и «Комедии» Данте.

Докладчица отметила, что, кроме *истины* [Замечу, что исследователи подробно показывают, что у Достоевского, когда он говорит об истине, речь идет о Христе, и однако ход мысли Достоевского в «Сне смешного человека», как всегда, сложен — ***и не тавтологичен, а экзегетичен*** — по отношению к Евангелию. Он раскрывает, *что значит*, что Христос есть истина, *какую именно* истину открывает Христос своим воплощением Человеком на земле, и она прямо выговорена смешным человеком: «Люди могут быть прекрасны и счастливы, ***не потеряв способности жить на земле***». — *Т.К.*], так вот, кроме истины, смешной человек еще открывает *ужасную правду*: «Я развратил их всех» [Что значит: именно я (каждый «я») — ***полюс*** удаленности от Христа, именно я удерживаю мир в отпадшем состоянии. — *Т.К.*].

В свете замеченного мною (в квадратных скобках) совершенно справедливой выглядит отмеченная докладчицей аллюзия на 84 псалом, говорящий о встрече *правды* и *истины* — Достоевский показывает, как эта встреча — и есть способ и момент преображения мира. И тогда не пародийной и не кощунственной (как полагали иные исследователи), а вполне оправданной и спасительной становится просьба смешного человека: «Я умолял их, чтобы они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест» — потому что водружение «я» на крест и будет моментом встречи правды и истины: крест — единственно возможное место их встречи.

Теоретически важно отмеченное докладчицей: смешной человек, как и рассказчик-Данте уверены в истине возвещенного им в видении именно потому, что они не постигали умом, но ***видели*** истину.

Полагаю, исходя из этого, что переход Достоевского от «условно нехудожественных» текстов «Дневника» к художественным связан именно с переходом (и переводом читателя) от способности анализировать к способности ***видеть***, то есть он использует искусство не как «пособие для неграмотных» (как нередко называли событийные иконы и росписи соборов), а как ***пособие для незрячих***, то есть — неспособных видеть дальше «насущного видимо-текущего», и объясняет в рассказе, почему нужно именно ***видеть*** (а не знать и слышать), чтобы уже не сбиться в пути и следовании.

Т.А. Боборыкина заметила, что откровение новой жизни и движение от земли к звездам, спасение для Данте — и для героя «Сна смешного человека» — начинается со встречи с девочкой — и с зарождающейся (у Достоевского — через начальное отторжение и стремление оттолкнуть) любви к ней. Причем они *одного возраста*: у Данте — на 9-м году, у Достоевского — лет 8-ми — отметила докладчица — и это может быть как раз *прямая отсылка* к Данте. Была отмечена еще и связь девочки со звездочкой — как тоже что-то очень похожее на прямую отсылку, поскольку Беатриче ведет Данте именно к звездам (и как раз именно эта связь со звездой и возраст девочки трудно объяснимы в рассказе без обращения к Данте).

Стилианос Капатос (Греция, Афины, Афинский национальный университет имени Каподистрии) сделал доклад «**Богомильство XIX века и “Сон смешного человека”»** и, отвечая на вопрос, указал, что в фантастическом рассказе Достоевского к области богомильства, прежде всего, нужно отнести посмертное путешествие к другому миру с темным существом.

Ольга Сергеевна Крюкова (Москва, МГУ) и *Мария Борисовна Раренко* (Москва, ИНИОН РАН) сделали доклад **«“Сон смешного человека” в анимационном фильме А. Петрова: тайны и сокровища больной души»**. Докладчицы предположили, что слово «смешной» в рассказе Достоевского контекстуально заменяет слово «маленький» (смешной человек = маленький человек), что вызвало дискуссию о возможности интерпретации текста путем замены выбранного и настойчиво используемого автором слова и о значении и функциях смеха в произведениях Достоевского 1870-х годов.

*Юлия Вячеславовна Булдакова (*Киров, Вятский государственный университет) в докладе **«Трансформации образа мистического: рассказы “Мальчик у Христа на елке” и “Бобок” в любительской литературе»** говорила о литературе фанфикшн, создающейся

не только вокруг трансформирующегося «мифа» о персоне самого Достоевского и вокруг его больших романов, но и вокруг указанных в названии доклада текстов Достоевского, выделив в последней категории фанфиков то, как они работают с темой смерти (среди фанфиков есть и стихотворные). В одном из фанфиков на рассказ «Мальчик у Христа на елке» речь идет о семье мигрантов в европейском городе, умирающих на фоне празднования, украшений и салюта; мальчик, с восторгом глядящий на празднование неведомого ему праздника (автором фанфика подчеркивается не имущественное, а культурное различие), остается жив, он спасается в европейской семье, живущей в культуре Рождества. Смысл мистического у Достоевского в фанфиках теряется либо из-за сентиментальной, либо из-за авантюрной интерпретации сюжета. Фанфики «Мальчика у Христа на елке» как правило исключают двойную концовку рассказа Достоевского (елка у Христа и трупик за дровами): мальчик либо спасается в мистическом пространстве, открытом ему ангелом, либо просыпается в реальности.

Мария Николаевна Сдобина (Нижний Новгород, студентка НИУ ВШЭ-НН) сделала доклад **«Визуальная новелла “Бобок”: опыт переноса малой формы Ф.М. Достоевского в игровой формат»**. Речь, однако, шла не об игре в строгом смысле, а именно о визуальной новелле, в точности следующей сюжету произведения, с минимумом интерактивности, вышедшей 11 ноября 2021 года, к юбилею Достоевского. Посмотреть новеллу можно здесь: https://rutube.ru/video/eabc4e88d774a7624fe1fdfaf1bbae3a/

Новелла активно переводится на разные языки, служа знакомству молодых читателей разных стран с не столь известным произведением Достоевского.

Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе **«Путь Голядкина в контексте раннего творчества Ф.М. Достоевского»** напомнила о необходимости анализировать ранние тексты Достоевского в контексте всего творчества этого периода, поскольку только при таком подходе появляется возможность увидеть глубину и масштаб ряда тем и образов, в рамках одного произведения могущих остаться незамеченными или недооцененными, при том что для самого писателя они играли важнейшую роль. Достоевский первого периода в письмах к брату недаром сам постоянно сопоставляет свои произведения, указывая, что *это* в том же роде, что и *то*. «Неловкую» манеру выражаться героя и его сбивчивую

речь Достоевский использует для проявления — и появления — второго, глубинного смысла в его высказываниях. Диалог с Крестьяном Ивановичем указывает на смену героем места жительства, а эта — возможно, мало заметная в данном тексте вещь — в контексте всего раннего творчества неизменно выступает как точка радикальной смены жизненного вектора, сродная перерождению. [Я бы усилила этот тезис, сказав, что этот странный диалог: «— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили... — Жил, Крестьян Иванович, жил, жил и прежде. Как же не жить! — отвечал господин Голядкин, сопровождая слова свои маленьким смехом» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 343], — прямо указывает в контексте раннего творчества (и особенно «Хозяйки») на идею неоднократности жизни человека, на ***множественность*** его жизней — что делает гораздо более объяснимым явление двойника. — *Т.К.*] Голядкин настаивает, что у него есть своя дорога, которая идет отдельно от «большого света» — но в «большой свет» он все же является — незваный — на пир, который одновременно валтасаровский, но на нем подают и тельца — как блудному сыну, о встрече которого с отцом и сказано: «И начали веселиться». С этим евангельским эпизодом, а также и с философией веселости, окончательно прописанной Достоевским в «Подростке» (*веселость* равно *сообщительность*, веселый человек не может быть безбожником), докладчица связывает рекомендацию Крестьяна Ивановича «не чуждаться жизни веселой». Неспособность к веселости — вполне очевидно в «Подростке», но уже и в «Двойнике» — как раз и ведет к появлению двойника. Интересно, что когда, выйдя от Крестьяна Ивановича, герой ощущает себя «счастливейшим из смертных» — он собирается ехать в департамент и на миг забывает, что ехал на бал (счастливым не нужно на «бал света»? [я бы сказала — счастье примиряет с реальным положением и не заставляет стремиться туда, куда не звали и не пускают — *Т.К.*]) — в то время как присутствующих на бале всех описывают в высшем положении, чем их реальное (регистратор походил на статского советника и т.д.) — то есть — *за каждым стоит/просматривается их высший двойник* [NB! Это очень важное наблюдение, еще можно с полным основанием сказать — их «старший» двойник, их жизненная перспектива (переданная через *социальную* форму, но выражающая (или могущая выражать) *возрастание души в свете*) — *Т.К.*]. Голядкин проникает на бал незваным и оказывается выгнан — но и перед ним встает двойник — «*совершенно такой же, как и он сам*» [Достоевский,

1972–1990, т. 1, с. 359]. Нам предлагается две идеи двойничества: восходящая и нисходящая [я бы сказала, на основании приведенной цитаты: восходящая и стабилизирующая (хотя слово «младший» применительно к двойнику Голядкина действительно указывает на нисходящую линию), полагающая человеческий предел в уже наличном состоянии — и поэтому в дальнейшем нисходящая, так как живущий человек не стоит на месте, и если не идет вверх — идет вниз — *Т.К.*]. Восходящая концентрированно описана Анри Корбеном («Световой человек в иранском суфизме»), обращающимся к «Гимну о жемчужине», в котором «световая риза», утерянная принцем, есть его истинная природа и высший двойник. Голядкин, упустив «прямой путь» восхождения, словно опрокидывает свою вертикаль в горизонталь: в земном окоеме то, что должно было стать явлением высшего света, оказывается или представляется герою (несколько уточним сказанное докладчицей) *простым умножением идентичных сущностей, претендующих на его единственное, лишь ему принадлежащее место в мире, соревнующихся с ним, вытесняющих его* — и потому очень страшных (я давно говорю, что «Двойник» — это история неправильно пошедшей инициации — и докладчица, на мой взгляд, это прекрасно показала, найдя и указав точные детали, через которые Достоевский это выражает).

При обсуждении Н.Н. Подосокорским был поставлен вопрос о соотношении концептов «враг» и «бутылка» (Крестьян Иванович, отказываясь разговаривать о врагах господина Голядкина, настойчиво советует ему «не бывать врагом бутылки»; а единственным настоящим врагом героя станет господин Голядкин-младший, в чьем облике замечено *нечто вакхическое*). Я обратила внимание на то, что это может оказаться довольно очевидной отсылкой к *веселой* книге Рабле и его оракулу Божественной Бутылки, о котором сказано: «Под буффонной аллегорией оракула Божественной Бутылки скрывается призыв пить из светлого источника знаний, пить мудрость жизни» [Артамонов, 1966] — и это, кстати, очень свойственный именно суфизму символ, то есть тому духовному пути, который прозрачно зашифрован в имени хозяина и благодетеля «Двойника», Олсуфия Ивановича.

Анастасия Клокова (США) в докладе **«Евангельские мотивы в произведении Ф.М. Достоевского “Вечный муж”»** постаралась показать, как в рассказе вроде бы о любовном треугольнике Достоевский открывает глубину Евангелия. Были названы аллюзия на

притчу о блудном сыне (Вельчанинов), Наталья Васильевна — хлыстовская богородица, Трусоцкий — св. Иосиф Обручник (он и потом сватается к 15-летней, «для невинности»), Лиза — Дар Господень, Христос (в притче о блудном сыне Христос — закалаемый телец).

Зульфия Рафитовна Галиакбарова (Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы) сделала доклад **«Иллюстрации к произведениям малой прозы Достоевского как обратный экфрасис».** Доклад вызвал обсуждение терминологических и теоретических проблем, прежде всего — вопроса, чем отличается «обратный экфрасис» от иллюстрации.

Татьяна Александровна Алпатова (Москва, Государственный университет просвещения) в докладе **«“Крокодил” Ф.М. Достоевского в полемике с утопией»** говорила о параллелях рассказа Достоевского «Крокодил» и литературы XVIII века. Для Достоевского внутреннее обращение к этому этапу развития литературы связано с потребностью освоения новой художественной манеры, необходимой для раскрытия запредельного жизненного опыта, пережитого им к тому моменту. Это предполагало пересмотр самих принципов литературности (в полной мере осуществившийся в «Записках из подполья»). Одним из предметов переосмысления в связи с этим процессом оказывается литература XVIII века, в связи с которой Достоевский рассматривает проблему соотношения и связи абсурдного и рационального. Рациональное у Достоевского этого периода пародируется. В связи с рассказом «Крокодил» было предложено рассмотреть общие принципы построения утопических и антиутопических произведений XVIII века, а в частности — роман Луи-Клода де Сен-Мартена «Крокодил или война между добром и злом, случившаяся в царствование Людовика XV. Эпико-магическая поэма в 102-х песнях, в которой есть продолжительные странствия без смертельных происшествий, немного любви, но без её неистовств, грандиозные битвы без капли пролитой крови, кое-какие поучения, но без академической шапочки, и которая, заключая в себе и прозу и стихи, в действительности могла бы и не быть ни прозой, ни стихами. Посмертный труд поклонника вещей сокрытых» (1798). Докладчица подчеркнула, что это не источник [в чем я не была бы так уверена — *Т.К.*]. Можно, для начала, заметить, что название рассказа Достоевского построено по аналогии с заглавиями XVIII века: «Крокодил. Необыкновенное событие, или пассаж в пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной на-

ружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло». Некоторые элементы символико-аллегорического герметического повествования Сен-Мартена напоминают происходящее у Достоевского. Крокодил говорит (запись о говорящем / принимаемом за говорящего *именно крокодиле* была и у Достоевского в черновиках). Проглоченный крокодилом человек (а также — множество людей вместе с пространствами их пребывания) остается живым и может потом рассказать о том, что есть внутри крокодила. Внутрь Крокодила может вместиться вся вселенная, при этом он может быть сокращен до размеров обычного крокодила. В Крокодила попадают все умершие. Внутри Крокодила летают в материальной форме мысли ученых, постепенно исчезающие. Как можно выйти из Крокодила? По капилляру. У Достоевского (и это связывает его с Сен-Мартеном) возникает метафора крокодила как реторты природы: у Сен-Мартена начало процесса «переваривания» прямо описано как начало Великого делания: разделение и растворение. Обитатели Крокодила у Сен-Мартена абсолютно несчастливы, поскольку лишены свободы, ибо **должны следовать злу**. Докладчица провела здесь сравнение с «Записками из подполья»: так, подпольный употребляет свою свободу во зло — но она ему необходима [тут можно заметить, что подпольный *лишается свободы, теряет свободу, когда — и вследствие того — что поступает зло*. Собственно, поступив зло, он и попадает в подполье — *Т.К.*].

Екатерина Геннадьевна Падерина (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе **«Почему Достоевский в “Селе Степанчикове...” не пародировал “Переписки с друзьями” Гоголя»** указала на то, что, начиная с 1852 года, в общественном пространстве наступает время абсолютной апологии «Выбранных мест...» Гоголя (Кулиш, Аксаков, Григорьев, Дружинин, Чернышевский и т.д.). И то, как Фома «пародирует» Гоголя, отражает у Достоевского вовсе не Гоголя, а всю ситуацию вокруг его книги, ее искажения в разного рода откликах и вышедших в 1840-х годах рецензиях на нее.

Елена Рафаэловна Матевосян (Москва, ИМЛИ РАН) в докладе **«“Дети солнца” в художественном мире Горького и Достоевского»** обратила внимание на метафору «дети солнца» у Достоевского («Сон смешного человека», 1877), которая у Горького становится устоявшимся выражением и названием произведения («Дети солнца», 1905; героя пьесы Павла Протасова также неоднократно называют *смешным*), и предположила, что здесь имеет место

прямое заимствование с целью радикального мировоззренческого переосмысления.

Ольга Борисовна Панова (Томск, Томский государственный университет) в своем докладе **«Достоевский — о Пушкине, Виндельбанд — о Гёте: две речи о значении национального гения в истории мировой культуры»** сопоставила две речи, прозвучавших в конце XIX века: речь о Пушкине Достоевского на открытии памятника поэту (1880, Москва) и речь Виндельбанда о философии Гете в связи с установкой памятника молодому Гете (1899, Страсбург). Оба автора поднимают вопрос о сути и значении творца / гения в истории человечества (в том числе — как воспитателя человеческого рода). Обе речи, посвященные конкретному человеку, сами становятся значительными явлениями национальной и мировой культуры, привлекая в дальнейшем ходе истории к своему обсуждению значительнейшие умы, поднимая самые обобщающие и глубинные философские вопросы. Оказывается, *малая форма* может оказать большое влияние на все осмысление мировой культуры.

Здесь я бы заметила, что ***именно*** *малая форма* может оказать ***особенное*** влияние, ***обладая высокой концентрацией высказывания и позволяя максимально целостное, не разорванное отвлечениями от чтения текста восприятие***. Были поставлены вопросы: *сходны ли высказывания Достоевского и Виндельбанда формально, по приемам ораторского искусства (по тому, что и как они делают со слушателем)?* Докладчица отметила, что способ высказывания Достоевского художественен, тогда как мысль Виндельбанда развивается в философском дикскурсе. Виндельбанд больше ставит вопрос: *почему?* — тогда как Достоевский больше говорит нам: *потому*. Н.В. Капустин поставил вопрос: не пропустил ли (может быть, намеренно) Достоевский в своей речи Гете как *протеиста*, способного входить в существо любой другой национальности — и потому вообще не является ли идея всемирной отзывчивости русского национальной мифологией? Я напомнила, отвечая, что Достоевский прекрасно понимал — и об этом неоднократно говорил — что ***все*** великие нации претендуют на объединение и даже завершение человечества. Но все они претендуют на него ***по-разному***. Что касается немцев — то Достоевский говорил, что они видят себя ***куполом*** человечества, его аккумулирующей и ***завершающей*** мыслью, считая, что нет ничего в человечестве, что могло бы выйти за пределы немецкой мысли, не могло бы быть ею охвачено и доведено

до логического конца. О других нациях здесь не будем говорить, поскольку не о них речь. Отличие русского не в том, что он *тоже* претендует на объединение человечества, а в том, ***как именно*** он на это претендует. Русские видят себя не куполом, но стволом или чашей — то есть пространством, в котором остальные могут размещаться, расти и развиваться ***безопасно, неограниченно и в соответствии со своей природой***, не подавляемой, не структурируемой извне, но непрерывно развивающейся в процессе вольного обмена между нациями *полезным* и *желанным*. То есть — русские видят себя тем, что питает и взращивает — тем, что не завершает, а ***стимулирует и поддерживает*** развитие других.

Вукашин Гаврич (Сербия, Нови Сад, аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)) сделал доклад **«Традиции малой прозы Достоевского в рассказах сербских писателей-реалистов»**, в котором рассказал о связи «русской идеи» с «Косовским заветом» (предполагающим непрерывный осознаваемый процесс выбора между земным и небесным царством на протяжении человеческой жизни и национальной истории), присутствующим в основе малой прозы сербских писателей XIX века. Он отметил, что феномен «Косовского завета» проходит красной нитью сквозь всю сербскую народную эпическую поэзию («Гибель сербского царства») и не перестает занимать важное место в творчестве писателей Нового времени вплоть до современной литературной ситуации (докладчик остановился на творчестве Симеона (Симо) Матавуля (1852–1908), чьи герои выбирают страдания, чтобы остаться верными своей вере).

Андрей Олегович Наседкин (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН) в докладе **«“План для рассказа (в «Зарю»)”: проблема жанрового определения»** отметил, что среди неосуществленных планов Достоевского много произведений именно малой формы. Просматривая записи и планы, можно увидеть, что становилось для Достоевского основанием для жанрового определения на самых ранних этапах работы. Интересно, что идеи Достоевского о произведениях малой формы тесно связаны с рефлексией над пушкинскими повестями и стремлением писать, как он (кратко, без объяснений, без психологических тонкостей). Можно даже предположить, что нереализованность замыслов в какой-то мере порождается невозможностью реализации желаемого «пушкинского» письма.

В.Н. Захаров при обсуждении доклада заметил по поводу проблемы жанровых определений замыслов, что Достоевский часто называет что-то «план». А «план» — это вполне жанр.

Это замечание не отменяет, однако, продемонстрированного докладчиком *калейдоскопа* жанровых определений, сопровождающих записи к замыслам, оставшимся нереализованными — хотя, надо заметить, что упоминание в связи с одним замыслом разных жанров *в письмах*, особенно — в письмах к заказчикам (где в разных письмах один потенциальный текст может называться чем угодно — от рассказа до романа), нельзя рассматривать как движение жанровой мысли автора в чистом виде: оно в этих случаях коммуникативно заряжено и отражает зачастую не полет вдохновения, а желание продать рукопись.

Сергей Тимофеевич Кругликов (Москва, духовно-культурный центр храма «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке) в докладе **«“Дался вам этот фрагмент!” “Египетские ночи” как предмет и контекст “Ответа «Русскому вестнику»”»** показал удивительный композиционный и идейный параллелизм «публицистической статьи» Достоевского «Ответ “Русскому вестнику”» «Египетским ночам» Пушкина (два прозаических текста, строящихся вокруг одного и того же поэтического текста, своим существенным сюжетным элементом имеющих защиту женщины, обвиненной обществом в безнравственности из-за обращения к сюжету Клеопатры и ее любовников (г-жа Толмачева у Достоевского — некрасивая девица у Пушкина) — и важная деталь-соответствие: Божественный Искупитель Достоевского — импровизатор, который «вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на грудь»).

Александра Александровна Васильева (Университет Иннополис) в докладе **«Повесть Ф.М. Достоевского “Белые ночи”: анализ трёх переводов на японский язык с точки зрения эмоционального дискурс-анализа и перевода междометий»** проанализировала в указанном аспекте три из пяти существующих переводов «Белых ночей» на японский язык. Семантический аспект не затрагивался.

Людмила Борисовна Карпенко (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева) в докладе **«Литературные наброски как разновидность текстов малой формы (на материале творчества Ф.М. Достоевского)»** поставила вопрос о *структуре содержания* набросков

(в частности — набросков к роману «Подросток»), а также о функции литературных набросков на *начальном* этапе работы над произведением. Наброски к роману были начаты 10 февраля 1874 года. В самых начальных набросках намечается замысел будущего произведения, задаются первые *образы-символы*: Гамлет-христианин и глиняные птицы («Евангелие детства»), знаменуя христоцентрическую направленность будущего произведения. Далее обозначаются темы и мотивы: дети (сведенные дети), мать, вышедшая вторично замуж и т.д. [Подход докладчицы, по сути, позволяет увидеть ход формирования двусоставного образа: сначала фиксируется *содержание* в образах-символах: глубинный слой образа; затем намечаются *темы*, в которых содержание будет реализовываться: внешний слой образа; далее в набросках, сопровождаясь дополнительными *пометами*, будут обозначаться *повороты темы* — сюжет; на одном из поворотов происходит смена героя: Достоевский понимает, что герой — мальчик, а не отец. — *Т.К.*] Докладчица отметила центральную для романа роль притчи о сеятеле, отразившуюся в разных, казалось бы, не связанных между собой деталях, в частности, истолковав фамилию Версилова через слово «вереск», а вереск как (библейск.) пустынный сорняк, то, что растет на *бесплодной* почве. В завязавшейся дискуссии о смысле фамилии с указанием на то, что корень все же довольно очевидно латинский (verso), Т.А. Боборыкина предложила еще один акцент, обратив внимание на versus в значении «против»: Долгорукий vs Версилов.

Ольга Алимовна Богданова (Москва, ИМЛИ РАН) сделала доклад **«Рассказ “Маленький герой” как малая форма “усадебного текста” Достоевского»**, на основании которого опубликована статья [Богданова, 2025].

Поскольку это первая из замысленных конференций по малым формам, подводить итоги было бы весьма преждевременно. Однако уже сейчас можно отметить продуктивность предложенного ракурса рассмотрения произведений Достоевского, отражающуюся и на понимании больших форм его творчества.

Список литературы

1. Артамонов, 1966 — *Артамонов С.* Франсуа Рабле и его роман // *Рабле*. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Худож. лит., 1966. URL: https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/artamonov-rable-5.htm (дата обращения: 13.11.2025).

2. Боборыкина, 2025 — *Боборыкина Т.А.* «Белые ночи» Достоевского: от малой формы

к большой судьбе // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 158–202. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-158-202

3. Богданова, 2025 — *Богданова О.А.* Рассказ «Маленький герой» как малая форма в «усадебном тексте» Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 220–239. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-220-239

4. Борисова, 2012 — *Борисова В.В.* Эмблематика Ф.М. Достоевского. Учебное пособие. Уфа, 2012. 220 с.

5. Деханова, Деханов, 2025 — *Деханова О.А. Деханов М.Е.* Скверный анекдот с шампанским // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 144–165. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165

6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

7. Захаров, 1985 — *Захаров В.Н.* Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.

8. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

9. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

10. Касаткина, 2025 — *Касаткина Т.А.* Достоевский: теория образа и теория восприятия искусства // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 222–272.

11. Магарил-Ильяева, 2025 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Путь к обновлению: мотив выхода из города («Петербургская летопись» и «Белые ночи» Ф.М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 35–57. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-35-57

12. Подосокорский, 2007 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеонизм князя Мышкина // Литературоведческий журнал. Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. 2007. № 21. С. 113–125.

13. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

14. Подосокорский, 2025 — *Подосокорский Н.Н.* Маршалы Наполеона в творчестве Ф.М. Достоевского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2025. № 2. С. 69–107. DOI: 10.31249/lit/2025.02.05

15. Подосокорский, 2025а — *Подосокорский Н.Н.* «Истратить 100 000 при Маренго». Вторая итальянская кампания Наполеона в восприятии Ф.М. Достоевского // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 2. С. 24–38.

16. Сараскина, 2007 — *Сараскина Л.И.* Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под. ред. Т.А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. С. 523–564.

17. Сараскина, 2025 — *Сараскина Л.И.* «Сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека...» Сокровенная цель одного путешествия // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 130–157. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-130-157

18. Тихомиров, 2018 — *Тихомиров Б.Н.* Евангельский пласт в архитектонике рассказа Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 4. С. 65–77. DOI: https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77

19. Успенская, 2025 — *Успенская Э.* «Кроткая» Ф. М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 205–231. https://doi. org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231

References

1. Artamonov, S. “Fransua Rable i ego roman” [“François Rabelais and His Novel”]. Rable, François. *Gargantyua i Pantagryuel’* [*Gargantua and Pantagruelle*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1996. Available at: https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/artamonov-rable-5.htm (Accessed 13 Nov. 2025). (In Russ.)

2. Boborykina, T.A. “‘Belye nochi’ Dostoevskogo: ot maloi formy k bol’shoi sud’be” [“Dostoevsky’s *White Nights*: From Minor Form to Great Destiny”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 158–202. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-158-202

3. Bogdanova, O.A. “Rasskaz ‘Malen’kii geroi” kak malaia forma v ‘usadebnom tekste’ F.M. Dostoevskogo” [“The Story ‘A Little Hero’ as a Short Form in Dostoevsky’s ‘Estate Text’”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 220–239. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-220-239

4. Borisova, V.V. *Emblematika F.M. Dostoevskogo. Uchebnoe posobie* [*The Emblematics of F.M. Dostoevsky. Textbook*]. Ufa, 2012. 220 p. (In Russ.)

5. Dekhanova, O.A., and M.E. Dekhanov “Skvernyi anekdot s shampanskim” [“A Nasty Story with Champagne”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 144–166. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Zakharov, V.N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiia i poetika* [*The System of Dostoevsky’s Genres: Typology and Poetics*]. Leningrad, LGU Press Publ., 1985. 209 p. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost’ slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova “realizma v vyshem smysle”* [*On the Creative Nature of the Word. The Ontological Nature of the Word in Dostoevsky’s Works as the Basis of “Realism in the Highest Sense”*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in Fyodor Dostoevsky’s Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. “Dostoevskii: teoriia obraza i vospriiatiia iskusstva” [“Dostoevsky: The Theory of the Image and the Theory of Artistic Perception”]. Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva* [*Authorial Theories of Art*]. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 222–272. (In Russ.)

11. Magaril-Il'iaeva, T.G. "'Peterburgskaia letopis'' i 'Belye nochi' F.M. Dostoevskogo: zachem Mechtatel' vykhodit iz goroda?" ["Dostoevsky's 'Petersburg Chronicle' and *White Nights*: Why Does the Dreamer Leave the City?"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 35–57. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-35-57

12. Podosokorskii, N.N. "Napoleonizm kniazia Myshkina" ["The Napoleonism of Prince Myshkin"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 21, 2007, pp. 113–125. (In Russ.)

13. Podosokorskii, N.N. "Religioznyi aspekt napoleonovskogo mifa v romane 'Prestuplenie i nakazanie': obraz 'Napoleona-proroka' i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitatelei Napoleona" ["The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of 'Napoleon-Prophet' and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

14. Podosokorskii, N.N. "Marshaly Napoleona v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Napoleon's Marshals in Dostoevsky's Works"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 2, 2025, pp. 69–107. (In Russ.)

15. Podosokorskii, N.N. "Istratit' 100 000 pri Marengo. Vtoraia ital'ianskaia kampaniia Napoleona v vospriiatii F.M. Dostoevskogo" ["'To Lose 100,000 near Marengo'. Napoleon's Second Italian Campaign in the Perception of F.M. Dostoevsky"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2, 2025, pp. 24–38. (In Russ.)

16. Saraskina, L.I. "Metafizika protivostoianiia v 'Brat'iakh Karamazovykh'" ["The Metaphysics of Confrontation in *The Brothers Karamazov*"]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniia* [*Dostoevsky's Novel* The Brothers Karamazov*: Current State of Research*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 523–564. (In Russ.)

17. Saraskina, L.I. "'Sto let kak-to stranno deistvuiut na cheloveka...' Sokrovennaia tsel' odnogo puteshestviia" ["'A Hundred Years Still Have a Strange Effect on a Person...' The Hidden Purpose of a Journey"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 130–157. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-130-157

18. Tikhomirov, B.N. "Evangel'skii plast v arkhitektonike rasskaza Dostoevskogo 'Skvernyi anekdot'" ["The Gospel Layer in the Structure of Dostoevsky's 'A Nasty Story'"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4, 2018, pp. 65–77. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-65-77

19. Uspenskaia, Enisa. "'Krotkaia' F.M. Dostoevskogo i 'Zloupotreblenie' Ivo Andricha" ['The Meek One' by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 205–231. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025
Одобрена после рецензирования: 24.11.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 01 Sept. 2025
Approved after reviewing: 24 Nov. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

IN MEMORIAM

Татьяна Михайловна Горичева
(1947–2025)

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

Памяти / In Memoriam
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-468-483
https://elibrary.ru/WOLECG

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Памяти Татьяны Михайловны Горичевой (1947–2025)

© 2025. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

In Memory of Tatiana Mikhailovna Goricheva (1947–2025)

23 сентября 2025 года в Санкт-Петербурге в возрасте 78 лет, после продолжительной болезни умерла Татьяна Михайловна Горичева, русский религиозный философ, писательница, публицист, издатель, переводчик, зоозащитница. Вторая жена поэта Виктора Борисовича Кривулина (1944–2001). Автор ряда значимых работ и суждений о Ф.М. Достоевском.

Она родилась 12 августа 1947 года в Ленинграде в атеистической семье. В возрасте 26 лет пришла к вере в Христа через неожиданное религиозное откровение, посетившее ее во время механического многократного чтения ею молитвы «Отче наш» в целях медитации (после этого опыта она приняла православие и крестилась). В интервью 2013 года Владимиру Хохлеву для издания «Невское время» Татьяна Михайловна рассказывает об этом так: «Я занималась йо-

гой. В марксизм никакой не верила. В СССР йога была запрещена, но ходили по рукам самиздатовские книжечки с мантрами. В одной из книжек нашла... “Отче наш”. Прочла молитву шесть или семь раз... И вдруг почувствовала, что любима Богом. Исчезли все проблемы, которые были в голове, в душе. И я сказала: “Боже мой, так это же христианство!” А потом почувствовала, что Бог ждёт меня. Это было обновление абсолютно всего. Ведь моё поколение сознательно не искало Бога. Мы жили в каком-то полном аскетизме, готовности к борьбе. Мы каждый день были готовы умереть за веру» [Горичева, 2013].

Горичева училась на философском факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), специализируясь на дисциплине «современная буржуазная философия», по индивидуальной программе изучала работы немецких философов: Артура Шопенгауэра, Вильгельма Дильтея, Макса Шелера, Эдмунда Гуссерля и др. В 1974 году она вместе с мужем В.Б. Кривулиным организовала в Ленинграде религиозно-философский семинар (на него собирались несколько десятков слушателей). В 1976 году вместе с Кривулиным и Л.А. Рудкевичем стала издавать самиздатский литературный и религиозно-философский журнал «37»[1] (выходил до 1981 года тиражом от 5 до 100 экземпляров), в котором опубликовала свои первые статьи — о философии М. Хайдеггера и о феноменологии, а также переводы. Кроме того, печаталась в журнале самиздата «Часы» и в заграничных изданиях («Вестник РХД», «Посев», «Русская мысль»). Вела переписку с немецким философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером (1889–1976) в последние годы его жизни, считала себя его последовательницей. Хайдеггер, по ее словам, «очень красиво говорил о способности России к мученичеству и состраданию» [Горичева, 2025].

В 1979 году вместе с Наталией Малаховской, Татьяной Мамоновой и Юлией Вознесенской Горичева (по воспоминаниям поэта Василия Бетаки, ее тогда «в Питере почему-то звали Хильдой» [Бетаки, 2011, с. 233]) инициировала первое независимое женское движение в СССР. Была среди составителей альманаха «Женщина и Россия» (ныне он считается первым феминистским самизда-

[1] Журнал был назван «37» — по номеру квартиры, которую тогда снимали супруги Виктор Кривулин и Татьяна Горичева пополам с Львом Рудкевичем (по адресу Курляндская улица, дом 20).

том диссидентского движения), участвовала в выпуске журнала «Мария». За эту деятельность она, как и ее коллеги, неоднократно подвергалась обыскам и допросам со стороны КГБ. В июле 1980 года Горичеву выслали из СССР. Выступая на Историко-методологическом семинаре «Русская мысль» в РХГА в декабре 2006 года, Горичева так рассказала о своих ощущениях от принудительного выдворения ее из Советского Союза в Германию:

> Меня изгнали из нашей страны <...>, потому что я организовала вместе с другими женщинами, здесь, в Ленинграде, женское движение. Нас арестовали, сказали, что за три дня мы должны избрать — или тюрьма или иммиграция[2]. Три женщины были арестованы. Я поговорила с духовником, я была уже православным человеком, и отец Александр сказал, тюрьма это слишком, «ты там умрешь», это слишком просто и не нужно. «Нужно учиться, ты говоришь на языках, ты любишь Германию, Францию, любишь Запад», «ты должны строить мосты между мирами». Благословил меня на иммиграцию.
>
> Весь самолет я проплакала, хотя я обожала Запад, думала, что я «немка», что не в той стране родилась, и мечтала, конечно, всю жизнь попасть в эту самую Германию — «страну поэтов и философов». <...> Я встретила людей, которых, я думала, что никогда в жизни не встречу, что они не существуют. Я переводила Бальтазара, я его встретила. Я переводила Карла Ранера, я его в Мюнхене встретила, я подолгу с ним говорила, я подружилась даже с Карлом Ратцингером, нынешним Папой, несколько раз с ним говорила и брала у него интервью и так далее. И это было такое чудо, эти встречи, потому что вы знаете, что «встреча» на многих языках означает «счастье».
>
> И вообще смысл нашей жизни — это вот это самое счастье, полнота участия в целом Богочеловечестве, в целой Богочеловеческой истории. И могу сказать о Папе Бенедикте XVI, что это один из самых удивительных людей, которых я встречала, величайший католический богослов, очень глубокий, он очень хорошо, конечно, знает и православную традицию, лучше, наверно, всех нас, семь раз читал Достоевского, если не больше [Русская мысль, 2006].

[2] В другом интервью она признается, что лично перед ней выбор стоял еще более жестокий: «Все монастыри были превращены в тюрьмы и психушки. Интернаты — еще хуже, чем тюрьма. Мне грозил, конечно, интернат: я проходила как “кликуша”. В КГБ у меня было два погоняла: бунтарка и кликуша» [Горичева, 2025].

Некоторое время Горичева жила во Франкфурте-на-Майне, где училась в католическом Институте святого Георгия; затем (с 1981 года) обосновалась в Париже, где поступила в Свято-Сергиевский православный богословский институт, слушала лекции в Сорбонне. На свои средства организовала религиозно-философское издательство «Беседа» (в нем печатались книги не публикуемых в Советском Союзе поэтов — Елены Шварц, Виктора Кривулина, Олега Охапкина и др.); также издавала одноименный философский журнал «Беседа» (с 1983 года вышло в общей сложности тринадцать номеров) совместно с искусствоведом Борисом Гройсом.

В годы эмиграции Горичева активно ездила по миру, выступая с лекциями и беседами перед самыми разными аудиториями в странах Европы и Латинской Америки. Друживший с ней писатель Юрий Мамлеев (1931–2015) так вспоминает об этих ее выступлениях: «<...> темой её выступлений было православное сознание и современный мир. Тема, надо сказать, великая, страшноватая по существу. Но были и другие темы. Она, например, очень любила животных, и одной из трогательных тем её выступлений была христианская религия и отношение к животным. Татьяну окружала аура религиозной проповедницы. И она действительно глубоко задевала души людей, потому что была абсолютно искренней; она обладала способностью возвышать человеческие души» [Мамлеев, 2017, с. 218].

В ФРГ в тот период вокруг нее собрались добровольные помощники, назвавшие себя «Секретариат Татьяны Горичевой», они организовывали ее лекции по всему миру и на заработанные ею деньги оказывали материальную и духовную помощь верующим во Христа, живущим в СССР. Они переправляли советским гражданам запрещенные или недоступные в Советском Союзе издания: Евангелие, литургические книги, «Добротолюбие», православный катехизис, сборники поучений православных старцев, различную богословскую литературу и проч. На пожертвования восстанавливались церкви и монастыри, осуществлялась помощь приходам и отдельным нуждающимся людям. Сама Горичева в интервью Ивану Напреенко так вспоминает об этом: «Я хотела глубины отношений, глубины познания стран. Бог не дал: почти каждую неделю — другая страна. В “Секретариате” говорили: “Татьяна, сегодня три страны”. И это тоже интересно. Потом я большие деньги в Россию привозила — на них монастыри строились: хотя бы что-то было. В СССР даже

Евангелия было не достать, в Вологде за Библию расстреливали — хорошо помню» [Горичева, 2025].

В 1980-е годы Горичева публикуется в ведущем издании «третьей волны» русской эмиграции — журнале «Континент». В № 41 «Континента» за 1984 год, к примеру, была напечатана ее беседа с французским богословом Оливье Клеманом (1921–2009). Последний, отвечая на первый же вопрос, заданный ему Горичевой — о том, как он пришел к Богу, в числе прочего, указал на личное потрясение от чтения произведений Достоевского и, в частности, романа «Преступление и наказание» (особенно его впечатлила сцена чтения Евангелия Соней Раскольникову) [Горичева, Клеман, 1984, с. 431].

В период перестройки (после 1988 года) писательница смогла вернуться на родину, но продолжала жить то во Франции, то в новой России [Ковалькова]. В XXI веке она особенно много внимания уделяла проблемам экологии и защиты животных, участвовала в крупных экологических форумах в Европе, выступала в прессе, занималась благотворительностью в помощь животным в России. Некоторое время была вице-президентом Русско-французского общества защиты животных.

Т.М. Горичева — автор более 50 книг, изданных на русском, немецком, английском, итальянском, французском, испанском, польском, греческом и многих других языках. Среди них: «Новый град Китеж» (1988; в соавторстве с Юрием Мамлеевым), «Нечаянная радость» (1988), «Православие и постмодернизм» (1991), «Дочери Иова. Христианство и феминизм» (1992), «Святые животные» (1993), «Дневник путешествий» (1993), «Христианство и современный мир» (1996), «Об обновленчестве, экуменизме и «политграмотности» верующих. Взгляд русского человека, живущего на Западе» (1997), «Письма о любви» (1998; в соавторстве с А. Кузнецовой), «От Эдипа к Нарциссу. Беседы» (2001; в соавторстве с Д. Орловым, А. Секацким), «Ужас реального» (2003; в соавторстве с Н. Ивановым, Д. Орловым, А. Секацким), «Молчание животных» (2008), «Встречи. Дневники 2004–2009» (2009), «Блажен иже и скоты милует» (2010), «О священном безумии. Христианство в современном виде» (2015) и проч.

Ее книга «Только в России есть весна! О трагедии современного Запада. Дневники 1980–2003» (2006) вышла с предисловием митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), через несколько лет ставшего патриархом Московским и всея Руси.

Процесс слияния Русской православной церкви с государством Горичева оценивала положительно. Отвечая на соответствующий вопрос журналиста, она однажды заметила: «Да, это происходит, и я радуюсь этому. Наши руководители молятся хоть как-то. Ездят к старцам, ездят на Афон. Я радуюсь, что государство выделяет деньги на восстановление храмов, что в церкви возвращают иконы и другое имущество. Хотя я понимаю все кошмарные риски этого. Когда Церковь была мучима и гонима, она светилась всеми добродетелями... В Церковь шли лучшие люди. Некоторые нынешние факты в жизни Церкви позволяют либералам и неолибералам, да и вообще пустым людям, говорить о том, что православие — это только мода. Что в храм народ заставляет идти рабский русский характер. Это не так. В церковь идут по вере» [Горичева, 2013].

Достоевский, наряду с Хайдеггером, был одним из вечных спутников Горичевой, нерушимых столпов ее картины мира. Она часто цитирует его в своих книгах и интервью, ему посвящен ряд ее специальных статей. В статье «Мечта о гармонии и духовная брань» (1983) Горичева отмечает, что «в сегодняшнем мире неизбежно приходишь к Великому Инквизитору Достоевского. Альтернатива, заложенная в этой повести, такова: люди, эти вечные дети и жалкие бунтовщики, жаждут не быть свободными, а наоборот, потерять свободу»; и добавляет: «В наше расслабленное время нужно напомнить христианину, какой его путь. Путь христианина — всегда путь Креста» [Горичева, 1983, с. 108].

В статье «Юродивые поневоле» (1984) философ подробно останавливается на анализе образов различных героев Достоевского, и при этом заключает: «Для Достоевского один человек был равен всей вселенной. И о спасении одной души радовались все ангелы на небесах. Это глубоко христианский подход» [Горичева, 1984, с. 71].

В другой своей работе «В поисках рая» (1985) мыслительница высказывается относительно главного героя «Записок из подполья»: «Перед нами не какой-то невротик, а герой, несущий тайну человеческой свободы. <...> Такой человек с “содранной кожей” ищет даже не Отца, а Мать, чтобы обрести надежное, теплоутробное, безусловное убежище. Успокоение такая душа могла бы найти под покровом Царицы Небесной, что возвращает нам сыновство и райскую защищенность детства. В Ней раскрывается материнство Церкви, знание о том, что Церковь — возвращенный рай. И об этом хорошо знали и Достоевский, и Розанов» [Горичева, 1985, с. 66].

Эссе Горичевой «Эпоха пост-нигилизма» (1986) также содержит отсылку к героям Достоевского: «Новый нигилизм выходит прямо из адских глубин “смерти второй”, где уже не оценивают, потому что некому оценивать и некому выбирать. Герой нового нигилизма — не Раскольников, мучающийся и кающийся, а Лужин — безликая заурядность» [Горичева, 1986, с. 86–87].

В 1991 году в третьем выпуске «Вестника новой литературы», первого независимого периодического издания, возникшего в эпоху перестройки, была опубликована статья Горичевой «Сиротство в русской культуре». Ее предваряет немного измененный эпиграф из романа «Подросток»: «<...> люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 378]. В разделе этой статьи, имеющем подзаголовок «Братья Карамазовы», она замечает, что «Достоевский особенно остро чувствовал проблему сиротства. В его романах — сплошное неблагополучие, дети или оставлены своими отцами, или становятся их соперниками, или же никак не могут преодолеть двусмысленное отношение к отцам “ненастоящим”» [Горичева, 1991б, с. 234]. Автор указывает на то, что в русской литературе XIX века «тема объединяющих ценностей, проблема Авторитета и Отца — это попытки воссоединить распадающийся мир, восстановить его цельность, преодолеть одиночество» [Горичева, 1991б, с. 233].

В книге «Православие и постмодернизм» (1991) Горичева с опорой на произведения Достоевского размышляет об аде и грехе: «Фигуры ада непроницаемы для любви. “Ад — это разлука” (старец Силуан). “Ад — невозможность возлюбить” (Достоевский)[3]. Несчастье Раскольникова в его от-коле, расколе, одиночестве» [Горичева, 1991а, с. 19]; «Ад существует (и прежде всего для меня, даже только для меня), но, как сказал старец Силуан, “Держи свой ум во аде,

[3] Имеются в виду слова старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы»: «Отцы и учители, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 292]. Эта мысль Достоевского была исключительно важна и для богословия митрополита Сурожского Антония (Блума), который многократно приводил данное изречение старца Зосимы в своих выступлениях [Подосокорский, 2024, с. 134–135].

и не отчаивайся". Или как у Достоевского: единственный грех — не прощать себе самому, не жить уже сегодня в раю» [Горичева, 1991а, с. 36–37].

Одной из главных работ философа о великом русском писателе является работа «Достоевский — русская "феноменология духа"» (1994)[4]. В ней она, в частности, пишет о Достоевском как о писателе и богослове надежды:

> Достоевский — писатель надежды. Это особенно важно в наше время, когда, казалось бы, места для надежды не осталось. 20-ый век — век утопий и их разоблачений. Разоблачена любая идеология. Нынешние интеллектуалы уже не рискуют больше «требовать невозможного», как это было в 68-ом году. Но самый скептический и недоверчивый из них, Чоран пишет: «Вся этическая проблематика укладывается для меня в очень простую формулу. Все, что связано с надеждой, хорошо. Остаток принадлежит дьяволу. Преступник, в котором живет еще надежда, ближе к добру, чем отчаявшийся непреступник». В христианской традиции самый большой грех — отчаяние, ведущее к самоубийству.
>
> Адорно спрашивает: можно ли еще философствовать после Аушвица? Можно ли еще богословствовать после Аушвица, Гулага, Чернобыля? Достоевский ответил бы так: только после Аушвица и возможна настоящая христианская философия. Сегодня мы философствуем «после смерти». И духовно, и даже материально наша философия — это философия «исчезновения».
>
> Исчез оптимизм и вера в «светлое будущее». Исчез и пессимизм, поскольку сам вопрос о смысле жизни почти никого не волнует. Все устали. Исчезли животные, травы, стихии. Исчезли целые народы, культуры, языки. Уже год центральным событием в культурной жизни Парижа становятся выставки-панихиды по предколумбийскому, скифскому, этрусскому искусствам. Осип Мандельштам писал, что наше время возвращается куда-то к предистории — к шумерской и египетской культурам. Нас тянет заглянуть по ту сторону истории. К гротеску, химерам, Гойе. Ибо жесткость и монструозность

[4] Эта статья Горичевой впервые была опубликована в первом номере петербургского философского журнала «Сфинкс» за 1994 год, и позднее многократно перепечатывалась в разных изданиях.

этих форм освобождает нас от исторического релятивизма. Они апокалиптичны.

Философствует после Аушвица Самуэль Беккет. В его «Эпилоге» все доводится до «нулевого уровня», до крика. После крика возможно лишь молчание. Или самоубийство? Так убивают себя Кириллов и Ставрогин у Достоевского. Ставрогин умирает от опустошенности. Кириллов по-другому: он думает, что единственно честный выбор в борьбе с Богом — это самоубийство. Смерть — последняя истина.

Мы делаем вид, что будем жить вечно, что не умрем. Но чем больше мы ищем истину, тем меньше мы существуем — подобный ход мысли мы находим у глубоких экзистенциальных мыслителей Запада — Паскаля, Камю, Клемана Россе. Мы живем через Невозможное. Живем, получая каждый момент жизни незаслуженно, неожиданно, как чистый дар. У Достоевского это ощущение появилось или усилилось благодаря тому, что его приговорили к казни, и, когда он уже стоял с завязанными глазами на плацу, приказ вдруг отменили.

Потом один из его самых непутевых героев в романе «Идиот» Лебедев будет молиться за графиню Дюбарри. Когда гильотина уже была над ее головой, графиня умоляла: «Еще один момент, господин палач, еще один момент». Момент жизни — это бесконечно-малое во времени, это неожиданная, невозможная радость. Одна из любимых народом русских икон так и называется «Нечаянная радость». На ней изображен разбойник, каждый день шедший на разбой и убийство. И каждый день он перед тем, как отправиться на свои дела, молился Божьей Матери. Однажды она сошла с иконы и запретила ему разбойничать. Так «нечаянно» Бог дарит спасение и разбойнику.

Надежда у Достоевского — это «надежда сверх надежды»[5], которая и есть вся пасхальная полнота жизни [Горичева, 1995, с. 14–15].

В книге диалогов Горичевой с Даниэлем Орловым и Александром Секацким «От Эдипа к Нарциссу. Беседы» (2001), Татьяна

[5] «Надежда сверх надежды» — так называется и статья Горичевой, опубликованная в третьем номере журнала «Мария» 1982 года. Уже в первом абзаце на первой ее странице упоминается Достоевский: «Опять воскрес вечный русский тип “хлыстовской богородицы”, женщины властной, широкой русской натуры, бесстрашно преступающей все нормы морали и жаждущей скандала, околдовывающей своей неотмирной страстью к крайностям и свободе. Тип, хорошо известный из романов Достоевского. Многим женщинам 60-х казалось, что они воплощают собой новую “Настасью Филипповну”, и многим это нравилось» [Горичева, 1982, с. 31].

Михайловна признает приоритет великой литературы над цеховой философией: «Наша философия пока не поднялась до уровня литературы и поэзии, сделавшихся универсальными ценностями всего человечества. Достоевский стал пророком и Запада, и Востока. Как бы нам, философам, найти свой язык, обрести неповторимое лицо — вот в чем вопрос» [Горичева, 2001, с. 23]; отмечает освобождающую от иллюзий силу сострадания человека человеку: «Я смело могу сказать, что страдание другого дает нам знание о реальности, в то время как символическое мешает ее видеть. Мы делаемся реальными людьми, когда сострадаем другому. Об этом прекрасно знал Достоевский» [Горичева, 2001, с. 42]. Замечательны рассуждения христианского философа о необходимости быть всегда открытым новому (надо сказать, что сама Горичева оставалась верна этому принципу до конца жизни, постоянно знакомясь с новыми людьми самых разных взглядов, осваивая новейшие технологии, ведя блог в социальной сети и т. п.):

> Существует один страшный момент, чем больше человеку открывается, тем вернее он затворяется в себе, становится более агрессивным и защищенным от любой радикальной новизны. Многие русские, которых я встречаю в Париже, пугают меня, потому что они ничего толком не видят. Быть может, они хотели попасть в Париж всю свою жизнь, читали книги, мечтали, однако попав туда оказываются неспособны вместить в себя новый мир. Мы видим, что происходит сейчас с нашей страной, какая мифология создается по поводу и Запада, и всего остального мира. Нынешняя мифология сильнее той, что имела место во времена коммунистов. Тогда господствовали наивные представления, а теперь людям дано все знать, но они не хотят ничего знать. Однако существует закон духовного роста — закон вмещения всей многоликости бытия. Достоевский говорил, что русский человек — всечеловек. Это касается не только русских. Без открытости миру и без вмещения мира философ — не философ. Большинство людей живет делегированием своей ответственности другим. Любимая мечта человека, как полагал Достоевский, — кому-то отдать свою волю. Дух нашего времени — в инопричине-нии. Недаром сейчас столько сект, самых страшных и самых идиотских. Философия всегда противостоит духу времени. С ростом тоталитаризма, во всех смыслах (тоталитаризм масс-медиа, тоталитаризм технологий, тоталитаризм тайных обществ — все это более сильные

> формы, чем марксистский тоталитаризм), растет требование к философам совершить инициацию. Я знаю, что когда я ездила в Индию, то могла там умереть. Даже в Париже можно умереть. Даже Париж для кого-то может оказаться Индией, если он туда приезжает и вдруг встречает себя, находит места, которые ему кажутся очень знакомыми, места, в которых, ему мнится, он бывал тысячу лет назад. Кроме того, он находит другой язык, другое вдохновение. Такие места есть повсюду. При всей унификации, которая сейчас происходит, остается аура планеты, которая дает нам ключ к самим себе. И тогда мы общаемся с местом как с любимым мужчиной, любимой женщиной, любимым другом. Или как со своим высшим потаенным Я [Горичева, 2001, с. 60–61].

Татьяна Касаткина так отозвалась на уход своей «сестры в культуре и духе» (определение А.Г. Гачевой, называющей их также «одного поля ягодами» [Гачева, 2023, с. 203]): «Таня Горичева перешла предел этой жизни. Почему-то про нее не выговаривается “умерла”. Она — ожила, я думаю. И смотрит сейчас вокруг с прежней — и большей — приветственной радостью и неуемным интересом, с которыми прожила всю здешнюю жизнь. Добрый путь тебе, дорогая! Тебе там, за порогом, будет много дела» [Касаткина, 2025].

* * *

Я, к сожалению, не успел познакомиться и пообщаться с Татьяной Михайловной вживе, но кое-что мне рассказывали о ней наши общие знакомые: Наталия Малаховская и Борис Останин (1946–2023). Последний частично опубликовал свою переписку с Горичевой конца 1980-х годов в книге «Тридцать семь ровно: Схемы, мифы, догадки, истории, письма, фотографии на каждый день 2019 года с 14 января» [Останин, 2019]. Несколько лет назад Татьяна Михайловна сама добавилась ко мне «в друзья» в популярной соцсети, но переписка между нами так и не завязалась, хотя время от времени я получал от ее аккаунта «клики-приветствия» (после ее смерти выяснилось, что она их отправляла, в том числе, нашей общей знакомой — поэту Татьяне Щербине, назвавшей их «таким безмолвным напоминанием: “привет, я здесь”»). Думаю, что она и сейчас может отправить клик-приветствие тому, кому захочет, ведь как в упомянутой ранее беседе с ней 1984 года говорит Оливье Клеман: «<...> во Христе нет мертвых. Во Христе человечество едино.

Во Христе мы все друг от друга зависим» [Горичева, Клеман, 1984, с. 432].

Список литературы

1. Бетаки, 2011 — *Бетаки В.П.* Снова Казанова (Мееe...! МУУУ...! А? РРРЫ!!!). München, ImWerdenVerlag, 2011. 383 с. URL: https://imwerden.de/pdf/betaki_snova_kazanova_memuary_2011.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

2. Гачева, 2023 — *Гачева А.Г.* О Татьяне Касаткиной, субъект-субъектном методе и «реализме в высшем смысле» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 182–209. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-182-209

3. Горичева, 1982 — *Горичева Т.М.* Надежда сверх надежды // Мария: журнал российского независимого женского религиозного клуба «Мария». 1982. № 3. С. 31–33.

4. Горичева, 1983 — *Горичева Т.М.* Мечта о гармонии и духовная брань // Беседа. Религиозно-философский журнал. 1983. № 1. С. 98–110.

5. Горичева, 1984 — *Горичева Т.М.* Юродивые поневоле // Беседа. Религиозно-философский журнал. 1984. № 2. С. 54–86.

6. Горичева, Клеман, 1984 — *Горичева Т., Клеман О.* Интервью // Континент. 1984. № 41. С. 427–443.

7. Горичева, 1985 — *Горичева Т.М.* В поисках рая // Беседа. Религиозно-философский журнал. 1985. № 3. С. 61–78.

8. Горичева, 1986 — *Горичева Т.М.* Эпоха пост-нигилизма // Беседа. Религиозно-философский журнал. 1986. № 4. С. 84–97.

9. Горичева, 1991а — *Горичева Т.М.* Православие и постмодернизм. Л.: Изд-во Ленинградского унив-та, 1991. 64 с.

10. Горичева, 1991б — *Горичева Т.М.* Сиротство в русской культуре // Вестник новой литературы. 1991. № 3. С. 227–245.

11. Горичева, 1995 — *Горичева Т.М.* Достоевский — русская «феноменология духа» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1995. № 5. С. 5–17.

12. Горичева, 2001 — *Горичева Т., Орлов Д, Секацкий А.* От Эдипа к Нарциссу. Беседы. СПб.: Алетейя, 2001. 224 с.

13. Горичева, 2013 — *Горичева Т.М.* Весь мир смотрит на Россию // Невское время. № 197 (5411) от 06.11.2013. URL: https://hohlev.ru/intervyu/tatyana-goricheva-ves-mir-smotrit-na-rossiyu (дата обращения: 05.10.2025).

14. Горичева, 2025 — *Горичева Т.М.* «Где святость — там и бесов больше всего». Архивная беседа Татьяны Горичевой и Иваном Напреенко // Горький. 2 октября 2025 г. URL: https://gorky.media/context/gde-svyatost-tam-i-besov-bolshe-vsego (дата обращения: 05.10.2025).

15. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

16. Касаткина, 2025 — *Касаткина Т.А.* На уход Т.М. Горичевой, 24 сентября 2025 г. // Страница Т.А. Касаткиной в соцсети ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall84927535_13275 (дата обращения: 05.10.2025).

17. Ковалькова — *Ковалькова Т.* Горичева Татьяна Михайловна // Энциклопедиче-

ский словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/g/goricheva- (дата обращения: 05.10.2025).

18. Мамлеев, 2017 — *Мамлеев Ю.В.* Воспоминания. М.: Изд. группа Традиция, 2017. 296 с.

19. Останин, 2019 — *Останин Б.* Тридцать семь ровно: Схемы, мифы, догадки, истории, письма, фотографии на каждый день 2019 года с 14 января. СПб.: Изд-во Вадима Назарова, 2019. 463 с.

20. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Богословие Ф.М. Достоевского в восприятии митрополита Антония Сурожского // Тайна присутствия: Бог в мире и человеке: IX Международная конференция по наследию митрополита Антония Сурожского 22–24 сентября 2023 г. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2024. С. 116–149.

21. Русская мысль, 2006 — «Русская мысль»: Историко-методологический семинар в РХГА, 22 декабря 2006 г. // Сайт Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского. URL: https://np.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/goricheva.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

References

1. Betaki, V.P. “Snova Kazanova (Meee...! MUUU...! A? RRRY!!!)” [“Casanova Again (Meee...! MUUU...! A? RRRY!!!)”]. Munchen, ImWerdenVerlag, 2011. 383 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/betaki_snova_kazanova_memuary_2011.pdf (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

2. Gacheva, A.G. “O Tat’iane Kasatkinoi, sub”ekt-sub”ektnom metode i ‘realizme v vysshem smysle’” [“About Tatiana Kasatkina, From-Subject-To-Subject Method, and ‘Realism in the Highest Sense’”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (23), 2023, pp. 182–209. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-182-209

3. Goricheva, T.M. “Nadezhda sverkh nadezhdy” [“Hope against Hope”]. *Mariia: zhurnal rossiiskogo nezavisimogo zhenskogo religioznogo kluba “Mariia”*, no. 3, 1982, pp. 31–33. (In Russ.)

4. Goricheva, T.M. “Mechta o garmonii i dukhovnaia bran’” [“The Dream about Harmony and the Spiritual Struggle”]. *Beseda. Religiozno-filosofskii zhurnal*, no. 1, 1983, pp. 98–110. (In Russ.)

5. Goricheva, T.M. “Iurodivye ponevole” [“Unwillingly Yurodivye”]. *Beseda. Religiozno-filosofskii zhurnal*, no. 2, 1984, pp. 54–86. (In Russ.)

6. Goricheva, T., and Olivier Clément. “Interv’iu” [“Interview”]. *Kontinent*, no. 41, 1984, pp. 427–443. (In Russ.)

7. Goricheva, T.M. “V poiskakh raia” [“In Search of Heaven”]. *Beseda. Religiozno-filosofskii zhurnal*, no. 3, 1985, pp. 61–78. (In Russ.)

8. Goricheva, T.M. “Epokha post-nigilizma” [“The Era of Post-Nihilism”]. *Beseda. Religiozno-filosofskii zhurnal*, no. 4, 1986, pp. 84–97. (In Russ.)

9. Goricheva, T.M. *Pravoslavie i postmodernizm* [*Orthodoxy and Post-Modernism*]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo univ-ta Publ., 1991. 64 p. (In Russ.)

10. Goricheva, T.M. “Sirotstvo v russkoi kulture” [“Orphanhood in Russian Culture”]. *Vestnik novoi literatury*, no. 3, 1991, pp. 227–245. (In Russ.)

11. Goricheva, T.M. “Dostoevskii — russkaia ‘fenomenologiia dukha’” [“Dostoevsky is

the Russian 'Phenomenology of Spirit'"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Almanakh*, no. 5, 1995, pp. 5–17. (In Russ.)

12. Goricheva, T., Orlov, D., and A. Sekatskii. *Ot Edipa k Nartsissu. Besedy* [*From Oedipus to Narcissus. Conversations*]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 224 p. (In Russ.)

13. Goricheva, T.M. "Ves' mir smotrit na Rossiiu" ["All The World Is Staring at Russia"]. *Nevskoe vremia*, no. 197 (5411), 06 Nov. 2013. Available at: https://hohlev.ru/intervyu/tatyana-goricheva-ves-mir-smotrit-na-rossiyu (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

14. Goricheva, T.M. "'Gde sviatost' — tam i besov bol'she vsego'. Arkhivnaia beseda Tat'iany Gorichevoi i Ivanom Napreenko" ["'Where There Are Saints the devils Are More.' A Conversation between Tatiana Goricheva and Ivan Napreenko"]. *Gorkii*, 2 Oct. 2025. Available at: https://gorky.media/context/gde-svyatost-tam-i-besov-bolshe-vsego (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

15. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

16. Kasatkina, T.A. "Na ukhode T.M. Gorichevoi" ["On the Departure of Tatiana Goricheva"]. *Vkontakte*, 24 Sept. 2025. Available at: https://vk.com/wall84927535_13275 (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

17. Koval'kova, T. "Goricheva Tatiana Mikhailovna" ["Goricheva Tatiana Mikhailovna"]. *Entsiklopedicheskii slovar' "Literatory Sankt-Peterburga. XX vek"* [*Encyclopedic Dictionary "Writers of St. Petersburg. 20th Century"*]. Available at: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/g/goricheva- (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

18. Mamleev, Iu.V. *Vospominaniia* [*Memories*]. Moscow, Traditsiia Publ., 2017. 296 p. (In Russ.)

19. Ostanin, B. *Tridtsat' sem' rovno: Skhemy, mify, dogadki, istorii, pis'ma, fotografii na kazhdyi den' 2019 goda s 14 ianvaria* [*Exactly Thirthy-Seven: Schemes, Myths, Lectures, Stories, Letters, Photos, for Every Day of 2019, starting January, 14th*]. St. Petersburg, Vadim Nazarov Publ., 2019. 463 p. (In Russ.)

20. Podosokorskii, N.N. "Bogoslovie F.M. Dostoevskogo v vospriatii mitropolita Antoniia Surozhskogo" ["Fyodor Dostoevsky's Theology according to Metropolitan Anthony of Surozh"]. *Taina prisutstviia: Bog v mire i cheloveke: IX Mezhdunarodnaia konferentsiia po naslediiu mitropolita Antonii Surozhskogo 22–24 sentiabria 2023 goda* [*The Mistery of Presence: God in the World and in Man: 9th International Conference on the Heritage of Metropolitan Anthony of Surozh. 22–24 Sept. 2023*]. Moscow, Fund "Mitropolitan Anthony of Surozh's Heritage" Publ., 2024, pp. 116–149. (In Russ.)

21. "'Russkaia mysl'": Istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA, 22 dekabria 2006 goda" ["'Russian Thought': Historical and Methodological Seminary at RKhGA, 22 Dec. 2006"]. *Russkaia khristianskaia gumanitarnaia akademiia im. F.M. Dostoevskogo*. Available at: https://np.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/goricheva.pdf (Accessed 05 Oct. 2025). (In Russ.)

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Памяти Татьяны Михайловны Горичевой (1947–2025) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 468–483. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-468-483

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

For citation: Podosokorsky, N.N. "In Memory of Tatiana Mikhailovna Goricheva (1947–2025)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal,* no. 4 (32), 2025, pp. 468–483. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-468-483

Статья поступила в редакцию: 05.10.2025
Одобрена после рецензирования: 18.10.2025
Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 05 Oct. 2025
Approved after reviewing: 18 Oct. 2025
Date of publication: 25 Dec. 2025

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Филологический журнал

2025 № 4

Основан в 2018 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72614
от 04.04.2018
ISSN 2619-0311 (Print)
ISSN 2712-8512 (Online)

Адрес редакции:
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской Академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Компьютерная верстка: А.Б. Башкова
Дизайн обложки: Д.В. Тихомолова

16+

Подписано в печать 15.12.2025
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 30,25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н